

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1879.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1879.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 9 апрѣля 1879 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОЛОССАЕМЪ.

Въ слѣдующихъ четырехъ стихахъ Апостоль ведетъ рѣчь о своемъ служеніи благовѣстія язычникамъ, именно ст. 25 — 26 о своемъ призваніи къ сему служенію, и ст. 28—29 объ исполненіи его.

66.

Гл. 1. Ст. 25. *Ейже быхъ азъ служителъ по смотрѣнію Божію, данному мнѣ въ васъ исполнити слово Божіе.*

Ейже—Церкви Божіей, за которую, по любви къ Господу и дѣлу Его, столько страдалъ и такія несъ лишенія. *Быхъ*—сдѣланъ, поставленъ *служителемъ*. Прежде говорилъ, что поставленъ служителемъ благовѣстія, а здѣсь говоритъ, что поставленъ служителемъ Церкви. Сначала не было Церкви; были только избраны и снабжены всѣмъ нужнымъ соорудители ея; снабжены же словомъ благовѣстія и благодатію: *шедше научите—крестяще*. Благовѣстіе собирало матеріаль для построенія Церкви, а благодать обдѣлывала сей матеріаль, приспособляла къ зданію Церкви, и полагала на свое мѣсто въ самомъ зданіи. За тѣмъ образовавшуюся уже Церковь благовѣстіе—освѣжало, оживляло и укрѣпляло. Такимъ образомъ служеніе Церкви безъ служенія благовѣстію не было и не бываетъ. Почему и здѣсь говоритъ св. Павелъ, что онъ поставленъ служителемъ Церкви — *исполнити*

слово Божіе,— въ семъ исполненіи полагая главное дѣло своего служенія. «Мнѣ, говоритъ, спасеніе Церкви поручено и ввѣрено служеніе проповѣди, чтобы всѣхъ васъ исполнить божественнаго ученія» (Θεοδ.). Другіе наши толковники дѣлаютъ при семъ такое наведеніе: Я служитель, и самъ собою ничего не дѣлаю, но исполняю, что повелѣно не человѣкомъ, а Богомъ. Почему вы безпрекословно должны слушаться поставленнаго Богомъ служителя. Зачѣмъ же вводите вы тутъ ангеловъ?—объ этомъ я не давалъ вамъ заповѣди (св. Злат., Θεοφ., Экум.).

По смотрѣнію Божію данному мнѣ въ васъ.—*По смотрѣнію*,—*κατα την οικονομίαν*,—по экономіи Божіей, по домостроительству Божію. Домъ Божій есть св. Церковь. Дому сего Владыка есть Христось Господь съ Богомъ Отцемъ и Духомъ святымъ. Домоправители приставники—святые Апостолы. Каждому изъ нихъ дано свое дѣло; дано свое дѣло и св. Павлу. «Вознесшись на небо, Господь насъ оставилъ преемниками служенія въ дѣлѣ домостроительства Церкви» (Св. Злат., Экум., Θεοφ.). Объ этомъ распредѣленіи служеній по домостроительству Церкви и говоритъ здѣсь Апостоль. Что именно ему поручено, это указываетъ онъ въ слѣдъ за симъ: *исполнити слово Божіе въ васъ*, т.-е. язычникахъ. При этомъ какъ у Апостола, такъ и у читающихъ, знавшихъ его, не могло не воспроизвестись въ памяти и то, какъ это ему поручено: чтò въ настоящемъ случаѣ было столь важно, что нельзя не предположить, что Апостоль намѣренно упомянулъ объ особенномъ распоряженіи Божіемъ относительно его. Я вашъ Апостоль, по Божію смотрѣнію: зачѣмъ же вы подпускаете къ себѣ другихъ?—Такое напоминаніе объ особомъ избраніи Апостола оживляло убѣжденіе въ истинѣ его проповѣди, и еще болѣе сильнымъ дѣлало это: зачѣмъ?—Такое наведеніе при семъ дѣлаетъ св. Златоустъ, а за нимъ и другіе—наши.

Слово Божіе — слово о спасеніи въ Господѣ Иисусѣ Христѣ.—*Исполнити*—исполнить или до конца довести

дѣло проповѣди о семъ спасеніи, или исполнить ею всю вселенную, какъ Апостолу языковъ, коими была полна вся вселенная. Соединяя слово—*исполнити* съ словомъ—*по смотрѣнію*, получимъ наведеніе, что Апостоль хотѣлъ внушить: если это по смотрѣнію Божію, то вѣдайте, что только благодатию Божіею, какъ я довольнымъ являюсь къ тому, чтобы просвѣщать васъ словомъ, такъ и вы—способными воспринять сіе просвѣщеніе. Безъ сей благодати ни я не могъ бы убѣдить васъ—столь омраченныхъ и въ такое невѣдѣніе погруженныхъ, ни вы не могли бы принять столь высокіе догматы. Не Павловой и не вѣщей силы это дѣло, а Божіей,—Божія смотрѣнія (св. Злат., Теоф.).—*Въ васъ*—въ такомъ сочетаніи поставлено у Апостола, что его можно относить и къ данному *въ васъ* служенію, и къ *исполнити слово Божіе въ васъ*. Мысль одна, куда ни отнестъ сіе слово: ибо и служеніе данное въ нихъ, есть исполненіе слова Божія,—и исполненіе въ нихъ слова есть совершеніе даннаго служенія.

Пространство же слова: *въ васъ* такое: или въ васъ—всѣхъ языкахъ, или *въ васъ* Колоссянахъ, яко единыхъ отъ языкъ. Можно не напрягаться установить одно опредѣленіе; потому что не въ этомъ дѣло, а мысль и та и другая умѣстна. Бл. Теодоритъ и здѣсь не пропускаетъ случая сдѣлать наведеніе, что Апостоль самъ видѣлъ Колоссянъ: «явствуетъ отсюда, что видѣвъ ихъ, написалъ посланіе». Но подъ словомъ: *въ васъ* бл. Теодоритъ разумѣетъ не однихъ Колоссянъ, а вѣрныхъ въ цѣлой вселенной.

Ст. 26. *Тайну сокровенную отъ вѣкъ и отъ родовъ, нынѣ же явися святымъ Его.*

Поясняетъ, что означаетъ слово Божіе, которое поручено было ему исполнить—означаетъ *тайну, сокровенную*, и проч. Постросніе рѣчи требуетъ прибавить мѣстоименіе: который, или послѣ — *тайну*, или предъ—*нынѣ*. Лучше первое. Будетъ: *тайну, которая была со-*

крыта отъ вѣкъ и отъ родовъ, нынѣ же явися святымъ. Или, если не прибавлять: который, надо—*явися* измѣнить въ—*явльшуюся*; чтобъ было: *нынѣ же явльшуюся*. Тайна сія есть спасеніе рода человѣческаго въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. Тайна сія была сокрыта въ Богѣ предвѣчно и положена вмѣстѣ съ совѣтомъ Божиимъ о сотвореніи міра. Но Апостоль говоритъ не о сей сокровенности, хотя косвенно и ее можно доразумѣвать, но о сокровенности отъ вѣка и отъ родовъ, т.-е. какъ начались вѣка и роды, она все была сокрыта;—если пойдешь мыслию назадъ, то пройдеши всѣ роды и всѣ времена и вѣки, и нигдѣ не найдешь, чтобъ она была кому-либо вѣдома. Одинъ Богъ ее зналъ, изъ прочихъ же существъ, способныхъ познавать, то-есть разумныхъ тварей, никто не зналъ ее. Но какъ же никто не зналъ? Вѣдѣніе о ней начало быть открываемо съ самаго паденія и потомъ все болѣе и болѣе она раскрываема была?—Была открываема, и все же оставалась прикровенною. По намѣреніямъ Божиимъ не слѣдовало открывать ее въ такой опредѣленности, въ какой она явилась въ исполненіи. Она оставалась лишь чаяніемъ чего-то великаго, безъ ясновидѣнія. И это лишь въ малѣйшей части рода человѣческаго, въ народѣ Іудейскомъ. Что касается до другихъ народовъ, то у нихъ и этого не было. Но кажется, св. Павелъ разумѣетъ здѣсь ту особенно сторону сей тайны, которою касалась она язычниковъ, какъ подаетъ о семъ мысль послѣдующая рѣчь (*—тайны сея во языцехъ*). Предсказанія объ Избавителѣ грядущемъ какъ были изрекаемы въ уши народа Іудейскаго, такъ были и имъ присвоены лишь себѣ. Предказывалось участіе въ семъ избавленіи и языковъ; но не было опредѣленно видно, какъ сіе совершится. Почему могло думаться и думалось, что имъ нельзя иначе сподобиться сего блага, какъ прошедши чрезъ Іудейство. Чтобъ языки могли прямо, безъ всего, даже безъ обрѣзанія, сдѣлаться участниками его, это было невмѣстимо ни для какого человѣческаго ума. Эта часть тайны была

рѣшительно сокровенна и никому въ умъ не приходила дотолѣ, пока не явилаеь въ своей дѣйствительности. *Нынѣ же явися святымъ Ею.* Дѣйствительное явленіе тайны предшествовало ея уразумѣнію. И послѣ того не всѣ уразумѣли ее, а только святые, и тѣ не сами собою, а по особому откровенію: *явися*, — εφανερωθη, стало явно, или явно открыто. Въ Дѣянїяхъ сказывается, какъ сіе совершилось, въ исторїи объ обращенїи Корнилія. Св. Златоустъ говоритъ: *«явися; слѣдовательно и это есть дѣло домостроительства Божїя. Явися святымъ. Если однимъ только святымъ, то значить еще и нынѣ она сокрыта (для многихъ).»*

Ст. 27. *Имже восхотѣ Богъ сказати, кое богатство славы тайны сѣя во языцехъ, иже есть Христосъ въ васъ, упованїе славы.*

Имже восхотѣ Богъ сказати. Подается мысль, что и изъ святыхъ тайна сія не всѣмъ открыта, а только тѣмъ изъ нихъ, которымъ восхотѣлъ открыть Богъ. Бл. Теофілактъ пишетъ: *«чтобъ ты не спрашивалъ, чего ради святымъ только открыта тайна, и то не всѣмъ, Апостоль присказалъ: Имже восхотѣ Богъ. Хотѣніе же Божїе всегда высочайше премудро.—Могъ бы, конечно, Апостоль сказать: достойнымъ, но не сказалъ, желая научить смиренїю тѣхъ, кои сподобились сего, чтобъ они, зная, что получили откровенїе по благословенїю Божїю или благодати, смиренно о себѣ мудрствовали и не высоко, будто получившіе по достоинству».* Святыми у Апостола называются всѣ христіане. Дѣло показало, что не всѣ христіане, въ началѣ бывшіе исключительно изъ Иудеевъ, понимали тайну сію, даже послѣ того, какъ Богъ самъ особымъ своимъ дѣйствїемъ ввелъ въ Церковь чрезъ Апостола Петра цѣлое семейство языческое. Послѣ сего уже начали прозрѣвать въ нее способные, сначала конечно Апостолы, а потомъ и прочїе вѣрующїе. Въ слѣдъ за симъ воздвигнуть и Апостоль языковъ,—и тайна стала почти общеизвѣстною. Бл. Теодоритъ пи-

шетъ: «*Тайною* назвалъ Апостоль проповѣдь о домостроительствѣ, какъ древле для всѣхъ неизвѣстную и вѣдомую одному Богу. И вотъ это, говоритъ Апостоль, что сокрыто было отъ прежнихъ родовъ, нынѣ явилъ Богъ святымъ, имже восхотѣ, т.-е. Апостоламъ, а чрезъ нихъ и увѣровавшимъ. И симъ показываетъ, что прежде закона и прежде устройства міра Богъ всяческихъ предопредѣлилъ сіе домостроительство, а намъ святымъ, продолжаетъ Апостоль, сдѣлалъ извѣстнымъ».

Кое богатство славы тайны сея во языцехъ. «Преблаголѣпно выразилъ Апостоль свою мысль, и желая показать весь вѣсъ усвоенія домостроительства спасенія и язычникамъ, отъ преизбѣтка чувства приписываетъ поясненія къ поясненіямъ» (Св. Злат.). Коль богата и преизобильна слава тайны или домостроительства спасенія, когда посмотришь на нее въ приложеніи ея къ язычникамъ! Надобно стать на точку зрѣнія, съ какой тогда смотрѣли на язычниковъ Іудеи,—отъ каковой не отступалъ и св. Павелъ,—и потѣмъ представить, каковыми становились они, дѣлаясь христіанами,—чтобъ приблизиться къ мысли Апостола. Это дѣлаетъ св. Златоустъ: «И въ другихъ является великая слава тайны сея (т.-е. спасенія въ Господѣ Исусѣ Христѣ); но въ нихъ (язычникахъ) гораздо болѣе. Ибо людей болѣе бѣзчувственныхъ, чѣмъ камни, вдругъ возвести къ достоинству ангеловъ, единственно посредствомъ бѣзъискусственныхъ словъ и одной вѣры, безъ всякаго труда,—это дѣйствительно слава и богатство тайны, подобно тому, какъ еслибы кто нибудь пса, издыхающаго отъ голода и паршей, гнусаго и отвратительнаго, уже не могущаго двигаться и заброшеннаго, вдругъ сдѣлалъ человѣкомъ и показалъ на царскомъ престолѣ. Смотри: они поклонялись камнямъ и землѣ, были плѣнниками и узниками діавола,—и вдругъ наступили на главу его, господствовали надъ нимъ и бичевали его. Слуги и рабы демоновъ сдѣлались тѣломъ Господа ангеловъ и архангеловъ. Не знавшіе даже, что

есть Богъ, вдругъ стали сопредстольниками Бога. Хочешь видѣть безчисленныя ступени, которыя они перешагнули? Нужно было имъ вопервыхъ познать, что камни не боги, вовторыхъ, что не только они не боги, но что ни земля, ни животныя, ни растенія ни человѣкъ, ни небо или что выше неба, также не есть Богъ; въ третьихъ, что ни камнямъ, ни животнымъ, ни растеніямъ, ни стихіямъ, ни горнему, ни дольному, ни человѣку, ни демонамъ, ни ангеламъ, ни архангеламъ, ни другой какой-либо изъ тѣхъ высшихъ силъ не должна поклоняться человѣческая природа. Какъбы черпая изъ нѣкоей глубины, имъ надлежало познать, что Господь всего — Той есть Богъ, что Ему одному должно служить, что дивное устройство жизни есть благо, что настоящая смерть не есть смерть, а настоящая жизнь—не жизнь, что тѣло возстанетъ, сдѣлается безсмертнымъ,—и человѣкъ водворится съ ангелами. Человѣка, стоявшаго такъ низко, послѣ того, какъ онъ перескочилъ всѣ эти ступени, Иисусъ Христосъ посадилъ на небесахъ, на тронѣ. Того, который былъ ниже камней, поставилъ выше ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, господствъ. Дѣйствиительно хорошо сказалъ: *кое богатство тайны сея?* Дѣло подобно тому, какъ еслибы кто нибудь глупаго вдругъ сдѣлалъ философомъ. А лучше сказать: что ни говори, не объяснишь какъ должно мысли Апостола».

Иже есть Христосъ въ васъ.—*Иже*—стоитъ вмѣсто—*еже*, что допускаетъ строй греческой рѣчи. *Еже*—т.-е. *богатство славы тайны сея, — есть Христосъ въ васъ.* Какъ будто хотѣлъ сказать: нѣтъ нужды размножать словъ: довольно сказать: *Христосъ въ васъ.* Ибо если Онъ въ васъ, то съ Нимъ и несчетныя блага, въ Немъ роду человѣческому дарованныя, всѣ тѣ суть въ васъ. Однимъ словомъ сказать—*Христосъ въ васъ.* Или такъ: все сіе богатство славы тайны сея состоитъ, или видно, въ томъ, что Христосъ въ васъ. *Христосъ въ васъ* съ благами своими. Это вы испытываете и на дѣлѣ видите, сколь велико

и славно благо сіе. Вотъ это и есть *благство славы тайны сѣя*. «Объясняя, что такое—*богатство*, и что такое—*тайна*, говоритъ: *Христосъ въ васъ*, т.-е. то, что вы познали Христа и Онъ есть въ васъ» (Θεοφ.).

Христосъ въ васъ—*упованіе славы*. «*Упованіемъ славы* Апостоль назвалъ славу ожидаемую» (Θεод.). «Ибо чрезъ Него надѣмся мы улучшить вѣчную славу. Упованіе наше преславное и непостыдное есть Христосъ Господь» (Θεοφ.). Апостоль внушаетъ: слава, явленная на васъ чрезъ то, что вы сдѣланы причастниками домостроительства спасенія въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, всеконечно есть великая, богатая и преизобильная; но она есть только начатокъ славы. Настоящая слава въ полномъ ея блескѣ и великолѣпіи ожидается въ будущемъ. Ручательство же въ томъ, что она дѣйствительно откроется, и что вы и ея будете причастниками, есть то, что *Христосъ въ васъ*.

вв.)

Ст. 28. *Егоже мы проповѣдуемъ, наказующе всякаго челоуѣка, и учаще всякой премудрости, да представимъ всякаго челоуѣка совершенна о Христѣ Иисусѣ.*

Егоже, т.-е. Христа Господа,—«Того, кто выше всѣхъ, кто господствуетъ надъ ангелами и имѣетъ власть надъ прочими силами, низшелъ долу, содѣлался челоуѣкомъ, претерпѣлъ безчисленныя мученія, воскресъ и вознесся,—вотъ кого мы проповѣдуемъ, пріявъ Его свыше» (Свят. Злат.). *Проповѣдуемъ*,—*καταγγελλομεν*,—долу возвѣщаемъ Сѣдящаго горѣ одесную Отца во славѣ и надъ всѣмъ властвующаго, «какъбы низводя Его съ высоты» (Θεοφ., Экум.). Мы апостолы—истинные учителя вселенной, Богомъ и Господомъ Иисусомъ Христомъ поставленные, благодатію Духа святаго снабженные и посланные во всю землю. Другой истинной проповѣди на землѣ нѣтъ, кромѣ той, которую мы проповѣдуемъ. Такое внушеніе очень нужно было для Колоссянъ.

Наказующе и учаще, *νομιθευοντες και διδασκοντες*. Этими

или означаются приемы учительские, по коимъ сначала разъясняютъ (διδασκ.) истину, а потомъ убѣждаютъ въ ней, въ умъ и сердце влагаютъ (νοοθετ.); не останавливаются на одномъ указаніи истины, но склоняютъ къ ней, и покоряютъ ей. Что послѣднее стоитъ на первомъ мѣстѣ, это можно объяснять или важностію сего дѣла, или тѣмъ, что показаніе порядка сихъ двухъ занятій ученія Апостоль считалъ дѣломъ безразличнымъ: ибо ниже—3, 16, слова сии стоятъ у него въ обратномъ порядкѣ. — Или можетъ быть слова сии показываютъ порядокъ приведенія ко Христу: сначала посредствомъ вразумленія (νοοθετ) приводятъ въ чувство страха Божія и раскаянія предъ Богомъ, и потомъ посредствомъ наученія (διδασκ.) указываютъ образъ примиренія съ Богомъ чрезъ вѣру въ Господа, Искупителя и Спасителя. Или наконецъ, «подъ наказующе можешь разумѣть уроки дѣятельной жизни, а подъ учаще—истолкованіе догматовъ» (Θеоф.).

Всякой премудрости,—ἐν πάσῃ σοφίᾳ. Такъ читаютъ всѣ наши толковники и разумѣютъ подъ симъ не предметъ наказанія и наученія, а способъ: со всякою премудростію. Св. Златоустъ говоритъ: «во всякой премудрости, т.-е. со всякою премудростію и разумомъ, или—все говоря въ премудрости. Здѣсь нужна вся премудрость; ибо познать это не всякій можетъ». Экуменій взываетъ: «не требуется ли крайняя мудрость для того, чтобъ убѣдить звѣронравные языки?» Бл. Теофилактъ прибавляетъ къ сему и еще нѣчто: «чтобъ съ успѣхомъ научить сему, нужна всякая премудрость, заимствуя потребное то изъ Писаній, то изъ разума, то изъ Еллинскихъ писателей: какъ сдѣлалъ св. Павелъ въ Аѳинахъ». Апостоль о себѣ засвидѣтельствовалъ, что онъ для всѣхъ былъ все, чтобы кого можно спасти проповѣдію своею. И степень образованія, и нравъ, и внѣшнія обстоятельства приемлющихъ ученіе требуютъ особаго вниманія. Умѣть всѣмъ пользоваться для успѣха наученія и есть мудрость учащаго.

Да представимъ всякаго чловѣка совершенна о Христѣ Иисусѣ.—*Всякаго чловѣка*,—это уже въ третій разъ говорится: ибо и послѣ *учаще* тоже стоитъ—*всякаго чловѣка*. Такъ и всѣ наши толковники читають. Вѣрно Апостоль чувствовалъ нужду на это болѣе направить вниманіе Колоссянъ, внушая, что ни для кого изъ людей не назначено ни другихъ кромѣ насъ учителей, ни другаго ученія. Мы одни для всѣхъ учителя, и одно для всѣхъ поручено намъ ученіе, которое и стараемся мы передать всякому, наказующе всякаго и учаще всякаго, чтобъ представить всякаго совершеннымъ во Христѣ Иисусѣ. Или, можетъ быть, св. Павелъ хотѣлъ выразить широту и стремительность любви своей къ людямъ и спасенію ихъ. «Ненасытима была святая душа его и желала всякаго чловѣка привести ко Христу» (Экуменій). «Что ты говоришь—*всякаго чловѣка*? Да, говорить, мы объ этомъ заботимся. Если это не исполнится, не наша вина. Божественный Павелъ старался сдѣлать совершеннымъ всякаго» (св. Злат., Теоф.).

Да представимъ всякаго чловѣка совершеннымъ—цѣль наказанія и наученія со всякою премудростію. Что значитъ *представить*? Учитель имѣеть въ виду представить на экзаменахъ своихъ учениковъ благоуспѣшными; но прежде того всячески заботится подготовить ихъ къ тому. Тоже и у Апостоловъ. И они имѣли въ виду представить всякаго чловѣка совершеннымъ предъ лицемъ Бога на судѣ; но прежде того вся забота ихъ была обращена на то, чтобы сдѣлать всякаго чловѣка таковымъ. То дальнѣйшая цѣль, а это ближайшая. И болѣе вѣроятно, что Апостоль говоря: *да представимъ*, разумѣлъ: да содѣлаемъ. На эту ближайшую цѣль обращены были всѣ труды ихъ наказанія и наученія со всею мудростію; а та—дальнѣйшая, по достиженіи сей ближайшей, достигалась уже сама собою.

Что есть совершенство чловѣка во Христѣ Иисусѣ? Кто сознавъ свою безотвѣтную виновность предъ Богомъ,

покаялся и прибѣгнувши вѣрою къ Господу Исусу, какъ единому Спасителю, прилѣпился къ Нему вседушно, положивъ ходить въ заповѣдяхъ Его неуклонно, потомъ освятившись благодатію чрезъ таинства, дѣйствительно течеть симъ путемъ, преуспѣвая во всякомъ дѣлѣ благомъ, всю однакожь надежду спасенія полагая и при семъ въ единомъ Господѣ; тотъ стоитъ на вѣрномъ и надежномъ пути къ истинному совершенству о Христѣ Исусѣ, и если не сойдетъ съ него, то несомнѣнно достигнетъ возможной для него степени совершенства. Вотъ о семъ и была вся забота у Апостоловъ, чтобъ, преподавъ всякому истинное ученіе о спасеніи въ Господѣ Исусѣ, отклонить его отъ грѣха и страстей, воодушевить на жизнь чистую и святую, и вооруживъ благодатію Духа святаго, дѣйствительно направить на такую жизнь и потомъ держать въ ней. Такимъ образомъ — совершенъ о Христѣ Исусѣ, кто и вѣруетъ право и живетъ по вѣрѣ неукоризненно, въ Господѣ полагая все свое спасеніе и любовь къ Нему горя.

Ст. 29. *Въ немже и труждаюся и подвизаюся по дѣйству Его, дѣйствуемому во мнѣ силою.*

То говорилъ Апостоль о себѣ наряду съ другими Апостолами, а теперь о себѣ одномъ, показывая, какъ относится къ общему Апостольскому дѣлу—посредствомъ наказанія и наученія представлять всякаго человѣка совершеннымъ о Христѣ Исусѣ.—Какъ же?—*Въ немже и труждаюся*,—*εἰς ο*,—на это именно и мои труды направлены и труды не какіе нибудь, а усиленные, сопровождаемые борьбою и подвигомъ. «Не просто стараюсь, говорить, не какъ случилось; но *труждаюся*—*ἀγωνίζομενος*, *подвизаяся*, т.-е. со всякимъ тщаніемъ, со всякою бдительностію» (св. Злат.), «со всякаго рода подвигами» (Θεοφ.), «борясь со врагами видимыми и невидимыми» (Экум.). Подвигъ предполагаетъ и всякое внутреннее усиліе—заботы, молитвы, попеченія, и всякое внѣшнее бореніе и препобѣжденіе препятствій и въ пріемлющихъ ученіе, и въ противникахъ его. «Сло-

вомъ: *подвизаюся*, Апостоль показаль, что противъ него воюють многіе» (св. Злат.) Но, говорить, «вспомоществуемый благодатию Божіею, всякій трудъ и подвигъ пріемлю на себя охотно, чтобы ученіемъ проповѣди всѣхъ людей сдѣлать совершенными» (Θεод.).

По дѣйствию Его, дѣйствуемому во мнѣ. Κατα την ενεργειαν ενεργουμενην,— по Его воздѣйствию, дѣйствующему во мнѣ. Онъ возбуждаетъ, Онъ руководить, Онъ укрѣпляетъ и всякое дѣло до конца доводитъ. Онъ есть дѣйствующій во мнѣ; я только орудіе. Онъ воздѣйствуетъ; я только не упираю ногами, и ни отъ какого труда и подвига не отказываюсь, къ которому Онъ меня возбуждаетъ и наводитъ. «Показываетъ Апостоль, что все у него есть дѣло Божіе; и это не по смиренію только, но по истинѣ» (св. Злат.). Сказавши: *труждаюся и подвизаюся*, весь свой трудъ и подвигъ возводитъ ко Христу, говоря какъбы: не мое это дѣло. Дѣлающій меня сильнымъ и довольнымъ къ такимъ трудамъ и борьбамъ съ противниками, Христосъ есть, подающій мнѣ дѣйственную силу.

Силою, εν δυναμει, сильно,—не для Апостола только ощутимо, но и для всѣхъ видимо. Если содѣйствіе Господне не ограничивалось однимъ внутреннимъ въ Апостолѣ дѣйствіемъ, но обнаруживалось и вовнѣ, такъ какъ и подвиги подлежали виѣшніе; то нѣтъ основанія не допустить, что словомъ *εν δυναμει* указывается и на чудодѣйственную силу, всюду сопровождавшую проповѣдь апостольскую, и проявлявшуюся въ знаменіяхъ, какъ только того требовала нужда. Амвросіастъ пишетъ: «подвигъ борьбы съ врагами благовѣстія я велъ, говорить, спомоществуемый силою знаменій. Ибо кто дерзаль противорѣчить ученію словесному, по внушенію хитроумнаго діавола, тотъ со стыдомъ долженъ былъ уступать силѣ знаменій».

Послѣдній стихъ о трудахъ и подвигахъ Апостола по дѣлу наученія и возведенія вѣрующихъ къ совершенству служитъ переходомъ къ вразумленію Колоссянъ.

в.)

Предостереженіе Колоссянъ отъ лжеученій.

Въ этомъ предостереженіи Апостоль сначала дѣлаеть аа.) подступъ къ нему, потомъ предлагаетъ бб.) общее предостереженіе отъ всякаго философствованія инаго отъ ученія вѣры, и наконецъ вв.) указываетъ опредѣленныя заблужденія, которыхъ должно чуждаться.

аа.)

Подступая къ предостереженію Колоссянъ, Апостоль, послѣ α.) изъясненія заботы своей о нихъ и сосѣдяхъ ихъ, гл. 2, ст. 7. 1—3, указываетъ β.) на доброе состояніе ихъ по вѣрѣ и жизни, которому однакъ грозитъ опасность отъ словопрителей,—4. 5; почему внушаетъ γ.) быть твердыми и не измѣнять принятаго.

α.)

Гл. 2. ст. 1. *Хочу убо васъ видѣти, коликъ подвигъ имамъ о васъ и о сущихъ въ Лаодикии, и во Иераполи, и елицы не видѣша лица моего во плоти.*

Предъ симъ поминаль о трудахъ и подвигахъ своихъ вообще о всякомъ вѣрующемъ. Теперь изъясляетъ, что тоже самое имѣеть и въ отношеніи къ нимъ: чѣмъ свидѣтельствуеть свою къ нимъ любовь, чтобъ расположить съ покорностію и вниманіемъ выслушать спасительныя, но нѣсколько и укорныя внушенія и вразумленія.

Хочу васъ видѣти,—обычный Апостолу оборотъ рѣчи, какъ и другой: *не хочу васъ не видѣти.* Хочу, чтобъ вы знали. Это не тоже, что холодное—извѣщаю; но вѣражаетъ потребность любящаго сердца, чтобъ любимый не сомнѣвался, что благо его оно считаетъ собственнымъ и заботится о немъ искренно. «Желательно мнѣ увѣрить васъ» (Θеодор.). *Колікъ подвигъ имамъ,*—какую имѣю заботу, какое попеченіе и болѣзнованіе сердечное, съ готовностію подъять ради васъ всякаго рода труды. «Великую сначала показываетъ къ нимъ любовь, чтобъ благосклоннѣе была принята послѣдующая рѣчь» (Θеофил.) Но такое слово

могло отозваться горечью въ сердцѣхъ отъ мысли: если болитъ о насъ сердцемъ, значитъ опасается за насъ. Чтобы отвѣсть этотъ ударъ, Апостоль присоединяетъ къ нимъ Лаодикійцевъ, Иерапольцевъ, и другихъ. «Чтобъ не показалось, что причиною такого болѣзнованія ихъ немощи (м. б. ихъ однихъ), онъ присовокупилъ и другихъ» (св. Злат.). Онъ хотѣлъ сказать: «какая великая у меня забота и о васъ и о Лаодикійцахъ, и не только о васъ и Лаодикійцахъ, но и о всѣхъ, даже не видѣвшихъ еще меня» (Θεοδ.). *И во Иераполи*—не читаютъ всѣ наши толковники. Словомъ—*во плоти*, Апостоль не имѣлъ въ мысли показать что-либо особенное, а лишь выразительнѣе представить, что лично не видѣли его. Изъ этого мѣста не слѣдуетъ непременно, что и Колоссяне съ Лаодикійцами не видѣли лично Апостола, какъ поминалось во введеніи.

Ст. 2. *Да утѣшатся сердца ихъ, снемшихся въ любви, и во всякомъ богатствѣ извѣщенія разума въ познаніе Бога и Отца и Христа.*

О чемъ забота? *да утѣшатся сердца ихъ.*—*Ихъ*, по ходу рѣчи, надо принимать въ смыслѣ—ваши. Говорятъ, что еврейскій языкъ это допускаетъ. Апостоль воспользовался тѣмъ, потому что ему нужно было поддержать нѣсколько вниманіе Колоссянъ на неопредѣленности указанія, чему очень способствуетъ здѣсь: *ихъ*. Но въ чемъ *да утѣшатся*? Ни о какомъ горѣ нѣтъ помина въ посланіи. Но была опасность разойтись въ убѣжденіяхъ, что не могло не нарушить взаимнаго мира и не лишить сердца спокойствія, подаемаго полнымъ во всемъ согласіемъ. Почему говоря: *да утѣшатся сердца ваша*, Апостоль могъ имѣть въ намѣреніи выразить желаніе, чтобъ сердца ихъ всегда пребывали въ утѣшительномъ состояніи, всегда вкушали утѣшеніе,—подразумѣвая то утѣшеніе, которое исходитъ отъ единомыслия, какъ показываетъ слѣдующая за симъ рѣчь.

Снемшихся, συνβιβασατες. Это слово греческое употребляется, когда разладившіе опять улаживаютъ между собою дѣло и возстановляютъ согласіе. *Снемшихся*—будетъ—

сладившись, или уладивши между собою, въ чемъ разладили,—*ἐν ἀγάπῃ*, любовно. Но это подало бы мысль, будто между ними уже произошелъ разладъ, а объ этомъ и въ посланіи нѣтъ намека, и въ началѣ, гдѣ благосклонность снискивается, говорить объ этомъ не могъ св. Павелъ. Почему, оставляя за симъ словомъ тоже значеніе слаживанія, мысль съ нимъ, какъ и съ—*да утѣшатся*, слѣдуетъ соединять такую: да пребываете въ утѣшеніи, пребывая въ слаженіи, подразумѣвая ладъ единомыслія; *ἐν ἀγάπῃ*—въ слаженіи любовномъ или любовномъ. У Апостола забота не о любви, а о единомысліи. Такимъ образомъ Апостоль, не укоряя ихъ въ разладѣ, сильный даетъ намекъ о возможности его и ясно выражаетъ свое благое для нихъ желаніе, чтобъ сего не случилось, и тѣмъ уже даетъ, въ духѣ отеческой любви, сокровенное предостереженіе. Блаженный Теофилактъ пишетъ: «вотъ уже касается и догмата; но ни осуждаетъ ихъ, ни вполне освобождаетъ ихъ отъ обвиненія (эти слова изъ св. Златоуста). *Подвигъ*, говорить, *имѣю*. Чего достигнуть желая? Чтобъ они не разно мудрствовали, а слажены были и объединены всѣ въ единомъ вѣрованіи. Какъ? Не по принужденію какому, но любовно. Сказалъ же это Апостоль, потому что несогласныя съ вѣрою мудрованія обыкновенно производятъ и раздѣленія».

Въ чемъ слажены пребывая любовно? *Во всякомъ богатствѣ извѣщенія разума*.—*Извѣщенія*, *πληροφορίας*, убѣжденія; *разума*, *συνεσεως*,—сознанія, совѣсти. Будетъ: слажены пребывая въ сознательномъ, добросовѣстномъ, разумномъ убѣжденіи, и не просто въ какомъ-либо убѣжденіи, а въ убѣжденіи богатномъ, сильномъ, всеобъемлющемъ. Желая, чтобъ васъ всѣхъ преисполняло всякое богатство разумнаго убѣжденія,—въ единомъ,—и тѣмъ слаживало васъ. Св. Златоустъ говоритъ: «Апостоль желаетъ, чтобъ они ни въ чемъ не сомнѣвались, чтобы во всемъ были убѣждены. Онъ говоритъ о томъ убѣжденіи, которое происходитъ отъ вѣры. Бываетъ убѣжденіе и въ слѣд-

ствіе умозаключеній; но оно не имѣеть никакой цѣны. Я знаю, говорить, что вы вѣруете; но хочу, чтобъ вы были убѣждены, и убѣждены богато, убѣждены и во всемъ и твердо. Вы знаете, какъ я забочусь о томъ, чтобъ вы были убѣждены разумно, а не безотчетно.

Относительно чего же желаетъ онъ слаженными имъ быть въ убѣжденіяхъ? Относительно познанія тайнства вѣры. *Въ познаніе тайны Бога и Отца и Христа.* Какая тайна Бога Отца и Христа? Тайна спасенія нашего въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, устроеннаго по благоволенію Бога Отца. «Апостоль показаль сими словами, что тайна домостроительства есть дѣло общее Отцу и Сыну» (Ѳеод.). Существо же домостроительства въ томъ, что «къ Богу и Отцу приведеніе мы имѣемъ только чрезъ Сына, Господа Иисуса Христа» (Экум.). Отпали мы отъ Бога и Отца, и приведеніе къ Нему не иначе можетъ имѣть какъ чрезъ Единороднаго Сына Его, воплотившагося, пострадавшаго, воскресшаго, вознесагося на небеса и чело-вѣчествомъ сѣдящаго одесную Отца. Вотъ какъ открыть намъ снова путь къ Богу! И вотъ въ чемъ тайна домостроительства спасенія нашего! Въ признаніи сего, *εις επιγνωσιν*, сойдитесь вы крѣпкими убѣжденіями, и сошедшись пребывайте слаженными въ семь, не допуская никакого разлада, чтобъ всегда пребывать въ отрадномъ утѣшительномъ состояніи. Таковъ предметъ благожелательнаго попеченія св. Павла о Колоссянахъ.

Ст. 3. *Въ Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна.*

Въ Немже, т.-е. въ Иисусѣ Христѣ. Какъ Богъ, Онъ все знаетъ, подобно Отцу, и «ничего нѣтъ невѣдомаго Ему изъ того, что знаетъ Отецъ» (Экум.).

«Словомъ: *сокровища* показываетъ Апостоль множество (великую цѣну), словомъ *вся*, что Онъ все знаетъ, а словомъ: *сокровенна*, что Онъ одинъ все знаетъ» (св. Злат.). «Онъ одинъ все знаетъ; но эта исключительность только въ отношеніи къ тварямъ разумѣется, а не въ отношеніи

ко святой и преблагословенной Троицѣ» (Экум.). «Нѣчто особенно великое выражаетъ здѣсь Апостоль. *Въ Немъ вся сокровища*. Онъ есть самопремудрость и самовѣдѣніе». (Теоф.). Такъ первая мысль при сихъ словахъ та, что Господь Иисусъ Христосъ, какъ Сынъ Божій и Богъ, Самъ все знаетъ. И это для цѣли Апостола очень пригодно, ибо внушало: «если такъ, то у Него должно просить всего; Онъ даетъ премудрость и знаніе» (Св. Злат.).

Но по ходу рѣчи, кажется, у Апостола и та возможна мысль, что въ познаніи Господа Спасителя вся премудрость и все знаніе. Кто Его познаетъ, какъ Спасителя, тотъ въ этомъ самомъ познаніи стяжетъ всю премудрость и все знаніе. Познаніе же Господа какъ Спасителя есть познаніе домостроительства нашего спасенія въ Немъ и чрезъ Него, или что тоже, познаніе тайны Божіей, о коей поминалось предъ симъ. Въ такомъ случаѣ, *въ нейже, εν ω*, надо будетъ признать относящимся къ *тайны, μυστηριου, Бога*, и *εν ω* перевести: въ нейже,—что греческій языкъ дозволяетъ. Мысль Апостола будетъ: въ познаніи тайны спасенія въ Господѣ Иисусѣ Христѣ вся премудрость и все знаніе или вся разумность. Этимъ внушалось: ничѣмъ такъ не дорожите, и ничего такъ не домогайтесь, какъ познанія сей тайны; когда познаете ее, то, хотя бы вы ничего другаго не знали, вы мудры и разумны и всезнаючи; потому, если кто подойдетъ къ вамъ въ качествѣ премудраго и начнетъ вамъ предлагать мудрость, несогласную съ познаніемъ тайны Божіей о Христѣ Иисусѣ, не слушайте его: не мудрость онъ вамъ предлагаетъ, а нелѣпое мудрованіе. Въ такомъ смыслѣ разумѣте сїи слова Амвросіастъ: «Апостоль желаетъ, чтобы Колоссяне познали таинство Божіе во Христѣ, убѣждаясь, что въ томъ все богатство мудрости и вѣдѣнія, чтобы исповѣдать Христа въ полнотѣ божества достопокланяемымъ. Во Христѣ все сокровенное таинство Божіе. Онъ есть одинъ Спаситель, на Коего, если не возупоаетъ какая плотъ человѣческая, погибнетъ. Кто Его познаетъ, тотъ будетъ имѣть и по-

знаніе всего вѣрное. Почему достойно говорится, что въ Немъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія; такъ что кто Его познаетъ, тому ничего еще не требуется, чтобы признану быть премудрымъ и разумнымъ, какъ познавшему Того, въ Комъ вся премудрость. Какое бы вѣдѣніе ни думалъ кто найти гдѣ-либо, въ Немъ найдетъ ее богато. Для невѣрующихъ непонятно, какъ во Христѣ всякая премудрость и всякое знаніе; потому что они не читаютъ въ Евангеліи астрологіи, ни въ Апостолѣ (книгѣ) геометріи, ни въ пророкахъ ариѳметики и музыки,—за которыми наши (вѣрующіе) того ради не гонятся, что они не принадлежатъ къ спасенію, а скорѣе вводятъ въ заблужденіе и отводятъ отъ Бога: ибо занявшись ими и хитросплетеніями ихъ умозаключеній, забываютъ пещись о душѣ. Какая мудрость вѣрнѣе и истиннѣе, какъ признать, что спасительно, и отвратиться отъ того, что пагубно? Пагубно же то, что препятствуетъ душѣ пещись о своемъ спасеніи. Почему не несправедливо утверждать, что кто Христа позналъ, тотъ обрѣлъ сокровище премудрости и вѣдѣнія: ибо позналъ то, что для него спасительно».

β.)

Изъявивъ такое благорасположеніе и доброжелательство, Апостоль говоритъ затѣмъ: у васъ все хорошо, но боюсь, какъ бы васъ не прельстили хитрословесники.

Ст. 4. *Сіе же глаголю, да никтоже васъ прельститъ въ словопреніи.*

Сіе же, что сіе? Все, что сказалъ. Я высказалъ вамъ мое благожеланіе, чтобы вы всѣ пребывали блаженными крѣпкимъ убѣжденіемъ въ единой истинѣ, въ познаніи тайны спасенія въ Господѣ Исусѣ, потому что въ этомъ вся мудрость; высказалъ же это для того, чтобы предостеречь васъ отъ хитрословесныхъ прельстителей. Боюсь и болѣю душею, какъ бы они васъ не прельстили. Какъ будто умоляетъ ихъ. Такъ блаженный Теодоритъ: «всю эту рѣчь веду съ вами, умоляя васъ, не увлекаться обольстительными словами».

Но паче, *сiе же* относить надо къ непосредственно впереди стоящему, къ тому, что вся премудрость во Христѣ Иисусѣ, или въ познаніи тайны спасенія въ Немъ. Если въ этомъ познаніи вся мудрость, а вы его имѣете; то само собою слѣдуетъ, что нѣтъ никакой нужды принимать иное какое ученіе, какимъ бы краснымъ именемъ оно ни называлось, и какими бы красными словами ни прикрывалось. Съ этою цѣлю, т.-е. чтобъ вы не увлеклись хитрословесіемъ, я и представилъ вамъ, что во Христѣ Иисусѣ вся премудрость, чтобъ вы, убѣждаясь, что уже обладаете премудростію, отвергали всякое иное мудрованіе, не прельщаясь имъ. Такъ св. Златоустъ: «я это, говоритъ, сказалъ вамъ для того, чтобы вы не искали знанія у людей». Такъ блаженный Теофилактъ: «сiе, т.-е. что во Христѣ все вѣдѣніе, сказалъ я для того, чтобы кто не прельстилъ васъ. Что до того, что онъ красно говорить? Напередъ знайте, что если онъ говоритъ не по Христѣ; то онъ говоритъ одни паралогизмы и софизмы».

Прельститъ, παρλογοῖσθαι, чтобъ кто васъ не опаралогизилъ, не опуталъ паралогизмами, т.-е. ложными умозаключеніями, такими, ложь которыхъ прикрыта хитрословесіемъ, и которыя чрезъ такой обманъ вызываютъ убѣжденіе;—въ *словопрении, εν πιδυλογοῖα*, убѣдительными словами, вкрадчивыми. Амвросіастъ пишетъ: «Предостерегаетъ Апостоль, чтобъ бесѣдами съ людьми, не добрыми мудрствующими, хитро прикрывающими неправость свою, не превратился смыслъ ихъ: ибо мудрецы міра сего умѣютъ товкостію сужденій искусно опутывать, какъ сѣтью, умы простыхъ, чтобъ ради вещей мірскихъ отвлечь ихъ отъ упованія, еже о Христѣ Иисусѣ».

Ст. 5. *Аще бо и плотию отстою, но духомъ съ вами есмь, радуясь, и видя вашъ чинъ, въ утверждечіе вашея вѣры, яже во Христа.*

Будто хочетъ отрезвить ихъ умъ авторитетомъ своей апостольской власти: я съ вами. Еслибъ я лично былъ у васъ, позволили ли бы вы себѣ увлекаться пустыми рѣчами

другихъ? Такъ держите всегда въ умѣ, что я съ вами, и не увлечетесь. Держать же сіе въ умѣ не есть мечта, а истина есть: ибо хотя плотію и отстою отъ васъ, но духомъ я всегда съ вами. «Хотя я и отстою плотію, тѣмъ не менѣе знаю обманщиковъ. Онъ поставилъ себя между ними, дабы они боялись его, какъ бы онъ при нихъ находился» (св. Злат.). Амвросіастъ пишетъ: «Апостоль говоритъ, что всегда есть съ ними духомъ, чтобъ всегда держа предъ умными очами ликъ его и благоговѣнствуя предъ нимъ, они отвращались отъ такихъ людей. Ибо если духъ пророка Елисея видѣлъ, какъ Гіезій погнался въ слѣдъ Неемана Сиріанина, чтобъ отъ его имени взять у него обманомъ подарокъ, и какъ Нееманъ поспѣшно сошелъ съ колесницы и далъ ему больше, чѣмъ онъ запросилъ (4 Цар. 5, 26); не тѣмъ ли паче Апостоль могъ духомъ видѣть, о чемъ сказалъ? Въ Апостолахъ была большая благодать, нежели въ пророкахъ.—Далѣе, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе усердными ревнителями евангельской истины, онъ говоритъ, что радуется, видя, какъ у нихъ все хорошо: дабы зная, чѣмъ явились такъ угодными предъ Богомъ, они тверже пребывали въ томъ, и все болѣе и болѣе прилагали сердце къ преспѣванію въ вѣрѣ».

Я съ вами, говоритъ, *и радуюсь*. Чего ради? *Вида вашъ чинъ*, т.-е. благолѣпные порядки жизни и между собою и въ отношеніи ко внѣшнимъ, не христіанамъ, и въ семействахъ, и въ церковныхъ собраніяхъ, и въ душевномъ настроеніи, и во внѣшнемъ поведеніи,—*и утвержденіе, сѣрце мое*, твердость *ваша вѣры, яже во Христа*, вида, т.-е., что и вѣра ваша тверда и не возмущается ничѣмъ отъ сопротивныхъ. Какая высокая похвала! Ее не даромъ высказалъ Апостоль. Это второе оружіе противъ прельстителей: себя пожалѣйте. Такъ у васъ все хорошо теперь. Но уже не будетъ такъ хорошо, если увлечетесь прелестію много мудрованія. Ложь вкравшись все сіе развѣтетъ. «Снова къ ученію примѣшиваетъ похвалы, умягчая слухъ и увѣщанію своему приготавливая свободный доступъ».

(Θεод.). Св. Златоустъ говоритъ: «теперь оканчиваетъ похвалою. *Чиномъ* онъ называетъ благоустройство. Это величайшая похвала. И о вѣрѣ ихъ не сказалъ просто: *вѣру*, но *утвержденіе*, твердость *вѣры*; какъ будто говоритъ воинамъ, стройно и твердо стоящимъ. Кто твердъ, того не поколеблѣютъ ни обольщенія, ни искушенія. Вы, говоритъ, не только не пали; но у васъ никто не разстроилъ и чина». «Это сказалъ онъ и въ видѣ похвалы, и какъ внушеніе, что та и есть собственно вѣра, которая отличается укорененностію и твердостію непоколебимою» (Экум.). Вѣра сама по себѣ есть твердое утвержденіе, потому что не позволяетъ вкрадываться инымъ помысленіямъ, которыя, вводя раздвоеніе, колеблѣютъ внутренней строй» (Θεοφ.).

γ.)

Стойте же твердо въ принятомъ.

Ст. 6. *Якоже убо пріяте Христа Иусуса Господа, такожде въ Немъ ходите.*

Пріяте Христа Иусуса Господа—въ такомъ же стоитъ смыслъ, какъ у самаго Господа: *уже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мѡ. 10, 40). Господа пріяли они, когда услышавъ благовѣстіе о Немъ, увѣровали въ Него, увѣровали, т.-е., что въ Немъ единомъ спасеніе, и воззуповали спастися въ Немъ. Увѣровавъ такъ, пріяли св. крещеніе, и въ немъ облеклися во Христа Господа. Это есть уже пріятіе Христа Господа пріискреннѣйшее, пріятіе Его не въ словѣ Его, а существенно. Все сіе напоминаетъ Колоссянамъ Апостоль, когда говоритъ: *якоже пріяте Господа.*

Ходитъ во Христа Иусуъ есть ходить въ вѣрѣ въ Него, въ упованіи спасенія въ Немъ единомъ, въ заповѣдяхъ Его, подъ освященіемъ благодатию чрезъ таинства Его, ходитъ во всемъ чинѣ христіанскомъ.

Итакъ, говоритъ Апостоль, какъ увѣровали вы въ Господа Иусуса Христа, воззуповали спастися въ Немъ, пріяли на себя всѣ обязательства, условливающія сіе спасе-

ніе, такъ и пребывайте во всемъ этомъ, не отступая ни на волосъ, по сему чину да течетъ жизнь ваша во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ. «Сохраните неповрежденнымъ ученіе, какое приняли, и слѣдуйте евангельскимъ законоположеніямъ, показывая въ себѣ твердую вѣру» (Θеод.). «Убѣждаетъ и увѣщаетъ Апостоль, чтобъ не допускали въ себѣ умаленія своего благочестія и не отступали отъ вѣры, въ которую сподобились вступить, и превратившись въ мысляхъ нелѣпными баснями, не стали иначе принимать (понимать) Христа, нежели какъ научились. Ибо тогда много шаталось вредителей вѣры къ оболъщенію простыхъ, лукаво и нечисто возвѣщая Христа. Ихъ-то избѣгать со всякою осмотрительностію и учить здѣсь Апостоль» (Амвр.).

Ст. 7. *Укоренени и наздани въ Немъ, и извѣствовани въроу, якоже научистесь, избыточествующе въ ней благодареніемъ.*

Указываетъ опредѣленно, что разумѣть, когда говорить: *такъ и ходите въ Немъ*. Не способъ и средство указываетъ, а образъ хожденія въ Господѣ. Вы какъ, напоминаетъ онъ, приняли Христа Господа? Вседушно, и мыслями и чувствами успокоились въ Немъ, и никакого въ васъ не было колебанія; все у васъ былъ одинъ Господь Иисусъ; къ Нему и любовь ваша, на Немъ и упованіе ваше. Такъ вотъ, какъ приняли вы Его, такъ и будьте въ Немъ во всемъ житіи вашемъ: *укоренени, наздани, извѣствовани, избыточествующе*.

Укоренени и наздани даютъ два сравненія: *укоренени*—съ деревомъ, *наздани*—съ зданіемъ. Дерево глубоко пускаетъ корни въ землю и стоитъ твердо, не передвигаясь, тѣмъ же корнями извлекая себѣ изъ земли и питательные соки. Какъ, говоритъ, дерево корнями углубляется въ землю; такъ и вы всѣми корнями жизни вашей пребывайте углубленными въ Господа Иисуса, и ссите изъ Него соки духовно-благодатной жизни. Не исторгайтесь изъ Него корнями сими, чтобъ пересадиться на другое

что. Дерево пересадишь, оно и на другомъ мѣстѣ утвердится корнями и будетъ жить, какъ слѣдуетъ. А если вы, исторгшись изъ Христа Господа, на чемъ либо, или на комъ-либо другомъ укоренитесь, то жить уже, какъ слѣдуетъ, не можете, будете казаться живущими, но не будете дѣйствительно живыми, ибо источникъ духовно-благодатной жизни одинъ Христосъ Господь. Кто не пребываетъ въ Господѣ, тотъ ни жить, ни плодоносить не можетъ (Іоан. 15, 1—6). Но главное, что хочетъ внушить Апостоль, есть неподвижность въ вѣрѣ и убѣжденіяхъ. Св. Златоустъ говоритъ: *«укоренени, т. е. утѣерждены; не увлекайтесь то на то, то на другой путь, но будьте укоренени; а укорененное никогда не передвигается. Видишь, какія точныя выраженія употребляетъ Павелъ!»* «Не дѣлайте такъ, чтобы то во Христѣ ходить, то въ другомъ комъ» (Экум.). Значитъ же это: «твердую держите вѣру во Христа Господа» (Феод.).

Наздани — ετοιχοδοουμενοι, назидаясь, построеваясь. Другое сравненіе съ зданіемъ, но не съ оконченнымъ уже, а еще строящимся. Духовно-благодатная жизнь въ Господѣ не есть недвижимость; она въ непрестанномъ движеніи, все впередъ, и все выше и выше, такъ что коль скоро остановится такое движеніе, останавливается и самая жизнь. Но это движеніе не есть передвиженіе или измѣненіе, а ростъ въ себѣ самой. И ростъ сей тоже дѣйствуется во Христѣ Иисусѣ. Св. Павлу можно бы сказать: укоренени и растуще въ Немъ; но пришло на мысль другое, ему обычное, сравненіе вѣрующаго съ зданіемъ, — онъ и сказалъ: наздаваясь, — не возмущая мыслей, а болѣе ихъ обогащая, два возставляя предъ очами ума сравненія, и предоставляя самимъ читающимъ дополнить, что въ каждомъ изъ нихъ недостаетъ для полноты мысли, — тамъ роста, здѣсь основанія: назданіе для перваго сравненія даетъ мысль о возрастаніи, а укорененіе для втораго — объ основаніи; ибо что корень для растенія, то основаніе для зданія, и что построеваніе для зданія, то возрастаніе для

дерева.—Наздаваясь въ Немъ, т.-е. въ Господѣ Иисусѣ, ибо Онъ есть основаніе; Онъ и здатель, ибо безъ Него не можемъ ничесоже; Онъ и планъ зданія, ибо *Его образу подобными* быти подобаеъ (Рим. 8, 29), *въ Его образъ преобразится* (2 Кор. 3, 18). Онъ—и необходимыя связи зданія. Только матеріаль доставляетъ произволеніе изъ естества, но и онъ не остается въ своемъ естественномъ (сырцовомъ) видѣ, а передѣлывается благодатію Господа. Такъ истинно созидаться, какъ и расти, можно только въ Господѣ. Кто въ Господѣ вѣроу и упованіемъ, тотъ уже и созидается: ибо какъ только кто входитъ въ общеніе съ Господомъ, такъ и начинаетъ въ немъ дѣйствовать созидательная Господняя сила. Экуменій пишетъ: «*προκοσμοποιεῖται*, т.-е. возрастая на основаніи Христовомъ». А Феодоритъ: «словомъ *наздани* выражаетъ пріобрѣтеніе добродѣтели». Св. Златоустъ: «внутреннимъ настроеніемъ стремясь достигнуть въ мѣру Его».

Этимъ двумъ сравненіямъ въ слѣдующихъ словахъ дается истолкованіе или приложеніе къ христіанской жизни: *укоренени* истолковывается въ *извѣствовани*, а *наздани* въ *избыточествующе*. — *Извѣствовани*—*βεβαίωμένοι*,—сильнымъ, глубокимъ убѣжденіемъ непоколебимо стоя въ вѣрѣ, какъ научились. Вотъ что значитъ *укоренени*.—*Избыточествующе*,—все больше и больше богатысь въ ней, или возрастая и созидаясь. Вотъ что значитъ *наздани*!—«Имѣйте вѣру совершенную, да не будетъ въ ней никакого недостатка, но да источается она обильно и преизбыточествуетъ въ васъ» (Феод.). «*Извѣствовани*, т.-е. не допуская никакого сомнѣнія, никакого колебанія. *Якоже научистеся*: научились вы вѣрѣ, надобно и избыточествовать въ ней, возрастая каждодневно, и пламенную стяжевая вѣру» (Экум.). «Говоритъ: *якоже научистеся*, чтобъ они, если не другаго чего, то себя самихъ поустыдились. Въ этомъ положилъ Апостоль какъбы основаніе, а въ *преизбыточествующе* указываетъ назданіе. Не должно измѣнять прежде принятое ученіе, а преуслѣвать въ немъ, въ честь

себѣ ставя, нѣчто преизбыточествующее показать въ своей вѣрѣ, благодареніе воздавая Богу, что сподобилъ насъ толикой благодати, и самимъ себѣ такого преспѣянія не приписывая» (Теоф.).

Слова: *избыточествующе въ ней благодареніемъ*, можно такъ понимать: избыточествуя въ вѣрѣ съ благодареніемъ, что сподобилъ насъ Богъ толикой благодати, и столь далекихъ приблизилъ къ себѣ (Экум.), какъ видно во всѣхъ приведенныхъ предъ симъ мѣстахъ. Но можно и такъ: избыточествуя при вѣрѣ благодареніемъ. Греческій текстъ сіе допускаетъ. Св. Златоустъ говоритъ: *«Избыточествующе въ ней благодареніемъ: ибо такъ поступаютъ благомыслящіе люди. Я не говорю—просто благодарить, но съ великимъ избыткомъ и съ великимъ соревнованіемъ»*. Благодареніе предполагаетъ вкушеніе плодовъ вѣры и слѣдовательно высшее состояніе жизни въ области вѣры.

Епископъ Теофанъ.

С Л О В А
ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА
НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Пресвященнѣйшаго Епископа Теофана.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕ.

1) О любви, и о томъ, какова жизнь и каковы дѣла добродѣтельныхъ мужей.

2) И ублаженіе тѣхъ, кои имѣють сердечную любовь.

1. Братія мои возлюбленные! Хочу бесѣдовать съ вами о душеспасительныхъ предметахъ, и стыжусь (свидѣтель мнѣ Христосъ.—истина!) любви вашей, зная мое недостойнство. Потому желалъ бы (какъ вѣдомо то Господу) всегда молчать, и очей своихъ не поднимая, чтобы взрѣть на лице человѣка, такъ какъ обличаетъ меня совѣсть моя, что опредѣленъ, не будучи того достоинъ, быть руководителемъ всѣхъ васъ, какъ будто знаю путь добродѣтели—я, который не знаю даже того, что подъ ногами моими, и еще не вступалъ на путь Божій. Почему много скорблю, что я смиренный присужденъ руководить васъ честнѣйшихъ меня, которыхъ самому мнѣ надлежало бы имѣть своими руководителями, потому что я ниже всѣхъ васъ и не имѣю слова, свидѣтельствуемаго и подтверждаемаго моими дѣлами и жизнію моею, чтобы дѣйствовать на васъ, вспоминая вамъ о законѣ Божіемъ и о святой волѣ Его. Ибо знаю, что никогда ничего не дѣлалъ

изъ того, что хочу сказать вамъ, а мнѣ хорошо очень извѣстно, что Господь и Богъ нашъ не того ублажаетъ, кто только учитъ, но того, кто прежде творитъ, а потомъ учить. *Иже, говоритъ Онъ, сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъ въ царствіи небесныхъ* (Мѡ. 5, 19). Потому что и тѣ, которые слушаютъ такого учителя, бывають готовы подражать ему, не столько получая пользы отъ словъ его, сколько будучи подвигаемы и понуждаемы дѣлами его дѣйствовать подобно ему. Этого я не имѣю, и совѣсть моя свидѣтельствуеть, что нѣтъ во мнѣ ничего добраго. Но прошу и молю васъ, братія мои возлюбленные, не смотрите на мою нерадивую жизнь, а на повелѣніе Христа Господа и наставленія святыхъ Отцевъ; такъ какъ эти богопросвѣщенные Отцы наши никакого не предали намъ правила, котораго не исполнили бы напередъ сами.

Итакъ заповѣди Христовы да будутъ единымъ общимъ для всѣхъ насъ путемъ, который велъ бы насъ на небеса и къ самому Богу. Хотя слово объявляетъ много путей, много указываетъ способовъ, могущихъ привести человека въ царство небесное, но въ самомъ дѣлѣ путей не много, а одинъ путь, только онъ раздѣляется на многіе пути, сообразно съ силою и произволеніемъ каждаго. Ибо каждый изъ насъ начинаетъ особыми дѣлами и дѣланіями, какъбы мы начинали движеніе изъ разныхъ мѣстъ и городовъ, стремясь однакожь придти въ одно и то же мѣсто, т.-е. въ царство небесное. Когда услышимъ о дѣланіяхъ и путяхъ тѣхъ людей, кои жительствоють по Богу, то должны разумѣть подъ этимъ духовныя ихъ добродѣтели. И тѣ, которые начали шествовать ими, должны всѣ одно имѣть въ виду и къ одной стремиться цѣли, чтобы всѣмъ изъ разныхъ странъ и мѣстъ собраться въ одинъ городъ, т.-е. въ царство небесное, и сподобиться соцарствовать Христу, покорствуя единому Царю, т.-е. Богу и Отцу.

Итакъ одинъ указали мы городъ; идущіе же въ него

хотя идутъ изъ разныхъ странъ, но путь каждого одинаковъ со всѣми другими: это любовь. Мы имѣемъ святую и нераздѣльную троицу добродѣтелей—вѣру, надежду и любовь, и послѣдняя — первая есть, и большая всѣхъ, какъ предѣль добротъ (нравственныхъ). Ею удомостроительствована вѣра наша, на ней основана надежда и безъ ней ничто изъ сущаго не происходило и никогда не произойдетъ. У этой любви много именъ, и дѣлъ много, и признаковъ ея преобильно, и свойствъ премногое множество. Но существо ея одно и для всѣхъ совершенно непостижимо, и для ангеловъ, и для людей и для всякой другой твари, намъ можетъ быть еще невѣдомой. Она неизяснима словомъ, непрístupна въ славѣ, неизслѣдима въ совѣтахъ. Она и вѣчна, ибо безвременна. И незрима она; ибо умопредставляется, но не постигается. Много красотъ у ней, нерукотвореннаго и святаго Сіона, которая какъ только начнетъ кто узрѣвать, престааетъ уже утѣшаться привлекательными видимостями міра и любить славу его.

2. Позвольте же, братіе, мнѣ побесѣдовать нѣсколько съ сею любовію и привѣтствовать ее, чтобъ, сколько смогу, удовлетворить тѣмъ приверженность мою къ ней. Ибо привелъ я себѣ на умъ красоту непорочной любви, и внезапно возсіялъ свѣтъ ея въ сердцѣ моемъ, и отъ сладости ея сталъ я восхищеннымъ внѣ себя; престало дѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ моихъ, вышелъ я мысленно изъ настоящей жизни и забылъ о всемъ, что есть въ мірѣ семъ. Но не знаю, какъ она опять отступила отъ меня, и оставила меня одного оплакивать немощь свою. О любовь превожделѣнная! Блаженъ, кто возлюбилъ тебя, потому что такой не восхочетъ уже полюбить страстно никакой красоты человѣческой. Блаженъ, кто соплелся съ тобою божественнымъ вожделѣніемъ; потому что такой отречется отъ всего міра и со всякимъ сближаясь человѣкомъ, не осквернится. Блаженъ, кто плѣнился красотами твоими и наслаждался ими полнымъ же-

ланіемъ, потому что такой освятится въ душѣ пречистою кровію и водою, кои сочатся и каплють изъ тебя. Блаженъ, кто облюбывалъ тебя всѣмъ сердцемъ, потому что такой измѣнится добрымъ измѣненіемъ въ духѣ своемъ, и возрадуется душою своею, такъ какъ ты сама—неизреченная радость. Блаженъ, кто стяжалъ тебя, потому что такой не будетъ уже во что-либо ставить всѣ сокровища міра, такъ какъ ты сама—воистину богатство, никогда неоскудѣвающее. Блаженъ и треблаженъ тотъ, кому подала ты десницу свою, потому что такой при всемъ видимомъ безславіи, будетъ славнѣе всѣхъ славныхъ и честнѣе всѣхъ чтимыхъ. Похваленъ, кто тебя ищетъ, прехвальнѣе, кто тебя обрѣтетъ, но блаженнѣе всѣхъ тотъ, кто возлюбленъ будетъ тобою, кого посадишь ты одесную себя, кто наученъ будетъ тобою, кто обитать будетъ въ тебѣ, кто напитанъ будетъ отъ тебя безсмертною пищею, т. е. Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ.

О любовь божественная! Гдѣ держишь ты Христа? Гдѣ скрываешь Его? Для чего взяла ты Избавителя міра, и отдала Его отъ насъ? Отверзи немного и для насъ дверь свою, да узримъ и мы Христа, за насъ пострадавшаго, и возуповаемъ на милость Его, потому что коль скоро узримъ Его, то уже не умремъ никогда. Отверзи намъ—ты, содѣлавшая для Него дверь ю къ воплощенному Его домостроительству, и понудившая непонуждаемыя, а сами по себѣ богато изливающіяся утробы щедротъ Владыки нашего поднять грѣхи и немощи всѣхъ человѣковъ,—и не отгоняй насъ, говоря: не вѣмъ васъ. Прииди къ намъ и познай насъ, такъ какъ мы невѣдомы тебѣ. Возобитай въ насъ, чтобъ ради тебя пришедши Господь посѣтилъ и насъ смиренныхъ, срѣтаемый тобою, такъ какъ сами мы нимало того недостойны,—чтобъ пришедши, Онъ пребылъ немного, бесѣдуя съ тобою, а между тѣмъ позволилъ бы и намъ грѣшнымъ припасть къ пречистымъ стопамъ Его, ты же замолвила бы притомъ доброе о насъ слово и исходатайствовала отпустить намъ долгъ грѣховъ

нашихъ, да сподобимся чрезъ тебя опять поработать и послужить Ему, Владыкѣ нашему. И Онъ воспріалъ бы попеченіе о насъ и пропиталъ насъ.

О святая любовь! Когда бы намъ получить отпущеніе ради тебя, и сподобиться вкусить благъ Владыки нашего, коихъ сладости безъ тебя никто не можетъ опытомъ дознать. Кто не возлюбилъ тебя, какъ должно, и кто не возлюбленъ тобою, какъ подобаетъ, тотъ можетъ быть и течеть, но еще не постигъ. О томъ, кто течеть, сомнительно еще, постигнетъ ли прежде чѣмъ кончится теченіе. Но кто тебя постигъ, или кого ты постигла, о томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, успѣхъ его вѣренъ. Ибо ты—конецъ закона, ты, объемлющая меня, согрѣвающая меня и воспаляющая сердце мое къ безмѣрному возлюбленію Бога и братій моихъ. Ты—наставница Пророковъ, сшественница Апостоловъ, сила мучениковъ, вдохновеніе Отцевъ и учителей, совершенство всѣхъ святыхъ и самого меня успособленіе къ настоящему служенію.

Но простите мнѣ, братіе, что я немного отступилъ отъ предмета слова сего. Приверженность моя къ любви побудила меня къ тому. Вспомнилъ я объ ней,—я возрадовалась сердце мое, и я устремился къ пѣнію чудесъ ея. Прошу же и вашу любовь, взыщите ее, сколько силъ есть, съ вѣрою теките въ слѣдъ ея, да постигнете, и даромъ не пропадетъ надежда ваша. Ибо всѣ труды и подвиги, которые начала и конца своего не имѣютъ въ любви съ духомъ сокрушеннымъ, тщетны и бесполезны. Ученика Христова нельзя познать ни по какой другой добродѣтели, кромѣ какъ по любви, какъ говоритъ Самъ Христосъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). По любви Богъ содѣлался человѣкомъ и пожилъ съ нами. По любви претерпѣлъ Онъ волею всѣ животворныя страсти, чтобы избавить человѣка отъ узилъ ада и возвестъ на небеса. По любви Апостолы совершили свое непрерывное теченіе

и, сѣтїю слова уловивъ всю вселенную, извлекли ее изъ глубины идолослуженія на берегъ царствія небеснаго. По любви мученики пролили кровь свою, чтобъ не потерять Христа. По любви съ готовностію жертвовали жизнью своєю за святую соборную и апостольскую Церковь богоносныя отцы наши и учителя вселенныя. По пей и я, вступивъ въ предстояние надъ вами, подвизаюсь учить васъ божественнымъ словесамъ, да явлюсь подражателемъ оныхъ учителей Церкви нашей, сколько это подъ силу мнѣ, съ готовностію подъять всякой трудъ и все претерпѣть, чтобъ только сдѣлать въ своей стороны все, что служить ко благу и назиданію вашему, и представить васъ на мысленную трапезу Христову, какъ жертвы совершенныя и всесоуженія разумныя. Вы—чада Божїи, и Онъ предалъ мнѣ васъ, какъ малыхъ дѣтей на воспитаніе. Почему вы—утробы мои, очи мои. Вы—похвала моя и печать моего учительства, говоря словами Апостола.

Возподвизаемся же, возлюбленные о Христѣ братія мои, о томъ, чтобъ, какъ другими добродѣтелями благоугождаемъ мы Христу Господу, такъ благоугодить Ему и любовію, какую надлежитъ имѣть намъ между собою другъ къ другу, да радуется Богъ нашему согласію и совершенству въ любви; да радуюсь и я смиренный, видя всегда ваше преспѣваніе въ жизни по Богу, что она простирается все на лучшее и лучшее въ вѣрѣ, чистотѣ, въ страхѣ Божїи, въ благоговѣнствѣ, въ духѣ сокрушеній и смиренія, въ болѣзнованіи сердца со слезами, коими очищается душа и вся исполняется божественнымъ свѣтомъ и Духомъ святымъ. И да будетъ сія радость моя въ благословеніе вамъ и приложеніе вѣчнаго и блаженнаго живота, во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

1) О совершенной любви,—какое дѣйствіе ея?

2) И о томъ, что если не попечемся пріять благодать 'святаго Духа здѣсь, въ настоящей жизни, то невозможно намъ быть вѣрными и христіанами; не будемъ мы также чадами Божиими.

1. Если тотъ, кто будучи злонравенъ, держитъ предъ глазами міра видъ человѣка добродѣтельнаго, чтобъ прельстить и погубить многихъ; если, говорю, такой человѣкъ окаянень предъ Богомъ, мерзокъ и достоинъ всякаго осужденія предъ людьми: то явно, что тотъ, кто, будучи безстрастенъ, кажетъ себя міру страстнымъ (какъ дѣлали многіе изъ древнихъ Отцевъ), чтобъ послужить многимъ во благо и спасеніе, — прехвалень и преблаженъ. Ибо какъ діаволь, — который отдалилъ человѣка отъ Бога и лишилъ его всѣхъ благъ рая, тѣмъ, что, скрывшись въ змія, посовѣтовалъ ему по видимости доброе и полезное, во истинѣ же смертоносное, — оказался богоборцемъ и человѣкоубійцею: такъ напротивъ тотъ, кто предъ очами міра кажетъ себя не добрымъ и говоритъ пѣкія слова, по видимости лукавыя, имѣя въ виду — узнать діавольскія дѣла тѣхъ, кои кажутся лишь добродѣтельными и благоговѣйными, чтобъ обратить ихъ на путь покаянія и спасенія, поистинѣ есть подражатель Христовъ, споспѣшникъ волѣ Божіей, спаситель и избавитель чело-вѣковъ.

Это впрочемъ могутъ дѣлать только тѣ, кои не привязаны къ міру сему и никакого не имѣютъ пристрастія къ привлекательнымъ видимостямъ его, но совершенно отчуждившись отъ всякаго мірскаго пристрастія, всецѣло соединились съ Богомъ и имѣютъ внутрь себя всего Христа, и дѣломъ, и искусомъ, и чувствомъ, и вѣдѣніемъ, и созерцаніемъ. Худо конечно подсматривать за кѣмъ и любопытно развѣдывать, что говоритъ и что дѣлаетъ ближній нашъ; но это тогда только, когда кто дѣлаетъ это съ

худую цѣлю, чтобъ охулить его, или обезчестить, или ославить, повсюду разглашая, что видѣлъ или слышалъ. Но если кто дѣлаеть это съ доброю цѣлю, чтобъ исправить погрѣшности ближняго своего, съ любовію къ нему, благоразуміемъ и знаніемъ дѣла, молясь притомъ Богу о спасеніи его отъ всей души и со слезами, то это не худо. Знаю я человѣка, который употреблялъ многіе способы и разные пріемы, чтобъ узнать, что дѣлають жившіе съ нимъ, но дѣлалъ это не для того, чтобъ вредъ имъ какой причинить, но для того, чтобъ потомъ поспособствовать имъ оставить худыя дѣла свои и злые помыслы, привлечь къ себѣ кого словомъ, кого какимъ-либо подаркомъ, кого другимъ какимъ образомъ; и иногда плакалъ то объ одномъ, то о другомъ, иногда билъ себя въ лице и въ грудь за спасеніе кого-либо, иногда самъ принималъ лице согрѣшившаго словомъ или дѣломъ и воображая себя самого согрѣшившимъ грѣхомъ брата, исповѣдалъ грѣхъ сей Богу и молилъ о прощеніи, обильныя проливая слезы. Зналъ и другаго, который такъ много радовался о подвизающихся, исправляющихъ всякую добродѣтель и преуспѣвающихъ въ добрѣ, какъбы увѣренъ былъ, что получить воздаяніе за ихъ добродѣтели и подвиги, паче ихъ самихъ подвизающихся; и опять о тѣхъ, кои согрѣшали словомъ, или дѣломъ, и оставались въ грѣхѣ, такъ сильно скорбѣлъ и сокрушался, какъбы не сомнѣвался, что онъ одинъ имѣеть дать отвѣтъ за всѣхъ ихъ и быть вверженнымъ во адъ. Знаю я и такого, который такъ сильно желалъ спасенія братій своихъ, что много разъ съ теплыми слезами умолялъ Бога, чтобъ или и они спасены были, или и онъ вмѣстѣ съ ними преданъ былъ мукамъ. Движимый богоподражательною теплою любовію, онъ никакимъ образомъ не хотѣлъ спасень быть одинъ безъ братій своихъ. Ибо такъ соединился съ ними духовно, союзомъ святой любви, въ Духѣ святомъ, что и въ царство небесное не желалъ внити, отдѣлясь отъ нихъ. О единеніе святое! О союзъ святой!

О неизъяснимая сила души любомудренной, или лучше сказать, Богоносной, совершенной въ любви къ Богу и ближнему!

2. Кто не достигъ еще въ мѣру такой любви, и не видитъ въ душѣ своей никакихъ признаковъ оной, тотъ еще по земному и на землѣ живетъ, или, лучше сказать, такой еще подъ землею кроется какъ кротъ: ибо подобно этому кроту, и онъ слѣпъ, и только слухомъ слышитъ тѣхъ, кои говорятъ поверхъ земли. Какое несчастіе! Рождены мы отъ Бога во святомъ Крещеніи, содѣлались бессмертными, сподобились именоваться небеснымъ именемъ, т.-е. богами, и быть наслѣдниками Богу, сонаслѣдниками же Христу, и гражданами небесными,—и еще не приняли чувствомъ, и не познали искусомъ толикихъ благъ. Но какъ не чувствуетъ желѣзо, какъ полагаютъ его въ огонь, какъ не чувствуетъ бездушная кожа, какъ ее окрашиваютъ; таковы же и мы, когда такими Божиими обложены бывъ благами, исповѣдуемъ, что никакого о нихъ не имѣемъ чувства. Представляя изъ себя христіанъ, показываемъ міру, что мы вѣрные и совершенные христіане, хвалимся вѣрою своею и столькими благами, отъ Бога въ ней полученными; но на дѣла вѣры остаемся неподвижными, и живемъ жизнью поистинѣ окаянною и жалости достойною. Въ этомъ отношеніи мы похожи на актеровъ театральныхъ, которые принимаютъ образъ царей и другихъ великихъ людей, сами въ себѣ будучи самыми бѣдными и ничтожными, или походимъ на блудницъ, которыя отъ природы некрасивы, но поднарядившись и подкрасивъ себя румянами, воображаютъ себя красавицами. Характеристическія же черты и признаки христіанъ, рожденныхъ отъ Бога, не таковы. — Но какъ дитя, вышедши изъ чрева матери, чувствуетъ воздухъ сей, не зная того, и тотчасъ само-собою начинаетъ кричать и плакать: такъ и тотъ, кто, бывъ рожденъ благодатію все-святаго Духа, выходитъ изъ міра сего, какъ изъ мрачной нѣмой утробы и входитъ въ мысленный и небесный

свѣтъ, и нѣкоторымъ образомъ проникаетъ нѣсколько въ божественный оный свѣтъ, — въ тоже время вдругъ исполняется неизреченною радостію и испускаетъ слезы безъ печали, помышляя о томъ, изъ какого рабства тмы освободился онъ, и въ какой блистательный свѣтъ сподобился войти. Таково начало христіанства! Тѣ же, которые не видѣли и не испытали такого блага или испытавши потеряли, а взыскать снова его не взыскали отъ Бога, въ терпѣніи и долгомъ злостраданіи, въ плачѣ и слезахъ, чтобъ очистившись дѣлами покаянія, т.-е. постомъ, бдѣніемъ, молитвою, сердечнымъ сокрушеніемъ и прочимъ подобнымъ, опять улучшить оное потерянное благо, то-есть, благодать св. Духа и соединиться съ нимъ, — таковые какъ могутъ, скажи мнѣ, даже именоваться христіанами, когда они совсѣмъ не таковы, какими слѣдуетъ быть христіанамъ? *Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть.* Тотъ же, кто родился отъ Духа и сталъ мужемъ совершеннымъ, и однакожь никогда не подумалъ, какую благодать потерялъ по причинѣ недоброй жизни своей и не созналъ, что долъ имѣть обновиться духовно чрезъ покаяніе и снова пріять божественную благодать для измѣненія жизни своей, и никакой о томъ не поимѣлъ заботы и попеченія, — таковой какъ можетъ быть духовнымъ чадомъ Божіимъ? Или какъ можетъ быть причисленъ къ истиннымъ христіанамъ, кои суть духовныя чада Божіи? Развѣ самъ собою тайкомъ вмѣшается онъ въ среду чадъ свѣта и сядетъ вмѣстѣ съ ними за царскую трапезу? Но за это изгонять его вонъ, какъ не сына свѣта, а плоти и крови, и, связавъ руки и ноги, свергнуть въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. И праведно. Ибо того, кто получилъ область быть чадомъ Божіимъ и наслѣдникомъ царства небеснаго и вѣчныхъ благъ, и всякими способами наученъ, какъ, какими добродѣтелями и какихъ заповѣдей Божіихъ исполненіемъ можетъ достигнуть сей чести и славы, но презрѣлъ все сіе, предпочетши земное и тлѣнное небесному и нетлѣнному и привременную славу

поставивъ выше вѣчной,—какъ не отдѣлить такого отъ прочихъ вѣрныхъ?

Посему умоляю васъ, братія мои возлюбленные, пока имѣете время и въ настоящей еще находитесь жизни, подвизайтесь. Потщитесь содѣлаться сынами Божиими и чадами свѣта,—что даруетъ намъ рожденіе свыше бывающее чрезъ покаяніе; возненавидѣте міръ и все, что въ мірѣ; возненавидѣте плоть и страсти, отъ нея раждающіяся; возненавидѣте всякую похоть злую и лихоиманіе, даже до малѣйшей вещи. И это все легко будетъ намъ сдѣлать, если будемъ содержать въ мысли, какую великую славу, радость и упокоеніе имѣемъ мы получить чрезъ то. Ибо скажите мнѣ, прошу васъ, что другое на землѣ или на небѣ можетъ быть больше какъ быть сыномъ Божиимъ, наследникомъ Богу, сонаследникомъ же Христу? Поистинѣ ничего нѣтъ. Мы же, предпочитая земное и привременное, не ища небесныхъ благъ и не любя ихъ отъ всей души, явно показываемъ тѣмъ, которые видятъ насъ, во первыхъ,—что мы невѣрные, какъ написано: *како можете вѣровать, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищете* (Іоан. 5, 44)? потому—что мы поработились страстямъ и прилѣпились къ землѣ и земному, совсѣмъ не хотимъ возвестъ ума своего къ небу и Богу, но бессмысленно преступая заповѣди Его, испадаемъ отъ всыновленія Ему. И что, скажи мнѣ, можетъ быть бессмысленнѣе того, кто оказываетъ преслушаніе Богу и не подвизается быть сыномъ Его? Кто вѣруетъ, что Богъ есть, тотъ помышляетъ о Немъ все великое и преславное, исповѣдуя, что Онъ одинъ есть Владыка, Господь и Творецъ всяческихъ, и что есть безсмертенъ, вѣченъ, нетлѣнненъ, непостижимъ и неизреченъ. Кто это знаетъ и вѣруетъ, что Богъ есть таковъ, тому какъ возможно не возлюбить Его? Или какъ возможно не предать себя на подвиги (благоугожденія Ему) до готовности самую жизнь принести Ему въ жертву, по любви къ Нему, чтобъ сподобиться быть, не скажу, сыномъ Его и наследникомъ,

но хоть однимъ изъ вѣрныхъ рабовъ Его, стоящихъ близъ Него?

Если всякій подвижающийся и соблюдающий ненарушимо заповѣди Христовы бываетъ сыномъ и чадомъ Божиимъ, то конечно онъ бываетъ и вѣрнымъ и предъ всѣми обнаруживаетъ, что онъ христіанинъ. Мы же, презирая заповѣди Божіи и преступая законы Его, за которые Онъ самъ сотворить намъ отмщеніе, когда опять придетъ со славою многою и силою страшною, дѣлами своими показываемъ, что мы — не вѣрные и вѣрные только на словахъ. Не льститесь. Вѣра никакой не принесетъ намъ пользы безъ христіанскихъ дѣлъ; потому что въ такомъ случаѣ она мертва, а мертвымъ невозможно пріять жизнь иначе, какъ если они взыщутъ ее исполненіемъ заповѣдей Божіихъ. Черезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ возрастаетъ внутрь насъ, какъ вѣкій многочастный плодъ, любовь, милостыня, благоутробіе къ ближнимъ, кротость, смиреніе, терпѣніе искушеній, непорочность и чистота сердца, посредствомъ которой сподобляемся зрѣть Бога. И въ чистомъ уже сердцѣ возсіяваетъ благодать и просвѣщеніе святаго Духа, который возраждаетъ насъ, дѣлаетъ сынами Богу, облакаетъ во Христа, возжигаетъ свѣтильникъ въ душѣ нашей, дѣлаетъ насъ чадами свѣта, освобождаетъ души наши отъ тмы, и отселѣ еще, въ этой жизни дѣлаетъ причастными вѣчной жизни, хотя мы того и не знаемъ. Почему да не дерзаемъ основывать упованіе спасенія своего на частныхъ нѣкоторыхъ, являемыхъ нами, добродѣтеляхъ, какъ-то, на постѣ, бдѣніи и лежаніи на голой землѣ, и другихъ разныхъ злостраданіяхъ тѣлесныхъ, съ небреженіемъ о показанномъ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, въ той мысли, что можемъ и безъ него спастись съ одними этими тѣлесными добродѣтелями; потому что это невозможно, невозможно. Можетъ удостовѣриться въ этомъ всякъ изъ примѣра пяти дѣвъ юродивыхъ и тѣхъ, кои творили чудеса и знаменія именемъ Христовымъ, но какъ не имѣли въ душѣ

своей любви и благодати святаго Духа, то услышать нѣкогда отъ Христа Господа: *не вѣмъ васъ, откуда есте, отступите отъ Мене длѣтели неправды* (Лук. 13, 27). Можно удостовѣряться въ этомъ и изъ примѣра многихъ другихъ христіанъ, которые ни жизни достойной имени своего не показали, ни дѣлъ христіанскихъ не совершили, ни чадами Божиими не сдѣлались, но суть плоть и кровь, такъ какъ потеряли благодать, полученную чрезъ св. Крещеніе, но не взыскали и не приложили попеченія опять воспріять ее чрезъ покаяніе. Таковые никакъ не могутъ побѣдить ни похотей плотскихъ, ни страстей душевныхъ; не могутъ они и ни одной добродѣтели совершить, какъ того хочетъ Богъ, т.-е., благоугодно и совершенно, какъ сказалъ Господь: *безъ Мене не можете творити ничесоже*. Но умоляю васъ, братіе моя, приложимъ, сколько можемъ, стараніе и подвигъ, чтобъ сподобиться получить благодать святаго Духа въ настоящей жизни и чрезъ то достойными содѣлаться благъ вѣчныхъ, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, коему подобаетъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТОЕ.

1) О тѣхъ, кои причастны бываютъ благодати святаго Духа.

2) И о томъ, что любящій славу челоуѣческую никакой пользы не получитъ отъ прочихъ добродѣтелей, хотя бы всѣ ихъ исправилъ.

1. Если предстоящіе земному царю рады бываютъ этому, и какъ сами почитаютъ то за великую славу и честь и хвалятся тѣмъ, такъ и другими хвалими бываютъ за то и ублажаемы: то сколько болѣе мы, содѣлавшіеся воинами Царя небеснаго и воспріавшіе на себя служеніе Ему, имѣемъ долгъ радоваться и веселиться, что сподобились сопричисленными быть къ рабамъ Его и призваны работать во славу имени Его! Если же удостоимся когда-либо узрѣть и лице Его и стать въ чинъ предстоящихъ Ему;

то какой похвалы и какого убаженія не превосходить это? Но ежели кто еще содѣлается и другомъ Его вѣрнымъ и удостоенъ будетъ слышать бесѣду Его и гласъ Его владычній; то какой человѣческой умъ и какой языкъ можетъ изобразить величіе такой славы и такого достоинства? Если блага, уготованныя отъ Бога любящимъ Его, коихъ око не видало, о коихъ ухо не слыхало, и кои на сердце человѣку не всходили, — невозможно понять человѣческому уму, потому что они выше всѣхъ видимыхъ благъ; то тѣмъ паче недомыслимъ, выше ихъ есть Богъ, уготовавшій ихъ. Но тѣ, которые сподобились видѣть Его, предстоять Ему и бесѣдовать съ Нимъ, и содѣлались общниками и сопричастниками божества Его и славы, всеконечно суть выше тѣхъ благъ, которые уготованы имъ отъ Бога, такъ какъ они восприняли въ себя самого Господа, уготовавшаго такія блага. Что такіе люди были и бываютъ доселѣ, не говорю послѣ смерти, но и въ настоящей еще жизни, въ этомъ удостовѣряетъ все божественное Писаніе, о семъ свидѣтельствуютъ всѣ святые, подтверждая то собственною жизнію и въ числѣ ихъ и блаженный Симеонъ Студитъ (когого память совершаемъ нынѣ). Свидѣтельствуютъ также о семъ и тѣ, кои прославляютъ святыхъ въ похвальныхъ о нихъ словахъ.

Сей преподобный отецъ нашъ Симеонъ столько просіялъ богоугодною жизнію, что высотою добродѣтелей своихъ и сверхъсильными подвигами своими превзошелъ не только жившихъ въ его время, но и многихъ древнихъ и богоносныхъ Отцевъ нашихъ. Почему и сдѣлался достойнымъ многихъ похвалъ и величаній, прославляется и убажастся нами, сколько это подъ силу намъ. Похвалу и убаженіе святыхъ составляютъ двоя сія—православная вѣра и добродѣтельное житіе,—и, третье,—дары Всесвятаго Духа. Первымъ двумъ—вѣрѣ и дѣламъ, спослѣдуетъ и третье—дары. Когда кто поживетъ богоугодно при православномъ мудрованіи, и облагодатствуется и прославится Бо-

гомъ благодатию святаго Духа; тогда ему бываетъ похвала и улаженіе отъ всей Церкви вѣрнымъ и отъ всѣхъ учителей ея. Но если кто не имѣетъ непогрѣшительной вѣры и добрыхъ дѣлъ, на того никакъ невозможно низойти благодати святаго и поклоняемаго Духа. Если же не увидеть въ какого человѣка благодать святаго Духа, чтобъ обитать въ немъ явно и завѣдомо, то такого никакъ не слѣдуетъ именовать духовнымъ человѣкомъ. А тому, кто не содѣлался духовнымъ, какъ можно быть святымъ? И кто не сталъ святымъ, того за какое другое дѣло, или за какой подвигъ улажать стать? Блаженъ единъ Богъ, и тотъ, кто не причастенъ Бога, или лучше сказать, кто не имѣетъ въ себѣ Бога, какъ будетъ блаженъ? Мнѣ кажется, что этому никакъ нельзя быть. Солнце безъ свѣта, какъ можетъ называемо быть солнцемъ? И человѣкъ, не имѣющій Духа святаго, какъ можетъ именоваться святымъ? Господь сказалъ: *святи будите, яко Азъ святъ есмь* (Лев. 19, 2). Этимъ побуждаетъ Онъ насъ грѣшниковъ сущихъ, сколько возможно, подражать Ему посредствомъ добрыхъ дѣлъ, и нѣкоторымъ образомъ говорить какъбы намъ: бѣгайте всякаго зла и творите всякое добро, всякую проходите добродѣтель и будьте святы, сколько возможно, если желаете имѣть общеніе со Мною. Ибо Я святъ есмь, то-есть, чистъ и непороченъ, и это, — то есть, чистота и непорочность, есть во Мнѣ естественно. А вы сдѣлаетесь святыми, если исполняя заповѣди Мои, очистите себя отъ скверны грѣховъ своихъ и примете отъ Меня благодать Всесвятаго Духа. Это именно и означаютъ слова: *святи будите*. Человѣкъ тогда бываетъ святъ, когда уклоняется отъ зла и творить благо, не потому чтобы освящаемъ былъ добрыми дѣлами, ибо отъ дѣлъ закона не оправдится ни одна душа, а потому, что чрезъ дѣланіе добрыхъ дѣлъ приусвоится и приуподобляется святому Богу. Слова: *будите святы, яко азъ святъ есмь*, вѣрую, что Господь сказалъ къ тѣмъ нашимъ, которые получили благодать всесвятаго Духа.

Ими Онъ предостерегаетъ ихъ, чтобъ, надѣясь на благодать Святаго Духа, не предавались безпечности и по причинѣ безпечности не возвратились опять на худыя дѣла,—говоря какъбы: ты, духовный человекъ, получившій благодать Святаго Духа и чрезъ благодать сію пріавшій и Меня, не предавайся бездѣйствію и безпечности: ибо бездѣйствіе порождаетъ лукавство (самоугодіе), а отъ лукавства рождается всякаго рода зло. Итакъ пребудь святъ чрезъ непрестанное исполненіе заповѣдей Моихъ, если желаешь, чтобъ я всегда былъ въ тебѣ и съ тобою, а ты во Мнѣ и со Мною. Поелику умъ нашъ приснодвиженъ и не можетъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи; то надлежитъ ввести его въ попеченіе и ревность объ исполненіи заповѣдей Христовыхъ. Жизнь человѣческая обята заботами и попеченіями, и нѣтъ возможности совершенно упрядниться отъ всѣхъ ихъ, хотя многіе всеусильно подвизались преуспѣть въ этомъ. Человѣкъ такимъ созданъ и въ началѣ, какъ видится: ибо Адамъ въ раю получилъ заповѣдь дѣлать и хранить. Слѣдовательно намъ естественно дѣланіе добрыхъ дѣлъ, и тѣ, которые предаются бездѣйствію и лѣности, какъ бы ни были они до того духовны и святые, ввергаютъ себя въ неестественную страстность (самоугодіе).

2. Какъ источникъ, изъ котораго течетъ вода, если перестанетъ источать воду, уже не бываетъ болѣе источникомъ, а сухою порою или ровкомъ: такъ и тотъ, кто всегда очищаетъ себя дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ, если, послѣ того, какъ очистится и освятится Богомъ, умалитъ нѣсколько дѣланіе заповѣдей, тотчасъ соразмѣрно съ тѣмъ умалается и въ совѣсти. Кто же вслѣдствіе того сознательно поработится какому-либо, хотя бы то одному грѣху, тотъ совершенно теряетъ и самую чистоту, подобно тому, какъ сосудъ полный чистой воды весь оскверняется и отъ малаго количества кала. Грѣхъ же здѣсь разумѣю я не тотъ, который и тѣломъ совершается, но всякое страстное влеченіе, бывающее невидимо въ душѣ,

съ которымъ душа сослагается. И не попустите себѣ, братія мои, не повѣрите слову моему, но вѣдайте, что, хотя бы мы исправили всякую добродѣтель и не оставили ни одной заповѣди Христовой, ни большой ни малой, хотя бы творили чудеса, но если потомъ возлюбимъ только одну славу человѣческую и взыщемъ ее, то погубимъ мзду всѣхъ прочихъ нашихъ добродѣтелей. Ибо ища славы человѣческой и предпочитая ее славѣ Божіей, мы подлежимъ суду какъ идолопоклонники, поколику служимъ твари паче Творца. Но и тотъ, кто не ищетъ, а только принимаетъ съ радостію и самоуслажденіемъ славу міра сего и, когда ему даютъ ее, сердце его радуется о ней, будетъ осужденъ, какъ блудникъ. Такой похожъ на человѣка, который, желая сохранить дѣвство, чуждается женщинъ, не ходитъ къ нимъ и не заводитъ съ ними знакомства, но, когда къ нему придетъ какая женщина, принимаетъ ее съ радостію и насыщается сластію смѣшенія. Тоже самое бываетъ и при всякой другой похоти и страсти. Въ зависть ли кто вдается, или въ сребролюбіе, или въ ненависть, или въ другую какую худобу, невозможно ему получить вѣнецъ правды. Ибо Богъ праведенъ, и не попускаетъ имѣть общниками неправедныхъ; Онъ безстрастенъ, и не сближается со страстными; святъ, и не входитъ въ душу оскверненную и злую. Золь же всякъ, кто принимаетъ въ душу свою сѣмя злаго діавола, плодоносящее въ немъ тернія и волчцы грѣха, сіи предвозженія вѣчнаго огня адскаго. Таковы зависть, ненависть, злопамятство, сердитость, самомнѣніе, тщеславіе, гордость, лукавство, подозрительность, клевета, и всякая другая срамная и низкая страсть, оскверняющая душу, какъ говоритъ Христосъ Господь.

Намъ же, братіе, не буди никогда принять по нерадѣнію своему внутрь сердца сѣмя злаго діавола, плодоносящее такіе плевелы; но да приносимъ всегда Христу Господу плоды отъ того, что сѣется и воздѣлывается въ насъ благодатію Святаго Духа, да приносимъ то въ три-

десять, то въ шестьдесятъ, то во сто, каковы: любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. И при этомъ да питаемъ себя хлѣбомъ вѣдѣнія и да возвращаемъ добродѣтелями, стремясь придти въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, Коему всякая слава, честь и поклоненіе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ОБЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ЧТЕНІЯХЪ ПО ДРЕВНЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

ПОКОЙНАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ПЕТРА СИМОНОВИЧА КАЗАНСКАГО.

Объ ученыхъ трудахъ и высокихъ нравственныхъ качествахъ профессора М. Д. академіи П. С. Казанскаго (скончавшагося 14 февраля 1878 года) не мало уже говорено въ печати *). Не была подробно раскрыта одна сторона научныхъ его трудовъ,—разумѣемъ особенности его направленія въ академическихъ лекціяхъ, обусловливавшіяся личнымъ религіозно - нравственнымъ его настроеніемъ. Очень любопытно знать, какой методъ и планъ науки выработаны профессоромъ, 32 года и съ такимъ достоинствомъ занимавшимъ кафедру: тѣмъ болѣе интереса представляютъ идеи и воззрѣнія его, которыя легли въ основу этого плана и метода, составляютъ отличительное достоинство научныхъ его изысканій,—а таковы именно тѣ особенности историческаго его направленія, съ которыми мы хотимъ познакомить читателей.

*) Въ Правосл. Обозр. за мартъ 1878 г. помѣщены: краткій некрологъ, три рѣчи, произнесенныя при его отпѣваніи, записка о его ученыхъ трудахъ,—статья Е. Г.,—и въ 32 № „Современности“ передовая статья.

Не въ духовномъ журналѣ писать о методѣ и планѣ гражданской исторіи его, о научныхъ приѣмахъ и достоинствахъ, которые характеризуютъ его, какъ профессора свѣтской науки. Мы имѣемъ въ виду приѣмы и воззрѣнія, которые обличаютъ въ немъ искренняго религіознаго мыслителя, сближаютъ его свѣтскую науку съ богословскими науками *).

Покойный профессоръ называлъ себя историкомъ объективистомъ: онъ всегда держался на твердой почвѣ фактовъ, почерпая ихъ изъ самихъ первоисточниковъ. Какъ собственныя его изысканія и изслѣдованія опирались на началахъ самихъ здравыхъ, твердо научныхъ, вполне мирившихся у него съ неизблемыми началами вѣры, такъ и въ слушателяхъ своихъ онъ умѣлъ пробудить критическую мысль, здравую, трезвую, основанную на положительныхъ данныхъ, чуждую всякаго поползновенія къ превратнымъ теоріямъ, или, какъ онъ выражался, къ предвзятымъ идеямъ, до которыхъ такъ падки новѣйшіе изслѣдователи исторіи. Но главное, большой знатокъ не одной гражданской, но и церковной исторіи, какъ всеобщей, такъ и русской, писавшій ученыя статьи и трактаты преимущественно по церковной исторіи, разработавшій въ печати не мало вопросовъ изъ области догматическаго, нравственнаго и обрядоваго богословія, онъ не останавливался на однихъ внѣшнихъ гражданскихъ событіяхъ, проникалъ во внутреннія сокровенныя причины явленій, восходя по нимъ до послѣдней, движущей міровыми событиями первопричины, отыскивалъ внутреннѣйшую связь своей науки съ богословскими и церковно-историческими науками, не вторгаясь, однакожь, въ чуждую ему область.

---

*) Въ декабрьской книжкѣ Душен. Чтенія помѣщена статья „о преподаваніи общеобразовательныхъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ“. Сказанное въ этой статьѣ о возможности религіознаго отгѣнка въ преподаваніи гражданской исторіи вполне оправдывается примѣромъ подобнаго преподаванія въ лицѣ покойнаго профессора. *Ред.*

Церковную исторію онъ признавалъ душею гражданской. Другъ и сподвижникъ знаменитаго профессора церковной исторіи, а въ послѣдствіи ректора Московской Духовной академіи Александра Васильевича Горскаго, занимавшійся большею частію одиѣми съ нимъ науками, работавшій тѣже научные приемы и вкусы, П. С — чѣ не безъ его мудраго содѣйствія начерталъ планъ тѣснаго соприкосновенія своей науки съ церковно-историческою; какъ во всемъ, они и въ настоящемъ дѣлѣ прекрасно пополняли другъ друга,—мысль, зачинавшаяся въ одномъ, дозрѣвала въ другомъ *). Частнѣе, въ видахъ сближенія гражданской исторіи съ церковною и библейскою, онъ сопоставлялъ и примирялъ съ библейскими сказаніями и памятниками христіанской древности древнѣйшія свидѣтельства и новѣйшія открытія исторіи, добытыя посредствомъ какихъ-либо раскопокъ и случайныхъ находокъ; углублялся въ смыслъ каждаго библейскаго мѣста, въ которомъ заключается какой бы то ни было намекъ на то или другое древнее историческое событіе, пользуясь для изъясненія этого мѣста всевозможными древними и новыми экзегетами; не оставлялъ безъ разбора ни одного пророчества, относившагося къ судьбѣ древнихъ народовъ. При сопоставленіи этихъ таинственныхъ пророчествъ съ историческою дѣйствительностію, во всѣхъ ихъ, повидимому неувимыхъ, частностяхъ и подробностяхъ, нашъ историкъ-экзегетъ поражалъ всѣхъ обширностію эрудиціи, тонкостію анализа, высотой созерцанія и особенно благоговѣйнымъ проникновеніемъ въ тайны Провидѣнія; и самъ онъ и слушатели его становились благоговѣйными зрителями, какъ «Всевышній влагалъ въ

---

*) Взаимодѣйствіе ихъ наукъ прекрасно охарактеризовалъ самъ покойный профессоръ: при переходѣ студентовъ на слѣдующій курсъ, онъ, съ свойственною ему скромностію, обыкновенно говорилъ имъ: „отъ меня вы узнали одиѣ согласныя буквы въ исторической азбукѣ, а гласныя услышите съ другой—церковно-исторической каѳедры, и тогда составляйте какой угодно алфавитъ и лексиконъ“.

уста своихъ провозвѣстниковъ судьбу царствъ и народовъ, какъ они по одному слову пророковъ возставали и падали». Столь безвѣстная судьба древнихъ царствъ и народовъ, столь внезапное и безслѣдное исчезновеніе ихъ съ исторической сцены получали у него удивительную опредѣленность и законченность. И сколько свѣта пролито имъ на тѣ стороны гражданской исторіи, которыми она соприкасается съ библейскою! Кто можетъ такъ основательно уяснить нравственныя причины возвышенія и паденія всѣхъ государствъ, ихъ мѣсто въ ряду другихъ народовъ и указать такъ наглядно пути Промысла въ дивныхъ судьбахъ царствъ и народовъ, премудро направляющаго всѣхъ къ послѣдней цѣли! Что, на основаніи общихъ теоретическихъ соображеній, высказывается кратко въ спеціальныхъ богословскихъ сочиненіяхъ, то онъ безъ всякой натяжки раскрывалъ на твердыхъ историческихъ данныхъ. На что въ старыхъ исторіяхъ были одни намеки, наприм. у Шрека, и чего вовсе нѣтъ въ новѣйшихъ исторіяхъ: Вебера, Шлоссера, Кольба, то развито и утверждено имъ на новыхъ прочныхъ основаніяхъ. Любопытно прослѣдить его общій планъ такъ называемой внутренней исторіи народовъ *). Главная мысль, проводимая имъ чрезъ всю эту исторію—та, что древнія великія царства, покорившія себѣ весь тогдашній міръ, такъ быстро падали и разрушались потому, что не исполняли той высокой миссіи, которая возлагалась на нихъ Провидѣніемъ, т.-е. не воспринимали отъ обитавшаго среди нихъ народа Божія лучшихъ религіозно-нравственныхъ идей и въ своей слѣпотѣ и душевномъ растлѣніи не послѣдовали благодатному призванію, къ которому они предуготовлялись въ христіанствѣ; да и въ христіанскомъ мірѣ тѣ только народы

---

*) Очертимъ этотъ планъ, насколько мы можемъ запомнить его, главнѣйше основываясь на краткихъ записяхъ, которыя мы вели за нимъ въ аудиторіи въ 1872/73 г. выбравъ теперь подходящія мѣста изъ всѣхъ годичныхъ записей.

живутъ полною гражданскою жизнью, обладаютъ будущностію, долговѣчностію, которые вошли въ духъ христіанства. Сообразно съ такою идеею, у нашего историка проходитъ такая смѣна и крушеніе народовъ. Колыбелью древней цивилизаціи былъ Египеть, но его образованность была чистою муміею, стоявшею взаперти; сношенія его съ другими народами были смертью для его цивилизаціи и смертью политическою. Не спасла его сравнительная (съ другими древними народами) строгость нравовъ. Почему же? Потому что отъ богоизбраннаго народа, съ которымъ онъ находился въ непрерывныхъ самыхъ близкихъ сношеніяхъ, отъ богооткровеннаго ученія онъ не хотѣлъ заимствовать свѣта жизни, а предоставленный самому себѣ, своимъ естественнымъ силамъ, онъ не могъ избѣгнуть смерти. Естественная нравственность и одного человѣка недостаточна для спасенія, онъ претъкается, падаетъ тогда, когда всего менѣе можно ожидать того: естественныя духовныя силы цѣлаго народа недостаточны для полноты его жизни; безъ Бога, безъ просвѣщенія и спасенія свыше онъ долженъ погибнуть, и онъ погибъ во цвѣтъ силъ, когда на него повѣяло новою лучшею жизнью. Его преждевременная и ужасная гибель необъяснима безъ особенной небесной кары.—Когда Египтяне доживали свой политическій вѣкъ, на всемірно-историческое поприще выступили Ассиро-Вавилоняне, а за ними Персы. У Ассиро-Вавилонянъ и Персовъ науки и искусства древняго Востока достигли апогея своего развитія. Духовное превосходство ихъ надъ всѣми другими народами естественно влечетъ за собою порабощеніе имъ послѣднихъ. Сперва Ассиро-Вавилоняне, потомъ Персы покоряютъ себѣ весь тогдашній міръ. Но побѣдители вселенной были побѣждены отъ собственныхъ страстей, Вавилоняне преимущественно отъ чувственныхъ, отъ непомѣрной роскоши, расточительности, пьянства и разврата; Персы сначала отъ душевныхъ страстей: адской вражды, злобы, кровавыхъ интригъ и междоусобицъ, дикаго произвола и

деспотизма, а потомъ и отъ грубыхъ чувственныхъ, которыя перешли къ нимъ отъ покоренныхъ ими Вавилонянъ. Но главное—тотъ и другой народъ, согласно Ветхозавѣтнымъ пророчествамъ, осуждены на гибель за то, что они не исполняли тѣхъ цѣлей, для которыхъ они избраны были орудіями гнѣва небеснаго въ отношеніи къ преступившему предъ Богомъ народу еврейскому, за то, что они смотрѣли на себя только какъ на карателей и отмстителей неправды его, какъ на безпощадныхъ бичей и кровавадныхъ палачей,—за то, что безчеловѣчно карая и истребляя покоренный ими народъ, не хотѣли покориться его богооткровенному ученію и распространить его среди всѣхъ тѣхъ народовъ, которыхъ Провидѣніе собрало подъ ихъ власть.—Финикіане, раскинувшіе сѣть торговыхъ сношеній по всему древнему міру, призваны были Провидѣніемъ для повсемѣстнаго распростращенія не матеріальныхъ только благъ цивилизаціи, но и идей и даровъ болѣе высшаго, нравственнаго свойства. Какъ же и какихъ именно? Не простая судьба и случайность перебросила ихъ съ края на край моря (съ персидскаго залива на восточную окраину Средиземнаго моря), посадила на рубежѣ святой земли, свела и сдружила съ богоизбраннымъ народомъ, какъ ни съ кѣмъ болѣе въ мірѣ,—они сходствовали съ нимъ даже въ языкѣ: чрезъ это одно не призывались ли они быть правою его рукою, споспѣшниками и пособниками въ выполненіи его священной всемірно-исторической задачи? А это неусдержимое стремленіе проникать «до послѣднихъ земли», эта ничѣмъ ненасытная жажда всесвѣтныхъ стяжаній, готовая въ себѣ самихъ поглотить весь міръ, не должна ль была внушить имъ, что они не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ той неисповѣдимой, всевышней силы, которая влечетъ ихъ, неслѣдомо для нихъ самихъ, за предѣлы, такъ сказать, земли, зоветъ ихъ къ болѣе высшей миссіи, чѣмъ обладаніе, стяжанія, насажденіе суетной меркантильной образованности и грубо-чувственнаго религіознаго культа,—что мучающая ихъ жажда

можетъ быть удовлетворена болѣе высшими благами (плодами болѣе чистой, нравственно - религіозной жизни), которыя были такъ недалеко отъ нихъ и къ которымъ такъ сильно призывали ихъ пророки Божіи? Но они вмѣсто того, чтобъ внять священному призыву, чтобъ самимъ озаряться и другимъ свѣтитъ свѣтомъ религіозно-нравственныхъ идей, который свѣтился вблизи ихъ у священнаго народа, производили на него мрачное, растлѣвающее вліяніе и въ отношеніи къ другимъ народамъ не выполнили своего историческаго призванія. И потому, оставленные Провидѣніемъ, они должны были уступить мѣсто народу болѣе богатому духовными силами—греческому, надъ которымъ они въ нѣкоторой мѣрѣ исполняли роль учителя и воспитателя, но который возросъ теперь въ исполина духа и призванъ Провидѣніемъ быть вождемъ духовнаго развитія всего человѣчества. Въ неравной борьбѣ съ этимъ новымъ исполиномъ древній Финикійскій исполинъ, одряхлѣвшій въ нѣгѣ и роскоши, нравственно растлѣнный и испорченный, долженъ былъ пасть. Этотъ новый геніальный народъ покоряетъ себѣ нравственно не однихъ тогдашнихъ всесвѣтныхъ цивилизаторовъ Финикіянъ, но въ лицѣ Персовъ побѣждаетъ всю Азію; мысль, духъ окончательно восторжествовали надъ грубою физическою силою; начатки культуры, положенныя въ Азіи и переданныя Грекамъ главнымъ образомъ Финикіянами, перерабатываются съ идеально-духовной стороны, усовершенствуются такъ, что сама Азія не узнаетъ уже твореніе рукъ своихъ,—возникаютъ и цвѣтутъ науки и искусства, которыя до сихъ поръ составляютъ образовательную силу для всего человѣчества. Среди этого народа хотя не свѣтилъ свѣтъ Богооткровенной истины, какъ онъ свѣтилъ человѣческому роду чрезъ Богоизбранный народъ, зато здѣсь сіялъ свѣтъ естественнаго разума на высотѣ, какою только Греки могли достигнуть своими собственными силами. Повидимому этотъ превыспренній свѣтъ долженъ разогнать всеобщій нравственный мракъ и водворить зо

лотой вѣкъ въ общественной и государственной жизни. Но что же вышло? Нравственное ученіе и личная нравственность наилучшихъ философовъ, такъ называемыхъ, праведниковъ язычества, далеки были отъ истиннаго совершенства. Масса же народная оставалась чужда проповѣдуемой ими морали; ее обуяла страсть къ нѣгѣ, расточительности, сластолюбію всѣхъ родовъ, къ играмъ и зрѣлищамъ, праздности, легкомыслію. Суровая Спарта, послѣ войнъ Персидскихъ, особенно-жь Пелопонезской и священныхъ, не составляла въ этомъ исключенія. Между республиками Греческими шли непрерывныя почти войны за гегемонію; всѣ классы общества и частныхъ лицъ раздирала борьба партій, личная вражда, и эта взаимная ожесточенная вражда, въ связи со всеобщимъ нравственнымъ растлѣніемъ, погубила Греческія государства, не давъ имъ просуществовать и 500 лѣтъ. И куда дѣвались идеальныя государства Платона? Идеи, мечты остались мечтами, химерою, а неумолимая судьба выдвинула новаго всемірнаго завоевателя—Македонянь. Правда, геній великаго народа не угасъ, онъ нравственно восторжествовалъ надъ самими побѣдителями: всемірная монархія Александра Македонскаго явилась только для того, чтобы распространить греческую образованность по всему Востоку. Греческая образованность, нравы и языкъ стали царить всюду, но монархія Александра, распавшись на многія мелкія владѣнія, покорена была Римлянами. Умственный геній, при всѣхъ его заслугахъ для науки, самъ по себѣ не могъ создать и упрочить благосостояніе государства.—Желѣзный Римъ покорилъ себѣ весь свѣтъ, скопилъ себѣ всѣ пріобрѣтенія Кира, Александра В., овладѣлъ сокровищами всего свѣта; объединилъ въ себѣ все человѣчество въ отношеніи закона, языка, науки, нравовъ и обычаевъ. Но всемірный тиранъ, покоривъ весь свѣтъ, вонзилъ мечъ въ себя самого. Покоренные народы, отдѣльныя сословія и лица жили и враждовали какъ звѣри, во взаимномъ озлоб-

леніи грызя и истребляя другъ друга. Любовь и состра-
дательность къ ближнимъ объявлена преступною сла-
бостію. Положеніе раба стало хуже участи вьючнаго
скота. И это въ государствѣ, гдѣ выработалось знаме-
нитое римское право. Страсть къ циркамъ, театрамъ,
всякимъ оргіямъ разврата дошла до того, что сенать
опредѣлилъ смертную казнь всякому, кто осмѣлился бы
напомнить народу о злобности этихъ страстей. Нрав-
ственность человѣчества ниспала до такого низкаго, от-
чаяннаго состоянія, что безъ помощи и обновленія свы-
ше родъ человѣческой немедленно и безвозвратно дол-
женъ былъ бы погибнуть *); а между тѣмъ виѣшнее по-
литическое объединеніе всего человѣчества вполнѣ под-
готовило его къ внутреннему, нравственному объединенію
въ новомъ всемірномъ и премірномъ царствѣ мира и любви:
настала наконецъ кончина лѣта или предопредѣленіе
время, явился Спаситель міра, а съ нимъ и новое цар-
ство мира и любви.

Новое божественное ученіе, принесенное Спасителемъ
міра, должно было внести новое начало въ жизнь человѣ-
чества. Христіанская религія есть достояніе всего человѣ-
чества, а не одной какой-либо націи, каковы были религіи
всѣхъ древнихъ народовъ. Ея Богъ есть Богъ вселенной, а
не одного какого-либо народа, племени. Доступъ къ молит-
вѣ открытъ въ ней для всѣхъ, не исключая ни одного ро-
да и званія, какъ было то у Римлянъ. Молитва становится
живымъ чувствомъ общенія съ Божествомъ, а не какимъ
нибудь заклинательнымъ напѣвомъ, и религіозное чувство
получаетъ самое возвышенное духовное направленіе. Но
что всего важнѣе, повелѣвая воздавать Божія Богу, а
кесарева кесареви, христіанская религія не посягаетъ на
права государства: не узаконяетъ никакихъ формъ поли-

---

*) Воспроизводитъ печальную картину тогдашняго нравственнаго
состоянія и состоянія рабства, которую такъ мастерски умѣлъ на-
рисовать нашъ историкъ, было бы очень долго.

тическихъ, ни монархической, ни республиканской, а какія формы власти существуютъ, тѣмъ она велитъ повиноваться. Политики она не стѣсняетъ, придаетъ ей только нравственный чистый характеръ. Проповѣдуя новые человѣколюбивые взгляды на значеніе, жены, дѣтей, на права собственности и взаимныя отношенія членовъ общества, она влагаетъ новый строй въ жизнь семейную, общественную, а затѣмъ государственную. Науки и искусства, у самихъ Грековъ связанныя формою, образцомъ, границею, получаютъ въ христіанствѣ новое, безпредѣльное усовершенствованіе, конецъ котораго въ безпредѣльномъ Божествѣ. Новыя понятія объ абсолютной справедливости, честности, безграничной любви и самоотверженіи и полнота даруемыхъ свыше силъ, яже къ животу и благочестію, обезпечиваютъ собою такое же безпредѣльное нравственное совершенствованіе человѣчества, какъ безпредѣльно стало его умственное преспѣваніе. Словомъ, въ христіанствѣ полагаются начала повому безконечному усовершенствованію жизни народной, общечеловѣческой. Христіанство свою зиждительную всемогущую силу по отношенію къ государству обнаружило не вдругъ. Хотя въ 3-мъ уже вѣкѣ бѣольшая часть Римскаго народа состояла изъ христіанъ, а въ IV в. при Константинѣ В. христіанская религія сдѣлалась, какъ извѣстно, господствующею и церковь во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ воспитала сонмы мучениковъ и святыхъ, но жизнь христіанъ, массы въ IV и V вв. далеко не соотвѣтствовала духу христіанства, не отвѣчала требованіямъ Евангелія и изданнымъ при Константинѣ христіанскимъ гражданскимъ узаконеніямъ; общественныя учрежденія, строй государства остались еще языческія,—преторіи, куріи, даже цирки, театры—все еще было языческое. Но жизнь никогда не исчерпываетъ духа христіанства: его духъ необъятенъ, содержаніе безпредѣльно. И что бы ни случилось съ жизнію, Евангеліе и развитое изъ него законодательство будутъ всегда стоять какъ свѣтлые маяки, указывающіе спаси-

тельный путь для жизни всѣхъ временъ и народовъ. Мало привилось христіанство къ одному народу, оно привьется лучше къ другимъ народамъ. Никто не вливаетъ вино новое въ мѣхи старые: тотъ же Константинъ Великій, видя невозможность изъ стараго Римскаго государства организовать новое христіанское, создаетъ новое христіанское царство, Восточную Римскую имперію и вводитъ въ нее такія государственныя учрежденія (министерства, чины, гражданскія власти отдѣльныя отъ военныхъ), которыя потомъ перешли во всѣ европейскія государства. Въмѣсто отверженнаго Римскаго народа съ паденіемъ Западной Римской имперіи, призываются къ жизни народы германскіе и славянскіе, цѣльные, дѣвственные, не тронутые нравственно растлѣвательною цивилизаціей и потому способные глубже войти въ духъ христіанства, въ полноту его жизни.

Новыя христіанскія государства несравненно долговѣчнѣе старыхъ языческихъ и имѣютъ славную будущность. Но откуда они получили прочныя начала гражданственности и государственности? Многочисленные германскіе народы мало-по-малу объединила подъ собою единая папская власть, связавъ ихъ единствомъ вѣры, нравовъ, общественныхъ учрежденій. Для этихъ полудикихъ и кочевыхъ ордъ папская верховная власть была лучшею формою правленія, но она скоро перешла границу, превратилась въ деспотизмъ, тиранию. Она давила, обезличивала національности народовъ, не позволяя имъ даже служить и славословить Бога на ихъ родномъ языкѣ, и властвовала надъ убѣжденіями народовъ силою матеріальною. Она явно или тайно присовокуплялась къ каждому непріятельскому вторженію одного народа въ предѣлы другаго и мечемъ своимъ и другихъ народовъ проводила свои идеи. И не прямо, съ честію и правдою, становилось папство на извѣстную сторону въ борьбѣ народа съ народомъ или народа съ императоромъ, но принимало сторону той партіи, которая сулила ему больше выгодъ.

Часто и само поднимало кровавыя междоусобныя войны съ императорами и народомъ, внося въ жизнь народа, вмѣсто мира и любви, мечъ и раздѣленіе. Давленіе папской власти наконецъ уничтожило тронъ германскихъ императоровъ. Мы уже не говоримъ, какой соблазнительный примѣръ подавало народу большинство папъ, въ высшей степени развратныхъ и безнравственныхъ. Отъ папства духъ міра и властолюбія заразилъ собою и всю западную іерархію. Епископы, прелаты стали владѣтельными князьями, вассалами, занимались охотою, ходили на войну, дѣлали рыцарскіе разбойническіе наѣзды на мирныхъ обитателей, и епископскій феодализмъ съ его буйнымъ произволомъ покрылъ своею сѣтью всю почти Германію. Словомъ, на западѣ, въ средніе вѣка, Церковь Христова—это царство не отъ міра сего, сдѣлалась земнымъ, человѣческимъ царствомъ, духа истиннаго христіанства не стало. Да его и не могло быть здѣсь по самому складу ума, по національнымъ особенностямъ главныхъ хранителей и распространителей католицизма—римской куріи и итальянскаго народа. Какъ древній Римскій народъ, такъ и позднѣйшая его отрасль—средневѣковые Итальянцы и Римская курія отличались практическими стремленіями и взглядами, одностороннимъ внѣшнимъ развитіемъ своихъ духовныхъ силъ, направленіемъ ихъ на пластическую, общежитейскую сторону. Оттого Римская церковь усвоила больше внѣшнюю сторону въ ученіи Спасителя и поняла ее грубо, матеріалистически. Не усвоивъ себѣ истинной сущности и характера христіанства, ставъ во враждебныя отношенія къ государствамъ, католичество не могло созидать благосостоянія западныхъ государствъ, не было прочною основой ихъ гражданственности и государственности. Не то было на православномъ Востокѣ. Правда, и здѣсь много было нестроений, шли частыя усобицы, но не между императорскою и церковною властями, а между многоразличными партіями и народностями, изъ которыхъ состояло это государство. Здѣсь

государственная власть развилась и возвысилась на счетъ церковной, но церковь не вмѣшивалась въ права государства; іерархія здѣшняя, за весьма немногими исключеніями, соотвѣтствовала своему назначенію, чужда была мірскаго властолюбія и высокомерія, и не въ одной іерархіи, во всемъ народѣ вообще обиталъ истинный духъ христіанства и былъ душою души его. Оно и понятно. Греческій востокъ, достигшій полнѣйшаго и всесторонняго развитія своихъ силъ, на всѣ произведенія наукъ и искусствъ наложившій печать высокой художественности, строгаго соотвѣтствія между идеею и формою, духомъ и матеріею, болѣе всѣхъ способенъ былъ войти въ глубины духа и жизни христіанства, не отрѣшаясь отъ его внѣшности и формы и выдерживая между ними строгую гармонію: и православный востокъ, дѣйствительно, отличался нормально развитымъ духовнымъ складомъ, здравымъ религіознымъ міросозерцаніемъ, и ему суждено Промысломъ быть органомъ раскрытія и уясненія вселенской истины; самыя ереси, такъ часто возникавшія на востокѣ, послужили къ полнѣйшему раскрытію истины православія. Тотъ же греческій народъ, который въ классическихъ наукахъ и искусствахъ и до сихъ поръ служитъ образцомъ всей Европы, который разработалъ у себя христіанскую науку, долженъ былъ, въ намѣреніяхъ Провидѣнія, благоустроить и практическую жизнь всѣхъ европейскихъ народовъ, выработавъ для нихъ полный циклъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ. Этотъ необъятный циклъ законодательства выработанъ въ Византіи на почвѣ древняго Римскаго права въ три длинные періода времени: отъ Константина Великаго до Юстиніана (отъ 324—527), особенно при Θεодосіѣ II, Пульхеріи и Маркіанѣ, отъ Юстиніана до Василія Македонянина (527—867) и отъ Василія Македонянина до Комнинныхъ включительно 867—1200. Замѣчательно, что классическая Греція—всѣ ея Сократы, Платоны и Аристотели не произвели ничего похожаго на новое христіанское законодательство: химерическое го-

сударство Платона развѣ можетъ быть сравниваемо съ государственнымъ строемъ новаго христіанскаго законодательства? Въ выработкѣ этого законодательства, легшаго въ основу гражданственности и государственности всеѣхъ народовъ Европы, состоитъ безцѣнная заслуга православной восточной державы. Другая не менѣ важная заслуга ея предъ исторіею въ томъ, что она цѣлую тысячу лѣтъ стояла на стражѣ европейской цивилизаціи противъ дикихъ и кочевыхъ ордъ; отстояла свободу Европы отъ напора этихъ варварскихъ ордъ, утвердила евангельскими словами могущество Рима тамъ, гдѣ притупилось жало его меча. А сколько странъ и народовъ просвѣтила она христіанствомъ и цивилизовала ихъ! Итакъ, съ Востока свѣтъ! На востокъ православіе было главною стихіей гражданственности, душою и жизнію государства; отсюда же, чрезъ выработанное здѣсь законодательство, распространилась зиждущая и организующая сила во все государство и народы Европы; отсюда вышла и проникла во всю Европу созидаящая благосостояніе царствъ истинная жизнь христіанства.

Какъ ни кратко очертили мы общій планъ чтеній нашего профессора по гражданской исторіи, но при всей краткости нашего экстракта, общій духъ и направленіе его лекцій, надѣмся, удержаны нами. И по этому небольшому экстракту можно судить объ обширности познаній, о глубинѣ взглядовъ, оригинальности метода, а главное — о благочестивомъ, возвышенномъ и благородномъ настроеніи души его; онъ поистинѣ вложилъ въ науку часть своей души; наукѣ свѣтской, гражданской умѣлъ придать направленіе духовное, истинно религіозное; былъ наилучшимъ выразителемъ того строго православнаго направленія, каковымъ издавна отличается постановка науки въ Московской Д. Академіи. Нельзя не пожелать, чтобы наставники среднихъ учебныхъ заведеній преподавали гражданскую исторію въ томъ же благочестивомъ чувствѣ, внушая питомцамъ тоже благоговѣніе къ судьбамъ Про-

мысла, являемымъ въ жизни царствъ и народовъ, туже преданность къ святой истинѣ православія, какія умѣлъ вдохнуть незабвенный профессоръ въ признательныхъ къ нему слушателей.

И. С— въ.

БЕСѢДА СЪ СТАРООБРЯДЦАМИ,

9 апрѣля 1878 года въ дер. Сельцѣ.

Со стороны старообрядцевъ защитниками ихъ лжеученія были тѣже лица, какія участвовали въ бесѣдѣ, происходившей въ Городецк. волост. правленіи 2 апрѣля *): Артемій Ивановъ, Иванъ Павловъ и, кромѣ ихъ, Савелій Агаповъ, одинъ изъ исправителей раскольниковыхъ требъ.

Я предварительно объяснилъ стороннимъ слушателямъ изъ старообрядцевъ, не участвовавшимъ въ прошедшей бесѣдѣ, предметъ оной и то, на чемъ остановилось тогда дѣло; прочиталъ вслухъ главнѣйшія изъ правилъ (изъ Номоканона и Кормчей) о совершителяхъ таинства исповѣди и за тѣмъ, обратившись къ представителямъ старообрядства, спросилъ ихъ: приготовили-ль вы, братіе, надлежащій отвѣтъ въ защиту своей, чрезъ простыхъ мірянъ совершаемой, исповѣди,—какъ то обѣщали въ прошедшій разъ?

Артемій Ивановъ. Мы тебѣ читали въ прошлый разъ, да ты не вѣришь; какого жъ тебѣ еще отъ насъ отвѣту надо?

Я: ты, Арт. Ив., читалъ о крещеніи, а я васъ спрашивалъ объ исповѣди; потому что у насъ объ исповѣди шла рѣчь, а не о крещеніи. Я съ своей стороны показалъ вамъ отъ писанія, что прощать и разрѣшать грѣхи

*) См. изложеніе этой бесѣды въ апрѣльской книжкѣ Дух. Чтенія.

кающимся могутъ одни епископы, и отъ нихъ пріавшіе власть, пресвитеры, т.-е. священники; и что не только простецы-міряне, но и діаконы и прочіе причетники этой власти не имѣютъ, и принимать исповѣди уже не могутъ. Вы же наоборотъ говорите, что и міряне разрѣшать отъ грѣховъ кающихся совершенно могутъ. Но такъ какъ одни слова, безъ указанія на то ясныхъ доказательствъ и основаній въ св. Писаніи, не имѣютъ никакой силы и значенія, то я просилъ васъ,—если вы имѣете или нашли такое доказательство въ писаніи, потрудитесь указать и прочитатъ такое мѣсто.

Арт. Ив. Найдемъ. Вотъ, по нуждѣ, крестить дозволяется и мірянамъ. Стало быть, по нуждѣ, мірянамъ и исповѣдать можно.

Мойъ отвѣтъ: смертнаго ради случая, дѣйствительно крестить дозволяется и мірянину, лишь бы былъ православный. Это правило всѣмъ извѣстно; и мы крещеныхъ бабкою не перекрещиваемъ. Но это исключеніе изъ общаго правила касается только таинства одного крещенія, и при особенно крайнемъ, смертномъ случаѣ; касательно же исповѣди, и даже въ смертномъ случаѣ, такого правила св. Отцами не положено; напротивъ, въ 43 правилѣ Кароаг. собора рѣшительно сказано, что и священникъ (не то что мірянинъ), безъ воли епископа, и нужды ради, не можетъ разрѣшить кающагося. О мірянахъ же, отваживающихся на подобное дѣло, Номоканонъ говоритъ, что такое ихъ дѣло есть злая хула на Бога и они за то хуже злыхъ бѣсовъ обрящутся и судимы будутъ. Итакъ сдѣланное вами сейчасъ указаніе на крещеніе, въ смертномъ случаѣ, младенцевъ бабками, вашей безпоповской исповѣди, чинимой вами не въ смертномъ случаѣ, а надъ здоровыми, ни мало не оправдываетъ, а скорѣе еще обвиняетъ. Посмотрите тутъ же въ Номоканонѣ (пониже, на тойже страницѣ, л. 67), что сказано тамъ о томъ, если младенецъ, крещеный бабкою, останется живъ: такъ ли оставить нужно младенца, при одномъ крещеніи — баб-

кою, или другое что необходимо съ нимъ сдѣлать? Скажите.

Артемій Ив. усиливается забыть рѣчь сторонними предметами.

Я сказалъ: Нѣтъ, Арт. Ив., ты дай мнѣ прямой отвѣтъ.

Арт. Ив. Мы это знаемъ давно; да гдѣ жъ намъ взять муро?

Мое слово: Арт. Ив.! Ты читалъ о крещеніи, нужды ради смертныя, и чрезъ мірянина, вслухъ. Потрудись пожалуйста прочитавъ вслухъ всѣхъ, какъ слѣдуетъ поступить въ томъ случаѣ, если младенецъ, крещенный не священникомъ, останется живъ? А то вы, прочитавши одно, другое стараетесь умалчивать и скрывать отъ слушателей и чрезъ такое укрываніе истины стараетесь вводить простыхъ людей въ обманъ и заблужденіе.

Арт. Ив. Что намъ тамъ читать?

Я сказалъ: ты не хочешь; такъ я и самъ прочитаю. Вотъ что по этому предмету въ Номоканонѣ сказано: «*Вопр.* Елико аще крещаютъ не священніи, мужіе же и жены, или иноцы, что достойтъ творити?—*Отв.* Аще умретъ крестивыйся, прежде нежели постигнути священнику (изъ этихъ словъ ясно, что за священникомъ должно быть уже послано), божественная благодать совершаетъ и: аще ли же живъ будетъ, да паки поставитъ ѿ священникъ въ купѣль, и молитвы и муро по обычаю творить. Тоже и Никифоръ патріархъ Цареградскій глаголетъ» л. 67.—Итакъ, видите, по правиламъ св. Отець, смертнаго ради случая, дозволено окрестить младенца и лицу неосвященному; но если младенецъ остался живъ, то дополнить крещеніе чтеніемъ молитвъ и совершить надъ нимъ таинство св. муропомазанія долженъ непременно священникъ.

Артемій Ив. Мы это знаемъ; но у насъ нѣтъ св. мвра.

Я сказалъ: такъ вы бы его достали и освятили сами.

Артемій: намъ этого творить не подобаетъ.

Мой вопросъ: Почему жъ не подобаетъ?

Артемій: у насъ архіерея нѣтъ.

Я сказалъ: если у васъ нѣтъ св. муро потому, что нѣтъ и архіерея и, стало быть не кому освятить муро, то откуда же у васъ взялась власть вязать и рѣшить грѣхи человѣкамъ, помимо архіерея, безъ воли коего, сказано въ правилахъ св. Отецъ и соборовъ, никтоже можетъ разрѣшити кающагося?

Ив. Павловъ: мы живемъ постариковски: такъ жили отцы и дѣды наши.

Я: вы живете, стало быть, по особому, своему закону стариковъ и дѣдовъ вашихъ, а не по тому закону, какой содержится вотъ въ этихъ книгахъ и данъ намъ въ словѣ Божіемъ и писаніяхъ св. Отецъ.

Ив. Пав.: нѣтъ, мы, живемъ по писанію отецъ.

Я. Все писаніе вотъ, видите, велитъ на исповѣдь идти къ священникамъ; а исповѣдь къ лицамъ не освященнымъ повелѣваетъ считать ни во что. Итакъ, опять я къ вамъ съ просьбой: найдите мнѣ правило, оправдывающее вашу къ простолюдинамъ исповѣдь.

Артемій: можетъ и есть гдѣ, да всего вдругъ не отыщешь.

Я замѣтилъ: вамъ дано было достаточно времени, чтобы пріискать такія мѣста, если они есть дѣйствительно.

Ив. Пав.: это вамъ досужно, а намъ некогда; мы съ утра до ночи за сохой въ полѣ.

Я: такъ говорить прилично всякому другому, хоть бы примѣрно Арт. Иванову, но не вамъ съ Сав. Агапичемъ: Артемій Ив. не принимаетъ людей на духъ, а вы, съ Сав. Агап., принимаете; такъ вамъ, когда васъ спрашиваютъ, предъ вашими духовными дѣтьми, — о томъ, откуда вы получили духовническую власть и на какомъ законномъ основаніи вы дѣйствуете принимая къ себѣ на исповѣдь кающихся,—вамъ, въ оправданіе себя и успокоеніе совѣсти своихъ дѣтей духовныхъ, нужно, необходимо нужно знать твердо правила св. Апостоль и св. Отецъ. Иначе, всякъ въ правѣ заподозрить васъ во лжи и обманѣ...

Сыпъ Савселя Агапова *Василій*: что жъ вы молчите? Докажите ему отъ писанья, что правильно поступаете. Окончите эту статью: мало ли время онъ спрашиваетъ васъ о томъ? Чего жъ вы прямого отвѣту не дадите?

Арт. Ив. (горячась): развѣ ты не слышишь, что онъ никакихъ резоновъ нашихъ не принимаетъ?

Я: Василій Савельевъ говоритъ вамъ правду: его рѣчь резонна.

Арт. Ив.: у еретиковъ какая исповѣдь? Щепотью развѣ могутъ совершаться тайны?

Я: нужно давать на вопросъ отвѣтъ, а не бросаться изъ стороны въ сторону. Мы съ вами разсуждаемъ о исповѣди — и больше ни о чемъ, — это первое; второе: разсуждаемъ, на основаніи слова Божія и писаній свят. отецъ; говоримъ не о еретическихъ обычаяхъ, порядкахъ, а о законахъ Церкви православной. Вотъ я васъ и прошу всѣхъ троихъ: словомъ Божиимъ, писаніями св. отцовъ, докажите, что и ваша исповѣдь имѣетъ такую же силу, значеніе и достоинство, какъ исповѣдь церковная. Разсудите безпристрастно: вѣдь мое требованіе отъ васъ справедливо! Доселѣ вы ничего мнѣ не представили подобнаго. Вѣдь нужно же чѣмъ-нибудь порѣшить этотъ вопросъ. Или вы должны сознаться въ томъ, что такого правила вы въ книгахъ не отыскали еще, а отыщете къ другому разу.

Арт. Ив.: на св. недѣлѣ я поѣду въ Сольцу; оттуда 100 книгъ привезу; и «Щитъ вѣры» достану: тогда на все дамъ отвѣтъ.

Я: я и на то согласенъ. Слышите, братцы, *Арт. Ив.*—чѣ беретъ на Пасхѣ съѣздить въ Сольцу, привезетъ оттуда сотню книгъ и книгу «Щитъ вѣры», и тогда на все дастъ отвѣтъ. Итакъ рѣшеніе о вашей исповѣди снова откладывается *Артемьемъ Ив.* до поѣздки его въ Сольцу за книгами.

А вы (обращаясь къ другимъ двумъ наставникамъ) не можете ли дать теперь какого отвѣту?

Оба наставника отказались. Артемій сказалъ, что онъ за нихъ отвѣтчикъ. Вопросъ объ исповѣди былъ снова отложенъ до другаго времени.

Чтобы не остаться съ своей стороны въ долгу у васъ, продолжалъ я,—и чтобы вы не могли сказать, что я васъ не слушаю, вотъ теперь, пожалуй, Артемій Ив., поговоримъ о томъ, почему мы принимаемъ Латинъ къ себѣ въ Церковь чрезъ мѣропомазаніе, не повторяя надъ ними крещенія,—какъ того требуетъ соборное уложеніе патр. Филарета,—о чемъ ты читалъ въ прошедшій разъ... Но прежде нежели начать рѣчь объ этомъ предметѣ, мнѣ хотѣлось бы разъ навсегда рѣшить слѣдующій вопросъ: въ случаѣ разнорѣчія между книгами и даже противорѣчія однѣхъ другимъ, которымъ книгамъ слѣдуетъ болѣе вѣрить и которыя книги которыми повѣрять? Вотъ напр. двѣ книги: Кормчая и Кириллова именуемая,—обѣ вами уважаемы. И еслибы случилось такъ, что объ одной статьѣ въ одной книгѣ говорилось такъ, а въ другой книгѣ о тойже самой статьѣ говорилось совершенно иначе; то которой изъ этихъ двухъ книгъ нужно было бы больше вѣрить? Кирилловой или Кормчей?

Артемій Ив—*вз*: по нашему, Кириллова книга дороже и важнѣе Кормчей.

Я сказалъ: чѣмъ же вы это докажете?

Арт. Ив. только повторилъ свое мнѣніе.

Я сказалъ: такое ваше мнѣніе противно писанію и свидѣтельству самихъ этихъ книгъ. Послѣ Слова Божія, книгъ свящ. писанія Ветхаго и Новаго Завета, какія книги, по указанію св. отецъ, должны служить намъ главнымъ руководствомъ, при утвержденіи себя въ Вѣрѣ православной?

Арт. Ив.: книги св. отцовъ.

Я сказалъ: правила и ученіе св. 7 Вселенскихъ соборовъ и 9 помѣстныхъ выше и важнѣе поставляются ученія того или другаго св. отца Церкви. На 7 Всел. соборахъ утверждена и сама православная Вѣра (Большая)

шой кат. л. 13 об. Малый кат. л. 9 об.). Это, я полагаю, и сами вы хорошо знаете. Такимъ образомъ поставлять Кириллову книгу (въ дѣйствительности же, совсѣмъ не Кириллову, но безыменнаго писателя) выше книги Кормчей, въ которой содержатся правила св. Апостоль, соборныя и нѣкоторыхъ св. отцовъ, — значить унижать и оскорблять высокое значеніе въ дѣлѣ Вѣры и достоинство святыхъ 7 Вселенскихъ соборовъ и св. отцевъ, и идти во слѣдъ еретиковъ, отвергавшихъ ученіе святыхъ соборовъ и отцевъ.

Арт. Ив.: а развѣ Кирилль не святой былъ?

Мой отвѣтъ: Кирилль былъ святой; да еслибы книга эта и въ дѣйствительности была имъ написана вся, и въ такомъ случаѣ она была бы ниже, по значенію своему, книги Кормчей, заключающей въ себѣ ученіе и правила св. 7 соборовъ. А главное: глаголемая Кириллова книга, и составлена-то совсѣмъ не Кирилломъ Іерусалимскимъ, а безыменнымъ писателемъ, и напрасно украшается именемъ сего великаго церковнаго учителя. Знаешь ли, въ какое время жилъ св. Кирилль Іерусалимскій?

Арт. Ив.: не знаю,—я его житія не читаль.

Я отвѣчалъ: въ IV вѣкѣ послѣ Рождества Христова. А книга Кириллова въ какое время, полагаете, составлена?

Арт. Ив.: не знаю...

Я замѣтилъ: Такъ отвѣтствовать нельзя вамъ, когда взялись защищать вашность и достоинство книги Кирилловой. Если же и дѣйствительно вы не знаете ничего вѣрнаго о времени составленія сборника разныхъ статей, извѣстнаго у насъ и у васъ подъ именемъ книги Кирилловой, то я вамъ скажу опять, что сборникъ этотъ или такъ называемая Кириллова книга составлена около 1621 года, спустя, значить, 1200 слишкомъ лѣтъ послѣ свят. Кирилла Іерусалимскаго; составлена у насъ въ Россіи; но къмъ именно, того въ книгѣ не указано. Говорять, что она составлена черниговскимъ протопопомъ Михаиломъ Роговымъ. На время написанія и составленія этого

сборника есть указанія въ самой книгѣ (л. 245). Правила же св. соборовъ, печатаемыя въ книгѣ Кормчей, принадлежатъ самимъ св. соборамъ, современны имъ и, по ученію Церкви православной, послѣ книгъ свящ. писанія составляютъ главное ея и нерушимое утвержденіе. Во всемъ, что касается вѣры, Кириллова книга ссылается на Кормчую, а не Кормчая на Кириллову. О вашей Кирилловой книгѣ нигдѣ нѣтъ и помину; а безъ Кормчей—нельзя обойтись никакъ въ дѣлахъ Вѣры и Церкви, — какъ корабельникамъ безъ руля или кормила. Не напрасно потому и называется эта книга Кормчею, т.-е. Кормиломъ Церковнымъ.

Арт. Ив.: И въ Кирилл. книгѣ есть правила соборовъ.

Я: есть, правда; но выписаны изъ книги Кормчей, — какъ есть въ ней слова и мѣста, взятая изъ Евангелія, Апостола и другихъ св. книгъ. Но это доказываетъ только то, что Кормчая книга выше и безмѣрно важнѣе Кирилловой.

Артеміѣ Ив.: а если ты нашимъ книгамъ не вѣришь и ихъ порочишь, зачѣмъ ты ихъ и принесть съ собою?

Мой отвѣтъ: что въ нихъ согласно съ Словомъ Божиимъ и ученіемъ и правилами св. Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, тому я вполнѣ вѣрю; а что въ нихъ есть несогласнаго или противнаго Слову Божію или правиламъ св. отецъ, тому, конечно, не слѣдуетъ и вѣрить.

Артеміѣ Ив.: А развѣ св. отцы учили чему несогласному съ Словомъ Божиимъ?

Мой отвѣтъ: св. отцы не учили и не писали сами ничего ложнаго; а подъ ихъ именемъ многіе еретики внесли свои мудрованія въ свои сочиненія, и такимъ образомъ свою ложь выдали за святоотеческую истину. Это я говорю не отъ себя, а со словъ Кормчей: «Многи книги отъ еретикъ искажены быша на вредъ простѣйшимъ человѣкомъ, сирѣчь, невѣжднымъ; якоже и отъ св. Климента написанныя епископомъ апостольскія заповѣди, аже того ради соборомъ и отвержени быша. Нѣкая же

и вся отнюдь отъ еретикъ сложена быша и ложно надписаніе имуща, якоже се отъ св. отецъ списаны, еже и потаснища парицають. Таковымъ убо книгамъ отверженнымъ быти повелѣваетъ правило и на почитаніе не предлагати ихъ. Аще же который предъ людей сія изнесеть и въ церкви чести покусится, аще есть епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, да извержется; книги же да сожгутся» (Толк. на 60-е пр. св. Апостоль, Кормч. л. 17, 24; пр. Карө. соб. Кормч. л. 128. 9-е прав. 7-го Вселен. соб. Кормч. л. 212 и 213).

Артемій: Такъ развѣ книга Кириллова еретическая?

Мой отвѣтъ: Нѣтъ, не еретическая; но 1) составленная неизвѣстно кѣмъ, и 2) ложное надписаніе (св. Кирилла Іерус.) имущая и 3) какъ и многія того времени книги, — по свидѣтельству самаго патріарха Іосифа въ Кормчей (л. 4-й 2-го счета), — далеко не свободная отъ многихъ погрѣшностей и неисправностей, вкравшихся въ нее отъ самаго ли неизвѣстнаго ея составителя, или отъ небрежности и невѣжества издателей, — Богъ вѣсть!

Артемій: что жъ ты худаго нашель въ Кирилловой книгѣ, за что ее такъ порочишь?

Мой отвѣтъ: Худаго я въ ней ничего не нашель; но есть въ ней статьи, съ правилами св. 7 Вселен. соборовъ несогласныя; а этого уже похвалить нельзя.

Артемій: Укажите хоть одну такую статью.

Мой отвѣтъ: Изволь. Вотъ напр. такая рѣчь: «еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе» (Кирил. л. 246, 248—251), и еще: «всѣхъ еретиковъ долѣеть совершенно крестити» (тамъже, л. 253 и 257).

Артемій: что жъ тутъ ложнаго, или худаго? За это стоялъ и патр. Филаретъ; и за то, что митропол. Іона принялъ иноземцевъ ляховъ въ православную Церковь безъ крещенія, едва не лишень былъ за то и своего архіерейскаго сана; на томъ состоялось и соборное уложеніе.

Мой отвѣтъ: все это вѣрно, противъ этого я ни мало не спорю; но дѣло все въ томъ: согласно ли такое по-

ложеніе: «всѣхъ еретиковъ совершенно крестити» — съ правилами св. Апостоль и св. 7 Всел. соборовъ, на которыхъ утверждена и стоитъ непоколебимо наша св. прав. Церковь и вѣра?

Артемій. Согласно.

Я: посмотримъ.

Вслѣдъ за симъ мною вычитаны были изъ Кормчей относящіяся къ предмету бесѣды правила: 8-е 1-го Всел. соб. Кормч. л. 35; 19-е тогоже собора, л. 40; 7-е пр. 2 Всел. соб. л. 88; 95-е пр. 6 Всел. соб. л. 205; тамъже, гл. 37, отъ посл. Константиногр. собора къ Мартирію епископу Антиохійскому, о томъ, како пріимати еретики, приходящія къ соборной Церкви, л. 293, и Тимоѳея пресвитера — о различіи приходящихъ отъ ересей къ благочестивой нашей вѣрѣ, л. 634; и вопросоотвѣтъ Тимоѳея архіепископа Александрійскаго: «почто обращающіяся еретики къ соборнѣй Церкви не покрещаемъ?—Аще бы се было, не бы ся челоувѣкъ скоро обращалъ отъ ереси, покрещенія стыдяся; обаче и возложеніемъ руку пресвитерску и молитвою вѣсть приходити Духъ святой, якоже свидѣтельствуютъ Дѣянія св. Апостоль» (гл. 19). Кормч. л. 606. Итакъ отсюда, изъ прочитанныхъ нами правилъ книги Кормчей ясно видно, что въ глубокой древности еретиковъ принимали въ Церковь троякимъ чиномъ: однихъ чрезъ крещеніе, другихъ чрезъ муропомазаніе, третьихъ чрезъ отреченіе и проклятіе своихъ ересей. Теперь вопросъ въ томъ: какихъ еретикомъ собственно крестили? — И какое крещеніе признавали святые отцы еретическимъ, которое необходимо было замѣнять истиннымъ, православнымъ, крещеніемъ? — Въ отвѣтъ на первую статью вопроса было прочитано 1-е прав. Василия Вел. л. 224 и 225. Отсюда видно, что крестили тѣхъ еретиковъ, кои прямо не вѣровали во свят. Троицу или вводили въ догматъ о ней самыя грубыя заблужденія и нечестивыя мудрованія, каковы: Пепузины, Манихеи, Валентиніане, Маркіониты и другіе... Для уяс-

ненія же второй статьи вопроса, именно: что разумѣть подъ еретическимъ крещеніемъ?—прочитаны были 49-е и 50-е прав. Апостольскія (Кормч. л. 13). Такимъ образомъ крещеніе еретическое—не во имя св. Троицы и не въ три, а одно погруженіе, дѣйствительно нѣсть крещеніе, и крещеныхъ таковымъ крещеніемъ, согласно свидѣтельству Номокапона (л. 49) и прямому смыслу вышеприведенныхъ Апостольскихъ правилъ, слѣдуетъ совершенно крестити.

Артемій: латыны, при крещеніи, не погружаются, а обливаются; потому и ихъ крещеніе нѣсть крещеніе, паче же и оскверненіе.

Мой отвѣтъ: совершаемое, нужды ради, надъ больнымъ и слабымъ младенцемъ, крещеніе безъ погруженія его въ воду, а чрезъ возліаніе оной на главу его, древнія правила св. Отець не отметають и не повторяють, а принимаютъ наравнѣ съ истиннымъ, православнымъ, въ три погруженія, крещеніемъ. Есть и другіе примѣры, нужды ради, поливательнаго крещенія, которое, бывъ совершенно однажды, за тѣмъ не повторялось. Примѣры эти рѣдки (ихъ можно встрѣтить въ житіяхъ святыхъ); но все-таки они есть и свидѣлствуютъ, что истинно глубокая и почтенная древность съ большимъ уваженіемъ смотрѣла на высокое таинство св. крещенія и страшилась его повторять и надъ великими врагами св. Церкви, ея противниками и хульниками, лишь только бы они крещены были во имя св. Троицы: Отца, и Сына, и св. Духа, хотя бы въ догматѣ о св. Троицѣ и допускали неправославныя мнѣнія, мудрованія и ереси.

Артемій: въ книгахъ-то не такъ написано, какъ ты говоришь.

Я сказалъ: въ вашихъ дѣйствительно вѣрно всѣхъ еретиковъ перекрещивать; а правила-то св. отецъ и свят. соборовъ говорятъ не то: не многихъ велятъ перекрещивать; прочихъ же всѣхъ принимать однимъ муропомазаніемъ, или даже и безъ онаго, съ однимъ отреченіемъ отъ своихъ ересей.

Артемій: отъ чего же такая разница въ книгахъ?

Я: отъ того, что старонечатныя ваши книги во многихъ статьяхъ повреждены отъ переписчиковъ и издателей этихъ книгъ; въ чемъ сознаются и сами издатель книгъ, неимѣвшіе предъ собою вѣрныхъ списковъ. Напр. возьмемъ одну статью изъ тойже хваленой вами Кирилловой книги касательно крещенія Аріанъ, при обращеніи ихъ къ Церкви. Вы слышали про Арія еретика, осужденнаго и преданнаго проклятію на 1 Всел. соборѣ 318 св. Отцами. Онъ отвергалъ Божество Иисуса Христа; Сына Божія именовалъ тварію, и такимъ образомъ не признавалъ св. Троицы единосущною и равночестною. Какая нечестивая ересь! И какія она имѣла пагубныя послѣдствія для православной Церкви! И сколько лѣтъ она волновала чадъ ея и возмущала внутренній ея миръ! Какъ же однако полагаете: какимъ чиномъ св. Церковь повелѣвала принимать Аріанъ, обращающихся въ ея нѣдра?

Артемій: я думаю, что Аріанъ ерестиковъ надобно снова было крестить.

Я: въ Кирилловой книгѣ сказано такъ: «отъ Аріанъ убо приходящихъ къ благочестивой вѣрѣ повелѣвають святыя правила (?) совершенно крестити» (л. 249 об.).

Артемій: вотъ, видишь, что я сказалъ правду.

Мой отецъ: только одного жаль, что Кириллова книга при этомъ не сказываетъ, какія это именно св. правила такъ повелѣвають. А когда справимся и свѣримся съ этими св. правилами, такъ увидимъ, что правила-то всеѣмъ не повелѣвають приходящихъ ко святѣй Вѣрѣ совершенно крестить, а присоединять ихъ только чрезъ мѣропомазаніе. Такъ говорятъ: 7-е пр. 2 Всел. соб. (л. 88 Кормч.), 95-е пр. 6 соб. (л. 205), гл. 37, л. 293 об.; гл. 70, л. 634. Итакъ, ваша Кириллова книга въ чинопріятіи ерестиковъ ко св. Церкви вводитъ новыя правила, противныя правиламъ 7 Всел. соборовъ и св. богоносныхъ отецъ, и свою неправду подтверждаетъ лживою ссылкой на правила св. Отецъ. Отсюда ясное заключеніе, что не

во всемъ можно безусловно довѣрять вашимъ старопечатнымъ книгамъ, въ которыхъ по мѣстамъ допущены важныя отступленія отъ правилъ и ученія св. Отецъ, и которыя такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ мнимыхъ правилъ якобы св. Отецъ, въ дѣйствительности стараются ввести противное св. прав. Церкви ученіе.

Артемій Ив.: я сомнѣваюсь довѣрять вашей Кормчей.

Я спросилъ о причинѣ недовѣрія съ его стороны.

Онъ отвѣчалъ: она переводная.

Я замѣтилъ: и ваши книги—Кириллова и о Вѣрѣ тоже переводныя.

Онъ прибавилъ: вотъ у ней (Кормчей) на концѣ послѣдній листъ не въ счету и приклеенъ отдѣльно отъ прочихъ листовъ.

Я сказалъ: этотъ листъ къ самой книгѣ и не относится; а на немъ обозначено только время и мѣсто настоящаго изданія книги. Что жъ тутъ фальшиваго и подозрительнаго?

Василій Савельевъ: была бы книга вѣрна, а приклеенный листъ ничего не значитъ.

Я сказалъ: книгу можно провѣрить. Принесите свою Кормчую; мы сравнимъ ту и другую, и дѣлу конецъ... Теперь же, доколѣ книга нами не провѣрена, потрудитесь запомнить, что Кириллова книга въ статьѣ о чинопріятіи Аріанъ къ св. Церкви съ правилами св. Всел. соборовъ не согласуется...

Арт. Ив. взялся достать Кормчую въ деревнѣ и въ слѣдующій разъ съ моею книгою провѣрить.

Настоящее собесѣдованіе закончено было чтеніемъ изъ Большаго катихизиса о томъ, почему познавати еретики (л. 21).

На первый знакъ, яко не имутъ пристанища, рекше, святыя соборныя Апостольскія Церкви, Артемій Ив. возражалъ, что Церковь въ сердцѣ, каждый человекъ—Церковь. На это я кратко замѣтилъ: васъ собралось здѣсь въ одномъ домѣ человекъ сорокъ; и стало по ва-

шему, въ одной избѣ сорокъ Церквей; а по Символу Вѣры, Церковь во всемъ мірѣ — едина; всѣ мы люди грѣшныя, и аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ (Іоан. зач. 69); а мы вѣруемъ, по Символу Вѣры, въ Церковь — святую, не имущую скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ,—какъ о ней говоритъ св. Апостоль Павелъ (Ефес. зач. 231); наконецъ, вѣруемъ въ Церковь—соборную и апостольскую, каковыхъ словъ и признаковъ невозможно приложить къ каждому человѣку отдѣльно.

Второй признакъ еретиковъ, что не призванные въ чинъ учительства входятъ.—Ив. Павловъ (новый наставникъ) сказалъ: въ Кормчей есть правило, которое повѣлываетъ и мірянину учить. Я сказалъ на это: такое правило точно есть (Ап. Павла прав. 15, Кормч. л. 26 об.); но относится къ тому, кто искусенъ ученію и учить согласно съ Церковію православною, и главнос—съ вѣдѣнія и благословенія мѣстнаго епископа, или, по крайней мѣрѣ, своего приходскаго священника; потому что, помимо епископа, 39-е пр. Апостольское, запрещаетъ въ церкви всякое дѣйствіе. Самовольно же восхищенное право учительства строго воспрещается 64 правиломъ 6 Всел. соб. (Кормч. л. 198); потому что какъ совершеніе Таинъ, такъ и благодать учительскаго словесе составляетъ принадлежность, власть, право и обязанность одного священства (58 пр. св. Апостоль, Кормч. л. 16; 19 пр. 6 Всел. соб., Кормч. л. 183; Бол. катих. л. 20 об. Мал. катих. л. 43, об. Кирил. кн. л. 480). Восхищающіи не дарованное имъ право учительства потому и именуется еретиками, санъ учительскій насильственно къ себѣ влачащими.

Третій признакъ еретиковъ—проповѣданіе иного ученія, егоже отцы наши не пріята.—По прочтеніи этихъ словъ раскольники подняли шумъ: говорили, кому что въ голову приходило; иной выставялъ на видъ перемѣну

книгъ; кто возражалъ, что двѣ просфоры убавили; большинство заявляло о перемѣнѣ креста, и пр. Попросивъ помолчать немного, я спросилъ ихъ: кого они разумѣютъ подъ словами: «отцы наши» — своихъ отцовъ и дѣдовъ, или наставниковъ своихъ, или св. отцовъ Церкви, Вселенскихъ учителей?

Артемій сказалъ: св. Отцовъ, а не своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Я еще спросилъ: св. Іоаннъ Богословъ, когда писалъ: «аще кто грядетъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не приѣмлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите (зач. 75)», — какое разумѣлъ ученіе: то ли, которое содержится въ его посланіяхъ или св. Евангеліи, имъ написанныхъ, — или какое другое, примѣрно какое написано въ книгѣ Кирилловой?

Артемій Ив. и его сторонники продолжали свое и совершенно не къ дѣлу.

Я сказалъ: изъ всѣхъ евангелистовъ одинъ Іоаннъ Богословъ, наперсникъ и любимый ученикъ І. Христовъ, сохранилъ и передалъ намъ въ св. Евангеліи своемъ высокое ученіе Спасителя нашего о необходимости для всѣхъ Его послѣдователей таинства св. Причащенія. Онъ и въ посланіи своемъ утвердилъ насъ въ той спасительной и утѣшительной для всѣхъ насъ истинѣ, что кровь Іисуса Христа, Сына Божія, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (Іоан. зач. 69). Вотъ, это ученіе апостольское! «Аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не приѣмлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите». Ибо такое ученіе, что якобъ нѣсть potreбы въ Церкви Христовой св. Таинъ — есть ученіе еретическое, какъ сказано въ уважаемой вами книгѣ Кирилловой: рекутъ еретицы... А о перстосложеніи, числѣ просфоръ на св. литургіи и пр. ни св. Апостолы, ни св. Отцы не писали. Это есть внѣшній обрядъ, обычай церковный (см. 90-е пр. Василия В., Кормч. л. 249); а внѣшніе обряды, обычай церковные, — при соблюденіи единства вѣ-

ры, не вездѣ и не во всѣ времена были одинаковы. Нужно строго отличать догматическое ученіе православной Церкви отъ наружныхъ обрядовъ, обычаевъ и порядковъ церковныхъ. Ученіе или догматы вѣры опредѣлены и утверждены соборами и послѣдовать этому ученію неизмѣнно необходимо всякому православно-вѣрующему христіанину; ничего подобнаго объ обрядахъ церковныхъ ни св. Апостолы, ни св. Отцы не писали. Въ этомъ можете вы удостовѣриться изъ Апостола и Кормчей книги, гдѣ ни о перстосложеніи, ни о просфорахъ ничего даже не писано, а о Церкви, св. тайнахъ, священствѣ—изложены ясныя и подробныя правила и законы. Впрочемъ, — если вы можете что-либо найти вотъ въ этихъ двухъ книгахъ — Апостолѣ или Кормчей, въ подтвержденіе своей мысли хоть бы о двуперстїи, что это именно ученіе нужно понимать здѣсь въ книгѣ,—укажите. Вотъ книги предъ вами! Докажите, если можете, что Іоаннъ Богословъ не приказалъ и въ домъ пускать и здороваться съ тѣми, кто молится не двумя перстами (а не съ тѣми, кто учитъ, что можно и безъ св. Таинъ спастися).

Арт. Ис.: что жъ вамъ доказывать, когда вы ничему не вѣрите? Въ книгѣ-то ясно сказано, что по преданію св. Апостолъ, такъ слагать персты подобаетъ, и что св. Отцами такъ заповѣдано и узаконено. Чего еще больше? А вы и тому не вѣрите!

Я сказалъ: Въ Кирилловой книгѣ сказано, что входящихъ къ св. Церкви еретиковъ Аріанъ подобаетъ совершенно крестить, и въ доказательство этого сдѣлана ссылка на священныя правила; а когда дошло дѣло до св. правилъ, то оказалось въ дѣйствительности, что такихъ правилъ и нѣтъ; а есть совершенно тому противныя, и не одно, нѣсколько,—которыя въ подобномъ случаѣ Аріанъ не велятъ крестить. Другой примѣръ: касательно сложенія двухъ перстовъ, означающихъ Божество и челоуѣчество во Іисусѣ Христѣ,—одна книга (Кириллова) велитъ протянуть ихъ, потомъ единъ мало преклонить; кни-

га *Вѣра* и Мал. катихизисъ велятъ только протянуть персты, а потомъ не преклонятъ одинаго; а Большой катихизисъ велитъ прямо имѣти два перста наклонены, а не простерты: и объ книги—Кириллова и Бол. катихизисъ, содержащія ученіе о перстосложеніи противоположное одно другому, въ доказательство справедливости своего ученія ссылаются на одного и тогоже *Феодорита*. Неужели св. *Феодоритъ* могъ говорить и писать объ одномъ предметѣ разнорѣчиво? Св. Отецъ такъ говорить и писать не могъ никогда. Но главное-то дѣло вотъ въ чемъ: у насъ рѣчь не объ обрядахъ, не о церковныхъ обычаяхъ, унаслѣдованныхъ отъ неписаннаго преданія Апостольскаго, а о томъ ученіи, которое содержится въ Евангеліи и посланіяхъ св. Апостола и Ев. *Іоанна Богослова*: вы не можете упрекнуть насъ, чтобы изъ этого ученія было нами хотя что-либо оставлено, или измѣнено или введено новое. У васъ напротивъ, съ уничтоженіемъ церкви, священства, таинствъ,—ничего евангельскаго, апостольскаго и святоотеческаго не осталось, и все стало иное, новое, чего прежде во св. Церкви не было; вмѣсто церкви—моленна; вмѣсто священства—простые міряне; вмѣсто таинствъ—одни пустые обряды. Господь далъ однимъ Апостоламъ власть вязать и рѣшить грѣхи человѣка; а вы эту власть самовольно присвоили себѣ. Отеческія правила и Соборныя предають анаѣмѣ хищниковъ церковныхъ правъ и власти: у васъ же наоборотъ этимъ хвалятся и превозносятся. Все писаніе единоголосно свидѣтельствуеть, что безъ св. Таинъ христіанину невозможно спастися; а вы говорите—можно. До 1863 года и ваши всѣ обращались къ Церкви, въ случаѣ брака,—хорошо сознавая, что бракъ безъ священника незаконенъ; а въ 1863 г. ваши наставники изобрѣли законъ, что можно и не въ церкви, и безъ священника, совершать браки. Вотъ какъ древни ваши законы! Всего 15 лѣтъ, какъ введенъ вами новый этотъ порядокъ: ясное дѣло, что не апостольскій этотъ законъ и установленъ

не на св. соборахъ, а придуманъ покойнымъ Мартыномъ Кондратьевымъ, Подостровскимъ. Таковы и всѣ ваши законы и ученіе! Вотъ почему вамъ и не найти себѣ оправданія ни въ св. Евангеліи, ни въ Апостолѣ, ни въ книгѣ Кормчей; потому что, отступивши отъ св. Церкви, вы давно уже отъ евангельскаго, апостольскаго и святоотеческаго ученія отступили и удалились, и держась нѣкоторыхъ мѣстныхъ обрядовъ и обычаевъ Церкви Русской временъ патріаршества, въ дѣйствительности содержите у себя совсѣмъ не то ученіе вѣры, которое проповѣдали Апостолы и утвердили на соборахъ св. Отцы, — а совсѣмъ иное, котораго ни евангелисты въ своихъ Евангеліяхъ, ни Апостолы въ своихъ посланіяхъ, ни св. Отцы въ соборныхъ дѣяніяхъ и составленныхъ ими правилахъ, не предаша намъ. Къ кому, поэтому, ближе относится названіе еретиковъ, говорить нѣтъ нужды. Обряды, обычаи не всегда были одинаковы и у православныхъ; а безъ церкви, безъ священства, безъ св. Таинъ страшились оставаться и еретики: такъ и они почитали все это, въ дѣлѣ спасенія, дѣломъ существенно нужнымъ; а вы все Божественное, христіанское, установленіе не сочли для себя нужнымъ, и на что пикогда не отваживались покуситься прежніе еретики, вы свободно и легко на то рѣшились.. Смотрите, не было бы вамъ хуже на томъ свѣтѣ, чѣмъ тѣмъ еретикамъ...

По причинѣ наступленія поздняго времени, продолжать бесѣду не было возможности; тѣмъ болѣе, что предъ концомъ оной народъ сталъ уже расходиться. Вышедши изъ дому на улицу, я предложилъ еще разъ стоявшему тутъ народу собраться когда-либо на Пасхѣ, для бесѣды. Они согласились охотно. Разстались мирно, испросивъ, по обычаю христіанскому, другъ у друга прощенія въ ненамѣренно нанесенныхъ другъ другу, какимъ-либо жесткимъ или укорительнымъ словомъ, оскорбленіяхъ или обидахъ.

Священникъ Тимоѳей Твердынскій.

НОВОПРЕСТАВЛЕННЫЙ ИННОКЕНТІЙ МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

31 марта почилъ о Господѣ Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, митрополитъ московскій, на 83 году отъ рожденія, оставивъ по себѣ память великаго миссіонера, пмя котораго должно блистать на ряду съ именами равноапостольныхъ Кирилла и Меодія, св. Стефана пермскаго и другихъ насадителей христіанства среди язычниковъ,— и благопопечительнѣйшаго архипастыря. О путяхъ промысла Божія въ его жизни и служеніи, о его заслугахъ для церкви, о его личномъ характерѣ, трудно сказать что нибудь лучше того, что сказано о немъ въ превосходномъ надгробномъ словѣ его сотрудника въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, преосвященнѣйшаго Амвросія. — Это слово произнесено 5 апрѣля въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ происходило отпѣваніе почившаго святителя. — Предлагаемъ его вниманію читателей.

„Отъ Господа стопы человѣку
исправляются“ (Псал. 36, 23).

Въ Бозѣ почившій архипастырь, однажды отъѣзжая въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, сказалъ мнѣ при прощаніи, со свойственною ему оригинальностью выраженія, слѣдующее: «Я уѣзжаю. Можетъ быть назадъ пріѣду, а можетъ-быть меня и привезутъ. Въ послѣднемъ случаѣ дайте знать, чтобы при погребеніи моемъ рѣчей не было; въ нихъ много похвалъ. А проповѣдь по мнѣ скажите; она можетъ имѣть назиданіе; и вотъ вамъ текстъ для нея: «Отъ Господа стопы человѣку ис-

правляются». Тоже подтвердилъ онъ мнѣ и за нѣсколь-ко дней до своей кончины.

Такимъ образомъ, волей и завѣщаніемъ самого почившаго намъ указаны предметъ настоящаго слова и цѣль его. Предметъ: раскрытіе явленныхъ въ его протекшей многолѣтней жизни особенныхъ путей промышленія о немъ Божія; цѣль: научиться изъ его примѣра вѣрѣ въ ту великую истину христіанской жизни, что *Господь направляетъ пути человека*, и безпрекословной покорности святой Его волѣ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

Митрополитъ Иннокентій родился въ 1797 г. отъ бѣднѣйшаго сельскаго причетника Иркутской епархіи и назывался Іоаннъ Веніаміновъ. Образование онъ получилъ въ Иркутской семинаріи. «Учился я хорошо, говорилъ онъ, но чистаго ржанаго хлѣба (безъ мякины) до выхода изъ семинаріи не пробоваль». По окончаніи курса въ 1817 году онъ былъ рукоположенъ во діакона и затѣмъ вскорѣ (1821 года) во священника къ Благовѣщенской церкви въ Иркутскѣ. Здѣсь черезъ три года совершилось его призваніе на миссіонерское служеніе. Разкажемъ это важнѣйшее событіе въ жизни почившаго его собственными словами. «Слыхаль я, говорилъ онъ, о миссіонерахъ, о дальнихъ ихъ путешествіяхъ для просвѣщенія язычниковъ, но никогда на это дѣло не обращаль особеннаго вниманія. Но вотъ получаю я вмѣстѣ съ другими отъ епархіальнаго начальства письменное приглашеніе на миссіонерское служеніе на Алеутскіе острова. Только прочиталь я его, какъ будто бы что поворотилось въ моей груди, и я тутъ же объявляю своимъ домашнимъ: я ѣду. Ни слезы родныхъ, ни совѣты знакомыхъ, ни опасенія трудностей дальняго пути и ожидающихъ меня лишеній, ничто не доходило до моего сердца; какъ будто огонь горѣлъ въ моей душѣ, и я легко разстался съ родиной, и не чувствовалъ трудностей утомительнѣйшаго путешествія».

Черезъ шестнадцать лѣтъ трудовъ на избранномъ по-

прицѣ, Веніаминовъ въ санѣ протоіерея является въ Петербургъ просить св. Синодъ о рукоположеніи епископа въ просвѣщаемый имъ край. Тамъ онъ получаетъ извѣстіе, что оставленная за многія тысячи верстъ супруга его скончалась и многочисленная семья его, оставленная отцомъ, не имѣетъ при себѣ и матери. Куда, судя по чувствамъ человѣческимъ, должно было стремиться его сердце? Оно влекло его къ семьѣ, а власть церковная предложила ему отрѣшиться отъ семьи, принять монашество и стать тѣмъ епископомъ новой паствы, котораго онъ просилъ. Онъ, вѣрный своему призванію, избираетъ послѣднее. Слыша голосъ Божій въ событіяхъ, онъ пошелъ туда, куда Господь стопы его направилъ.

Миссіонерскіе труды почившаго извѣстны всему свѣту. Онъ проѣзжалъ громадныя пространства по снѣгамъ, тундрамъ и горамъ на собакахъ и верхомъ, терпя холодъ, голодъ и жажду; выносилъ морскія бури и опасности потопленія. Онъ созидалъ церкви, учреждалъ миссіи и училища, переводилъ на инородческіе языки священныя книги, былъ другомъ и совѣтникомъ правителей нашихъ владѣній въ Америкѣ, нынѣ уступленныхъ Соединеннымъ Штатамъ, и въ Восточной Сибири участвовалъ въ устройствѣ края, въ созиданіи городовъ. Вѣчнымъ памятникомъ на берегахъ Восточнаго Океана остались ему не только учрежденія церковнаго характера, но и названія его именемъ—Иннокентіевскими—нѣкоторыхъ мѣстностей и урочищъ, данныя въ честь его свѣтскими властями. Въ этихъ трудахъ и подвигахъ въ санѣ епископа проведено имъ еще двадцать восемь лѣтъ.

Третій знаменательный поворотъ въ его жизни было возведеніе его въ санъ митрополита Московскаго, неожиданное для всѣхъ насъ и еще болѣе для него самого. Насколько это было выше помысленій человѣческихъ, докажетъ слѣдующее обстоятельство. Не задолго до кончины блаженныя памяти митрополита Филарета архіепископъ Иннокентій писалъ ему изъ Благовѣщенска на Аму-

рѣ, прося его дать ему пріютъ на старость въ одномъ изъ московскихъ монастырей, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы провести послѣдніе годы жизни на покой въ кругу образованнаго общества и ученыхъ людей. Филаретъ отклонилъ эту просьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что Иннокентію, какъ основателю новыхъ церквей, надобно на поприщѣ его дѣятельности и положить свои кости. И вотъ, немного лѣтъ спустя, Иннокентій является въ Москву не на покой, а преемникомъ Филарета. Это воспоминаніе не обидно будетъ для великой памяти митрополита Филарета, если мы вспомнимъ слова Господа: *якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ и помышленія ваша отъ мысли Моя* (Ис. 55, 9).

Какую же однако можно видѣть связь прежней миссіонерской его дѣятельности съ служеніемъ его на Московской кафедрѣ? Вспомните учрежденіе въ Москвѣ, вскорѣ по прибытіи его сюда, Православнаго Миссіонерскаго Общества. Это Общество по тому развитію, какое оно получило въ теченіе девяти лѣтъ подъ предсѣдательствомъ великаго миссіонера, выходитъ совершенно изъ ряда учреждений, носящихъ подобное имя. Вотъ чѣмъ ознаменовалось его существованіе: православный Русскій народъ узналъ, что такое миссіи и гдѣ онѣ у насъ, и для чего онѣ, въ какомъ онѣ положеніи, чѣмъ стѣсняется ихъ дѣятельность, и чѣмъ можетъ быть оживлена. Миссіонерскіе станы умножены, миссіонеры обезпечены, инородцы, кромѣ постоянныхъ крещеній свыше двухъ тысячъ ежегодно, крестятся по три тысячи за одинъ разъ; отмѣнены сила и пути магометанской пропаганды; на дѣло миссіонерское употребляются такія суммы, какихъ прежде и представить невозможно было; а главное—народъ привыкаетъ почитать свою святою обязанностію вспоможеніе дѣлу распространенія и утвержденія православной вѣры. Такимъ образомъ, митрополитъ Иннокентій, руководимый Промысломъ Божиимъ, отсюда сдѣлалъ для

миссіонерскаго дѣла то, о чемъ онъ самъ на мѣстѣ своей прежней дѣятельности и помыслить не могъ и чего никто другой сдѣлать былъ не въ состояніи. Этимъ дѣломъ, котораго истинную цѣну мы сами теперь не довольно еще понимаемъ, достойно увѣнчалась его миссіонерская дѣятельность.

Но въ богатой природѣ митрополита Иннокентія нашлись силы и для дѣятельности на каедрѣ, не имѣющей исключительно миссіонерскаго характера. Прежде всего онъ принялъ къ сердцу и старался облегчить нужды мѣстнаго духовенства и бѣдныхъ этого сословія. Онъ озаботился благоустройствомъ духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи, много содѣйствовалъ рѣшенію труднаго вопроса о приобрѣтеніи домовъ духовенства въ собственность церковей, устроилъ новую обширную такъ - называемую Островскую богадѣльню, обезпечилъ благотворительныя учрежденія Сергіевой Лавры, спасъ отъ крушенія Покровскую общину, собиралъ всевозможныя крохи для пособій заштатнымъ духовнымъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Онъ привлекъ къ себѣ любовь не только духовенства, но и паствы своею добротой, доступностію, простотой обращенія. Онъ явилъ въ себѣ образъ любвеобильнаго отца - пастыря и своимъ примѣромъ разрушилъ искусственныя преграды, установившіяся преданіемъ между епископами и паствами, и приблизилъ первыхъ къ послѣднимъ, являясь всюду, гдѣ можно и полезно быть, и принимая лично участіе во всемъ, въ чемъ можно и нужно принимать участіе пастырю Церкви, обязанному въ христіанскихъ отношеніяхъ быть душею своей паствы. Этотъ достолюбезный его образъ такъ глубоко напечатлѣлся у всѣхъ насъ въ воображеніи, что мы при воспоминаніи о немъ невольно представляемъ его себѣ не иначе, какъ отцомъ встрѣчающимъ всѣхъ насъ какъ дѣтей съ любовію, привѣтливостію и лаской.

Но труды и заслуги митрополита Иннокентія принадле-

жать исторіи; ихъ нельзя съ достаточною полнотою описать въ краткомъ словѣ.

Держась указаннаго намъ имъ самимъ направленія, мы перейдемъ ко внутренней сторонѣ его жизни съ цѣлю уяснить себѣ, какъ сложился его духовный образъ на тѣхъ путяхъ и въ тѣхъ трудахъ, которые указуемы были ему Промысломъ Божиимъ.

Почившій архипастырь былъ богато одаренъ отъ природы. Онъ имѣлъ умъ ясный, пронизательный, гибкій, хотя воспитаніе и не дало ему той особой склонности и способности къ отвлеченному мышленію и системѣ, какую сообщаетъ высшее научное образованіе и которая, кстати скажемъ, часто дѣлаетъ умы бесплодными, а иногда и вредными въ дѣйствительной жизни. Подъ вліаніемъ указанной ему дѣятельности его умъ получилъ характеръ практическій, съ особымъ оттѣнкомъ пракческаго творчества или зиждательности. Понять потребность времени и обстоятельствъ, пріискать средства необходимыя для ея удовлетворенія, исполнить задуманное съ рѣшительностью и быстротой, разрѣшить затрудненія, примирить противорѣчія, сблизить крайности, — все это составляло рѣдкую способность и особенность его ума. Она и выразилась въ созданныхъ имъ учрежденіяхъ въ Сибири и здѣсь.

При такомъ направленіи ума особеннымъ образомъ сложился и его взглядъ на Церковь и ея нужды. Осмѣлимся сказать, что это былъ взглядъ апостольскій. Онъ зналъ, что нужно со стороны пастыря народу христіанскому, какъ подойти къ нуждающемуся въ духовномъ просвѣщеніи, въ помощи и утѣшеніи, какъ направить жизнь христіанскую по канонамъ церковнымъ—въ воспитаніи, быту семейномъ и общественномъ, въ духовныхъ упражненіяхъ, указанныхъ церковью для нравственнаго преуспѣянія; но имъ всегда овладѣвалъ страхъ за благо Церкви при видѣнныхъ имъ попыткахъ привести въ такъ называемый систематическій порядокъ жизнь церковную. Онъ глубоко

понималъ, что человѣческая система, развивающая съ неумолимою послѣдовательностью предвзятая начала управленія церковнаго, всегда грозитъ погасить въ христіанскихъ обществахъ свободныя проявленія духа человѣческаго и затруднить доступъ къ душамъ вѣрующихъ Духа благодати, который *идѣже хочетъ дышетъ* (Іоанн. 3, 8).

Отсюда объясняется и та простота въ обращеніи, которая такъ поражала насъ, особенно сначала, въ почившемъ архипастырѣ. Это не была простота недалекаго человѣка, который не можетъ вамъ дать больше того, что находите въ немъ съ перваго раза. При живости ума рѣчь митрополита Иннокентія отличалась остроуміемъ и игривостію по той простой причинѣ, что природная способность сама выбивается наружу, а сдерживать себя съ цѣлію обратить рѣчь въ методически-строгую, при которой человѣкъ самъ себя слушаетъ, и слѣдитъ за собою, онъ не находилъ нужнымъ, да и не привыкъ на томъ просторѣ, гдѣ протекла большая и лучшая часть его жизни. Оттого его рѣчь дышала искренностію и тотчасъ приближала васъ къ нему, давала вамъ смѣлость, приобѣтала ваше довѣріе. Но нужно было только коснуться предмета, имѣющаго особенную важность, преимущественно относительно Церкви, какъ лицо архипастыря, его рѣчь, всѣ приемы его обращенія мгновенно измѣнялись. Въ немъ сей часъ являлся пастырь съ сильнымъ духомъ ревности, сужденія его поражали васъ силою духовнаго опыта, слово его становилось *властнымъ*. Духовная личность митрополита Иннокентія сложилась внѣ условій и искусственной обстановки нашей общественной жизни: сердце его было чисто, намѣренія онъ имѣлъ всегда добрыя, имъ не руководило ни самолюбіе, ни тщеславіе; искать у людей ему было нечего, рисоваться предъ другими онъ не имѣлъ ни причины, ни цѣли; онъ являлся наружно тѣмъ, чѣмъ былъ внутренно — прямымъ, честнымъ, искреннимъ, любвеобильнымъ и благожелательнымъ пастыремъ.

По нравственному характеру онъ былъ человѣкъ дѣла

и труда, на подвигъ, на лишенія и на терпѣніе всегда готовый, къ себѣ неумолимо строгій, неустанно дѣятельный. Многіе задавали себѣ вопросъ: по какимъ побужденіямъ онъ оставался на дѣйствительной службѣ при слабости, а подь конецъ и совершенной потерѣ зрѣнія, и не удалялся на покой? Потому что при его живой природѣ и дѣятельномъ умѣ для него слово: *покой* равносильно было слову: *смерть*. Въ одно время, помышляя удалиться въ Геосиманскій скитъ, онъ говорилъ: «Тамъ по крайней мѣрѣ продолжительная служба; я меньше буду празденъ». Во время болѣзни, слушая доклады по дѣламъ, онъ говорилъ: «меня дѣла отвлекаютъ отъ мысли о болѣзни»; и когда уже, приближаясь къ смерти, онъ не могъ встать съ кресла, и на вопросъ свой: нѣтъ ли новыхъ дѣлъ, получилъ въ отвѣтъ: «Владыка, не думайте о дѣлахъ, успокойтесь»,—онъ съ грустью, склонивъ голову, сказалъ: «Скучно!»

Прости, архипастырь и отецъ нашъ, добрый, кроткій, любвеобильный. Благодаримъ Господа за Его милости и благопромышленіе, явленные въ твоей жизни, чего ты и желалъ, конечно, завѣщавая намъ возвѣститъ во всеуслышаніе, какъ обрѣлъ тебя Господь въ глубинѣ безвѣстности и бѣдности, какими одарилъ тебя дарованіями, какими трудами укрѣплялъ и возвышалъ твою душу, какія великія дѣла благословилъ совершить тебѣ и какими неповѣдимыми путями привелъ тебя изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ отечества на престолъ московскихъ святителей. Память твою почититъ Церковь, заслуги твои не забудетъ отечество, а Верховный Мздовоздаятель, какъ пастырю подвигомъ добрымъ подвизавшемуся, *да воздастъ тебѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 8). Мы молимъ Господа о упокоеніи твоей души; моли и ты Его, аще обрящещи дерзновеніе, да утверждаетъ и расширяетъ Церковь православную, которой ты такъ ревностно служилъ; да хранитъ отъ бѣдъ наше отечество, которое ты такъ горячо любилъ, и да умножаетъ въ странѣ нашей пастырей и гражданъ, подобныхъ тебѣ. Аминь.

УПРЕКЪ ДАВИДА И СОВѢТЪ ЮДАЯ.

ПО ПОВОДУ СОБЫТІЯ 2-го АПРѢЛЯ 1879-го ГОДА.

Между псалмами есть одинъ псаломъ—118-й, замѣчательный тѣмъ, что каждый изъ ста семидесяти шести стиховъ, его составляющихъ, посвященъ восхваленію закона Господня, откровеннаго слова Божія. Говоря о значеніи откровеннаго закона въ жизни человѣка, составитель псалма пишетъ: «Откровенія Твои—утѣшеніе мое, и уставы Твои—совѣтники мои. Это утѣшеніе въ бѣдствіи моемъ, что слово Твое оживляетъ меня» (ст. 24. 50).

Если очи наши не предваряютъ утренней стражи, чтобы углубляться въ слово Господне (ст. 148) и мы не можемъ размышлять весь день о законѣ, какъ это дѣлалъ составитель помянутаго псалма (ст. 97): то по крайней мѣрѣ въ минуты скорби и горестей, постигающихъ насъ, не бесполезно поискать и намъ въ заповѣдяхъ Божіихъ утѣшенія и совѣта, какъ искалъ въ нихъ утѣшенія и совѣтовъ богодухновенный писатель псалма (ст. 143).

Возьмемъ же книгу откровеній и уставовъ, чтобы въ ней поискать себѣ утѣшенія и совѣтовъ. Раскроемъ Библию. Вотъ открылась 26-я глава первой книги Царствъ; прочитаемъ изъ нея хотя нѣсколько стиховъ. Тамъ написано: «И всталъ Давидъ, и пошелъ къ мѣсту, на которомъ Сауль расположился станомъ, и увидѣлъ Давидъ мѣсто, гдѣ спалъ Сауль и Авениръ, сынъ Нировъ, военачальникъ его. Сауль же спалъ въ шатрѣ, а народъ расположился вокругъ него. И пришелъ Давидъ съ Авесою къ людямъ ночью; и вотъ Сауль лежитъ, спитъ въ

шатрѣ; и копье его воткнуто въ землю у изголовья его; Авениръ же и народъ лежатъ вокругъ него. Авесса сказалъ Давиду: предалъ Богъ нынѣ врага твоего въ руки твои; итакъ позволъ, я пригвожду его копьемъ къ землѣ однимъ ударомъ, и не повторю удара. Но Давидъ сказалъ Авессѣ: не убивай его; ибо кто, поднявъ руку на помазанника Господня, останется неказаннымъ? А возьми его копье, которое у изголовья его, и сосудъ съ водою, и пойдемъ къ себѣ. И взявъ Давидъ копье и сосудъ съ водою у изголовья Саула, и пошли они къ себѣ; и никто не видѣлъ, и никто не зналъ, и никто не проснулся, но всѣ спали. И перешелъ Давидъ на другую сторону и сталъ на вершинѣ горы вдали; большое разстояніе было между ними. И воззвалъ Давидъ къ народу и Авениру, говоря: отвѣчай, Авениръ. И сказалъ Давидъ Авениру: «не мужъ ли ты, и кто равенъ тебѣ во Израилѣ? Для чего же ты не бережешь господина своего, царя? Ибо приходилъ нѣкто изъ народа, чтобы погубить царя, господина твоего. Не хорошо ты это дѣлаешь; живъ Господь, вы достойны смерти за то, что не бережете господина своего, помазанника Господня. Посмотри, гдѣ копье царя и сосудъ съ водою, что были у изголовья его?» (ст. 5—16).

Но довольно. вмѣсто утѣшенія изъ дали вѣковъ мы услышали только горькую укоризну, высказанную Давидомъ Авениру и народу еврейскому.

Несмотря на большое разстояніе между тѣми вѣками и нашими, эта укоризна также громко звучитъ и нынѣ, какъ и тогда, когда произносилъ ее Давидъ къ людямъ Сауловымъ, и будетъ вѣчно и громко звучать, пока будетъ существовать общество человѣческое, потому что во всякое время прямая обязанность подданныхъ—беречь царя, чтобы кто-нибудь не поднялъ руки на помазанника Господня. Безъ власти и подчиненія ей немыслимо общество человѣческое. Оберегая власть, оно оберегаетъ само себя, свое существованіе. Пренебрегая этою обя-

занностию, оно грозитъ себѣ же самому разрушеніемъ. Достаточно было одного удара, чтобы поразить на смерть Саула въ его шатрѣ, окруженнаго своимъ народомъ; но когда была близка опасность, никто не видѣлъ и никто не зналъ, и никто не проснулся, но всѣ спали. Справедливо поэтому говорилъ Давидъ народу и Авениру: «вы достойны смерти за то, что не бережете господина своего, помазанника Господня».

Не знаемъ, какъ эта укоризна подѣйствовала на проснувшихся, долго ли и крѣпко ли съ той поры оберегали Евреи царя своего Саула; но царственный сынъ его Иевосея былъ убитъ въ полдень, въ постели, двумя злоумышленниками, пробравшимися въ спальную комнату царя въ то время, когда привратникъ дома задремалъ и уснулъ. Можно поэтому думать, что укоризна если и подѣйствовала, то не надолго. Сонъ пересилилъ.

Событіе втораго апрѣля глубоко взволновало русское общество.

Среди обычнаго теченія жизни, смѣны дней мало отличныхъ одинъ отъ другаго, а потому и мало памятныхъ, вдругъ какъ будто всплылъ день незабываемый и конечно долго будетъ волновать онъ мирную поверхность. Таковъ день втораго апрѣля. Для всякаго мыслящаго человѣка, этотъ день, вошедшій въ число праздничныхъ дней Воскресенія Христова, кромѣ многообразныхъ думъ, какія пробуждаетъ онъ въ вѣрныхъ сынахъ православной Россіи, и для неправославныхъ ея сыновъ и невѣрныхъ сыновъ выродковъ долженъ, кажется, служить живымъ и яснымъ свидѣтельствомъ того, что есть Владыка и Богъ жизни (Сир. 23, 1. 4), что воистину воскресъ Христосъ, отвратившій своею смертію смерть христа (*помазанника*) Своего (Псал. 19, 7).

А говорятъ, что чудесъ нѣтъ. Но вотъ чудо совершилось во очію. Если случайно пущенная стрѣла смертель-

но ранила сквозь швы латы того царя, который переодѣвался, чтобъ быть неузнаннымъ и избѣжать опасности, по которому опредѣлено было умереть (3 Царствъ 22, 30—34); если посланная вслѣдъ стрѣла достигла и прошла чрезъ сердце того царя, который убѣгалъ отъ нея на колесницѣ (4 Ц. 9, 24. 27) и исполнилось слово, что надеженъ и конь для спасенія (Псал. 32, 17), когда опредѣлена была гибель: то нѣсколько пуль, направленныхъ въ сердце нашего царя и не достигшихъ его, не свидѣтельствуютъ ли, что оно—въ рукѣ Божіей, что Богъ—его покровъ, окружающій его радостями избавленія (Псал. 31, 7)? Трудно объяснять подобные случаи простою случайностью и ничѣмъ болѣе.

Да! Чудеса бываютъ; но они рѣдки. И это потому, что еслибы они постоянно совершались, они перестали бы быть чудесами, не могли бы пробуждать насъ отъ усыпленія; они скорѣе усыпляли бы все болѣе и болѣе и усыпили бы насъ навсегда. И вотъ во время нашего усыпленія нравственнаго они совершаются, чтобы и спасти насъ отъ опасностей и вмѣстѣ будить насъ.

Но какое жс и въ чемъ наше усыпленіе? Мы негодумемъ, мы радуемся, мы благодаримъ милующаго и спасающаго насъ и царя нашего, Бога. И однакожь среди взрывовъ негодованія и радованія не слышится ли и намъ та древняя укоризна? А если она слышится, — это значитъ, что и мы всѣ спали, когда угрожала опасность царю нашему, отвращенная по милости Бога.

Несомнѣнно, велика милость Бога. Но Богъ милостей и спасенія заповѣдалъ всѣмъ намъ твердо хранить Его повелѣнія (Псал. 118, 4) и не только надѣяться на Его чудодѣйственную руку, но и самимъ быть дѣятельными въ спасеніи себя, въ предупрежденіи себя отъ всякаго грозящаго зла. Онъ сказалъ: «истреби зло изъ среды себя» (Втор. 13, 5).

Спаси насъ безъ насъ не силенъ и самъ Богъ, если мы будемъ упорно безпечными, спящими. Чудо—это про-

буждающій насъ отъ сна голосъ Божій, чтобы мы бодрствовали. Богъ говоритъ однажды, и если того не замѣчаютъ—въ другой разъ. Все сіе дѣлаетъ Богъ раза два, три (съ человѣкомъ ли, или съ цѣлыми народами), чтобы отвести души ихъ отъ рва, чтобы они просвѣщаемы были свѣтомъ жизни (Іова 33, 14. 29—30).

Вотъ уже троекратно въ чудесномъ спасеніи жизни нашего царя Господь открывалъ намъ спящимъ ухо и впечатлѣвалъ забытое нами наставленіе: «истреби зло изъ среды себя». Троекратно у царя и народа Русскаго нашелся Ангель—посредникъ, умиловившій Бога молитвою: освободи его отъ сошествія въ ровъ; я нашелъ выкупъ (ст. 23—24). Но когда ухо наше не слышитъ и не хочетъ слушать, тогда наконецъ наступаетъ такое время, что и величайшіе предстатели предъ милующимъ Богомъ за безпробудно спящій народъ,—такіе предстатели, съ которыми Богъ говорилъ устами къ устами (Числь 12, 8), слышатъ отъ Миловавшаго: ты не молись о народѣ семъ во благо ему; душа моя не преклонится къ народу сему, я усталъ миловать (Іерем. 14, 11; 15, 1. 6), и тогда..... наказывается безпробудно спящій народъ сиротствомъ (Числь 27, 16—17. Осіи 13, 11) со всѣми его горькими послѣдствіями.

Однакожь мы раскрыли книгу откровеній и уставовъ съ цѣлію найти утѣшеніе или совѣтъ, и хотя выслушали укоризну, которую можно приложить къ себѣ, — попробуемъ снова раскрыть ее. Вотъ 21-я глава 4-й книги Царствъ. Въ концѣ этой главы читаемъ: «и составили заговоръ слуги Аммоновы противъ него, и умертвили царя въ домѣ его» (ст. 23).

Что же это значитъ? Мы уже встрѣтились съ убійствомъ царя въ его столицѣ—Іерусалимѣ, въ его домѣ. Откуда эти убійства?

Священный историкъ осудилъ Аммона, какъ царя народа Божія: «дѣлалъ онъ не угодное въ очахъ Господнихъ такъ, какъ дѣлалъ Манассія, отецъ его. И ходилъ

тоуже точно дорогою, которою ходилъ отецъ его, и служилъ идоламъ, которымъ служилъ отецъ его, и поклонялся имъ; и оставилъ Господа Бога отцовъ своихъ, и не ходилъ путемъ Господнимъ» (ст. 20—22). Но близко мы не знаемъ кратковременнаго, только двухлѣтняго царствованія Аммона и поэтому не можемъ съ достовѣрностью судить о томъ, что подвигло руки убійцъ подняться на своего царя. Нѣсколько позднѣйшій свидѣтель теченія жизни народной того времени,—а царевубійство было совершено злодѣями приблизительно около 640 г. до Р. Христова,—пророкъ Софонія можетъ только отчасти дать намъ возможность предполагать о недовольствѣ. «Князья народа, говоритъ пророкъ, рыкающіе львы; судьби его—вечерніе волки, не оставляющіе до утра ни одной кости; пророки его—люди легкомысленные, вѣроломные; священники его оскорбляютъ святыню, попираютъ законъ» (Соф. 3, 3—4). По свидѣтельству другаго, ближайшаго къ тому времени пророка, «бѣдняки были глупы, потому что не знали закона Бога своего, а знатные сокрушили армо закона, расторгли узы его» (Иер. 5, 4—5); такъ что въ Иерусалимѣ нужно было походить по улицамъ, и посмотрѣть, и развѣдать, и поискать на площадяхъ—не найдется ли человѣкъ, иѣтъ ли соблюдающаго правду, ищущаго истины» (5, 1). Пророки назвали свой столичный городъ городомъ нечестивымъ, притѣснителемъ (Соф. 3, 1). Можно думать поэтому, что положеніе дѣлъ было вообще неудовлетворительно и могло быть много недовольныхъ правленіемъ Аммона. Но, повторяемъ, мы не знаемъ, что привело къ гнусному царевубійству слугъ царя. Знаемъ только слѣдствіе. Какъ ни былъ, по свидѣтельству пророковъ, пороченъ Иерусалимъ, и онъ, вѣроятно, весь пришелъ въ движеніе справедливаго негодованія. Пролитая кровь царя требовала въ совѣсти народа крови пролившихъ, и народъ земли перебилъ всѣхъ, бывшихъ въ разговорѣ противъ царя Аммона; и воцарилъ народъ земли Юсію, сына его, вмѣсто его (ст. 24). Можно думать, что

и этотъ глупый народъ при трупѣ своего язычника-царя проникся тою мыслию о неприкосновенности помазанниковъ (Псал. 104, 15), даже и небезупречныхъ, какую высказалъ Давидъ о своемъ гонителѣ—Саулѣ, когда Авесса просилъ позволенія убить его: «не убивай его; ибо кто, поднявъ руку на помазанника Господня, останется ненаказаннымъ? Пусть поразить его Господь, или придетъ день его, и онъ умретъ, или пойдетъ на войну и погибнетъ; меня же да не попуститъ Господь поднять руку мою на помазанника Господня» (1 Ц. 26, 9—10). Можно думать, что и онъ припомнилъ, какъ тотъже Давидъ однажды приказалъ отрубить руки и ноги Рихаву и Баанѣ—убійцамъ Іевосея и повѣсить этихъ негодныхъ людей (2 Ц. 4, 11—12), и когда лишился Аммона, представилъ себѣ судъ надъ убійцами по заповѣди: «истреби зло изъ среды себя».

Мы передаемъ только фактъ, какъ онъ рассказанъ священнымъ историкомъ, не касаясь вопроса о томъ: имѣлъ ли законное право народъ земли присвоить себѣ кровавый судъ надъ убійцами царя Іудейскаго. Смѣшанная кровь жертвы и палача одинаково производитъ на чело-вѣка непріятное впечатлѣніе. И конечно важно и нужно не то, когда кровь пролившихъ царскую кровь только проливается какъ вода и трупы убійць отдаются на съѣденіе птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ (Псал. 78, 2—3).

Когда «злодѣи злодѣйствуютъ и злодѣйствуютъ злодѣи злодѣйски, когда шатается земля, какъ пьяный, и качается какъ колыбель, и беззаконіе тяготѣетъ на ней» (Исаи 24: 16, 20), болѣе важно, вдвойнѣ важно, смывъ тяготѣющее на землѣ беззаконіе, предупредить дальнѣйшія злодѣйскія злодѣянія злодѣевъ, остановить это пьяное шатаніе и качаніе земли.

Значитъ мы опять не нашли ни утѣшенія, ни рѣшительнаго совѣта. Но не можетъ же быть, чтобы наши поиски оказались совершенно напрасными и безплодными,

чтобы книга откровений и уставовъ не подала и намъ какого-либо полезнаго совѣта, какъ подавала она составителю псалма. Поэтому будемъ терпѣливы — раскроемъ еще и въ послѣдній разъ книгу. Теперь намъ открылись 11-я глава 4-й книги Царствъ и въ дополненіе къ ней 23-я глава 2-й книги Паралипоменонъ.

Почти двумя съ половиной столѣтіями ранѣе рассказаннаго сейчасъ событія, — когда народъ земли перебивалъ заговорщиковъ на жизнь Аммона и воцарялъ Іосіа, — Іудея переживала болѣе страшную пору. При нападеніи на Іерусалимъ Филистимлянъ и Аравитянъ старшіе сыновья царя Іорама Іудейскаго были уведены въ плѣнъ и умерщвлены; остался въ живыхъ единственный прямой наслѣдникъ престола—Охозія, который и сдѣлался царемъ по смерти отца (2 Цар. 21, 17; 22, 1). Но Охозіа пришлось царствовать только одинъ годъ. Онъ былъ убитъ Іуемъ Израильскимъ вмѣстѣ съ своими родственниками въ числѣ сорока двухъ человекъ (4 Царствъ 9, 27; 10, 13). А лишь только до Іерусалима достигла вѣсть о смерти царя, какъ мать его Гооолія истребила все остальное царское племя, имѣвшее право на престолъ, чтобы самой царствовать. Изъ общей кровавой бани, постигшей въ короткое время, какъ нужно думать, довольно многочисленную царскую Іудейскую фамилію, благодаря заботливости своей тетки Іосавеетъ и ея мужа первосвященника Іодая, спасенъ былъ лишь только однолѣтній принцъ — сынъ Охозіа Іоасъ.

Чѣмъ ознаменовала свое шестилѣтнее правленіе въ Іудеѣ Гооолія—достойная дочь своей проклятой матери—какъ называлъ Іезавель Іууй,—начавъ царствованіе истребленіемъ царскаго племени, мы не знаемъ ничего кромѣ того, что она сильно поддерживала идолослуженіе. Очень можетъ быть, что идя по стопамъ матери, выслѣживавшей своихъ враговъ, она выслѣживала и Іоаса — послѣднюю царскую отрасль, тѣмъ бережнѣе укрываемую сначала въ постельныхъ комнатахъ дворца, а потомъ хранимую въ домѣ Господнемъ у первосвященника.

Съ законнымъ, но еще груднымъ, принцемъ во главѣ трудно было одинокой благочестивой семьѣ первосвященника бороться за престолъ съ Гоѳолію, на который вступила она чрезъ потоки царской крови, чтобы распоряжаться судьбами цѣлаго народа по своей волѣ. Нужно было для минутъ рѣшительной борьбы за права законной власти царской,—борьбы, въ которой Гоѳолія не отступила бы ни предъ какими тайными и явными средствами не только съ цѣлію удержать власть за собой, но и лишить Іоаса жизни, какъ лишены были ею жизни уже многіе изъ членовъ царскаго дома, — нужно было приготовить оборону и защиту отъ покушеній безправія, насилія и кровожадности на законное право. И вотъ первосвященникъ заботится собрать вокругъ законнаго наслѣдника Іудейскаго престола партію искреннихъ приверженцевъ законной власти. Это удастся. Іодай находитъ ихъ и въ начальникахъ сотенъ, и въ главахъ поколѣній, и въ священникахъ, и въ левитахъ, и въ простомъ народѣ. Оставалось отнять власть, которую незаконно и путемъ кровавыхъ жертвъ присвоила себѣ Гоѳолія, передать ее Іоасу, тогда уже семилѣтнему, и упрочить за нимъ эту власть. Наступалъ моментъ рѣшительный. Справедливо можно было ожидать,—что дѣйствительно и случилось,—что Гоѳолія будетъ бороться до послѣдней крайности, а въ Іерусалимѣ на ея сторонѣ не мало будетъ приверженцевъ. Въ такія минуты борьбы, которая рѣдко не бывала и не бываетъ вообще кровавою, особенно нужно было оберегать отъ возможныхъ бѣдъ молодаго царя — единственную надежду истинно-теократической, благомыслящей части народа. И вотъ какія на это время распоряженія—совѣты, въ ряду другихъ, далъ первосвященникъ своимъ благомыслящимъ сообщникамъ: «окажите царя со всѣхъ сторонъ, каждый съ оружіемъ своимъ въ рукѣ своей; и кто вошелъ бы въ ряды,—предполагается явное намѣреніе приблизиться къ царю съ преступною злобною цѣлію на его жизнь,—тотъ да будетъ умерщвленъ.

И будьте при царѣ, когда онъ выходитъ и когда входитъ» т.-е. всегда, во всѣхъ его предпріятіяхъ (4 Ц. 11, 8).

Борьба началась. Благодаря распоряженію и совѣту первосвященника, исполненному строго-точно, она благополучно и скоро кончилась. Говолюя и ея приверженцы были уничтожены. Свящ. историкъ заканчиваетъ все это повѣствованіе о борьбѣ права съ кровожаднымъ безправіемъ словами: «и веселился весь народъ земли и городъ успокоился» (ст. 20).

Теперь оставимъ книгу. Мы вычитали въ ней сначала укоризну; но кажется, что нашли наконецъ и искомый совѣтъ.

Общее негодованіе, слышное всюду въ Россіи при извѣстіи о покушеніи на жизнь нашего Царя, должно привести насъ къ твердому сознанію, что наступилъ часъ пробудиться и намъ всѣмъ отъ сна (Римл. 13, 11). Мы спимъ,—воры подкапываютъ наше зданіе и крадутъ драгоцѣннѣйшую собственность человѣка—жизни человѣчскія. Одного негодованія, какъ бы ни было оно сильно, недостаточно, какъ недостаточно минутнаго пробужденія отъ сна въ долгую ночь, чтобъ быть уже покойнымъ, что воръ не придетъ и не подкопаетъ, когда мы снова задремлемъ и заснемъ. Онъ выжидаетъ именно того времени, когда перестаютъ чутко прислушиваться ко всему, зорко приглядываться къ окружающему. И послѣ того, какъ мы выслушали укоризну Давида, обращенную къ спавшему вокругъ царскаго шатра народу, обережемся, чтобы среди обычныхъ дѣлъ не задремать и не уснуть снова, какъ тотъ привратникъ дома Іевосеева, который, очищая пшеницу, задремалъ и уснулъ.

Но спасеніе не въ одномъ только бодрствованіи. Припомнимъ совѣтъ Іодая — бодрствовать съ оружіемъ въ рукѣ. Кто усиливается прорваться сквозь ряды — тотъ долженъ быть отраженъ оружіемъ. Спасеніе отъ подкапывающаго зданіе ночнаго вора — бодрствованіе и оружіе (Исх. 22, 2), какимъ кто надѣленъ.

Въ самомъ дѣлѣ, троекратное покушеніе на жизнь нашего царя не заставляетъ ли предполагать или то, что онъ не былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, что ряды окружающихъ его не были достаточно густы и оставалось еще пространство для злодѣевъ дѣйствовать свободно и не быть замѣченными заранѣе; или то, что окружающіе недостаточно бдительны и недостаточно пользуются каждымъ даннымъ ему оружіемъ, если сквозь ихъ ряды прорываются злоумышленники на его жизнь вотъ уже не одинъ разъ?

Итакъ, нужно окружить царя со всѣхъ сторонъ, стать въ плотные, густые ряды и каждому поставленному въ ряды охранителей бодрствовать и пользоваться честно даннымъ ему оружіемъ. Эти два условія необходимо соблюсти, по высоко-самоотверженному слову великаго Царя нашего, «не для него только,—онъ приносилъ и приносить свою жизнь для общаго блага,—но для всѣхъ насъ, для общества, для всей Россіи». Дѣйствительно, это нужно для всѣхъ насъ, потому что смерть входитъ въ наши окна, вторгается въ чертоги наши, чтобы истребить дѣтей съ улицы, юношей съ площадей (Пер. 9, 21). И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о преступныхъ троекратныхъ покушеніяхъ на жизнь Царя, сколько истреблено жизней въ чертогахъ, на улицахъ и площадяхъ злодѣйскою рукою? Напоминать нѣтъ нужды. Всякому и безъ напоминаній должно быть понятно, что нужда настоятъ не только въ защитѣ царя—прямой обязанности его подданныхъ, но и въ самозащитѣ. И къ укоризнѣ Давида: для чего же вы не бережете господина своего царя? присоединяется новая намъ укоризна: для чего же вы не бережете и самихъ себя? Вина увеличивается; увеличенная вина, если она сознается,—а ужели она кѣмъ-либо еще не сознается?—должна быть и смыта увеличеннымъ исправленіемъ.

Пусть же, слѣдуя совѣту Юдая, начальники сотенъ, главы поколѣній, священники, левиты и народъ земли сомкнутся въ одинъ плотный рядъ вокругъ нашего Царя и

престола; пусть всѣ проникнутся глубоко одною мыслию охранять жизнь государственную и семейную дружными общими силами вездѣ, гдѣ бы кто ни былъ поставленъ, при домѣ ли царскомъ, или у воротъ, или привратникомъ у пороговъ, или на дворахъ дома Господня (2 Пар. 23, 4—5). Пусть каждый, поставленный на стражу, недремленно стоитъ на ней съ оружіемъ въ рукѣ своей и употребляетъ его въ интересахъ охраненія во всякомъ случаѣ.

Но какое же въ нашихъ рукахъ можетъ быть оружіе? Есть ли у насъ оно? Несомнѣнно есть, и оружіе самое дѣйствительное для охраненія общаго порядка. Держать его въ рукахъ не значить всѣмъ и каждому держать мечъ; нѣтъ, это значить поступать достойно того званія, въ которое кто изъ насъ призванъ (Еф. 4, 1).

Ты—начальникъ сотенъ; не напрасно носи свое оружіе—мечъ, и будь страшенъ не для добрыхъ дѣлъ, но злыхъ, помня, что ты Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое (Рим. 13, 3—4).

Ты—глава поколѣній и тебя господинъ поставилъ надъ слугами своими и надъ имѣніемъ своимъ; начальствуй съ усердіемъ (Рим. 12, 8) и бодрствуй въ каждую стражу, чтобы воръ не подкопалъ дома, тебѣ ввѣреннаго, помня великую отвѣтственность (Мѡ. 24, 43—51).

Ты—священникъ; въ твоихъ устахъ да будетъ твое оружіе—закопъ истины, чтобы имъ многихъ отвращать отъ грѣховъ. Помни, что горе тѣмъ пастырямъ, которые слабыхъ овецъ не укрѣпляютъ, больныхъ не врачуютъ, пораненныхъ не перевязываютъ, угнанныхъ не возвращаютъ, потерянныхъ не ищутъ, такъ что овцы разсѣиваются и, разсѣявшись, дѣлаются пищею всякому звѣрю полевому (Иезек. 34, 4—5).

Лица всѣхъ классовъ, состояній и положеній — пусть всѣ держатъ крѣпко въ рукѣ своей и борются каждый своимъ оружіемъ, но въ общей цѣли охраненія, какъ бы составляя одно тѣло, оберегающее само себя.

Пусть отцы и матери не выпускаютъ изъ рукъ своего оружія, даннаго имъ самимъ Богомъ,—воспитанія дѣтей въ ученіи и наставленіи Господнемъ (Еф. 6, 4), помня, что въ небреженіи оставленный отрокъ платитъ срамомъ самимъ же родителямъ (Пр. Солом. 29, 15), что единственно въ тщательномъ образованіи дѣтей можетъ выразиться истинно-родительская любовь (13, 24), что отвѣтственность за злоупотребленіе дѣтьми своею свободою, дурно направленною, падаетъ на отцовъ и матерей (Сир. 26, 10—12; 30, 1—15).

Пусть учитель юности пребываетъ въ ученіи юности, ему ввѣреннаго, держась образца духовнаго ученія (2 Тим. 1, 13), не занимаясь баснями, которыя производятъ больше споры, нежели назиданіе; не заражая юношей страстію къ состязаніямъ и словопреніямъ, что нисколько не служить къ пользѣ, а къ разстройству слушающихъ и отъ чего только происходятъ лукавыя подозрѣнія; не уклоняясь въ пустословіе, желая быть законоучителемъ, но не разумѣя ни того, о чемъ говорить, ни того, что утверждаетъ (1 Тим. 1, 4. 6—7; 2, 14; 6, 4).

Пусть писатель говоритъ правду и языкъ его не лукавствуетъ до усталости (Іер. 9, 5); съ трости скорописца да не сходитъ ни одно гнилое слово, а только доброе, дабы оно доставляло благодать слушающимъ (Еф. 4, 29). Пусть будетъ переломлена трость книжника, превращающаго въ ложь истину (Іер. 8, 8), зло называющаго добромъ и добро зломъ, тьму почитающаго свѣтомъ и свѣтъ тьмою, горькое выдающаго за сладкое и сладкое за горькое (Исаіа 5, 20).

Пусть судья, исполняясь страхомъ Господнимъ, судитъ не по взгляду очей своихъ и рѣшаетъ дѣла не по слуху ушей своихъ; но судитъ по правдѣ и рѣшаетъ по истинѣ (Исаіа 11, 3—4), не оказывая лицепріятія нечестивымъ (Псал. 81, 2).

Смотрите, у cadaго есть свое оружіе, совершенно достаточное, чтобы впредь не дать возможности про-

рваться сквозь ряды охранителей злодѣю. Но будутъ ли плотны ряды охраняющихъ, нами перечисленныхъ, когда кромѣ этихъ есть еще миллионы мирныхъ поселенцевъ, рука которыхъ привычна только къ одному оружію—плугу? А онъ—оружіе мира.

Однакожь и мирный селянинъ свое мирное оружіе,—какъ думаемъ, надѣмся и вѣримъ,—можетъ превратить въ оружіе страшнѣйшее и острѣйшее даже самага меча, когда имъ воспользуется достойно своего званія. Не будетъ ли позорно отброшенъ всякій прерывающійся въ ряды этихъ миллионовъ, владѣющихъ только оружіемъ мира, съ цѣлю посѣять смуты, когда услышитъ отъ нихъ твердо высказанное въ простотѣ сердца (Еф. 6, 5), слово: надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего мы и подати платимъ; ибо власти—Божіи служители, симъ самымъ постоянно заняты. Итакъ, отдаемъ всякому должное: кому подать—подать, кому оброкъ—оброкъ, кому страхъ—страхъ, кому честь—честь (Римл. 13, 5—7). А кто поставилъ тебя начальникомъ и судію надъ нами? (Исх. 2, 14). Вотъ ты разумѣешь лучше и увѣренъ о себѣ, что ты путеводитель слѣпыхъ, свѣтъ для находящихся во тмѣ, наставникъ невѣждъ, учитель младенцевъ, имѣющій образецъ вѣдѣнія и истины. Какъ же ты, уча насъ повиновенію себѣ, не учишь себя самого? Хвалишься закономъ, а преступаешь законъ. Значитъ ты таковъ только по наружности, а внутри не таковъ (Рим. 2, 18—29). И конечно, противъ такого оружія спорить и бороться нельзя: и нѣтъ силъ, и быть не можетъ.

Итакъ, оружіе есть у cadaго изъ насъ; оружіе мирное, но въ тоже время какъ нельзя лучше ведущее къ цѣли—достиженію мира, если только всѣ мы имъ воспользуемся должнымъ образомъ,—каждый достойно своего званія,—а не оставимъ ржавѣть въ ножнахъ, пока дремлемъ и спимъ.

Пора проснуться! И укоризна Давида, и совѣтъ первосвященника Иодая, и событія переживаемыя—все призываетъ насъ къ бодрствованію и оружію.

А. С—ъ.

ВРАГИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА.

Переживаемое нами время обилуетъ потрясающими событіями. Главное между нами — событіе 2-го апрѣля. Дерзость враговъ общественнаго порядка дошла до крайней степени. Для нихъ нѣтъ ничего священнаго. Злодѣйская рука посягнула на самую драгоценную въ мірѣ жизнь—жизнь возлюбленнаго царя нашего, величайшаго благодѣтеля своего народа, попечительнѣйшаго о благѣ не только подданныхъ своихъ, но и иноземныхъ единовѣрныхъ намъ братій. Вотъ уже третій разъ дѣлается на эту жизнь злодѣйское покушеніе, но каждый разъ, слава и благодареніе Господу, оно не удается. Въ этомъ мы должны усматривать великую милость Божію не только къ особѣ царя нашего, но и ко всему народу. Народная жизнь имѣетъ тѣснѣйшую связь съ жизнію царя. Царь—глава народа. Народъ безъ царя—тоже что тѣло безъ головы. Поэтому враги царя суть вмѣстѣ враги народа. Напрасно они усиливаются увѣрить народъ, что возставая и стараясь распространить повсюду возстаніе противъ царской власти и ея слугъ, они дѣйствуютъ въ интересахъ народа и заслуживаютъ сочувствіе его. Народъ никогда не пойметъ этихъ увѣреній, никогда не отнесется съ сочувствіемъ къ мнимымъ радѣтелямъ о благѣ его. Возрѣнія народа на значеніе царской власти совершенно противоположны ихъ анархическимъ внушеніямъ, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ поговорокъ: «Богъ на небѣ, царь на землѣ.—Одинъ Богъ, одинъ государь. —

Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится.—Воля Божія, а судъ царевъ.—Воля царя—законъ. На все святая воля царская.—Никто какъ Богъ да государь.—Свѣтитса одно солнце на небѣ, а царь русскій на землѣ.—Все Божье да государево.—Безъ царя земля вдова.—Государь батька, земля matka.—Душой Боговы, тѣломъ государевы.—Богъ—батька, государь—дядька.—Царь—отъ Бога приставъ.—Царь думаетъ, а народъ вѣдаетъ.—Не Москва государю указъ, государь Москвѣ.—Одному Богу государь отвѣтъ держить.—Не судима воля царская *)).

Судя по этимъ народнымъ изреченіямъ, царская власть такъ высоко стоитъ въ глазахъ народа, что возставать противъ нея значить идти противъ глубочайшихъ народныхъ убѣжденій въ святости ея. Народъ убѣжденъ, что она не только необходима для блага народа, но что непременно она должна быть самодержавна, независима, ничѣмъ не ограничена, что царь никому не подвластенъ, кромѣ Царя небеснаго, что царь отвѣтственъ предъ однимъ только Богомъ, что царь за всѣхъ думаетъ, что воля царская свята.—Начемъ основывается благоговѣніе народа къ самодержавію царскому? На убѣжденіи, что власть царя есть подобіе власти отца семейства. Въ представленіи народномъ мысль о царѣ неотдѣлима отъ мысли объ отцѣ. Народъ не иначе называетъ царя, какъ батюшкой-царемъ, а себя — его дѣтьми. Нельзя думать, чтобы при такомъ отношеніи къ царю когда-либо встрѣтило сочувствіе въ народѣ ученіе о какомъ-то мечтаемомъ договорѣ между подданными и верховною властію. Какому договору можетъ быть мѣсто между отцемъ и сыномъ, между отцемъ-государемъ и дѣтьми-подданными? И возможенъ ли искренній и прочный союзъ между царемъ, связаннымъ узами договора, и подданными, подозрительно слѣдящими за нимъ, исполняетъ ли онъ условія договора?

*) См. Даля „Пословицы русскаго народа“. М. 1862. стр. 244—5.

Правда, у многихъ народовъ примѣнено это ученіе; но не видно, чтобы оно спасало ихъ отъ гибельныхъ влутреннихъ смуть. Не видно также, чтобы все, пригодное для однихъ народовъ, было пригодно для другихъ. Въ отеческомъ самодержавіи дано русскому народу вѣками испытанное средство къ достиженію гражданскаго благоустройства. Неблагоразумно было бы отречься отъ завѣта вѣковъ и желать переменъ одного государственнаго устройства, благотворность котораго уже извѣдана, на другое, благонадежность котораго еще не доказана. Напрасно думаютъ, будто отъ такой переменъ можно ожидать исцѣленія всѣхъ общественныхъ золъ, всего наилучшаго. Дѣло главнымъ образомъ не въ учрежденіяхъ, а въ людяхъ. На бумагѣ могутъ быть отличныя учрежденія, но на практикѣ оказаться несостоятельными — отъ неподготовленности, отъ неспособности, отъ недобросовѣстности дѣятелей, отъ ожесточенной борьбы партій, — особенно отъ послѣдней причины. При настоящемъ порядкѣ вещей въ нашемъ отечествѣ, самодержавная воля сдерживаетъ эту борьбу, возвышается надъ всѣми партіями и съ высоты своего кругозора имѣетъ возможность безпристрастно цѣнить ихъ стремленія. Но если царь связанъ будетъ народнымъ представительствомъ, то утратить возможность въ иныхъ случаяхъ дѣйствовать въ истинныхъ интересахъ подданныхъ. Такъ какъ въ составъ русскаго государства входитъ множество племенъ и народовъ, то сторона ихъ въ представительномъ собраніи по многимъ вопросамъ легко можетъ получать перевѣсъ ко вреду русской народности, а отсюда неизбѣжны неурядицы, подобныя тѣмъ, какія существуютъ въ Австро-Венгріи. — Отъ добра добране ищутъ. Русскій народъ привыкъ къ самодержавію своихъ царей, и Церковь всегда молитъ Господа объ укрѣпленіи самодержавія ихъ. — Желаніе ограничить царскую власть можетъ впрочемъ исходить и не отъ враговъ общественнаго порядка; но если народъ по характеру своихъ убѣжденій не можетъ сочувствовать этому желанію, — то всего менѣе

могутъ расчитывать на сочувствіе народа враги общественнаго порядка, стремящіеся вообще къ ниспроверженію царской власти. Народъ такъ благоговѣтъ къ ней, что даже суровыя дѣйствія русскихъ царей никогда не могли поколебать его благоговѣнія. «Грозно, страшно, а безъ царя нельзя.—Царскій гнѣвъ и милость въ рукѣ Божіей»,—вотъ что говоритъ, народъ, и какъ говоритъ, такъ и поступаетъ. Одушевленные благоговѣніемъ и преданностію къ царямъ, русскіе люди всегда почитали грѣхомъ не только открыто возставать на царей, злоупотреблявшихъ своею властію, но и роптать на нихъ: они чтили въ нихъ достоинство помазанниковъ Божіихъ и суровое ихъ правленіе переносили съ покорностію волю Божіей,—не ихъ винили въ несправедливости, а себя признавали достойными наказанія Божія за грѣхи свои. Но до какой степени можетъ простираться преданность русскаго народа къ царямъ кроткимъ и милостивымъ, правосуднымъ, мудрымъ, объ этомъ можно судить по тѣмъ опытамъ, какими обильно настоящее царствованіе: безумныя попытки противъ жизни царя только усиливаютъ преданность къ нему народа и ненависть къ злоумышленникамъ. Особенно народъ дорожитъ царями прирожденными, пріѣвшими наслѣдственную отъ предковъ власть. Этимъ объясняются самыя успѣхи самозванцевъ, волновавшихъ нѣкогда русскую землю: они дѣйствовали во имя царей прирожденныхъ, по увѣренности, что одного этого имени достаточно, чтобы привлечь къ себѣ толпы народа. Такимъ образомъ, если и были у насъ возмущенія противъ царской власти, въ нихъ народъ былъ вовлекаемъ только обманомъ, расчитаннымъ на приверженность народа къ царямъ своимъ.

Если враги общественнаго порядка знаютъ,—а не знать не могутъ,—какъ противоположно ихъ возрѣніямъ на царскую власть благоговѣйное отношеніе къ ней русскаго народа, то ничто не можетъ быть возмутительнѣе дерзости и безумія, съ какими они не только возстаютъ противъ царя, но еще посягаютъ на священную жизнь его.

Можно подумать, что, стремясь къ низпроверженію царской власти, они одушевляются какими-нибудь высокими идеалами, ради которыхъ стоить рѣшиться на всякія жертвы, не смущаясь неудачами. И дѣйствительно, если вѣрить ихъ словамъ, у нихъ одна цѣль—устройство народнаго благосостоянія,—они дѣйствуютъ во имя народнаго блага. Достиженію этой цѣли, по ихъ мнѣнію, препятствуютъ существующіе теперь порядки въ области семейной, церковной и общественной. Развитіе человѣчества, по ихъ ученію, задерживается суевѣрнымъ уваженіемъ къ законамъ брака, къ власти родительской, существованіемъ собственности и капитала, Церкви и вообще религіи, но главнымъ образомъ существованіемъ твердой верховной власти, охраняющей установившіеся порядки въ человѣческихъ обществахъ. Эта власть и ея вѣрные слуги—главная для нихъ помѣха, и вотъ ее-то надобно устранить. Съ устраненіемъ этой помѣхи они мечтаютъ водворить повсюду безначаліе и безначаліемъ воспользоваться для осуществленія своихъ ученій, направленныхъ къ разрушенію семьи, собственности, Церкви. Какъ выработается изъ этого ообщее благо, здравый человѣческій смыслъ отказывается понять. Но врагамъ общественнаго порядка нѣтъ дѣла до здраваго смысла,—они руководствуются не внушеніями здраваго смысла, и всего менѣе религіи, а звѣрскими кровожадными инстинктами. Кинжалъ, револьверъ, огонь, ядъ, гнусный обманъ,—вотъ любимыя орудія, которыя они пускаютъ въ ходъ для удовлетворенія своей кровожадности, своей безумной вражды ко всему, чѣмъ держится существованіе человѣческаго общества. Они и сами нескрываютъ, что желаютъ походить на звѣрей. Проповѣдуемая ими теорія борьбы за существованіе относится, по ихъ мнѣнію, не къ однимъ звѣрямъ, но и къ людямъ, ибо людей они ставятъ не много выше звѣрей. Эта теорія гласитъ: всякому до себя, каждый знай одного себя, отстаивай себя,—другихъ высшихъ, не-личныхъ побужденій не должно быть и въ поминѣ. Что же касается

до ближнихъ, то они пусть поступаютъ такъже, и если не успѣютъ достигнуть тогоже, чего вамъ удалось достигнуть, жалѣть ихъ не стоить. У кого нѣтъ силъ отстоять себя въ борьбѣ за существованіе, пусть гибнетъ въ этой борьбѣ и остаются одни сильные.—Такимъ образомъ по этой теоріи выходитъ, что для людей нѣтъ другого закона жизни, кромѣ того, какой существуетъ для животныхъ плотоядныхъ, поддерживающихъ свою жизнь истребленіемъ другихъ—слабѣйшихъ. Враги общественнаго порядка какъ сами одушевлены звѣрскими инстинктами, такъ усиливаются пробудить ихъ въ народной массѣ, и если бы имъ удалось это, родъ людской погибъ бы отъ самоистребленія. Какой же теперь смыслъ имѣеть въ устахъ враговъ общественнаго порядка увѣреніе, что ихъ спѣдаетъ ревность объ общественномъ благѣ, что они стоятъ за интересы народа?

Какое значеніе предъ судомъ нравственнаго чувства имѣютъ средства, къ какимъ они прибѣгаютъ для достиженія своихъ цѣлей? Что эти средства безнравственны и въ высшей степени безчестны,—это не подлежитъ сомнѣнію. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть безнравственнѣе и безчестнѣе тѣхъ злодѣяній, какія совершаются ими для доставленія успѣха своему нечестивому дѣлу, напримѣръ подлоговъ и убійствъ? Особенно возмутительны убійства. Враги общественнаго порядка не только не гнушаются убійствомъ, но еще почитаютъ его похвальнымъ подвигомъ и берущихъ на себя этотъ подвигъ чествуютъ; какъ героевъ. Какое извращеніе понятій о томъ, что нравственно, и что безнравственно, о различіи добра и зла! Въ геройство возводится уголовное преступленіе, достойное тяжкой кары закона. Героями называютъ людей, подобныхъ тѣмъ, какими переполнены наши тюрьмы и каторга!—Нѣтъ, говорятъ враги общественнаго порядка, наши убійства имѣютъ не уголовный, а политическій характеръ. Мы не злодѣи, подобные разбойникамъ, а мстители. Разбойники убиваютъ ради грабежа и наживы, слѣдственно

по своекорыстию, — а мы убиваемъ враговъ нашихъ съ цѣлю избавить отъ ихъ гнета общество и переустроить общество на новыхъ началахъ. — Такъ оправдываютъ свои злодѣянія сѣятели смуть, но оправдываютъ недобросовѣстно. Преступленіе не перестаетъ быть преступленіемъ оттого, что его называютъ политическимъ. Развѣ и политика не можетъ быть преступная и злодѣйская? Развѣ политики, въ международныхъ отношеніяхъ и внутреннихъ дѣлахъ поставляющіе задачею ослаблять враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, — всяческими обманами, вѣроломствомъ, сѣяніемъ раздоровъ, возбужденіемъ заговоровъ, тайными убійствами, — развѣ такіе политики, извѣстные подъ именемъ макиавелистовъ, не столь же безнравственны, какъ разбойники, нападающіе на проѣзжихъ по большимъ дорогамъ, или врывающіеся въ дома мирныхъ гражданъ? — Усвоивъ себѣ подобную политику, наши домашніе враги напрасно стали бы оправдывать ее доброю цѣлю. Что цѣли у нихъ не добрыя, что дай имъ волю, они способны только погубить общество, — это выше пререканій. Но еслибы и дѣйствительно у нихъ были благодѣтельные цѣли и еслибы плодомъ ихъ усилій было всеобщее благоденствіе, они во всякомъ случаѣ неправы. Доброю цѣлю, какъ извѣстно, не оправдываются безнравственныя средства, каковы на примѣръ убійства, — особенно если убійцы нападаютъ на безоружныхъ, стрѣляютъ изъ-за угла, заманиваютъ намѣченныя ими жертвы въ такія мѣста, гдѣ никто не можетъ спасти ихъ отъ ножа или пули. Правда, наши мнимо-политическіе убійцы не всегда могутъ разчитывать на безнаказанность и нападая на другихъ, сами рискуютъ быть схваченными и убитыми; но рискъ ихъ въ этомъ случаѣ теряетъ всякое нравственное значеніе не только потому, что онъ соединяется съ незаконнымъ дѣломъ, какъ и рискъ всякаго разбойника, но и потому, что для избѣжанія наказанія за преступленіе, они прибѣгаютъ къ самоубійству, которое для нихъ совсѣмъ не

страшно по отсутствію въ нихъ вѣры въ загробную жизнь, и которое не удастся имъ только по независимымъ отъ нихъ причинамъ.

Итакъ, въ дѣйствіяхъ враговъ общественнаго порядка, съ какой стороны ихъ ни разсматривать, нѣтъ ни одной стороны, достойной хоть малѣйшаго сочувствія благомыслящихъ людей. Не сочувствіе, а негодованіе и проклятiе возбуждаютъ повсюду эти дѣйствія, особенно злодѣйскія покушенія на человѣческую жизнь. Но сѣятели смуть не смущаются этимъ негодованіемъ и проклятiемъ; они не боятся суда современниковъ,—они утѣшаютъ себя надеждою на сочувствіе потомства. Современники не понимаютъ ихъ, поймутъ и оцѣнятъ позднѣйшія поколѣнія, которыя будутъ наслаждаться плодами ихъ трудовъ. — Основательна ли эта надежда?—Не скажемъ, что неосновательна. Апостолы Христовы, пророчествуя о послѣднихъ временахъ, говорятъ, что эти времена будутъ тяжкія, ибо люди будутъ самолюбивы, надменны, родителямъ непокорны, неблагодарны, нечестивы, предатели, наглы (2 Тим. 2, 1—4), ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ, отвергающіе начальство и злословающіе всякія власти (Иуд. 8. 16). Современные намъ сѣятели смуть очень похожи на людей, которые усилятся въ послѣднія времена міра, ибо подобно имъ нечестивы, самолюбивы, надменны, не признаютъ никакого начальства и власти. Современные намъ нечестивцы, поиратели законовъ божескихъ и человѣческихъ, суть предтечи враговъ истины и правды, имѣющихъ появиться въ послѣднія времена, и потому не мудрено, что по нравственному сродству съ ними встрѣтятся съ ихъ стороны сочувствіе, какъ подготовившіе для нихъ почву и показавшіе имъ примѣръ. Что же касается до людей благомыслящихъ, то какъ въ наше время они съ отвращеніемъ смотрятъ на злодѣйства враговъ общественнаго порядка, не пренебрегающихъ никакими средствами, даже убійствомъ, для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, такъ

и послѣ насъ, до скончанія вѣка, они будутъ гнушаться этими злодѣйствами.

Современные намъ сѣятели смутъ, какъ извѣстно, суть не только враги общества, но и Церкви. Они не вѣруютъ ни въ Бога, ни въ Христа, какъ Искупителя. Тѣмъ удивительнѣе однако, что эти невѣрующіе, не пренебрегая никакими средствами для поддержанія своего дѣла, дерзаютъ въ оправданіе свое ссылаться на Евангеліе, въ которое невѣруютъ. Самыя злодѣйства свои, самыя убійства они кощунственно оправдываютъ словами Иисуса Христа: «все примшии ножъ ножемъ погибнуть» (Мат. 26, 52). Власть, видите, незаконно поступаетъ, преслѣдуя и карая ихъ, почему сама достойна кары, и вотъ на совершеніе этой кары они почитаютъ себя уполномоченными приведенными словами Христа, сказанными Апостолу Петру, подъявшему ножъ для защиты своего Учителя въ саду Геосиманскомъ. Какое кощунственное примѣненіе словъ Христовыхъ! На самомъ дѣлѣ эти слова не только не благопріятствуютъ самоуправству злодѣевъ, а осуждаютъ его въ лицѣ Петра. Петръ, бросившись съ ножемъ на слугу архіерейскаго Малха, пришедшаго вмѣстѣ съ воинами схватить Иисуса, поступилъ незаконно: онъ возсталъ въ этомъ случаѣ на самую власть, въ распоряженіи которой состоялъ этотъ слуга. Какова бы ни была эта власть, справедливо ли или несправедливо она распоряжалась, — во всякомъ случаѣ она была законная. Петръ явился виновнымъ въ нарушеніи заповѣди о повиновеніи законному начальству, слѣдственно, поднявъ мечъ противъ власти, самъ по закону возмездія заслуживалъ наказанія мечемъ. Не ясно ли, что современные намъ заклятые враги законной власти, приводя въ защиту своего самоуправления слова Христовы, приводятъ ихъ въ улику и осужденіе самимъ себѣ?—Власть должна быть священна для каждаго гражданина. Иисусъ Христосъ чтилъ власть даже въ лицѣ незаконнаго Пилата, сказавъ ему, что она дана ему свыше (Іоанн. 19, 11). Поэтому враги общественнаго порядка,

не признающіе надъ собою никакой власти, нападающіе съ оружіемъ въ рукахъ даже на верховнаго представителя власти, поистинѣ достойны той кары, которой по слову Христову подвергаются всѣ незаконно и самоуправно поднимающіе мечъ. Петръ оказался неправымъ, хотя защищалъ правос дѣло въ лицѣ своего Учителя и Господа, величайшаго праведника. Не безмѣрно ли виновнѣе Петра наши сѣятели смуть, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивающіе не правос, а незаконное дѣло? — Образумьтесь несчастные!

Господи, спаси царя и царство, какъ доселѣ спасалъ ихъ отъ злоумышленій людей нечестивыхъ.

Прот. В. Печѣевъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

XXXVIII.

Суетность земныхъ стяжаній.

(Изъ слова о Іоаннѣ огородницѣ. Прол. Ноябрь. 8. л. 244.)

Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что надежда на земныя блага суетна и что мы должны болѣе заботиться о стяжаніи благъ небесныхъ и вѣчныхъ, нежели временныхъ и тлѣнныхъ; и однакожь многіе изъ насъ не свободны отъ пристрастія къ послѣднимъ и на нихъ однихъ возлагаютъ всю свою надежду. Такъ, не упоминая уже о записныхъ сребролюбцахъ, сколько мы видимъ на свѣтѣ людей, даже и добрыхъ сердцемъ, которые говорятъ: придетъ болѣзнь, старость, что я буду дѣлать безъ денегъ? Кому я буду нуженъ? и т. п. Говорятъ такъ многіе и выходятъ, что только деньги одни могутъ облегчить намъ болѣзнь или старость. А на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное. Не деньги, братіе, а нѣчто другое намъ нужно и полезно во время болѣзни и старости.

Нѣкоторый огородникъ, именемъ Іоаннъ, былъ весьма милостивъ къ бѣднымъ. Изъ того, что пріобрѣталъ, онъ только малую часть оставлялъ для себя, а остальное всё раздавалъ неимущимъ. Прошло такъ довольно времени и вдругъ Іоанна начинаетъ тревожить мысль: «что я буду дѣлать, когда состарѣюсь и болѣть буду? Кому я буду нуженъ? Кто будетъ кормить меня?» Сталъ думать объ этомъ Іоаннъ и сталъ копить деньги и скопилъ серебра количество довольное. Пришла затѣмъ, какъ будто въ оправданіе его заботъ, къ нему и болѣзнь. Нога у него загнила и покрылась ранами и онъ началъ лечиться. Но леченіе шло очень туго. Призывалъ онъ многихъ врачей, сыпалъ имъ деньги, а между тѣмъ пользы никакой. Что дѣлать? Призываетъ онъ наконецъ врача, искуснѣйшаго всѣхъ. Сей осмотрѣлъ ногу и сказалъ Іоанну, что въ его болѣзни остается только одно средство,—отнять ногу; «иначе, добавилъ, все тѣло твое сгниетъ». Дѣлать нечего, Іоаннъ согласился, и врачъ обѣщаль придти къ нему на другой день. Наступила ночь предъ ужаснымъ днемъ и всплакнулъ Іоаннъ. «Господи, сказалъ онъ, помяни мои первыя дѣла, когда я былъ щедръ на милостыню, и исцѣли меня!»—Едва только онъ сказалъ это, какъ вдругъ сталъ предъ нимъ Ангелъ Божій и сказалъ: «ну гдѣ твое серебро, которое собралъ ты?»—«Грѣшенъ, Господи, отвѣчалъ Іоаннъ, прости меня и отсели я такъ поступать не буду!» Тогда Ангелъ коснулся его ноги и она тотчасъ стала здоровою. И вставши, Іоаннъ пошелъ на работу. Утромъ приходитъ къ нему врачъ рѣзать ногу и, не видя его, спрашиваетъ: «гдѣ Іоаннъ?» «Да ушелъ, говорятъ, рано на работу въ огородъ». Ужаснулся врачъ и пошелъ, чтобы собственными глазами убѣдиться въ справедливости слышаннаго. Приходитъ, и дѣйствительно видитъ Іоанна копающимъ землю. Прославилъ онъ тутъ Бога и сказалъ: блажени милостивіи, яко ти помиловани будутъ.

Итакъ, братіе, не деньги, а наши добрыя дѣла могутъ

облегчить нашу участь и во время болѣзни и старости и во всякое время. Поэтому и копите ихъ, а не деньги, больше про чёрный день (1 Царств. 12, 21). Аминь.

XXXIX.

Для чего Господь попускаетъ праведнымъ страдать отъ нечестивыхъ, а также терпѣть и другія бѣды?

Читая житія святыхъ, мы видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ терпѣли озлобленія и гоненія, а другіе принимали раны и самую смерть отъ людей нечестивыхъ. Къ большей части ихъ безъ преувеличенія можно отнести слова св. апостола Павла: *ини избіени быша, не пріемше избавленія... Другіи же руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, сще же и узамы и темницею. Каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша* (Евр. 11, 35—37). Что же это значить? Чья жизнь была неукоризненнѣе, какъ не этихъ гонимыхъ святыхъ? Кто лучше ихъ зналъ Бога и усерднѣе служилъ Ему? Кто безкорыстнѣе ихъ помогалъ ближнему, былъ сострадательнѣе, миролюбивѣе, благонравнѣе? Для чего же Господь попускалъ нечестивымъ озлоблять ихъ? Или Онъ былъ не силенъ избавить ихъ отъ руки злыхъ? Или у Него нѣтъ любви и состраданія?

Однажды преподобный Ниль постникъ, бывшій сподвижникомъ св. отцевъ, въ Синаѣ и Раифѣ избіенныхъ, память которыхъ совершается 14 декабря, видя избіеніе и страданія ихъ отъ варваровъ, тоже спрашивалъ: за что они страдаютъ? «Гдѣ, говорилъ онъ, блаженные отцы, труды воздержанія вашего? Гдѣ награда за терпѣніе скорбей? Гдѣ вѣнецъ многимъ подвигамъ? Это ли воздаяніе вашему иночеству? Или всеу вы текли на предлежавшій вамъ подвигъ? Или есть справедливость въ томъ, чтобы за добродѣтель принимать скорбь, и что убиваемыхъ васъ оставилъ безъ помощи промыслъ Бо-

жій? И вотъ возымѣла силу скверна на ваши тѣлеса святыя, и злоба хвалится, что одолѣла» (Чет. Мин. изд. 1864 г. 14 янв. стр. 139). Такъ, въ глубокой скорби, задалъ себѣ, подобныя нашимъ, вопросы Ниль преподабный; но онъ, къ своему утѣшенію, вскорѣ получилъ на нихъ разрѣшеніе. «Чего ради, сказалъ ему и бывшимъ съ нимъ, спасшимся отъ меча злодѣевъ инокамъ, израненный и едва дышавшій старецъ Θεодуль,—чего ради смущаетъ васъ пришедшая на насъ напасть? Ужели вы не знаете, для чего Господь предаетъ подвижниковъ своихъ сопротивнымъ? Не ради ли того, чтобы величайшими воздаяніями вознаградить претерпѣвшихъ до конца, какъ и сугубо воздалъ Іову то, что онъ погубилъ? Но намъ, конечно несравненно больше воздастъ, ибо *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце чловѣку не въздоша, яже уютова Господь любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9) и терпящимъ до конца» (тамъ же л. 140). Лучшаго отвѣта и на наши, братіе, вопросы о причинѣ неповинныхъ страданій не можетъ быть.

Но что сказать, когда видимъ, что праведникъ страдаетъ иногда и не отъ людей? Иной изъ добродѣтельныхъ всю жизнь не имѣетъ гдѣ преклонить главы; а иного, что и еще ужаснѣе, постигаетъ иногда лютая и внезапная смерть. И мы тоже недоумѣваемъ: что это значить? За что страдаетъ праведникъ? О братіе! не смущайтесь и здѣсь; ибо хотя и неисповѣдимы пути промысла Божія, но они всегда ведутъ ко благимъ цѣлямъ, всегда служатъ къ нашему спасенію и блаженству. «Одинъ инокъ, пришедши въ городъ, чтобы продать свое рукодѣлье, видѣлъ погребеніе нѣкотораго злаго вельможи и удивлялся тому, что беззаконника провожали съ великою честію церковною и гражданскою. Еще болѣе поразило его то зрѣлище, какое онъ увидѣлъ возвратясь въ пустыню: благочестивый старецъ, наставникъ его, лежалъ тамъ растерзанный гіеною. Господи, взывалъ осиротѣвшій пустынный, почему это злой вельможа сподобился столь славной

смерти, а этотъ святойъ мужъ растерзанъ звѣремъ?»—Плачущему явился Ангелъ и сказалъ: «не плачь по твоему учителю. Злой вельможа имѣлъ одно доброе дѣло и за то сподобился честнаго погребенія; но награда его только здѣсь, а тамъ ожидаетъ его казнь за всѣ злыя дѣла его. Напротивъ, твой наставникъ, хотя во всемъ угоденъ былъ Богу, однако у него былъ одинъ порокъ, отъ котораго онъ и очищенъ злою смертію» (Прол. 21 іюля).

Итакъ, братіе, ясно, что тотъ не имѣетъ понятія о безконечной любви къ намъ небеснаго Отца, кто дерзаетъ упрекать Его въ неправосудіи или несостраданіи. Будемъ вѣровать, что минутная скорбь ведетъ къ безконечному блаженству, если она понесена съ терпѣніемъ и ради Бога; и будемъ помнить, что настанетъ время, когда Господь отретъ всѣ слезы съ очей рабовъ своихъ (Ап. 7, 17) навсегда. Аминь.

XI.

Не должно осуждать ближнихъ.

Грѣхъ осужденія—самый богопротивный грѣхъ. Это подтверждается слѣдующимъ разговоромъ. Преподобный Іоаннъ Савваитскій рассказываетъ слѣдующее: «разъ приходитъ ко мнѣ инокъ изъ сосѣдняго монастыря и я спросилъ его: какъ живутъ отцы? Онъ отвѣчалъ: хорошо, по молитвамъ вашимъ. За тѣмъ я спросилъ объ инокѣ, который не пользовался доброй славой, и гость сказалъ мнѣ: нисколько онъ не перемѣнился, отче! Это услышавъ, я воскликнулъ: худо! и только сказалъ это, тотчасъ почувствовалъ себя какъбы въ восторгѣ и увидѣлъ Иисуса Христа, распятаго между двумя разбойниками. Я было устремился на поклоненіе Спасителю, какъ вдругъ Онъ обратился къ предстоявшимъ ангеламъ и сказалъ имъ: изриньте его вонъ,—это антихристъ, ибо осудилъ брата своего прежде Моего суда. И когда, по слову Господа,

я изгонялся, въ дверяхъ осталась моя мантия, и затѣмъ я проснулся. Горе мнѣ, сказалъ я тогда пришедшему брату,—золь сей день мнѣ! Почему такъ? спросилъ тотъ. Тогда я рассказалъ ему о видѣніи и замѣтилъ, что оставленная мною мантия означаетъ, что я лишенъ покрова и помощи Божіей. И съ того времени семь лѣтъ провелъ я блуждая по пустынямъ, ни хлѣба не вкушая, ни подъ кровъ не заходя, ни съ человѣками не бесѣдуя, пока не увидѣлъ Господа моего, возвратившаго мнѣ мантию» (Прол. окт. 22).

Итакъ видите, братіе, какъ тяжекъ и богопротивенъ грѣхъ осужденія ближнихъ! Но насколько тяжекъ онъ, настолько же напротивъ спасительно жить въ незлобіи и смиреніи и никого не осуждать.

«Нѣкоторый инокъ, въ лѣности изжившій житіе, разболѣлся къ смерти. Когда онъ былъ при послѣднемъ издыханіи, братія окружили его одръ и съ удивленіемъ смотрѣли на то, что и въ часъ смертный онъ былъ радостенъ и безпечаленъ. Одинъ изъ старцевъ спросилъ его: «братъ! мы знали, что ты жилъ въ небреженіи и лѣности, скажи же: отъ чего ты и теперь, при смерти, нисколько не заботишься о себѣ и весело смотришь на насъ?» Умиравшій отвѣчалъ: «подлинно, я худо жилъ, отцы. Но съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался монахомъ, я никогда и никого не осуждалъ. И вотъ теперъ видѣлъ я, что ангелы принесли рукописаніе моихъ грѣховъ и за мое незлобіе при мнѣ разорвали его. Поэтому я съ радостію и отхожу ко Господу» (Прол. марта 22 л. 112).

Итакъ, слыша сіе, братіе, *прежде времени ничтоже судите, дондеже приидетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тьмы и объявитъ советы сердечныя и тогда похвала комуждо будетъ отъ Бога* (I Кор. 4, 5). *Не судите и не судятъ вамъ: и не осуждайте, да не осуждени будете* (Лук. 6, 37). Аминь.

XII.

Не должно налагать на себя бремена тяжкія и неудобноносимыя.

(Изъ слова отъ Патерика о Іоаннѣ монашѣ Коловѣ, и о послушаніи его. Пролог. Ноябр. 9. 246.)

Многіе изъ неопытныхъ въ духовной жизни, надѣясь на однѣ свои силы и думая, по своей горячности и самомнѣнію, что они могутъ, на пути ко спасенію, побѣдить всѣ препятствія,—часто сами на себя налагаютъ бремена тяжкія и неудобноносимыя, подвиги трудные и непосильные. Это весьма неблагоуразумно и небезопасно. Мня взобраться высоко, они, какъ показываетъ опытъ, падаютъ низко;—часто становятся посмѣшищемъ и соблазномъ для другихъ и совсѣмъ погибнуть могутъ, если вовремя не опомнятся, не раскаются, не обучатся смиренію подъ руководствомъ людей опытныхъ.

Блаженный Іоаннъ Коловъ, въ юности оставивъ міръ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Даніиломъ ушелъ въ одинъ изъ скитовъ, и тамъ оба они усердно подвизались въ постѣ и молитвахъ. Черезъ нѣсколько времени Іоанну показали подвиги, которые онъ несъ для благоугожденія Богу, недостаточными, и онъ, вообразивъ, что сталъ уже какъ Ангелъ безплотный, однажды сказалъ брату, что не будетъ оттолѣ ни объ одеждѣ заботиться, ни пищи вкушать,—сбросилъ съ себя одежду и вышелъ изъ келліи. Но увы! За необдуманное предпріятіе Іоаннъ вскорѣ былъ наказанъ. Въ первую же почъ пребыванія его въ пустынѣ нестерпимый холодъ заставилъ его бѣжать снова къ брату, и онъ, возвратившись, сталъ умолять, чтобы поскорѣ тотъ отворилъ ему дверь. Услыхавъ голосъ Іоанна и желая вразумить его, Даніилъ спросилъ: «кто такъ стучится?» «Я Іоаннъ, братъ твой, былъ отвѣтъ. Пусти меня, умираю отъ холода!»—«Съ чего ты взялъ соблазнять меня, демонъ?»

сказалъ Даніиль,—развѣ ты не знаешь, что братъ мой ангелъ есть, и о тѣлѣ не радить, и пици не вкушаетъ? Не искушай меня!» — Слыша это, Іоаннъ раскаялся предъ братомъ, и братъ впустилъ его. Понявъ послѣ сего всю необдуманность своего поступка, Іоаннъ ушелъ вскорѣ къ величайшему изъ подвижниковъ того времени Павлу Оивейскому и, проведя у него долгое время въ глубокомъ смиреніи и послушаніи, наконецъ дѣйствительно достигъ высокаго совершенства и спасся.

Итакъ, братіе, никогда не мечтайте о себѣ высоко. Напротивъ, чѣмъ болѣе будете успѣвать въ благочестіи, тѣмъ менѣе о себѣ думайте и скачковъ не дѣлайте. Явится мысль оставить міръ, бросить все земное,—не спѣшите ее приводить въ исполненіе, а посовѣтуйтесь съ людьми опытными. Видите, что отъ самомнѣнія и святые падали, а мы грѣшныя еще скорѣе можемъ упасть. Необдуманнми поступками мы только препятствіе себѣ ставимъ на пути въ царство небесное.³ «Разъ, ангелъ показалъ мнѣ, говоритъ преподобный Арсеній, храмъ и двухъ мужей, которые силились внести въ него бревно. Они несли дерево не въ длину, а устава его поперекъ дверей, и потому никакъ не могли войти въ храмъ. Кто же сіи? спросилъ Ангела Арсеній. — Это тѣ, отвѣчалъ Ангелъ, которые дѣлають добро съ гордостію и не хотятъ ходить въ смиреніи путемъ духовнымъ: они необходимо остаются внѣ царствія небеснаго» (Прол. дек. 5.). Не забывайте же сего. Аминь.

XLII.

Какъ нужно поступать христіанину во время болѣзни.

(Чудо св. Іоанна Златоустаго, о Архелѣ, и покаяніи. Прол. нояб. 10 л. 252.)

Братіе! Когда кого изъ насъ постигаетъ болѣзнь, и особенно тяжкая и продолжительная, мы обыкновенно ничего не жалѣемъ для ея излеченія, ищемъ помощи у врачей,

тратимъ деньги на нихъ и лекарства; но очень часто случается, что помощь ихъ бываетъ совсѣмъ бесполезна. Болѣзнь упорствуетъ, духъ упадаетъ и мы совершенно отчаиваемся въ своемъ выздоровленіи. Положеніе ужасное! Что намъ дѣлать въ немъ?

Въ Антиохіи жилъ вельможа, именемъ Архела. Разъ лице его покрыла проказа и онъ долгое время пробылъ въ ней и, несмотря ни на какія усилія, никакъ не могъ избавиться отъ нея. Грустно было ему! Ближніе смотрѣли на него съ отвращеніемъ, и онъ принужденъ былъ по неволѣ постоянно скрываться отъ глазъ ихъ. Одинъ изъ ближайшихъ друзей его, сжалившись надъ его положеніемъ, однажды предложилъ ему слѣдующее. «Не подалеку отъ насъ есть монастырь,» сказалъ онъ, — «въ немъ живетъ инокъ, по имени Іоаннъ. Много я слышу о немъ добраго и много къ нему изъ христіанъ обращаются за помощію; сходимъ къ нему и попросимъ его молитвъ. Что будетъ?» — Архела согласился, и оба они, пришедши въ монастырь, гдѣ жилъ Іоаннъ, пали къ ногамъ его и молили объ исцѣлѣніи. На просьбы друзей Іоаннъ сказалъ Архелѣ: «впередъ дай обѣтъ Богу поступать отселѣ по заповѣдямъ Его; потомъ наполни руки бѣдныхъ отъ имѣнія твоего, и наконецъ вѣруй, что Богъ можетъ исцѣлить тебя.» Архела отвѣчалъ: «что ты мнѣ повелѣваешь, все до конца сохраню, и если что взялъ у кого неправедно—отдамъ сугубо, только исцѣли меня, отче преподобне!» — Іоаннъ послѣ сего приказалъ братіямъ омыть Архелу священою водою, и послѣдній сталъ совершенно здоровъ.

Итакъ вотъ что должно дѣлать въ состояніи болѣзпи: укрѣпиться вѣрою, развязать всѣ доселѣ связывавшія насъ грѣховныя узы, дать обѣщаніе, на будущее время, исправить свою жизнь и облегчить, по возможности, участь страждущихъ. Въ совѣтѣ Архелѣ Златоуста можетъ быть заключается и разгадка того, почему мы часто, при всевозможныхъ пособіяхъ со стороны врачей, не получаемъ отъ нихъ пользы. Ясно, что потому и врачи не помогаютъ,

что отказывается помогать намъ Богъ. А это отъ чего? Отъ того, что мы сами забываемъ о Немъ, не надѣемся на Него, не обращаемся къ Нему за помощію. Итакъ, приемъ же на будущее время совѣтъ св. Златоуста и во время болѣзни будемъ руководиться имъ. Но что я говорю: во время болѣзни? Нѣтъ, лучше сдѣлаемъ, если будемъ слѣдовать ему и до болѣзни, и во всякое время. Аминь.

XLIII.

Простота проповѣди.

(Изъ житія св. Златоуста. Прол. ноября 13, на об. и 266)

Тѣмъ изъ васъ, которые навькли чтенію божественныхъ книгъ, я особенно часто напоминаю, чтобы вы, по возможности, и простецамъ, ищущимъ спасенія, прочитывали хоть немного отъ писанія о потребномъ къ животу и благочестію. Но къ сожалѣнію отъ читающихъ нерѣдко слышу о слушателяхъ ихъ отзывы неутѣшительныя. «По твоему совѣту и читаемъ приходящимъ къ намъ отъ божественнаго, говорятъ они, да ничего ни понимаютъ. Какъ тутъ быть?»

Братіе читающіе и учащіе! Какъ мнѣ разсудить васъ съ вашими слушателями? Къ нимъ ли обратиться съ внушеніемъ, чтобы были внимательны? Но вѣдь въ невниманіи кажется, обличать ихъ нельзя; ибо еслибы не хотѣли внимать, то сами добровольно они и не пошли бы къ вамъ. Вѣдь ихъ никто не тянетъ. Васъ ли упрекнуть? Но боюсь оскорбить васъ. Во всякомъ однако случаѣ, зная, что пріятнѣе язвы друга, нежели лобзанія врага, падѣюсь, что вы безъ обиды выслушаете отъ меня слѣдующее.

Неуспѣхъ вашего ученія зависитъ отъ васъ самихъ; ибо справедливо ли требовать отъ вашихъ слушателей, чтобы они сразу понимали все читаемое вами такъ же ясно, какъ понимаете вы? Можно ли вамъ судить о нихъ по самимъ

себѣ? Не забудьте, что вы уже достигли духовной зрѣлости, а они младенцы; вы имѣете отъ Бога можетъ быть пять талантовъ, а они одинъ; вы сильны, а они немощны. Какъ же вы ихъ хотите сравнить съ собою? Подумайте: возрастной человекъ можетъ переварить и твердую пищу, а младенецъ не можетъ. Значитъ и нужно вамъ поступать съ вашими слушателями какъ съ младенцами. Говорите имъ самое простое, что вы знаете отъ божественнаго, читайте имъ вразумительное, и повѣрьте, они поймутъ васъ. Послѣ, когда подъ вашимъ руководствомъ они будутъ восходить отъ силы въ силу, тогда, конечно, можете познакомить ихъ и съ болѣе труднымъ, и тогда увидите, что и трудное будетъ имъ доступно. Выслушайте, что по сему поводу пишется въ житіи св. Златоуста: «Единою нѣкая жена, Іоанна послушаючи и глаголемыхъ не разумѣючи, воздвиже гласъ отъ народа, и рече къ нему: учителю духовный! Паче же реку, Іоанне Златоустый! углубилъ еси кладязь святаго твоего ученія, а ужя (*верви*) ума нашего суть кратки, и не могутъ досязати.... Святый же Златоустый помысли въ себѣ, яко нѣсть полезно хитроплетенное къ народу простирати слово, и оттолѣ тщашеся не ухищренными витійскими, но простыми, нравоучительными же словесы бесѣду свою украшати, яко да и простѣйшій слышатель разумѣеть и пользу приметъ.»

Итакъ видите, что даже св. Златоустъ нашелъ нужнымъ измѣнить языкъ ученаго на языкъ простолюдиновъ, чтобы спасти ихъ. И какъ поступилъ онъ, такъ поступайте и вы.—И вѣрно, что послѣ сего и мнѣнія ваши о вашихъ слушателяхъ измѣнятся въ ихъ пользу. Аминь.

Свящ. Викторъ Гурьевъ.

ЗАМѢЧАНІЯ МОСК. МИТРОПОЛ. ФИЛАРЕТА НА НѢКОТОРЫЯ РУКОПИСИ.

I.

„Археологія церковныхъ чиноположеній“⁴. Соч. Иоанно-Богословскаго подѣ Вязомъ, священника В. Д. Любимова.

Посмотримъ рукопись.

1. На приписаніе сочиненія моему имени я несогласенъ. Одного могутъ подозрѣвать въ челоуѣкоугодіи, другаго въ тщеславіи, а пользы отъ сего не предвидится.

2. Читаю въ текстѣ: *во вторыхъ, храмъ безъ благословенія архіерейскаго построенъ быть не можетъ. Въ третьихъ, самое основаніе храма совершается съ благословеніемъ архіерейскимъ.*—Тоже дважды писать въ одной статьѣ подѣ видомъ разныхъ частей не значитъ писать порядочно.

3. Текстъ говоритъ о храмѣ: *освящается архіерсемъ.*— Не правда; не всякій храмъ.

4. Въ дефиниціи храма *) повторена ошибка, указанная здѣсь подѣ числомъ 3.

5. Далѣе въ дефиниціи: *Божественнымъ муромъ помазанное.*—Опять не правда. Не всякій храмъ помазуется муромъ.

6. Далѣе: *храмъ называется обученіемъ путей на небеса вѣдущихъ.*—Опять нескладно. Это не есть названіе храма.

7. На вопросъ: *ужели кромѣ храма не можно совершать таинствъ?* рукопись отвѣтствуетъ: *не можно.*— Не правда; ибо тутъ же черезъ нѣсколько строкъ говорится, что нѣкоторыя по нуждѣ можно.

8. *Симъ дѣйствіемъ*— въ томъ числѣ *хиротонія*— совершаются на святомъ престолѣ.—Опять не такъ. Хиротонія не на престолѣ, а у престола.

---

*) Въ опредѣленіи, то-есть, понятія о храмѣ.

9. Вотъ это на трехъ страницахъ; и притомъ я указываю только на несообразности, кои можно указать короче, безъ дальнихъ соображеній. Цѣлую книгу разсматривать мнѣ не можно; но по замѣченному на трехъ страницахъ трудно имѣть выгодное мнѣніе о книгѣ.

10. Итакъ вотъ мое заключеніе. Не могу принять участія въ одобреніи сей книги къ напечатанію моимъ согласіемъ. И комитету (*цензурному*) совѣтую внимательнѣе осмотрѣться, чтобы не одобрить нестройной груды понятій несообразныхъ, сбивчивыхъ, только въ половину истинныхъ, взаимно противорѣчущихъ, досаждающихъ знающему, запутывающихъ незнающаго, и чтобы не отвѣтствовать за то предъ закономъ и предъ свят. Синодомъ.

11. Случайно раскрываю еще статью о антиминыхъ. Въ дефиниціи *) упоминается о положеніи Господнемъ во гробѣ. Въ дефиниціи **) должны быть черты предмета существенныя и постоянныя. Гдѣ же сіе въ сей дефиниціи? Пошлите сочинителя въ единодѣрческую церковь: тамъ опровергнуть его дефиницію. Гдѣ тутъ археологія? Посмотрите старинныя антимины русскіе: на нихъ нѣтъ положенія Господня во гробѣ, а только крестъ.

Фев. 10-го 1834.

II.

„Начертаніе руководства къ церковному Уставу“. Ректора Пензенскихъ дух. училищъ протоіерея Овсова.

Не думаю, чтобы сіе сочиненіе могло сдѣлаться удовлетворительнымъ посредствомъ исправленія, и не требовало совершенной переработки. Изъясненія предметовъ не доведены до точности и простоты, доступной несовершеннѣйшимъ ученикамъ, а иногда и невѣрны. Напримѣръ, сочинитель говоритъ, что *церковный кругъ*, тоже что *церковный годъ*. Не правда. Церковный кругъ есть рядъ Богослуженій, или частей Богослуженія, который служащіе проходятъ по порядку отъ начала до конца, и опять возвращаются къ началу. Такой кругъ не всегда годовый. Кругъ чтенія псалтири есть недѣльный, кромѣ великаго поста. Кругъ гласовъ и принадлежащихъ имъ стихирь, тропарей и каноновъ, есть осминедѣльный. Кругъ

*) Въ отвѣтъ на вопросъ: что такое антимины?

**) Вообще.

годовыхъ праздниковъ и памятей святыхъ, есть годовый.—Сказавъ, что всѣ времена церковнаго года суть *подвижныя*, сочинитель противорѣчитъ принятому раздѣленію церковныхъ праздниковъ на подвижные и неподвижные, и тѣмъ запутываетъ понятіе ученика.—Не правда, будто *церковный годъ раздѣляется на седмицы безъ остатка*: остатокъ будетъ, только онъ причислится къ седмицѣ слѣдующаго года.—*Имя*, говоритъ, *тріоди произошло отъ тречисленнаго количества пѣсней въ канонахъ*: на что такое ухищренное и трудное для ученика выраженіе? Слово: *въ канонахъ*, производитъ запутанность; трипѣснцы называются симъ именемъ отличительно отъ полныхъ каноновъ.—*Въ первыя*, говоритъ, *времена христіанства вся церковная служба производилась пѣніемъ*. Не правда. На что же издревле были въ церкви чтецы? И напрасно сочинитель предпринялъ вмѣстить въ учебную книгу всѣ частныя, и въ нѣсколько лѣтъ однажды встрѣчающіяся особенности праздничныхъ Богослуженій. Нельзя вмѣстить всего сего въ памяти не только малолѣтнаго, но и совершеннолѣтнаго; и не нужно сіе; можно справиться въ уставѣ и въ минсеѣ, чего не избѣгаютъ и опытные. Въ учебной книгѣ надобно изложить главнѣйшій порядокъ Богослуженія, а для познанія нѣкоторыхъ подробностей, не часто встрѣчающихся, дать немногосложное руководство съ указаніемъ на источники; изъяснить общевразумительно то, что въ уставѣ и книгахъ Бослужебныхъ выражается техническими терминами; сдѣлать уставъ занимательнымъ для отрока, и возвысить для него занимательность самаго Богослуженія, чрезъ представленіе въ каждомъ Богослуженіи стройнаго цѣлаго и правильно составленныхъ частей, съ упрощеннымъ показаніемъ ихъ происхожденія, значенія, важности, взаимнаго послѣдованія и связи и отношенія къ чувству и упражненію благочестія.

5 марта 1844.

III.

1. Мнѣніе цензурнаго комитета *) нахожу сообразнымъ съ указомъ св. Синода и съ существомъ дѣла, и потому

*) Духовнаго. Онъ разсматривалъ 1-й отдѣлъ исторической русской хрестоматіи А. Галахова, содержащей въ себѣ избранныя мѣста св. Писанія.

соглашаюсь съ онымъ, находя нужнымъ присовокупить слѣдующее:

1. На стран. 1 выраженіе: *Остромирово евангеліе*, неодобрительно. Должно сказать правильнѣе: *Евангеліе по списку Остромирову*, или *по рукописи Остромировой*. — (Евангеліе одно; и нѣтъ особаго Евангелія Остромирова. Церковь не говоритъ даже: *Евангеліе Іоанново*, но *отъ Іоанна*, устрняя мысль о присвоеніи Божественной книги даже евангелисту, кольми паче посаднику *). Если неправильное выраженіе можетъ быть терпимо въ видѣ сокращенія, по крайней мѣрѣ въ первый разъ должно употребить правильное выраженіе).

2. На стран. 5 выраженіе: *изъ Острожской Библии* неодобрительно. Правильнѣе сказать надлежитъ: *изъ Библии Острожскаго изданія* **).

3. На стран. 6 выраженіе: *изъ нынѣшней Библии* ***), неодобрительно. Библия одна и вчера и нынѣ, и переводъ ея не такъ новъ, чтобы называть его нынѣшнимъ.

4. Въ примѣчаніи на стран. 1 выраженіе: *содержитъ въ себѣ ****) не всю евангелію*, неодобрительно; ибо несогласно съ истинною.

5. На стран. 3 слова: *иногда замѣняется* (слово: *бѣ*) *формою: бѣаше, напр. сотворенъ бѣаше*, неодобрительны. Слово: *бѣ*, какъ замѣтилъ самъ сочинитель, есть прошедшее неокончательнаго вида, слѣдственно выражаетъ: *было и не перестало быть*. Въ семъ случаѣ языкъ нашъ необыкновенно счастливо приближается къ догмату о вѣчномъ Словѣ. Замѣнить здѣсь слово: *бѣ*, словомъ *бѣаше*, значило бы повредить чистую мысль.

6. Слова: *а въ нынѣшней Библии Сей, относя къ Сыну Божію* *), неодобрительны. Это переводъ не нынѣшній и происхожденіе его не одно то, которое придумываетъ сочинитель.

Дѣло изъясняется первоначально простѣе, по буквальному характеру древнихъ переводовъ. Переводчикъ

*) Остромиръ, для котораго Евангеліе списано въ 1056 и 57 г., былъ посадникомъ въ Новгородѣ.

***) Острожское изданіе Библии, сдѣлано на слав. языкѣ въ 1581 г. княземъ Константиномъ Острожскимъ въ Острогѣ (уѣздн. гор. Волынской губ.).

****) Изданной въ 1820 г.

*) *Сей бѣ искони къ Богу*, т.-е. Оно (Слово) было въ началѣ у

Бога. Іоан. 1, 2.

имѣлъ въ греческомъ текстѣ предъ глазами λογος ουτος въ родѣ мужескомъ, и перевелъ буквально: *сз или сей*.

7. На стран. 7 слова: *и желаніе освятить своихъ учениковъ*, неодобрительны: потому что неясны, и подаютъ ложную мысль, будто только Римъ и папа могли освятить учениковъ св. Константина *).

11. О семъ на указъ св. Синода донести отъ меня. 3 сентября 1844.

Сообщилъ А. Г—рій.

ПИСЬМА МИТРОП. МОСК. ФИЛАРЕТА.

1. Къ Синодальному оберъ-прокурору, графу Н. А. Протасову.

Сіятељвѣйшій графъ, милостивый государь! Отношеніемъ ко мнѣ отъ 21 минувшаго генваря № 361, в. с—ву угодно было требовать моего мнѣнія по вопросу лютеранской генеральной консисторіи: въ какомъ вѣроисповѣданіи долженъ быть крещенъ младенецъ, 1) у котораго родители вступили въ бракъ въ протестанствѣ, 2) который зачатъ отъ отца протестанта, 3) котораго отецъ по зачатіи младенца присоединился къ православной церкви и наконецъ 4) умеръ до рожденія младенца.

Вопросъ сложенъ изъ такихъ обстоятельствъ, что невольно представляется вопросъ: былъ ли столь необыкновенный случай, или если былъ, то вѣроятно ли встрѣчать его вновь, чтобы было для чего составлять законъ; и не то ли только ищется, чтобы постановить хотя мысленно случай, въ которомъ бы сынъ православнаго могъ поступить въ протестанство, чтобы сей случай былъ концемъ нити привлеченія другихъ.

Время зачатія младенца есть сокровенное; и если къ сему времени привязать законъ, то должны произойти вопросы еще менѣ удобные къ разрѣшенію, нежели настоящій. Посему законы государства російскаго опредѣляютъ право рожденнаго временемъ рожденія, а не временемъ зачатія; и рожденному въ бракъ усвояютъ право рожденія, не входя въ розысканіе времени зачатія. Согласно съ общимъ духомъ законовъ тоже начало, то-

*) Въ схимѣ Кирилла, еписк. Моравскаго, просвѣтителя Славянъ.

есть, чтобы законъ основанъ было на очевидномъ, а не на сокровенномъ, сомнительномъ и неспособномъ къ ясности, можетъ быть приложено и къ настоящему случаю. Родившійся отъ православнаго отца принадлежить къ сему же вѣроисповѣданію отца.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, и проч. Февраля 25-го 1848.

2. Къ генераль-адъютанту, графу Александру Христоворовичу Бскендорфу.

Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь! Примите признательнѣйшую благодарность мою за благосклонное отношеніе съ извѣщеніемъ о Высочайшей волѣ, облекшей васъ званіемъ президента Общества попечительнаго о тюрьмахъ.

Поздравляю Общество съ пріобрѣтеніемъ представителя, котораго челоуѣколюбивыя чувствованія общають дѣйствіямъ Общества новое одушевленіе, а близкое предстоаніе престолу челоуѣколюбивѣйшаго Монарха обнадеживаетъ могущественнымъ покровительствомъ. Смиренно молю Верховнаго Челоуѣколюбца Бога, да поможетъ в. с—ву, при усердномъ содѣйствіи членовъ Общества, обратитъ мѣста заключенія въ нравственныя врачевницы душъ, уязвленныхъ порокомъ или преступленіемъ.

Что касается до моего въ дѣлахъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ участія, на которое в. с—во благосклонно обращаете вниманіе,—не могли приписывать оному никакаой значительности, могу только сказать, что въ занятіяхъ московскаго отдѣленія, во время нахождения моего въ Москвѣ, охотно принимаю посильное участіе, утѣшительное для меня по добродушному усердію членовъ къ дѣлу челоуѣколюбія. Петербургскій же комитетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ меня не употреблялъ, и мнѣ о дѣйствіяхъ его извѣстно только то, что представляютъ отчеты. Въ дѣлѣ, столь сообразномъ съ духомъ христіанскаго челоуѣколюбія, продолжасмомъ подъ руководствомъ в. с—ва, принимать по возможности участіе, пріятнымъ поставляю себѣ долгомъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, и проч. Марта 4-го 1841.

3. Къ князю *Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову.*

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! Утѣшительно мнѣ видѣть, что в. е—во, вступая въ званіе предсѣдательствующаго отдѣленія императорской академіи наукъ по части русскаго языка и словесности, взыскаєте благословенія Божія на сіе дѣло. Высшее назначеніе языка есть быгь орудіемъ истины Божіей. Благословенъ жребій языка, если онъ обрабатывается такъ, чтобы ему становиться болѣе и болѣе способнымъ, чистымъ, послушнымъ, возвышеннымъ орудіемъ сей истины. Въ семъ конечно смыслѣ вы желаете, и въ семъ смыслѣ я усердно призываю вамъ благословеніе Божіе на общепользныи подвигъ.

Что касается до моего содѣйствія, — вы знаете обременительность моихъ занятій по обязанностямъ моего служенія, болѣе необходимымъ и существеннымъ, а также и преклонность силъ моихъ къ немощи почти непрерывной. Отказывать не желаю: а общать содѣйствіе опасуюсь, чтобы не сдѣлаться невольнымъ нарушителемъ общанія.

Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч. Ноября 17-го 1841.

Сообщилъ арх. Г—рій.

РЕОЗЛЮЦІИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1839, сент. 30. «Консисторіи распорядить возобновленіе описи (*Николомосквортыцкой церкви*) съ точнымъ надзоромъ и повѣркою, особенно чтобы подъ предлогомъ ветхости не были исключены изъ описи иконы достойныя сохраненія по древности».

1839, сент. 7. «Законъ не позволяетъ строить часовни, гдѣ ихъ не было; да и древній обычай допускалъ построеніе ихъ по уважительнымъ причинамъ, а не просто по произволу, или для выгоды. Дѣла благочестія совершать должно по благочестивымъ, а не корыстнымъ видамъ».

1836, іюля 17. «Хотя опредѣленіемъ консисторіи, которое и исполнить мною дозволено 5 іюня, по общему правилу распредѣленія приходовъ положено было священникамъ кадетскаго корпуса *) предоставить исправленіе

*) Кадетскіе корпуса 1-й и 2-й, нынѣ военныя гимназіи.

требъ церковныхъ у чиновниковъ и офицеровъ живущихъ при самомъ корпусѣ, или на квартирахъ ближайшихъ къ корпусной, нежели къ другой церкви: но поелику Его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, главноначальствующему надъ корпусомъ, благоугодно было изъявить свою волю, чтобы офицерамъ и чиновникамъ Московскаго кадетскаго корпуса, на вольныхъ квартирахъ живущимъ, предоставлено было на произволь избирать для исправленія духовныхъ требъ священниковъ по собственному желанію каждаго: то консисторіи 1) предписать священникамъ обѣихъ корпусныхъ церквей, дабы они у всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ Московскаго кадетскаго корпуса, живущихъ на вольныхъ квартирахъ, по добровольному ихъ приглашенію, церковныя требы совершали безпрепятственно, и притомъ неупустительно записывали совершеніе сихъ требъ въ данныя имъ метрическія и исповѣдныя книги. 2) Въ предупрежденіе могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, дать знать о семъ распоряженіи, согласно съ требованіемъ г. директора корпуса, благочиннымъ Ивановскаго и Срѣтенскаго сороковъ, и чрезъ нихъ приходскимъ священникамъ, съ тѣмъ, чтобы если кто изъ живущихъ въ ихъ приходяхъ офицеровъ и чиновниковъ корпуса по своему произволу пригласить къ совершенію какой-либо церковной требы приходскаго священника, то сей можетъ совершить таковую требу, и обязанъ записать ее въ книгахъ; требъ же, совершаемыхъ корпусными священниками, приходскіе по мѣсту жительства офицеровъ и чиновниковъ священники записывать не должны, а оставлять сіе на отвѣтственности совершившихъ оныя корпусныхъ священниковъ, дабы не произошло двойной записки и замѣшательства въ свѣдѣніяхъ и статистическихъ исчисленіяхъ. 3) Его императорскому высочеству о семъ отъ меня донести».

1840, мар. 26. «1) Утверждается первая часть мнѣнія консисторіи (объ отказѣ 1-жь Шагаровой въ просьбѣ ея объ опредѣленіи въ число сестеръ Хотькова монастыря, по неимѣнію въ немъ послушническихъ вакансій), какъ содержащая существенное разрѣшеніе дѣла, основанное на законѣ, отъ котораго отступить епархіальное начальство не имѣетъ права. 2) Построеніе боярскихъ келлій для себя *) едва ли правильно называетъ консисторія

*) Построила, живя privato въ монастырѣ.

пожертвованіемъ; пожертвованіемъ лучше можно было бы назвать отреченіе отъ боярскаго расположенія къ красотѣ и удобству, и помѣщеніе въ келліяхъ, свойственныхъ простотѣ и смиренію монашескому».

Къ Вереѣскому благочинному-протоіерею препровождены были, при отношеніи городничаго, двѣ копіи съ предписаній училищнаго комитета при Московскомъ Университетѣ, съ требованіемъ объявить оныя города Вереи священно-и церковнослужителямъ съ подпискою, чтобы остановились они обученіемъ дѣтей безъ испрошенія на то права отъ училищнаго начальства. На докладѣ о томъ протоіерея положена, отъ 28 апр. 1836 года, резолюція: «представить отъ меня св. Синоду, съ такимъ мнѣніемъ, что право первоначальнаго обученія сохранить духовенству полезно и нужно для того, чтобы имѣть способъ утверждать воспитывающихся въ правилахъ вѣры и охранять отъ внушеній раскольническихъ».

1840, фев. 14. «Какъ Свода Законовъ учрежденій том. 2 въ ст. 49 и 50 подробно означены принадлежности присутственныхъ комнатъ для каждаго мѣста, въ числѣ которыхъ о Крестѣ и Евангеліи не упомянуто; какъ по чину церковному святое Евангеліе и св. Крестъ хранятся во святомъ олтарѣ на св. престолѣ, носятся только руками священнослужителей въ священномъ облаченіи, и посвященнымъ въ стихарь для ношенія по нуждѣ ввѣряются не иначе, какъ въ пеленѣ или въ ковчегѣ, въ домѣ же градскаго общества нѣтъ священнослужителей для постоянного охраненія сей святыни отъ неподобающаго прикосновенія; наконецъ какъ особенное право имѣть въ присутственной хранилѣ святыи Крестъ и святое Евангеліе принадлежитъ святѣйшему Синоду, какъ освященному сословію, имѣющему право патріаршее и соборное: то отвѣтствовать дому градскаго общества, что разрѣшеніе имѣть въ присутствіи дома собственные животворящій Крестъ и св. Евангаліе съ аналоемъ (для употребленія при приводѣ къ присягѣ) отъ правъ консисторіи не зависитъ».

1826, нояб. 22. «Священникъ М—въ виновать 1) въ томъ, что 1000 руб. неизвѣстнаго вкладчика въ приходъ не записаль; 2) въ томъ, что ложно показаль, якобы уплатилъ всѣ сіи деньги, тогда какъ дѣйствительно уплатилъ только 200 р.; 3) въ томъ, что показаль, якобы солгалъ по совѣту благочиннаго, на что доказательства не представилъ; 4) въ томъ, что въ назначенный имъ самимъ долговой срокъ въ 1825 году долга не уплатилъ. За такія вины слѣдовало бы не денежной пенѣ подвергнуть безденежнаго человѣка (*по мнѣнію консисторіи*), но какъ за поступки противныя должности и совѣсти запретить въ священнослуженіи: но по всемилостивѣйшему манифесту, и въ уваженіе признанія отъ наказанія его освободить, а сдѣлать ему въ консисторіи увѣщаніе и съ подпискою подтвержденіе, чтобы и предписанный порядокъ и наипаче совѣсть въ чистотѣ сохранялъ. А какъ послѣ срока и послѣ всемилостивѣйшаго манифеста прошло уже три мѣсяца: то если и въ сіе время долгъ въ церковь не уплаченъ, отрѣшить священника отъ мѣста, и деньги въ церковь выручить продажею его дома, а ему дать мѣсячный билетъ на пріисканіе другаго мѣста, и по срокѣ доложить; если чего за тѣмъ не достанетъ, остальную часть взыскація обратить на бывшаго Павловскаго благочиннаго, который вмѣсто того, чтобы не допустить священника взять въ долгъ церковныя деньги, а о своевольномъ взятіи донести по должности благочиннаго начальству, не сдѣлавъ ни того ни другаго, самъ подписался подъ долговою запискою».

Сообщилъ архим. Гр—ій.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОЛОССАЕМЪ.

66.

Общее предостереженіе отъ всякаго рода воззрѣній противныхъ вѣрѣ Христовой.

2, 8 — 15.

Ст. 8. *Братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу.*

Къ Колоссянамъ подходили какіе-то мудрователи, опасные для вѣры Христовой. Какіе были пункты ихъ мудрованія—опредѣленно не видно, но ясно видно, что оно было несообразно съ вѣрою. Оно представлялось философією, умомъ человѣческимъ и по преданію отъ мудрыхъ людей сложенною, въ составъ которой входили съ одной стороны—значеніе стихій міра, а съ другой — вліяніе міра духовъ. Внѣшно оно прикрывалось наблюденіями іудейскими съ приложеніемъ къ сему и непопадѣнія плоти. Но вообще представлялось обольстительнымъ и обѣщало послѣдователямъ своимъ что-то великое. Какъ еще не было разгадано содержаніе этого мудрованія, то Апостоль и говоритъ о немъ въ общихъ чертахъ, особенно стараясь внушить: что бы оно ни обѣщало, все то, въ совершеннѣйшемъ и истиннѣйшемъ видѣ вы уже имѣете

во Христѣ Иисусѣ. Нечего, слѣдовательно, вамъ слушать ихъ и позволять имъ разглагольствовать среди васъ.

Братіе — намѣренно поставлено, и могло особенную имѣть силу, давая въ предостерегающемъ слышать голосъ любви и напоминая объ общемъ союзѣ братства, которое составилось по единству въ опредѣленныхъ воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, отъ которыхъ уклоняться значить разорять братство, столь любезное и сладостное.

Блюдитесь—βλέπετε,—смотрите, какъ добрый хозяинъ смотреть по дому, не подкрадывается ли воръ, или волкъ, или хищная птица. Смотрите, *да никтоже васъ будетъ прельщая*. *Прельщая*,—συλαγογών,—какого слова корень означаетъ—ходить по добычу, водить охоту. Разбойникъ насиліемъ беретъ добычу, воръ добываетъ ее хитростію, охотникъ—искусствомъ. Насилія со стороны мудрователей не могло быть, а безъ хитростей и лукавствъ имъ нельзя было обходиться. Какъ этого рода обходы и подходы обыкновенно скрываются, то Апостоль и говоритъ: смотрите. А чтобы возбудить къ зоркой осмотрительности, онъ представляетъ, что къ нимъ подходятъ какіе-то недоброжелатели, которые хитростями и уловками ищутъ поживиться около ихъ, добычу себѣ у нихъ достать, не изъ имущества, а ихъ самихъ замышляя добычею своею возимѣть. Одно это слово сильно было изострить зрѣніе Колоссянъ; но Апостоль еще и оборотъ рѣчи употребилъ такой, который тотчасъ заставлялъ осмотрѣться кругомъ: μη τις εσται συλαγογών,—смотрите, не будетъ ли кто, не появится ли кто тамъ въ качествѣ охотящагося за вами. «Видишь ли, какъ онъ показалъ татя, чуждаго и тихо входящаго? Какъ иной, подкапывая снизу (подъ стѣною) насыпь, не даетъ себя замѣтить, а насыпь все падаетъ и падаетъ (открывая ему входъ внутрь дома изъ-подъ стѣны), такъ, говорить, поступаетъ и этотъ тать. Такъ смотрите» (св. Злат.).

Но этотъ тать не за имуществомъ вашимъ подкрадается, а «намѣревается обокрасть умъ вашъ» (Θεοφ.). Почему и

прибавлено: *φιλοσοφίᾳ*. Апостоль «показываетъ и путь, по которому покушается подойти тать: это есть философія» (Θεοφ.). Философія была въ большомъ почетѣ. Она бралась представить и представляла возрѣнія, объяснявшія все сущее, чтò Богъ, чтò міръ, чтò человѣкъ и проч. Доискиваться рѣшенія такихъ вопросовъ не укорно, а похвально (св. Злат.); но то, какія кто принимаетъ рѣшенія, можетъ быть очень укорно. Укорна была та философія, съ какою подкрадывались къ Коллоссянамъ изобрѣтшіе ее. Почему у Апостола стоитъ предъ симъ словомъ членъ опредѣленный, чтобъ показать, что онъ разумѣетъ ту философію, которую имъ приходится выслушивать, говоря какъбы: эта философія есть для васъ тоже что сѣти у охотника для птицъ; опутаютъ они васъ вкрадчивыми словами (выше *ἐν πῖθυρολογίᾳ*), отвлекутъ отъ вѣры къ себѣ и сгубятъ. А что ихъ философія точно такова, это даетъ онъ видѣть, назвавъ ее *тщетною лестію*. Лесть—*κλιτή*, прельщеніе, обольщеніе. Вѣрно въ цѣломъ философія та имѣла привлекательный видъ, но въ существѣ была пуста—*κενή*; содержаніемъ ея служили мечты воображенія, какъ у гностиковъ послѣ, не отвѣчавшія никакой дѣйствительности; и она походила на мыльный пузырь, прозрачною красотію привлекающій дѣтей, но пустой и непрочный. «Такъ какъ философствованіе (съ перваго раза) кажется дѣломъ похвальнымъ, то Апостоль прибавилъ: *тщетною лестію*» (св. Злат.), — давая разумѣть, что философія, про которую отъ говоритъ, «учить какимъ-то ни съ чѣмъ несообразнымъ новизнамъ» (Экум.), нелѣпость и несостоятельность которыхъ сама собою очевидна.

Уже такого недобраго качества этой философіи достаточно было, чтобъ отвратить отъ нея, но Апостоль для большаго успѣха указываетъ еще ея источники, тоже не могущіе пораждать большое довѣріе: *по преданію чело-вѣческому, по стихіямъ міра*. Словами: *по преданію чело-вѣческому* Апостоль можетъ быть вообще хотѣлъ указать

на человѣческое происхожденіе той философіи, въ противоположность вѣдѣнію, свыше сообщенному чрезъ откровеніе, которымъ уже обладали Колоссяне. Внужалось: то—человѣческое мудрованіе; не слушайте его, когда обладаете свыше сошедшею мудростію. А можетъ быть та философія въ самомъ дѣлѣ или вся, или въ нѣкоторыхъ частяхъ опиралась на преданіе, съ незапамятныхъ временъ идущее. Что идетъ изъ глубокой древности, то представляется чѣмъ-то священнымъ, вызывающимъ уваженіе, вниманіе и вѣру. Что нибудь-такое прилетали къ своему мудрованію и подступавшіе къ Колоссянамъ прельстители, чтобъ придать ему важность и ею привлекать къ нему. Между Евреями были каббалисты, которые свои мудрости вели отъ древнихъ чрезъ устное преданіе достойнымъ. И у восточныхъ мудрецовъ уважалось преданіе.

Что разумѣть подъ *стихіями міра*? Еслибъ это говорилось въ наше время, то можно бы отвѣтить: это—матерія, совокупность простыхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился самъ собою міръ. Но, какъ видно, та философія признавала существованіе міра духовъ, искала общенія съ нимъ, и служить духомъ учила. Потому такого нелѣпаго мудрованія нельзя ей приписывать.—Въ тѣ времена была въ силѣ астрологія, подчинявшая вліянію звѣздъ судьбы людей. Что такого рода положенія могли содержаться въ той философіи, сего нельзя отвергать. Были тогда въ употребленіи и нѣкоторые вещественные приемы для вступленія въ общеніе съ силами міра духовнаго, въ родѣ такихъ, какіе употребляются нашими спиритами, и другіе, еще поглубѣе. Возможно и это допустить въ той философіи. Возможно и то, что тутъ намекается объ іудейскомъ вещественномъ служеніи Богу; но чтобъ именно такъ было—утверждать нельзя: ибо говорится не о какихъ либо стихіяхъ, какъ напримѣръ—Гал. 4, 9, но о стихіяхъ міра,—что даетъ всеобъемлющее представленіе. Св. Златоустъ говоритъ: «Апостолъ говоритъ о всемъ настоящемъ мірѣ, чтобы показать ничтожество его. Пбо если весь міръ—ничто; то еще болѣе ничтожны стихіи его».

Вообще безопаснѣе не утверждать съ рѣшительностію, что въ той философіи содержалось то и то, а полагать лишь, что она была смѣсь еллинскихъ мудрованій, гаданій восточныхъ народовъ и іудейскихъ суевѣрій; какъ же все это сводилось въ одну систему,—оставлять нерѣшеннымъ. Св. Златоустъ говоритъ, что Апостоль здѣсь «колеблетъ еллинскія суевѣрія, разрушаетъ и іудейскія: у Еллиновъ и Іудеевъ было много суевѣрій». И еще безопаснѣе держаться такой мысли, что это было, выражаясь по вышнему, міровоззрѣніе несообразное съ истиною, проповѣданною о Христѣ Иисусѣ, какъ и внушаетъ Апостоль словами: *а не по Христъ*. Это было такое ученіе, котораго христіанамъ принимать не слѣдуетъ. Св. Златоустъ учитъ: «что бы ни говорили они (обольщающіе), не должно вѣрять; и нынѣ должно избѣгать оныхъ (стихійныхъ мудрованій)».

Амвросіастъ такъ истолковываетъ сіи слова Апостола: «Апостоль говоритъ о земной философіи, которою обыкновенно прельщаются желающіе слыть мудрыми въ мірѣ семъ. Она слагается силою умозаключеній и не чужда мелочныхъ тонкостей; изслѣдуетъ физическія причины, примѣшивая и нѣкоторые уроки о доброй жизни; говоритъ о мѣрахъ, о числахъ, о качествахъ и количествахъ стихій. Кто однажды вдался въ эти мудрованія, тотъ рѣдко изъ нихъ высвобождается, удерживаемъ будучи вѣроятностями и обманчивыми доводами, и получая навѣкъ—ничего не почитать столь истиннымъ, какъ то, что видится и разумѣется въ стихіяхъ и посредствомъ стихій. Такъ какъ то, что присуще очамъ и видится ими, кажется пріятнымъ и тотчасъ доставляетъ удовольствіе: то такіе мудрователи прельщаютъ иныхъ изъ тѣхъ, которые презираютъ духовное и не чаютъ будущаго, всю силу приписывая звѣздамъ плотскимъ умомъ своимъ, и отвергая Божіе всемогущество и провидѣніе, хотя знаютъ, что, какъ читается въ божественныхъ книгахъ еврейскихъ, многое совершено Моисеемъ такого, чего умъ человѣческій не

постигаетъ, равно какъ и въ новозавѣтныхъ книгахъ пишется, что Господомъ и святыми Апостолами много совершено такого, чему плотской разумъ вѣрить не хочетъ. Такого рода мудрованіе и называетъ Апостоль жливою и пустою философіею, по преданію человѣческому; потому что она не отъ Бога, а отъ немощнаго ума человѣческаго и могущество Божіе ограничиваетъ тѣсными предѣлами своего знанія, не допуская, чтобъ Онъ могъ сдѣлать что больше или иначе, какъ постигаетъ плотской разумъ. Почему убѣждаетъ опасаться такой философіи, потому что она есть чтительница міра, а не Бога, и не ко Христу ведетъ, а отводитъ отъ Христа.

Ст. 9. *Яко въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ.*

Начищаетъ выставлать, почему не слѣдуетъ имъ слушать прельстителей тѣхъ, и тутъ же намекаетъ на новую черту въ ихъ мечтательномъ ученіи. Эту новую черту надобно возставитъ въ мысли, чтобъ понятно было, какъ выходить: не слушайте; ибо во Христѣ Иисусѣ—вся полнота Божества. Во второмъ вѣкѣ было въ силѣ ученіе гностиковъ, которые придумали между Богомъ и твореніемъ множество посредствующихъ силъ, духовъ—разныхъ степеней. Между ними была и плирома, что значитъ полнота. Надо полагать, что и у колосскихъ мудрователей было что-нибудь въ родѣ плиромы, и они выставляли ее, какъ побѣдное знамя своего лжсученія, обѣщая отъ нея послѣдователямъ многое и премногое. Апостоль и говорить противъ этого: не слушайте ихъ пусторѣчія; ихъ плирома—полнота пустая, плодъ больнаго воображенія, мечта; настоящая полнота, не мечтательно, а существенно—во Христѣ Иисусѣ. Почему же? Потому что въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества, — не часть какая Божества, не сила только Божества, а само Божество всею полнотою своею. А гдѣ Божество, тамъ все. Обитаетъ въ Немъ Божество *тѣлеснѣ*, т.-е. воплощенно. Ибо Христосъ Иисусъ есть Богъ во плоти, Богъ Слово, Которое

плоть бысть. «Сіе сказано о Немъ, какъ о человѣкѣ, въ Себѣ носящемъ все Божество. Не частную какую-либо благодать, подобно Моусею, пріялъ Христосъ. Онъ Богочеловѣкъ, и съ симъ видимымъ соединено все Божество Единороднаго» (Θεοδ.). «Въ Немъ, говоритъ, обитаетъ Богъ-Слово. Но не думай, что Онъ заключенъ въ тѣлѣ—объятъ, ограниченъ. Ибо Онъ и воплотился весь, и со Отцемъ есть весь, будучи тѣлесно описуемъ, и Божествомъ не описанъ. *Τηλεσνῆ*, т.-е. существенно, а не образно (*συγγενητός* — можно: невообразительно); — какъ душа въ тѣлѣ, такъ и Онъ обитаетъ въ воспринятомъ человѣкѣ. А душа какъ обитаетъ въ тѣлѣ? Несліянно и нераздѣльно. Поелику сказалъ: *живетъ*—*ἔχθεται*; то чтобъ ты не подумалъ, что въ Немъ только дѣйствовалъ Богъ, какъ въ пророкахъ (ибо и въ нихъ обиталъ Богъ, по написанному: *всемюся ενοικησῶ, въ нихъ и похожду*) (Лев. 26, 12), Апостоль прибавилъ: *тѣлеснѣ*, т.-е. существенно, какъ душа въ тѣлѣ. Такъ и св. Кириллъ (понимаетъ). Или, можетъ быть, подѣ *тѣлеснѣ* онъ разумѣетъ—воплощенно. Не такъ, говоритъ, чтобъ поживши въ Немъ, опять преселилось Божество, но пребываетъ въ Немъ воплощеннымъ, одну со своею плотію имѣя вѣпостась, хотя состоитъ (Онъ) изъ двухъ различныхъ естествъ» (Экум.). «Апостоль для того говоритъ, что въ Немъ вся полнота Божества, чтобъ Колоссяне убѣждены были, что, чѣмъ бы кто ни придумалъ о небесныхъ силахъ, все то полнѣйшимъ образомъ есть во Христѣ, и никакъ не склонялись чтить кого-либо другаго. Ибо что бы ни придумывалось о другомъ комъ, въ Немъ найдется несравненно больше того» (Амвр.).

Ст. 10. *И да будете въ Немъ исполнены, иже есть глава всякому началу и власти.*

И да будете,—*ἕχη ἐσεῖ*. Славянскій нашъ переводъ пріялъ это за повелительное, и перевелъ: *да будете*, т.-е. и будьте въ Немъ исполнены, какъ бы—довольствуйтесь, удовлетворяйтесь тѣмъ исполненіемъ, которое отъ Него

пріемлете, и не ищите его въ другомъ комъ. Или—будьте въ Немъ исполнены, — въ такомъ смыслѣ: и ищите въ Немъ единомъ всякаго исполненія, а къ другому кому не обращайтесь. Но русскій переводъ принялъ это за изъяснительное и перевелъ: и вы имѣете полноту въ Немъ, вы уже исполнены въ Немъ. Послѣдній переводъ сильнѣйшую даетъ мысль и сообразнѣе съ теченіемъ рѣчи. Наши толковники проводятъ мысль выражаемую такимъ переводомъ. Вы уже исполнены въ Немъ;—вторая причина, почему не слѣдуетъ слушать соблазнительей. Первая,—что въ Господѣ Иисусѣ Христѣ—вся полнота Божества. Къ кому бы васъ ни обращали тѣ философы, всѣ они ниже Господа; нечего потому вамъ и слушать этихъ пустослововъ. Но при этомъ могъ иной подумать: пусть въ Господѣ вся полнота Божества; но это въ Немъ, а намъ-то что жъ? Эти же доброжелатели намъ самимъ общають много. Апостоль будто въ отвѣтъ на это и говорить: вы уже исполнены въ Немъ. Тѣ еще общають, а въ Господѣ вы уже исполнены. Всѣ ваши духовныя нужды, самыя большія и тревожливныя для сердца, уже удовлетворены въ Немъ. Что намъ потребно?—Отпущеніе грѣховъ? — Имѣете. Новая жизнь? Дана. Благодатная помощь? Духъ Божій живетъ въ васъ. Блаженная жизнь въ вѣчности? Уже вы своскрешены, спосаждены на небесныхъ, своцарены, и признаны снаслѣдниками.—И все это въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. И не это только, но мы исполнены въ Немъ и самаго Божества. Ибо Онъ едино со Отцемъ, а мы едино съ Нимъ. Черезъ Него, слѣдовательно, и мы не чужды Отцу, вступаемъ въ единеніе съ Нимъ и пріемлемъ даръ всыновленія. *Азъ во Отца Мою и вы во Мя, и Азъ во васъ,* говоритъ Господь (Іоан. 14, 20). И св. Апостоль Петръ, перечисливъ все, чѣмъ мы исполняемъ въ Господѣ, заключаетъ тѣмъ, что мы въ Немъ дѣлаемся причастниками и божескаго естества. Вотъ его слова: *Вся намъ божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, подана разумомъ Призвавшаго насъ*

славою и добродѣтелию: имже честная намъ и великая обѣщанія даровашася, да сихъ ради будете Божественнаго причастники естества (2 Петр 1, 3. 4). Справедливо послѣ сего воззвать: и отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ, и благодать возблагодать (Юан. 1, 16).

Все, сказанное здѣсь, есть болѣе пространное изложеніе того, что сказалъ на сѣи слова Апостола св. Златоустъ: «что значать слова сѣи (т.-е. и вы исполнены въ Немъ?)—То, что вы имѣете столько же, сколько и Онъ; какъ въ Немъ вселилось и обитаетъ (Божество), такъ и въ васъ. Св. Павелъ постоянно старается приблизить васъ ко Христу. Напримѣръ когда говоритъ: съ Нимъ воскреси и спосади насъ (Еф. 2, 9), и: аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся (2 Тим. 2, 12), и: како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ? (Рим. 8, 32) И называетъ насъ сонаследниками (Рим. 8, 17)». Тѣже мысли и у другихъ нашихъ толковниковъ. Бл. Θεодоритъ пишетъ: «въ Немъ вы исполнены. Ибо отъ Него насладились вы благодатию и пріяли оттуда исходящія лучи». А бл. Θεофилактъ поясняетъ, почему это такъ есть: «потому что въ Немъ естество наше соединено съ Богомъ, а чрезъ это и мы въ Немъ содѣлались божественнаго причастниками естества».

Уже и такого напомниманія достаточно было, чтобъ отклонить Колоссянъ отъ увлеченія какою-то философією, могшею прельстить ихъ обманчивыми обѣщаніями: вы уже вотъ что имѣете,—великое и преславное; а больше этого и обѣщать нечего. Такъ что же вамъ слушать этихъ прельстителей?—Но онъ и еще усиливаетъ свое внушеніе. Тѣ прелестники обѣщали что-то многое во имя силъ небесныхъ. Апостоль прилагаетъ теперь: а эти силы небесныя что суть предъ Господомъ? Они — твореніе Его и слуги Его. Какъ бы ни были они доброхотны къ вамъ, не могутъ они дать вамъ столько, сколько Господь. Да и какъ они могутъ давать вамъ что-либо безъ воли Господа? Они слуги: что велитъ Господь, то и дѣлають. Для

внушенія такихъ мыслей и прибавилъ Апостоль: *уже есть глава всякому началу и власти.* Подъ началомъ и властію Апостоль совмѣщаетъ всѣ чины міра ангельскаго; а словомъ—*глава* означилъ, что Господь есть ихъ Творецъ и Владыка, Который держитъ ихъ въ десницѣ своей и господствуетъ надъ ними. Бл. Θεодоритъ пишетъ: «Владыка Христось по челоувѣчеству есть наша глава, а надъ ангелами и архангелами владычествуетъ по естеству божескому». «Словомъ—*глава*,—приложимъ слова Экуменія, — Апостоль означилъ виновность. Ибо всего сотвореннаго—и небеснаго, и земнаго—виновникъ есть Христось, какъ Творецъ и Устроитель всяческихъ. *Безъ Него ничтоже бысть, еще бысть* (Іоан. 1, 3). Имъ созданы и небесныя силы. Такимъ образомъ все — отъ Христа и чрезъ Христа, по благоволенію Отца и съ содѣйствіемъ Утѣшителя Духа». Изъ сего бл. Θεофилактъ выводитъ такое заключеніе: «какъ же вы, оставя Господа, думаете прибѣгнуть къ ангеламъ, которыхъ Онъ есть глава?—Всѣмъ сказаннымъ Апостоль совершенно разбиваетъ ложное ученіе объ ангелахъ», которое, какъ догмать, покушались навязать Колоссянамъ пришлецы - философы.

Ст. 11. *О Немже и обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, во обрѣзаніи Христовѣ, спогребшеся Ему крещеніемъ.*

Сказалъ Апостоль: и вы исполнились въ Господѣ Исусѣ всѣхъ духовныхъ благъ, кои благоволилъ Богъ совмѣстить въ Немъ для насъ. Теперь опредѣленно указываетъ, какихъ именно благъ сдѣлались они причастными. Самое нужное для насъ благо есть избавленіе отъ грѣховъ и обновленіе нашего растлѣннаго естества. Оно основа и всѣхъ другихъ благъ, всыновленія, благодатнаго Боговселенія, будущаго прославленія. Не будь его, ничего другаго уже и получить нельзя, хотя бы Самъ Богъ восхотѣлъ подать что: ибо нечѣмъ было бы то принять и не къ чему приложить. Объ этомъ-то коренномъ и источ-

номъ благѣ и говоритъ теперь Апостоль: совлеклись, говоритъ, вы тѣла грѣховнаго, спогребшеся Господу крещеніемъ, тутъ же и совостали въ Немъ. Это тоже что умерли вы грѣху и ожили для новой жизни по Богу, обновились. Послѣднее благодѣяніе Божіе выражаетъ Апостоль однимъ словомъ: *совостасте* (ст. 12); но первое разнообразно выражаетъ—*спогребеніемъ* Христу Господу, *совлеченіемъ* тѣла грѣховнаго, *обрѣзаніемъ* нерукотвореннымъ. Надо полагать, что всѣ такія выраженія нужны были въ противовѣсъ мудрованіямъ философовъ - прельстителей, — всѣ, а не одно только: *обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ*. Видимо, что они удерживали обрѣзаніе; но не имъ однимъ прикрывали свою лесь, а и многимъ другимъ, противъ чего надо было поставить и совлеченіе тѣла грѣховнаго, и спогребеніе Господу. И объ обрѣзаніи они трактовали не изъ уваженія къ закону (о законѣ во всемъ посланіи нѣтъ помина у св. Павла), а по какимъ-то философскимъ воззрѣніямъ. Не дивно, что они приписывали ему какое-либо мистическое значеніе, помимо того, которое дается ему въ законѣ,—равно какъ и поминаемымъ ниже—ястію и питію, праздникамъ, новомѣсячіямъ и субботамъ.

О Немже и обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ. Въ посланіи къ Римлянамъ это нерукотворенное обрѣзаніе названо *обрѣзаніемъ сердца Духомъ* (Рим. 2, 29). Тѣ, говоритъ, предлагаютъ обрѣзаніе; но вы уже пріяли высшее и совершеннѣйшее обрѣзаніе. Ихнее обрѣзаніе есть обрѣзаніе плоти, а вами принятое есть обрѣзаніе сердца; то рукотворенное, а ваше нерукотворенное; то совершается пожемъ, а ваше Духомъ о Христѣ Исусѣ. Бл. Феодоритъ пишетъ: «Апостоль указываетъ на различіе обрѣзанія, и говоритъ: ваше обрѣзаніе не плотское, но духовное, не рукотворенное, но божественное, не отъятіе малой части тѣла, но освобожденіе отъ всего поврежденія». Экуменій прилагаетъ: «не рука челоука, а Духъ святыи обрѣзалъ васъ отъ грѣховъ ва-

шихъ»,—что заимствовалъ онъ у св. Златоуста, который говорить: «теперь обрѣзаніе не отъ ножа, но отъ самого Христа; не рука, какъ тамъ, совершаетъ это обрѣзаніе, но Духъ; обрѣзывается не часть, но весь человѣкъ».

Въ чемъ же состоитъ сіе нерукотворенное обрѣзаніе? Въ *совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти*,—*τοῦ σωματός τῶν ἁμαρτιῶν τῆς σαρκός*,—тѣла грѣховъ плоти, или—грѣховъ исходящихъ отъ живущаго въ насъ грѣха, именуемаго и плотію. Сброшеніе тѣла (корпуса, массы) такихъ грѣховъ есть покаяніе, дающее отпущеніе грѣховъ или снятіе вины за нихъ. Но обрѣзаніе нерукотворенное или обрѣзаніе сердца означать болѣе нежели прощеніе самой похоти грѣховной. Почему и въ *совлеченіи тѣла грѣховъ плоти*, какъ выраженіи объясняющемъ обрѣзаніе сердца, надобно видѣть совлеченіе самой похоти грѣховной, или живущаго въ насъ грѣха, который иногда называется просто—плотію. Иные читаютъ лишь: въ совлеченіи тѣла плоти, что ближе выражаетъ нужный смыслъ: ибо такое выраженіе прямо указываетъ на совлеченіе плотности, или плотскаго мудрованія и похотѣнія. Ниже,—3, 9, тоже самое Апостоль назвалъ совлеченіемъ *ветхаго чловѣка съ дѣяньми ево*, то-есть не массы только грѣховъ, но и самаго производителя ихъ.

Чтобы пояснить сколько-нибудь, въ чемъ духовное обрѣзаніе, гадо взять во вниманіе, какъ идутъ дѣла у падшаго человѣка. Въ немъ царствуетъ грѣхъ, и царствуетъ сластію грѣховною. На эту сласть такъ падокъ падшій,— что только помани ею, онъ тотчасъ бѣжитъ въ слѣдъ. Грѣхъ сласть выставляетъ, а у падшаго качествуетъ похотѣніе ссей сласти. За это похотѣніе, какъ за поводокъ, беретъ падшаго грѣхъ, манящій сластію, и ведетъ его на дѣла свои. Очевидно, что пока не будетъ отъято похотѣніе сласти грѣховной, грѣхъ не перестанетъ царствовать въ падшемъ; и нѣтъ ему, бѣдному, возможности избавиться отъ тиранства грѣха иначе, какъ чрезъ пресѣченіе въ немъ падкости на сласть грѣховную. Спасающая пад-

шаго благодать первымъ дѣломъ и имѣеть это пресѣченіе и совершаетъ это тѣмъ, что даетъ падшему ощутить всю горечь грѣха и вкусить неизяснимой сласти жизни по Богу. Когда совершится сіе въ сердцѣ падшаго, послѣ того грѣхъ сколько ни напоминаетъ о своей сласти, въ сердцѣ возбуждается не похотѣніе его, а память о горечи его и о сладости жизни по Богу, соотвѣтственными тому чувствами. Вслѣдствіе сего произволеніе естественно отвергаетъ грѣхъ и устремляется на противоположное ему. Такъ всякой разъ. Тиранская власть грѣха очевидно пресѣчена, и пресѣчена потому, что отрѣзанъ тотъ поводокъ, за который онъ всегда тянулъ падшаго на дѣла свои. Это настоящій смыслъ обрѣзанія сердца Духомъ. Выражая это, Апостоль въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ пріавшимъ благодать: *грѣхъ сами не обладаетъ. Помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови* (—6, 14. 11). Такъ о себѣ думайте, что вы мертвы для грѣха и живы для Бога. И это не обманчивое помышленіе, а существо дѣла спасенія о Христѣ Иисусѣ. Почему Апостоль и назвалъ такое обрѣзаніе обрѣзаніемъ Христовымъ, какъ такое обрѣзаніе, которое совершается по домостроительству спасенія, совершеннаго Христомъ Господомъ. Можно иначе сказать: вотъ христіанское обрѣзаніе, — обрѣзаніе сердца Духомъ по вѣрѣ въ Господа Иисуса Христа, въ коемъ человѣкъ сбрасываетъ съ себя тиранство грѣха.

Гдѣ же и какъ совершается сіе христіанское обрѣзаніе? Въ купѣли крещенія. Вы обрѣзались, говорить, обрѣзаніемъ Христовымъ, — *спогрѣбшися Ему крещеніемъ* (ст. 12): когда крестились, вы тогда же сбросили съ себя тѣло грѣховное, тогда же обрѣзаны были. Всѣ эти дѣйствія въ одинъ моментъ совершились. Кровь Господа, обливавшая васъ чрезъ крещальную воду, смыла съ васъ всю нечистоту грѣховную и открыла входъ въ естество ваше благодати святаго Духа, который пришедши отрѣзалъ то, чѣмъ держалъ васъ въ своей власти грѣхъ, и тѣло грѣ-

ховное спало съ васъ. Вотъ въ чемъ сила крещенія! Спогребаются въ немъ Господу; ибо воспринимаютъ таинственно искупительную силу крови и смерти Христовой, и въ тоже время умираютъ грѣху. Смерть грѣху есть водруженіе въ сердцѣ ненависти и отвращенія къ нему, по причинѣ восчувствованія горечи и пагубности его, сопровождаемаго восчувствованіемъ неизреченной сладости жизни по Богу. То и другое возраждается въ вѣрующемъ прежде крещенія, въ то время какъ онъ склоняется къ вѣрѣ. Но это бываютъ только предрасположенія и предвозчувствованія. Въ таинствѣ крещенія нисходитъ на нихъ благодать и сообщаетъ имъ божескую силу неизмѣнности и мощи на все время, какъ пребывать на ихъ сторонѣ и произволеніе.

Ст. 12. *О Немже и совостасте върою дѣйствія Бога воскресившаго Его изъ мертвыхъ.*

Совостасте тамъ же, гдѣ и спогреблись, т.-е. во святомъ крещеніи. «Крещеніе есть не гробъ только, но смотри, что говоритъ: *о немже и совостасте*» (Св. Злат.). Но какъ спогребеніе было духовное, такъ духовно и сованіе. То смерть грѣху, а это—оживленіе для жизни по Богу,—чтобъ ходить *въ обновленіи жизни*, какъ говоритъ св. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (— 6, 4). *О Немже*,—*εν ω*, можетъ относиться и къ крещенію и къ Господу Спасителю. Куда ни относить, мысль не измѣнится; но теченіе рѣчи требуетъ относить сіе къ Господу, потому что все о Немъ говорится. *Совостасте* бл. Теодоритъ и Экуменій относятъ къ воскресенію изъ мертвыхъ, а бл. Теофилактъ къ тому и другому, т.-е. и къ востанію въ духѣ, и къ будущему воскресенію. Первый пишетъ: «Апостоль благовѣствуетъ воскресеніе, поелику имѣемъ еще естество смертное». Тоже и Экуменій: «Увѣровавъ, что Богъ силевъ воскрешать изъ мертвыхъ, воскресли и вы. Ибо въ крещеніи мы воскресены, хотя въ возможности только, а не въ дѣйствительности». Вотъ слова бл. Теофилакта: «двояко воскресли мы въ Господѣ:

и упованіемъ воскресенія, столь несомнѣннымъ, что мы какъ бы уже улучили его, хотя оно имѣеть еще быть; и духовно, отбросивъ мертвость грѣховную, и воспріявъ оживленіе духомъ». По теченію рѣчи прямѣе будетъ разумѣть здѣсь воскресеніе духовное, или воспріятіе силы жить по Богу въ обновленной жизни. Ибо въ слѣдъ за симъ, въ ст. 13-мъ, говорится, что Богъ ихъ (Колоссянъ) мертвыхъ грѣхами сооживилъ со Христомъ, очевидно потому, что оживилъ для жизни противоположной грѣху.

Вѣрою дѣйствія Бога, воскресившаго Его изъ мертвыхъ. Если въ *совоствасте* видѣть будущее славное воскресеніе, воспріятое упованіемъ несомнѣннымъ; то будетъ: *вѣрою въ дѣйствіе Бога*, во всемогущество Божіе, что силенъ Онъ воскресить, какъ показали примѣромъ воскрешенія Господа Спасителя. Такъ блаж. Θεодоритъ: «вѣруя Божіей силѣ, ожидаемъ воскресенія, поручительствомъ для себя имѣя воскресеніе Владыки Христа». Тоже повторяетъ и бл. Θεофилактъ. Если же въ *совоствасте* видѣть воскресеніе духомъ, или оживленіе для жизни по Богу, то будетъ: совоствали вы, ради вѣры вашей, дѣйствіемъ Бога воскресившаго Христа Спасителя изъ мертвыхъ. Вы воскресли духовно божескимъ дѣйствіемъ, вѣрою воспріятымъ; и сіе дѣйствіе таково же есть, каково то, коимъ воскресъ Христъ Господь изъ мертвыхъ. Св. Павелъ сопоставляетъ ихъ и въ посланіи къ Римлянамъ: *Спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть: да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчю, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. 6, 4). Такъ отчасти понимаетъ сіе Амвросіастъ.

Бл. Θεофилактъ дѣлаетъ при семъ замѣчаніе, что хотя воскресеніе Христово приписывается здѣсь Богу Отцу, однакожъ тѣмъ не менѣе оно есть дѣйствіе и Самаго Господа Иисуса: «Христосъ, говоритъ Апостоль, пріявъ смерть тѣлесную, оживотворень Отцемъ, и говоритъ такъ не потому, чтобъ Христосъ Господь Самъ немощень былъ оживить Себя, но чтобы все возвестъ къ единому

источнику. А что воскресеніе Господне есть и собственное Его дѣйствіе, объ этомъ Онъ самъ говоритъ: *тремя денми содвину ю*—церковь тѣла своего (Іоан. 2, 19). И въ Дѣянїяхъ говорится, что по страданїи Онъ самъ себя поставилъ живымъ (Дѣян. 1, 3).—И наше духовное воскресеніе не однимъ дѣйствіемъ Бога Отца совершается, но по *благоволенію Бога Отца, во святыхъ Духа, въ послушаніе и кропаніе крове Іисуса Христа* (1 Петр. 1, 2). Экуменій, объясняя обрѣзаніе духовное, дѣлаетъ наведеніе о дѣйствїи въ немъ пресвятыя Троицы.

Ст. 13. *И васъ мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшнїихъ, и въ необрѣзанїи плоти вашея сооживилъ есть съ Нимъ, даровавъ намъ вся прегрѣшенїя.*

Уже сказано предъ симъ: *совоствасте*; зачѣмъ снова говорится: *и васъ сооживилъ есть*?—Апостоль здѣсь выставляетъ на видъ обстоятельство, усиливающее предложенное убѣжденіе — не слушать внушающихъ обрѣзаніе. Сказалъ: никакой нужды нѣтъ вамъ въ обрѣзанїи плоти, потому что вы имѣете уже обрѣзаніе сердца Духомъ, котораго плотское обрѣзаніе служитъ только знаменїемъ. Это духовное обрѣзаніе совершилось въ купѣли крещенїя, гдѣ вы умерли грѣху и ожили для жизни по Богу. Погружаясь въ купѣль, вы погружались въ смерть Христову, умерли съ Нимъ грѣху; а восходя изъ купѣли, вы облекались въ воскресшаго Господа, совоскресали съ Нимъ для жизни по Богу. Богъ сооживилъ васъ съ Нимъ. Это умертвіе и оживленіе не по имени только вамъ присвоится, а самымъ дѣломъ въ васъ качествуетъ, вы ихъ ощущаете и самымъ дѣломъ являете. Теперь спрошу васъ: для того, чтобъ сподобиться вамъ такой благодати, предлагалось ли вамъ, какъ необходимое условіе, обрѣзаніе плоти? Богъ, чрезъ крестившихъ васъ, объявлялъ ли вамъ, что если не обрѣжитесь, не получите благодати оживотворяющей духъ и даже до крещенїя не будете допущены?—Ничего такого не было. Богъ и въ необрѣзанїи вашемъ сооживилъ васъ со Христомъ Господомъ.

Необрѣзаніе ваше не помѣшало низойти въ васъ животворной благодати св. Духа въ св. крещеніи и оживотворить васъ мертвыхъ грѣхами. Слова: *и въ необрѣзаніи плоти вашей* надобно соединять съ *сооживиль*, въ такомъ смыслѣ: и при необрѣзаніи вашемъ, и несмотря на необрѣзаніе ваше сооживиль. А слово: *въ прегрѣшеніихъ* надо относить къ *мертвыхъ сушихъ*, въ обычномъ смыслѣ, какъ всѣ люди мертвы грѣхами, и прародительскимъ и своими собственными: ибо оброцы грѣха—смерть; и послѣ этихъ выраженій ставить знакъ препинанія; а между *въ необрѣзаніи плоти* и *сооживиль* не ставить знака, чтобъ наглядно представить, какое выраженіе куда относится.

Которые и слова: *въ необрѣзаніи плоти* относятся къ *мертвыхъ сушихъ*, тѣ принуждены давать имъ переносное значеніе, потому что необрѣзаніе недѣлаетъ мертвымъ, а грѣхъ, и именно разумѣютъ подъ нимъ необрѣзаніе сердца, или грѣховную похоть, источникъ всѣхъ грѣховъ. Инаго въ такомъ случаѣ толкованія и нельзя допустить.

Наши толковники такъ говорятъ о семъ мѣстѣ, что ихъ слова могутъ подавать мысль о томъ и другомъ соотношеніи сихъ словъ. Бл. Θεодоритъ подъ необрѣзаніемъ плоти разумѣетъ вообще грѣховность. Но мысль Апостола выражаетъ такъ: «научаетъ Апостоль, что необрѣзаніе тѣлесное не вредитъ имѣющимъ оное, а необрѣзаніе душевное вредно и тѣлу и душѣ; и симъ доказываетъ, что обрѣзаніе тѣлесное никакой не приноситъ пользы обрѣзаннымъ, отъятіе же грѣховности приноситъ истинное спасеніе». Экуменій такъ перелагаетъ мысль Апостола: «васъ, которые мертвы грѣхами, по причинѣ недѣятельности или неподвижности на добро, и необрѣзаны, Богъ обрѣзалъ въ духѣ и оживотвориль, соожививъ со Христомъ».

Дировавъ намъ вся прегрѣшенія. Этимъ опредѣляется не способъ оживленія, а путь къ нему. Оживляющей благодати Духа нѣтъ доступа къ тѣмъ, на которыхъ лежитъ вина грѣха. Кѣгда же снимается вина и грѣхи прощаются,

тогда благодать, получивъ доступъ, входитъ въ душу и оживляетъ ее. На это и указываетъ здѣсь Апостоль. *Даровавъ прегрѣшенія*, значитъ: «даровавъ намъ оставленіе грѣховъ» (Феод.). Прежде Апостоль говорилъ — *васъ*, а теперь — *намъ*. Можетъ быть это не имѣло у Апостола особаго значенія. Онъ хотѣлъ, можетъ быть, сказать только: *намъ съ вами*, т.-е. вообще всѣмъ людямъ. Не для однихъ васъ путь къ оживленію духовному лежитъ чрезъ прощеніе грѣховъ, а для всѣхъ. Прощеніе же грѣховъ получается покаяніемъ съ вѣрою въ Господа, принесшаго себя въ жертву за грѣхи всего міра. Покаяніе и предшествуетъ крещенію, и ради сего съ вѣрсю въ купѣли омываются грѣхи. Тутъ же и оживленіе дается благодатію. Одинъ актъ два дѣла совершаетъ: грѣхи снимаетъ и новую жизнь даетъ.

Ст. 14. *Истребивъ, еже на насъ рукописаніе учени, еже бѣ сопротивно намъ, и то взятъ отъ среды, пригвоздивъ е на крестъ.*

Помянувъ объ отпущеніи грѣховъ продолжаетъ объяснять, какъ оно даровано. Какъ выше (ст. 11. 12) объяснялъ онъ отъятіе силы живущаго въ насъ грѣха, называя его то обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, то совлеченіемъ тѣла грѣховнаго, то спогребеніемъ и совостаніемъ Христу въ крещеніи: такъ здѣсь объясняетъ онъ разнообразно устроеніе отпущенія грѣховъ крестною смертію Христа Спасителя, называя это изглаженіемъ рукописанія, взятіемъ его отъ среды и пригвожденіемъ ко кресту или раздраніемъ. То и другое дѣлаетъ онъ для того, чтобъ съ разныхъ сторонъ представляя одинъ и тотъ же предметъ яснѣе его изобразить и глубже впечатлѣть во вниманіи. Отсюда уразумѣваемъ притомъ, что устроеніе отпущенія грѣховъ есть особое дѣло въ домостроительствѣ спасенія, равносильное устроенію обрѣзанія сердца и благодатнаго оживленія.

Истребивъ еже на насъ рукописаніе. Истребивъ, — ἐξάλειψας, — изгладивъ, какъ изглаждаютъ слѣды чего-либо

на песокъ, воскъ, и под., какъ изглаждаютъ буквы, написанныя какимъ-либо способомъ на чемъ-либо. Есть рукописаніе на насъ. Его изгладилъ Богъ крестною смертію Христовою. Какое это рукописаніе? — Рукописаніе собственно есть собственноручная долговая росписка. Какіе у насъ долги? Грѣхи, какъ и въ молитвѣ Господней читаемъ: *остави намъ долги наша*. Итакъ, крестною смертію Христовою Богъ изгладилъ грѣхи наши, изгладилъ первородный грѣхъ, изгладилъ и всѣ грѣхи cadaго человека отъ начала міра и до конца его. Такова сила смерти Господней. Всякій имѣеть свое рукописаніе грѣховъ, и оно на немъ лежитъ и само требуетъ удовлетворенія, какъ содомскій вопль отмщенія грѣховъ. Правда Божія терпѣла, терпитъ и будетъ терпѣть каждому, удовлетворяясь искупительною и ходатайственною смертію Христовою. Но чрезъ это рукописаніе cadaго не теряетъ своей силы. Если оно не будетъ изглажено и раздрано, то въ свое время потребуется за него взыскъ и уплата. Какъ же достигается изглаженіе и раздраніе рукописанія сего?—Каются съ вѣрою въ крестную смерть Господа, и когда за тѣмъ погружаются въ купѣль, вода крещальная или паче благодатная сила крещенія изглаждаетъ грѣхи, и рукописаніе представляетъ одну чистую хартію, на которой ничего не остается написаннымъ. Вотъ это и говоритъ Апостоль: Богъ даровалъ намъ грѣхи, изгладивъ рукописаніе грѣховъ нашихъ. Св. Златоустъ говоритъ: «И что же? Позволилъ имъ остаться? Нѣтъ; истребилъ ихъ; не только даровалъ, но совсѣмъ истребилъ, чтобъ они никогда не показывались». Тоже и бл. Теофилактъ пишетъ: «Поелику сказала, что Богъ *даровалъ намъ прегрѣшенія*; то чтобы ты не подумалъ, что Онъ все же оставилъ ихъ быть гдѣ-либо и видимыми быть, говоритъ: нѣтъ, не то; Онъ совсѣмъ изгладилъ ихъ, вычистилъ». Этому сподобляются всѣ крещаемые; и еслибъ по крещеніи никто не грѣшилъ, то ни на комъ бы изъ нихъ рукописанія такого и не было. Но какъ грѣшатъ, то хартія

опять исписывается грѣхами, и снова изглажена быть можетъ только слезами покаянія. Сила же изглаждающая все одна—крестная смерть Господа. Въ смерти Господа изглажены рукописанія всѣхъ людей, которыя Апостоль объединяетъ и представляетъ какъ единое рукописаніе всего человѣчества. Въ силѣ такъ и есть; но въ дѣйствительности рукописаніе каждаго изглаждается во св. крещеніи или покаяніи по вѣрѣ въ Господа, за насъ умершаго крестною смертію.

Почему Апостоль и приложилъ: *ученми—δογμασιν*. Наши толковники всѣ разумѣютъ подъ симъ словомъ вѣру. Св. Златоустъ говоритъ: «Ученми, говоритъ. Какими ученми? Вѣрою. Слѣдовательно достаточно увѣровать. Павелъ не дѣлами дѣла, но вѣрою дѣла изглаждаетъ». Бл. Теодоритъ пишетъ: Богъ - Слово (вмѣсто ветхозавѣтныхъ способовъ очищенія грѣховъ) далъ намъ евангельскіе догматы, за сохраненіе ихъ обѣтовавъ намъ спасеніе». Экуменій: «*δογμασιν*, т.-е. вѣрою или догматами нашего благочестія (вѣры христіанской). И именно изглаждается рукописаніе, въ крещеніи». Тоже и у Теофилакта. — И очевидно, что *ученми* стоитъ у Апостола какъ указаніе на способъ или образъ изглаженія рукописанія. Потому всякое толкованіе, по которому *ученми* соединялось бы съ *рукописаніемъ*, надобно считать неумѣстнымъ здѣсь.

Еже бѣ сопротивно намъ. Рукописаніе было противъ насъ, осуждало насъ, требовало удовлетворенія. Гдѣ же оно было? Гдѣ-то посредѣ. Гдѣ же посредѣ? Посредѣ всего сущаго. Всѣ творенія — и земныя и небесныя, и вещественныя и духовныя—видѣли это бывшее противъ насъ рукописаніе, соглашались, что праведно взыскать съ насъ долги по сему рукописанію и слѣдовательно тоже были противъ насъ. И правда Божія требовала тогоже—еще паче. Между тѣмъ мы ничего не могли представить въ уплату,—и належала намъ крайняя бѣда. Что же сдѣлалъ положившій спасти насъ многоблагодутробный Богъ? *То взявъ отъ среды*,—принялъ наше рукописаніе съ глазъ долой,

такъ что никто уже болѣе его не видѣлъ. *Взятъ*,—*ἔρεν*,—отъ *ἔρειν*. Значеніе этого слова точно выражаетъ наша обычная фраза: возьми или прими это отсюда, съ глазъ долой. Такъ и рукописаніе наше принято было отъ среды, и никому уже не бросалось оно въ глаза. «Взять отъ среды, значить—сдѣлать, чтобъ его не видно было» (Θеоф.). Куда же дѣвалъ его милостиво спасающій насъ Богъ?—«Отъ среды взявъ, по можетъ быть гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ спряталъ. Потому страхъ беретъ, какъ бы не сталъ когда либо взыскивать съ насъ по сему рукописанію. Теперь простилъ, а какъ раскается, что простилъ, и начнетъ взыскивать: рукописаніе цѣло. Апостолъ и устраняетъ этотъ страхъ, сказавъ: *пригвоздивъ е ко кресту*. Взявъ отъ среды, Богъ не отложилъ его куда-либо въ сторону на сохраненіе, а разодралъ его: пригвожденіемъ ко кресту означается разодраніе» (изъ Экум. перифразъ). «Взявъ отъ среды, ни намъ его не отдалъ, ни Самъ у Себя не сохранилъ, но, пригвоздивъ ко кресту, разодралъ» (Θеоф.). Это—метафорическое выраженіе. Значить же оно вотъ что: «такъ какъ всѣ мы были подъ грѣхомъ и наказаніемъ; то Онъ, претерпѣвъ наказаніе, свободилъ насъ и отъ грѣха, и отъ наказанія. Наказаніе же претерпѣлъ Онъ на крестѣ. Туда взявъ Онъ и рукописаніе и пригвоздилъ его съ Собою, а потомъ, какъ имѣющій власть, и совсѣмъ разорвалъ его» (Св. Злат.). «Этимъ св. Павелъ выразилъ несомнѣнность прощенія и безвозвратность (взысканія)» (Экум.). Всѣ, укрывающіеся вѣрою подъ сѣнь креста, безопасны отъ взысканія за грѣхи по правдѣ Божіей. Кровь Христова очищаетъ ихъ отъ всякаго грѣха. Помазуются же они сею очистительною кровію въ крещеніи и покаяніи.

Ст. 15. *Совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ, избличивъ ихъ въ себѣ (побѣдивъ ихъ на немъ)*.

Началь св. Павелъ съ 10-го ст. изображать, какая полнота пріемлется отъ Господа Спасителя вѣрующими въ

Него. Показалъ сначала, что благодатію Его подсѣкается грѣхъ, живущій въ насъ,—ст. 11. 12; за тѣмъ живописалъ, подь образомъ раздранія рукописанія, дарованіе прощенія грѣховъ,—ст. 13. 14. Все ли исчерпано? Нѣтъ еще. Есть еще коноводы грѣха — сатана съ полчищами бѣсовъ. Если оставить ихъ въ силѣ; то конца грѣху не будетъ, и указанные дары изъ сокровищницы полноты Христовой—ни къ чему. И ихъ силу истребилъ Господь, отнявъ у нихъ всякую власть надъ нами: *сволекъ начала и власти*. «Апостоль говоритъ это о силахъ діавольскихъ, потому что природа человѣческая была будто одѣта ими» (Св. Злат.). Посредствомъ грѣха и страстей бѣсы льнуть къ душѣ, и она, пока во грѣхѣ, бываетъ облѣплена ими и является какъбы одѣтою въ нихъ. Вотъ такую одежду, изъ бѣсовъ шитую, и снялъ Господь съ естества нашего. Какъ? Уже тѣмъ самымъ, что подсѣченъ грѣхъ живущій въ насъ и дарована намъ новая жизнь, отняты у бѣсовъ точки соприкосновенія съ нами или прилипанія къ намъ, и напротивъ влита сила отражающая ихъ. Пьявки облипаютъ живое тѣло и сосутъ живую кровь изъ него; но если обдать тѣло соленою водою, то пьявки тотчасъ отпадутъ. Такъ и Господь осолить естество наше солию благодати Святаго Духа, и бѣсы всѣ должны были отскочить отъ него, поражаемые божественною силою и свѣтомъ вѣры съ возлюбленіемъ святости. И здѣсь, можно полагать, Апостоль говѣритъ о томъже. Бл. Феодоритъ пишетъ: «поелику посредствомъ тѣлесныхъ страстей имѣли надъ нами владычество демоны, а Христоръ, облекшись въ тѣло, сталъ побѣдителемъ грѣха: то сокрушилъ Онъ владычество сопротивныхъ и показалъ всѣмъ людямъ очевидную ихъ немощь, собственнымъ тѣломъ Своимъ даровавъ всѣмъ намъ побѣду надъ ними». У Экуменія тоже читаемъ: «Врагъ много имѣлъ узды и узъ, поводковъ и держалъ, посредствомъ которыхъ властвовалъ надъ нами. Началось это съ преступленія Адамова, а потомъ усилилось по причинѣ соб-

ственныхъ грѣховъ нашихъ. Единородный Сынъ Божій, содѣлавшись человѣкомъ, снялъ съ естества нашего всѣ эти узды и держала (разумѣются страсти) и освободилъ насъ отъ таковыхъ узъ. Туго-натуго связанные цѣпами грѣховъ нашихъ, мы работали врагу. Но Господь, оставивъ намъ грѣхи наши, избавилъ и отъ сихъ узъ и отъ тиранства лукаваго».

Послѣднія слова Экуменія наводятъ и на ту мысль, что метафора: *совекъ начала и власти* означаетъ, что Господь лишилъ власти надъ нами нечистыя силы, и именно тѣмъ, что пригвоздивъ ко кресту рукописаніе грѣховъ нашихъ, разодралъ его. Бѣсы предъявляли свои права на насъ, держа въ рукахъ наше рукописаніе грѣховъ, по ихъ же внушенію надѣланныхъ, и указывая на сіе рукописаніе, гдѣ бы оно ни было. Оно означало, что мы сами добровольно признаемъ надъ собою власть бѣсовъ, потому что всякій грѣхъ есть плодъ послушанія имъ и непослушанія Богу. Враги и указывали на рукописаніе, говоря какъбы: смотрите, они—наши, нашу волю творятъ. Когда же рукописаніе разодрано и уничтожено, то имъ не на чемъ болѣе утверждать власть свою; раздраніемъ рукописанія она отнята у нихъ.

Такимъ образомъ и отсѣченіемъ живущаго въ насъ грѣха съ дарованіемъ новой жизни и отпущеніемъ грѣховъ или раздраніемъ рукописанія, о чемъ разсуждалъ Апостоль выше, сброшены облежавшія насъ темныя силы и власть ихъ надъ нами отнята. Но слѣдующія за симъ слова показываютъ, что они сами посрамлены и поражены крестомъ. *Изведе ихъ въ позоръ дерзновеніемъ.*—*Изведе въ позоръ*,—*ἐδεδυχατισεν*, какое слово означаетъ—выставить кого предъ всѣми на посрамленіе. *Дерзновеніемъ*,—*εν παρρησια*—смѣло, явно, право, властно. Значить, на крестѣ темныя силы были выставлены на позоръ и посрамленіе. Они раздражили Иудеевъ противъ Господа Спасителя и довели до того, что Онъ преданъ былъ позорной смерти. Чаяли, что, подвергши Его такому посрамле-

нію, они оттолкнутъ отъ Него всѣхъ, дѣло спасенія разстроится и власть ихъ останется въ силѣ по прежнему. Оказалось же все напротивъ. На крестѣ не Господь посрамленъ, а они, и не Его дѣло разорилось, а разрушено ихъ царство.

Что Господь не посрамленъ, а прославленъ на крестѣ, это явно было для всѣхъ: солнце померкло, завѣса церковная раздралась, земля потряслась, камни распались и многія тѣлеса умершихъ святыхъ востали. Имѣвшіе очи не могли не увидѣть изъ сего, что крестъ не позоръ, а престолъ славы. Но и у неимѣвшихъ ихъ они открылись и совершившееся на Голгоѣѣ заставило ихъ исповѣдать: *воистину Божій Сынъ бѣ сей* (Мѡ. 27, 54). Ужь и это было посрамленіе: чаяли одного, а вышло совсѣмъ другое; крестъ не отторгаетъ, а привлекаетъ. Это видимо, но значительнѣе невидимое посрамленіе, именно то, что они сами устроили крестъ, а крестъ разрушилъ ихъ царство: сами они крестомъ подкопали основы царства своего. Ибо крестомъ примирено небо съ землею, низведенъ Духъ благодати въ освященіе всѣхъ, и въ облаченіе всѣхъ властію наступать на всю силу вражію. Почему бѣсы не могутъ съ тѣхъ поръ возрѣвать на крестъ; отъ одного вида его бѣгутъ, какъ предъ лицомъ вѣтра. Крестное знаменіе есть огражденіе вѣрующихъ и побѣдное оружіе на невидимыхъ враговъ.

Это же выражаетъ Апостоль и еще сильнѣе словами: составивъ торжество побѣды надъ ними въ немъ, т.-е. въ крестѣ. По-славянски это читается такъ: *изобличивъ ихъ въ Себѣ*. Это не точный переводъ словъ подлинника: *Ἐξημψευσας αὐτοὺς ἐν αὐτῷ*. Почему прибавленъ подстрочный переводъ: *побѣдивъ ихъ на немъ*. *Ἐξημψευσεν* значитъ составлять или принимать торжество побѣды. Отсюда мысль у Апостола будетъ такая: Спаситель на крестѣ праздновалъ торжество побѣды надъ духами злобы или принималъ торжественную славу такой побѣды.—Крестъ былъ торжественною колесницею, на которой возили побѣди-

телей, прославляя ихъ за побѣду. Но онъ же былъ и силою побѣдною, и знаменіемъ побѣды. Онъ былъ то, чѣмъ, какъ въ раю предсказано, сѣмя жены стерло главу змія искушителя. И Господь, приближаясь къ крестной смерти, говорилъ: *нынѣ князь міра сего изнанъ будетъ вонъ* (Іоан. 12, 31), то-есть свержень съ престола и лишень власти.—Господь со креста сошелъ во адъ и разрушилъ адъ изведши содержавшихся въ немъ; а сущимъ на землѣ въ силу крестной смерти далъ власть надъ духами злобы, не силу только отбиваться отъ нихъ, но власть господствовать надъ ними и подчинять себѣ, какъ рабовъ. Св. Златоустъ говоритъ: «діаволь надѣялся овладѣть Христомъ; а лишился и тѣхъ, которыхъ имѣлъ. Въ то время, когда тѣло Христово было пригвождено ко кресту, мертвые воскресали. Тогда діаволь потерпѣлъ пораженіе, получивъ смертный ударъ отъ мертваго тѣла. Какъ борець, считающій своего противника пораженнымъ, самъ получаетъ отъ него смертельную рану; такъ и Христось показалъ, что умереть съ дерзновеніемъ, властно, значитъ посрамить діавола».

Этимъ оканчивается общее предостереженіе, котораго мысль такая: что бы ли обѣщали вамъ соблазняющіе васъ мудрецы, не слушайте ихъ. Вы уже все имѣете—и прощеніе грѣховъ, и новую жизнь, и власть надъ нечистою силою. Чего вамъ еще желать?

Епископъ Теофанъ.

С Л О В А
ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА
НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Преосвященнѣйшаго Епископа Теофана.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЕ.

О вѣрѣ, и къ тѣмъ, которые говорятъ, что живущему въ мирѣ невозможно достигнуть совершенства въ добродѣтеляхъ. Въ началѣ слова—многополезная повѣсть.

Доброе дѣло проповѣдать предъ всѣми милость Божию и возвѣщать братіямъ своимъ великое Его благоутробіе и неизреченную благодать, какую имѣеть Онъ къ намъ.—Знаю я человѣка, который ни долгихъ и великихъ постовъ не держалъ, ни бдѣній не совершалъ, ни на голой землѣ не сыпалъ, ни другихъ подобныхъ особенно тяжелыхъ подвиговъ на себя не налагалъ; но приведши на память грѣхи свои, позналъ свое окаянство, и, осудивъ себя, смирился,—и многоблагодарный Господь за это одно спасъ его, какъ говорить божественный Давидъ: *смирися и спасе мя* (114, 5). Короче сказать: повѣрилъ онъ словесамъ Бога, и за эту вѣру Господь пріялъ его. Стяжать смиреніе много есть пресіятельствій, преграждающихъ путь къ нему; но увѣровать словесамъ Бога, нѣтъ никакого препятствія, которое бы ставило преграду къ тому. Какъ только захотимъ отъ всей души нашей, тотчасъ и

увѣруемъ. Ибо вѣра есть даръ всеблагаго Бога, который (даръ) далъ Онъ намъ имѣть естественно (вложилъ въ естество), употребленіе его подчинивъ самовластію произволенія нашего. Почему и скиѣи и варвары естественно имѣють вѣру и вѣрятъ словамъ одинъ другаго. Но чтобы показать вамъ на опытѣ дѣйствіе вседушной вѣры, послушайте, я расскажу вамъ въ подтвержденіе сказаннаго нѣкую повѣсть.

Жилъ въ Константинополѣ нѣкто по имени Георгій, юноша возрастомъ, лѣтъ двадцати. Это — въ наши дни, на нашей памяти. Онъ былъ красивъ лицомъ, и въ его походкѣ, въ манерѣ держать себя и въ приемахъ обращенія было нѣчто показливое: такъ что по сей причинѣ дѣлали о немъ разныя недобрыя предположенія тѣ, которые смотрятъ на одну виѣшность, и не зная, что сокрыто внутри каждаго, судятъ о другихъ ошибочно. Онъ познакомился съ нѣкимъ монахомъ, жившимъ въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей, человекѣмъ святымъ, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказалъ и то, что сильно жаждетъ спасенія души своей. Честный старецъ, поучивъ его, какъ слѣдовало, и давъ ему небольшое правило къ исполненію, далъ еще и книжицу св. Марка-подвижника, гдѣ онъ пишетъ о духовномъ законѣ. Юноша принялъ эту книжицу съ такою любовію и съ такимъ благоговѣніемъ, какъ бы она была послана ему отъ самого Бога, и сильную возимѣлъ къ ней вѣру, надѣясь получить отъ нея великую пользу и великій плодъ. Почему читалъ ее съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ, и, прочитавъ всю, великую получилъ пользу отъ всѣхъ главъ ея. Но изъ всѣхъ главъ три наипаче запечатлѣлись въ сердцѣ его; первая: «Ища врачеванія, пекись о совѣсти (внимай ей); и что она говоритъ тебѣ, сдѣлай то, и получишь пользу (глав. 69)». Вторая: «Ищущій (чающій получить) дѣйственности Святаго Духа, прежде дѣланія заповѣдей, подобенъ купленному за деньги рабу, который въ то же время, какъ его только что купили

ищетъ, чтобъ вмѣстѣ съ уплатою за него денегъ подписали ему и свободу» (гл. 64 о хотящ. оправ. отъ дѣлъ). Третья: «Молящійся тѣлесно и не имѣющій еще духовнаго разума подобенъ слѣпцу, который зывалъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя* (Мар. 10, 48). Другой же нѣкто прежде слѣпый, когда прозрѣлъ и увидѣлъ Господа, уже не зывалъ его сыномъ Давидовымъ, но исповѣдалъ Его Сыномъ Божиимъ (Іоан. 9, 35. 38)» (гл. 13. 14. о дух. зак.). Эти три главы очень ему понравились, и онъ повѣровалъ, что чрезъ вниманіе къ своей совѣсти, какъ внушаетъ первая глава, онъ получитъ уврачеваніе (нemoщей душевныхъ); чрезъ исполненіе заповѣдей достигнетъ дѣйственности Святаго Духа, какъ учить вторая глава, и благодатію Святаго Духа прозрѣть умно и узрѣть неизреченную красоту Господа, какъ обѣщаетъ третья глава. — И уязвился онъ любовію къ красотѣ сей, и хотя еще не видѣлъ ея, сильно возжелалъ ея и усердно зыскалъ, въ надеждѣ узрѣть ее наконецъ.

При всемъ томъ однакожъ онъ ничего особеннаго не дѣлалъ (какъ увѣрялъ меня съ клятвою), кромѣ того, что каждый вечеръ неопустительно исправлялъ то небольшое правило, которое далъ ему старецъ; и не иначе какъ исправивъ уже его, ложился въ постель и засыпалъ. Но со временемъ совѣсть начала ему говорить: положи и еще нѣсколько поклоновъ, прочитай сколько-нибудь другихъ псалмовъ, проговори сколько можешь большее число разъ и: Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Онъ охотно слушался своей совѣсти, и что она внушала ему, дѣлалъ безъ размысленія все такъ, какъ бы то повелѣвалъ ему самъ Богъ; и ни разу не ложился онъ спать такъ, чтобы совѣсть обличала его, говоря: для чего не сдѣлалъ ты того и того? Такъ всегда слушался онъ совѣсти своей, никогда не оставляя безъ исполненія того, что сдѣлать она внушала ему. А она каждый день все больше и больше прилагала къ обычному его правилу, и въ немногіе дни вечернее его молитвословіе возрасло въ великое по-

слѣдованіе. Днемъ онъ находился въ палатахъ одного Патрикія, и на немъ лежало попеченіе о всемъ потребномъ для людей жившихъ тамъ. Вечеромъ же каждый день онъ уходилъ оттуда, и никто не зналъ что дѣлалъ онъ у себя. Онъ же и слезы проливалъ изъ очей своихъ, обильныя, и колѣнопреклоненій дѣлалъ многое множество, падая лицомъ на землю; когда стоялъ на молитвѣ, ноги держалъ вмѣстѣ тѣсно одну къ другой, и стоялъ неподвижно; и къ Пресвятой Богородицѣ читалъ молитвы съ болѣзнію сердечною, воздыханіями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падалъ къ пречистымъ ногамъ Его, какъ бы Онъ тѣлесно присутъ былъ ему, и умолялъ Его умилосердиться надъ нимъ, какъ нѣкогда надъ слѣпымъ, и даровать прозрѣніе душевнымъ очамъ его. Поелику каждый вечеръ увеличивалась молитва его, то онъ наконецъ простаивалъ, молясь, до самой полночи; и однакожь во все время молитвы, ни раздѣненія себѣ не позволялъ, ни до нерадѣнія себя не допускалъ, ни членовъ тѣла своего не распускалъ, ни очей не обращалъ по сторонамъ или вверхъ, чтобъ взглянуть на что, но такъ стоялъ неподвижно, какъ столпъ какой или какъ безтѣлесный.

Однажды, какъ онъ стоялъ такимъ образомъ на молитвѣ и говорилъ умомъ паче нежели устами: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному,—внезапно низошло на него свыше божественное осіяніе пресвѣтлое и исполнило все то мѣсто. Тогда забылъ уже юноша сей, что находится въ комнатѣ и подъ кровлю, потому что во всѣ стороны видѣлся ему одинъ свѣтъ, не зналъ даже, попираетъ ли онъ землю ногами своими; ни о чемъ мірскомъ не имѣлъ уже онъ попеченія и не приходило тогда на мысль ему ничто изъ того, что обыкновенно бываетъ на умѣ у тѣхъ, кои носятъ плоть человѣческую; но былъ весь срастворенъ съ невещественнымъ онимъ свѣтомъ, и ему казалось, что и самъ онъ сталъ свѣтомъ; забылъ онъ тогда весь міръ и исполнился слезъ и радости неизреченной.

Потомъ умъ его востекъ на небеса, и онъ увидѣлъ тамъ другой свѣтъ, болѣе свѣтлый чѣмъ тотъ, который былъ окрестъ его. И показалось ему къ изумленію его, что вскрай свѣта того стоитъ помянутый выше святой оній и равноангельный старецъ, который далъ ему небольшую ту заповѣдь о молитвѣ и книжицу св. Марка подвижника. Услышавъ это отъ юноши, я подумалъ, что ему много содѣйствовала молитва старца, и что Богъ устроилъ такое видѣніе, чтобъ показать юношѣ, на какой высотѣ добродѣтели стоялъ старецъ оній. Когда прошло видѣніе то и юноша пришелъ въ себя, то нашель себя (какъ говорилъ послѣ) всего исполненнымъ радости и изумленія, и плакалъ отъ всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостію великою. Наконецъ легъ онъ въ постель; но тотчасъ запѣлъ пѣтухъ, и показалъ, что была уже полночь. Немного спустя заблагоговѣстили въ церкви и къ утрени; и юноша всталъ, чтобъ прочесть по обычаю своему послѣдованіе утрени. Такъ онъ совсѣмъ не спалъ въ ту ночь; сонъ и на умъ ему не приходилъ.

Случилось это, какъ вѣдаетъ Господь, Который и содѣлалъ сіе, имиже вѣсть судьбами. Юноша же тотъ ничего особеннаго не дѣлалъ, кромѣ того что съ крѣпкою вѣрою и несомнѣнною надеждою всегда вѣрно исполнялъ слышанное имъ отъ старца правило и вычитанное въ книжицѣ наставленіе. И никто не говори, что онъ дѣлалъ это для испытанія. Это и на умъ ему не приходило. Кто испытываетъ, тотъ не имѣетъ твердой вѣры; но юноша тотъ, отложивъ всякій страстный и самоугодливый помысль, такъ много заботился о вѣрномъ исполненіи того, что внушала ему совѣсть, что никакого уже сочувствія не имѣлъ къ вещамъ міра сего, даже пищи и питія не вкушалъ въ сладость или вдоволь.

Слышали, братія мои, что можетъ сдѣлать вѣра въ Бога, свидѣтельствуемая добрыми дѣлами? Поняли, что ни юность нисколько ни вредитъ, ни старость не поль-

зуетъ, когда нѣтъ разума и страха Божія? Poznали, что ни мѣръ и житейскія дѣла не мѣшаютъ исполнять заповѣди Божіи, когда имѣется ревность и вниманіе? Ни безмолвіе и удаленіе отъ міра не пользуются, когда властвуютъ лѣность и нерадѣніе? Всѣ мы, слыша о Давидѣ и удивляясь ему, говоримъ: одинъ былъ Давидъ и другаго такого не было; но вотъ смотрите, въ юношѣ этомъ произошло нѣчто больше, чѣмъ въ Давидѣ. Давидъ пріялъ свидѣтельство отъ Бога, помазанъ въ царя и пророка, получилъ Духа Святаго и многія имѣлъ о Богѣ удостовѣренія. Почему, когда согрѣшилъ, и потерялъ благодать Святаго Духа и даръ пророческій, и отчужденъ былъ отъ обычнаго собесѣдованія съ Богомъ. Что дивнаго, если, вспомнивъ о благодати, отъ коей испалъ, опять разыскалъ онъ отъ Бога потерянные блага? Но этотъ юноша ничего такого не имѣлъ, а былъ связанъ мѣрскими дѣлами, заботился только о временномъ, а о чемъ-либо высшемъ земли и подумать не имѣлъ времени, — и однакожь — дивны судьбы Господни! — лишь только услышалъ малое нѣчто отъ онаго святаго старца и вычиталъ тѣ три главы у аввы Марка, тотчасъ несомнѣнно повѣрилъ слышанному и написанному и съ непоколебимою надеждою ввелъ то въ дѣло, — и съ небольшимъ тѣмъ дѣланіемъ, которое совершалъ вслѣдствіе того, сподобился возвысить умъ свой до небесъ, подвигъ на милость Матерь Господа, Ея молитвами умилилъ Бога и привлекъ на себя благодать Святаго Духа, которая съ такою силою осѣнила его, что онъ сподобился увидѣть свѣтъ, который видѣтъ многіе желаютъ, но не многіе сподобляются. Этотъ юноша ни постовъ долгихъ не держалъ, ни на землѣ не спалъ, ни власяницы не носилъ, ни изъ міра не выходилъ тѣлесно, а только духовно — душевнымъ настроеніемъ, — и съ небольшимъ бдѣніемъ, которое совершалъ, явился высшимъ дивнаго онаго Лота, бывшаго въ Содомѣ, или, лучше сказать, явился ангеломъ въ тѣлѣ человѣческомъ, — человекомъ по видимости и ангеломъ по умному строю. За

что и сподобился увидѣть сладчайшій оный свѣтъ мысленнаго Солнца правды, Господа нашего Іисуса Христа, каковъ свѣтъ удостовѣрилъ его, что онъ имѣлъ воспріять и будущій свѣтъ. И праведно: ибо любовь и сердечное его къ Богу прилѣпленіе сдѣлали его изступленнымъ, отторгли духъ его и отъ міра сего, и отъ собственнаго естества, и отъ всѣхъ вещей, и сдѣлали его всего свѣтомъ отъ Святаго Духа, яри всемъ томъ, что онъ и жилъ среди города, и правилъ цѣлымъ домомъ, и пекся о рабахъ и свободныхъ, и дѣлалъ все, что потребно для настоящей жизни.

Довольно этого въ похвалу юнѣшѣ, и для того, чтобы подвигнуть и васъ придти въ такую же любовь, подражая ему; или желаете, чтобъ я сказалъ вамъ и другое что большее, чего можетъ быть и слухъ вашъ пріять не сможетъ? Впрочемъ, что можетъ быть больше и совершеннѣе страха Божія? Конечно, ничего нѣтъ. Св. Григорій Богословъ сказалъ: «начало премудрости—страхъ Господень. Ибо гдѣ страхъ, тамъ заповѣдей соблюденіе; гдѣ заповѣдей соблюденіе, тамъ очищеніе плоти,—этого облака облегающаго душу и не дающаго ей чисто видѣть божественный свѣтъ; гдѣ очищеніе, тамъ осіяніе, а осіяніе есть исполненіе желанія божественнаго». Говоря такъ, онъ показалъ, что освѣщеніе Духомъ есть некончаемый конецъ всякой добродѣтели, и кто достигнетъ такого освѣщенія Духомъ, тотъ покончилъ со всѣмъ чувственнымъ и началъ пребывать сознаниемъ въ одномъ духовномъ. Это, братія мои, суть дивности Божіи. И Богъ для того изводитъ въ явь сокровенныхъ рабовъ своихъ, чтобъ подражали имъ добротолубивые и благіе, а злонравные остались безотвѣтными. Ибо и тѣ, которые возвращаются въ многочислѣ, и проводятъ жизнь въ тревоженіяхъ міра, если ведутъ себя какъ должно, обрѣтаютъ спасеніе и сподобляются отъ Бога великихъ благъ ради вѣры, которую показываютъ къ Нему, чтобъ въ день суда ничего не имѣли сказать въ оправданіе свое тѣ, которые не обрѣтаютъ спасенія по

причинѣ лѣности своей и нерадѣнія. Такъ истиненъ Тотъ, Кто обѣтовалъ даровать спасеніе ради вѣры въ Него! И такъ, братія мои возлюбленные, попечальтесь о себѣ самихъ и о мнѣ, любящемъ васъ и многократно проливающимъ слезы о васъ. Ибо благоутробный и милостивый Богъ повелѣлъ и намъ быть благоутробными и милостивыми, и печалиться какъ о себѣ самихъ, такъ и другъ о другѣ. Вѣруйте отъ всей души въ Господа, ненавидьте міръ сей, какъ подобаетъ, и не пекитесь о временныхъ и невѣрныхъ благахъ его, но приступите къ Богу и прилѣпите къ Нему. Ибо пройдетъ еще не много времени, и настанетъ конецъ міра сего и настоящей жизни; и горе тѣмъ, которые изпадутъ отъ царствія Божія. Меня душатъ слезы, и я плачу и скорблю отъ всего сердца, когда помышляю, что,—имѣя такого великодаровитаго и челоуѣколюбиваго Владыку, Который за одну, искренно являемую къ Нему, вѣру даруетъ намъ столь великія и дивныя блага, и умъ, и слухъ, и чаяніе превосходящія,—мы неподумавши, подобно безсловеснымъ животнымъ, предпочитаемъ всему тому землю и земное, которое, по благоутробію Божію, даровано намъ на потребу тѣла нашего, чтобъ, между тѣмъ какъ оно было бы тѣмъ питаемо умѣренно, душа безпрепятственно совершала теченіе свое къ премірному, будучи и сама питаема умною пищею, исходящею отъ благодати Св. Духа, по мѣрѣ очищенія ея и обновленія. Ибо для того мы, люди, созданы отъ Бога разумными, чтобъ прославляли Его, благодарили и любили за невеликія блага, дарованныя Имъ для настоящей жизни, и такимъ образомъ сподоблялись получить въ будущей жизни блага великія и вѣчныя. Но горе намъ, что не имѣя совершенно никакого попеченія о будущемъ, мы пребываемъ неблагодарными Богу и за настоящее, уподобляясь демонамъ, или, лучше сказать, являясь хуже ихъ. За это справедливо бѣльшему, чѣмъ они, должны мы подлежать мученію. Ибо мы больше облагодѣтельствованы, чѣмъ они: содѣлались христіанами, получили столь-

ко духовныхъ даровъ, вѣруемъ въ Бога, который содѣлался ради насъ человекомъ и претерпѣлъ такія страданія и крестную смерть, чтобъ избавить насъ отъ заблужденія прелести и грѣха. Но что скажу на все это? Увы намъ! На словахъ только вѣруемъ мы въ Бога, а дѣлами отвергаемся Его. Не во всякомъ ли мѣстѣ именуется Христосъ,—въ городахъ, селахъ, киновіяхъ и горахъ? Не всюду ли находятся хрістіане? Но розыщи, если это кажется тебѣ благословнымъ, и разслѣдуй до точности, исполняютъ ли они заповѣди Христовы, и истинѣ среди столькихъ тысячъ и миріадъ съ нуждою найдешь одного, который и дѣломъ и словомъ есть хрістіанинъ. Не сказалъ ли Христосъ и Богъ нашъ: *вѣруйи въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и болюша сиихъ сотворитъ* (Ин. 14, 12)? Но кто изъ насъ дерзнетъ сказать: я творю дѣла Христа и вѣрую право во Христа? Не видите ли посему, братія мои, какъ въ день суда мы имѣемъ оказаться невѣрными, и быть преданы горшимъ мукамъ, чѣмъ тѣ, кои совсѣмъ не знали Христа, т.-е. невѣрные? Одно изъ двухъ необходимо, или намъ быть наказанными больше невѣрныхъ, или Христу оказаться невѣрнымъ слову своему,—что невозможно.

Написалъ я это не для того, чтобъ помѣшать кому удалиться отъ міра, и не потому, чтобъ предпочиталъ безмолвію жизнь среди міра, но чтобы удостовѣрить всѣхъ, которые будутъ читать настоящее сказаніе, что желающій творить добро, получаетъ отъ Бога силу творить оное во всякомъ мѣстѣ, и среди міра, и въ безмолвіи. Напротивъ предметъ сего сказанія таковъ, что еще болѣе долженъ подвигать къ отшельничеству. Ибо если тотъ, кто вращался среди міра, и не думалъ никогда ни объ отреченіи отъ міра, ни о нестяжательности, ни о послушаніи, такую милость получилъ отъ Бога за то одно, что отъ всей души повѣрилъ и призвалъ Бога; то какія блага получить подобаетъ надѣяться тѣмъ, которые оставляя весь міръ и всѣхъ людей, предають и самую жизнь свою на

смерть за заповѣдь Божию, какъ Онъ повелѣлъ? Вирочемъ кто начнетъ творить добрыя дѣла съ вѣрою несомяѣнною и съ усердіемъ великимъ и чувствовать пользу отъ сего бывающую, тотъ самъ собою познаетъ, что забота мірская, пребываніе и возвращаніе среди міра служатъ великимъ препятствіемъ для тѣхъ, которые желаютъ жить по Богу. Бывшее съ юношею тѣмъ, какъ мы сказали, есть нѣчто дивное и необычайное; и мы не слышали, чтобъ подобный добрый случай былъ съ другимъ кѣмъ. Но если и былъ съ многими какими, или будетъ послѣ, да вѣдаютъ они, что если не удалятся отъ міра, то скоро очень потеряютъ полученное благо.

О томъ юношѣ послѣ я узналъ отъ него же самого еще и слѣдующее. Я встрѣтилъ его, когда уже онъ сталъ монахомъ и провелъ въ монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я зналъ его очень хорошо; мы отъ юности были друзьями и воспитывались вмѣстѣ. Такъ онъ и разсказалъ мнѣ еще слѣдующее: «послѣ онаго дивнаго видѣнія и измѣненія бывшаго во мнѣ, не много прошло дней, какъ со мною случились многія искушенія мірскія, по причинѣ которыхъ, во время совершенія мною тѣхъ сокровенныхъ по Богу дѣланій, я увидѣлъ въ себѣ, что мало-по-малу лишаюсь блага онаго, и сильное возымѣлъ желаніе удалиться отъ міра и въ уединеніи искать Христа, мнѣ являшагося. — Ибо вѣрую, брате, что для того Онъ и благоволилъ явиться мнѣ, чтобъ взять къ себѣ и меня недостойнаго, отдѣливъ отъ всего міра. Но какъ я не могъ этого исполнить тогда же, то мало-по-малу забылъ все, что пересказывалъ тебѣ прежде, и впалъ въ совершенное омраченіе и нечувствіе, такъ что не помнилъ уже ничего изъ того, что сказывалъ тебѣ, ни малаго ни большаго, до самаго лѣйшаго движенія мысли, пли чувства. За тѣмъ впалъ я еще въ большія зла, чѣмъ прежде, и пришелъ въ такое состояніе, какъ бы никогда не слышалъ словъ Христовыхъ и не понималъ ихъ; но и на Святаго онаго, кото-

рый такъ милостивъ былъ ко мнѣ, и далъ мнѣ малую заповѣдь и книжицу святаго Марка, смотрѣлъ я какъ на одного изъ случайныхъ людей, нисколько не помышляя о томъ, что видѣлъ относительно его.—Это я сказываю тебѣ подробно, говорилъ онъ далѣе, для того, чтобъ ты зналъ, въ какую глубину пагубы низпалъ я, окаянный, по нерадѣнію своему, и подивился неизреченной благодати Божіей, явленной на мнѣ потомъ. Не умѣю тебѣ сказать, какъ безъ моего вѣдома остались въ бѣдномъ сердцѣ моемъ любовь и вѣра къ оному святому старцу; но думаю, что ради ихъ послѣ столькаго времени человѣколюбивый Богъ по молитвамъ его умилосердился надо мною, и опять чрезъ негоже исхитилъ меня изъ прелести и исторгъ изъ глубины золъ. Я недостойный не совсѣмъ отдалялся отъ этого старца, но когда бывалъ въ городѣ, часто заходилъ къ нему въ келью и исповѣдывалъ ему бывающее со мною, хотя не исполнялъ заповѣдей его безсовѣстный. Теперь же, какъ видишь, милосердый Богъ презрѣлъ многое множество грѣховъ моихъ и устроилъ мнѣ сдѣлаться монахомъ отъ того самаго старца и сподобилъ всегда пребывать съ нимъ вмѣстѣ мнѣ, поистинѣ недостойному. Послѣ чего съ великимъ трудомъ и съ обильными слезами, при рѣшительномъ отчужденіи и отдѣленіи отъ міра, совершенномъ послушаніи и отсѣченіи своей воли, многихъ другихъ дѣлахъ и приемахъ строгаго самоумерщвления и неудержимомъ стремленіи ко всему доброму, удостоился я опять увидѣть, хотя нѣкоторымъ образомъ примрачно, малый лучъ сладчайшаго онаго и божественнаго свѣта. Но такого видѣнія, какъ то, которое видѣлъ тогда, даже доселѣ не сподобился еще я увидѣть опять».

Это и многое другое говорилъ онъ мнѣ со слезами. Я же, бѣдный, слушая такія святія слова его, подумалъ, что онъ весь былъ исполненъ божественной благодати и былъ премудръ, при всемъ томъ, что не былъ наученъ внѣшней мудрости. Получая вѣдѣніе отъ дѣланія и опыта, стяжалъ онъ точнѣйшее познаніе духовныхъ вещей. Почему я про-

силъ его сказать мнѣ, что это за вѣра, которая можетъ производить такія дивныя явленія, и преподать мнѣ то письменцо, съ приѣмомъ учительскимъ. Онъ тотчасъ началъ говорить мнѣ о томъ, и что говорилъ, то и писать не полѣнился. Что именно, то, чтобъ не удлипить безъ мѣры теперешняго моего слова, я напишу въ другихъ словахъ, въ обрадованіе и услажденіе тѣхъ, которые любятъ читать такого рода писанія съ вѣрою.

Итакъ прошу васъ, братія мои, потечемъ съ усердіемъ и себѣ путемъ заповѣдей Христовыхъ,—и лица наши не постыдятся. Но какъ тому, кто толчетъ съ терпѣніемъ, Господь отверзаетъ двери царствія своего, по обѣтованію своему, и тому, кто ищетъ, даетъ Духа всесвятаго, и невозможно тому, кто ищетъ отъ всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: такъ и вы несомнѣнно получите дивныя блага отъ Него, какія уготовалъ Онъ любящимъ Его,—здѣсь отчасти, какъ укажетъ мудрость духовная, а въ будущемъ вѣкѣ всецѣло, со всѣми отъ вѣка святыми, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ СО ВРЕМЕНИ ВЗЯТИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Г Л А В А I.

Внѣшнее состояніе Церкви подъ игомъ турецкимъ.

§ 1.

Взятіе Константинополя Турками и паденіе Византійской имперіи.—Бѣдствія христіанъ при покореніи Константинополя.

Въ началѣ XV столѣтія Византійская имперія со всѣхъ сторонъ была стѣснена Турками; въ это время она заключалась почти въ стѣнахъ одного Константинополя. Наступали послѣднія времена ея существованія. Напрасно византійское правительство, по примѣру прежнихъ лѣтъ, искало помощи на западѣ и главнымъ образомъ у римскихъ папъ. Жертвуя православіемъ за ожидаемую помощь съ запада, византійскіе императоры не могли чрезъ это спасти отъ Турокъ свою слабую имперію. Западъ не оказалъ никакой помощи православному Востоку. 29 мая 1453 г. Константинополь былъ взятъ турецкимъ султаномъ Магометомъ II. Послѣдній византійскій императоръ *Константинъ XI Палеологъ* палъ въ битвѣ, мужественно сражаясь на городской стѣнѣ противъ врывавшихся толпами непріятелей. Во время штурма Константинополя погибъ и патріархъ константинопольскій Аѳанасій II.

Начало турецко-магометанскаго царства въ падшей Византіи ознаменовано было ужасающею картиною разрушенія, грабежа и убійства. Магометъ II, вступивъ побѣ-

дителемъ въ Константинополь съ 300,000 войска, въ награду своимъ сподвижникамъ далъ позволеніе грабить городъ въ продолженіи трехъ дней; только зданія Магометъ велѣлъ щадить, потому что рѣшилъ Константинополь сдѣлать своею столицею. Послѣ этого Турки предались всѣмъ ужасамъ насилія. Убійство и грабежъ господствовали всюду; до сорока тысячъ христіанъ были преданы смерти. Многихъ богатыхъ и знатныхъ Грековъ самъ Магометъ приказалъ умертвить, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ. Шестьдесятъ тысячъ христіанъ обращены были въ рабство. Христіанскія святыни Константинополя подверглись въ эти дни страшному поруганію и оскверненію. Въ христіанскихъ храмахъ и алтаряхъ магометане совершали насилія и убійства. Великолѣпный Софійскій храмъ и другія лучшія церкви Константинополя обращены въ магометанскія мечети, и христіанскій крестъ на ихъ главахъ былъ замѣненъ турецкимъ полумѣсяцемъ. Повсюду были уничтожаемы иконы, какъ предметъ особенно ненавистный для магометанъ. Много также погибло въ эти дни памятниковъ наукъ и искусствъ, которыхъ много было въ Константинополѣ: древнихъ рукописей, дорогихъ книгъ, художественныхъ изваяній, золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя невѣжественные Турки расплавляли, чтобы удобнѣе дѣлать добычу. Какъ безпощадно разграбляемы были имущества христіанъ константинопольскихъ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что въ лагерѣ Турокъ, куда они свозили награбленную добычу, драгоценныя камни продавались за самую дешевую цѣну. Единственнымъ для христіанъ средствомъ спасенія отъ грабежа и насилія было припятіе магометанства, и многіе изъ вельможъ и народа, не снося страданій, отреклись отъ христіанства. Другіе изъ христіанъ, видя повсюдное истребленіе и оскверненіе всего христіанскаго и опасаясь измѣнить вѣрѣ Христовой, оставляли городъ съ послѣднимъ своимъ достояніемъ и, по примѣру первенствующихъ христіанъ, искали убѣжища въ горахъ и лѣсахъ.

§ 2.

Общій взглядъ на отношеніе Турокъ къ Церкви.

Со времени паденія Константинополя подъ власть Турокъ, для православной Церкви на всемъ Востокѣ настали времена бѣдствій и страданій; она лишилась внѣшней свободы, какою пользовалась при христіанскихъ императорахъ. Вмѣстительство турецкихъ султановъ въ чуждыя для нихъ дѣла Церкви и вслѣдствіе этого волненія и неурядиства въ церковной іерархіи, страданія пастырей и народа отъ чрезмѣрнаго угнетенія со стороны Турокъ, усилія къ обращенію христіанъ въ магометанство и нерѣдко жестокія гоненія на нихъ, — вотъ что вообще представляетъ внѣшняя исторія Церкви восточной въ разсматриваемое время. Непріязненные отношенія турокъ къ христіанамъ были неизбѣжны потому, что религіозно - нравственные начала, лежація въ основаніи всей политической и семейной жизни Турокъ, совершенно отличны отъ началъ, которыми руководятся христіане въ своей жизни. Христіанская религія требуетъ всеобщей любви и уваженія правъ ближняго, кто бы онъ ни былъ. Она заповѣдуетъ даже любовь ко врагамъ. Напротивъ Коранъ требуетъ—непрерывно вести войну со всѣми, которые не вѣруютъ въ Аллаха и его пророка,—вести войну до тѣхъ поръ, пока не покорятся противники, пока не станутъ платить дани и не примутъ магометанской религіи. «Вѣрующіе, говоритъ законъ Магомета, не сближайтесь съ христіанами и Евреями, не живите съ ними въ однихъ домахъ; когда вы встрѣтите невѣрныхъ, рубите ихъ и дѣлайте возможно болѣе имъ зла» и т. д. На этомъ основаніи Турки никогда не могли сдѣлаться мирными сожителями христіанъ. Силою принудить христіанъ къ отступленію отъ Христа и къ принятію магометанской вѣры, Туркамъ большею частію не удавалось. Повтому волей - неволей Туркамъ приходилось довольствоваться однимъ гражданскимъ подчиненіемъ христіанъ ихъ власти. Но въ этомъ случаѣ Турки всегда смотрѣли на христіанъ не какъ на

равноправныхъ себѣ соотечественниковъ, а какъ на такихъ людей, которыми они, какъ побѣдители, могутъ распоряжаться какъ имъ угодно. По понятіямъ Турокъ, побѣжденный христіанинъ во всемъ ихъ рабъ. Только по волѣ ихъ онъ можетъ исповѣдывать свою религію, строить храмы, проходить извѣстную должность въ государствѣ, располагать своею собственностью и т. п. Вотъ начала, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ печальныя явленія въ жизни восточныхъ христіанъ подъ турецкимъ владычествомъ.

Благосклонность къ христіанамъ Магомета II.

Впрочемъ иго турецкаго господства не вдругъ обрушилось на христіанскую Церковь всюю тяжестью: первый турецкій султанъ по паденіи Константинополя, по своимъ политическимъ расчетамъ, покровительствовалъ восточнымъ христіанамъ въ продолженіи всего своего царствованія. Черезъ три дня по взятіи Константинополя Магометъ II издалъ указъ, которымъ приглашалъ скрывшихся или разбѣжавшихся жителей возвратиться въ свои дома, обѣщая имъ безопасность и свободу и предоставляя право жить по своей вѣрѣ и обычаямъ. Христіане, уцѣлѣвшіе отъ истребленія, съ покорностію явились къ побѣдителю, всецѣло предавая себя во власть его. Магометъ II обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Гдѣ вашъ патріархъ, отъ чего онъ не явился ко мнѣ на поклонъ»? Когда же ему донесли, что патріаршій престолъ находится празднымъ, онъ велѣлъ приступить къ избранію царградскаго патріарха, присвоивъ мусульманскимъ султанамъ право утвержденія вселенскаго владыки. На соборѣ, немедленно составившемся изъ архіереевъ сосѣднихъ съ Константинополемъ епархій, константинопольскаго клира и знатнѣйшихъ мірянъ, избранъ былъ на патріаршій престолъ благочестивый и ученѣйшій инокъ Геннадій Схоларій, котораго, по прежнему обычаю, посвятилъ ираклійскій митрополитъ. Новопосвященный патріархъ, въ сопровожденіи епископовъ, клира и знатнѣйшихъ мірянъ, представился

султану. Послѣдній принялъ его благосклонно, далъ ему въ подарокъ, по обычаю греческихъ императоровъ, мантию, сребропозолоченный пастырскій жезлъ, бѣлаго коня, богато украшеннаго, для почетнаго объѣзда города, и тысячу червонцевъ; наконецъ султанъ далъ патріарху *фирманъ* или *бератъ*, т.-е. грамоту, предоставлявшую патріарху всѣ права и преимущества, какими онъ пользовался при греческихъ императорахъ. Главнѣйшія изъ этихъ правъ и преимуществъ слѣдующія: 1) никто никакимъ образомъ не долженъ возбранять патріарху распоряжаться и издавать повелѣнія по дѣламъ, относящимся къ вѣрѣ; 2) патріархъ и епископы свободны отъ платы податей; 3) храмы христіанъ пользуются безопасностію и ни подъ какимъ видомъ не должны быть обращаемы въ мечети; 4) браки, погребенія и прочіе христіанскіе обряды совершаются свободно; 5) пасху, равно и прочіе свои праздники, христіане совершаютъ со всякою свободою и съ приличною торжественностію, для чего и ворота Фанара (греческаго квартала въ Константинополѣ) будутъ отперты въ теченіе трехъ ночей.—Утвержденный такимъ образомъ въ званіи патріарха, Геннадій отправился изъ султанскаго двора со всѣмъ видимымъ величіемъ, въ сопровожденіи великихъ сановниковъ имперіи. Патріархіей, вмѣсто св. Софіи, назначенъ былъ храмъ св. Апостоловъ. Скоро впрочемъ патріархъ Геннадій оставилъ этотъ храмъ, потому что онъ стоялъ на пустомъ, отдаленномъ отъ квартала христіанскаго и не безопасномъ мѣстѣ, и съ дозволенія султана устроилъ патріархію при храмѣ *Всѣблаженной* (*Παμμνηχριστου*); на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ преобладало христіанское населеніе.

Такое благосклонное отношеніе Магомета II къ христіанамъ и христіанской Церкви объясняется его политическими соображеніями и расчетами. Побѣдивъ Грековъ и завоевавъ Константинополь, онъ видѣлъ съ одной стороны необходимость обезопасить себя отъ враговъ, которыхъ онъ, какъ похититель чужаго престола, долженъ былъ

встрѣтить въ христіанахъ; эти послѣдніе, превышая на первыхъ порахъ Турокъ своею численностью, могли произвести народное возстаніе и низпровергнуть господство мусульманъ. Магометъ II опасался также, чтобы покоренные имъ христіане не вступили въ союзъ съ христіанскимъ Западомъ. Съ другой стороны, ему нужно было возобновить и самый городъ Константинополь, который онъ сдѣлалъ своею столицею и который много пострадалъ отъ продолжительной осады и трехдневнаго разграбленія. Въ такихъ обстоятельствахъ Магометъ II естественно долженъ былъ прежде всего пріобрѣсть себѣ расположенность христіанъ благосклоннымъ обращеніемъ съ ними, чтобы утвердить свой престолъ въ христіанской столицѣ на прочномъ основаніи. Такъ онъ и поступилъ. Зная, что Греки особенно дорожили неприкосновенностью своей вѣры и самостоятельностью своей Церкви, онъ предоставилъ имъ полную свободу въ дѣлахъ вѣры и совѣсти и призналъ самостоятельность ихъ Церкви. Понятно, что по мѣрѣ достиженія цѣлей, съ какими Магометъ II оказывалъ покровительство христіанской Церкви, это покровительство должно было слабѣть и наконецъ раньше или позже должно было смѣниться насиліемъ. Такъ дѣйствительно и было, какъ это видно изъ послѣдующей исторіи христіанской Церкви.

Завоеваніе Магометомъ II, послѣ покоренія Константинополя, другихъ греческихъ и славянскихъ областей; жестокость къ поработленнымъ.

Утвердивъ свою власть въ Константинополѣ, Магометъ II началъ предпринимать походы для завоеванія другихъ областей—греческихъ и славянскихъ. Однѣ изъ этихъ областей давно уже находились въ зависимости отъ него, удерживая впрочемъ собственныхъ владѣтелей (Трапезунтское царство, Сербія, Молдавія); другія оставались еще самостоятельными (Шелопонезскія государства, Албапія, Боснія, Герцоговина и др.). Во время блистательныхъ воинскихъ походовъ, продолжавшихся во все царствованіе Магомета II, почти всѣ

государства и области, входившія въ составъ бывшей византійской имперіи, а также славянскія области на Балканскомъ полуостровѣ были покорены Турками окончательно. Въ 1459 г. покорена Сербія; пелопонезскія государства, находившіяся во владѣніи двухъ братьевъ послѣдняго греческаго императора, Димитрія и Ѳомы, завоеваны Магометомъ II въ 1460 г. Трапезунтское царство пало подъ власть Турокъ въ 1461 г.; чрезъ два года послѣ того покорена Боснія. Въ 1467 г. признали власть Магомета II и храбрые албанцы, по смерти своего героя Георгія Кастріота или Скандерберга, не могли противостоять напору Турокъ. Оставались двѣ области на Балканскомъ полуостровѣ, которыя не были покорены Магометомъ II, — Герцеговина и Черногорія. Герцеговина покорена Турками въ 1483 г., при Баязетѣ II, а Черногорія осталась независимою страной.

Военные походы Турокъ при Магометѣ II сопровождались невыразимыми бѣдствіями для жителей тѣхъ областей, которыя попадали подъ ихъ власть. Золото, серебро, драгоценныя камни и все, что только имѣло какуюнибудь цѣнность въ глазахъ варваровъ, дѣлалось ихъ добычею; а что не могло насытить ихъ корысти, то предаваемо было разрушенію и пламени,—дома, св. храмы, монастыри, не рѣдко и цѣлыя города превращались въ развалины и пепель. Жителей цѣлыми тысячами уводили въ плѣнъ; богатыми населяли Константинополь и его окрестности; бѣдные употреблялись на тяжелыя работы, а большая часть обращена была въ рабство Туркамъ. Особенно бѣдственна была участь тѣхъ областей и городовъ, которые покорены были Турками послѣ сопротивленія, даже малѣйшаго, со стороны жителей. Въ этомъ случаѣ Магометъ II позволялъ себѣ и своимъ воинамъ въ отношеніи къ побѣжденнымъ всю жестокость, какая свойственна народамъ дикимъ и грубымъ. Правители, начальники и всѣ способные носить оружіе были предаваемы мучительной смерти. Такъ казнены были правители Евбеи, Лесбоса,

Спарты и др. Жителей принуждали къ перемѣнѣ вѣры и принятію магометанства и только подѣ этимъ условіемъ дозволяли имъ оставаться въ предѣлахъ родной страны; въ противномъ же случаѣ ихъ подвергали мученіямъ и даже смерти, или переселяли на жительство въ другія мѣста, или обращали въ рабство. Вся Европа, по словамъ одного историка, съ ужасомъ взидала на воинскіи религіозный фанатизмъ Турокъ и съ трепетомъ ожидала себѣ участи, постигшей Византійскую имперію.

§ 3.

Отношеніе турецкаго правительства къ Церкви при преемникахъ Магомета II.

Со смертію Магомета II для православной восточной Церкви настали времена еще болѣе бѣдственныя. Турецкая имперія при преемникахъ Магомета II достигла высшей степени могущества и была грозна и страшна для европейскихъ государствъ. Султаны, слѣдовавшіе за Магометомъ, не считали нужнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ христіанской Церкви руководствоваться его государственными соображеніями, такъ какъ они сознавали, что существованіе турецкой имперіи въ Европѣ упрочено и что Греки и Славяне покорены окончательно и не имѣютъ ни силъ, ни средствъ свергнуть наложенное на нихъ иго. Въ ихъ отношеніяхъ къ восточнымъ христіанамъ мы ничего другаго не замѣчаемъ, кромѣ воинскаго и религіознаго фанатизма, жестокости, ненасытимаго корыстолюбія и своеволія, выходящаго изъ предѣловъ.

Преемникомъ Магомета II былъ сынъ его Баязеть II (1481—1512 г.). Этотъ султанъ, при всемъ его кроткомъ и миролюбивомъ отъ природы характерѣ, извѣстенъ въ памяти греческихъ христіанъ подѣ именемъ *христонни-вистника* и *врага христіанъ*; своеволіе его въ отношеніи къ христіанамъ и ненависть его къ нимъ обнаруживались почти въ каждомъ его поступкѣ. Такъ по смерти патріарха Симеона трапезунтскаго (1489 г.), бывшаго на покоѣ,

Баязеть рѣшилъ овладѣть его имуществомъ. Напрасно тогдашній патріархъ Нифонтъ доказывалъ, что у Симеона есть наслѣдникъ, напрасно представлялъ и свидѣтелей,— онъ былъ обвиненъ, низложенъ и изгнанъ, а у трехъ свидѣтелей отрѣзаны носы; имущество же Симеона конфисковано въ султанскую казну, причѣмъ похищены и проданы и богатоукрашенные книги Евангелія, серебряныя кадильницы, иконы и т. п. Патріарха Іоакима Баязеть отправилъ въ заточеніе за возстановленіе храмовъ Божіихъ. Онъ низвергалъ и другихъ патріарховъ съ цѣлью возвысить *пескезіи* (взятку) съ патріаршаго престола.

Слѣдующій султанъ *Селимъ I* (1512—1520 г.) былъ одинъ изъ кровожаднѣйшихъ султановъ. Онъ истребилъ всѣхъ своихъ братьевъ и родственниковъ, опасаясь съ ихъ стороны притязаній на свой престолъ; онъ приказалъ отравить даже своего отца, Баязета, несмотря на то, что тотъ отказался отъ престола въ его пользу. Селимъ былъ грозою и ужасомъ и для своихъ подданныхъ—христіанъ. Онъ страшно ненавидѣлъ ихъ, отнималъ у нихъ храмы и обращалъ въ мечети, истреблялъ священныя книги, запрещалъ совершать богослуженіе, принуждалъ принимать магометанство, а отказывавшихся предавалъ пыткамъ и смерти. При завоеваніи Сиріи Селимъ I овладѣлъ и священными для всего христіанства мѣстами въ Палестинѣ. Посѣтивъ Іерусалимъ, онъ ласково принялъ іерусалимскаго патріарха Дороея и подтвердилъ особымъ указомъ, чтобы всѣ церкви и монастыри находились въ его вѣдѣніи, чтобы православный іерусалимскій патріархъ имѣлъ первенство предъ представителями другихъ вѣроисповѣданій и чтобы все духовенство было свободно отъ *хараджа* (поголовной подати). Но эта благосклонность Селима I къ православному іерусалимскому патріарху проистекала изъ его политическихъ расчетовъ. Завоевавъ Сирію, онъ старался привлечь къ себѣ покоренное населеніе обѣщаніями.

Послѣ Селима I на престолъ вступилъ *Солиманъ II* (1520—1566 г.), султанъ весьма дѣятельный, называемый

у Турокъ великимъ и законодателемъ. Давъ клятву, при своемъ вступленіи на престоль, губить *яуровъ* (христіанъ), онъ особенно много вреда причинилъ христіанской Церкви. Не ограничиваясь преслѣдованіями христіанъ въ частныхъ случаяхъ, онъ предпринималъ противъ нихъ нѣсколько общихъ мѣръ. Такъ въ 1536 г. турецкіе законовѣды и ученые (улемы) внушили Солиману обнародовать и привести въ дѣйствіе изданный будто бы Магометомъ II законъ, въ силу котораго не должно быть христіанскихъ храмовъ въ тѣхъ городахъ, которые покорены магометанами силою, а не были сданы на какихъ-либо условіяхъ. Улемы рассчитывали, что христіане не докажутъ своихъ правъ на свободу вѣроисповѣданія, такъ какъ во время бывшаго предъ тѣмъ пожара въ патриархіи сгорѣлъ фирманъ, данный Магометомъ II патриарху Геннадію относительно Церкви. Такимъ образомъ страшная опасность угрожала христіанскимъ храмамъ во всей имперіи, потому что много было городовъ, ваятыхъ Турками послѣ упорнаго сопротивленія со стороны христіанъ. Только слезныя мольбы и богатые подарки турецкимъ властямъ и особенно великому визирю Ибрагиму отвратили угрожавшую христіанамъ опасность. Визирь присовѣтовалъ патриарху представить свидѣтелей, которые доказали бы, что Византія взята не силою. Найдены были въ Адрианополѣ три престарѣлыхъ Турка, участвовавшіе во взятіи Константинополя, которые за большую сумму золота засвидѣтельствовали предъ диваномъ, что городъ сданъ былъ Магомету II на условіяхъ. Страшный законъ былъ приостановленъ. Но Солиманъ, вѣроятно, по настоянію тѣхъ же улемовъ, вслѣлъ все-таки снять крестъ съ храма Всеблаженной, который далеко виденъ былъ на сушѣ и морѣ и служилъ для христіанъ указаніемъ патриархіи. Въ 1562 г. Солиманъ, желая обезсилить христіанъ и ихъ духовенство, предпринялъ для этого слѣдующую мѣру: онъ приказалъ отнять въ казну всѣ имѣнія, принадлежавшія монастырямъ, церквамъ и епископіямъ во всей имперіи и продать ихъ

временно, т.-е. подъ такимъ условіемъ, чтобы правитель-ство имѣло право чрезъ три поколѣнія перепродать ихъ вновь. Такъ какъ церкви, монастыри и епископіи имѣли право покупать у казны ихъ же собственныя имѣнія, то, естественно, они пожелали удержать ихъ за собою, и потому принуждены были платить правительству большія суммы денегъ. Вслѣдствіе этого церкви впади въ страшную бѣдность и неоплатные долги. Съ тою же цѣлію стѣснить христіанъ и имѣть новый источникъ дохода, Солиманъ приказалъ запереть ворота храма Воскресенія въ Іерусалимѣ и отпирать только за установленную плату въ пользу казны.

Преемникъ Солимана *Селимъ II* (1566—1574 г.), называвшій себя истребителемъ вѣры христіанъ, относился къ послѣднимъ такъ же жестоко, какъ и его предшественники. Въ 1569 г. онъ издалъ эдиктъ по всей своей имперіи, чтобы до третьяго рода его доходы всѣхъ христіанскихъ церквей и монастырей, находящихся въ его имперіи, были продаваемы и обращаемы въ казну дивана; потомъ послѣ третьяго рода снова были перепродаваемы. Христіане принуждены были отдавать послѣднія средства и даже продавать церковную утварь, чтобы внести выкупъ. Какъ долго дѣйствовалъ этотъ эдиктъ, неизвѣстно. Въ царствованіе Селима II, около 1570 г., іерусалимскій паша приказалъ избить многихъ православныхъ иноковъ лавры св. Саввы Освященнаго, потому что ихъ было тамъ много, а это представляло, по мнѣнію паши, опасность. Селимъ, узнавши объ этомъ, одобрилъ распоряженіе своего чиновника.

Еще болѣе насилія потерпѣла православная Церковь отъ *Мурада III* (1575 — 1595 г.). Начало царствованія Мурада обѣщало христіанамъ возможную въ мусульманскомъ государствѣ тишину и безопасность. Онъ выдалъ патріарху Іереміи II, явившемуся къ нему съ пескизіемъ, новый фирманъ, предоставлявшій патріарху право по закону своей вѣры судить митрополитовъ, архіепископовъ,

епископовъ, священниковъ и всѣхъ Грековъ, также имѣть власть надъ всѣми церквами и монастырями, и грозилъ даже тяжкимъ наказаніемъ всякому, кто сталъ бы противиться этому фирману. Пользуясь расположеніемъ Мурада, патріархъ Іеремія на пожертвованія христіанъ украсилъ храмъ Всеблаженной, при которомъ находилась патріархія, съ такимъ великолѣпіемъ, что современники называли его вторымъ небомъ. Но не долго православнымъ суждено было наслаждаться красотой дома Божія. Въ 1584 г. одинъ Грекъ, отступникъ отъ вѣры, донесъ Мураду, что храмъ Всеблаженной владѣеть несмѣтными сокровищами. Въ то же время фанатики изъ Турокъ представили ему, что въ Константинополѣ, съ увеличеніемъ магометанскаго населенія, ощущается недостатокъ въ мечетяхъ. Мурадъ, побуждаемый корыстолюбіемъ и фанатизмомъ, издалъ эдиктъ, которымъ предписывалось отнять у христіанъ всѣ храмы въ Константинополѣ и обратить ихъ въ мечети или монастыри дервишей. Когда христіане стали умолять его объ отмѣнѣннн этого рѣшенія, ссылаясь на старые бераты, онъ отвѣчалъ имъ, что бераты даны, когда въ Константинополѣ было мало магометанъ; но теперь, когда число ихъ значительно увеличилось, требуется, чтобы часть храмовъ отъ христіанъ перешла къ нимъ. И дѣйствительно, храмъ Всеблаженной и еще одна церковь были отняты у христіанъ, ограблены и обращены въ мечети. Та же участь, вѣроятно, постигла бы и другіе храмы, еслибы христіане не откупились золотомъ и еслибы за нихъ не вступились иностранные посланники. Патріархъ Іеремія, возвратившійся въ Константинополь изъ заточенія, при видѣ храма Всеблаженной, ограбленнаго и уже передѣлываемаго въ мечеть, плакалъ, какъ соименный ему пророкъ при видѣ разореннаго язычниками храма Іерусалимскаго. Теперь патріархія перенесена была сначала на короткое время къ храму св. Димитрія, а потомъ къ храму св. Георгія въ *Фанаръ*, гдѣ она остается и до настоящаго времени.

Сынъ и преемникъ Мурада—Магометъ III (1595—1603 г.) былъ человѣкъ корыстолюбивый и необыкновенно жестокой. По его приказанію, девятнадцать его родныхъ братьевъ были удушены предъ его глазами, а беременныя жены его отца—Мурада, брошены въ море. Естественно, что православная Церковь не могла ожидать отъ такого султана ничего, кромѣ бѣдствій и страданій.

Преемники Магомета II, ограничивая или совсѣмъ отнимая права и преимущества, предоставленныя Церкви Магометомъ II, въ то же время отягощали христіанъ, своихъ подданныхъ, чрезмѣрными податями и налогами. Христіане составляли въ турецкомъ государствѣ какъ бы особый отдѣлъ, принадлежащій къ нему; они не были членами государства въ собственномъ смыслѣ; они были для него не болѣе какъ *райя*, т.-е. стадо, обязанное кормить своихъ побѣдителей и служить всѣмъ ихъ прихотямъ; ибо, покоривъ христіанъ силою оружія, мусульмане даровали имъ право существованія въ своемъ государствѣ подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы властвовать надъ ними по безчеловѣчному закону своей вѣры. При такомъ отношеніи турецкаго правительства къ христіанамъ, и честь, и собственность и самая жизнь послѣднихъ вполнѣ зависѣли отъ перваго.

Первое и всегдашнее бѣдствіе, какое терпѣлъ православный народъ подъ турецкимъ игомъ, составлялъ *хараджъ*, т.-е. подать, которую христіане платили за право существованія въ магометанскомъ государствѣ, съ исповѣданіемъ христіанской вѣры. Платить ее должны были всѣ лица мужескаго пола съ 12-лѣтняго возраста. При Магометѣ II эта подать была весьма умѣренная; но при его преемникахъ она постоянно возрастала. Турки сами не платили податей или платили весьма умѣренныя; поэтому вся тяжесть государственныхъ расходовъ ложилась на христіанъ. Гнетъ отъ податей увеличивался еще отъ способа ихъ взиманія. Турецкое правительство не само собирало подати съ христіанъ, а отдавало ихъ на откупъ.

Откупщики, по большей части Евреи, старались, вмѣстѣ съ пашами, всѣми способами не только выбрать уплаченную правительству сумму, но и приобрести барыши. Слѣдствіемъ этого были страшныя вымогательства и притѣсненія христіанъ.—Къ хараджу, главной поголовной подати, присоединялось весьма много другихъ податей и налоговъ второстепенныхъ, каковы: на содержаніе султана и войска въ военное время, на содержаніе флота, сералей султана, визирей и другихъ турецкихъ вельможь и пр. Только подѣ условіемъ точнаго платежа всѣхъ податей и налоговъ христіанинъ могъ болѣе или менѣе свободно исповѣдывать свою вѣру и владѣть имуществомъ; въ противномъ случаѣ его ожидало лишеніе собственности и разнаго рода пытки и истязанія.

Но самая тяжелая подать для христіанъ была подать «душъ», т.-е. отнятіе у христіанъ дѣтей для воспитанія ихъ въ исламѣ и обращенія на разныя государственныя службы. Подать душъ получила свое начало еще до взятія Константинополя Турками. Султанъ Урханъ, занимаясь преобразованіемъ и устройствомъ турецкаго войска, образовалъ новыя войска — янычаръ и употребилъ для этого плѣнныхъ христіанскихъ дѣтей, воспитавши ихъ въ военномъ искусствѣ и обративши въ исламъ. Преемники Урхана обращались къ тому же средству для пополненія рядовъ янычаръ, насильно отнимая дѣтей у покоренныхъ христіанъ. Магометъ II, чтобы облагородить подать *душъ*, возвысить ея силу и значеніе, воспользовался существовавшимъ нѣкогда у греческихъ императоровъ правомъ—избирать изъ каждаго города Греціи дѣтей съ особенными дарованіями для воспитанія ихъ въ Константинополѣ и приготовленія къ разнымъ должностямъ, — присвоилъ это право себѣ и распространилъ эту повинность на всѣ города и области имперіи. Онъ оградилъ этотъ обычай закономъ и въ точности опредѣлилъ его приложение къ дѣлу. Черезъ каждые четыре года турецкіе сотники должны были являться въ города и села,

и брать съ десяти христіанскихъ домовъ по одному мальчику (отъ того эта подать называлась еще *десятиною дѣтей*) семи лѣтъ и ниже нѣсколько. Собранныя такимъ образомъ дѣти должны были воспитываться въ Константинополь, Перѣ и Адрианополь, и притомъ въ духѣ магометанской вѣры. При преемникахъ Магомета II подать душъ производилась самымъ варварскимъ образомъ. Порядка, установленнаго Магометомъ II при отбываніи этой повинности христіанами, не существовало болѣе. Сборъ христіанскихъ дѣтей производился уже не чрезъ четыре года, а чрезъ три, два, даже чрезъ одинъ годъ, и вообще тогда, когда была нужда въ этомъ; собиралось неопредѣленное количество дѣтей съ извѣстнаго населенія; турецкіе сотники часто отнимали у христіанскихъ семействъ всѣхъ дѣтей, если они были здоровы и красивы; при этомъ возрастъ дѣтей не принимался въ расчетъ,—брали не только отъ шести до семи лѣтъ, но и отъ семи до пятнадцати. Христіанскія дѣти, воспитанныя въ магометанской вѣрѣ, отличались дерзостію и жестокостію въ отношеніи къ христіанамъ, преслѣдовали ихъ насмѣшками, причиняли побои и проклинали ихъ, проклинали и самую христіанскую вѣру *).

Въ XVII и XVIII в. положеніе Церкви въ турецкой имперіи нисколько не улучшилась. Отягощеніе и изнуреніе христіанъ чрезмѣрными податями и налогами, насильственные мѣры къ обращенію ихъ въ магометанство, отнятіе и разрушеніе храмовъ и монастырей, страданія христіанъ отъ корыстолюбія и своеволія Турокъ—вотъ исторія виѣшняго состоянія восточной Церкви въ XVII и XVIII в. Положеніе самаго патриаршаго константинопольскаго престола было весьма шатко. Патриархи весьма часто были смѣняемы, а иные умерщвляемы по произволу султановъ. Такъ въ XVII в. патриархъ

---

*) Въ XVII столѣтіи подать душъ прекратилась главнымъ образомъ потому, что Турки стали завидовать участи, ожидавшей христіанскихъ дѣтей на султанской службѣ.

Кирилль Лукарисъ нѣсколько разъ былъ ссылаемъ въ заточеніе и наконецъ задушенъ (1638 г.); патриархъ Кирилль Контарисъ также задушенъ (1639 г.); патриархъ Пароеній III-й былъ удушенъ (1657 года). Въ XVII в. турецкое правительство сдѣлало унижительнымъ и самый способъ утвержденія константинопольскихъ патриарховъ въ ихъ достоинствѣ. Прежде вновь избранный патріархъ лично представлялся султану и отъ него принималъ знаки утвержденія въ своемъ достоинствѣ. Но въ 1657 г. (послѣ умерщвленія патриарха Пароенія III) патриархамъ запрещено было лично представляться султану; такая честь казалась неприличною для невѣрныхъ. Утвержденіе патриарховъ предоставлено было теперь великому визирю, и этотъ порядокъ существовалъ до позднѣйшихъ временъ. Гражданскія права христіанъ въ XVII и XVIII в. были до такой степени стѣснены и ограничены, что сравнительно съ турецкимъ населеніемъ, населеніе христіанское было совершенно безправнымъ. Такъ христіанамъ запрещено было занимать должности военныя и гражданскія; христіанскіе подданные въ магометанскомъ государствѣ не имѣютъ права носить оружіе и потому, естественно, не могутъ служить и въ арміи. Исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано было только для жителей острововъ Архипелага, которые, какъ искусные мореплаватели, были допускаемы на службу во флотъ; но и здѣсь имъ не давали важныхъ должностей. Съ половины XVII в. Греки стали занимать должность *драгомановъ* (главныхъ переводчиковъ), одну изъ первыхъ и важнѣйшихъ должностей въ турецкомъ государствѣ; но къ занятію этой должности допускались одни только *фанариоты* (Греки знатнѣйшихъ фамилій, поселившихся послѣ паденія Константинополя въ *Фанартъ*). Вообще же христіане не были допускаемы къ занятію государственныхъ должностей. Между тѣмъ вся тяжесть государственныхъ податей и повинностей лежала на христіанскомъ населеніи, такъ какъ Турки или совсѣмъ не платили податей, или платили весьма умѣренныя. Особенно сильнымъ стѣсненіемъ

для христіанъ въ гражданскомъ отношеніи было то, что ихъ свидѣтельство противъ магометанъ не было принимаемо на судѣ. Спорныя дѣла между христіанами рѣшались обыкновенно ихъ духовными лицами; но если возпикали неудовольствія и споры между христіаниномъ и мусульманиномъ, то въ такомъ случаѣ они разбирались турецкимъ судьей—*кадіемъ*. На судѣ у кадія свидѣтельство одного христіанина или нѣсколькихъ противъ мусульманина не принималось въ уваженіе. Такимъ образомъ, понятно, что право свидѣтельства, предоставленное однимъ мусульманамъ, предавало въ ихъ руки честь, свободу, имущество и жизнь христіанъ; потому что при религіозной ненависти и злобѣ мусульманъ къ христіанамъ они всегда могли находить свидѣтелей, готовыхъ иодтвердить клятвою всякую жалобу, всякій несправедливый искъ. Стѣснительные и унижительные для христіанъ законы въ Турціи простирались на всѣ даже мелочныя условія ихъ общественнаго положенія. Такъ христіанинъ долженъ выплачивать сборщику подать стоя, а мусульманскій сборщикъ сидитъ и осыпаетъ его бранью и побоями. Онъ не долженъ имѣть при себѣ оружія, ни во время ѣзды верхомъ, ни при занятіи какою-либо работой. Онъ не имѣетъ права носить чалму, пышныя платья, обязанъ уступать мусульманамъ дорогу, отличаться отъ нихъ какъ одеждою, такъ и животными и сѣдлами, употребляемыми для верховой ѣзды. Дома христіанъ не могутъ быть выше домовъ мусульманъ. Женщины христіанскія должны отличаться отъ мусульманокъ, которымъ онѣ вездѣ уступаютъ дорогу.

При всеобщемъ страданіи христіанъ подѣ турецкимъ владычествомъ особенно бѣдственно было состояніе рабовъ. При завоеваніи христіанскихъ городовъ Турки захватывали въ плѣнъ ихъ жителей, которые и дѣлались такимъ образомъ ихъ рабами. Но и въ мирное время бывали такіе случаи, когда Турки, особенно турецкіе паши, пользуясь безправностью христіанъ, безнаказанно лиша-

ли ихъ свободы и дѣлали своими рабами. Обращеніе Турокъ съ рабами-христіанами было самое варварское. Турки прежде всего старались расположить рабовъ къ перемѣнѣ вѣры и достигали этого насиліемъ и жестокостями. Не рѣдко рабы достигшіе старости были выгоняемы изъ домовъ своими господами и, не имѣя пристанища, умирали съ голода на улицѣ. Религіозная нетерпимость Турокъ была причиною того, что свобода исповѣданія вѣры для христіанъ вообще страшно была стѣснена. Хотя Магометъ II оградилъ положительнымъ закономъ неприкосновенность христіанской вѣры, однакожь этотъ законъ не былъ и не могъ быть исполняемъ уже по тому одному, что Туркамъ дано религіозное предписаніе воевать со всѣми иновѣрцами до тѣхъ поръ, пока они не примутъ ихъ вѣры. Самъ Магометъ II, обѣщавшій вѣротерпимость въ отношеніи къ покореннымъ Грекамъ, въ то же время дозволилъ улемамъ обращать ихъ въ исламъ, при завоеваніи разныхъ областей Византійской имперіи. При преемникахъ его Турки обнаружили особенную ревность къ распространенію магометанства между христіанами. Средства къ этому были разнообразны. Тяжелая неволя, въ какой находились христіане, сама по себѣ служила уже для Турокъ сильнымъ средствомъ къ обращенію ихъ въ магометанство. Тяжелыя правительственныя подати и повинности, лежавшія на христіанскомъ населеніи, совершенная безправность христіанъ въ турецкихъ судахъ, гдѣ не принимались свидѣтельства ихъ противъ магометанъ, вслѣдствіе этого постоянный страхъ за жизнь, честь, свободу и имущество,—все это было средствомъ къ уничтоженію вѣры христіанской, косвеннымъ принужденіемъ христіанъ къ принятію ислама. Но еще болѣе сильнымъ средствомъ къ обращенію христіанъ въ магометанство въ Турціи служили два закона: одинъ, освобождавшій христіанина отъ всякаго наказанія, даже отъ смертнаго приговора, если онъ изъявлялъ желаніе принять магометанство; другой, опредѣлявшій

смертную казнь всякому отступнику отъ магометанства или только хулителю его. Первымъ закономъ Турки пользовались такимъ образомъ: обвиняли христіанина въ дѣйствительномъ или мнимомъ преступленіи, назначали наказаніе и за тѣмъ предлагали ему принять магометанство, чтобы освободиться отъ наказанія. Пользуясь вторымъ закономъ, Турки обыкновенно прибѣгали къ клеветѣ,— обвиняли христіанина, котораго хотѣли обратить въ исламъ, въ томъ, что онъ обѣщался принять или уже и принялъ магометанскую вѣру, а потомъ опять отрекается или отрекся отъ нея. Въ этомъ случаѣ христіанинъ долженъ былъ или дѣйствительно принять исламъ, или подвергнуться смертной казни. И дѣйствительно, многіе христіане, слабые въ вѣрѣ, въ такихъ случаяхъ отрекались отъ Христа ради временныхъ выгодъ и принимали зловѣріе побѣдителей.

§ 4.

Мученики въ греческой Церкви послѣ паденія Византійской имперіи.

Страждущая подъ игомъ турецкимъ православная Церковь никогда не имѣла недостатка и въ такихъ мужахъ, которые, при встрѣчѣ съ затруднительными обстоятельствами, скорѣе соглашались жертвовать своею жизнію, нежели измѣнить долгу христіанскому. Въ страданіяхъ и мужествѣ этихъ подвижниковъ вѣры возобновлялись для Церкви славные подвиги исповѣдниковъ вѣры въ первые вѣка Христіанства. Вотъ нѣсколько примѣровъ мученичества, изъ которыхъ видно, какія средства употребляли Турки къ обращенію христіанъ въ мусульманство и по какимъ побужденіямъ подвергали мученіямъ смертной казни тѣхъ или другихъ исповѣдниковъ Христовыхъ *).

---

*) Свѣдѣнія о новыхъ мученикахъ греческой Церкви собраны и изданы въ свѣтъ въ 1799 г. святогорскій инокъ Никодимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это собраніе не объемлетъ сказаній о всѣхъ муче-

Самымъ обыкновеннымъ предлогомъ къ гоненію была, какъ мы сказали, клевета, что такой-то христіанинъ обѣщался принять или уже и принялъ магометанство, а теперь отрекается или отрекся отъ него. Такой христіанинъ, по закону магометанскому, долженъ или дѣйствительно принять магометанство, или подвергнуться смертной казни. Такъ именно пострадалъ въ Константинополѣ, при Магометѣ II, юноша Андрей, родомъ изъ Хіуса. Однажды онъ прибылъ въ Константинополь. Здѣсь египетскіе купцы, съ которыми онъ прибылъ, донесли на него судѣ, будто, принявши магометанство, онъ снова исповѣдывалъ себя христіаниномъ. Судья старался ласками и обѣщаніями склонить Андрея къ отреченію отъ Христа; но исповѣдникъ отвѣчалъ, что для него одно счастье—умереть за Христа. Тогда отвели его въ темницу и въ продолженіи восьми дней подвергали безчеловѣчнымъ истязаніямъ; наконецъ онъ былъ усаженъ мечемъ.—Подобный же случай былъ въ Константинополѣ въ 1672 г. Одинъ 17-лѣтній христіанскій юноша, по имени *Николай*, по желанію своего отца, учился турецкой грамотѣ у одного Турка. Послѣдній, восхищаясь прекрасными способностями своего ученика, захотѣлъ обратить его въ магометанство. Съ этою цѣлью онъ написалъ магометанское исповѣданіе вѣры и, въ видѣ урока, заставилъ прочитать Николая. Бывшіе при этомъ Турки объявили Николаю, что онъ теперь магометанинъ, и, когда тотъ отказался сдѣлаться магометаниномъ, представили его кадію. Кадій съ своей стороны убѣждалъ его принять магометанство, обѣщалъ ему богатство, заключилъ въ тюрьму и приказалъ въ продолженіи 30 дней давать по 200 ударовъ утромъ и вечеромъ. Когда же Николай, подкрѣпляемый благодатію Божіею, только смѣялся надъ всѣми

никахъ восточной Церкви во времена турецкаго ига. Притомъ собраніе Никодимово ограничивается только предѣлами Константинопольскаго патріархата.

измышляемыми мучителемъ пытками, кадіи приказалъ отсѣчь ему голову.—Иногда мусульмане замучивали того или другаго христіанина и безъ всякаго посторонняго повода, — за то только, что христіанинъ, несмотря на всѣ обольщенія ихъ, оставался твердъ въ своей вѣрѣ. Въ царствованіе Селима I, въ 1514 г., пострадалъ такимъ образомъ великомученикъ *Георгій новій*, родомъ изъ болгарскаго города Средца. Мусульмане всячески старались склонить его къ своей вѣрѣ. Когда же св. исповѣдникъ отвергъ всѣ ихъ обольщенія, они представили его своему начальнику. Увидѣвъ благообразнаго юношу, паша ласкою склонялъ его покориться повелѣнію султана, обѣщая сдѣлать начальникомъ въ городѣ Средцѣ. Но Георгій ясно исповѣдалъ Господа своего предъ многочисленнымъ народомъ, а магометанскую вѣру обличилъ. Тогда паша, разгнѣвавшись, приказалъ жестоко мучить твердаго исповѣдника Христова. Его обнажили и начали сѣчь прутьями такъ жестоко, что отъ плоти его отрывались куски, которые летѣли къ верху вмѣстѣ съ прутьями, и кровь изъ ранъ текла ручьями. Потомъ тѣло страдальца отъ головы до ногъ глубоко рѣзали ножами и въ образовавшіяся раны влагали зажженные свѣчи. Послѣ того водили мученика для поруганія по городу съ барабаннымъ боемъ. Но св. мученикъ только молился Богу и не переставалъ учить заблудшихъ св. вѣрѣ. Наконецъ онъ брошенъ былъ въ огонь. Чтобы христіане не узнали мощей св. мученика и не взяли ихъ, мусульмане набросали въ огонь на тѣло его множество псовъ; но внезапно поднявшійся сильный дождь погасилъ пламя и такимъ образомъ сохранилъ св. останки отъ совершеннаго истребленія.—Столь же мужественно пострадали въ Константинополѣ 18 юношей хіосскихъ, взятыхъ въ плѣнъ Солиманомъ II. Никакія пытки и мученія не заставили ихъ отречься отъ христіанства. Объ одномъ изъ нихъ рассказываютъ, что, когда поражаемъ былъ жесточайшими ударами, палачи старались насиль-

но поднять вверх указательный его палецъ, какъ знакъ отреченія отъ Христовой вѣры и принятія мусульманства; юноша, чувствуя это, сгибалъ пальцы и прижималъ ихъ къ ладони такъ крѣпко, что мусульмане никакъ не могли достигнуть своей цѣли. Когда исповѣдникъ Христовъ былъ уже замученъ до смерти, мучители хотѣли было выпрямить указательный палецъ его хоть теперь; но сила Божія не допустила посрамить исповѣдника Христова и послѣ его кончины.

§ 5.

Внѣшнее состояніе греческой Церкви при Махмудѣ II (1808—1839 г.) и Абдуль-Меджидѣ (1839—1861 г.).

Подъ конецъ XVIII столѣтія, со времени войнъ съ Россіею при Екатеринѣ II, Турецкая имперія, наводившая нѣкогда страхъ на Европу, начала быстро склоняться къ паденію. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Турецкой имперіи господствовала анархія; верховное правительство не въ состояніи было обуздывать произволь областныхъ правителей или пашей; султаны, сознавая сами слабость своей имперіи, начали дѣлать попытки преобразованія въ управленіи и въ войскѣ, съ цѣлью поддержать падающее государство. Но этимъ попыткамъ ихъ всего болѣе противодѣйствовали янычары. Войско янычаръ уже давно потеряло свой первоначальный характеръ; бывшіе прежде опорой престола, янычары сдѣлались теперь страшными для самихъ султановъ: они возводили и низвергали ихъ съ престола по своему произволу. Султанъ Махмудъ II, мечтавшій о возрожденіи Турціи, рѣшилъ уничтожить это непокорное войско и привелъ въ исполненіе свое намѣреніе въ 1826 г. Въѣсто корпуса янычаръ султанъ организовалъ войско по образцу европейскому. Кромѣ того Махмудъ II произвелъ и нѣкоторыя другія реформы, или, по крайней мѣрѣ, положилъ имъ начало. Такъ онъ ограничилъ сильное вліяніе на государственныя дѣла великаго муфтія и улемовъ, назначилъ жалованье отъ казны чиновникамъ

(1858 г.), издалъ въ 1834 г. указъ объ измѣненіи способа взиманія податей; подати съ христіанъ, по этому указу, должны были взиматься смѣшанною комиссіею изъ Турокъ и знатныхъ Грековъ, и количество подати опредѣлено состояніемъ христіанъ. Но всѣ эти реформы не имѣли существеннаго вліянія на улучшеніе быта христіанскаго населенія Турціи; только послѣднее изъ указанныхъ постановленій Махмуда II нѣсколько облегчало участь христіанъ. Вообще же, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, христіане испытывали много бѣдствій. Кромѣ обычныхъ притѣсненій, обусловливавшихся безправнымъ положеніемъ христіанъ въ Турецкой имперіи, христіане въ правленіе Махмуда II нѣсколько разъ испытывали страшныя нападенія со стороны Турокъ, клонившіяся къ поголовному истребленію ихъ. Такъ въ 1821 г., въ началѣ греческаго возстанія, Турки произвели страшное избіеніе невинныхъ въ возстаніи константинопольскихъ Грековъ. То же было и во многихъ другихъ мѣстахъ Турецкой имперіи. Возстанія Сербовъ, равно какъ жителей Македоніи и Болгаріи, сопровождались также страшнымъ избіеніемъ христіанъ.

Преемникъ Махмуда II, *Абдуль Меджидъ* (1839—1861 г.) вступилъ на престолъ въ несчастное для Турціи время. Египетскій паша Мехмедъ-Али, находившійся въ вассальной зависимости отъ султана, пользуясь слабостью Турціи, разбилъ не задолго предъ тѣмъ турецкія войска, овладѣлъ турецкимъ флотомъ и угрожалъ Константинополю. Только вмѣшательство европейскихъ державъ спасло слабую Турцію отъ паденія. Россія, Англія, Австрія и Пруссія заставили силою оружія смириться непокорнаго вассала; впрочемъ Мехмедъ-Али приобрѣлъ право наследственной власти надъ Египтомъ съ обязанностію платить дань султану. Възамѣнъ этой помощи, которую оказали Турціи европейскія державы, Абдуль-Меджидъ, по требованію тѣхъ же державъ, рѣшился произвести реформы въ своей имперіи. При вступленіи своемъ на престолъ

онъ издалъ (21 октября 1839 г.) знаменитый государственный актъ, извѣстный подъ именемъ *юльханейскаго гатти-шерифа*, опредѣлявшій права христіанъ. Въ этой грамотѣ султанъ общалъ всѣмъ безъ различія своимъ подданнымъ, къ какой бы религіи или сектѣ они ни принадлежали: а) свободное исповѣданіе каждому своей религіи, б) полную безопасность жизни, чести и имущества, в) правильное распредѣленіе государственныхъ податей, имѣющихъ взиматься сообразно съ имуществомъ каждаго, и г) опредѣленіе рекрутскаго набора и срока военной службы. Въ 1843 г., по требованію англійскаго посланника Страффорда Канинга, Абдуль-Меджидъ объявилъ уничтоженнымъ страшный законъ, по которому христіанинъ, принявшій исламъ, подвергался смертной казни при возвращеніи его къ прежней вѣрѣ. Въ 1854 г. султанъ, по настоянію англійскаго правительства, предоставилъ своимъ христіанскимъ подданнымъ право давать свидѣтельства въ уголовныхъ дѣлахъ за и противъ мусульманъ, а въ 1855 г. отмѣнилъ позорную для христіанъ поголовную подать (хараджъ) и замѣнилъ ее привлеченіемъ христіанъ къ военной службѣ. 1856 г. 8 февраля, вскорѣ послѣ крымской войны, Абдуль-Меджидъ издалъ знаменитый *гатти-гумаюнъ* (собственноручный декретъ). Въ этомъ актѣ подтверждаются всѣ права, дарованныя христіанамъ въ прежнее время, и общаются нѣкоторыя новыя. Такъ христіане по этому государственному акту, будутъ управляться не духовенствомъ своимъ, какъ было прежде, а совѣтомъ, состоящимъ изъ духовныхъ лицъ и мірянъ каждой общины; духовенству будетъ назначено опредѣленное содержаніе отъ казны; каждой общинѣ будетъ дано право безпрепятственно отправлять обряды своей религіи, исправлять и возобновлять пришедшіе въ ветхость храмы, больницы и школы. Насильственное обращеніе кого-либо въ другую религію, даже позорныя для христіанъ названія—*яуръ*, *каويرъ*, даваемыя имъ мусульманами, строго запрещались въ этомъ гатти-гумаюнѣ; подданные всѣхъ испо-

вѣданій будутъ допускаемы въ государственныя учебныя заведенія, ко всѣмъ гражданскимъ должностямъ и къ военной службѣ; въ Диванѣ вмѣстѣ съ мусульманами будутъ засѣдать представители отъ христіанъ и т. п. Но несмотря на всѣ эти права, дарованныя въ настоящемъ столѣтіи христіанамъ Турецкой имперіи, положеніе ихъ нисколько не измѣнилось въ дѣйствительности. Турецкое правительство издавало вышеупомянутые законы не потому, чтобы желало улучшить положеніе своихъ христіанскихъ подданныхъ, а просто потому, что было вынуждаемо къ этому европейскими государствами. Поэтому всѣ гаттп-шерифы и гатти-гумаюны не были никогда приводимы въ исполненіе и оставались всегда пустыми обѣщаніями. Означенныя реформы въ отношеніи христіанъ въ Турціи даже и невозможны въ дѣйствительности. Ни одинъ мусульманинъ, не изъ политическихъ, а изъ *религіозныхъ* побужденій, не допустить и не можетъ допустить, чтобы христіанинъ стоялъ наравнѣ съ нимъ, или чтобы онъ, въ качествѣ чиновника, проявлялъ даже какую-нибудь власть надъ нимъ, или чтобы съ него, какъ съ христіанина, не былъ взимаемъ особенный налогъ и т. д. И еслибы даже султанъ и его министры серьезно пожелали привести въ исполненіе указанныя реформы въ отношеніи христіанъ, то весь магометанскій міръ счелъ бы ихъ за осквернителей вѣры и отступниковъ отъ ислама и изгналъ бы ихъ. Въ магометанскихъ государствахъ не могутъ жить рядомъ исламъ и христіанство, потому что это противорѣчитъ сущности ислама.

§ 6.

Борьба Грековъ за политическую и религіозную независимость.

Съ самаго паденія Константинополя (1453 г.) Греки, равно и другіе христіанскіе народы, подпавшіе подъ власть Турокъ, не теряли надежды снова приобрѣсти утраченную ими политическую и религіозную независимость.

Съ этою цѣлью они весьма часто поднимали оружіе противъ своихъ притѣснителей. Но въ первые три вѣка своего рабства Греки не могли ничего сдѣлать для своей независимости. Съ половины XVIII в. наступаетъ лучшее для нихъ время. Могущество Турціи въ это время уже значительно ослабѣло; между тѣмъ единовѣрная Грекамъ Россія, на которую они издавна смотрѣли какъ на свою защитницу и покровительницу, возвысилась на степень сильной и могущественной державы. Первый шагъ къ освобожденію турецкихъ христіанъ сдѣланъ былъ *Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ* (1774 г.). По этому мирному договору между Россією и Турціей Россія получила право покровительствовать православнымъ христіанамъ, находящимся подъ властію Порты. Въ этомъ договорѣ Порта обѣщаетъ съ уваженіемъ принимать заявленія представителей Россіи по дѣламъ вѣры Грековъ и обязуется не препятствовать какимъ бы то ни было образомъ исповѣданію христіанскаго закона, созданію церковей новыхъ и поправленію старыхъ, обѣщаетъ возвратить монастырямъ и частнымъ лицамъ отнятыя у нихъ земли и владѣнія и проч. Эти статьи были подтверждены и слѣдующими мирными договорами между Россіей и Турціей: *Яскимъ* (1791 г.), *Бухарестскимъ* (1812 г.), *Адрианопольскимъ* (1829 г.). Но, несмотря на эти договоры, положеніе христіанъ въ Турціи не улучшалось. Въ Турецкой имперіи въ это время господствовала такая анархія, что верховное правительство не въ состояніи было обуздывать произвола областныхъ правителей или пашей. При такомъ порядкѣ вещей христіанское населеніе Турціи могло ожидать облегченія своей тяжелой участи только подъ условіемъ независимости.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія, послѣ турецкихъ войнъ, ослабившихъ Порту, Греки начали дѣятельно готовиться къ сверженію ненавистнаго турецкаго ига. Греческое населеніе острововъ Архипелага издавна пользовалось нѣкоторыми льготами, благодаря тому, что оно да-

вало изъ своей среды турецкому правительству хорошихъ моряковъ во флотъ. Изъ этихъ льготъ самою важною была та, что островитяне имѣли право свободнаго плаванія по всѣмъ морямъ имперіи. Пользуясь этимъ правомъ, они завели у себя подъ предлогомъ торговли значительный флотъ. Въ то же время Греки старались поднять уровень народнаго образованія посредствомъ открытія училищъ въ странѣ и воспитанія молодыхъ людей въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Молодое поколѣніе, воспитываемое на древнегреческой литературѣ, сравнивая счастливыя времена древней свободной Греціи съ ея настоящимъ униженнымъ положеніемъ подъ игомъ Турокъ, естественно проникалось стремленіемъ къ независимости и свободѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Греки образовали общество подъ названіемъ *гетеріи*. Цѣль этого общества сначала состояла въ томъ, чтобы возвысить образованіе въ народѣ и сдѣлать его способнымъ къ освобожденію страны; но вскорѣ оно перешло въ тайное политическое и начало работать въ пользу независимости Греціи. Къ этому обществу принадлежали Греки, проживавшіе въ Европѣ, и между прочимъ находившіеся на русской службѣ, графъ Каподистрія и князь Александръ Ипсиланти; въ составъ его входили также многіе европейскіе ученые и поэты, которые старались посредствомъ своихъ произведеній пробудить интересъ къ священному дѣлу освобожденія Греціи. Да и вся вообще Европа сочувственно относилась къ этому дѣлу. Опираясь на сочувствіе къ себѣ Европы и въ особенности Россіи, Греки въ 1821 г. произвели возстаніе. Предводителемъ ихъ явился князь Ипсиланти, сынъ молдавскаго государя, вѣроломно убитаго Турками. Съ отрядомъ вооруженныхъ Грековъ онъ изъ Бессарабіи вторгся въ Молдавію и отсюда возвѣстилъ Грекамъ, что настало время ихъ свободы. Хотя Турки успѣли возстановить спокойствіе въ дунайскихъ княжествахъ, но молдавское возмущеніе тотчасъ же отозвалось въ Целопонесѣ, который по своему положенію представ-

лялъ самое удобное мѣсто для возстанія Грековъ и въ которомъ давно уже можно было подмѣтить довольно сильное броженіе. Началась упорная и кровопролитная борьба. Турки старались подавить возстаніе варварскими мѣрами. Они безпощадно истребляли Грековъ и вообще христіанъ, совершенно ни въ чемъ невиновныхъ. Въ Константинополь и въ разныхъ другихъ городахъ ежедневно совершались самыя кровавыя сцены. Европейскія правительства долгое время смотрѣли на возстаніе Грековъ, какъ на бунтъ, и потому предоставили ихъ собственной участи. Когда вступилъ на Русскій престолъ Николай I, продолжительная геройская борьба Грековъ съ Турками заставила его принять дѣятельное участіе въ судьбѣ Греціи. При его содѣйствіи Россія, Англія и Франція заключили между собою союзъ и потребовали, чтобы Махмудъ II прекратилъ варварскую войну съ Греками. Для подкрѣпленія своихъ требованій онѣ отправили въ Архипелагъ эскадры. Но султанъ и слышать не хотѣлъ о постороннемъ вмѣшательствѣ. Слѣдствіемъ этого было Наваринское сраженіе (1827 г.), въ которомъ турецко-египетскій флотъ въ четыре часа былъ истребленъ союзнымъ флотомъ Россіи, Англіи и Франціи. Наваринское пораженіе нанесло Турціи сильный ударъ, но, несмотря на это, она продолжала борьбу съ Греками. Султанъ обнародовалъ воззваніе, въ которомъ призывалъ мусульманъ къ поголовному ополченію на защиту вѣры и отечества. Въ этомъ же воззваніи онъ называлъ Россію главною виновницею всѣхъ бѣдствій Турціи. Вслѣдствіе этого Николай I объявилъ ему войну. Война эта (1828—1829 г.) была въ высшей степени несчастна для Турціи. Послѣдняя принуждена была заключить съ Россіею мирный трактатъ въ *Адрианополь* (1829 г.), по которому обязалась, между прочимъ, признать независимость Греціи. Вслѣдъ за тѣмъ (1830 г.) опредѣлены были границы Греческаго или Эллинскаго государства. Въ составъ его вошли: Морея, средняя Греція до рѣки Аспропотама и нѣкоторые прибрежные острова.

Правленіе въ новомъ государствѣ было сначала республиканское, во главѣ котораго находился графъ Каподистрія, съ титуломъ президента республики, потомъ—(съ 1833 г.) монархическое, ограниченное, которое существуетъ и въ настоящее время.

Основаніе самостоятельной эллинской Церкви и устройство Эллинскаго Синода въ Афинахъ.

Освобожденіемъ части Греческаго народа изъ-подъ власти Турокъ и образованіемъ самостоятельнаго эллинскаго королевства положено начало освобожденію эллинскихъ епархій отъ власти константинопольскаго патріарха и основанію самостоятельной эллинской Церкви. Во время греческаго возстанія, сопровождавшагося страшными военными бурями въ предѣлахъ нынѣшней Эллады, общеніе элладскихъ епархій съ церковію константинопольскою по необходимости прекратилось. Во время богослуженія ни митрополиты, ни епископы не воспоминали имени своего каноническаго патріарха. И это весьма естественно. Въ епархіяхъ, въ которыхъ происходила жаркая борьба, часто даже и не знали имени своего патріарха; поэтому, вмѣсто употреблявшейся прежде формы поминаенія его, въ церковныхъ молитвахъ стали употреблять форму, свойственную независимымъ церквамъ: «помяни, Господи, всякое епископство православныхъ» и пр. Но въ тоже время свободные Элліны не высказывали той мысли, что они признаютъ себя независимыми въ церковномъ отношеніи отъ константинопольскаго патріарха. Послѣ прекращенія возстанія и признанія независимости греческаго государства, отношенія элладской іерархіи къ константинопольскому патріарху оставались попрежнему неопредѣленными до самой смерти Каподистрія (1831 г.). Но со времени прибытія въ Элладу короля Оттона съ нѣмецкими чиновниками (1833 г.) стала уже высказываться мысль объ устройствѣ самостоятельнаго управленія въ эллинской Церкви. Новое правительство учредило (1833 г.) комис-

сію изъ трехъ духовныхъ лицъ и четырехъ мірянъ для устройства церковныхъ дѣлъ въ королевствѣ. Коммиссія пришла къ тому заключенію, что Церковь элладская должна быть отдѣлена отъ правительства Церкви константинопольской, съ которою она соединена была до начала греческой войны, и что для управленія Церкви элладской долженъ быть учрежденъ постоянный Синодъ. Правительство короля Оттона, само содѣйствовавшее такой постановкѣ вопроса объ управленіи эллипской Церкви, предложило проэктъ коммисіи на разсмотрѣніе архіереевъ. Собравшіеся для этой цѣли митрополиты, архіепископы и епископы греческаго королевства въ Навплии 1833 г. единогласно объявили себя въ пользу независимости греческой Церкви отъ константинопольскаго патріарха и въ пользу учрежденія Синода. Послѣ этого правительство торжественно объявило независимость эллинской Церкви и обнародовало составленный имъ регламентъ объ устройствѣ управленія ея (1833 г.). Нѣмецкое правительство въ этомъ регламентѣ поставило синодъ въ полную зависимость отъ гражданской власти; синодъ является здѣсь не болѣе, какъ однимъ изъ гражданскихъ учреждений, почему онъ и названъ священнымъ *синодомъ королевства Греческаго*, а главою и верховнымъ начальникомъ его поставленъ король. На дѣлѣ оказалось, что синодъ ничего не могъ сдѣлать безъ воли правительства; онъ не могъ самостоятельно поступать не только относительно внѣшнихъ, правительственныхъ дѣлъ Церкви, но и относительно дѣлъ внутреннихъ, относящихся къ догматической и обрядовой сторонѣ религіи.

Такимъ образомъ эллинская Церковь въ 1833 г. была объявлена самостоятельною безъ вѣдома и согласія константинопольскаго патріарха, отъ котораго прежде она зависѣла, и котораго соизволеніе и благословеніе въ этомъ случаѣ было необходимо. Это обстоятельство было причиною того, что провозглашенною независимостію Церкви не довольны были очень многіе, не только духовные, даже

архіереи, но и міряне; они сознавали, что провозглашеніе независимости эллинской Церкви безъ согласія константинопольскаго патріарха незаконно, и что, слѣдовательно, съ церковно-канонической точки зрѣнія не можетъ быть признано дѣйствительнымъ. Начались открытые протесты противъ правительства. Константинопольскій патріархъ на провозглашеніе самостоятельности эллинской Церкви, безъ его согласія, также смотрѣлъ, какъ на дѣло антиканоническое. Вслѣдствіе всего этого греческое правительство вынуждено было войти въ прямыя сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ по вопросу объ управленіи эллинской Церкви. Въ 1850 г. оно обратилось съ посланіемъ къ Великой Церкви, въ которомъ, выразивъ свое желаніе сохранить неразрывное духовное единство эллинской Церкви съ католическою православною Церковію, просило признанія и утвержденія ея самостоятельнаго духовнаго правительства. Эта просительная грамота подвергнута была тщательному разсмотрѣнію въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ константинопольскаго Синода, подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго патріарха Анѳима. Въ этихъ синодальныхъ засѣданіяхъ, кромѣ постоянныхъ членовъ патріаршаго синода, присутствовали пять прежде бывшихъ константинопольскихъ патріарховъ и патріархъ іерусалимскій Кириллъ. Прежде всего соборъ выразилъ свою радость о томъ, что епархій королевства Греческаго, пребывавшія цѣлыя семнадцать лѣтъ внѣ церковнаго союза съ своимъ законнымъ предстоятелемъ, вновь ищутъ возстановленія церковнаго единства; за тѣмъ подтверждено было то положеніе, что право давать самостоятельность церквамъ, находящимся въ округѣ константинопольскаго патріархата, принадлежитъ вселенскому патріарху, какъ канонически имъ пріобрѣтенное; послѣ того уже постановлено, чтобы элладскія епархій, до сего времени соединенныя съ святѣйшимъ вселенскимъ престоломъ, теперь, какъ принадлежащія къ Греческому королевству, были, на будущее время, освобождены отъ всякой зави-

симости,—чтобы Церковь эллинская была провозглашена *автокефальной*, подобно прочимъ автокефальнымъ Церквамъ, подъ управленіемъ постоянного синода изъ архіереевъ. Въстѣ съ тѣмъ константинопольскій соборъ постановилъ, вопреки регламенту греческаго правительства 1833 г., чтобы эллинскій синодъ управлялъ церковными дѣлами по божественнымъ и священнымъ правиламъ, свободно и безпрепятственно отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства, для чего начерталъ и самую программу управленія эллинской Церкви. О провозглашеніи независимости эллинской Церкви и учрежденіи въ ней постоянного Синода патріархъ Анеимъ извѣстилъ особыми посланіями и прочія независимыя Церкви, разославъ къ нимъ и самое соборное дѣяніе, которымъ признавалась самостоятельность эллинской Церкви. А русскому правительствующему Синоду, кромѣ вселенскаго патріарха, сообщилъ объ этомъ и самъ священный Синодъ эллинскій. Такимъ образомъ эллинской Церкви дарована независимость соборнымъ дѣяніемъ 1850 г. и признана всею вселенскою Церковію. Послѣ этого греческое правительство должно было отказаться отъ всѣхъ своихъ прежнихъ дѣйствій по вопросу объ устройствѣ Церкви и приступить къ устройству синода по тому начертанію, какое на основаніи каноновъ сдѣлано константинопольскимъ патріархомъ и его синодомъ. Но реформа въ устройствѣ эллинскаго синода состоялась только въ 1852 г.; при этой реформѣ приняты были во вниманіе нѣкоторыя указанія, относительно устройства синода, изложенныя въ соборномъ рѣшеніи патріарха, но въ тоже время оставлены были неприкосновенными и многія положенія регламента 1833 г.

Управленіе эллинской Церкви, какъ оно утверждено въ 1852 г., представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Высшее церковное правительство въ королевствѣ Греческомъ есть постоянный Синодъ, который называется: «священный Синодъ Церкви Эллинской». Онъ имѣетъ по-

стоянное пребываніе въ столицѣ королевства. Составъ его долженъ быть слѣдующій: онъ состоитъ изъ пяти членовъ—архіереевъ, которые всѣ пользуются правомъ равнаго голоса и имѣютъ епископіи въ королевствѣ. Одинъ изъ нихъ—предсѣдатель, прочіе четыре—члены. Предсѣдателемъ долженъ быть постоянно митрополитъ аѳинскій; остальные же члены назначаются правительствомъ по порядку старшинства, на одинъ годъ. По окончаніи каждаго года члены возвращаются въ свои епархіи, если только правительство не оставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ не болѣе двухъ, на болѣе долгое время. Представителемъ государственной власти въ Синодѣ служитъ назначаемый королемъ прокуроръ; онъ обязанъ присутствовать на всѣхъ вообще засѣданіяхъ Синода и подписываться подъ всѣми его рѣшеніями, безъ различія—относятся ли они къ внутреннимъ обязанностямъ Синода, или къ внѣшнимъ. Всякое дѣло, рѣшенное священнымъ Синодомъ въ отсутствіи королевскаго прокурора или имъ неподписанное, не имѣетъ силы. Дѣла, подлежащія вѣдѣнію Синода, раздѣляются на *внутреннія* и *внѣшнія*. Къ внутреннимъ относятся: наблюденіе за чистотою ученія вѣры и благочиніемъ богослуженія; религіозное обученіе народа, насколько оно не касается государственнаго устройства; церковная дисциплина; испытаніе имѣющихъ поступить въ клиръ и рукоположеніе ихъ; освященіе храмовъ и пр. Къ внѣшнимъ обязанностямъ Синода относятся главнымъ образомъ слѣдующія: распоряженія, касающіяся учебныхъ, благотворительныхъ и исправительныхъ учреждений, назначенныхъ для клириковъ; опредѣленіе особенныхъ церковныхъ обрядовъ, особенно когда предстоитъ совершать ихъ въ дни рабочіе, или внѣ храма. Дѣла перваго рода Синодъ рѣшаетъ, по регламенту 1852 г., независимо отъ гражданской власти; въ дѣлахъ же втораго рода, какъ имѣющихъ отношеніе къ государству, Синодъ связанъ содѣйствіемъ и участіемъ гражданскаго правительства.

§ 7.

Постоянное участіе Россіи въ облеженіи бѣдственной судьбы восточныхъ христіанъ.

Съ паденіемъ Константинополя, греческая имперія пала окончательно; пали за нею и южно-славянскія царства. И всѣ православныя, греческія и юго-славянскія, подверглись всякаго рода притѣсненіямъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ со стороны злѣйшихъ враговъ христіанства — магометанъ. Одна Церковь русская оставалась благоденствующею, находясь подъ покровительствомъ православныхъ государей. Русскій государь былъ единственный, вполне самостоятельный, православный государь во всемъ мірѣ. Очень естественно, если православные восточные христіане, томясь подъ тяжкимъ Турецкимъ игомъ, устремляли свои взоры на Россію, на Церковь русскую, ожидали отъ православнаго русскаго царя облегченія своей горькой участи и, конечно, надѣялись его могуществомъ свергнуть съ себя тяжелое иго невѣрныхъ. Съ другой стороны, очень естественно, если и сыны русской Церкви считали себя обязанными, по чувству христіанской любви, а также по чувству уваженія и благодарности къ старѣйшимъ Церквамъ Востока, дѣлать для своихъ страждущихъ по вѣрѣ братьевъ все, что было возможно.

Участіе Россіи въ облегченіи бѣдственной судьбы восточныхъ христіанъ началось съ самаго подпаденія Константинополя подъ власть Турокъ и продолжается до настоящаго времени. Такъ первый, по паденіи Константинополя, тамошній патріархъ *Геннадій Схоларій* обращался къ русскому митрополиту св. Іонѣ съ просьбою о помощи. Іона съ радостію исполнилъ эту просьбу, послалъ ему матеріальное пособіе, какое могъ, и обѣщалъ посылать и на будущее время. Это было при великомъ князѣ московскомъ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ (1425—1462 года). Съ тѣхъ поръ сношенія между Русскими и между Греками и южными Славянами не прерывались; при слѣ-

дующихъ великихъ князьяхъ и царяхъ русскихъ эти сношенія сдѣлались еще болѣе частыми и постоянными, и главнымъ предметомъ ихъ была именно благотворительность Русскихъ восточнымъ христіанамъ. Греки и южные Славяне часто являлись въ Россію; пѣкоторые изъ нихъ оставались въ нашемъ отечествѣ, но большая часть возвращалась назадъ съ богатыми милостями и дарами. Государи наши и сами часто посылали на Востокъ милостыни съ своими чиновниками. Въ XVI столѣтіи особенною щедростію къ православному Востоку отличался царь *Іоаннъ Васильевичъ Грозный* (1533—1584 г.). Онъ помогалъ всѣмъ четыремъ восточнымъ патріархамъ, всѣ четыре присылали ему грамоты, въ которыхъ благодарили за дары и просили вновь о вспоможеніи. Восточные монастыри получали отъ этого царя также богатые дары; иноки многихъ монастырей постоянно приходили въ Москву, получали подарки отъ царя, производили сборы по Россіи и возвращались съ значительнымъ запасомъ средствъ. Особеннымъ расположеніемъ царя пользовались монастыри афонскіе; изъ нихъ Грозный наиболѣе благодѣтельствовалъ монастырю Паутелеимонову, называвшемуся русскимъ и ктиторіей русскаго государя, и сербской Хилапдарской лаврѣ. Последняя и самая значительная милостыня на Востокъ отъ царя Іоанна Васильевича была милостыня по убитомъ имъ сынѣ, царевичѣ Иванѣ. Съ нею онъ отправилъ въ 1582 г. разомъ два посольства: Трифона Коробейникова съ товарищами въ Царьградъ, Антиохію, Алекеандрію, Іерусалимъ, на Синайскую гору и въ Египеть, и Ивана Мешенина съ товарищами въ Царьградъ и на св. Гору. Въ это время послано было царемъ на Востокъ милостыни, по свидѣтельству современника-иностранца, до 10,000 рублей и даже гораздо болѣе. Царь *Федоръ Иоанновичъ* (1584—1598 г.) также отличался щедростію къ восточнымъ христіанамъ. При немъ пріѣзжали въ Москву патріархи антиохійскій *Іоакимъ* (въ 1586 г.) и константинопольскій *Іеремія II* (въ 1588 г.). Оба они при-

няты были въ Россіи съ великою честию и возвратились съ богатыми дарами отъ царя и вельможъ. Кромѣ того въ это время приходило за милостынею въ Россію множество монаховъ Греческихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ. Вообще число лицъ, стремившихся въ Россію съ Востока и изъ юго-славянскихъ земель съ просьбами о помощи постепенно увеличилось и, при Θεодорѣ Іоанновичѣ, дошло до того, что нѣкоторыхъ, по распоряженію правительства, даже не пропускали въ Россію, а наградивъ милостынею отъ имени царя на границѣ, отправляли назадъ. Много благотворилъ Востоку и Борисъ Годуновъ (1598—1605 г.). Но еще большею щедростію къ восточнымъ христіанамъ отличались Михаилъ Θεодоровичъ (1613—1645 года) и Алексѣй Михайловичъ (1645—1676 г.), особенно послѣдній. При Алексѣѣ Михайловичѣ Россію посѣтили всѣ четыре восточные патріарха и множество восточныхъ митрополитовъ, епископовъ, настоятелей монастырей, монаховъ и простыхъ мірянъ, и всѣ они возвращались съ значительными пожертвованіями отъ царя и отъ многихъ частныхъ лицъ. Въ XVIII и XIX в. благотворительность Русскихъ православнымъ восточнымъ христіанамъ продолжалась въ неменѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ предшествующіе вѣка. Русское правительство и общество сами иногда отправляли свои пожертвованія на востокъ. Съ другой стороны Греки и южные Славяне, какъ и въ предшествующіе вѣка, пріѣзжали въ Россію, производили здѣсь сборы и отправляли ихъ на востокъ; иногда уполномоченные отъ разныхъ восточныхъ церквей и монастырей, съ разрѣшенія русскаго правительства, основывали въ Россіи свои монастыри, подворья, часовни и доходы отъ нихъ отправляли на Востокъ.

До половины XVIII в. помощь восточнымъ христіанамъ со стороны Россіи была только частная и состояла въ пожертвованіяхъ деньгами и вещами. Съ половины XVIII вѣка Россія, пріобрѣтшая вліяніе при турецкомъ дворѣ,

старается помочь бѣдствующей восточной Церкви чрезъ посредство политики и дипломатіи; въ мирные договоры, заключаемые съ Портою, она вноситъ вопросы объ улучшеніи участи Турецкихъ христіанъ и предоставленіи имъ извѣстныхъ правъ. Такого рода покровительство Россіи восточнымъ христіанамъ продолжается и въ настоящее время.

Иванъ Розовъ.

С Л О В О

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МАКАРІЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ЕГО НА КАЕДРУ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХІИ, ПРОИЗВЕ-
СЕННОЕ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ 10-ГО МАЯ.

Бога бойтеса, царя чтите. I Петр. 2, 17.

Въ скорбное время прихожу къ вамъ, братіе мои о Господѣ, въ званіи вашего архипастыря. Вы сами знаете, о чемъ нынѣ наша общая скорбь, глубокая, невыразимая. На святой Руси появилась эпидемія, никогда прежде у насъ неслыханная; эпидемія не чувственная, а умственная и нравственная, пагубнѣйшая изъ всѣхъ видовъ эпидемій. Она состоитъ въ отрицаніи Бога и всего духовнаго въ мірѣ и человѣкѣ, въ отрицаніи царской и вообще Богомъ установленной власти. Эпидемія грозитъ смертію и гибелью всякой религіи, всякому нравственному и общественному порядку, грозитъ поколебать самыя основы нашей Св. Церкви и государства. Сердце сокрушается о тѣхъ несчастныхъ, которые уже увлеклись и заразились этою духовною заразою, которые прежде были нашими братьями по вѣрѣ и отечеству, а теперь сдѣлались нашими врагами и обрекли себя на такія страшныя посягательства и злодѣянія. Еще сильнѣе томится сердце при мысли, что зараза можетъ простираться далѣе и далѣе, можетъ

увлекать новыя жертвы, вести къ новымъ злодѣйствамъ. Всѣ истинныя сыны Церкви и Отечества болѣе всего озабочены теперь какъ бы противодѣйствовать ужасной эпидеміи, какъ бы охранить себя и ближнихъ отъ ея смертоноснаго дыханія. О чемъ же должна быть нынѣ главная забота и пастыря Церкви? И съ какими словами я могъ бы обратиться къ вамъ нынѣ, при самомъ вступленіи моемъ на кафедру московскихъ первосвятителей, при самомъ первомъ моемъ духовномъ общеніи съ вами, какъ не съ словами убѣжденія и мольбы: блюдите свято то безцѣнное сокровище, которое похитить у насъ угрожаетъ эпидемія; храните въ себѣ твердыми и непоколебимыми ту вѣру въ Бога, ту любовь и преданность къ Помазаннику Божію, которыя насадило, воспитало и утвердило въ насъ христіанство. *Бога бойтесь, царя чтите.*

Да и не нынѣ только, а и во всякое другое время, этими именно апостольскими словами мнѣ всего естественнѣе было бы начать мои пастырскія собесѣдованія съ вами. Мой долгъ руководить васъ къ вѣчной жизни, возвѣщать вамъ истины вѣры и спасенія, проповѣдывать вамъ о Богѣ—нашемъ Творцѣ и Промыслителѣ, о Богѣ—нашемъ Спасителѣ, о Богѣ—нашемъ Освятителѣ и Судіи, и о всемъ томъ, чему научилъ и что заповѣдалъ намъ Богъ для достиженія вѣчнаго блаженства. Но для кого, скажите, можетъ быть внятна, можетъ имѣть смыслъ и силу вся эта проповѣдь Евангелія? Лишь для тѣхъ людей, которые дѣйствительно вѣруютъ въ бытіе Бога и признаютъ Его отношеніе къ міру и человѣку. А для невѣровъ, для кого вовсе нѣтъ Бога, для нихъ какъ бы не существуетъ и христіанство: ихъ слухъ совершенно закрытъ для воспринятія евангельскаго ученія. Мой долгъ возвѣщать вамъ и тѣ истины божественнаго откровенія, которыя касаются нашей временной жизни: ибо вѣра Христова, по выраженію Апостола, *имѣетъ обѣтованіе не одного грядущаго, а и нынѣшняго живота* (1 Тим. 4, 8). Научая насъ всему, что нужно намъ знать и дѣлать для вѣчнаго спасе-

нія, она учитъ насъ вмѣстѣ главнѣйшимъ обязанностямъ нашимъ въ быту семейномъ и общественномъ, и своимъ живоноснымъ ученіемъ, своими возвышенными заповѣдями о самоотверженіи и любви, всѣми своими благодатными средствами приготавливая достойныхъ гражданъ для царства небеснаго, приготавливаетъ вмѣстѣ лучшихъ гражданъ и для царствъ земныхъ. Но въ ряду откровенныхъ истинъ, касающихся нашей временной жизни, особенно нашего гражданскаго быта, первая и коренная та, что *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже восхоцетъ, дастъ е* (Дан. 4, 22), что Онъ *поставляетъ цари и претавляетъ* (Дан. 2, 21), Онъ *помазуетъ ихъ елеемъ святымъ своимъ* (Пс. 88, 21), и что вообще *нѣтъ власти, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). На этой истинѣ основываются всѣ прочія, какія только внушаетъ намъ святая вѣра, какъ руководственныя правила для нашей гражданской дѣятельности, а съ отверженіемъ этой истины онѣ неизбѣжно теряютъ для насъ всю свою обязательную силу и всякое значеніе. *Бога бойтеся, царя чтите.*

Сыны Россіи! Всѣ мы любимъ свое отечество и желаемъ ему блага. А ктожь изъ насъ не знаетъ, чѣмъ были для Россіи во всѣ времена и чѣмъ доселѣ остаются вѣра въ Бога, вѣра истинная, православная, и любовь къ Монарху, Помазаннику Божію, освящаемая нашею св. вѣрою? Не онѣ ли преимущественно соединили и доселѣ соединяютъ весь Русскій народъ въ одинъ народъ, въ одинъ живой организмъ, могучій, несокрушимый? Не онѣ ли поддерживали, ободряли и спасали Русскій народъ въ години самыхъ тяжкихъ его испытаній и бѣдствій? Не онѣ ли всегда возбуждали и двигали всѣ сословія Русской земли приносить всевозможныя жертвы для счастья роднаго края? Это двѣ главнѣйшія и существеннѣйшія стихіи нашей народной жизни: на охрану и защиту ихъ должны соединиться всѣ, кому дорого отечество. Да благоденствуетъ и процвѣтаетъ Россія болѣе и болѣе; да совершаются въ ней

всякаго рода измѣненія и преобразованія къ лучшему, всякаго рода усовершенствованія,—а сколько уже и какихъ коренныхъ и благодѣтельныхъ преобразованій совершено въ наши дни державною рукой нашего великаго, Богомъ хранимаго и Богомъ умудряемаго Государя! Но среди всѣхъ подобныхъ измѣненій и усовершенствованій да пребываютъ навсегда неизмѣнными и неприкосновенными тѣ основы, на которыхъ утверждается все зданіе нашего государства: вѣра въ Бога православная и любовь къ Помазаннику Божию, благочестивѣйшему Монарху.

Москва, градъ первопрестольный! На тебя взираетъ вся Россія, и въ тебѣ издревле обykle она видѣть первую блюстительницу русскаго духа и истинныхъ началъ русской народности. Здѣсь жили и дѣйствовали, здѣсь доселѣ петлѣнно почиваютъ, въ поученіе всѣмъ, величайшіе святители земли Русской, бывшіе столпами не только Церкви, но и государства. Здѣсь совершались самыя святая дѣла и самыя высшіе подвиги русскаго патріотизма. Да пребываешь же ты и впредь навсегда, боголюбивая и царелюбивая, примѣромъ и образцемъ для всѣхъ градовъ и весей русскихъ въ приверженности къ Св. Православной Вѣрѣ и Церкви и въ непоколебимой вѣрности и преданности Престолу и Отечеству. Аминь.

РѢЧЬ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МАКАРІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, ПРОИЗНЕСЕННАЯ
13 МАЯ ВЪ ГОДИЧНОМЪ СОБРАНИИ МИССІОНЕР-
СКАГО ОБЩЕСТВА *).

Въ первый разъ Православное Миссіонерское Общество, совершая свой годичный праздникъ, не видитъ въ средѣ своей того, кто съ самаго основанія Общества былъ, можно сказать, не только его главою, но и душею. Почтимъ память въ Бозѣ почившаго первосвятителя, великаго миссіонера, столько потрудившагося въ евангельской проповѣди; почтимъ не однимъ молитвеннымъ воспоминаніемъ о немъ, но вмѣстѣ твердою рѣшимостію слѣдовать по стопамъ его и со всѣмъ усердіемъ продолжать то, чему онъ положилъ начало.

Благодареніе Господу! Миссіонерское наше Общество утвердилось уже прочно, и считаетъ членовъ своихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи тысячами. Честь и хвала всѣмъ, и особенно Московскому духовенству, ревностно послужившимъ этому упроченію Общества! Но какъ ни значительно уже число членовъ его, нельзя не сознаться, что оно еще очень мало: мало для такого многомилліоннаго народа, каковъ народъ Русскій; мало и для такого многояднаго города, какова первопрестольная наша столица.

---

*) Высокопреосвященнѣйшій Макарій съ соизволенія Государыни Императрицы, покровительницы Миссіонерскаго Общества, вступилъ въ званіе предсѣдателя Общества.—Годичное собраніе Общества происходило въ Муроварной палатѣ. При чтеніи годичнаго отчета, къ общей радости собравшихся, объявлено, что новый предсѣдатель пожертвовалъ 2000 рублей въ пользу Миссіонерскаго Общества.

Дѣло идетъ о распространеніи нашей св. православной вѣры, о распространеніи ея между нашими соотечественниками, доселѣ не познавшими *единого истиннаго Бога и посланнаго Имъ Исуса Христа* (Іоан. 17, 3). Тутъ есть все, что должно быть близко сердцу каждаго православнаго сына Россіи, истинно любящаго свою вѣру, своихъ ближнихъ, свое отечество. Кто изъ насъ не знаетъ, съ какою ревностію латиняне и протестанты въ ихъ главнѣйшихъ отрасляхъ стараются распространять свои исповѣданія, которыя признаютъ истинными? Какіе громадные капиталы составляютъ они своими пожертвованіями для этой цѣли; какія содержатъ учрежденія миссіонерскія; и куда не отправляютъ они своихъ миссій съ проповѣдію Евангелія! Ужели же мы, Русскіе, менѣе любимъ свою вѣру, поистинѣ православную? И можно ли предположить, чтобы тотъ изъ насъ, въ комъ дѣйствительно живетъ эта св. любовь къ своей вѣрѣ, не пожелалъ содѣйствовать, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, распространенію ея въ предѣлахъ своего отечества? Много есть видовъ благотворительности, въ которыхъ проявляется христіанская любовь къ ближнимъ, и есть великое, безчисленное множество благочестивыхъ душъ и во всѣхъ слояхъ нашего общества, во всѣхъ городахъ и весяхъ земли Русской, такихъ душъ, которыя любятъ благодѣтельствовать и не отказываютъ нуждающимся ни въ чемъ, если пособить имъютъ средства. Но пусть не забываетъ никто, что самое высшее благодѣяніе, какое мы можемъ оказать нашимъ ближнимъ, состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить ихъ, если они еще не просвѣщены, истинною христіанскою вѣрой, потому что отъ этой вѣры зависитъ вполне ихъ вѣчная участь, а въ нѣкоторой степени и ихъ участь временная. Христіанство всегда и вездѣ, куда ни проникало, приносило съ собою первые лучи народнаго образованія и гражданственности. Цѣлыя столѣтія живутъ подъ властію Россіи разные инородцы, которые, несмотря на неоднократныя попытки обратитъ ихъ къ христіанству, доселѣ остаются въ массахъ

невѣдущими Бога истиннаго. Они соединены съ нами въ гражданскомъ отношеніи: признають надъ собою русскія власти, подчинены русскимъ законамъ, исполняютъ повинности, налагаемыя на нихъ нашимъ правительствомъ. Но внутренней, духовной связи съ нами они не имѣютъ и имѣть ее не могутъ, потому что раздѣлены отъ насъ по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Для того, чтобъ эти сограждане наши соединились съ нами всецѣло и составили съ нами не только *единос тѣло*, но какъ бы и *единъ дулъ*, возможно одно средство—просвѣтить ихъ тою же самою спасительною вѣрою, которою просвѣщены мы. Нужно ли объяснять, какое важное значеніе имѣло бы это для нашего отечества?

Нѣтъ, не тысячами, а десятками тысячъ слѣдовало бы считать нашему Православному Миссіонерскому Обществу своихъ членовъ по всей Россіи, да и въ одной Москвѣ. Ибо не тысячи, мы убѣждены, а есть десятки, даже сотни тысячъ между Русскими такихъ православныхъ, которые истинно любятъ свою св. вѣру, своихъ ближнихъ, свое отечество, и всегда готовы приносить для блага ихъ свои посильныя жертвы.

Будемъ молить Господа, чтобъ Онъ благословилъ наше Миссіонерское Общество и въ наступающее лѣто его дѣятельности, какъ благословлялъ доселѣ: да умножается число членовъ этого Общества болѣе и болѣе, да возрастаетъ и укрѣпляется сочувствіе къ нему во всѣхъ краяхъ Россіи, да увеличиваются средства его новыми и новыми усердными приношеніями православныхъ, и да удостоимся мы видѣть новые вождедѣннѣйшіе успѣхи евангельской православной проповѣди среди нашихъ соотечественниковъ, еще не просвѣщенныхъ свѣтомъ Христовымъ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИЧЕСКАЯ МОЛИТВА ИСУСОВА.

СЛОВО ВЪ 7-Ю НЕДѢЛЮ ПО ПАСХѢ.

Дѣло нашего спасенія совершено. Виповникъ нашего спасенія вознесся на небо и возсѣлъ одесную Отца. Божеств. достоинство Иисуса Христа открылось во всей силѣ. Церковь Христова съ самага начала своего существованія исповѣдывала это достоинство, но особенно торжественно и единодушно оно провозглашено отцами I-го Вселепскаго собора, которые именно за тѣмъ и собирались, чтобы исповѣдать I. Христа Единороднымъ и Единосущнымъ съ Отцемъ Сыномъ Божиимъ, истиннымъ Богомъ. Въ настоящій день св. Церковь, творя память этого собора, и для евангельскаго чтенія избрала соотвѣтствующую этому священному воспоминанію молитву I. Христа, которую Онъ произнесъ наканунѣ Своей смерти, послѣ Тайной Вечери. Эта молитва называется *первосвященнической*, потому что въ ней Господь, принесшій себя въ жертву за грѣхи рода человѣческаго, даетъ такъ сказать отчетъ Отцу своему въ совершенномъ имъ служеніи. «Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю. Явихъ имя Твое человѣкомъ». Потомъ ходатайствуетъ за своихъ учениковъ и за всѣхъ вѣрующихъ предъ Отцемъ Своимъ. «Отче святыи! взываетъ Онъ къ Отцу, — соблюди ихъ во имя Твое, да будутъ едино, якоже и мы... Молю, да соблюдеши ихъ отъ непріязни... Святи ихъ во истину Твою... Хочу, да идѣже есмь Азъ, и тиі будутъ со Мною, да видятъ славу Мою». Въ тоже время торжественно исповѣдуетъ Своє единство съ Отцемъ и божественную славу, которую Онъ имѣлъ у Отца, *преж-*

de мiръ не бысть. Таково содержаніе этой единственной молитвы, исполненной торжественности и истинно божественнаго величія и дыщущей безпредѣльною любовью къ ученикамъ. Еслибы позволительно было сравнивать слово Божіе конечно не съ словомъ человѣческимъ, но съ нимъ же самимъ, то можно бы было сказать, что не только писанія человѣческія, но и само св. Писаніе не представляетъ ничего столь возвышеннаго.

Остановимъ, братіе, наше вниманіе на нѣкоторыхъ мѣстахъ этой молитвы, чтобы намъ почувствовать нѣсколько глубже величіе ея. «Иисусъ возведе очи свои на небо и рече: Отче, прииде часъ, прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославить Тя». Странно: Господь наканунѣ позорной смерти и говоритъ о славѣ! Кажется, пришелъ часъ позора, а не славы. Такая позорная смерть можетъ ли быть дверію къ славѣ?—Именно, эта позорная смерть и послужила не только дверію къ славѣ: *такъ подобаше пострадати Христу, чтобы внити въ славу Свою*,—но и сама по себѣ есть слава. Какъ Сынъ Божій и истинный Богъ, Онъ имѣлъ у Отца славу, *прежде мiръ не бысть*; но къ этой божественной славѣ недоставало такъ сказать славы добровольнаго самоуничженія, славы неповиннаго страданія,—и ради этой-то славы Онъ и сошелъ съ небесъ, «принялъ зракъ раба и былъ послушливъ даже до смерти и смерти крестной». Древній мiръ не понималъ славы вольнаго самоуничженія, неповиннаго страданія; онъ полагалъ славу въ внѣшнемъ блескѣ, въ силѣ, власти и богатствѣ,—и Богъ, сдѣлавшійся человѣкомъ, не имѣвшій гдѣ главы поклонити, гонимый, поруганный и распятый былъ «для Іудеевъ соблазномъ, а для эллиновъ безуміемъ». Но наконецъ мiръ поклонился распятому Богу, и крестъ, нѣкогда орудіе позорнѣйшей казни, сталъ предметомъ поклоненія, украшеніемъ царскихъ вѣнцовъ и знакомъ отличія избранныхъ людей. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ похвалиться, что вполне усвоили идею величія добровольнаго самоуничженія, неповиннаго страданія: мы все еще

большую частью преклоняемся только предъ внѣшнимъ блескомъ—предъ богатствомъ, знатностію, властію, и все еще не научились уважать бѣдности и неповиннаго страданія, все еще цѣнимъ людей не по внутреннимъ ихъ достоинствамъ, а по успѣху въ жизни—какого бы достоинства ни былъ этотъ успѣхъ, и часто своимъ презрѣніемъ отягчаемъ крестъ бѣднаго и гонимаго, подражая фарисеямъ и солдатамъ, ругавшимся надъ распятымъ Господомъ. Итакъ черезъ двѣ почти тысячи лѣтъ основная идея христіанства еще не проникла въ наше сердце и не руководить нашею жизнію!

Далѣе Господь молится за Своихъ учениковъ: «Отче святыи! Соблуди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и Мы». Древній міръ понималъ выгоду единства, и правительства старались укрѣпить общество единодушіемъ гражданъ. Но древній міръ не имѣлъ для этого крѣпкаго основанія, у него не было такъ сказать знамени. Чувство естественнаго единства всего рода человѣческаго слишкомъ было слабо для того, чтобы сдерживать самолюбіе и страсти,—и единства въ древнихъ обществахъ не было. Міръ древній дѣлился на побѣдителей и побѣжденныхъ, на господъ и рабовъ. Горе побѣжденнымъ: ихъ отдавали на растерзаніе звѣрямъ. Горе рабамъ: имъ не давали даже приличнаго мѣста для погребенія,—какъ падалъ—бросали ихъ въ самыхъ нечистыхъ мѣстахъ. Но явилось христіанство и провозгласило, что весь *родъ человѣскій отъ единыя крове*, что всѣ люди—дѣти одного Отца небснаго, что всѣ люди, не исключая побѣжденныхъ и рабовъ, всѣ страждущіе и обремененные—братія Христа, и Онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы умереть за нихъ. Кто же осмѣлится презирать тѣхъ, кого именуешь братією Господь и за кого Онъ умеръ? Этого мало: Онъ указалъ и идеаль для единенія людей: *да будутъ едино, якоже и мы*. И этого мало: Онъ указалъ и конечную цѣль для единенія человѣческаго: «да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Авъ въ Тебѣ, да и тѣи въ

Насъ едино будутъ. Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино». Такова идея христіанскаго единокупія. И Церковь апостольская и первыхъ вѣковъ послѣ Апостоловъ представляетъ единственный, высшій образецъ единокупія. «Народу же вѣровавшему,—повѣствуетъ объ апостольской Церкви книга Дѣяній Ап.,—бѣ сердце и душа едина; и ни единъ же кто отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща; не баше бо нищъ ни единъ въ нихъ»!—Единокупію и высокою братскою любовью первыхъ христіанъ удивлялись сами враги ихъ, язычники. Но ахъ! Уже во времена апостольскія начались раздѣленія: возникли ереси. Кичливый умъ человѣческій хотѣлъ измѣрить божественное своимъ аршиномъ; а такъ какъ божественное не измѣряется человѣческою мѣрою, то онъ и сталъ урѣзывать божественное, чтобы подогнать его подъ свою мѣру, и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока не уменьшилъ божественное до размѣровъ человѣческаго и такимъ образомъ не уничтожилъ его совсѣмъ. Однако невѣжество не имѣетъ права хвалиться предъ кичливымъ умомъ, потому что и оно поступаетъ не лучше. Если кичливая мудрость человѣческая урѣзываетъ или отрицаетъ божественное, то невѣжество уродуетъ его. Оно вмѣщаетъ его въ идоловъ,—въ древности—въ истуканы и въ самыхъ презрѣнныхъ животныхъ, а въ наше время—въ старыя иконы, въ старыя книги, въ бороды и т. п. Такъ кичливая мудрость человѣческая породила ереси, а невѣжество расколы. И невѣжество упорнѣе кичливой человѣческой мудрости: съ умствующимъ еретикомъ можно разсуждать, спорить, можно ему доказывать и слѣдъ есть надежда убѣдить его,—только бы побѣдить гордость его ума, потому что все препятствіе въ ней. Но что вы будете дѣлать съ раскольникомъ? Вы будете доказывать ему, что божественное не можетъ быть заключено въ иконы и книги старой печати, а тѣмъ менѣе въ бороды, что вѣра даже совсѣмъ не во внѣшности, не въ буквѣ, а въ духѣ и силѣ. Но доказывать ему все равно, что го-

ворить глухому, потому что невѣжество не разсуждаетъ, оно только кричитъ: вѣра погибла,—бороды брѣютъ! Богохульство,—аллилуія троятъ; нѣтъ больше церкви,—книги и иконы новаго писанія.

Но единство христіанское торжествуетъ и надъ ересями, и надъ расколами. Въ спорахъ съ еретиками истина уясняется, очищается и укрѣпляется, а расколъ побѣждаетъ паконецъ силою просвѣщенія. Въ борьбѣ всѣ истинно-вѣрующіе одушевляются большею преданностію истинѣ, и крѣпче соединяются братскимъ союзомъ. Доказательство настоящій праздникъ. Въ IV в. явился самый смѣлый и самый опасный еретикъ Арій. Это былъ священникъ александрійской Церкви, человѣкъ замѣчательнаго ума, краснорѣчивый и очень строгой жизни. Ему казалось невмѣстно признать I. Христа Единосущнымъ Сыномъ Божиимъ, и онъ сталъ учить, что I. Христосъ есть тварь, также какъ и ангелы, только высшаго достоинства, и только по силѣ этого высшаго достоинства именуется Сыномъ Божиимъ. Онъ увлекъ многихъ знатныхъ людей, монаховъ, много духовенства и даже нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ епископовъ. Онъ такимъ образомъ потрясъ весь христіанскій міръ въ самомъ основаніи, потому что въ божественности I. Христа—сущность христіанства. Но что же вышло? Весь христіанскій міръ поднялся какъ одинъ человѣкъ, со всѣхъ концовъ собрались пастыри и единогласно исповѣдали I. Христа «Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, Единосущнымъ Отцу, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго», и свое исповѣданіе заключили въ символѣ вѣры во свидѣтельство и въ руководство вѣкамъ послѣдующимъ. Такимъ образомъ ересь послужила поводомъ къ уясненію и утвержденію истины, и теперь никто не можетъ сказать, чтобы было время, когда Церковь не исповѣдывала I. Христа Единосущнымъ Сыномъ Божиимъ. Церковь можетъ сказать еретикамъ, что сказалъ Іосифъ своимъ братьямъ: «вы совѣщасте о мнѣ злая, Богъ же совѣща о мнѣ во благая».

Но есть зло несравненно большее, чѣмъ всѣ возможныя ереси и расколы: это — оскудѣніе христіанской любви между самими православными. Всмотримся пристальнѣе въ наши взаимныя отношенія: есть ли между нами единеніе любви? Какъ много среди насъ такихъ, которые живутъ только для себя, *своихъ си ищутъ*, думаютъ только о томъ, чтобы какъ можно удачнѣе воспользоваться неудачею ближняго, или даже подставить ему ногу? Что это, какъ не война однихъ съ другими? И похоже ли это на общество христіанское? Нѣтъ, всѣ благомыслящіе люди съ горестію сознаются, что отношенія въ христіанскихъ обществахъ сложились не по-христіански. Правда, общества живутъ кой-какъ, члены ихъ исполняютъ кой-какъ свое дѣло по введенному порядку, какъ разстроенные часы; но на этомъ нельзя успокоиваться. Разстроенная машина перестаетъ быть машиною, и ни на что негодна. Христіанское общество перестаетъ быть христіанскимъ, если духъ Евангелія перестаетъ одушевлять христіанъ.

Братія во Христѣ! Господь хочетъ, чтобы Его послѣдователи составляли *едино стадо*, и обѣщаетъ быть единымъ пастыремъ этого стада; Онъ молить Отца, *да вси едино будутъ, якоже Онъ и Отецъ едино, да и вси въ нихъ едино будутъ*. Но, братіе, Богъ могъ сотворить насъ безъ насъ, спасти же насъ безъ насъ не можетъ. Мы должны помочь Ему сами усиліями нашей доброй воли. Поучимся единенію вѣры и любви у древнихъ христіанъ и между прочимъ у отцевъ I-го Вселенскаго собора, давшихъ намъ образецъ единенія вѣры и любви.

Д. Державинъ.

ДУХЪ ВЛАДЫЧНІЙ.

Поученіе въ день св. Духа.

Духа твоего святаго не отыми
отъ мене.—Духомъ владычнимъ
утверди мя. Псал. 50, 13. 14.

Сіи слова содержатся въ извѣстномъ покаянномъ псалмѣ Давидовомъ. Давидъ съ помазаніемъ на царство пріялъ Духа владычнаго, т.-е. обильные дары благодати Святаго Духа, потребные владыкѣ народа для управленія подданными, для благоустроенія царства въ дѣлахъ внутреннихъ и для упроченія и возвеличенія его положенія въ дѣлахъ внѣшнихъ. И Давидъ не вотще пріялъ благодать Духа владычнаго: онъ былъ примѣрнымъ владыкою, примѣрнымъ царемъ, подобнаго которому по заслугамъ для царства никогда не было въ израильскомъ народѣ. Но вотъ онъ тяжко согрѣшилъ предъ Богомъ, совершивъ два преступленія: завладѣлъ чужою женою, воспользовавшись отсутствіемъ ея мужа, находившагося на войнѣ, и чтобы скрыть слѣды своего преступленія приказалъ военачальнику поставить его въ такое опасное положеніе во время сраженія, которое неминуемо должно было кончиться, какъ и случилось, смертію его,—однимъ словомъ: Давидъ совершилъ любодѣйство и убійство. Сначала онъ не понялъ тяжести своей вины предъ Богомъ и продолжалъ проводить безпечную жизнь въ свосмъ іерусалимскомъ дворцѣ, пока не явился къ нему съ обличеніемъ пророкъ Нааанъ и не вразумилъ его. Давидъ смирился предъ Богомъ и искренно раскаялся. Онъ понялъ, что находился въ опасности лишиться благодати Духа владычнаго въ наказаніе

за свои преступленія, — утратить богодарованную ему мудрость и искусство въ управленіи дѣлами царства и навлечь на себя и на царство разнообразныя бѣдствія. Давидъ испугался этой опасности и, раскаяваясь въ своей винѣ, умолялъ Господа, да не отниметъ отъ него Духа Святаго, да укрѣпитъ его по прежнему Духомъ владыч- нимъ къ прохожденію царскаго служенія и да не лишитъ его своего благоволенія, которое доселѣ такъ явственно открывалось въ его царственныхъ дѣлахъ. «Духа твоего святаго не отъими отъ мене, — Духомъ владычнымъ утверди мя».

Подобно тому какъ Давидъ освященъ былъ помазаніемъ на царство и съ помазаніемъ пріялъ благодать Духа владычнаго, и каждый изъ насъ въ таинствѣ муропомазанія пріялъ обильную благодать того же Духа владычнаго, пріялъ отъ св. Духа силу и крѣпость для благоустроенія своей духовной жизни, для успѣшной борьбы съ искушеніями и страстями, для владычества надъ собою, для управленія евоими силами и способностями сообразно ихъ назначенію служить Богу и прославлять Его. Въ семъ отношеніи каждый христіанинъ, какъ помазанный Духомъ владычнымъ, называется царемъ (1 Петр. 2, 3), ибо предназначенъ при помощи Святаго Духа царствовать надъ своимъ внутреннимъ міромъ съ такимъ же полновластіемъ, какое свойственно самодержавнымъ царямъ. Къ сожалѣнію, съ нами повторяется исторія Давида. Онъ тяжко преступилъ противъ 7-й и 6-й заповѣди и тѣмъ оскорбилъ Духа благодати, въ немъ обитавшаго со времени помазанія. Не грѣшатъ ли и христіане противъ тѣхъже заповѣдей? Не творять ли грѣховъ нецѣломудрія, если не грубыхъ, то по крайней мѣрѣ словами, взоромъ, мыслями, мечтаніями, желаніями? И если не убиваютъ ближняго ножомъ или ядомъ, то не наносятъ ли ему смертельныхъ огорченій, обидами, клеветами, не губятъ ли его соблазнами? Не творять ли другихъ тяжкихъ грѣховъ, оскорбляющихъ Духа Святаго и отдаляющихъ отъ нихъ Его благодатную помощь?

Но подражая Давиду, впадшему въ преступленіе, подражаешь ли ты, душа христіанская, Давиду кающемуся? Онъ смиренно выслушалъ обличеніе пророка Наана, возненавидѣлъ свои грѣхи, всю остальную жизнь оплакивалъ ихъ, каждую ночь орошалъ слезами ложе свое и оставилъ по себѣ вѣковѣчный памятникъ покаянія въ умиленномъ псалмѣ. Не закоснѣвай и ты, душа христіанская, въ грѣхахъ, которыми доселѣ прогнѣвляла Бога. Пойми опасность твоего положенія и какъ Давидъ смирился предъ обличеніями пророка, смиришь и ты предъ обличающимъ голосомъ совѣсти, пока она не заглушена въ тебѣ страстями. Прими обличенія совѣсти, какъ обличенія самого Господа, ибо голосъ совѣсти есть голосъ Божій. Прими также со смиреніемъ и благодарностію обличенія и вразумленія доброжелательныхъ къ тебѣ людей, особенно пастырей церковныхъ. Больно для твоего самолюбія выслушивать подобныя обличенія; но самолюбіе въ этомъ случаѣ—самый опасный твой врагъ; бойся пуще всего на свѣтъ этого врага, ласковыми рѣчами убаюкивающаго твою совѣсть, чтобы на вѣки погубить тебя. Только злымъ свойственно ненавидѣть обличенія, мудрому же свойственно любить ихъ (Прит. 9, 8).—Но недостаточно только признать справедливость обличеній, свою виновность предъ Господомъ, — недостаточно только возчувствовать свою безотвѣтность предъ Господомъ,—поспѣши очиститься отъ сквернъ грѣховныхъ дѣятельною борьбою съ грѣховными искушеніями и начать жизнь благочестивую и добродѣтельную. Не думай, что для такихъ подвиговъ существуетъ одно извѣстное время въ году,—время великопостнаго говѣнія. Если наше покаяніе бываетъ бесплодно, то это именно оттого, что мы приурочиваемъ его къ этому только времени, а остальное время года проводимъ въ грѣховной безопасности. Нѣтъ, время в. поста есть время только публичнаго, всенароднаго покаянія, тогда какъ подвиги покаянія для каждаго въ отдѣльности должны быть всегдашнимъ, не-

прерывнымъ дѣломъ. Ни на минуту не ослабѣвай въ этомъ святомъ дѣлѣ, — но знай также, что успѣха въ немъ ты можешь достигнуть только при помощи Духа Святаго, Духа владычняго, Духа владычества надъ самимъ собою. Безъ благодати св. Духа мы — окаяннѣйшія существа. Тѣло безъ души — трупъ, равно и душа безъ св. Духа мертва. Будемъ же умолять Господа: мы безсильны, Господи, для борьбы съ искушеніями отъ плоти, міра и діавола; не сдерживаемъ себя въ границахъ даже простаго благоразумія, увлекаясь порывами гнѣва, предаваясь при всякомъ удобномъ случаѣ невоздержанію, и т. п. Въ насъ нѣтъ самообладанія, мы теряемъ власть надъ собою при всякой встрѣчѣ съ искушеніями и соблазнами, — мы не господствуемъ надъ страстями, а рабствуемъ имъ. Сжался, Господи, надъ нами безпомощными и приди къ намъ съ твоею благодатною помощію. Духа твоего святаго не отыми отъ насъ; Духа владычняго, — Духа владычества надъ собою, самообладанія, даруй намъ, да укрѣпитъ Онъ насъ силою своею къ противоборству нашимъ грѣховнымъ склонностямъ и къ подвигамъ благочестія и добродѣтели.

Прот. В. Нечаевъ.

ВЪ ПАМЯТЬ ОМСКАГО ГОРОДСКАГО ГОЛОВЫ, ТЕОДОРА ЛЕОНТЬЕВИЧА ЧЕРНАВИНА *).

НАДГРОВНОЕ СЛОВО, СКАЗАННОЕ 20 МАРТА 1879 Г.

Братіе и друзи, сродницы и знаеміи, зряще мя безгласна и бездыханна, восплачте о мнѣ; вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапно найде на мя часъ смертній: но приидите вси любящій мя и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ; не ктому бо съ вами похожду или собесѣдую прочее... Вотъ что чрезъ нѣсколько минутъ,

*) Теодоръ Леонтьевичъ Чернавинъ родился въ одномъ изъ чугунно-плавильныхъ заводовъ Пермской губерніи (Каменскомъ) въ февралѣ 1831 года, а умеръ 17 марта сего 1879 г., слѣдовательно ему было только 48 лѣтъ. Среднее образованіе онъ получилъ въ Тобольской губернской гимназій, а высшее въ Казанскомъ университетѣ, на математическомъ факультетѣ. По окончаніи университетскаго курса, онъ въ 1852 году поступилъ на службу въ Сибирскій Кадетскій корпусъ, что нынѣ Сибирская Военная гимназія, и тамъ съ особеннымъ успѣхомъ преподавалъ разныя части математики и по временамъ физіку, химію и космографію, и въ то же время проходилъ должность помощника инспектора классовъ, доколѣ она не была уничтожена. Получивъ въ продолженіе 25-лѣтней службы все, что только можно получить преподавателю Военной гимназій (быть инспекторомъ классовъ, или директоромъ военно-учебнаго заведенія, онъ, какъ не военный, ни въ какомъ случаѣ не могъ),—чины до статскаго совѣтника включительно, ордена до 4-й степени св. Владиміра включительно же, пенсію слишкомъ 900 р. и эмеритуру (въ 257 руб.), а главное, чувствуя утомленіе на учебной службѣ отъ преподаванія всё однихъ и тѣхъ же предметовъ и ослабленіе силъ тѣлесныхъ, покойный, къ сожалѣнію начальства и сослуживцевъ своихъ, и еще болѣе воспитанниковъ, во второй половинѣ 1877 года оставилъ службу въ военной гимназій. Лѣтъ еще за пять до выхода изъ военной

устами поющихъ, скажетъ намъ подлежащій намъ усоп-
 шій. И эта рѣчь его особенно знаменательна въ отноше-
 нии именно къ нему. Не далѣе какъ четвертаго дня (17
 марта) онъ былъ здоровъ и благополученъ, по обычаю
 своему былъ со всѣми встрѣчавшимися съ нимъ привѣт-
 ливъ и разговорчивъ, посѣщалъ домъ заключенныхъ и
 прежнее мѣсто службы своей, т.-е. военную гимназію,
 былъ въ градской думѣ, тамъ и, по возвращеніи оттуда,
 дома занимался городскими служебными дѣлами, пилъ
 чай; но прошло минуты двѣ-три — и отъ него осталось
 одно безгласное и бездыханное тѣло; онъ не успѣлъ и
 одного слова сказать даже съ любимой и всегда глубоко
 чтимой имъ родительницей, только раза два или три ис-
 пустилъ при ней изъ груди своей стонъ. Невольно повто-
 ришь по этому случаю слова Писанія: *дне человека, яко
 трава, человекъ цвѣтетъ и отцвѣтаетъ, яко цвѣтъ
 сельный* (полевой); *пройдетъ* (пронесется) надъ нимъ *духъ*
 (вихрь), и *не будетъ* его, самое мѣсто его не узнаетъ его
 (Пс. 102, 15 и 16), и—смерть есть *яко тать въ нощи*;
 не рѣдко приходитъ она къ человѣку, когда онъ вовсе
 не чаялъ ея, когда онъ и не думалъ о ней. Все это нау-
 чаетъ насъ грѣшныхъ не откладывать покаянiя и исправ-

гимназии, и именно въ 1872 году, бызь почти единогласно избранъ
 гражданами города Омска въ градскіе головы, онъ съ дозволенія
 военно-учебнаго начальства принялъ эту должность и проходилъ ее
 совмѣстно съ должностью преподавателя военной гимназии, съ осо-
 бенною пользою для города и со славою для себя. По истеченіи че-
 тырехлѣтняго срока Федоръ Леонтьевичъ въ 1876 г. снова былъ
 избранъ на должность градскаго головы и снова съ честью прохо-
 дилъ ее, только не успѣлъ дожить до окончанія втораго срока, на
 какой былъ избранъ. Покойный, всегда и во всемъ отличаясь воз-
 держностію и не бывши никогда тучнымъ, бывши напротивъ чело-
 вѣкомъ сухимъ, скончался, какъ сказано и въ самомъ словѣ, мо-
 ментально: упалъ со стула, нѣсколько разъ простоналъ и только.
 У него, по объясненію докторовъ, случился разрывъ сердца или ар-
 теріи. И отецъ г. Чернавина умеръ тоже скоропостижно, толь-
 ко тотъ умеръ бывши уже 69 лѣтъ.

ленія жизни до будущаго, до старости, до предсмертной болѣзни, а напротивъ быть, подобно мудрымъ двамъ притчи Христовой, всегда готовыми къ сръбтенію жениха, каждочасно имѣть въ запасѣ не только свѣтильники вѣры, но и елей добрыхъ дѣлъ. Но дѣлаемъ ли мы, слуш., это, думаемъ ли мы не только молодые, а и старыя, о смерти, готовимся ли заблаговременно ко встрѣчѣ небеснаго Жениха?!

Это первый урокъ, который преподаеть намъ смерть предлежащаго раба Божія Θεодора. А вотъ намъ отъ нея и другой урокъ. Усопшій съ самаго поступленія на службу, слѣдовательно около 30 лѣтъ, ежегодно очищаль совѣсть свою посредствомъ покаянія и соединялся съ Госп. Ис. Христомъ посредствомъ приобщенія не иначе, какъ на недѣлѣ, посвящаемой Церковію воспоминаію страданій Христовыхъ; но нынѣ онъ сдѣлалъ это на четвертой, на крестопоклонной недѣлѣ, до смерти всего только за одну недѣлю.

Какъ же это такъ, отъ чего это онъ нынѣ такъ поступилъ? Можетъ быть имъ сдѣлано это въ соображеніи, что на страстной недѣлѣ будетъ очень сыро и потому неудобно часто ходить или ѣздить въ храмъ для богомоленія? Но развѣ въ прежніе годы на послѣдней недѣлѣ великаго поста у насъ не бывало грязи, да иногда еще и непроходимой,—развѣ усопшій этого не зналъ, или не помнилъ?!—Или: быть можетъ, онъ въ этомъ послѣдовалъ совѣту своей набожной матушки? Да, она дѣйствительно ему совѣтовала это. Но и опять развѣ прежде отъ нея подобныхъ совѣтовъ ему не бывало?! Если же дѣйствительно не бывало, то отъ чего же ей пришло на мысль совѣтовать это именно нынѣ? Да отъ того, скажутъ, что она стала нынѣ замѣчать въ сынѣ ослабленіе здоровья. Положимъ, что это и такъ, что это и дѣйствительно справедливо. Но вѣдь покойный не настолько былъ нездоровъ, чтобы можно было ему самому и его родительницѣ опасаться за его жизнь: всѣмъ извѣстно, что онъ и въ по-

слѣднее время дѣлами своими занимался по прежнему, что и въ предшествующія сему недѣли онъ жилъ какъ и всегда — тихо, воздержно, что гдѣ и у кого онъ бывалъ прежде, тамъ и у тѣхъ бывалъ онъ и теперь; даже и въ послѣдній день жизни, какъ видѣли мы, онъ былъ здоровъ, веселъ, разговорчивъ, и не безъ дѣла проводилъ время. Да это (т.-е. исповѣдь и причащеніе не на седьмой, а на четвертой недѣлѣ), скажутъ иные, была простая случайность, не болѣе какъ весьма обыкновенный случай. Но что такое случай? Случай,—это—пустое, безъ всякаго понятія и содержанія слово; случая на дѣлѣ нѣтъ; въ случай, въ судьбу пусть вѣруеть язычникъ, а не христіанинъ; христіанинъ вѣруеть въ Бога, а у Господа Бога есть божественный Промыслъ. Господь Богъ всевѣдущъ; вотъ Господь по Своему всевѣдѣнію и предвидѣлъ, что вѣрный рабъ Его не доживетъ до обычнаго его срока исповѣди и причащенія, предвидѣлъ, что смерть его не предварится болѣзнію, что смерть его будетъ мгновенная,—такая, что онъ не будетъ имѣть времени не только пригласить къ себѣ духовника и принести предъ нимъ покаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ и сподобиться отъ него принять тѣло и кровь Госп. Ис. Христа, а даже и проститься съ своими кровными, сдѣлать хотя бы какіянибудь распоряженія по дому и насчетъ имѣнія своего, даже только припомнить въ умѣ своемъ хотя бы главныя свои прегрѣшенія; и вотъ Онъ всевѣдущій по Своей любви, по Своему милосердію къ усопшему, Своимъ божественнымъ промысломъ вопервыхъ повліялъ на его родительницу, внушилъ ей заботу о здоровьѣ сына и благѣ его души, внушилъ ей предложить сыну добрый совѣтъ не откладывать до обычнаго его срока исполненія своего христіанскаго долга; а вовторыхъ, Господь подѣйствовалъ и на сына—принять отъ родительницы совѣтъ, хотя, по видимому, для него и не совсѣмъ пригодный. Итакъ, слушатели, не случай, а промыслъ милосердаго Господа устроилъ, что усопшій, несмотря на свою мгновенную

кончину, отошелъ въ вѣчность напутствованный, съ очищенной совѣстію. Какой же изъ этого, повидимому, маленькаго событія съ усопшимъ теперь извлечь намъ урокъ? А вотъ какой: когда у кого либо изъ насъ раждается святая мысль, приходитъ намъ желаніе сдѣлать что нибудь доброе, напр. примириться, съ кѣмъ мы состояли во враждѣ, помочь нуждающемуся, почитать святаго Писанія, отправиться въ праздникъ или наканунѣ праздника въ храмъ, помолиться поусерднѣе, хотя бы только дома,—не противиться этому желанію, не откладывать осуществленія доброй мысли до слѣдующаго, до другаго времени, а поскорѣе, тотчасъ приводить ее въ исполненіе;—и будетъ это и Господу Богу угодно, и душѣ нашей спасительно, и для ближнихъ нашихъ полезно.

Это уроки, благочестивые слуш., отъ особенныхъ обстоятельствъ кончины предлежащаго собрата нашего; но уроки для насъ есть и могутъ быть извлекаемы и отъ качествъ души его, и отъ обстоятельствъ его жизни, службы, дѣятельности. Напримѣръ—покойный отъ Господа Бога и отъ природы былъ щедро надѣленъ талантами *); но онъ, при богатыхъ своихъ талантахъ, не поступалъ подобно инымъ способнымъ отъ природы, не надѣялся только на свои способности, — нѣтъ, онъ трудился и трудился, въ

---

*) Покойный О. Л. поступилъ въ Тобольскую гимназію 7, а окончилъ курсъ 14 лѣтъ. Такъ какъ въ то время (въ 1845 году) уже существовало постановленіе не принимать въ студенты университета моложе 16 лѣтъ, то Чернавинъ просидѣлъ въ послѣднемъ классѣ гимназіи еще годъ. Начальство гимназіи ходатайствовало предъ университетскимъ начальствомъ о дозволеніи ѣхать тогда Чернавину въ университетъ, удостовѣряя при этомъ, что онъ для слушанія университетскихъ лекцій уже достаточно зрѣлъ, и докладывая, что ему къ началу ученія въ университетѣ до 16 лѣтъ не будетъ доставать только полугода; но это ходатайство начальствомъ университета и опять не было признано уважительнымъ. Бѣдный Чернавинъ просидѣлъ въ послѣднемъ классѣ гимназіи (а отчасти прожилъ въ домѣ родителей) и 3-й годъ; почему и поѣхалъ въ Казань вмѣсто 1845 г. только въ 1847 году.

дѣтствѣ и юности развивалъ природныя способности ученіемъ, усердіемъ къ класснымъ занятіямъ, а въ мужествѣ на службѣ чтеніемъ дѣльныхъ сочиненій, собственными работами, размышленіемъ и бесѣдой съ знающими людьми. Или: покойный росъ въ бѣдности. Чтобы не быть въ тягость скуднымъ и многосемейнымъ своимъ родителямъ *), онъ учась (и въ гимназій и университетѣ) самъ, училъ другихъ и этимъ пріобрѣталъ кой-что и для содержанія лично самого себя и отчасти въ помощь своимъ родителямъ. Когда выучился и поступилъ на службу съ хорошимъ содержаніемъ, покойный пріютилъ къ себѣ бѣдныхъ и престарѣлыхъ родителей, принялъ на свое содержаніе сестеръ, братьевъ, племянниковъ, племянницъ и другихъ даже не близкихъ родственниковъ, поилъ и кормилъ ихъ всѣхъ, такъ что, самъ лично бывши безсемейнымъ, онъ постоянно видѣлъ вокругъ стола своего до десятка или около того лицъ; умиравшихъ изъ нихъ честно погребалъ; подроставшихъ сестеръ, по силѣ и возможности, надѣлялъ и пристраивалъ въ замужство; учившихся брата и племянниковъ, при всей возможности и при полномъ правѣ сдать на казенное содержаніе, онъ воспитывалъ при себѣ и на собственный счетъ — для того, конечно, чтобы имѣть ихъ постоянно подъ личнымъ своимъ надзоромъ и, въ случаяхъ нужды, помогать имъ въ учебныхъ занятіяхъ; другимъ родственникамъ, жившимъ не съ нимъ, а между тѣмъ нуждавшимся въ средствахъ къ жизни, помогалъ; да онъ не отказывалъ въ помощи и совершенно постороннимъ для него, но истинно нуждавшимся людямъ**); и все это дѣ-

*) Отецъ Федора Л. былъ бѣдный тобольскій чиновникъ.

***) Въ кадетскомъ корпусѣ, а послѣ и въ военной гимназій бывали и бываютъ частыя подлиски между прочимъ въ пользу разныхъ нуждающихся. Другіе изъ служащихъ, и весьма не мало получающіе, да и не обремененные семействами, бывало, отговариваются, отрекаются отъ пожертвованій подъ разными предлогами, и именно только предлогами; Федоръ Леонтьевичъ напротивъ

лалъ онъ, т.-е. и помогалъ своимъ и чужимъ и при себѣ многихъ содержалъ, безъ всякихъ расчетовъ, даже безъ ожиданія благодарности отъ благодѣтельствуемыхъ имъ, безъ замѣчаній, иногда дѣлаемыхъ помогающими и нерѣдко обидныхъ для получающихъ помощь, касательно ихъ предшествующей жизни,—безъ наставленій, какъ симъ получающимъ помощь жить впередъ и какое имъ употребленіе сдѣлать изъ получаемаго.

Но вотъ еще что здѣсь замѣчательно: у усопшаго были, кромѣ единоматернихъ, разноматерніе братья и сестры: онъ и съ этими послѣдними точно также, какъ и съ единоматерними, жилъ всегда въ полномъ согласіи и искреннѣйшей дружбѣ, что, какъ извѣстно, въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть разноматернія дѣти, не часто, по крайней мѣрѣ не всегда бываетъ

Теперь о службѣ почившаго. Почившій почти всю свою жизнь провелъ на учебной службѣ и именно въ одномъ изъ здѣшнихъ военно-учебныхъ заведеній *) и только нѣкоторую, гораздо меньшую ея часть посвятилъ службѣ городской. Служа по учебной части, почившій безъ крайней нужды (а эти крайнія нужды, т.-е. тяжкія болѣзни, съ нимъ, по милости Божіей, случались весьма рѣдко) никогда не опускалъ своихъ уроковъ; уроки свои, несмотря на то, что они были по предметамъ самымъ труднымъ (каковы разныя части математики, а также по временамъ физика, химія и космографія), онъ преподавалъ

никогда не отрекался отъ пожертвованій и нерѣдко подписывалъ гораздо щедрѣ другихъ, между тѣмъ какъ у него по дому, по семейству бывали весьма значительные расходы.

*) Въ Сибирскомъ кад. корпусѣ, послѣ преобразованномъ въ Сиб. военную гимназію, какъ уже и сказано въ 1-мъ примѣчаніи. Состоя на службѣ въ кадет. корпусѣ, онъ нѣсколько лѣтъ, впрочемъ какъ бы частнымъ образомъ, съ пользою служилъ инспекторомъ классовъ въ Омской женской гимназіи и болѣе 10 лѣтъ состоялъ членомъ распорядительнаго совѣта при женской гимназіи сначала по званію депутата отъ мѣстнаго дворянства, а потомъ уже по должности градскаго головы.

такъ, что съ одной стороны имъ всегда бывали довольны начальники, которые за то уважали его и награждали его и чинами, и знаками отличія, и назначеніемъ весьма значительнаго содержанія,—а съ другой (стороны) воспитанники всѣхъ курсовъ, съ которыми только онъ занимался, не только уважали, а и любили его и любили едвали не предпочтительно предъ всѣми прочими его сослуживцами, что, какъ хорошо извѣстно каждому гдѣ-либо учившемуся, достается далеко не всѣмъ преподавателямъ и воспитателямъ. Уважали и любили его воспитанники за отличное знаніе имъ преподаваемыхъ предметовъ, за ясное, простое и удобопонятное для нихъ изложеніе имъ тѣхъ предметовъ, за простоту въ обращеніи съ ними, за снисходительность къ нимъ (хотя и вовсе безъ поблажекъ) при сдачѣ ими предъ нимъ уроковъ и пр. Я вполне увѣренъ, да знаю, что и всѣ бывшіе мои сослуживцы *) вполне же убѣждены, что многочисленные бывшіе наши воспитанники, служащіе теперь и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и въ особенности въ Сибири, когда узнаютъ о преждевременной и столь внезапной кончинѣ Ѳедора Леонтьевича, глубоко пожалѣютъ о немъ и помянутъ его однимъ добромъ. О, какъ было бы хорошо и для самаго дѣла воспитанія и для ученія русскаго юношества, еслибъ на службѣ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ (и военнаго, и гражданскаго, и духовнаго) побольше состояло такихъ преподавателей, которые пользовались бы уваженіемъ и любовію своихъ учениковъ въ такой же степени, въ какой пользовался ими подлежащій усоншіи, любовію и уваженіемъ, замѣтимъ, заслуженными за истинныя преподавательскія и воспитательскія качества, а не за какія-нибудь фальшивыя, не за ласкательство напр., или

---

*) Служащихъ въ воен. гимназін называю здѣсь бывшими моими сослуживцами потому, что я, по преклонности лѣтъ и немощамъ тѣлеснымъ, въ одно время (въ 1877 г.) съ г. Чернавнымъ вышелъ въ отставку.

заискиваніе предъ учениками, не за потачку слабостямъ обучаемыхъ!

Что наконецъ сказать о послѣдней службѣ усопшаго, службѣ по городу Омску? Объ этомъ лучше меня знаютъ многіе изъ предстоящихъ здѣсь, да едва ли и не всѣ здѣшніе граждане. Я съ своей стороны могу сказать здѣсь то только, что покойный не учился въ университетѣ законовѣдѣнію, что покойный до послѣднихъ шести-семи лѣтъ не служилъ нигдѣ ни по судебной, ни по административной частямъ, да и въ головы города Омска изъ чиновниковъ и учащихся онъ избранъ былъ первый; ранѣе не только въ Омскѣ, а и въ цѣлой Россіи такіе примѣры встрѣчались чрезвычайно рѣдко и, если встрѣчались, то развѣ въ послѣднія 10 или 15 лѣтъ. Несмотря на все это, съ первой же поры его поступленія въ градскіе головы, какъ прекрасно пошли городскія дѣла! Городскіе доходы съ перваго же года его управленія, притомъ безъ отягощенія гражданъ поборами, стали весьма значительно увеличиваться; въ слѣдующіе за тѣмъ годы они все болѣе и болѣе возрастали и къ настоящему году противъ прежняго увеличились болѣе чѣмъ вдвое*). За тѣмъ въ бытность покойнаго градскимъ головой сколько произведено по городу, и опять безъ особенныхъ сборовъ съ жителей, существенно полезныхъ, даже необходимыхъ, между тѣмъ весьма и весьма не дешевыхъ построекъ, начиная съ городской больницы, гостинныхъ рядовъ, домовъ для разныхъ учебныхъ заведеній и до помѣщеній для нѣкоторой части полиціи и пожарной команды, до втораго городскаго моста**) и пр. и пр.! Еще: въ бытность покой-

---

*) На 1872 годъ, годъ вступленія г. Чернавина въ должность гр. головы, городскихъ доходовъ къ сбору было предположено 20 тыс. (а до того городъ почти обыкновенно имѣлъ доходовъ и еще меньше, только до 17 тыс.), а на 1879 годъ—годъ смерти его—собрать ихъ предположено слишкомъ 42 тысячи.

**) Всѣ эти зданія деревянныя, но судя по доходамъ и вообще по небогатому состоянію гор. Омска весьма не дешевыя, напр. постройки-

наго головой, въ Омскѣ не мало вновь открыто учебныхъ заведеній; для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ сейчасъ замѣчено, устроены городомъ весьма приличныя помѣщенія, а нныя изъ нихъ даже приняты городомъ на свое содержаніе или вполнѣ, или только отчасти *); въ его же бытность головой городъ принялъ на собственное содержаніе городскую больницу и богадельню, чего прежде не было; въ его же бытность головой получилъ въ Омскѣ свое существованіе городской общественный банкъ, отъ чего, конечно, поуменилось у насъ раззорительное для людей небогатыхъ, а также и для торгующихъ ростовщичество. Въ послѣднія пять - шесть лѣтъ и дѣла думскія пошли, сравнительно съ прежнимъ, быстрѣе, правльнѣе и безобиднѣе для обращающихся по своимъ дѣламъ въ Думу или въ управу. Припомнимъ, предстоящіе, при этомъ и то, какъ покойный былъ доступенъ для всѣхъ: хотя бы бѣднякъ, хотя бы самый послѣдній въ обществѣ человѣкъ обращался къ нему въ нужныхъ обстоятельствахъ, въ недоумѣнныхъ случаяхъ за совѣтомъ, съ вопросами; онъ никому не отказывалъ, терпѣливо выслушивалъ, всякому разъяснялъ дѣло, приводилъ законы, представлялъ свои основанія, указывалъ, куда обратиться, какъ начать и повести дѣло. Голова у него была полна ума и сердце преисполнено желаніемъ добра! Не напра-

---

ка лавокъ стоила около 7 тыс., постройка город. больницы до 5 тысячъ. Для учебныхъ заведеній въ послѣднее время устроены зданія, для женской прогимназіи, для городской женской школы, для 2-го приходскаго (мужскаго) училища; да въ добавокъ къ суммѣ, отпущенной министерствомъ народнаго просвѣщенія на постройку зданія для Омской классической гимназіи, было приготовлено Думою 6 тыс. руб.

*) Изъ учебныхъ заведеній городомъ содержатся два мужскихъ приходскихъ училища, женская Крестовоздвиженская школа, и женской прогимназіи городомъ въ пособіе отпускается 500 рублей. Къ началу слѣдующаго учебнаго года будетъ открыта и вторая женская школа; городомъ или лучше Чернавиннымъ изысканы и средства на то—1500 рублей.

сно же почти всѣ горожане говорятъ теперь: «такого головы прежде у насъ не было»; или: «не нажить намъ такого головы; кого же мы теперь на его мѣсто выберемъ»? Бывали для усопшаго градскаго головы и огорченія (когда же впрочемъ для энергическихъ дѣятелей и не бываетъ ихъ?) и противодѣйствія его добрымъ намѣреніямъ и распоряженіямъ; но онъ изъ-за нихъ не опускалъ рукъ и не оставлялъ дѣла и именно ради пользы города.

Сколько уроковъ изъ жизни и изъ дѣятельности усопшаго могутъ извлекать для себя ученикъ и учитель, семейный человѣкъ и безсемеиный, состоящій на службѣ и несостоящій, сочувствующій нуждамъ ближнихъ и проч. и проч.!

Помолимся, слуш., чтобы Господь Богъ рабу своему Теодору—за христіанскія качества его души, за его трудолюбіе, за добро, какое онъ дѣлалъ для учащагося юношества и для здѣшняго города, для своихъ присныхъ и чужихъ, чтобы Господь Богъ на судѣ своемъ праведномъ изрекъ ему слова господина притчи Христовой о талантахъ: *раба благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю; види въ радость (въ небесныя обители) господина твоего, въ награду за твою вѣрность и трудолюбіе* (Мѣ. 25, 21). Помолимся, чтобы Господь *вчинилъ его душу, идѣже праведніи упокоются, чтобы Онъ упокоилъ его, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная*. Аминь.

Прот. Александръ Сулоцкий.

20 марта 1879 г.

Омскъ.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ БИБЛЕЙСКИХЪ ПОВѢСТВОВАНІЙ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Р у в и м ь .

Рувима подражая окаянный азъ, содѣяхъ беззаконный и законопреступный совѣтъ на Бога вышняго, осквернивъ ложе мое, якоже отчее онъ. Быт. 35, 22.

Рувимъ былъ старшій сынъ Іакова отъ брака его съ Лією, родившійся въ Месопотаміи. Изъ исторіи приключеній брата его Іосифа извѣстно, что Рувимъ воспротивился намѣренію братьевъ умертвить Іосифа и сохранилъ жизнь его, давъ совѣтъ лучше бросить его въ ровъ, чѣмъ проливать невинную кровь. Но Рувимъ же оставилъ по себѣ недобрую память преступнымъ поведеніемъ въ отношеніи къ отцу. Онъ осквернилъ ложе отца своего, вступилъ въ преступную связь съ наложницею его Валлою, за чтò въ предсмертномъ завѣщаніи Іакова лишены правъ первородства, которыя перешли на Іуду (Быт. 49, 3. 4. 8.).—Любодѣйство, особенно же кровосмѣшеніе, въ чемъ провинился Рувимъ, есть самый тяжкій грѣхъ. Къ сожалѣнію подобный грѣхъ допускается и въ отношеніи къ Богу. Въ Писаніи Ветхаго и Новаго завѣта религіозный союзъ Бога съ человѣкомъ представляется подъ образомъ брака, и нарушеніе вѣрности Богу, отступленіе отъ истиннаго богопочтенія, уклоненіе къ инымъ богамъ, называется блуженіемъ (Исх. 20, 5; 34, 15. Второз. 32, 10. Иса. 62, 5. Іез. 16, 8—4. Мат. 9, 15. Апок. 19, 7; 21, 2). Вопросы себя, христіанинъ, не виновенъ ли и ты въ

этомъ грѣхѣ, не оскорбляешь этимъ грѣхомъ Бога, какъ Рувимъ своего отца?—Со времени возрожденія въ купели крещенія ты вступилъ въ такоеже тѣсное отношеніе къ Господу, въ какомъ находятся дѣти къ отцу, жена къ мужу. Устами воспріемника ты далъ обѣтъ вѣрности Христу, и закрѣпилъ этотъ обѣтъ въ таинствѣ муропомазанія, пріявъ печать дара Духа Святаго, какъ залогъ вѣрности Христу, подобный обручальному перстню. Съ тѣхъ поръ ты обязался принадлежать единому Христу,—и въ сердце твое, которое должно быть ложемъ Его единого, не допускать враговъ Его и твоего спасенія. Но не осквернилъ ли ты этого ложа, открывъ его этимъ врагамъ? Не измѣнилъ ли ты Христу, промѣнявъ служеніе Ему на служеніе міру съ его нехристіанскими обычаями, плоти съ ея самоугодіемъ и нечистыми мудрованіями и требованіями, и діаволу, отъ котораго отрекся въ день крещенія, но который доселѣ дѣйствуетъ въ сынахъ противленія, искушая ихъ на всякое нечестіе и неправду? Не вступилъ ли ты съ этими враждебными силами въ незаконный и законопреступный совѣтъ на Бога вышняго, рабски покоряясь ихъ внушеніямъ и дерзко возставая противъ заповѣдей и оправданій Господнихъ? Горе тебѣ, душа христіанская, если до конца земной жизни пребудешь въ такомъ состояніи. Подобно Рувиму, потерявшему первородство, тебѣ грозитъ опасность не попасть въ церковь первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, быть недопущенною въ общество ихъ (Евр. 12, 23), и раздѣлить участь отверженныхъ духовъ. Поспѣши, подобно блудному сыну Евангельской притчи, вступить на путь покаянія и съ слезами обратившейся блудницы припади къ ногамъ Иисуса, и Онъ, не отринувшій слезъ блудницы, приметъ и тебя въ свои благодатныя объятія и помилуетъ тебя.

І О С И Ф Ъ.

Исповѣдаюся Тебѣ, Христе Царю: согрѣшихъ, согрѣшихъ, яко прежде Іосифа братія продавши, чистоты плодъ и цѣломудрія. Быт. 37, 28.

Іосифъ, сынъ Іакова отъ Рахили, возвышался надъ своими братьями нравственными достоинствами. Онъ поистинѣ былъ плодомъ чистоты и цѣломудрія,—потому что въ его душѣ плодоносно раскрылись эти качества. Его чистая душа возмущалась тѣми нравственными недостатками, которые онъ замѣчалъ въ своихъ братьяхъ, и за которые онъ обличалъ ихъ предъ своимъ отцемъ. За цѣломудріе Іосифъ подвергся гоненію отъ жены Пентефрія, озлобленной его сопротивленіемъ ея безстыдству. Но не отъ ней одной ему пришлось терпѣть и страдать. Еще живя въ домѣ родительскомъ, онъ подвергся ненависти своихъ родныхъ братьевъ. Они озлобились на него за то, что онъ пользовался преимущественнымъ расположеніемъ отца,—за то, что онъ обличалъ ихъ поведеніе предъ отцемъ и,—за то, что простосердечно разсказалъ имъ сны, предвозвѣщавшіе ихъ униженіе предъ нимъ. Они не могли простить ему всего этого и сначала хотѣли убить, но потомъ одумались и продали его въ неволю измаильскимъ купцамъ, ѣхавшимъ въ Египетъ. — Такой поступокъ менѣе преступенъ, чѣмъ убійство, но все же преступенъ, ибо несправедливъ, жестокъ и безчеловѣченъ. Къ сожалѣнію, не поступаетъ ли подобнымъ образомъ, несправедливо и безчеловѣчно, и христіанинъ въ отношеніи къ ближнимъ своимъ? Онъ долженъ любить ихъ какъ братій своихъ по происхожденію отъ общаго всѣхъ Отца Бога, какъ сотворенныхъ по образу и подобию Божію, какъ искупленныхъ кровію Христа. Особенно онъ долженъ любить тѣхъ изъ ближнихъ, которые подобно Іосифу возвышаются надъ другими нравственною чистотою и цѣломудріемъ и свѣтомъ духовныхъ совершенствъ побуждаютъ насъ къ про-

славленію Отца небеснаго. Но не случается ли, что эти именно нравственные достоинства въ нашихъ ближнихъ не только не цѣнятся нами, но еще вооружаютъ противъ нихъ? Не случается ли, что люди правдивые и благонамѣренные, если вздумаютъ подобно Іосифу обличать и вразумлять ближнихъ своихъ за нечестіе и развратъ, встрѣчаютъ съ ихъ стороны не благодарность, а одну досаду и вражду? Не случается ли даже, что люди истинно благочестивые и добродѣтельные навлекаютъ на себя ненависть людей міра не обличеніями и вразумленіями, а единственно тѣмъ, что благочестивы и добродѣтельны, по закону: «всякъ дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть» (Іоан. 3, 20)? Свѣтъ благочестія и добродѣтели нестерпимъ для дѣлающихъ злая, какъ свѣтъ солнца нестерпимъ для больныхъ глазъ. Дѣлающіе злая не прощаютъ тому, кто не на ихъ сторонѣ, кто обличаетъ ихъ самою противоположностію своихъ убѣжденій и жизни ихъ мнѣніямъ и поведенію. Они никакъ не могутъ ужиться съ нимъ, — они тяготятся однимъ присутствіемъ его вблизи себя. — Тяжело положеніе его среди нихъ; онъ однако не смущается, утѣшая себя сочувствіемъ къ нему благомыслящихъ людей и добрымъ вліаніемъ своего образа мыслей и жизни на окружающую среду. Но это сочувствіе и доброе вліаніе еще пуще раздражаетъ противъ него людей міра, — и они всячески стараются вредить ему, поступая въ этомъ случаѣ также безжалостно, какъ безжалостны были къ Іосифу его братья. Эти обрекли его на позоръ неволи: и тѣ стараются уничтожить и опозорить чистаго и непорочнаго христіанина, распространяя про него клеветы и злыя свои сужденія. Онъ богомоленъ, правдивъ, человеколюбивъ, честенъ. Нѣтъ, говорятъ его недоброжелатели, — онъ — ханжа, лицемѣръ и все, что ни дѣлаетъ для блага ближнихъ, дѣлаетъ по корыстнымъ побужденіямъ, чтобы выслужиться у людей, задобрить ихъ, заслужить награду отъ начальства и всеобщія похвалы. И сбывается слово

Апостола: «все хотящїи благочестно жити о Христѣ Иисусѣ гоними будутъ» (2 Тим. 3, 12).—Вопроси себя, душа христіанская, не поступаешь ли и ты въ отношеніи къ чистымъ и непорочнымъ по вѣрѣ и жизни ближнимъ твоимъ подобно этимъ гонителямъ, и если совѣсть обличитъ тебя въ подражаніи имъ, въ несправедливости и озлобленіи противъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей,—то поспѣши раскаяться въ этомъ грѣхѣ, не опорозорь себя подражаніемъ братьямъ Іосифа, поступившимъ съ нимъ несправедливо и жестоко.

Аще и въ ровъ поживе иногда Іосифъ, Владыко Господи, но во образъ погребенія и востанія твоего: азъ же, что тебѣ когда сицевое принесу? Быт. 37, 24.

Бѣдственно было положеніе Іосифа, брошеннаго братьями въ ровъ, т.-е. въ пустой, безводный колодезь, и находившагося въ опасности умереть въ немъ голодною смертію. Но въ этомъ положеніи Іосифъ послужилъ образомъ Христа Спасителя. Враги Господа Іисуса «положиша Его въ ровъ преисподнемъ, въ темнѣмъ и сѣни смертнѣй» (Иса. 87, 7), т.-е. довели его до смерти и погребенія. Но какъ Іосифъ изведенъ былъ живымъ отъ рва, и проданный въ Египеть, здѣсь прославился: такъ Іисусъ Христосъ возсталъ изъ гроба со славою.—Образомъ погребенія и воскресенія Христова служитъ также таинство крещенія, совершенное надъ каждымъ изъ насъ (Рим. 6, 3—5). Купель, въ которую насъ погружали,—это гробъ Христовъ, въ которомъ погребался нашъ ветхій человѣкъ, наша растлѣнная грѣхомъ природа. Выходъ изъ купели,—это—возстаніе наше для новой благодатной жизни, это—наше духовное рожденіе, вступленіе въ права и обязанности чадъ Божіихъ, любящихъ Господа, какъ Отца по благодати и изъ любви послушныхъ Его святой волѣ. Какъ только окрещенъ человѣкъ, онъ святъ и непороченъ, такъ что, еслибы померъ тотчасъ по выходѣ изъ купели,

прямо въ рай перешель бы. Этимъ объясняется существованіе обычая въ древней церкви—отлагать крещеніе до конца жизни: желали умереть чистыми и святыми, какими стали въ крещеніи. Обычай—не совсѣмъ похвальный, потому что смерть могла заставить врасплохъ и человѣкъ могъ умереть совсѣмъ некрещенымъ; но мысль о святости и непорочности, получаемой въ крещеніи, лежавшая въ основаніи этого обычая, правильна. Къ сожалѣнію, мы не сохраняемъ этой святости. Погребенный въ водахъ крещенія ветхій человѣкъ снова оживаетъ; омытая ими отъ грѣховъ душа снова оскверняется грѣхами и перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ должна быть, какъ спогребенная Христу и совозставшая съ Нимъ въ крещеніи. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ и стыдомъ грѣшникъ пусть говоритъ Господу: Иосифъ былъ образомъ твоего, Господи, погребенія и воскресенія по тѣлу. Былъ и въ моей духовной жизни моментъ, когда отпечатлѣлся на мнѣ образъ твоего погребенія и воскресенія. Но этотъ святой образъ затмился во мнѣ. Я уже не могу сказать, что послѣ спогребенія и сораспанія съ Тобою въ крещеніи я мертвъ для грѣха и живу для одного Бога (Рим. 6, 16). Какъ въ этомъ отношеніи я непохожъ на Иосифа, послужившаго совершеннымъ въ своемъ родѣ образомъ твоего погребенія и возстанія! «Что тебѣ когда сицевое принесу?»—Правда, для оживленія въ себѣ духовной жизни я прибѣгаю ко второму крещенію,—къ покаянію; но и покаяніе мое какъ бесплодно! Какъ быстро велѣдъ за покаяніемъ духовная жизнь побѣждается плотскою! Потерпи меня, Господи, и даруй мнѣ благодать истиннаго покаянія, чтобы не отойти мнѣ изъ сей жизни неочищеннымъ отъ сквернъ грѣховныхъ.

Отъ сродниковъ праведная душа связана, продана въ работу сладкій (возлюбленный), во образъ Господень: ты же вся, душе, продана еси злыми твоими (дѣлами).

Иосифъ проданный въ неволю поистинѣ есть образъ

Господень,—прообразоваль Христа. Черты сходства—очевидныя. Иосифъ былъ праведная и чистая душа. Иисусъ Христосъ ни въ чемъ не былъ виновенъ, грѣха не вѣдалъ и не сотворилъ.—Иосифъ проданъ былъ сродниками—родными братьями. Иисусъ проданъ былъ врагамъ—ученикомъ своимъ, а враги Христа Иудеи—сродники Его по плоти—предали Его Пилату.—Иосифъ проданъ за 20 сребренниковъ, Иисусъ—за 30.—Жалко было положеніе Иосифа; но не менѣе жалко положеніе души, которая сама себя продастъ въ неволю врагу своего спасенія—дѣволу, творя въ угоду ему злыя дѣла. Душа создана по образу и подобію Божію, умалена немногимъ чѣмъ предъ ангелами, искуплена безцѣнною кровію Богочеловѣка, дороже цѣлаго міра, ибо «какая польза человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ, или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою» (Мат. 16, 26). И вотъ ее-то, эту безцѣнную душу грѣшникъ продаетъ въ неволю врагу за безцѣнокъ. Христу дѣволъ обѣщаль предать всѣ царства міра и славу ихъ, если Христосъ ему поклонится, отдастъ ему себя подъ власть (Мат. 4, 9). А грѣшная душа продаетъ себя дѣволу несравненно дешевле—за какія-нибудь ничтожныя блага и удовольствія міра,—и продаетъ себя всецѣло (*вся*), всѣмъ своимъ существомъ. Извѣстно выраженіе: продажная душа, продажный человѣкъ. Для продажнаго человѣка ничего нѣтъ завѣтнаго. Нѣтъ ни одного злаго дѣла, на которое бы онъ не рѣшился изъ самоугодія и корысти. Страсть къ наживѣ заглушаетъ въ немъ голосъ совѣсти, разума и естественное доброе чувство. Одержимый этою страстію не задумается взять на себя оправданіе на судѣ отъявленнаго злодѣя, скрыть свое имущество отъ займодавецевъ и, объявивъ себя несостоятельнымъ должникомъ, пустить ихъ по міру, войти въ смѣлыя, основанныя на обманѣ, торговыя или промышленныя предпріятія, поджечь свой домъ для полученія страховой суммы и т. п. Все это радуется врага нашего спасенія: грѣшникъ злыми своими дѣлами попалъ въ сѣть его, улов-

лень въ волю его (2 Тим. 2, 26), слѣдственно рабъ его, хотя не сознаеть этого рабства. Но есть и такіе грѣшники, которые сознательно продають свою душу діаволу, когда, напримѣръ, оставляя вѣру въ силу Божію, прибѣгаютъ за помощію къ людямъ, которыхъ почитаютъ орудіями сатаны (колдунамъ),—и готовы снять съ себя крестъ, чтобы только получить отъ нихъ помощь. Все это грубыя злыя дѣла. Положимъ, ты, душа христіанская, еще не дошла до такой крайности; но знай, что всѣ, изъ какихъ нибудь житейскихъ расчетовъ измѣняющіе христіанской совѣсти, больше или меньше находятся на сторонѣ врага Бога и человѣковъ, князя воздушнаго, дѣйствующаго доселѣ въ сынахъ противленія (Еф. 2, 2). И горе тебѣ, душа христіанская, если ты не поспѣшишь свергнуть власть его надъ собою! Всѣ твои злыя дѣла, которыми ты продаешь себя ему, онъ вноситъ въ свое рукописаніе, въ свою долговую запись, чтобы въ свое время получить по ней уплату,—т.-е. на вѣки погубить тебя. О Христе, пригвоздивый на крестѣ грѣхъ Адамовъ, раздери это пагубное рукописаніе и дай мнѣ силу бороться съ кознями діавола.

Іосифа праведнаго и (его) цѣломудреннаго ума подражай, окаянная и неискусная (непотребная) душе, и не оскверняйся безсловесными (неразумными) стремленіями, присно беззаконнующи.

Праведность Іосифа состояла въ его правдивости и прямотѣ, съ какою онъ, какъ уже было сказано выше, обличалъ предъ отцемъ братьевъ своихъ,—въ его незлобіи, съ какимъ онъ принялъ въ Египтѣ братьевъ своихъ, удержавшись отъ желанія заплатить имъ обидою за обиду,—въ честности и добросовѣстности, какую онъ обнаружилъ, находясь въ услуженіи у царедворца Пентефрія и въ темничномъ заключеніи,—въ его богобоязненности и смиреніи предъ Богомъ, ибо на высотѣ славы и среди соблазновъ языческой жизни онъ не зазнался, непрестанно помнилъ милости къ нему Господа и сохранилъ истинную вѣру. Все это такія качества, которыя если свой-

ственны были ветхозавѣтному человѣку, не тѣмъ ли паче должны служить украшеніемъ новозавѣтнаго вѣрующаго, которому заповѣдано не довольствоваться исполненіемъ законной правды, но возвышаться къ праведности предъ Богомъ, даруемой вѣрою во Христа. Къ сожалѣнію и между христіанами есть люди, которые или совсѣмъ небрегутъ объ угожденіи Богу жизнію по заповѣдямъ Божіимъ, или которыхъ праведность не лучше праведности книжниковъ и фарисеевъ,—наружная только и лицемѣрная. Въ виду примѣра ветхозавѣтной ревности о праведности христіанинъ тѣмъ больше долженъ ревновать о ней, чѣмъ больше дано ему благодатныхъ силъ и средствъ къ тому.—Цѣломудренный, не затемненный страстями, умъ Іосифа проявилъ себя преимущественно въ самообладаніи, которое онъ обнаружилъ предъ женою Пентефрія, склонявшею его ко грѣху съ нею. Кому неизвѣстенъ его отвѣтъ ей: «какъ сотворю глаголь сей злый и согрѣшу предъ Богомъ» (Быт. 39, 9)? Сему цѣломудренному разсужденію слѣдуй и ты, душа христіанская, при встрѣчѣ съ искушеніемъ нецѣломудрія и вообще со всякими грѣховными искушеніями. Какъ я могу не только сдѣлать то или другое худое дѣло, даже помыслить о немъ, предъ лицомъ Бога всевѣдущаго, правосуднаго и святѣйшаго? Отъ людей я могу утаить не только мысли, но и дѣла беззаконныя, даже могу безъ опасенія отвѣтственности предъ ихъ судомъ явно сдѣлать что нибудь дурное: но я боюсь Бога, отъ всевѣдѣнія котораго нельзя скрыть никакой тайны, отъ правосудія котораго никуда не убѣжишь, предъ святостію котораго мерзокъ всякій помысль нечистый.—Такое поистинѣ цѣломудренное, т.-е. здравомысленное, трезвое, разсужденіе могло бы предохранить насъ отъ увлеченія всякими *безсловесными стремленіями*, т.-е. недостойными разумнаго существа порывами страстей, только оскверняющими нашу душу,—и отъ беззаконій. •

Прот. В. Нечаевъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

XLIV.

Любителямъ церковнаго пѣнія.

(Изъ слова св. отца Памвы къ ученику своему. Прол. ноябр, 16 л. 307).

Есть довольно христіанъ, любящихъ церковное пѣніе и участвующихъ въ немъ. Не говоря уже о томъ, что церковное пѣніе есть дѣло вообще пріятное для пѣвцовъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ и полезно для нихъ. Церковь Божія особенно поминаетъ ихъ въ одномъ изъ своихъ прошеній къ Господу и тѣмъ испрашиваетъ имъ особенное Его благоволеніе.

Но очень жаль, братіе, что нѣкоторые изъ пѣвцовъ только грѣшатъ, когда поютъ. Они обыкновенно стараются перекричать другихъ, съ ними поющихъ, и черезъ то нарушаютъ общую гармонію пѣнія и вводятъ въ соблазнъ молящихся, возбуждая въ нихъ или гнѣвъ, или глумленіе. На вразумленіе таковыму я считаю не лишнимъ предложить отзывъ одного изъ св. отцевъ о неблагоприличномъ чѣннѣи, и вмѣстѣ его же урокъ касательно того, каково должно быть настоящее пѣніе.

Преподобный Памва разъ, по дѣлу, послалъ одного изъ учениковъ своихъ въ городъ Александрію. Инокъ пробылъ тамъ пятнадцать дней, и въ это время часто посѣщалъ церковь св. Марка. Такъ какъ служба въ ней очень ему нравилась, то онъ съ сожалѣніемъ оставилъ городъ и грустный возвратился домой. Памва замѣтилъ его грусть и съ участіемъ спросилъ:

«Не случилось ли съ тобой какого несчастія?» Инокъ отвѣчалъ: «въ небреженіи кончаемъ мы дни свои, отче! Видѣлъ я чинъ церковный и слышалъ, какъ поють въ Александріи, и былъ въ печали великой: почему мы не такъ поемъ?»—Старецъ на это сказалъ ему: «горе намъ, чадо!... Какое можетъ быть умиленіе, когда стоять въ церкви и возвышаютъ голоса свои какъ волю? Если стоимъ предъ Богомъ, то должно стоять съ умиленіемъ, а не ухищряться въ пѣніи, не возвышать безъ ума голосъ, не трясти руками, не позволять себѣ неприличныя тѣлодвиженія; необходимо намъ со многими страхомъ и трепетомъ и со слезами умолять Бога, и съ умиленіемъ и воздыханіемъ и благонаравно, тихимъ и смиреннымъ голосомъ Богу молитвы приносить».

Итакъ, братіе, если есть у васъ усердіе послужить Богу пѣніемъ, то пойте со многими страхомъ и трепетомъ, со слезами, съ умиленіемъ, воздыханіемъ, благонаравно и наконецъ тихимъ и смиреннымъ гласомъ. Аминь.

XLV.

Во всякомъ званіи можно спастись.

(Слово о Евхаристіи пастусѣ. Прол. ноябр. 17 л. 311 на об. и 312).

Не разъ я говорилъ, что не въ монастырѣ, а и въ міру и, притомъ, во всякомъ званіи можно спастись, и, чтобы убѣдить васъ въ этомъ, неоднократно приводилъ примѣры святыхъ, которые вошли въ царство небесное, подобно вамъ будучи простаго званія и неучеными. Нынѣ опять намѣренъ доказывать тоже, и думаю, что примѣръ, который приведу, будетъ для васъ назидательнымъ.

Два старца, жившіе въ пустынѣ, просили Бога открыть имъ, насколько подвиги ихъ угодны Ему. Молитва была услышана и голосъ свыше возвѣстилъ имъ, что они не сравнились еще святостію жизни съ однимъ простолудинномъ Евхаристомъ и женою его Марією, которые живутъ въ одномъ изъ селеній Египта. Иноки тотчасъ по-

шли отыскивать этихъ людей и скоро нашли домъ ихъ. Евхаристъ былъ въ отсутствіи, и отцы остались ждать его, и дождались. Вечеромъ, онъ возвратился съ стадомъ овецъ домой и увидавъ старцевъ, умылъ имъ ноги, приготовилъ пищу и просилъ вкусить ее. «Нѣтъ, сказали монахи, ты сначала повѣдай свои добрыя дѣла, а потомъ уже корми насъ. Пока не расскажешь, не вкусимъ у тебя ничего!»—Смиранный Евхаристъ отвѣчалъ: «какія у меня могутъ быть добрыя дѣла? Я пастухъ, а вотъ и моя жена». Старцы настаивали на своемъ; онъ же молчалъ. Видя его непреклонность, они, наконецъ, сказали ему: «отвѣчай намъ: ибо Самъ Богъ послалъ насъ къ тебѣ!» Слыша это, Евхаристъ убоился и отвѣчалъ: «овцы, которыхъ вы видѣли, суть наслѣдство мнѣ послѣ моихъ родителей; все то, что получаю отъ нихъ, я дѣлю на три части: одну отдаю нищимъ, другую употребляю на пріятіе странныхъ, а третью на свои нужды. Съ тѣхъ поръ, какъ Марія стала моею женою, оба мы соблюдаемъ строгое цѣломудріе, на ночь облачаемся въ власяницы—и никому доселѣ объ этомъ не было извѣстно».—Сіе услышавъ, старцы удивились, прославили Бога и возвратились въ пустыню.

Такъ простой пастухъ сталъ выше въ очахъ Божіихъ, нежели старцы, оставившіе вовсе міръ для Бога! Чѣмъ же Евхаристъ достигъ столь высокой степени духовнаго совершенства? Смирениемъ, любовію къ нищимъ, страннолюбіемъ и цѣломудріемъ. Препятствуетъ ли что и вамъ подражать ему въ этихъ добродѣтеляхъ? Конечно нѣтъ. А если нѣтъ, то и подражайте, будьте смиренны, милосерды къ ближнимъ, и живите цѣломудренно, помня, что супружество установлено для благословеннаго рожденія и воспитанія дѣтей, а не для похотливости. Провождая такую жизнь, вы и въ мірѣ можете спастись.

Священникъ Викторъ Гурьевъ.

ДОНЕСЕНІЕ СВ. СИНОДУ МОСКОВСКАГО МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Указомъ св. Синода отъ 15 минувшаго сентября № 9984 требуется мое заключеніе о томъ, какой именно видъ должны имѣть кресты устанавливаемые надъ православными церквами и въ алтаряхъ; и дозволить ли на соборной церкви города Вознесенска (въ Новороссійскомъ военномъ поселеніи) поставить кресты осмиконечные.

Къ разрѣшенію сего вопроса можетъ быть принято въ разсужденіе слѣдующее:

1) На древнѣйшихъ церквахъ въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ поставляемы были кресты четвероконечные, частью сохранившіеся и донныѣ.

2) Со временъ царя Іоанна Васильевича и митрополита Макарія начали быть поставляемы осмиконечные, коковыя частью остаются съ того времени донныѣ.

3) Когда открылось, что раскольники хулятъ четвероконечный крестъ: тогда, со времени собора 1667 года, паки начали поставлять на церквахъ кресты четвероконечные, дабы православная церковь не казалась участвующею въ ложномъ и оскорбительномъ для святаго креста мнѣніи раскольниковъ.

4) Впрочемъ сіе послѣднее не строго было соблюдаемо; и по времени стали ставить на церквахъ четвероконечные и осмиконечные кресты, по произволу.

5) Святитель Димитрій Ростовскій, въ поученіи о четвероконечномъ крестѣ (изд. 1838 г., т. III, стран. 471) говорить: «мы православніи христіане крестныя ты образы четвероконечныи и осмиконечныи или множайшими концы изобразуемыи равнѣ почитаемъ, не ради концевъ ихъ, но ради воспоминанія распятія на крестѣ Христова: не бо въ четвероконечіе и осмиконечіе крестное вѣруемъ, но въ распятаго на крестѣ Господа нашего».

Посему полагаю:

1) Не возбранять на соборномъ храмѣ города Вознесенска поставить осмиконечный крестъ, особенно, если сего предпочтительно желаютъ единовѣрцы.

2) Но на древнихъ церквахъ сохранившіеся четвероколенные кресты достойны тщательнаго неизмѣннаго сохраненія, какъ очевидное и для неграмотныхъ ясное обличеніе погрѣшительнаго мнѣнія раскольническаго.

3) Тоже разсужденіе можетъ быть приложено и къ крестамъ въ алтаряхъ: такъ какъ въ ризницахъ соборовъ и монастырей немало находится крестовъ *) осмиконечныхъ временъ патриаршихъ, и оные употребляются въ богослуженіи невозбранно.

Октября 1-го 1849 г.

Сообщилъ Архим. Гр—ій.

ПИСЬМА МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Къ г-ну Синодальному оберъ-прокурору графу Н. А. Протасову.

1.

Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь! При Троицкой Сергіевской лаврѣ, съ давняго времени производится въ маломъ видѣ иконописаніе, чрезъ желающихъ и способныхъ изъ служителей лавры. Характеръ его прежде склонялся болѣе къ живописи. Но желательно приблизить оный къ древнимъ образцамъ. Въ заведенномъ при лаврѣ начальномъ училищѣ, для штатнослужительскихъ дѣтей и прочихъ обывателей *), также оказались желающіе учиться иконописанію, и сему положено начало. А дабы дать сему въ руководство избранные древніе образцы иконописанія, нужнымъ оказалось завести при лаврѣ небольшую литографію для сдѣланія вѣрныхъ снимковъ съ древнихъ имѣющихся въ церквахъ и въ ризницѣ лавры иконъ. О семъ представилъ мнѣ учрежденный соборъ.

По 2017 статьѣ 1 тома Свода Зак., дозволеніе открывать новыя литографіи принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ удостовѣреніи о благонадежности лицъ, желающихъ имѣть таковыя заведенія. Статья сія очевидно относится до частныхъ свѣтскихъ людей; и, видно, при составленіи ея, не представлялось мысли, что могутъ потребоваться литографіи въ духовномъ вѣдомствѣ.

*) Напрестольныхъ.

*) Училище открыто 1-го ноября 1838 г.

Посему долгомъ поставляю просить в. с—во исходатайствовать разрѣшеніе на заведеніе при Троицко-Сергіевой лаврѣ литографіи для сдѣланія вѣрныхъ снимковъ съ древнихъ святыхъ иконъ. Само собою разумѣется, что литографированіе производимо будетъ на законномъ основаніи, съ разрѣшенія цензуры. Для образца представляю при семъ литографированный снимокъ съ чудотворнаго храмоваго образа. Изображеніе сдѣлано точно въ томъ видѣ, какъ оно является взору въ соборѣ (*Троицкомъ*) съ золотыми вѣнцами, цатами **), окладомъ, и прочими украшеніями.

Съ совершеннымъ почетомъ и преданностію имѣю честь быть, и пр. Декабря 5-го 1843 г.

Лаврская литографія дозволена указомъ св. Синода отъ 17 апрѣля 1844 года. На послѣдовавшемъ докладѣ учрежденнаго собора владыка, 21 мая, написалъ: «Полезно бы было для взятія образцовъ, не ограничиться лаврою, но, по возможности, заимствовать опыты изъ Московскихъ церквей, сохраняющихъ древности сего рода».

2.

Сіятедьвѣйшій графъ, милостивый государь! Въ слѣдствіе отношенія в. с—ва, отъ 11 декабря 1843 года № 9381, настоятели московскихъ монастырей и благочинные церквей донесли, что бывшаго въ Россіи изданія Евангелія на славянскомъ языкѣ, которое расположено не по историческому порядку происшествій, а по порядку праздниковъ и недѣль, начиная съ 1 дня Пасхи, при монастыряхъ, соборахъ и церквахъ нигдѣ не оказалось, кромѣ Коломны, гдѣ по репорту коломенскаго градскаго благочиннаго, соборнаго протоіерея Іоанна Космина, оказалось таковое Евангеліе при тамошнемъ Успенскомъ соборѣ, въ листъ, печатанное въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1707 году на славянскомъ языкѣ, съ нѣкоторыми по мѣстамъ особенностями выговора малороссійскаго, почему и было оное истребовано для личнаго обозрѣнія. По обозрѣніи онаго, я нашелъ, что это экземпляръ, не бібліотекѣ церковной принадлежащій, но напрестольный, съ значительными серебряными украшеніями и достойный памяти и сохраненія въ Коломенскомъ соборѣ, потому что есть вкладъ блаженныя памяти митрополита Платона, по-

**) Цата—полукруглый подвѣсъ, прикрѣпляемый въ вѣнцу.

чему и не признается удобнымъ отправить его въ Константинопольскую патріаршую типографію. И сіи обстоятельства довожу до свѣдѣнія в. с—ва, въ надеждѣ, что для сей потребности найдется другой экземпляръ, болѣе удобный къ отправленію.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч. Марта 18-го 1844 г.

Сообщилъ Архим. Гр—ій.

РЕЗОЛЮЦІИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Владыка, получивъ послѣ князя А. Н. Голицына золотой крестъ съ алмазами, на золотой цѣпи, съ частію въ немъ животворящаго древа креста Господня, даль, 25-го февраля 1845 г., резолюцію: «консistorіи предписать намѣстнику Чудова монастыря, чтобы крестъ былъ описанъ, и согласно съ приложенною при семъ выпискою изъ завѣщанія блаженнаго памяти князя Александра Николаевича, считался собственностію каедры для меня и для преемниковъ».

Въ завѣщаніи князя написано: «сей крестъ, присланный мнѣ въ благословеніе отъ патріарха іерусалимскаго Поликарпа, отдаю митрополиту московскому Филарету для ношенія на клобукѣ, какъ подобный сему крестъ носилъ митрополитъ новгородскій Михаилъ, а по немъ Серафимъ митрополитъ, съ тѣмъ, чтобы по кончинѣ преосвященнаго Филарета, оставался онъ преемникамъ его».

Владыка отъ 30 іюля 1846 г. сообщалъ графу Н. А. Протасову о благочестивомъ усердіи камеръ-фрейлины графини Орловой-Чесменской соорудить собственнымъ ея иждивеніемъ новую серебряную раку для мощей святителя Алексія, почивающихъ въ Чудовѣ монастырѣ. Графъ по сему отношенію входилъ къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ, на которомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было въ 10 день августа написать собственноручно: «что всѣ остатки древности, какъ бы несовершенны не были, не желаю, чтобъ нынѣшняя рака измѣнена была; можно ее подновить, какъ есть». Извѣщенный о томъ митрополитъ писалъ вторично

къ графу касательно оставленія означенной раки въ настоящемъ положеніи, а 20 января 1847 г. на указъ св. Синода положилъ резолюцію: «намѣстнику каедральнаго монастыря наблюсти, чтобы, когда откроется необходимость поновленія раки св. мощей, поступлено въ семь было въ точную сообразность съ Высочайшимъ повелѣніемъ».

1846 г. нояб. 27. «Поелику образецъ антими́нса, какъ пишетъ преосвященный Іліопольскій *), присланъ изъ Антіохіи, и слѣдственно долженъ быть признаваемъ утвержденнымъ отъ блаженнѣйшаго патріарха: то въ семь отношеніи уже не требуетъ онъ разсмотрѣнія и утвержденія здѣшной духовной цензуры. Но какъ по законамъ государства печатаніе не можетъ быть произведено иначе, какъ съ дозволенія мѣстной цензуры: то предлагаю цензурному комитету разсмотрѣть прилагаемый при семь рисунокъ, и если сомнѣнія не окажется, дать дозволеніе на напечатаніе опаго (*на атласъ и холстъ, для антїохійской церкви*) безъ продолженія времени, потому что срочное время преосвященнаго Іліопольскаго приближается къ концу».

Св. Синодъ указомъ отъ 9 декабря 1843 г. увѣдомилъ митрополита Филарета о предположенномъ конторою московской синодальной типографіи новомъ изданіи Словъ и Рѣчей, говоренныхъ его высокопреосвященствомъ при управленіи Московскою епархією, и требовалъ отзыва, будетъ ли владыка согласенъ на исполненіе таковаго предположенія (о напечатаніи съ прежняго изданія 1835 года еще 1200 экземпляровъ) какъ нынѣ, такъ и на будущее время, и съ какими условіями. На этомъ указѣ высокопреосвященный, 15 іюля 1844 г., написалъ: «донести св. Синоду, что прежде не было мною предлагаемо св. Синоду никакихъ условій при изданіи, а по благоволенію св. Синода назначаемо было мнѣ отъ изданія по нѣкоторому числу экземпляровъ. Такъ поступилъ бы я и нынѣ; но не властенъ сдѣлать сіе потому, что до полученія сего указа нѣкоторые изъ слушателей моихъ словъ неоднократно настояніями убѣдили меня предоставить имъ сдѣ-

---

*) Неофитъ митрополитъ, проживавшій въ Москвѣ.

латъ изданіе оныхъ на ихъ счетъ, и сего изданія значительная часть уже напечатана. Справедливость требуетъ оставить сіе изданіе внѣ состязанія съ другимъ современнымъ, дабы благорасположенные издатели не имѣли затрудненія въ возвращеніи своихъ издержекъ».

1842 г. іюня 9. «На основаніи неточнаго перевода съ греческаго именуемый въ семъ опредѣленіи (*консисторіи*) смотритель іерусалимскаго храма Мисаиль есть преосвященный Мисаиль, митрополитъ Петрскій, патріаршіи мѣстоблюститель въ Іерусалимѣ, нынѣ уже во блаженной памяти преставльшійся. Печать несомнительна; и почеркъ руки его извѣстенъ: а потому и данное имъ (*дѣвицъ Стефаниды Θεοδορωοι*) свидѣтельство (*въ томъ, что она приняла въ Іерусалимѣ монашество и схи́му, и наречена Софією*) достойно уваженія. Хотя же Стефанида - Софія обѣщала возвратиться въ Іерусалимъ: но изъ дѣла (*она просилась въ Спасобородинскій монастырь*) видно, что она уже не находитъ сего возможнымъ по состоянію здоровья и преклонности лѣтъ. Посему заслуживаетъ она, чтобы предстательствовать о ней предъ св. Синодомъ *) о признаніи ея, какъ значится въ свидѣтельствахъ преосвященнаго митрополита Мисаила».

1841 г. окт. 28. «Преосвященный (*Виталій*) вручить удостоенному (*игумену Аванасію, управлявшему Старо-Іерусалимскимъ въ Москвѣ подворьемъ*); и, если онъ пожелаетъ принять сей священный знакъ (*наперсный золотой крестъ, пожалованный ему іерусалимскимъ патріархомъ Аванасіемъ*) съ архіерейскимъ при богослуженіи благословеніемъ, какъ у насъ бываетъ, то и сіе исполнить можетъ преосвященный. Затѣмъ заготовить надлежащее донесеніе св. Синоду.

1839 г. авг. 9. «Іеродіаконъ (*греческаго въ Москвѣ Никольскаго монастыря Филаретъ*) былъ у меня плачущій и не прие́млющій утѣшенія; и врачъ, его единопле́менникъ, объявилъ, что болѣзнь іеродіакона, тоска по отчизнѣ, тре-

*) Россійскихъ подданныхъ, получившихъ постриженіе за границею, указомъ св. Снода отъ 15 октября 1825 г. не велѣно признавать въ монашествѣ.

буеть увольненія его изъ Россіи; посему 1) записанное въ журналѣ консисторіи 8 августа іеродиакону объявить. 2) Въ то же время объявить ему, чтобы, если по состоянію здоровья признаеть необходимымъ возвращеніе свое изъ Россіи (*въ Афонскій Иверскій монастырь*), представилъ о томъ свидѣтельство врача, дабы въ семъ случаѣ дѣло могло быть представлено на разрѣшеніе св. Синода».

1846 г. авг. 8. «1) консисторіи о содержаніи сего указа (*изъ св. Синода*) дать знать московскимъ монастырямъ и церквамъ, и пригласить къ оказанію требуемаго пособія болгарскимъ церквамъ, дабы единовѣрные намъ братія братолюбіемъ нашимъ были утѣшены и подкрѣплены въ вѣрѣ при трудности обстоятельствъ внѣшнихъ, въ которыхъ они находятся. 2) Списокъ съ сего указа сообщить въ Лавру.

1835 г. апр. 21. «Хранить сіе (*письмо князя А. Н. Голицына*) во Чудовѣ при церковной описи, дабы Высочайшая воля относительно архіерейскаго мѣста (*чтобъ оное осталось неподвижно по старому и какъ оно теперь въ каведральной церкви, которую разрѣшено было возобновить*) и впредь по забвенію не могла быть нарушена, и оное не было перенесено или вынесено».

Сообщилъ Архим. Гр—ій.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОЛОССАЕМЪ.

вв.)

Предостереженія отъ опредѣленныхъ уклоненій отъ истины. 2, 16—23.

Ихъ три: *α.)* не соглашаться на нѣкоторые іудейскіе обычаи,—16. 17; *β.)* не прельщаться смиренничаньемъ лжеучителей и службою ангеламъ,—18. 19; *γ.)* не увлекаться какимъ-то ученіемъ человѣческимъ о неразумномъ воздержаніи,—21—23.

α.)

Ст. 16. *Да никтоже убо васъ осуждаетъ о яденіи или о питіи, или о части праздника, или о новомѣсячіихъ, или о субботахъ.*

«Сначала говорилъ въ общихъ терминахъ — блюдитесь (ст. 4. 8). Теперь опредѣленнѣе указываетъ, чего должно остерегаться, послѣ того какъ предпослалъ сему изображеніе благодареній о Христвъ Иисусѣ. Онъ какъбы говоритъ: если столь великое получили, то зачѣмъ вамъ подчиняться такимъ маленькимъ вещамъ?» (изъ св. Злат. и Теофил.). «Надежда жизни—во Христвъ Иисусѣ, и упованіе спасенія въ Немъ не позволяетъ намъ примѣшивать къ нему подчиненіе какому-либо суевѣрію или подзаконному обычаю. Почему не должно обращать вниманія на тѣхъ,

которые шумятъ тамъ у васъ и напептываютъ нѣчто, несообразное съ вѣрою во Христа» (Амвросіастъ).

Лжеученіе прикрывалось іудейскою законностію, и лжеучители вѣроятно были изъ рода іудейскаго. Можетъ быть они были потомки тѣхъ іудеевъ, которыхъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія, Антиохъ переселилъ съ востока въ южную Фригію, въ числѣ двухъ тысячъ семействъ. Они могли принести оттуда и восточныя мудрованія, къ которымъ здѣсь подмѣсивъ еллинскихъ философствованій, изъ всѣхъ трехъ склеили особую систему лжеученія, подлаживаясь въ ней и къ христіанству. Изъ іудейскихъ обычаевъ они удержали, какъ видно, только правила о ястіи и питіи и о соблюденіи праздниковъ годовичныхъ, мѣсячныхъ и недѣльныхъ, и, какъ очень вѣроятно, обрѣзаніе. О неумѣстности для христіанъ обрѣзанія Апостоль будто мимоходомъ говорилъ выше. Теперь прямо говоритъ противъ іудейскихъ обычаевъ относительно яствъ и праздниковъ.

Да никтоже васъ осуждаетъ. Пусть никто не осуждаетъ васъ, что не соблюдаете такихъ и такихъ обычаевъ іудейскихъ. Но что же намъ дѣлать, спросилъ бы кто? Исполнять ихъ, чтобъ избѣжать осужденія?—Нѣтъ, не исполнять, а не принимать къ сердцу такихъ осужденій и вниманія на нихъ не обращать. Пусть ихъ осуждаютъ; вы не смотрите на то.—Вѣроятно между пріемами убѣжденія мудрецы тѣ употребляли и иронію, или насмѣшку, которая можетъ сильно дѣйствовать, и когда встрѣтитъ нетвердое убѣжденіе, можетъ совсѣмъ испарить его. Апостоль и предостерегаетъ: не поддавайтесь впечатлѣнію отъ осужденія; оно пустое. «Не подчиняйтесь, говоритъ, тѣмъ, которые васъ осуждаютъ» (св. Злат.). «Ни мало не увлекайтесь покушающимися посѣять у васъ подзаконныя наблюденія» (Теод.). «Онъ будто хвалитъ ихъ, какъ чуждающихся іудейства» (Теофил.), и тѣмъ воодушевляетъ противостоять тѣмъ, которые влекутъ въ него.

О ястіи и питіи. Въ законѣ было опредѣленно про-

писано, что употреблять въ пищу и чего не употреблять. Запрещеніе основывалось на полезности и неполезности яствъ, по тамошнему климату; приче́мъ имѣлись въ виду и нравственные уроки, вытекавшіе наглядно изъ свойствъ запрещенныхъ животныхъ и птицъ. Но какъ тѣ мудрователи пошли въ ложь; то очень вѣроятно, что они прилетали къ этому какія-нибудь нелѣпныя гаданія по духу своего лжеученія. Въ законѣ говорится только о яствахъ; относительно питія правило положено только для назореевъ. Потому можно наводить, что мудрецы тѣ выступали въ качествѣ постоянныхъ назореевъ, и правила назорейства дѣлали обязательными для всѣхъ. Ессени казались постоянно назорействующими. Можетъ быть, изъ этой секты были и колоссянскіе мудрецы.

О части праздника, какого-либо изъ большихъ годовыхъ праздниковъ—пасхи, пятидесятницы, кущей, и др. Этихъ праздниковъ они не могли соблюдать вполне: по отдаленности не могли ходить въ Иерусалимъ всякій годъ, а дома празднуя не могли исполнять всего, что составляло принадлежность праздника. Почему и сказалъ Апостоль: *о части*. «Не сказалъ: (въ соблюденіи праздника) кущей, или опрѣсноковъ, или пятидесятницы, но: *о части праздника*; ибо они не дерзали сохранять все; а если и сохраняли, то не какъ праздники. *О части* говоритъ, показывая, что большая часть уже оставлена, не все прежнее удержали» (св. Злат.). Но можно наводить и то, что мудрователи тѣ все, сюда относящееся, перестроили на свой ладъ, такъ что изъ прежняго взяли только кое-что.

Это—*о части* было взято изъ порядковъ празднованія и новомѣсячій съ суббота́ми. Не все, и сюда относящееся, могли они соблюдать. Несмотря однакожь на то, что такое празднованіе, усѣченное и измѣненное, не было уже вполне іудейское, Апостоль не хочетъ, чтобъ Колоссяне касались его. Такъ оно противно духу христіанства. Апостоль не вообще отклоняетъ отъ праздниковъ, а отъ

празднованія въ извѣстные дни въ духѣ іудейства или того лжеученія, которое ходило среди Колоссянъ. Имѣть праздники и праздновать ихъ есть неотъемлемая часть вѣры, поколику вѣра есть, какова бы она ни была. Такъ мы устроены. Ихъ всѣ вѣры и имѣютъ, но каждая въ своемъ духѣ. И христіанство имѣетъ свои праздники, но въ своемъ духѣ.

Ст. 17. *Яже суть стѣнь грядущихъ, тѣло же Христово.*

Яже—прямо указываетъ лишь на прежде сказанное, на праздники и яства; но мысль Апостола общѣе. Онъ сказалъ такъ въ томъже значеніи, какъ мы говоримъ: это все, разумѣя не виды только указанные, но весь родъ, къ которому они относятся, т.-е. весь законъ, всѣ постановленія ветхозавѣтныя. *Стѣнь* — тѣнь грядущихъ вещей или благъ, вообще того, что имѣло быть и что ожидалось. Какъ видящій тѣнь вѣрно заключаетъ, что есть тѣло, дающее сію тѣнь, и по очертаніямъ тѣни дѣлаетъ заключенія о видѣ самаго тѣла, возгрѣвая во всемъ этимъ желаніе увидѣть самое тѣло: такъ ветхозавѣтныя постановленія такъ были начертаны, что указывали на будущее, предъизображали его, сколько можно, и возбуждали желаніе поскорѣе увидѣть сбытіе изображаемаго ими. Питать это желаніе и чаяніе и было главною цѣлію всѣхъ постановленій. Слѣдовательно сами въ себѣ они не имѣли ничего существеннаго, какъ не имѣетъ его тѣнь, и значеніе имѣли только временное. Но хотя они тѣнь, все же не слѣдуетъ оставлять ихъ, пока не пришло тѣло. Апостоль и прилагаетъ: пришло тѣло—Христось Господь. Тѣло, отъ котораго падала тѣнь, и дала бытіе постановленіямъ закона, есть Христось Господь. Все тамъ на Него указывало. И слѣдовательно съ пришествіемъ Его должно престать. Онъ пришелъ — и тѣнь престала. Кто видитъ тѣло, не станетъ смотрѣть на тѣнь, и еслибъ сталъ это дѣлать, оскорбилъ бы самое тѣло и показалъ явно свое перазуміе. Такъ и здѣсь. Пришелъ Господь; на Него и смотрите, а тѣнь да

мимо идетъ, какъ преходящая. Приведемъ, что сказали о семъ наши толковники. «*Тѣнію грядущихъ* Апостоль называлъ законъ, научая, что имъ прообразована благодать Новаго Завѣта. Евангельское житіе представляетъ собою тѣло; а законъ — стѣнь; тѣнь же при появленіи свѣта предшествуетъ тѣлу. Законъ—тѣнь, благодать—тѣло, Владыка же Христосъ—свѣтъ» (Θεод.). «Ветхозавѣтное было тѣнь; тѣло же, т.е. истина — Христова есть. Какая же нужда хвататься за тѣнь, когда присуще тѣло» (Θεοφ.)? «Все, данное чрезъ Моисея, было тѣнію или образомъ грядущаго, чтобъ, когда явится истина, образъ престалъ. Какъ въ отсутствіе императора образъ его имѣетъ вѣсь, а въ присутствіи не имѣетъ: такъ и это (данное чрезъ Моисея) прежде пришествія Господня должно было соблюдаться, а въ присутствіи Его оно уже не имѣетъ никакого значенія. Ужели кто-либо, замѣняющій собою господина въ отсутствіи его, можетъ и въ присутствіи его дѣйствовать какъ господинъ? Если викарные префектовъ (губернаторовъ), когда они сами состоятъ на лицѣ, бываютъ какъ частныя лица; не тѣмъ ли паче рабъ, (замѣнявшій собою господина) въ присутствіи господина долженъ являться и самъ наряду съ другими состоящими въ повиновеніи ему?» (Амвр.).

β.)

Ст. 18. *Никтоже васъ да прельщаетъ изволеннымъ ему смиренномудріемъ и службою ангеловъ, яже не утѣдъ, уча, безъ ума дмяся отъ ума плоти своея.*

Прельщаетъ, — κατὰ βραβεύετω. — Βραβεῖον — награда за побѣду на ристалищахъ, по нынѣшнему, призъ. «Судьи о подвизающихся называются βραβεῦται; ибо они опредѣляютъ, кто одержалъ побѣду. Κατὰ βραβεύειν значитъ неправильно βραβεύειν, неправильно опредѣлять, кому принадлежитъ побѣда» (Θεод.). «Употребляется это слово въ томъ случаѣ, когда одинъ одержитъ побѣду, а другой получитъ награду, — когда побѣдитель бываетъ обиженъ, за-

дѣлень (св. Злат.). — Иначе это можно выразить такъ: сдѣлать кому, что онъ не получить награды. *καταβραβεύειν*, по строю, похоже на *κατήρχειν*. Это значить—раздѣлать или разорить сдѣланное, а то—разнаградить, сдѣлать, что не получишь награды. Колоссяне представляются текущими какъ на ристалищѣ. Апостоль предостерегаетъ ихъ: смотрите, какъ бы кто не сдѣлалъ, что награды не получите. Тещи—будете тещи, а когда добѣжите до конца, награды вамъ не дадутъ. Какъ это возможно имъ сдѣлать? Научивъ тещи не такъ, какъ слѣдуетъ. Ибо неправо текущій, незаконно подвизающійся, не вѣнчается (2 Тим. 2, 5). А это какъ они могли сдѣлать? Возмутивъ вѣру Колоссянъ, отбивши ихъ отъ правой вѣры, и научивъ неправо вѣровать. Колоссяне текли право, чая получить царство небесное; право текли, ибо текли въ слѣдъ Господа Иисуса Христа, на Немъ единомъ опираясь вѣрою и упованіемъ своимъ. Если внушить имъ кто, и они примутъ—опираться вѣрою и упованіемъ на иномъ комъ или на иномъ чемъ, то начнутъ тещи неправо. Тещи все же будутъ тещи, и трудъ теченія поднимать, и чаяніе имѣть, что получаютъ вѣнецъ; но когда дойдутъ до конца, не получаютъ чаемаго; скажутъ имъ: на кого вы полагались упованіемъ, къ тому и ступайте получать вѣнцы. А вѣнецевъ этихъ ни у кого нѣтъ, кромѣ Господа. Его царство, Его и вѣнцы. Всѣ другіе, кого бы кто ни предлагалъ на мѣсто Его,—ничто. И будетъ горькій и прегорькій обманъ. Всю эту картину печатлѣетъ св. Павелъ въ умѣ Колоссянъ однимъ словомъ: *никтоже васъ καταβραβεύετω*—да прельщаетъ. Какъ сильно должно было отталкивать ихъ отъ лжеучителей, когда вообразилось въ умѣ ихъ, какой навѣтъ, какая злокозненность для нихъ скрывается въ ученіи ихъ? Св. Златоустъ между прочимъ это слово изъяснялъ чрезъ *ἐπηρεάζετω*,—что значить—разорять, вредить, зло вливать; и заключилъ, что св. Павелъ имѣлъ въ намѣреніи этимъ словомъ возбудить въ Колоссянахъ негодованіе къ лжеучителямъ. И успѣхъ былъ вѣренъ. Онъ

хотѣлъ внушить имъ: не допускайте себя прельщать или обманывать такимъ горькимъ и пагубнымъ обманомъ. Кто же сознательно пойдетъ на обманъ и въ пагубу?!

Но Апостоль не все бы сдѣлалъ, еслибъ, сказавши: не поддавайтесь обману, не указавъ, кто и какъ подходитъ къ нимъ съ обманомъ. Кто же? Тотъ, кто подходитъ съ изволеннымъ ему смиренномудріемъ и службою ангеловъ. *Изволеннымъ ему смиренномудріемъ*—*ῥελων εν ταπεινοφροσυνη*,—трудно переводимое выраженіе.—Экуменій пишетъ: «никтоже васъ да прельщаетъ, желая сдѣлать сіе, т.-с. прельстить смиренномудріемъ». Теофилактъ такъ перифразируетъ все мѣсто: «послѣ того какъ исполнилъ ихъ негодованія, показавъ, что съ ними хотятъ поступить злодѣйски, лишитъ ихъ награды,—Апостоль излагаетъ и самый еретическій догматъ, говоря: они хотятъ васъ лишитъ награды, прельстивъ кажущимся смиренномудріемъ». Выходитъ: никтоже васъ да прельщаетъ, желая прельстить смиренномудріемъ. *ῥελων* они относятъ къ предыдущимъ словамъ, а не къ—*смирненномудріемъ*. Можно *ῥελων* отнести и къ *никтоже*, въ смыслѣ: никто, кто ни захочетъ; не позволяйте всякому хотящему прельщать васъ. Сила рѣчи впрочемъ не въ этомъ словѣ—*ῥελων*; потому можно не добиваться точнаго его перевода. Сила рѣчи въ смиренномудріи.

Что же это за смиренномудріе? Можетъ быть эти прельстители и во внѣшнемъ видѣ являлись смиренниками, бѣдно одѣтыми, бѣдно питающимися, бѣдно живущими, нечесанными, необмытыми, тихо и робко говорящими, съ потупленными очами. Все это и подобное можно предполагать въ нихъ, зная, что въ ряду ихъ убѣжденій стояло непощадѣніе тѣла. Такой видъ дѣйствительно прельщаетъ, приковывая вниманіе къ рѣчамъ тѣхъ, которые являются въ немъ, по предположенію чего-то высшаго въ такихъ лицахъ.

Но наши толковники всѣ смиренномудріе понимаютъ какъ часть ученія этихъ прелестниковъ, и часть исход-

ную. Они начинали такъ: слишкомъ для насъ много, чтобы Сынъ Божій низшелъ къ намъ, чтобы привести насъ къ Отцу небесному. Довольно для насъ быть приводимыми къ Нему чрезъ ангеловъ. И устроили вслѣдствіе сего начала, какое-то особое служеніе ангеламъ, — *ἄγγελαια*. Св. Златоустъ говоритъ: «что значить — *смирennemудріемъ*? Нѣкоторые говорили, что мы должны быть приводимы (къ Богу) не чрезъ Христа, но чрезъ ангеловъ; потому что приведеніе чрезъ Христа больше, чѣмъ сколько нужно для насъ». Тоже читаемъ и у бл. Теофилакта: «Недостойно, — говорили, — величія Единороднаго (учить), что Единородный приводитъ насъ ко Отцу, ибо это больше, нежели сколько сообразно съ человѣческой малостію. Почему благословнѣе (полагать), что нашему приведенію (ко Отцу) послужили ангелы. Исходя изъ сей мысли, они вводили и особое служеніе ангеламъ, и убѣждали простосердечнѣйшихъ къ нимъ обращаться, будто къ нашимъ спасителямъ». Блаж. Теодоритъ ту же мысль выражаетъ общѣе: «водясь смирennemудріемъ, они говорили, что Богъ всѣхъ невидимъ, неприступенъ и непостижимъ, и что чрезъ ангеловъ надлежитъ пріобрѣтать Божіе благоволеніе. Сіе-то разумѣтъ Апостоль въ словахъ: *смирennemудріемъ и службою ангеловъ*».

Это положеніе, что Богъ неприступенъ, и что между Нимъ и тварями, даже по дѣлу творенія, должны быть посредники, было исходнымъ пунктомъ для гностиковъ, а потомъ и для Арія. Если дѣйствительно въ этомъ состояло смиренничанье колосскихъ прелестниковъ, то нельзя не видѣть въ нихъ зачатка гностиковъ, въ силѣ развившихся во второмъ вѣкѣ, и изъ извѣстнаго ученія гностиковъ о небесныхъ силахъ объяснять, въ чемъ состояло и неизвѣстное ученіе объ ангелахъ колосскихъ мудрецовъ. Гностики учили, что Богъ безконечно мощенъ. Тварь не можетъ снести Его воздѣйствія. Почему чтобы произойти твари, надлежало произойти напередъ цѣлому ряду небесныхъ силъ, которыя начиная отъ саближайшихъ къ

Богу, все болѣе и болѣе умалались въ достоинствѣ и силѣ и приближались къ тварямъ, какія намъ извѣстны на землѣ. Въ ряду ихъ встрѣчаются имена—и Христосъ, и Иисусъ, и Церковь, и диміурги—строители міра. Называли они ихъ эонами, но очевидно, что это суть небесныя силы, или ангелы, значеніе коихъ въ цѣпи творенія неправильно понятно.—Если признать сродство гностиковъ съ колосскими мудрователями, то эти положенія могутъ нѣсколько пояснять, какъ смотрѣли они на ангеловъ, и почему къ нимъ паче учили обращаться.

Въ чемъ бы ни состояло это служеніе ангеламъ, видно по исторіи, что оно сильно укоренилось въ тѣхъ мѣстностяхъ и долго вслѣдъ тамъ. Такъ что отцы помѣстнаго Лаодикійскаго во Фригійи собора (365 г.) должны были обратить на него вниманіе и въ 35-мъ правилѣ запретили его. Правило это читается такъ: «не подобаетъ христіанамъ оставляти Церковь Божію, и отходить, и ангеловъ именовати и собранія творити. Сіе отвержено есть. Того ради, аще кто обрящется упражняющимся въ таковомъ тайномъ идолослуженіи, да будетъ анаеема: понеже оставилъ Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божія, и приступилъ къ идолослуженію». Въ нашемъ изданіи правилъ приложено къ сему такое замѣчаніе: «осуждаются еретики, не молящіеся Богу и Христу, а только ангеламъ, акибы творцамъ и правителямъ міра». На сродство этихъ ангелопоклонниковъ съ колосскими указываетъ блажен. Теодоритъ въ толкованіи на посланіе къ нимъ: «приверженность эта (къ ангелопоклоненію) долго держалась во Фригійи и Писидіи. Потому-то соборъ, сошедшійся въ Лаодикіи Фригійской, закономъ запретилъ молиться ангеламъ». Правило собора называетъ бывшее тамъ ангелопоклоненіе тайнымъ; вѣроятно и собранія были тайныя же, и въ нихъ совершалось что-либо, чрезъ что чаяли вступать въ общеніе съ ангелами. Не было ли это что-либо похожее на собранія нашихъ спиритовъ и съ какими-нибудь приемами и дѣйствіями, похожими на тѣ, которыя бывають у по-

слѣднихъ? Всячески духъ одинъ и тамъ и здѣсь: тѣ отводили отъ Христа Спасителя, и эти тоже дѣлаютъ. Если такимъ образомъ нашихъ спиритовъ поставить въ сродство съ ангелопоклонниками, осужденными на соборѣ Лаодикійскомъ, а этихъ—съ ангелослужителями, коихъ осуждаетъ св. Павелъ въ посланіи къ Колоссаемъ; то вотъ апостольскій приговоръ противъ спиритовъ.

Яже не увѣдѣ уца.—*Не увѣдѣ*, *μη εωραχεν*,—чего не видѣлъ. *Уца*,—*εμβατεωων*,—въ то входя. *Εμβατεωειν*—входить: входить во что умомъ—изслѣдовать, учить; входить во что словомъ—разсказывать. Колосскіе мудрецы, если они однородны съ гностиками, говорили, что сначала изъ Бога вышла такая-то сила, изъ этой потомъ такая-то, изъ сочетанія ихъ—такая и такая, а изъ сочетанія этихъ еще другія и другія. Они будто по небу ходили и разсказывали, что тамъ видѣли, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ ничего не видѣли. Св. Павелъ и обличаетъ ихъ, что «они, никогда не выдавшіе ангеловъ, утверждаютъ о нихъ то и то, будто видѣвшіе ихъ» (Θеоф. согл. съ Злат.).

Безъ ума дмяся отъ ума плоти своея.—*Безъ ума*,—*εκη*,—попусту дмяся, тогда какъ нечѣмъ было надыматься, — «не дѣйствительнымъ чѣмъ либо-надмеваясь, а своимъ мнѣніемъ пустымъ» (св. Злат.).—*Отъ ума плоти*, «отъ плотскаго, а не духовнаго ума» (св. Злат.), отъ ума, по плотскимъ началамъ разсуждающаго, оплотенѣлаго, огрубѣлаго, не могущаго вознестись на высоту созерцанія христіанскихъ догматовъ, какъ Сынъ Божій и Богъ, Единосущный Отцу, воплотился и устроилъ спасеніе рода нашего. «Не обличаетъ ли огрубѣлости ихъ ума то, что они не могутъ вмѣстить и принять ясно сказанныхъ о Господѣ истинъ»? *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть* (Ин. 3, 16); и опять: *и за нихъ Азъ свящу Себе* (Ин. 17, 19); еще: *душу мою полагаю за овецъ моихъ* (Ин. 10, 16. 17). Много и другихъ подобныхъ мѣстъ» (Θеоф.). Такихъ истинъ не вмѣщаютъ, а дмятся. Изобрѣтенія ихъ ума казались имъ выше богооткровенныхъ истинъ; они и

надымались своимъ мудрованіемъ, свысока смотря на вѣрующихъ въ простотѣ сердца, безъ умовой пытливости. Надменіе вело къ упорству, и они, вѣроятно, противились всякому вразумленію. «Надмевались, какъ упорные догматисты, не допускавшіе даже, чтобъ имъ предлагаемо было истинное ученіе» (Θеофил.).

Но какъ же брались прельщать смиренномудріемъ, а между тѣмъ надымались? «Это показываетъ, что у нихъ все происходило отъ тщеславія» (св. Злат.). «Тутъ нѣтъ противорѣчія; ибо смиренномудріемъ они только прикрывались, въ дѣйствительности же обладала ими страсть гордыни» (Θеод.). «Смиреніе ихъ было кажущееся, а не истинное. Не имѣли они смиренія, а только говорили смиренно: заклану быть за насъ Единородному,—это больше чѣмъ нужно для людей (не по мѣрѣ ихъ, не подѣ стать имъ)» (Θеоф.).

Ст. 19. *А не держа Главы, изъ неяже все тѣло, составы и соузы подаемо и снемлемо, раститъ возвращеніе Божіе.*

Къ ангеламъ пошли, а отъ Господа Спасителя отклонились, между тѣмъ какъ тѣло Церкви какъ составляется Господомъ, такъ стоитъ и живетъ Имъ, т.-е. всякъ спасающійся только въ Господѣ спасается. Отсюда очевидно, что тѣ мудрецы и сами гибнутъ, и васъ поведутъ въ пагубу. «Какъ только ты отдѣлился отъ Главы, ты погибъ» (св. Злат.).

Подъ Главою очевидно разумѣть Апостоль Христа Спасителя, Сына Божія и Бога воплощенна, о Коемъ еще въ первой главѣ сказалъ, что Онъ есть *Глава тѣлу Церкви* (— — 18). Держать Главу сію можно вѣрою въ Господа, убѣжденіями въ истинѣ, яже о Немъ, любовію, преданностію, упованіемъ спасенія въ Немъ, вообще состоя въ живомъ, сознательномъ и разумномъ общеніи съ Имъ и въ Немъ единомъ полагая свое спасеніе. Уклонившіеся къ ангеламъ все это потеряли; чрезъ то отпали отъ Христа Господа, а далѣе и отъ Бога Отца, и стоятъ внѣ по-

рядка, жизнь зиждущаго,—который Самимъ Спасителемъ опредѣленъ такъ: *Азъ во Отца Мою, и вы во Мя, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20).

Изъ неяже все тѣло. «Апостоль снова Владыку Христа наименовалъ главою, а составъ Церкви—тѣломъ. Да и все сказалъ въ смыслѣ переносномъ» (Θεοδор.). Чтобы понять смыслъ иносказанія, надо хорошо уяснить самое иносказаніе. Что говорится о тѣлѣ?—Что оно *раститъ возвращеніе Божіе*. Какъ? *соузы и составы подаемо и снемлемо*. Само собою? Нѣтъ; все это идетъ изъ главы. Трудно понять слова: *соузы и составы подаемо и снемлемо*; трудно потому уразумѣть и то, что они означаютъ. Общая мысль иносказанія такая: тѣло Церкви подъ дѣйствіемъ Главы своей раститъ въ себѣ возвращеніе Божіе, т.-е. живя божескою жизнью, множить, усиливаетъ и укрѣпляетъ сію жизнь. Слова: *соузы и составы подаемо и снемлемо* указываютъ на способъ, какъ это дѣлается. Что бы это могло означать? Чтобы это уразумѣть, надо опредѣлить, что бы слова сіи могли означать примѣнительно къ нашему тѣлу. Распредѣлимъ слова такъ: *соузы подаемо*,—*составы снемлемо*: ибо очевидно, что такъ требуется ихъ соотносить. *Составы снемлемо*,—*δια συνδέσμων συμβιβάζου*—не такъ трудно понять. *Συνδέσμοι*—связки, коими соединяются разныя части тѣла; а *συμβιβάζειν* значить одно къ другому подлаживать, одно съ другимъ слаживать. Будетъ: разныя части тѣла, подлаженные и слаженные, связаны связками и держатся въ семь сложенномъ видѣ. Это прямо указываетъ на систему костей и мускуловъ, опредѣляющихъ строй тѣла. Но слова: *соузы подаемо*,—*δια των αἰών επιχορηγούμενον*,—темноваты. *Αφη*—не одно имѣетъ значеніе; значить—осязаніе, прикосновеніе, дѣйствіе взятія и связка. Какое взятъ значеніе въ настоящемъ мѣстѣ, зависитъ отъ *επιχορηγούμενον*. *Επιχορηγείν* имѣетъ одно значеніе—доставлять, при-доставлять, прибавлять къ тому, что уже доставлено или дано. *Επιχορηγούμενον*—будетъ: будучи снабжаемо. Къ этому изъ зна-

ченій *αφτ* можетъ подходить только дѣйствіе взятія, пріемъ, коимъ доставляемое берется. Будеть: тѣло доставляемое ему беретъ и усвоеть, — и тѣмъ живетъ и растеть. Это указываетъ на систему питанія. Но обѣ эти системы оставались бы безъ дѣйствія, еслибъ не были возбуждаемы нервами: изъ головы идутъ нервы, расходятся по всему тѣлу и, возбуждая органы питанія съ мускулами, заставляютъ ихъ дѣйствовать по своему назначенію и тѣмъ поддерживаютъ жизнь тѣла.

Признавъ такое толкованіе довлѣющимъ, не затруднимся уже въ иносказательномъ его пониманіи. Системѣ костей съ мускулами, опредѣляющими строй тѣла въ Церкви Божіей, отвѣчаетъ видимый строй ея: подъ Апостолами и пророками, пастырями и учителями Церкви стоятъ всѣ христіане, каждый съ особымъ дарованіемъ на пользу Церкви; всѣ связаны взаимоподчиненіемъ, любовію и радѣніемъ объ общемъ благѣ духовномъ. «Что въ тѣлѣ сочлененія, то въ составѣ Церкви Апостолы, пророки и учителя», говоритъ блаж. Θεодоритъ. Системѣ питанія въ Церкви соотвѣтствуютъ всѣ способы, коими общаются вѣрующимъ вѣдѣніе богооткровенныхъ истинъ и изліяніе божественной благодати, преимущественно проповѣдь слова Божія и божественныя таинства. Ими доставляется то, чѣмъ единственно можетъ питаться Церковь и рости возрастаніемъ Божіимъ, именно: благодать и истина. Нервы же, изъ главы исходящія и все тѣло проникающія и возбуждающія, есть Самъ Христосъ Господь, Который и составъ тѣла Церкви держитъ и живительною проникаетъ ее силою. Блаж. Θεодоритъ пишетъ: «какъ въ тѣлѣ головной мозгъ есть корень нервовъ, а посредствомъ нервовъ тѣло получаетъ ощущеніе; такъ тѣло Церкви отъ Владыки Христа пріемлетъ и источники ученія и орудія спасенія».

Все иносказаніе можно такъ переложить: тѣ мудрецы не держатъ Главы, т.-е. Христа Господа, изъ Котораго все тѣло Церкви, будучи снабжаемо и пріемля питательныя

стихіи духовныя—благодать и истину, и будучи содержимо въ составѣ своемъ тѣсно сочетаннымъ духомъ мира и любви, растеть жизнію божественною, все большее и большее число членовъ пріобрѣтая, и всѣхъ возводя къ высшему совершенству въ жизни по Богу.

Къ приведеннымъ выше словамъ блаж. Θεодорита приложимъ и то, что другіе говорили на сіе мѣсто. Экуменій пишетъ: «Христосъ есть глава и ангеловъ, и челоуѣковъ, какъ Творецъ и Устроитель всяческихъ. Изъ Него, то-есть Христа—все тѣло Церкви. Сказавъ—*тѣло*, Апостоль прилагаетъ и свойственное тѣлу. Все, говоритъ, тѣло Церкви,—будучи, посредствомъ пріятій (взятій и пріемовъ) отъ Христа снабжаемо всякою благодатію, и будучи слаживаемо и сочетаваемо посредствомъ составовъ и связей, т.-е., будучи умиротворяемо и въ себѣ самомъ, и въ отношеніи ко Христу,—растеть возрастаніемъ по Богу. Какое же это возрастаніе по Богу? Возрастаніе не тѣломъ, но жизнію по Богу». Вотъ слова блаж. Θεофилакта: «Глава Церкви есть Сынъ Божій—Христосъ Господь; а Церковь есть тѣло Его. Изъ Него тѣло Церкви имѣетъ и просто бытіе, и благодатіе. Кто отпадетъ отъ Него, тотъ погибъ. Какъ изъ головного мозга чувствительный духъ посредствомъ нервовъ передается во все тѣло,— и отъ головы всякое чувство и всякое движеніе: такъ и все тѣло Церкви отъ Христа снабжается, т.-е. получаетъ, чѣмъ (или чтобы) жить и рости духовно. Когда же оно имѣетъ это? Когда состоитъ въ сочетаніи (когда хорошо слажено) съ Нимъ (и само въ себѣ). Ибо въ такомъ только случаѣ Духъ Святой снабжаетъ тѣло, чѣмъ рости: такъ что если тѣло не сочетано живымъ союзомъ и съ Главою и само съ собою или само въ себѣ, то не бываетъ ни снабженія Духа, ни возвращенія Божія, т.-е. наилучшей жизни по Богу».

γ.)

Ст. 20. *Аще убо умросте со Христомъ отъ стихій міра, почто аки живуще въ міръ стязаетеся?*

Начинаетъ Апостоль предлагать послѣднее предостере-

женіе,-- чтобы не увлекались какимъ-то перазумнымъ воздержаніемъ, къ которому обязывали лжеучители своихъ послѣдователей. Въ чемъ состояла ихъ ложь въ семь отношеній, не видно. Она могла состоять и въ чрезмѣрности воздержанія, и въ цѣли воздержанія, или въ придаваемомъ ему ложно значеніи въ дѣлѣ спасенія и къ Богу приближенія. Послѣдній предѣлъ воздержанія есть—не заходить за ту черту, за которой воздержаніе начинаетъ разстраивать здоровье тѣла, и еще—не простирать воздержанія до изнеможенія, лишшающаго силъ исполнять лежащія на комъ обязанности. Соблюдая эту мѣру, воздержаніе можетъ являться въ очень сильной степени и не быть укорнымъ. Укорнымъ здѣсь можетъ быть только то, если кто обратитъ въ неотложный законъ для всѣхъ одну мѣру воздержанія; потому что по разной крѣпости тѣлесной у людей это опредѣленіе можетъ оказаться для иныхъ разрушительнымъ. Почему оно оставлялось и оставляется всегда на свободу. Можетъ быть колосскіе мудрователи погрѣшали въ этомъ отношеніи, какъ можно заключать изъ непоощающаго тѣла, укоряемаго въ нихъ Апостоломъ ниже. Но больше, кажется, они погрѣшали тѣмъ, что слишкомъ большую цѣну придавали воздержанію, и не столько ему, сколько веществамъ, одобряемымъ къ употребленію и неодобряемымъ, какъ будто бы въ нихъ, въ самой природѣ ихъ и свойствахъ, заключалось что-либо способствующее или препятствующее успѣхамъ духовнымъ, или къ общенію съ ангелами, которое проповѣдывали, какъ единственный путь къ вѣдѣнію истины и къ общенію съ Богомъ, или полученію помощи въ дѣлѣ жизни. Отсюда у нихъ выходило: *не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи*. И все это было представляемо такъ, что казалось не знать какую премудростію.

Отъ всего этого предостерегаетъ теперь св. Павелъ Колоссянъ. Онъ не касается подробностей заблужденія, а беретъ общую, лежащую въ основѣ его мысль, будто вещественное само по себѣ можетъ давать нѣчто духов-

ное, и отклоняетъ отъ припятія ея не усиленными какими доказательствами, а однимъ указаніемъ на то, чѣмъ стали Колоссяне во Христѣ Иисусѣ. Умерли, говоритъ, вы отъ стихій міра; какая же вамъ стать пускаться въ разсужденія объ нихъ съ тѣми, которые придаютъ имъ какую-то особую цѣну? Вамъ слѣдовало сразу отвратить отъ нихъ слухъ и взоръ; а вы позволили имъ предлагать такое ученіе, а себѣ слушать ихъ, какъ бы вы въ мірѣ жили, отъ вещественнаго не отклонялись, и въ духовную область не прозрѣвали и не вступали.

Умросте со Христомъ отъ стихій міра. Подъ стихіями міра иные разумѣютъ іудейское вещественное служеніе Богу. Но Колоссяне не жили подъ законами сего служенія; потому когда умерли стихіямъ міра, то не ему умерли, а надо полагать, другому чему-либо. Чему же? Это указываетъ главная характеристическая черта жизни во Христѣ Иисусѣ. Жизнь во Господѣ Иисусѣ есть—преселеніе и мыслію, и чувствомъ, и желаніями отъ вещественнаго къ духовному, отъ земнаго къ небесному, отъ тлѣннаго къ нетлѣнному, отъ временнаго къ вѣчному, — отъ тварнаго къ Богу. Умертвіе во Христѣ Иисусѣ есть прямо умертвіе грѣху; но съ симъ умертвіемъ пресѣкаются и всѣ узы съ вещественнымъ. Всѣ эти узы умершій во Христѣ въ самомъ дѣйствіи умертвія сбрасываетъ съ себя, какъ тѣснящую его одежду, и свободно вступаетъ или воспаряетъ въ міръ духовный ко благамъ невещественнымъ, которыя тутъ же и вкушаетъ, —и прилѣпляется къ нимъ. Вотъ это и есть, что разумѣетъ св. Павелъ подъ — *умросте отъ стихій міра.* И слѣдовательно *стихиі міра* у него означаютъ все вещественное, земное, тлѣнное, которому умираетъ всякій настоящій христіанинъ во Христѣ Иисусѣ.

Въ глазахъ такого все вещественное теряетъ всякую цѣну, — оно становится чуждымъ ему, выпадаетъ изъ вниманія: другимъ занять его умъ и сердце. Станьте такому говорить о чемъ-либо вещественномъ, это не можетъ за-

нять его, нѣтъ къ сему вкуса у него, и онъ отвратится отъ сего; ибо другимъ полно сердце его. И кто изъ таковыхъ сталъ бы внимать рѣчамъ вашимъ, поступилъ бы противъ духа жизни своей, показывая, что вещественное еще можетъ занимать его. И къ такому справедливо отнестись съ укоромъ: что слушаешь? Будто душа твоя связана съ вещественнымъ, находить въ немъ вкусъ, живетъ въ мірѣ. Этотъ укоръ и дѣлаетъ св. Павелъ Колоссянамъ: *почто, аки живуще въ міръ стязаетесь?—Стязаетесь, догматизуете. Догматизуи* значитъ догматы излагать; а *дoгматизουσαи*—догматами быть оглашасму, слушать изложеніе ихъ. Зачѣмъ вы, говоритъ Апостоль, ставя себя въ чинъ оглашаемыхъ учениковъ, позволяете мудрователямъ этимъ излагать свое ученіе о вещественномъ, какъ будто что вещественное можетъ имѣть для васъ какое значеніе? Они толкуютъ вамъ: такое-то всцество то-то значитъ, а такое-то то-то. То употребляй такъ и такъ, въ такое-то время, въ такомъ-то мѣстѣ, а этого не касайся. Если будете слушать, то они пабьютъ вамъ въ голову убѣжденіе, что вещественное незнать какую большую цѣну имѣеть для васъ, и взгромоздятъ въ вашемъ вниманіи цѣлую гору вещественнаго, которая закроетъ отъ умнаго взора вашего Бога и Господа Иисуса и всеъ духовное. И опять втянетесь вы въ вещественное. А вы умерли ему, и вамъ слѣдуетъ держать себя мертвыми для него, такъ какъ бы его не было для васъ. Ваше внутреннее должно быть чисто отъ всѣхъ вещественныхъ облаковъ, чтобъ въ немъ ясно зрѣлось одно солнце—Богъ.

Такъ разсуждаетъ о семъ Амвросіастъ: «крещающійся во Христа умираетъ міру; ибо отрицается отъ всѣхъ суетвѣрныхъ заблужденій, и начинаетъ жить одною вѣрою во Христа Господа,—жить въ такомъ чинѣ, въ коемъ подобаетъ жить живущимъ въ Богѣ упованіемъ, еже о Христѣ Иисусѣ. Въ силу этого отреченія мертвыми другъ другу называются человекъ и стихіи міра. Говоря — міръ (въ словѣ—*отъ стихій міра*), Апостоль означаетъ всякое

заблужденіе (мудрованіе) плотское: ибо все видимое причисляется къ плотскому. Почему и Апостоль Іоаннъ говорить: *не любите міра, ни яже въ міръ* (1. Ін. 2, 15), т.-е. ни стихій, изъ коихъ сложенъ міръ, ни заблуждений, кои относительно ихъ изобрѣло человѣческое преданіе; но единого Христа, умершаго за насъ, чтобы изъ погибшихъ, какими были мы, сочетать насъ въ тѣло свое—живое. Итакъ, спогребшіеся Христу умерли стихіямъ, чтобы никакого уже на нихъ не обращать вниманія; ибо научились стремиться къ высшему, могущему доставить непрестающую жизнь. А эти (стихіи) и настоящаго не даютъ, и препятствуютъ улучшить будущее. Кто же послѣ крещенія колеблется мыслию относительно нѣкоторыхъ вещей, полагая, что онѣ имѣютъ особую нѣкую силу, тотъ показываетъ, что живъ есть для стихій міра, которыя или опредѣляютъ цѣнить высоко, или сомнѣвается презрѣть. Таковій пребываетъ въ кругу или въ области міра; такъ какъ, въ ветхаго еще облеченный человѣкъ, не можетъ отрѣшиться отъ плотскаго и вещественнаго».

Ст. 21. *Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи.*

Вотъ какую высокую премудрость они вамъ предають! И вы, какъ дѣти въ школь, сложа смиренно руки, позволяете имъ оглашать себя—*δογματίζετε*,—такими ничтожностями, какъ будто несмыслящіе, какъ о чемъ судить должно, и какъ жить (Экум., Теоф.) «И смотри, какъ осмѣиваетъ ихъ Апостоль: *не коснися* и проч. Мудрователи тѣ, толкуя это, дѣлали видъ, что такъ поступать есть нѣчто великое» (св. Злат.).

Слова эти: *не коснися* и проч. указываютъ будто на іудейскія постановленія о пищѣ; но съ собственно іудейскими порядками Апостоль уже покончилъ въ ст. 16 и 17. Тамъ и о пищѣ и питіи поминается. Здѣсь же разумѣть надобно нѣчто другое, именно: какія-то суевѣрныя мудрованія относительно яствъ и еще чего-то вещественнаго,—мудрованія, выходившія изъ неправильныхъ возврѣній вообще на міръ и стихіи его. Передъ этимъ Апостоль

предостерегалъ отъ неправыхъ возрѣній тѣхъ мудрецовъ на міръ духовный, а теперь предостерегаетъ отъ такихъ же ихъ возрѣній на міръ вещественный. Но самыхъ возрѣній не касается, а только вывода изъ нихъ. Изъ нихъ выходило, что къ веществамъ нельзя относиться безразлично, но что они имѣютъ значеніе въ дѣлѣ жизни духовной, одни помогаютъ, другія мѣшаютъ. Отсюда правило—того не касайся, другаго не вкушай, иного не осязай. Это отрицательныя предписанія; но тутъ же конечно само собою подразумѣвалось: а того-то касайся, это вкушай и осязай. Такія суетвѣрія отвлекали упованіе отъ Бога и внушали опираться имъ на вещественное — тлѣнное и непрочно. Амвросіастъ пишетъ: «Апостоль запрещаетъ всякаго рода надежду на вещественно; ибо она суетна».

Ст. 22. *Яже суть во истлѣніе употребленіемъ, по заповѣдемъ и ученіемъ человѣческимъ.*

Представляетъ основанія, почему не слѣдуетъ слушать такіе уроки: первое — ничтожество предметовъ, коихъ они касаются; второе, — что это не Божія заповѣдь, а человѣческое ученіе.

Ничтожество предметовъ: что вещественное твердо и постоянно? Все течетъ. Возьмите вы пищу: что съ нею бываетъ? «Она превращается въ гной» (Феодор.). *Яже суть во истлѣніе употребленіемъ.* «Посрамляя надменіе тамошнихъ догматистовъ (лжеучителей), Апостоль говоритъ, что все это не великое что есть, но оканчивается истлѣніемъ въ употребляющихъ; истлѣвши въ чревѣ, это извергается потомъ афедрономъ, такъ что для души въ этомъ, какъ оно есть само по себѣ, нѣтъ ни пользы, ни вреда» (Феоф.). Мысль здѣсь у Апостола та же что у Спасителя, когда Онъ училъ, что не входящее въ уста, а исходящее изъ сердца сквернитъ человѣка. И Онъ внушаетъ: не придавайте вы важности этимъ ничтожностямъ и не опирайтесь на нихъ; а все вниманіе обращайтесь на строй сердца и его расположенія. Они прочны и имѣютъ вѣчную цѣну, а это все мелочи, суета.

Ужъ и по этому слѣдуетъ отворотиться отъ этихъ мудрователей; но больше еще потому, что ихъ уроки не отъ Бога, а человѣческія суть измышленія. Вы приняли ученіе отъ Бога, и вамъ не слѣдуетъ открывать уши свои этимъ пришельцамъ, которыхъ ученіе сложено *по заповѣдемъ и ученіемъ человѣческимъ*. Слова эти надобно соединять съ *δογματισεσθε*: зачѣмъ позволяете себя оглашать такими догматами, кои суть изобрѣтеніе человѣческое? И іудейскія постановленія, поколику они были обременены разными раввинскими прибавками, превратились уже въ человѣческія заповѣди изъ Божіихъ. Но прямѣе Апостоль имѣлъ при семъ въ виду суевѣрія эллиновъ или какихъ либо еесофозъ.

Ст. 23. *Яже суть слово убо имуща премудрости въ самовольный службѣ и смиренномудріи и непощаднии плоти, не въ чести коей къ сытости плоти.*

Яже,—ближайшимъ образомъ относится къ непосредственно предыдущему, къ урокамъ: *не коснися* и проч., *по заповѣдемъ и ученіемъ человѣческимъ*. Но по содержанію текста видно, что Апостоль имѣлъ при семъ въ виду все сказанное о заблужденіяхъ лжеучителей со ст. 16-го. Поэтому текстъ этотъ можно считать заключительнымъ для всего послѣдняго отдѣленія,—ст. 16—22.

Слово убо имуща премудрости. Мудрователи тѣ такъ умѣли представлять свое мудрованіе, что оно казалось очень премудрымъ, поддерживая такое о немъ мнѣніе и своею смиренною и строгою внѣшностію. Апостоль говорить: все это только на видъ премудро. Что же оно въ дѣйствительности есть, того онъ не досказываетъ, потому что послѣ сего слова и само собою ясно, что оно есть. Св. Златоустъ говорить: *«слово (имуща премудрости), а не силу, слѣдовательно не истину. Посему будемъ отвращаться того, кто имѣеть только слово премудрости. Ибо иной кажется и благочестивымъ, и скромнымъ, и презирающимъ тѣло; а на самомъ дѣлѣ онъ не таковъ»*. Беремъ и изъ Феодорита нѣкоторыя слова: *«Апо-*

столь указаль на имѣющихъ наружность; а не дѣйстви-тельность, которые обольщаютъ пышностію словъ». Приложимъ одно и изъ Экуменія: «только видъ премудрости имѣють, а не дѣла, или лучше, имѣють одно голое (безсодержательное, пустое), но вкрадчивое слово».

Если дѣйствительно эти мудрецы такъ объясняли все сущее, какъ потомъ дѣлали гностики; то призрачная мудрость есть самое подходящее титло для ихъ мудрованія. Представляли они себя ходящими по поднебесью, и рассказывали, будто очевидцы, какъ все происходило, построения лѣствицу духовныхъ силъ, однѣ изъ другихъ выраждающихся и все ближе и ближе подходящихъ къ земнымъ тварямъ. Въ воображеніи слушавшихъ рисовалась привлекательная картина, и могла увлекать, если кто не станетъ допрашивать, почему и какъ. Такъ и нынѣ рассказъ о самообразованіи міра изъ туманныхъ пятенъ рисуется въ воображеніи очень размашистую картину, представляющую будто нѣчто величественное, и увлекаетъ; но прочнаго ничего подъ собою не имѣетъ, и тотчасъ лопается сей мыльный пузырь, какъ только кто станетъ допрашивать, почему и какъ. Колосскіе мудрователи изъ духовнаго міра исходили, а наши изъ вещественнаго. Но духъ ученія и тамъ и здѣсь—одинъ, и цѣна ему одна—мыльный пузырь.

Самовольныя служба, смиренномудріе и непоощаѣніе тѣла составляли вѣшнюю практическую сторону мудрованія. Мудрователи, какъ видится, сами такъ дѣйствовали и тѣмъ придавали призрачный видъ премудрости своему мудрованію, который пораждалъ изумленіе и привлекалъ.

Въ самовольнѣй службѣ,—*ἐν ἐθέλωσφρησχεῖα*,—въ вольной службѣ. Служба—образъ вѣшняго богопочтенія. Построили тѣ мудрецы свою вѣру и для ней придумали особый чинъ богослуженія. Самовольнымъ онъ названъ, можетъ быть, потому, что не сообразовался ни съ какими изъ тогда извѣстныхъ; слѣдовательно ни съ іудейскимъ.

Или, не потому ли онъ названъ εὐελοδρητικαί, что они оставляли всякому на свободу внѣшно чтить Бога, какъ кому угодно, не устанавливая одного обязательнаго для всѣхъ чина богослуженія. То и другое могло привлекать: то новостію и какою нибудь показностію, а это—льготою, до которой есть ли кто неохочій? У нашихъ хлыстовъ своя бываетъ служба. Они и въ церковь ходятъ, но своя служба имъ слаще, хотя она составлена очень уродливо. Правится потому, что самовольная. То же начинаетъ заводиться и у спиритовъ. Иные изъ нихъ свои сеансы и обращаютъ въ нѣчто богослужебное, только не къ Богу относятся, а къ духамъ (прямо — къ бѣсамъ). Подобное могло быть и у тѣхъ мудрецовъ и учениковъ ихъ.

Въ смиренномудріи. Выше изволенное смиренномудріе (ст. 18) можно было объяснять, какъ исходный пунктъ всего мудрованія: куда намъ съ Богомъ имѣть общеніе,— хотя бы съ ангелами. А здѣсь очевидно указывается на внѣшній видъ, какъ держали себя мудрецы, и какъ держать себя обязывали учениковъ своихъ. Рубищная одежда, тихая рѣчь, потупленный взоръ, всклокоченные волосы,— вотъ и смиренномудріе! Дервиши турецкіе таковы. Какъ это ни малозначительно, но всегда привлекало и привлекаетъ, и не однихъ простыхъ. Какъ-то трудно освободиться отъ мысли, что такого рода люди особаго нѣкоего, высшаго суть духа. Отсюда почетъ имъ и послушаніе.

Въ непощадѣнїи тѣла. Плохое питаніе тѣла тоже есть непощадѣніе его; но слово Апостола выражаетъ при семъ и нѣчто большее. Можетъ быть они и истязали себя какъ нибудь. Бичевальщики всегда бывали. И теперь они есть и въ просвѣщенной Европѣ, и среди грубыхъ Турокъ, и у насъ между хлыстами. Само по себѣ непощадѣніе тѣла въ благоразумной мѣрѣ и со святыми цѣлями не укорно, а похвально. И *уже Христовы суть, плоть распяши* (Гал. 5, 24). Если Апостоль съ укоромъ относится о немъ здѣсь, то конечно потому, что оно, кромѣ уродливаго вида, въ какомъ являлось, и по направленію и духу

своему было дурно и было смѣшано съ какими либо суетвѣрїями. И Мавихей не благоволили къ тѣлу; но потому, что считали его произведеніемъ не Божиимъ и въ самой природѣ его видѣли зло. Непощадѣніе тѣла, въ этомъ и подобномъ этому духѣ, не можетъ быть щадимо.

Не въ чести коей, къ сытости плоти. Что значать сія слова въ настоящемъ мѣстѣ, трудно опредѣлить. Думается, что, какъ Апостоль проясняетъ здѣсь, чѣмъ мудрецы прельщали и порождали мысль о высокой своей мудрости; то и эти слова къ тому же надобно отнести. Привлекали они самовольною службою, смиренничаніемъ и непоощадѣніемъ тѣла. Апостоль прибавляетъ къ сему: и это все тѣмъ больше могло прельщать, что они не искали чести, чтобъ почетъ обратить въ средство пространно питаться. Ибо *сытость*—*πλησμονη*—означаетъ не простое удовлетвореніе плоти пищею, а пространное пресыщеніе. Пиша къ Коринѣянамъ, Апостоль указывалъ въ нѣкоторыхъ учителяхъ подобныя виды (2 Кор. 11, 20). Но у этихъ, говорить, нѣтъ этого; почему они могли тѣмъ легче прельщать. *Не въ чести*,—не являлись они въ возбуждающей почетъ представительности, но выступали смиренниками; такъ и всегда держали себя, не смущаясь непочетомъ. Въ самомъ дѣлѣ они походили будто на истинныхъ Апостоловъ. *Къ сытости, προς πλησμονη*,—указываетъ на цѣль тѣхъ, кои почета ищутъ. У нихъ, говорить, этого нѣтъ.

Возможна при семъ и другая мысль. Они не щадятъ тѣла и не отдають ему чести, должной ему по естеству, не оказываютъ попеченія о его содержаніи и удовлетвореніи естественныхъ его потребностей. Богъ, создавъ тѣло, не врага приставилъ къ душѣ, а сотрудника и содѣйствователя; а они обходятся съ нимъ, будто съ врагомъ, истязуютъ, не питаютъ. Эту мысль проводятъ наши толковники. Св. Златоустъ говорить: «Богъ далъ тѣлу честь; но они пользовались имъ не въ честь. Они, говорить, безчестятъ плоть, лишая ее (должнаго), отнимая у ней силу».

Тоже пишетъ и Экуменій: «Богъ, почтивъ человѣка, руками своими создалъ тѣло его, и даровалъ ему потребную пищу: а они не смотрѣли на данныя яства, какъ на честныя, а будто на вредныя, которыхъ должно избѣгать». Вотъ и слова блаж. Теофилакта: «Богъ почтилъ тѣло, и далъ яства, чтобъ питаясь ими плоть могла существовать. А они не въ чести держатъ тѣло, а лишаютъ его должнаго». *Къ сытости плоти*—будетъ при семъ толкованіи означать: къ насыщенію плоти,—не имѣютъ должнаго попеченія о тѣлѣ, чтобъ удовлетворить его потребности.

Есть и иное толкованіе, по коему—не въ чести противопологается словамъ: *слово имуща премудрости*. Ихъ ученіе только видъ имѣетъ премудрости, молву только порождаетъ, будто они премудры, а въ самомъ дѣлѣ оно не къ чести ихъ служить; не чести, а порицанія они достойны за такое ученіе. А—*къ сытости плоти* при этомъ дается такой смыслъ: плоть берется какъ живущій въ насъ грѣхъ, поврежденная природа, похоть, самость. Не служить къ чести ихъ ученіе; оно только удовлетворяетъ и съ избыткомъ насыщаетъ ихъ самость, сію грѣховную питаетъ немощь. Какъ далеко и какъ нескладно такое толкованіе, очевидно само собою.

Епископъ Теофанъ.

ДУХЪ ИСТИНЫ,

СЛОВО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МАКАРІЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, ВЪ ДЕНЬ СВ. ДУХА,

СКАЗАВШЕЕ 21 МАЯ ВЪ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Егда приидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину (Іоан. 16, 13.).

Сшествіе Св. Духа на Апостоловъ, событіе чрезвычайной важности для всей Церкви, имѣетъ для васъ еще особое значеніе, братія мои о Господѣ!

Какой главнѣйшій предметъ вашихъ занятій? Не та ли самая божественная истина, которую принесъ на землю Духъ истины и на которую Онъ наставлялъ Апостоловъ? Какая главнѣйшая цѣль предъ вами? Не та ли самая, для которой сошелъ на Апостоловъ Духъ Святый и наставлялъ ихъ на всякую истину? Нѣкоторые изъ васъ, кому Госнодь судить, будете сами пастырями и учителями Церкви, т.-е. продолжателями того самаго святаго и великаго дѣла, которое начали и совершали Апостолы подъ руководствомъ Духа Святаго. Бóльшая же часть изъ васъ, почти всѣ вы имѣете быть наставниками и приготовителями другихъ молодыхъ людей къ пастырскому служенію въ Церкви.

Есть, правда, существенное различіе между тѣмъ, какъ сообщена эта божественная истина Апостоламъ, и тѣмъ, какъ она усваивается вами. Апостоламъ она сообщена сверхъестественнымъ образомъ. Самъ Духъ Святый былъ непосредственнымъ ихъ учителемъ, наставникомъ, руководителемъ. Онъ просвѣщалъ ихъ умъ и сердце, и Самъ внушалъ имъ все, что они должны были проповѣдывать міру,

все, что они изложили потомъ въ письмени и что устно передали Церкви. Вы стараетесь усвоить себѣ эту божественную истину или совокупность истинъ путемъ естественнымъ, при помощи вашихъ наставниковъ, которые такіе же люди какъ и вы, при помощи разныхъ наукъ, которыя вы изучаете какъ для того, чтобы развить свой умъ и сдѣлать его способнымъ къ усвоенію истинъ христіанскаго откровенія, такъ и съ цѣлю облегчить для себя пониманіе и уразумѣніе ихъ. Но, усвоая себѣ такимъ образомъ истины, однажды навсегда преподанныя Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ св. Церкви, не забывайте, что однихъ естественныхъ средствъ, которыми вы пользуетесь въ этомъ дѣлѣ, для васъ недостаточно; что и вамъ необходимо постоянное руководство отъ Духа истины, который руководилъ Св. Апостоловъ, и вы обязаны имѣть Его своимъ верховнымъ Наставникомъ.

Истины христіанскаго откровенія, большею частію, относятся къ міру высшему, духовному, не подлежащему нашимъ чувствамъ и изслѣдованіямъ, и потому заключаютъ въ себѣ много для насъ таинственнаго, непостижимаго. Обнять ихъ и объяснить собственнымъ умомъ мы не въ состояніи. Предоставленные только себѣ, мы неизбежно будемъ впадать здѣсь въ разные недоразумѣнія, заблужденія, ереси. Одинъ Духъ Святой, который вначалѣ изрекъ эти сверхъестественныя истины, знаетъ вполне и можетъ научать насъ, какъ правильно понимать ихъ и истолковывать. Сошедши на Св. Апостоловъ, Онъ съ того времени пребываетъ въ Церкви *въ вѣкъ* (Іоанн. 14, 16) и, преподавъ Церкви эти истины, Самъ же и блюдетъ ихъ въ ней, предохраняя ее отъ всякаго заблужденія и погрѣшности. Потому въ ученіи истинной Христовой Церкви, которое она содержала всегда и вездѣ и доселѣ содержитъ неизмѣнно, мы и должны слышать голосъ самого Духа Святаго, наставляющаго ее на всякую истину, и находить то надежное руководство, которое преподаетъ Онъ намъ для правильнаго уразумѣнія и усвоенія истинъ, преподанныхъ Имъ

вначалѣ чрезъ Апостоловъ. Но кромѣ этого вѣшняго руководства, Онъ можетъ дѣйствовать непосредственно на нашу душу. Можетъ своею благодатію отверзать нашъ умъ, чтобы мы и яснѣе, и полнѣе, и глубже уразумѣвали истины божественнаго откровенія; можетъ тою же благодатію возбуждать, укрѣплять и утверждать въ нашемъ сердцѣ живую и непоколебимую вѣру во всѣ самыя неопостижимыя истины откровенія, въ которыхъ одними естественными средствами мы вполнѣ убѣдиться не въ состояніи, — вслѣдствіе чего эта спасительная вѣра и называется даромъ Духа Святаго. (Еф. 2, 8).

Братіе и вмѣстѣ возлюбленные чада мои о Господѣ! Вступая въ ближайшее общеніе съ вашею Академіей, принимая ее въ мое непосредственное вѣдѣніе и попеченіе, я счелъ священнымъ долгомъ помолиться нынѣ въ день сошествія Св. Духа на Апостоловъ вмѣстѣ съ вами и у васъ, чтобы призвать на васъ Его благословеніе. Я естественно желаю теперь и не могу не желать вашей Академіи всякаго блага; желаю, да процвѣтаетъ она болѣе и болѣе, да разрабатываются въ ней всѣ науки, и особенно наука богословская, на пользу нашей св. Церкви и Отечества. Но я убѣжденъ, что эта послѣдняя наука не можетъ разрабатываться вполнѣ успѣшно и благоплодно безъ особеннаго содѣйствія отъ Св. Духа. Какъ бы ни были велики ваши способности и таланты, какъ бы ни были усердны и настойчивы ваши труды при изученіи откровенныхъ истинъ, вы не достигнете своей цѣли и не принесете всей пользы, какую могли бы принести, напротивъ, можете принести даже вредъ себѣ и другимъ, если не будете руководствоваться вѣщаніями Духа Святаго, выражающимися въ ученіи Вселенской Церкви, и не будете призывать себѣ на помощь Его благодати, которая бы отверзала вашъ умъ къ лучшему уразумѣнію истинъ откровенія и укрѣпляла въ васъ сердечную увѣренность въ ихъ истинности и непреложности. Да будетъ же Онъ, Духъ истины, Духъ премудрости и разума, вашимъ по-

стояннымъ высшимъ Учителемъ и Руководителемъ въ вашихъ ревностныхъ занятіяхъ богословскою наукой.
Аминь.

РЕВНОСТЬ ИЛИ.

Слово на день пророка Іліи.

„Ревнуя поревновахъ по Господѣ Богѣ Вседержителѣ“. 3 Цар. 19, 14.

Есть маленькій уголокъ земли, менѣе самой послѣдней изъ нашихъ губерній. Этотъ уголокъ земли не составляетъ царства и не имѣетъ никакого значенія въ дѣлахъ міра; но міръ обязанъ ему тѣмъ, что доселѣ существуетъ. Самыя дорогія, святія воспоминанія покоятся въ этомъ бѣдномъ уголкѣ земли. Тамъ родился Спаситель міра, тамъ совершилось дѣло всемірнаго спасенія; тамъ загорѣлся свѣтъ истинной вѣры, оттуда разлился по вселенной и достигъ до нашего отечества. Этотъ уголокъ земли называется *Святою землею, Палестиною, Іудеею*.

Іудея никогда не составляла сильнаго царства; іудейскій народъ, иначе Евреи, никогда не славился побѣдами завоеваніями, напротивъ, большею частію самъ былъ въ угнетеніи и порабощеніи. Но ни одному народу не было указано Богомъ такого великаго дѣла, какое было указано этому народу: *ему вверены были* для храненія *слова Божіи*. Въ храмѣ его стояла величайшая святыня—ковчегъ завѣта, въ которомъ хранился данный Богомъ законъ; Іудея сама была въ мірѣ ковчегомъ, хранившимъ истинную вѣру. Весь міръ былъ погруженъ въ глубокій мракъ многобожія и идолопоклонства; въ одной Іудеѣ свѣтился свѣтъ вѣры въ единаго истиннаго Бога. Погасни въ ней этотъ свѣтъ, — и міръ никогда бы не увидѣлъ Спасителя,

потому что Спасителю надлежало родиться среди народа вѣрующаго, отъ пресвятой Дѣвы.

А едва было не погасъ въ Иудейскомъ народѣ этотъ спасительный свѣтъ вѣры. Иудейскій народъ чрезвычайно былъ склоненъ къ многобожію и идолопоклонству. Мы теперь и представить не можемъ, что это было за время. Мы едва можемъ понять, какъ это можно было вѣрить во многихъ боговъ и боготворить истуканы; а тогда народы никакъ не могли понять, что Богъ есть только одинъ и что Онъ не есть существо заключенное въ міръ, вещественное, а внѣ міра, надъ міромъ, духовное, всесовершенное, всемогущій Творецъ міра. Древнимъ во всемъ мерещились боги: и въ свѣтилахъ небесныхъ, и въ воздухѣ съ его грозой и вѣтрами, и въ морѣ съ его бурями, и въ землѣ съ ея плодородіемъ, и въ животныхъ не только сильныхъ и страшныхъ, но даже въ ничтожныхъ и гнусныхъ; и стихіи, и животныя, и люди чѣмъ-либо замѣчательные, даже истуканы — дѣла рукъ человѣческихъ, — все казалось божественнымъ; одного только истиннаго Бога не видѣли. Это омраченіе ума, это порабощеніе твари неотразимо, какъ зараза, дѣйствовало и на избранный народъ Божій: его постоянно тануло въ идолопоклонство. Едва онъ вышелъ изъ Египта, гдѣ Богъ поразилъ страшными казнями его враговъ, едва перешелъ чудеснымъ образомъ чрезъ Черное море, гдѣ предъ его глазами потонули полчища Фараоновы, — какъ уже поклонился тельцу, по примѣру тѣхъ самыхъ Египтянъ, которыхъ Богъ поразилъ ради его. Самъ Соломонъ, мудрѣйшій изъ земныхъ царей, сталъ служить идоламъ въ угоду своимъ женамъ язычницамъ. Его примѣръ пагубно подѣйствовалъ на народъ, который окончательно развратился послѣ раздѣленія царства, послѣдовавшаго тотчасъ за смертію Соломона. Большая часть народа отпала отъ его сына и образовала особое царство; Израильское. Царь израильскій, Іеровоамъ, опасаясь, чтобы его подданные не одумались и не воротились къ своему законному государю,

если будутъ ходить для богослуженія въ храмъ Іерусалимскій—единственное законное мѣсто служенія истинному Богу, поставилъ идоловъ на двухъ концахъ своего царства, и такимъ образомъ сдѣлалъ идолопоклонство государственною религіею. Его преемники всё до одного держались той же политики. Въ это мрачное время Богъ много воздвигалъ пророковъ, которые были единственнымъ оплотомъ противъ разливавшагося нечестія и не допускали народъ совершенно забыть истиннаго Бога.

Изъ всѣхъ израильскихъ царей всѣхъ болѣе причинилъ вреда истинной вѣрѣ Ахавъ. Самъ по себѣ онъ былъ не хуже другихъ; но главнымъ его порокомъ была безхарактерность: онъ могъ сдѣлаться и покровителемъ вѣры такъ же, какъ и гонителемъ; все зависѣло отъ обстоятельствъ, потому что это былъ человѣкъ не имѣвшій никакихъ убѣжденій и никакой силы воли. Царь цѣлаго народа, онъ былъ рабомъ окружающихъ лицъ и обстоятельствъ. Его несчастіемъ былъ бракъ съ Іезавелью, дочерью царя Сидонскаго. Эта женщина была совершенно противоположнаго характера—обладала непреклонною волей; но воля эта была совершенно развращенная. Іезавель была женщина корыстолюбивая, злобная, мстительная, способная на всякое злодѣйство для достиженія цѣли, и въ то же время въ высшей степени хитрая и коварная.

Я расскажу вамъ одинъ случай, который лучше всего покажетъ вамъ, что за люди были Ахавъ и его жена. Одинъ благочестивый израильтянинъ, по имени Навуеи, имѣлъ виноградникъ рядомъ съ царскимъ дворцомъ. Этотъ виноградникъ понравился царю, и онъ предлагалъ за него Навуею хорошую цѣну или другой виноградникъ, гораздо лучше этого; но благочестивый израильтянинъ не хотѣлъ нарушить законъ Моисеевъ, запрещавшій передавать родовое наслѣдство въ чужой родъ, и потому не уступалъ царю своего виноградника. Разстроенный царь, воротившись домой, легъ въ постель, ничего не ѣвши. Узнавъ о причинѣ его разстройства, Іезавель поклялась ему, что

виноградникъ будетъ его,—и сдержала обѣщаніе. Навуея по ея распоряженію оклеветанъ былъ въ богохульствѣ и оскорбленіи царскаго величества и судомъ приговоренъ къ смерти. Онъ былъ побитъ камнями и его имѣніе отобрано въ царскую казну; и это злодѣйство было совершено какъ бы законнымъ порядкомъ и притомъ такъ, что царица—главная виновница—осталась въ сторонѣ. Ахавъ, которому и въ голову не приходило приобрести виноградникъ такимъ злодѣйскимъ образомъ, спокойно, безъ всякаго угрызения совѣсти, воспользовался плодомъ убійства и грабежа: онъ пошелъ въ виноградникъ и съ наслажденіемъ любовался имъ. Вдругъ является пророкъ и объявляетъ ему судъ Божій—гибель ему и всему его роду. «Твою кровь будутъ лизать псы точно такъ же, какъ они лизали кровь Навуея, а жену твою соевѣмъ съѣдятъ». Этотъ страшный приговоръ изрекъ Илія. Ахавъ смирился и показалъ знаки искренняго раскаянія: разорвалъ свою одежду, облеялся въ одежду покаянія и наложилъ на себя постъ. Но пагубное вліяніе жены вскорѣ изгладило въ его непостоянномъ сердцѣ добрыя чувства.

Таковъ былъ Ахавъ. Руководимый женой, этотъ безхарактерный человѣкъ сдѣлалъ истинной вѣрѣ болѣе вреда, чѣмъ всѣ остальные цари вмѣстѣ. Къ прежнему идолослуженію присоединено было еще служеніе Ваалу, идолу родины его жены; пророки избиты и замѣнены жрецами Ваала; истинный Богъ былъ почти соевѣмъ забытъ; немногіе истинно вѣрующіе должны были или бѣжать изъ отечества, или скрывать вѣру въ истиннаго Бога, какъ преступленіе.

Одинъ человѣкъ ничего не боялся и не скрывалъ своей вѣры,—одинъ, какъ утѣсь, противостоялъ напору нечестія и громѣлъ обличеніями. Этотъ человѣкъ былъ Илія. Есть сказаніе объ его рожденіи, превосходно выражающее его характеръ: когда родился Илія, отцу его было видѣніе, будто свѣтлые ангелы вмѣсто пеленъ повиваютъ его пламенемъ и вмѣсто молока питаютъ огнемъ. Дѣйствительно,

Илія былъ огненный человѣкъ: *его ревность къ славу Божіей была подобно огню*, говоритъ Писаніе,—его слово подобно пламени (Сир. 48, 1). Вся вѣра, вся любовь къ Богу, утраченныя народомъ израильскимъ, кажется, перелились въ сердце Іліи, подобно тому, какъ лучи солнца собираются въ фокусѣ зажигательнаго стекла,—и сожигали и его самого, и нечестивый народъ. Въ его душѣ постоянно кипѣлъ гнѣвъ противъ царствовавшаго кругомъ нечестія; и онъ неотступно призывалъ на нечестивый народъ гнѣвъ Божій. Онъ вымолилъ у Бога засуху и голодъ, отъ котораго самъ едва не погибъ; три года съ половиною свирѣпствовалъ голодъ; самъ Ілія принужденъ былъ бѣжать отъ него въ чужую землю, и, несмотря на то, пророкъ не смягчился, пока самъ Господь не велѣлъ ему отмѣнить наказаніе. Посрамивъ при Кармилѣ развратителей народа—жрецовъ Вааловыхъ, онъ всѣхъ ихъ закололъ, какъ предписываетъ это законъ Моусеевъ, хотя зналъ, что ему грозило за эту смѣлость мщеніе царицы. Спасаясь отъ ярости Іезавели, поклявшейся отмстить пророку, онъ бѣжалъ въ пустыню. Измученный тяжелой и бесплодной, какъ ему казалось, борьбой съ нечестіемъ, онъ впалъ въ такое мрачное настроеніе, что сталъ молить себѣ смерти. «Довольно пожилъ я, Господи,—возьми мою душу; я не лучше отцовъ моихъ», говорилъ пророкъ, совершенно упавшій духомъ. Въ такомъ мрачномъ уныніи онъ остарилъ отечество и удалился въ гору Хоривъ, которой дикая и страшная природа соотвѣтствовала состоянію его духа. Здѣсь, на этой священной горѣ, гдѣ Богъ явился Моусею и послалъ его освободить народъ свой отъ ига египетскаго, гдѣ далъ ему законъ,—въ памяти пророка воскресли всѣ благодѣянія Божіи народу еврейскому и всѣ измѣны этого неблагодарнаго народа Богу. Въ сердцѣ пророка съ новою силою закипѣлъ гнѣвъ, и ему хотѣлось бы, чтобы громы небесные разразились надъ нечестивцами, чтобы огонь небесный пожралъ ихъ, какъ Содомъ и Гоморъ, или земля поглотила ихъ, какъ Корея, Даана и Авирона.

И вотъ, какбы отвѣчая на желаніе раздраженнаго пророка, вся природа пришла въ страшное смятеніе: зашумѣла буря, отъ которой трескались горы и огромные камни отрывались и съ грохотомъ падали въ пропасть; потомъ заколебалась земля и наконецъ пронесся надъ горой огонь. Пророкъ въ трепетѣ ожидалъ явленія разгнѣваннаго Бога; но ни въ бурѣ, ни въ землетрясеніи, ни въ огнѣ—ни въ одномъ изъ этихъ страшныхъ явленій природы не явилъ Господь Своего присутствія. Но вотъ послышалось тихое вѣяніе вѣтра, и въ немъ явился Господь, давая тѣмъ разумѣть пророку, что Онъ есть Богъ болѣе милосердія, нежели мщенія. Объятый благоговѣніемъ и пристыженный милосердіемъ Божиимъ, пророкъ, услышавъ голосъ Божій, закрылъ лицо плащемъ. «Зачѣмъ ты здѣсь Ілія?» спросилъ Господь. Пророкъ сталъ жаловаться на нечестіе народа, оправдывая тѣмъ свое раздраженіе. «Я сильно возревновалъ по Тебѣ, Господи», говорилъ онъ, «когда увидѣлъ, что сыны израилевы оставили твой завѣтъ, разрушили твои жертвенники, пророковъ твоихъ избили; остался я одинъ, и моей уже смерти ищутъ». Чтобы успокоить и утѣшить пророка, Господь сказалъ, что «есть еще въ Израильскомъ народѣ семь тысячъ сокровенныхъ праведниковъ, не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ».

Таковъ былъ Ілія. Много являлось пророковъ во дни царства Израильскаго; всѣ они были обличителями повсюду царствовавшаго нечестія и вѣстниками суда Божія; но ни одинъ не былъ такъ грозенъ, такъ гнѣвенъ, какъ Ілія. Этотъ праведный, святой гнѣвъ, истекавшій изъ его пламенной ревности къ славѣ Божіей, изъ ревности, огорчаемой непомѣрнымъ нечестіемъ,—давалъ ему такую смѣлость, до какой не доходилъ ни одинъ изъ пророковъ. «А! это ты надѣлалъ столько бѣдъ Израилю!» сказалъ ему Ахавъ, когда онъ явился къ нему, по повелѣнію Божію, возвѣститъ прекращеніе голода.—«Не я», отвѣчалъ пророкъ, «а ты и домъ отца твоего». Потомъ, въ другой разъ, возвѣщая Ахаву судъ за убіеніе Навуея, онъ простеръ

свою смѣлость, какъ мы видѣли, еще далѣе. «Псы будутъ лизать кровь твою», сказалъ онъ Ахаву, — «также какъ они лизали кровь Навуося, а Іезавель съѣдятъ совсѣмъ». Далѣе этого невозможно простирать смѣлость. Таковъ былъ характеръ этого великаго пророка, вполне соотвѣтствовавшій тому мрачному времени. Огненная колесница, на которой онъ былъ взятъ отъ земли, есть видимый образъ его огненнаго духа. Такимъ представляетъ его себѣ и нашъ простой народъ: когда поднимается гроза, когда молнія раздираетъ воздухъ и грохочетъ громъ, простой народъ думаетъ, что это грозный пророкъ ѣдетъ по небу въ своей огненной колесницѣ.

Итакъ, предъ вами, братіе, съ одной стороны величавый образъ пророка Іліи, пламеннаго ревнителя по Богѣ и обличителя нечестія и неправды; съ другой—презрѣнный образъ Ахава и ненавистный образъ его жены, гонителей благочестія и правды. Вы, конечно, съ почтеніемъ преклоняетесь предъ великимъ пророкомъ и обличителемъ неправды и съ ужасомъ отвращаете взоръ отъ гонителей. Но этого мало: и почтеніе само по себѣ бесплодно, и отвращеніе еще не ручается за то, чтобы вы не сдѣлались гонителями правды. Должно подражать ревности пророка и возлюбить правду даже тогда, когда она обличаетъ васъ.

«Подражать ревности пророка! это твое дѣло», подумаете вы. Правда, ревность къ славѣ Божіей есть прямая обязанность служителей Божіихъ и обличеніе нечестія—прямая обязанность служителей слова; но не думайте, что эти обязанности совсѣмъ уже не касаются до васъ. Вы, конечно обязаны любить Бога и ближнихъ, а любовь безъ ревности—не любовь. Что за сынъ, который равнодушно слушаетъ, какъ оскорбляютъ его родителей? Что за гражданинъ, который спокойно смотритъ, какъ грабятъ или убиваютъ его согражданина, оправдываясь тѣмъ, что защищать имущество и жизнь гражданъ есть дѣло правительства и полиціи? Не каждый ли честный человѣкъ

обязанъ защитить другаго и предать вора или убійцу въ руки начальства? Точно также не только служители вѣры, но, при случаѣ, и каждый вѣрующій обязанъ охранять и защищать вѣру; не только служители слова, но и каждый истинный христіанинъ обязанъ, при случаѣ, обличить нечестіе и неправду. Если же ты равнодушно слушаешь, напримѣръ, какъ безбожникъ издѣвается надъ твоею вѣрою, то не значить ли это, что ты не любишь своей вѣры? Если ты равнодушно слушаешь, какъ легкомысленный нечестивецъ кощунствуетъ, т.-е. непочтительно выражается и шутитъ надъ таинствами и обрядами Церкви, не значить ли это, что ты дурной сынъ Церкви? Если ты равнодушно смотришь, какъ притѣсняють твоего ближняго, то не въ правѣ ли я думать, что ты далеко не любишь ближняго, какъ самого себя, какъ бы слѣдовало по заповѣди?—«Ничего не подѣлаешь, а только наживешь себѣ врага»: такъ извиняешь ты свое равнодушіе. Можетъ быть и ничего не подѣлаешь; можетъ быть и врага себѣ наживешь—все можетъ быть. Но что же это значить, что ты такъ тщательно взвѣшиваешь всѣ послѣдствія, заранѣе доискиваешься, будетъ ли имѣть успѣхъ твое усердіе и не причинитъ ли тебѣ самому вреда? Не значить ли это, что ты не имѣешь ревности? Когда ты видишь въ опасности любимаго человѣка, напримѣръ отца или мать, тогда ты не доискиваешься, какія будетъ имѣть послѣдствія твое заступничество; но ни на что не взирая, забывая всѣ опасности, единственно повинуюсь голося любви, спѣшишь етать на защиту любимой особы. Вотъ это истинная любовь. Ты боишься, что наживешь врага и подвергнешься гоненію: что же? — *Блажени измани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное.* Или царство небесное не стоитъ того, чтобы за него потерпѣть? Такъ, въ глазахъ нашихъ оно потеряло цѣну; сердце наше занято земными интересами, и ревность Или въ нашъ холодный вѣкъ кажется неумѣстною и странною. Но, по крайней мѣрѣ, вступишь за правду тамъ, гдѣ твое заступничество можетъ

имѣть успѣхъ и не представляетъ для тебя никакой опасности. Такихъ случаевъ въ обыденной жизни не мало. Честное, горячее слово правды много значитъ; даже молчаливое неодобреніе, и то не остается безъ дѣйствія. Если бы мы, вмѣсто того, чтобы искать знакомства съ инымъ сильнымъ человѣкомъ, считать за честь дружбу инаго безсовѣстнаго грабителя или безчестнаго обманщика; если бы, вмѣсто того, чтобы льстить и лакействовать предъ подобными людьми, мы показали, что не дорожимъ ихъ расположеніемъ,—тогда они не смѣялись бы такъ нагло надъ обществомъ, надъ честью, совѣстью, правдой, надъ законами божескими и человѣческими.

Но если ревность къ вѣрѣ и правдѣ есть долгъ не однихъ служителей церкви, но и cadaго христіанина, то что сказать о тѣхъ, которые не только не стоятъ за вѣру и правду, но еще становятся гонителями ихъ? Не постигнетъ ли ихъ судь Ахава и Иезавели? Да сохранить насъ Богъ отъ этого. Если служитель Церкви, по долгу своего званія, или братъ твой, по совѣсти и по долгу христіанина, выскажетъ тебѣ горькое слово правды,—выслушай его безъ озлобленія, выслушай съ христіанскимъ смиреніемъ и благодарностію, какъ больной принимаетъ горькое лекарство отъ врача. Такое смиреніе, повѣрь, не унижитъ тебя: умѣнье со смиреніемъ выслушивать обличенія—великая добродѣтель; этою добродѣтелью отличался любимый Богомъ царь Давидъ.

Возлюбимъ же, по слову Писанія правду, и возненавидимъ беззаконіе: возлюбимъ правду не только тогда, когда она за насъ, т.-е. когда она одобряетъ насъ,—но и тогда, когда она противъ насъ, т.-е. когда она обличаетъ насъ; возненавидимъ беззаконіе не только въ другихъ, но и въ себѣ. Аминь.

Д. Державинъ.

ПРОКЛЯТІЕ ІОѦАМА.

ПО ПОВОДУ ПРЕСТУПНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗЛОУМЫШЛЕННИКОВЪ.

Въ числѣ преступныхъ средствъ, съ помощію которыхъ люди надѣются удовлетворить своему властолюбію и, достигнувъ удовлетворенія—удержать за собою незаконно присвоенную себѣ власть надъ другими, изстари практикуются и устрашеніе и дѣйствіе мечемъ и огнемъ. Трудно сказать, какое изъ этихъ разрушительныхъ орудій злой воли болѣе страшно для общества. Если мечъ избираетъ опредѣленную жертву, такъ какъ направляется разумною, хотя и злою рукою: то огонь, какъ неразумная стихія, не знаетъ выбора, не избираетъ опредѣленной жертвы, поядая все, что можетъ. Эта ненасытимая стихія никогда не скажетъ: <довольно> (Пр. Сол. 30, 16). Впрочемъ, что особенно страшно, такъ это то, что въ рукахъ властолюбцевъ, какъ будто по опредѣленію неумолимаго какого-то, хотя и непонятнаго рока, мечъ и огонь, какъ средства, являются очень часто, если не всегда, вмѣстѣ. Эти люди какъ будто побуждаются кѣмъ-то, чтобы пролитую ими на землю кровь—этого вопіющаго къ небу свидѣтеля объ отмщеніи—полизалъ и уничтожилъ огонь. Но разумѣется, имъ не удастся никакимъ огнемъ уничтожить свидѣтельство о своихъ злодѣяствахъ. То, что уничтожаетъ огонь,—то записываетъ и судитъ исторія.

Въ самомъ дѣлѣ, спросимъ у нея: гдѣ политическія нестроенія, гражданскія смуты, разрушеніе общественнаго порядка властолюбивыми единицами и обществами сбхо-

дились безъ крови и огня? Едва ли мы ошибемся по этому, если будемъ утверждать, что гдѣ пролитой крови является спутникомъ огонь, у нихъ одинъ двигатель—властолюбіе, стремленіе поколебать установившійся порядокъ, чтобы на развалинахъ его поставить себѣ престолы. Всѣ же разрушительныя средства призываются и ограждать эти шаткіе престолы, хотя само собою понятно, что они не надолго будутъ ограждать.

Не зачѣмъ ходить далеко за доказательствами того, что употребленіе такихъ преступныхъ средствъ, какъ мечъ и огонь, для достиженія такихъ преступныхъ цѣлей, какъ незаконное властвованіе, кончается всегда однимъ и тѣмъ же: зло само себя наконецъ наказываетъ. И разумѣется, только въ этомъ исходѣ зла можно находить утѣшеніе и нравственную поддержку въ такіе тяжелые и страшные періоды жизни народовъ, когда въ воздухѣ носится запахъ крови и дымъ отъ пожаровъ—дѣло однихъ разрушительныхъ рукъ.

Беззаконныя притязанія на власть, притязанія не отступающія отъ употребленія въ дѣйствіе меча и огня, не новы въ исторіи человѣчества. Современныя коммуны своими дѣйствіями въ сущности повторяютъ только историческіе зады, хотя онѣ и оправдываютъ свои безумныя поступки величіемъ какой-то еще несслыханной любви къ народамъ и величіемъ той пользы, какую онѣ надѣются принести современному міру величіемъ разрушенія. Но повторяя зады — съ чѣмъ, какъ увидимъ, онѣ не могутъ не согласиться, ибо факты находятся на лицо,—онѣ забываютъ повторить для себя и уразумѣть то, что говоритъ таже исторія,—т.-е., что мечъ и огонь, разрушая, не создаютъ, а только разрушаютъ и въ извѣстное время съ безусловной необходимостью обращаются разрушительно на тѣхъ, кто взялъ въ руки мечъ и огонь для разрушенія. И въ древнемъ и въ новомъ мірѣ никогда не мимо шло грозно-предупреждающее Христово слово: «всѣ взявшіе мечъ—мечемъ погибнутъ» (Мѡ. 26, 52). И въ завѣ-

домо добрыхъ намѣреніяхъ никому нельзя сводить огня на землю даже съ неба, а тѣмъ болѣе тѣмъ, которые хватаются, будто они разрушаютъ, что ни попало, съ гуманными цѣлями. Это значить или самообольщаться, или же болѣе того—лгать предъ всѣми относительно того, какого эти гуманисты на словахъ духа (Лук. 9, 54—55).

Мы сказали, что кровь и огонь являются почти всегда страшными спутниками другъ другу въ ту пору жизни народовъ, когда начинаютъ господствовать и руководить дѣйствіями людей властолюбіе безъ законныхъ правъ и основаній на власть, отрицаніе установившагося порядка и порицаніе его, *особаго характера печалованіе* о судьбахъ народовъ, въ которомъ эти иногда и не нуждаются, потому что оно въ сущности есть только приличная одежда, чтобы прикрыть личное стремленіе къ власти. Въ самомъ дѣлѣ, раскроемъ исторію и посмотримъ, что говорятъ тѣ ея страницы, которыя обагрены кровью и закопчены дымомъ, или на которыхъ записаны угрозы мечемъ и огнемъ? Онѣ говорятъ о властолюбіи, о его злыхъ проявленіяхъ.

Вотъ напр. Ефремляне: желая властвовать, безъ всякихъ на то законныхъ правъ, надъ всѣми колѣнами израильскими и въ тоже время не желая помочь въ дѣйствительной нуждѣ жителямъ Галаада, терпѣвшимъ нападенія отъ Аммонитянъ, они заявляютъ свои притязанія на власть тѣмъ, что идутъ воевать съ ними и угрожаютъ Іефеаю: мы сождемъ домъ твой огнемъ и съ тобою вмѣстѣ (Суд. 12, 1—3). Этотъ судья звалъ Ефремлянъ на помощь, когда въ ней была дѣйствительная нужда; но помощи никакой не подано, а между тѣмъ властолюбивое стремленіе быть рѣшителями судебъ народа, распоряжаться имъ—тѣмъ болѣе возбуждается, чѣмъ менѣе не получившіе помощи въ дѣйствительной нуждѣ желаютъ преклонять колѣна предъ незаконными притязаніями (ср. Суд. 8, 1—3).

Вотъ Авессаломъ. Изъ личнаго мщенія онъ убиваетъ своего брата—наслѣдника престола; но несомнѣнно, какъ показываетъ дальнѣйшая исторія, къ мщенію за оскорбле-

ніе примѣшивается и властолюбіе. Но убійство брата ставить ему повидимому непреодолимья преграды достигъ престола. Онъ долженъ бѣжать за границу царства. Черезъ три года онъ возвращается, не оставляя замысла. Но ему нужно занять опредѣленное извѣстное положеніе, чтобы успѣшнѣе достигъ цѣли. А занять такое положеніе ему не удастся скоро, и вотъ послѣ меча онъ беретъ огонь. Послѣ неоднократныхъ попытокъ привлечь на свою сторону лице, нужное ему для достиженія скрываемыхъ тайно властолюбивыхъ цѣлей и замысловъ, Авессаломъ говоритъ слугамъ своимъ: видите участокъ поля Іоава, и у него тамъ ячмень; пойдите, выжгите его огнемъ. И выжгли слуги Авессалома тотъ участокъ поля огнемъ (2 Цар. 14, 29—30). Зачѣмъ же это было нужно? За тѣмъ, чтобы устрашеніемъ достигнуть одной и тойже своей цѣли — поставить себя въ такое положеніе, въ которомъ удобнѣе всего можно сѣять интриги въ народѣ, возбуждать его недовольство существовавшимъ порядкомъ и переманивать легковѣрныхъ на свою сторону (31—52; 15. 1—12).

Извѣстно, о чемъ заботился этотъ краснорѣчивый другъ порядка въ царствѣ, поборникъ скорого и праваго суда, рукопожатіями и лобзаніями вкрадывавшійся въ сердца Израильтянь. За льстивой мягкой рѣчью, прекрасною наружностью и роскошно-вьющимися волосами народъ по простотѣ своей не усмотрѣлъ въ немъ недостатка—властолюбія, принесшаго столько зла тому же самому народу. Тотъ же Іоавъ, вынужденный поджогомъ способствовать властолюбцу въ достиженіи его цѣлей, когда пришло время возмездія, вонзилъ три стрѣлы въ сердце Авессалома, когда высшая правда допустила его запутаться волосами своими въ вѣтвяхъ дуба. И памятникомъ его разрушительныхъ плановъ и дѣйствій осталось только убійство Амнона, выжженное поле Іоава, да огромная куча камней, наметанная надъ его трупомъ. А въ государствѣ мало-по-малу водворился тотъ же прежній порядокъ. Къ чему же послужили эти скрываемые подъ благовидною ли-

чиною замыслы властолюбія? Уже по первымъ дѣйствіямъ Авессалома можно было видѣть, чего слѣдуетъ ждать отъ него, когда онъ получитъ власть (2 Цар. 15, 1; ср. 1 Ц. 8, 11—18). Властолюбивая натура неизбѣжно выдастъ себя (Суд. 12, 6), какъ бы она ни прикрывалась горячею любовью къ народу, страданіемъ о его бѣдствіяхъ. Она любитъ въ сущности саму себя и страданіемъ о судьбѣ народовъ называетъ лишь только страданіе о личной неудовлетворенности властолюбія.

Достаточно опредѣленный образъ такого человѣка, — льстеца, сулящаго народу всѣ возможныя блага, но за общаніями скрывающаго свое собственное властолюбіе, которое успѣетъ себя показать въ настоящемъ видѣ въ ту же минуту, лишь только достигнетъ цѣли, — даетъ намъ Библія въ лицѣ Авимелеха, сына еврейскаго судьи Гедеона отъ наложницы — рабыни.

Справедливо цѣня заслуги Гедеона, его труды по освобожденію отечества отъ враговъ, сѣверныя колѣна Израилевы обратились къ нему съ просьбою: владѣй нами ты и сынъ твой, и сынъ сына твоего; ибо ты спасъ насъ отъ руки Мадіанитянь (Суд. 8, 22). Съ чистою совершенно совѣстію, опираясь на желаніе народа и законъ (Втор. 17, 14—15), Гедеонъ могъ взять на себя царскую власть и сдѣлать ее наслѣдственною въ своемъ родѣ. Но онъ не былъ властолюбивъ и потому на народное предложеніе отвѣтилъ: ни я не буду владѣть вами, ни мой сынъ не будетъ владѣть вами; Господь да владѣетъ вами (ст. 23). Померъ Гедеонъ; но память о его заслугахъ не могла умереть вмѣстѣ съ нимъ въ благодарномъ народѣ, и многочисленные сыновья судьи, хотя бы только по уваженію къ заслугамъ ихъ знаменитаго отца, должны были занять видное мѣсто въ обществѣ еврейскомъ. Однакожь мы не видимъ, чтобы они воспользовались своими наслѣдственными правами, можетъ быть впрочемъ и потому, что имъ не пришлось жить долго послѣ смерти отца, отказавшагося отъ предложенной власти не только за себя, но и

за все свое потомство. Искали ли они чести и власти—мы не знаемъ; но знаемъ, что той и другой усиленно искалъ сынъ Гедеопа отъ рабыни Авимелехъ.

Конечно, уже по самому своему происхожденію онъ не могъ имѣть тѣхъ правъ, какими обладали законные сыновья Гедеопа, еслибы они пожелали воспользоваться народными симпатіями къ ихъ отцу. По этому Авимелеху нужно было подорвать такъ или иначе уваженіе народное къ правамъ законнымъ, выставить выгодныя стороны желаннаго имъ переворота, скрывая свои собственные выгоды за выгодами общественными, народными. И властолюбецъ искусно умѣетъ благовидными предлогами прикрыть личные происки. Въ Сихемѣ, родственномъ по матери городѣ, Авимелехъ говорилъ: что лучше для васъ,—чтобы владѣли вами всѣ семьдесятъ сыновъ Іеровааловыхъ, или чтобы владѣлъ одинъ? И вспомните, что я кость ваша и плоть ваша (Суд. 9, 2).

Не та же ли старая ложь повторяется и нынѣ? Герои кинжала, револьвера, яда и пироксилина не такъ ли же и нынѣ сѣютъ соблазны, выставляя себя защитниками интересовъ народа, называясь братьями народа, желающими спасти его отъ деспотизма законной власти, готовыми принести свою жизнь, силы и способности въ жертву народамъ, на алтари отечества, челоуѣчества? И надобно удивляться, что такъ часто произносившаяся въ мірѣ наглая ложь еще находитъ уши, готовые слушать, что за облаками курящагося въ честь народовъ дешеваго өміама люди не навыкли еще усматривать и обонять запахъ Молоховыхъ жертвъ и крови. Легковѣріе поистинѣ непонятное! Сколько разъ подъ солнцемъ повторялась эта одна и та же исторія грубаго обмана и ловкаго насилія, и опять повторяется! Особенно въ нашъ вѣкъ, хвалящійся знаніемъ, серьезностію и прогрессомъ, неожиданно то легкомысліе, которое прельщается взятыми напрокатъ отъ древнихъ вѣковъ за дешевую цѣну, истлѣвшими отъ времени и употребленія, овчими одеждами на современныхъ волкахъ.

Родственники искателя власти постарались внушить жителямъ Сихема, что всѣмъ имъ выгодно стать подъ знамя Авимелеха. Лъстивое слово очаровало на время; но очень не надолго, какъ сейчасъ увидимъ. Авимелеху оставалось теперь привести мысль о собственной власти въ самое дѣло. Когда имъ подкуплено было расположеніе Сихемлянъ, легко уже было подкупить ихъ и на содѣйствіе себѣ въ достиженіи цѣли. И вотъ Сихемляне даютъ Авимелеху денегъ, а на нихъ онъ нанимаетъ праздныхъ и своевольныхъ людей. Удивительно, какъ не могли Сихемляне разсмотрѣть такъ грубо поставленныхъ имъ сѣтей. Вѣдь Авимелехъ сулилъ Сихемлянамъ лучшее, слѣд. выгоднѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ, если ими будетъ владѣть онъ одинъ, а не семьдесятъ сыновъ Гедеона. Понятно, что эти семьдесятъ потребовали бы болѣе отъ общества, нежели одинъ владѣтель. Права владѣтельныхъ лицъ на востокѣ, хотя бы и въ очень древнее время, вѣроятно не были имъ безъизвѣстны, какъ явленіе обычное (ср. 1 Цар. 8, 11—17). Но мы ранѣе сказали, что не знаемъ никакихъ притязаній на власть со стороны сыновъ Гедеона, и не знаемъ вѣроятно потому, что такихъ притязаній, имѣющихъ для себя законное основаніе, не было. Авимелехъ же, не имѣющій правъ, спѣшитъ прежде всего, еще только пообѣщавъ и польстивъ народу, воспользоваться для себя только самого его достояніемъ.

Деньги даны, негодные люди нашлись готовыми на всякія услуги; послѣ этого можно было дѣйствовать рѣшительнѣе. И вотъ Авимелехъ приходитъ съ продавшимися ему въ домъ отца своего въ Офру и убиваетъ семьдесятъ сыновъ Геровааловыхъ (Гедеона), на одномъ камнѣ. Хаотически смѣшивается все: пріятно раздражающія легковѣрный народъ обѣщанія всяческихъ выгодъ, бросаемое искусной рукой недовѣріе къ установившимся порядкамъ, обольщеніе народа, прикрытое скорбью властолюбца въ виду опасности ухудшенія его гражданскаго положенія въ ближайшемъ будущемъ, и невинно пролитая кровь, какъ

будто неизбежно нужная для того, чтобы все стало лучше, всѣмъ сдѣлалось легче. Но что же вышло изъ всего этого?

Когда сдѣланъ одинъ ложный шагъ, сила обстоятельствъ побуждаетъ дѣлать такой же другой и третій. Порядокъ и покой общественный разрушенъ; нужно нѣчто такое, что бы по крайней мѣрѣ давало призракъ порядка и общности. Нынѣ, удивляясь и едва не благоговѣя предъ общественною организаціею муравьевъ, пчелъ и т. п., гдѣ есть высшія и низшія особи, раздѣленіе труда и порядокъ, пахотятъ почему-то нужнымъ для общаго будто бы благоденствія народовъ уничтожать правильную организацію обществъ человѣческихъ, подрывать государственный и семейный бытъ и въ тоже время проповѣдуютъ, что человекъ—животное и не болѣе. Благоговѣйте передъ муравьемъ и пчелой съ устройствомъ общественной ихъ жизни; но оставьте же въ покоѣ и вашего человека съ выработанною имъ общественною организаціею. Потому что нелогично и нелѣпо разрушать то, что очевидно лежитъ въ природѣ муравья, пчелы и человека, если вы ставите и того и другую и третьяго въ одинъ разрядъ животныхъ общественныхъ. Раскопанный злой рукой муравейникъ, разоренный пчелиный улей опять устроятся такъ же, какъ было и прежде; опять низшія особи соберутся вокругъ высшихъ и потечетъ правильная общественная жизнь, возможная у нихъ только при необходимомъ условіи,—власти съ одной стороны и повиновенія съ другой. То же бываетъ и съ обществомъ человѣческимъ; и оно не можетъ существовать безъ власти, безъ закона, безъ повиновенія. Разница только въ томъ, что здѣсь, когда ниспровергается власть законная, ея мѣсто занимаетъ тотчасъ же власть насилія, достигающая властвованія низкой лестью и кровью и опирающаяся въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ на мечъ и огонь. Зачѣмъ же разрушать, хотя бы и на малое время, то, что по существу своему никогда и ничѣмъ окончательно не можетъ быть разрушено?

Такъ и Сихемляне, обманутые Авимелехомъ, послѣ того какъ дали ему денегъ для найма праздныхъ и своевольныхъ людей, съ помощію которыхъ были убиты сыновья Гедеона, вооружившіе противъ себя народъ по наговорамъ властолюбца,—тогда же поставили низкаго искателя—сына рабыни—себѣ царемъ.

Справедливо сказано однимъ древнимъ мудрецомъ, что земля дрожитъ подъ рабомъ, когда онъ сдѣлался царемъ, и не можетъ держать его на себѣ (Прит. 30, 21 — 22). Предупреждалъ объ этомъ непосильно тяжеломъ, невыносимомъ бремени, которое добровольно возлагали на себя Сихемляне, спасшійся отъ меча Авимелехова сынъ Гедеона, Іоамъ въ извѣстной баснѣ о деревьяхъ, искавшихъ себѣ царя.

Когда благородныя деревья—маслина, смоковница и виноградная лоза, т.-е. Гедеонъ и его сыновья, отказались царствовать и призвали терновникъ, тотъ сказалъ: если вы поистинѣ поставяете меня царемъ надъ собою, то идите, покойтесь подъ тѣнью моею; если же нѣтъ,—то выйдетъ огонь изъ терновника и пожжетъ кедры ливанскіе.

Извѣстно, какъ мало колючій терновникъ можетъ давать тѣни и защищать скрывающагося подъ нимъ отъ палящихъ лучей восточнаго солнца. Между тѣмъ какъ маслина, смоковница и виноградная лоза составляютъ лучшіе дары природы Ханаана, терновникъ годенъ только на то, чтобы его сжигать; потому что онъ быстро воспламеняется и даетъ сильное пламя (ср. Исх. 22, 6).

Истину глубокой ироніи о покоѣ подъ тѣнью терновника скоро извѣдали на себѣ горькимъ опытомъ Сихемляне. Авимелехъ царствовалъ только три года. Какого рода было это царствованіе, можно судить изъ того, что священный писатель употребляетъ для охарактеризованія его слово, обозначающее собственно господство тиранна, а не царя. Понятно, что Сихемляне, прежде такъ доврчиво отнесшіеся къ льстивымъ рѣчамъ Авимелеха, не мо-

гли быть теперь довольны правленіемъ обманщика, узурпатора и тиранна. Они не стали ему покоряться и скоро дѣло дошло до открытаго возстанія. Жители Сихема теперь, послѣ горькаго опыта, положились на нѣкоего Гаала, который хвастливо кричалъ: кто Авимелехъ, чтобы намъ служить ему? и просилъ войска, обѣщаясь прогнать уже шумно проклинаемаго народомъ царя. Но разъ добровольно отдавшись во власть злаго и жестокаго чловѣка, не легко сбросить съ себя ярмо безнаказанно. Терповникъ давалъ тѣнь, какую онъ могъ дать желавшимъ покоиться подъ нимъ; кто же, извѣдавъ на себѣ недостаточность тѣни, не желалъ болѣе ею пользоваться, того, хотя бы онъ былъ и кедръ ливанскій, онъ могъ сжечь. Авимелеха нельзя было уже Сихемлянамъ такъ легко развѣнчать изъ царя у тогоже дуба, у котораго такъ легко онъ ими былъ поставленъ въ царя. За нимъ стѣбитъ уже начальникъ города, ему обязанный своимъ положеніемъ, который и извѣщаетъ царя о готовящемся возмущеніи и предлагаетъ мѣры къ подавленію возстанія. У Авимелеха въ распоряженіи большое и дисциплинированное войско, желающее его поддерживать. Въ самомъ дѣлѣ первая битва хвастливаго Гаала противъ Авимелеха была проиграна: возмутившіеся Сихемляне были обращены въ бѣгство и пало много убитыхъ, до самыхъ воротъ города. На другой день Авимелехъ самъ показалъ, чего нужно ждать отъ него возмутившимся его тиранніею, которая теперь могла показать себя въ истинномъ свѣтѣ. Возмущеніе противъ обманщика и убійцы произошло во время собиранія винограда. Сихемляне должны были кончать свои полевые работы и вышли изъ города въ поле. Авимелехъ же, заранѣе разставивъ, по доносу своихъ единомышленниковъ, засады въ полѣ, побилъ горожанъ, вышедшихъ на мирныя работы. Въ тотъже день онъ взялъ городъ, перебилъ народъ бывшій въ немъ, разрушилъ Сихемъ и засѣялъ его солью. Въ послѣднемъ дѣйствіи Авимелеха сказалась ясно черта его звѣрскаго и властолюбиваго характера.

Не мало конечно разрушалось городовъ во времена войнъ; но не всѣ разрушенные города засѣивались властолюбцами-разрушителями солью.

Что же значиль этотъ актъ, — единственный, который упомянуть священными писателями во всю исторію Еврейскаго народа и вѣроятно упомянутый однажды потому, что онъ былъ единичнымъ? На символическомъ языкѣ ветхозавѣтныхъ писателей засѣять разрушенный городъ солью значило не болѣе ни менѣе, какъ выразить осязательнымъ образомъ твердое желаніе, чтобы онъ никогда не возсталъ изъ своихъ развалинъ, превратился на вѣки въ необитаемое людьми мѣсто, въ пустыню. И въ древнѣйшее правленіе Авимелехова и въ позднѣйшее его время солончаки всегда считались у Евреевъ землею обитаемую развѣ только дикими животными (Втор. 29, 23; Іова 39, 6; Псал. 106, 34; Соф. 2, 9), но никакъ ни людьми. Можемъ судить по этому, насколько мягко и великодушно отнесся Авимелехъ къ тѣмъ, которыхъ онъ такъ еще недавно соблазнялъ выгодами и покоемъ при выборѣ его въ правителя, а не кого-либо другаго, — лишь только эти обманутые не захотѣли долѣе носить ярма его власти. Но дѣло не кончилось засѣяніемъ Сихема солью: Успѣвшіе спастись отъ меча горожане бросились въ башню капища Вааль - Верноа, откуда три года тому назадъ Авимелехъ получилъ общественныя деньги на паемъ сподвижниковъ себѣ въ убійствѣ сыновъ Гедеоновыхъ. Эти спасшіеся думали и надѣялись, что храмъ, гдѣ царь нашелъ прежде средства достигнуть цѣли, спасетъ ихъ.

Горькая ошибка! Не далеко отъ Сихема бѣлѣла снѣгомъ вершина горы Селмонъ (Псал. 67, 15), бока которой покрыты были густымъ лѣсомъ. Не опустилъ ее изъ виду Авимелехъ. Онъ пошелъ на гору Селмонъ, самъ и весь народъ бывшій съ нимъ, и взялъ Авимелехъ топоры съ собою, и нарубилъ сучьевъ древесныхъ, и положилъ на плечи свои и сказалъ народу, бывшему съ нимъ: «вы видѣли, что я дѣлалъ; скорѣе дѣлайте и вы тоже, что я».

Можетъ быть многіе и догадывались о томъ, что замышлялъ сдѣлать Авимелехъ, когда давалъ таксе распоряженіе и побуждалъ исполнить его точно собственнымъ примѣромъ; но уже не были въ силахъ противостать ему. Цѣпи зла не легко снимаются. И вотъ каждый изъ народа нарубилъ сучьевъ и пошли за Авимелехомъ, и положили къ башнѣ, и сожгли посредствомъ ихъ башню огнемъ, и умерли всѣ, бывшіе въ башнѣ Сихемской, около тысячи мужчинъ и женщинъ. Какая ужасная и богатая жертва Молоху властолюбія! Горятъ башни, горятъ и тысячи людей, тѣхъ людей, которые обмануты были нагло общаніемъ лучшаго будущаго подъ покровомъ незаконной власти — терновника. Ошибка признана; но признаніе сдѣланной ошибки не спасаетъ отъ кары. Изъ терновника ничего другаго не можетъ выйти, какъ только огонь, поджигающій кедръ ливанскіе. Такъ оправдалась пророчесвенная басня Іоама.

Этою страшною мезтью однакожь не кончилось дѣло. Въ недалекомъ разстояніи отъ Сихема, къ сѣверу, лежалъ городъ Тевецъ, одинаково ненавидѣвшій Авимелеха и потому одинаково отказавшійся повиноваться ему. Покончивъ съ Сихемомъ, бичъ народный пошелъ сюда и осадилъ городъ. Взять его онъ могъ легко; но среди города была крѣпкая башня, въ которой и заперлись всѣ мужчины и женщины Тевца. Они конечно думали отсидѣться здѣсь; но у Авимелеха было испытанное средство заставить преклониться предъ его властью—огонь. Онъ подошелъ къ дверямъ башни, чтобы сжечь ее такъже, какъ недавно сжегъ башню Сихемскую. Но одна женщина, изъ числа спасавшихся, удачно бросила сверху отломокъ жернова на голову Авимелеху и проломила ему черепъ.

Безъ всякаго колебанія убивавшій десяткіи братьевъ и сжигавшій тысячи гражданъ, желавшихъ избавиться отъ узурпатора, не отступавшій ни предъ чѣмъ, презиравшій судъ исторіи о своихъ дѣйствіяхъ, Авимелехъ отступилъ предъ оружіемъ въ рукахъ женщины. Онъ тотчасъ же призвалъ оруженосца и приказалъ ему умертвить себя,

боясь, чтобы потомство не сказало: женщина убила его. Но расчетъ оказался напраснымъ; исторія записала его злодѣянія—пролитую кровь и пожары и то, что женщина изъ Тевеца проломила ему черепъ. Все это помнили (2 Цар. 11, 21).

И исполнилось на всѣхъ грозное предсказаніе Іоаама, провозглашенное съ вершины Гаризима Сихемлянамъ и Авимелеху: «если вы поистинѣ и по правдѣ поступили съ Іеровааломъ-Гедеономъ и домомъ его (разумѣется соучастіе въ убійствѣ); то радуйтесь объ Авимелехѣ, и онъ пусть радуется объ васъ. Если же нѣтъ, то да изыдетъ огонь отъ Авимелеха и да пожжетъ жителей Сихемскихъ, и да изыдетъ огонь отъ жителей Сихемскихъ и да пожжетъ Авимелеха».

Передавъ исторію злодѣйствъ властолюбца, свящ. писатель заключаетъ: «такъ воздалъ Богъ Авимелеху за злодѣяніе, которое онъ сдѣлалъ отцу своему, убивъ семьдесятъ братьевъ своихъ. И всѣ злодѣянія жителей Сихемскихъ обратилъ Богъ на голову ихъ. И постигло ихъ проклятіе Іоаама» (Суд. 9, 56—57).

Такъ зло само себя наказало и уничтожило, потому что послѣ самоубійства Авимелеха всѣ державшіе ранѣе — можетъ быть изъ страха—его сторону пошли каждый въ свое мѣсто и снова начался тотъ же гражданскій порядокъ въ жизни Евреевъ, какой былъ и прежде, нежели Авимелехъ разрушилъ его своимъ властолюбіемъ и его плодами—кровью и пожарами. Можно конечно въ этомъ, какъ уже и ранѣе сказали, находить нѣкоторое утѣшеніе въ тяжелыя години смуть и волненій, переживаемыхъ народами. Но мы не въ силахъ такъ же спокойно относиться къ зловѣщимъ явленіямъ, какъ отнесся къ нимъ свящ. писатель. При чтеніи страницъ исторіи объ Авимелехѣ, мы спрашиваемъ себя: что чувствовали, если не всѣ, то многіе Сихемляне, въ тотъ день, когда распространилась вѣсть о насильственной смерти семидесяти сыновъ Гедеоны? Какъ принята была ими вѣсть, что Авимелехъ по-

бываетъ мирныхъ поселянъ, вышедшихъ въ поле для работъ? Какъ отозвались въ ихъ умахъ и сердцахъ разрушеніе Сихема, засѣяніе его солью и особенно поджогъ башни Сихемской, стоившій почти тысячи человѣческихъ жизней? Какъ чувствовали себя тѣ Тевецкіе жители, которые, вѣроятно уже зная о судьбѣ скрывавшихся въ башнѣ Сихемской, видѣли Авимелеха, рѣшившагося съечь и ихъ живыми? Убѣдили ли всѣхъ эти событія, разъ навсегда, что подъ льстивыми обѣщаніями неприванныхъ печальниковъ о судьбахъ народа кроются лишь ихъ властолюбивыя стремленія, выражающіяся въ кровожадныхъ поступкахъ по отношенію къ тѣмъ, кого, будучи обманутъ, не захотѣлъ бы долѣе сносить ихъ жестокаго ига?

Подобные вопросы, при чтеніи древней исторіи объ Авимелехѣ, встаютъ невольно и неизбежно. Совершающіеся и въ переживаемые нами дни, вокругъ и среди насъ, убійства и пожары — могутъ возбудить вопросъ: не тяготѣетъ ли и надъ Русскою землею, какъ древле надъ Сихемомъ, проклятіе, и не оно ли исполняется въ современныхъ убійствахъ и пожарахъ? И убійства и пожары — дѣло одной руки, — руки враговъ нашего общественнаго устройства, желающихъ потрясти и разрушить всѣ основы истинно человѣческой жизни. Имъ конечно не удастся достигнуть своихъ преступныхъ цѣлей; но зло, которое они дѣлаютъ всему обществу, велико. Не заслужено ли оно нами? Ихъ ли однихъ должно винить въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя мы переживаемъ? Не падаетъ ли и на насъ доля отвѣтственности въ этомъ случаѣ? Если Сихемляне заслужили проклятіе Іоваама, то и мы не заслужили ли чѣмъ гнѣва Божія? Ибо нѣтъ зла, которое могло бы постигнуть насъ безъ воли Божіей, безъ поущенія Божія. Чѣмъ же мы навлекли гнѣвъ Божій? Не за ту же ли отчасти вину онъ тяготѣетъ надъ нами, за которую пало проклятіе и на древнихъ Сихемлянъ? Не слишкомъ ли внимательно и опрометчиво прислушивались иные изъ насъ къ такимъ же, или подобнымъ льстивымъ рѣ-

чамъ, къ какимъ прислушивались и тѣ: что лучше для васъ, чтобы владѣли вами всѣ семьдесятъ сыновъ Іеровааловыхъ, или чтобы владѣлъ одинъ? И вспомните, что я—кость ваша и плоть ваша.—Довѣрчивость къ льстивымъ рѣчамъ дала средства и возможность современнымъ Авимелехамъ набрать вокругъ себя толпы праздныхъ и своевольныхъ людей, готовыхъ за плату и убивать людей и поджигать города.

Въ дни кровопролитій всѣ сознали, какъ непростительно легкомысленно довѣряютъ этимъ печальникамъ о нашихъ будущихъ судьбахъ. Всѣ теперь искренно сторонятся отъ нихъ; но дерзость ихъ не знаетъ предѣловъ: отъ ихъ рукъ горять до тла наши города подобно башнѣ Сихемской.

А гдѣ же на Руси, и скоро ли найдется та вторая Тевецкая женщина, которая мирнымъ орудіемъ, мирными средствами проломила бы черепъ убійцѣ и поджигателю изъ одного властолюбія—Авимелеху?

Конечно, рано или поздно найдетъ современныхъ злодѣевъ-властолюбцевъ наказующая рука (Пр. Сол. 11, 21), какъ бы ни было велико число ихъ; и если ими легко и безнаказанно разрушаются и сожигаются Сихемы; то еще остаются грозныя для нихъ башни Тевеца. Но до тѣхъ поръ, пока и ихъ постигнетъ тамъ въ свою очередь проклятіе Іоама, какъ много зла приходится терпѣть отъ нихъ обществу въ наказаніе за то, что многіе изъ этого общества охотно прислушивались къ ихъ заманчивымъ предложеніямъ и проектамъ лучшаго для всѣхъ будущаго! Справедливо сказано, что «всякій совѣтникъ хвалитъ свой совѣтъ; но случается, что иной совѣтуетъ для самого себя. По этому нужно остерегаться совѣтника и напередъ постараться узнать, какая у него нужда: ибо можетъ быть онъ будетъ совѣтовать для самого себя, чтобы кинуть на тебя жеребей. И скажетъ тебѣ: путь твой хорошъ, а самъ станетъ напротивъ тебя, чтобы посмотреть, что случится съ тобою (Сир. 37, 7—9).

И открываются тогда удобства покоя подъ тѣнью терновника: они колютъ до крови и пожигаютъ. Мы это уже испытали и испытываемъ. Этого одного достаточно, чтобы никто не вѣрилъ лъстивымъ рѣчамъ мнимыхъ народолюбцевъ. Отъ кого мы должны ждать лучшаго, кому мы должны вѣрить: тѣмъ ли, отцы которыхъ, и сами они, не дорожили жизнію, избавивъ насъ отъ рукъ всякихъ Мадіанитянъ; или тѣмъ, которые такъ много добра сулятъ намъ въ бѣдующемъ, и такъ много зла дѣлаютъ намъ въ настоящемъ?

Пусть же недавнія убійства, покушенія на цареубійство, и дымящіяся еще развалины нашихъ сожженныхъ городовъ убѣдятъ всѣхъ въ томъ, какъ пагубно прислушиваться къ рѣчамъ непризванныхъ печальниковъ о бѣдствіяхъ народа. Хотя они говорятъ нѣжнымъ голосомъ, не должно вѣрить имъ, потому что въ сердцѣ ихъ семь мерзостей (Пр. Солом. 26, 25).

А. С.

СОСТОЯНІЕ БОГОСЛУЖЕНІЯ ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ

ПРЕДЪ ПРИШЕСТВІЕМЪ

ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Состояніе богослуженія у язычниковъ предъ Р. Хр.

Искаженіе религіозныхъ понятій у язычниковъ: обоготвореніе природы,—многобожіе.—Отсюда идолопоклонство, какъ общій характеръ языческаго богослуженія.—Вліяніе обоготворенія природы на языческое богослуженіе въ отношеніи къ богослужебнымъ мѣстамъ, временамъ, лицамъ и дѣйствіямъ.—Отдѣльныя свѣтлыя черты во внутреннемъ содержаніи и во внѣшнихъ формахъ языческаго богослуженія. Безотрадный характеръ его въ цѣломъ его составѣ.

Весь родъ человѣческой предъ пришествіемъ Господа нашего Іисуса Христа дѣлился въ религіозномъ отношеніи на двѣ неравныя части: на языческой міръ и іудейскій.

Міръ языческой въ своей религіозной жизни представлялъ крайнее развращеніе и искаженіе. Отчуждившись отъ истиннаго Бога и не могли остаться безъ Бога, язычнички искали Его во всемъ мірѣ и въ этихъ поискахъ принимали за Бога разные виды тварей. Но мѣрѣ того какъ мысль о единомъ Богѣ, какъ верховномъ Началѣ всего, затемнялась, ослабѣвала и забывалась, религіозное сознаніе язычниковъ болѣе и болѣе останавливалось въ своей немощи только на отдѣльныхъ проявленіяхъ Божіей мудрости и силы во внѣшней природѣ и, будучи не въ силахъ возвыситься до обобщенія этихъ проявленій подъ одною Верховною причиною, олицетворяло ихъ каждое порознь, переносило на нихъ въ отдѣльности тѣ пред-

ставленія, которыя приличествуютъ единому Верховному Существу. Соотвѣтственно порядку природы и различію впечатлѣній, получаемыхъ отъ нея, язычество выработало цѣлую систему различныхъ божествъ, раздѣляя ихъ по пространственнымъ ступенямъ (отсюда боги неба, поверхности земной и ада, — *dii superi, medioximi, inferi* *), и затѣмъ по поламъ (Озирисъ и Изида, Адонисъ и Венера, Вааль и Астарта), по нравственнымъ качествамъ, по принадлежности къ свѣту и добру, или тьмѣ и злу (Озирисъ и Тифонъ, Юпитеръ и Сатурнъ, особенно же Ормуздъ и Ариманъ). Если отчасти еще сохранилась въ религіозномъ сознаніи язычника мысль о единомъ Божествѣ, то она столь слабо вліяла на проявленіе сего сознанія, что Божество въ силу этой мысли представлялось какою-то неопредѣленною и притомъ чуждою жизни Первоосновою всего, какою-то отвлеченностію, ничѣмъ себя не проявляющею (Брама, Хроносъ и др.).

Всѣ эти представленія непосредственно выразились въ богослуженіи и обусловили собою его духъ и характеръ. Та единая Первооснова всего, о которой говорили сердцу язычника сохранившіеся еще въ немъ остатки первоначальнаго откровенія, какъ нѣчто чуждое жизни, неопредѣленная общность, не нашла для себя никакого выраженія въ культѣ; имѣя значеніе для міа, она оставалась внѣ всякаго значенія для богослуженія. Между тѣмъ тѣ дѣйствительныя, конкретныя божества, которыя были олицетвореніями различныхъ частей природы, различныхъ

*) Для примѣра укажемъ здѣсь на боговъ, которыхъ признавали Греки и Римляне. У Грековъ богами неба были: Зевсъ, Гера, Аѳина, Паллада, Аполлонъ, Артемида, Гермесъ и пр.; богами земной поверхности и во 1-хъ суши: Гея, Деметра, Діонисъ, Панъ,—затѣмъ моря: Океанъ и Тетиса, Понтъ, Нерей, Посидонъ, и Амфитрита, и пр.; подземными богами: Аидъ, или Плутонъ, Эриніи и пр. У Римлянъ богами неба были: Янусъ, Юпитеръ, Марсъ, Квиринъ, и пр.,—богами земной поверхности и во 1-хъ суши: Теллусъ, Церера, во 2-хъ моря: Нептунъ, Салація, Венилія и пр.; подземными богами: Оркусъ, Мута, Тацита, и т. д.

ступеней круговорота ея жизни, составляли главный предметъ языческаго богослуженія. Обожаніе природы составляло существо языческой религіи; поэтому и языческое богослуженіе было не инымъ чѣмъ, какъ идолопоклонствомъ. Идолослуженіе было тѣсно соединено съ опредѣленными мѣстами, въ существѣ своемъ обусловливалось этими мѣстами; естественныя физическія свойства мѣстности сами по себѣ имѣли для него очень важное значеніе. Тоже нужно сказать и о богослужебныхъ *временахъ*. Порядокъ смѣны въ явленіяхъ природы обусловливалъ собою вполнѣ и порядокъ религіозныхъ торжествъ. Не потребность религіознаго чувства, свободно проявляющагося, не порядокъ историческихъ событій религіозной жизни управляли порядкомъ и послѣдовательностію богослужебныхъ временъ, а естественная, въ самой природѣ данная необходимость. Всѣ (особенно первоначальныя) праздники были не инымъ чѣмъ, какъ эпохами переворотовъ въ жизни природы; повороты солнца, какъ увеличивающій силу свѣта, такъ и уменьшающій, давали поводъ къ празднествамъ радостнымъ и печальнымъ; къ нимъ присоединились праздники въ память возникновенія земледѣлія, винодѣлія, кораблестроенія, основанія государства, законодательства и т. п. (Изида, Церера, Бахусъ и проч.). Характеръ обожанія природы отразился и во взглядахъ на самыхъ *совершителей служенія языческимъ божествамъ*; эти совершители языческаго богослуженія представлялись не простыми людьми, подобными прочимъ, облеченными только особою властію для совершенія своего служенія и получившими соотвѣтственное сему освященіе, — вѣтъ, на нихъ смотрѣли какъ на лица божественныя по своему происхожденію и не имѣющія ни позади, ни впереди себя ничего общаго съ остальною средою. — Бывъ въ существѣ своемъ идолопоклонствомъ, языческой культъ являлся въ своихъ *священнодѣйствіяхъ* преимущественно внѣшнимъ, механическимъ. Смѣшавъ тварь съ Творцемъ, язычество тѣмъ самымъ уничтожило возможность истин-

по-нравственнаго отношенія между Богомъ и человѣкомъ и признало отношеніе собственно космическое, физическое, внѣшнее. Поэтому въ языческомъ культѣ вовсе почти исчезла внутренняя сторона богослуженія и осталась одна только внѣшняя; какъ единеніе, такъ и примиреніе съ Богомъ язычники старались совершать посредствомъ внѣшнихъ дѣйствій, причемъ мысли и чувству давалось незначительное мѣсто. Такимъ путемъ механическихъ дѣйствій старались узнавать волю божествъ и получать отъ нихъ помощь; такимъ же путемъ, по вѣрованію язычниковъ, и Богъ открывалъ себя людямъ. Характеръ священнодѣйствій и ихъ свойства по большей части не отличались ни возвышенностію, ни гуманностію, ни нравственностію; страсти всякаго рода находили себѣ здѣсь широкое проявленіе. Чтобы сужденія наши не показались слишкомъ общими и потому непонятными, или же произвольно-преувеличенными, мы въ разъясненіе и подтвержденіе ихъ приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ въ язычествѣ не одна невѣжественная толпа народная, но даже сами жрецы очень часто выражали свое благоговѣніе и свое служеніе почитаемымъ ими божествамъ посредствомъ самобичеванія. Въ такомъ видѣ существовало богослуженіе для извѣстныхъ праздничныхъ дней и для особыхъ случаевъ у жрецовъ Цибелы, у жрецовъ Изиды, у жрецовъ Беллоны, у жрецовъ Ваала и проч. Въ числѣ языческихъ богослужебныхъ обрядовъ мы встрѣчаемъ и такіе, какъ принесеніе людей въ жертву богамъ (у Финикянъ, у древнихъ Грековъ и Римлянъ и др.), сѣченіе малыхъ дѣтей (въ Спартѣ въ честь Діаны), сѣченіе дѣвъ (въ Аркадіи въ честь Бахуса и Діаны). Къ богослужебнымъ дѣйствіямъ въ язычествѣ относимы были представленія въ лицахъ исторіи чествуемыхъ боговъ, причемъ вопреки всякимъ требованіямъ нравственнаго и религіознаго чувства дозволялись и такіе поступки, какъ выходженіе женъ въ обнаженномъ видѣ изъ воды въ присутствіи народа для представленія Венеры, вышедшей изъ морскихъ волнъ. Въ

разрядъ богослужебныхъ же дѣйствій въ язычествѣ входили даже разнаго рода вакханаліи, сатурналіи, безстыдныя пляски, на которыхъ происходили обжорство и самое неумѣренное пьянство, самый необузданный развратъ и проч. т. под. Таковыми были празднества въ честь Бахуса, Астарты, Цибелы, Адониса, Юноны, Венеры, Пана и др.

Если впрочемъ обращать вниманіе на тѣ или иныя частности языческаго богослуженія, то конечно нельзя не пасть и на нѣкоторые проблески свѣтлыхъ или, по крайней мѣрѣ, безупречныхъ явленій какъ во внутреннемъ его содержаніи, такъ и во внѣшнихъ формахъ его. Не нужно забывать, что и въ языческомъ богослуженіи выражалъ свои мысли и чувства человекъ, хотя и искаженный образъ Божій, но не вовсе утратившій его, человекъ, руководимый Божиимъ закономъ въ видѣ внушеній совѣсти, хотя и слабыхъ, но все же никогда не умолкавшихъ; не нужно забывать, что и языческій міръ былъ приготовляемъ Божиимъ промысломъ къ принятію Искупителя, и что тѣ самыя откровенія, которыя съ сею дѣлю сообщались избранному народу, не оставались безъ всякаго воздѣйствія на язычниковъ, особенно послѣ разсѣянія Евреевъ; не нужно забывать, что вся религія языческая, а вмѣстѣ и богослуженіе, какъ выраженіе этой религіи, возникли на развалинахъ первоначальнаго откровенія. Поэтому-то въ богослуженіи язычниковъ, при всей его чувственности и матеріальности, мы встрѣчаемъ и выраженіе такихъ правдивыхъ и высокихъ чувствъ, какъ чувство грѣховности человека и виновности его предъ Богомъ,—находимъ проявленіе потребности въ примиреніи съ Божествомъ, потребности въ удовлетвореніи прогнѣваннаго Божества. Эти чувства просвѣчивали болѣе или менѣе во всѣхъ дѣйствіяхъ богослуженія, а преимущественно въ разнообразныхъ жертвоприношеніяхъ. Отсюда-то объясняется и то, что и у язычника еще не заглохло сознаніе того, что мѣсто поклоненія Всесвятому Божеству должно быть свято и должно быть предметомъ особеннаго вниманія и

благоговѣнія со стороны челоуѣка и т. п., что къ Творцу нужно приближаться въ чистотѣ (омовеніе рукъ, ногъ, всего тѣла и т. п.), хотя эта чистота у язычниковъ и понималась болѣе внѣшне и матеріально. Поэтому - то мы находимъ и во внѣшнихъ формахъ языческаго богослуженія вообще и молитвы въ частности не мало безупречнаго, безъискусственнаго, сообразнаго съ природою челоуѣка и приличествующаго существу дѣла. Въ сознаніи высочайшей святости и чистоты Божества язычникъ обращалъ свои взоры къ небу и къ востоку, какъ символамъ, указывающимъ на эту святость Творца, хотя при этомъ большею частію отождествлялъ символъ съ тѣмъ самымъ предметомъ, на который указывалъ символъ, — выражалъ свои мысли, чувствованія и желанія распротертіемъ рукъ, наклоненіемъ главы, біеніемъ себя въ грудь, поклонами, колѣнопреклоненіемъ, паденіемъ ницъ и проч. Но все это только частности, — въ цѣломъ же своемъ составѣ богослуженіе языческихъ народовъ представляло картину совершенно безотрадную.

Состояніе богослуженія у Іудеевъ предъ Рожд. Хр.

Богопознаніе откровенное.—Божественное происхожденіе *богослуженія, совершавшагося въ іерусалимскомъ храмѣ.*—Чистота и возвышенность сего богослуженія.—Преходящій, временный характеръ его и притекающія отсюда особенности: духъ подзаконнаго рабства въ отношеніяхъ между Богомъ и челоуѣкомъ,—точнѣйшее опредѣленіе всѣхъ сторонъ богослуженія положительнымъ закономъ,—преобладаніе внѣшнихъ формъ, особенно жертвъ при ограниченномъ употребленіи чтенія Свящ. Писанія, проповѣди и словесныхъ общественныхъ молитвъ,—историческое и прообразовательное значеніе свящ. дѣйствій, св. время, св. мѣсть и св. лицъ.

Состояніе богослуженія у народа іудейскаго представляется намъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ у языческихъ народовъ. Язычники заблуждались въ богопознаніи, заблуждались поэтому и въ богопочтеніи. Народъ іудейскій находился въ другихъ условіяхъ.

Народъ этотъ избранъ былъ самимъ Богомъ изъ среды всего рода человѣческаго, послѣ того какъ сей послѣдній уклонился совершенно на путь нечестія,—избранъ для сохраненія въ мірѣ истиннаго боговѣдѣнія вообще и въ особенности вѣры въ имѣвшаго придти Искупителя. Соотвѣтственно такому избранію онъ постоянно былъ руководимъ самимъ же Господомъ въ дѣлѣ богопознанія путемъ многоразличныхъ откровеній и среди царившей повсюду тьмы носилъ въ себѣ свѣтъ истины. Уже одно сохраненіе истиннаго боговѣдѣнія при помощи Божественныхъ откровеній давало ему возможность имѣть богослуженіе правильное какъ по внутреннему существу, такъ и по внѣшнимъ формамъ. Но этого мало. Богослуженіе народа еврейскаго, совершавшееся сначала въ скинии, а потомъ въ іерусалимскомъ храмѣ, во всей своей цѣлости было установлено самимъ Богомъ. Давая Израилю при Синаѣ законъ, какъ средство, долженствовавшее вести этотъ народъ къ выполненію имъ высокаго его назначенія,—Господь въ томъ же самомъ законѣ самъ опредѣлилъ въ точности, примѣнительно къ помянутому назначенію, весь строй жизни еврейскаго народа и между прочимъ богослуженіе во всѣхъ его подробностяхъ. Богослуженіе это, какъ данное самимъ Господомъ, какъ божественное, носило на себѣ печать совершеннѣйшей чистоты и возвышенности. Въ основѣ его лежали нравственныя отношенія между свободнымъ личнымъ и всесвятымъ Богомъ съ одной стороны, и грѣховнымъ человѣкомъ съ другой; всѣ стороны богослужебной жизни соотвѣтственно сему не только были совершенно чужды недостатковъ, свойственныхъ язычеству, но и выступали во всемъ своемъ полномъ, истинномъ значеніи.

Но какъ данное народу, хотя и избранному, но еще не примиренному съ Богомъ, народу, находившемуся на низшей ступени развитія и подъ вліяніемъ какъ собственныхъ грѣховныхъ влеченій, такъ и окружающей его глубоко поврежденной среды, склонному къ заблужденіямъ,

данное съ тою цѣлю, чтобы воспитывать сей народъ сообразно его назначенію, богослуженіе это отличалось многими условными и временными особенностями.

Прежде всего это нужно сказать о самомъ *духъ и сущность* сего богослуженія, какъ выраженія взаимнаго отношенія между Богомъ и человѣкомъ. Не будучи примрень съ Богомъ и состоя въ завѣтъ съ Нимъ только по избранію, по плотскому происхожденію, ближайшимъ выраженіемъ чего служилъ самый обрядъ вступленія въ завѣтъ съ Богомъ,—обрѣзаніе,—Израиль относился къ Господу, какъ къ Богу отцовъ своихъ, какъ къ Богу Авраама, Исаака и Иакова (напр. 3 Цар. 18, 36). Онъ видѣлъ въ Богѣ Іегову, Господа воинствъ и силъ, но всего менѣе Отца. чувство *сыновности* и соотвѣтственное ему дерзновеніе въ обращеніяхъ къ Богу почти не были извѣстны Израилю. Даже лица достойнѣйшія и благочестивѣйшія изъ среды Израиля, друзья Божіи (Исх. 33, 11. Втор. 34, 10) во время молитвъ являлись въ положеніи *рабовъ* по отношенію къ Богу (Быт. 18, 3. 5. 27; 32, 10. Исх. 34, 6—8. 2 Цар. 7, 20. 1 Цар. 17, 17—19. Псал. 85, 2. 4. 16; 89, 13; 118, 17. 125; 142, 2). Съ другой стороны и Господь, отвѣчая на обращенія къ Нему Израиля, сообщалъ дары свои (Быт. 32, 28. Исх. 22, 23; 23. 27. Втор. 4, 7; 3. Цар. 18, 37. Іер. 29, 12. и проч.), но только въ тѣхъ границахъ, какія опредѣлялись положеніемъ сего народа, еще только приготовляемаго къ искупленію и получавшаго права на сіи дары только по вѣрѣ въ это будущее искупленіе (Іоан. 8, 56. Евр. 11, 13. 39. 1 Петр. 1, 10—12).

Далѣе въ виду того, что Израиль жилъ среди міра языческаго и входилъ постоянно въ соприкосновеніе съ нимъ и съ его пышнымъ порочнымъ идолослуженіемъ, а потому легко могъ уклониться отъ праваго пути,—богослуженіе, данное ему, является въ видѣ *закона положительнаго*; въ немъ ничего не было предоставлено волѣ и свободѣ церкви, какъ опредѣленному обществу истинно вѣрующихъ въ грядущаго Христа; все было опредѣлено и

предписано самымъ положительнымъ образомъ, и не въ общихъ только чертахъ, а до мельчайшихъ подробностей. Такъ, Иегова не предоставилъ своему народу никакого участія въ избраніи совершителей того служенія, которое должно было Ему воздаваться. Онъ *самъ* избралъ во *священники* Аарона съ его сыновьями (Исх. 28, 1 и сл. Лев. 10. Втор. 18, 5) и утвердилъ священническое служеніе наследственно за его потомствомъ; самъ же и для служенія въ скиніи избралъ потомковъ Левія (Числ. 3, 12. 13; 8, 9—22), *связавъ* такимъ образомъ священнослуженіе съ плотскимъ происхожденіемъ отъ Левія, подобно тому какъ и самое вступленіе въ завѣтъ съ Богомъ было связано съ плотскимъ же происхожденіемъ отъ Авраама. Самъ же Иегова избиралъ и *мѣсто*, гдѣ должно совершаться служеніе и поклоненіе Ему, — какъ раньше при устроеніи скиніи (Исх. 25), такъ и поздиѣ при построеніи храма (2 Парал. 3 гл. 2 Цар. 7 гл. 3 Цар. 5 гл. и слѣд.). Самъ же Иегова въ законѣ, данномъ Моисею, опредѣлилъ всѣ *времена* (Лев. 23. Числ. 28 гл. и слѣд.) и всѣ *священнодѣйствія* богослуженія.

Далѣе, такъ какъ Израиль стоялъ еще на низкой ступени развитія, болѣе былъ склоненъ къ чувственному, нежели къ духовному, по крайней мѣрѣ въ массѣ своей (исключительныя личности, особенно личности, удостоившіяся непосредственныхъ божественныхъ откровеній, мы не разумѣемъ здѣсь), то въ богослуженіи, данномъ ему, преобладающими формами были *формы внѣшнія, чувственныя*. Живое слово, какъ въ видѣ чтенія св. Писаній и поученій, такъ и въ видѣ молитвъ, имѣло въ богослуженіи очень ограниченное употребленіе.

Чтеніе закона и поученіе закону положено было совершать въ храмѣ только въ праздникъ кущей субботняго года (Втор. 31, 10—13). Кромѣ того, при яденіи пасхи вмѣнялось въ обязанность отцу семейства или главѣ дома рассказывать дѣтямъ исторію изведенія Евреевъ изъ Египта и исторію установленія совершавшагося обряда (Исх.

12, 26 и др.). Правда, заповѣдано было Моисеемъ совершать публичное чтеніе закона и увѣщаніе къ соблюденію его съ произнесеніемъ извѣстныхъ благословеній и проклятій еще на горахъ Гаризинѣ и Гевалѣ (Втор. 27 гл., 11 ст. и слѣд.); но это не относилось къ храмовому богослуженію. Правда также и то, что священники и вообще левиты должны были всегда заботиться о сохраненіи и распространеніи въ народѣ израильскомъ истиннаго ученія (Лев. 10, 11. 2 Пар. 35, 3. Иезек. 44, 23. Мал. 2, 6. 7),—и что та же обязанность возложена была на царей самымъ закономъ, предусмотрѣвшимъ ихъ служеніе (Втор. 17, 18. 19); но мы не видимъ, чтобы эта обязанность исполнялась всѣми тѣми лицами во время общественнаго богослуженія въ храмѣ, не видимъ, чтобы ученіе священниковъ, левитовъ и царей было обычною составною частію богослуженія. Исторія представляетъ намъ немногихъ царей, которые читали законъ и произносили поученіе въ храмѣ предъ народомъ; да и такіе цари дѣлали это только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Такъ мы знаемъ, что Соломонъ говорилъ народу рѣчь при освященіи храма (3 Цар. 8, 14 и дал.), а Іосія читалъ народу обрѣтенную книгу закона и убѣждалъ народъ къ исполненію всего написаннаго въ ней (4 Цар. 23, 2. 3). Вотъ и все, что намъ извѣстно относительно возвѣщенія слова Божія въ іудейскомъ богослуженіи до вавилонскаго плѣна. Ездра и Неемія дали большее мѣсто въ богослуженіи чтенію закона и основывающемуся на немъ назиданію; они установили совершать то и другое, кромѣ праздника кущей субботнаго года, еще въ нѣкоторые другіе праздники (Неем. 8, 1. 13. 18; 9, 3), но все же и при этомъ ни чтеніе свящ. Писанія, ни поученіе не стали обычными и постоянными составными частями богослуженія, а продолжали занимать особое, невидное и какъбы случайное положеніе.

Равнымъ образомъ и *словесная молитва* встрѣчается въ храмовомъ богослуженіи, если не при исключительныхъ только обстоятельствахъ, то во всякомъ случаѣ въ очень

ограниченномъ объемѣ и видѣ. Правда, освященный при торжественной молитвѣ Соломона храмъ въ тойже самой молитвѣ предназначался быть мѣстомъ моленій не только Израиля, но и всѣхъ народовъ (2 Пар. 6, 21 и д.), а потому онъ даже и назывался домомъ молитвы (Исаи 56, 7. Мѡ. 21, 13. Ср. Іер. 7, 11 и д.). И мы видимъ, что въ него дѣйствительно Іудеи ходили возсылать Богу словесныя молитвы (Исаи 37, 15 — 20. Пс. 5, 8; 28, 9; 17, 7. Лук. 18, 10—14) *). Но всѣ эти молитвы ихъ были только молитвами частныхъ лицъ, присоединяемыми къ жертвамъ (Пс. 140, 2. Иса. 1, 11 — 15. Лук. 1, 10), а не общественными молитвами, тѣмъ менѣе молитвами возносимыми опредѣленнымъ образомъ священниками отъ лица Израиля и за весь Израиль. Въ законѣ нѣтъ никакихъ постановленій о молитвахъ такого рода. Вообще,

---

*) Что касается внѣшняго положенія и внѣшнихъ символическихъ дѣйствій, употреблявшихся при возношеніи молитвъ, то израильтяне въ этомъ отношеніи имѣли много общаго со всѣми другими народами. Предъ молитвою они умывали руки (Пс. 23, 4; 25, 6. Ис. 1, 15. 16) или даже очищали все тѣло вообще (1 Цар. 7, 6. 2 Цар. 12, 20. Евр. 9, 10). Во время молитвы, подобно патріархамъ (Быт. 18, 22. 23; 19, 27), стояли, обращая взоры свои на небо (Ср. 1 Цар. 1, 26. 3 Цар. 3, 15; 8, 22. Пс. 133, 1; 134, 2. Лук. 1, 10. 18, 11), совершали поклоны (Пс. 5, 8; 94, 6; 137, 2), воздѣвали свои руки по направлевію къ святилицу или вверхъ къ небу (Пс. 133, 2 ср. 43, 21; 27, 2; 62, 5; 87, 10; 140, 2. 142, 6. ср. еще 3 Цар. 8, 22. 2 Пар. 6, 12. Неем. 8, 7. Плачъ 2, 19; 3, 41), или распростирали руки (Исаи 1, 15. 1 Езд. 9, 5), били себя въ грудь и потупляли взоры въ знакъ смиренія (Лук. 18, 13), преклоняли колѣна (Пс. 94, 6. ср. 3 Цар. 8, 54. 2 Пар. 6, 13. 3 Цар. 19, 18), особенно при молитвахъ объ отпущеніи грѣховъ (Езд. 9, 5); наконецъ, повергались на землю (Пс. 94, 6. Неем. 8, 6. Іуд. 9, 1. 2 Пар. 24, 29. ср. Быт. 24, 26. Исх. 34, 8), полагая при этомъ лице свое между колѣнами своими (3 Цар. 18, 42). Во время молитвы израильтяне обращали свой взоръ не къ солнечному восходу, какъ то обычно было у прочихъ восточныхъ народовъ, а къ храму, въ храмѣ же къ святому святыхъ, находившемуся въ западной сторонѣ храма (2 Парал. 6, 34. 3 Цар. 8, 38. Псал. 5, 8; 17, 7. Дан. 6, 11. 2 Езд. 4, 58. 2 Цар. 22, 7).

что касается предписаній относительно употребленія опредѣленныхъ молитвенныхъ формулъ, то у Моисея мы встрѣчаемъ только предписанія: а) касательно благословенія, которое должны были священники произносить надъ народомъ дважды въ день послѣ утренней и вечерней жертвы (Числ. 6, 22—27), и б) касательно принесенія Богу начатковъ и десятинъ *). Можно, пожалуй, отнести сюда еще и формулы клятвъ, произносимыхъ священниками надъ женою, подозрѣваемую своимъ мужемъ въ нарушеніи супружеской вѣрности (Числ. 5, 19 и слѣд.).

А потому, если мы, слѣдуя позднѣйшимъ іудейскимъ преданіямъ, записаннымъ у Маймонида (Uitr de Synag. ueter. р. 51), и основываясь на историческихъ аналогіяхъ, равно какъ на соображеніяхъ разнаго рода, и признаемъ вполне достовѣрнымъ то, что священники возносили молитвы во время обычнаго богослуженія въ храмѣ **), особенно же во время принесенія жертвъ, пред-

---

*) Въ послѣднемъ случаѣ приносившій долженъ былъ въ опредѣленныхъ словахъ исчислять божественныя благодѣянія и общаться вѣрно слѣдовать божественному закону (Втор. 26, 3—10. 13—15).

**) Бингамъ (Origin. sive antiquit. Eccles. Tom, V. Lib. XIII с. 5, р. 120—123), на основаніи изслѣдованій Лигтфута, говоритъ, что во время жизни Спасителя, въ богослуженіи храма были употребляемы общественныя молитвы даже формулированныя, т. е. изложенныя однажды навсегда въ опредѣленныхъ выраженіяхъ. Прежде чѣмъ приносилась жертва, совершалась особая молитва: *Возлюбилъ еси ны, Господи, Боже нашъ...*; затѣмъ прочитывались десять заповѣдей, потомъ Therphillin, т. е. такъ называемыя „хранилища“ (Мѡ. 23, 5;) или четыре слѣдующіе отрывка изъ закона: а) Исх. 13, 3—10; б) Исх. 13, 11—16; в) Втор. 6, 4, 9; г) Втор. 11, 13—21, которые, бывъ написаны на папирусѣ или на пергаменѣ и хранимы въ особыхъ ящикахъ, употреблялись при молитвахъ (особенно утренней и вечерней) и признавались *предохраняющими* отъ злыхъ духовъ. Во время утренняго богослуженія кромѣ десятословія и хранилищъ произносились еще три, а по субботамъ четыре формулированныя молитвы (см. у Бингама, р. 120 и 122), за которыми слѣдовало благословеніе народа священниками (Числ. 6, 24—26) и наконецъ уже жертвы съ пѣніемъ опредѣленныхъ псалмовъ, положенныхъ для

полагающихъ въ бѣльшей или меньшей мѣрѣ словесную молитву *), то все же должны согласиться, что эти молитвы занимали здѣсь невидное мѣсто. Исторически же намъ извѣстны только немногіе факты возношенія торжественныхъ, общественныхъ молитвъ и притомъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Такъ мы знаемъ, что Соломонъ при освященіи храма произнесъ торжественную молитву (3 Цар. 8, 22 — 23 и д.), а Іоасафатъ, царь іудейскій, при нападеніи Моавитянъ и Аммонитянъ, торжественно въ присутствіи всего народа въ храмѣ испрашивалъ у Господа помощи противъ враговъ (2 Пар. 20, 5—13). Съ Ездры и Нееміи молитва начинается чаще встрѣчаться въ общественномъ богослуженіи Израиля. Не только при освященіи втораго храма, но и послѣ мы видимъ Ездру и Неемію, первосвященниковъ, священниковъ и левитовъ возносящими общественныя молитвы въ собраніи Израиля (1 Ездр. 3, 10 и д. 9, 6 и д. Неем. 1, 4—11 и 9 глава, гдѣ съ 5-го стиха слѣдуютъ молитвы левитовъ). Намъ встрѣчаются даже при этомъ уже особыя установившіяся формы совершенія молитвы. Такъ народъ на молитву, произносимую священнодѣйствующимъ, отвѣтствовалъ восклицаніями извѣстнаго рода, напр. *аминь* (Неем. 8, 6). (Первое упоминаніе сего обычая находится во Втор. 27, 15 — 26, гдѣ на произносимое левитами благословеніе и проклятіе съ горъ Гаризинъ и Геваль народъ всякій разъ отвѣчаетъ: *аминь* (да будетъ). Затѣмъ 1 Парал. 16, 36, гдѣ народъ на молитву Давида отвѣчаетъ восклицаніемъ: «аминь»). Встрѣчаются даже опредѣленные лица изъ среды левитовъ, служеніе которыхъ состояло преимущественно въ возношеніи молитвъ (1 Парал. 23, 30. Неем. 11,

---

каждаго дня недѣли и для праздниковъ особо. Ср. Филарета архіеп. чернигов., Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣвній греч. церкви, стр. 2. Спб. 1860.

*) Начертаніе церковно-библ. исторіи Филарета М. М. Изд. 9-е, 1852, стр. 131.

17). Но хотя все это показываетъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ народа еврейскаго и молитва начала мало-по-малу больше и больше входить въ составъ богослуженія, совершавшагося въ храмѣ, однако нельзя не согласиться, что и въ семь случаѣ она продолжала занимать въ немъ невидное мѣсто.

Гораздо бѣльшее употребленіе въ богослуженіи Евреевъ получило *пѣніе*. Оно было введено еще при Давидѣ (Неем. 12, 46), написавшемъ для сего большую часть псалмовъ хвалебныхъ, благодарственныхъ, просительныхъ и учительныхъ, — и въ его же время достигло высокаго развитія. Частію при немъ, частію позднѣе вполнѣ опредѣлились и различные роды пѣнія: псалмы пѣли, какъ показываютъ надписанія (напр. Псал. 87), антифонно, т.-е. попеременно, причемъ чередовались между собою хоры священниковъ, левитовъ и народа (Ездр. 3, 10 и д. Неем. 12, 27 и слѣд.). Но нужно замѣтить, что пѣніе вошло въ составъ богослуженія, совершавшагося въ храмѣ, не въ чистомъ видѣ, не въ формѣ простаго выраженія молитвенныхъ настроеній души посредствомъ слова и голоса человѣческаго, а въ соединеніи съ музыкою (1 Пар. 16, 4—42. Псал. 32. 2; 80, 3. 4; 149, 3; 42, 4 и проч.), дѣйствующею также болѣе на внѣшнія чувства; и притомъ оно никогда не получало совершенно самостоятельнаго значенія.

Важнѣйшими частями въ богослуженіи храма были *символическія внѣшнія дѣйствія*, какъ-то: *курение омиама*, разнаго рода *жертвы* и проч. т. п. Символы для Израиля были поученіемъ и проповѣдію; въ символахъ и жертвахъ Израиль главнымъ образомъ выражалъ свои мысли, чувства и желанія предъ Богомъ. Жертвою онъ славословилъ Бога, жертвою благодарилъ Его за полученные отъ Него дары, жертвою давалъ обѣты, въ жертвахъ же заявлялъ свои всякаго рода прошенія, въ жертвахъ исповѣдывалъ свою вѣру, — особенно вѣру въ грядущаго Искушителя; чрезъ внѣшнія очищенія и жертвы онъ искалъ получить и получалъ, насколько это было возможно въ Вѣтомъ за-

вѣтъ, отъ Бога очищающую и освящающую благодать, получалъ прощеніе и разрѣшеніе своихъ грѣховъ произвольныхъ и непроизвольныхъ, грѣховъ сознательныхъ и грѣховъ невѣдѣнія; чрезъ жертвы освящаль разныя произведенія растительнаго и животнаго царства, коими пользовался *).

Наконецъ самая отличительная особенность богослуженія, совершавшагося въ храмѣ іудейскомъ, состояла въ его *историческомъ* и *прообразовательномъ* значеніи. Соотвѣтственно главному назначенію своему—быть пѣстуномъ ко Христу — богослуженіе это во всѣхъ частяхъ своихъ носило историческій и прообразовательный характеръ. Израиль вообще долженъ былъ жить и жилъ не столько настоящимъ, сколько будущимъ, именно вѣрою въ грядущаго Искупителя; при этомъ и все минувшее имѣло для него значеніе въ томъ отношеніи, что обращало его взоры на будущее и такъ или иначе выясняло его. Соотвѣтственно сему и въ богослуженіи, которое дано было Израилю Богомъ, все указывало на будущія времена Мессіи и на великое дѣло Его служенія; все извѣстнымъ образомъ приготавлило къ сему. Такъ въ ряду *священнодѣйствій*, какъ мы сейчасъ сказали, преобладали жертвы; это не ради только чувственной, внѣшней формы ихъ, формы болѣе доступной чувственному народу, вообще не ради *символическаго* значенія ихъ, а главнымъ образомъ ради ихъ *историческаго* и *прообразовательнаго* значенія. Израиль долженъ былъ быть носителемъ идеи о грѣховности человека, о необходимости для него примиренія съ Богомъ путемъ искупленія; онъ долженъ былъ быть хранителемъ и распространителемъ вѣры въ то, что это искупленіе и будетъ совершено жертвою Мессіи. А этой цѣли вполне могла удовлетворять преимущественно жертва. Жертва

---

*) Какія жертвы имѣли то или другое значеніе въ этомъ отношеніи, то-есть выражали ли онѣ славословіе, или благодареніе, или прошеніе и проч.—вопросъ, конечно, трудный. Но довольно удовлетворительно рѣшаетъ его Штекль (*Das opfer*, стр. 257—329).

напоминала человѣку о грѣхопадѣніи и грѣховности всего рода человѣческаго, возбуждая при семъ сознаніе необходимости заградить и уничтожить эту грѣховность; жертва же съ другой стороны прообразовательно указывала на ту великую жертву, которую долженъ будетъ принести Мессія для искупленія человѣка, давая при этомъ понять, что только ради этой имѣющей совершиться жертвы и по вѣрѣ въ Виновника ея возможны существующія отношенія ветхозавѣтнаго человѣка къ Богу, что только на основаніи будущей жертвы ему возможно славословить, благодарить и просить Бога такъ, чтобы его славословія, благодаренія и прошенія были выслушиваемы и принимаемы Богомъ и чтобы Господь на различныя обращенія къ Нему подзаконнаго Израильянина отвѣтствовалъ подаеніемъ благодатныхъ даровъ—по мѣрѣ вѣры. Подобно священнодѣйствіямъ и *священныя времена* всѣ почти имѣли историческую и прообразовательную основу. Они, съ одной стороны, напоминали Израилю важнѣйшія событія изъ его жизни и тѣ великія дѣла Божіи, которыми были ознаменованы эти событія, раскрывая предъ его взоромъ исторію ветхозавѣтнаго домостроительства Божія, планъ божественнаго руководства человѣчества къ принятію Искупителя, съ другой стороны прообразовательно указывали прямо на блаженныя времена Мессіи. Въ кругу дневномъ *утро* и *вечеръ* (Исх. 29, 38—42. Числ. 28, 3—8), конечно, посвящались Богу болѣе по естественно-нравственнымъ мотивамъ (Ср. Быт. 24, 63. Псал. 64, 9; 54, 18). Тоже, пожалуй, можно сказать о новолѣтіи (Лев. 23, 24), о новомѣсячіяхъ и т. п. (Числ. 28, 11—15). Но въ кругу седмичномъ даже *суббота*, установленная самимъ Богомъ и празднуемая сначала народомъ еврейскимъ только въ память окончанія творенія (Быт. 2, 1—3. Исх. 20, 8—11; 31, 15—17), получила здѣсь новое значеніе; она должна была напоминать исшествіе Евреевъ изъ Египта,—освобожденіе отъ рабства египетскаго (Втор. 5, 12—15) и прообразовательно указывать на освобожденіе членовъ ново-

завѣтной Церкви отъ рабства діаволу (Евр. 3, 18 и д. 4, 1—11; 2, 14. 15). Тоже нужно сказать и о другихъ субботнихъ праздникахъ (о *субботнемъ годѣ* и *юбилейѣ*). Въ кругу годичномъ *пасха* и *праздникъ опрысноковъ* напоминали, подобно субботѣ, объ освобожденіи отъ рабства египетскаго (Исх. 12, 14—17; 23, 15. Втор. 16, 1—8) и объ основаніи подзаконной Церкви (Исх. 13, 8. 9), а прообразовательно указывали на искупленіе рода человѣческаго отъ рабства грѣху жертвою Мессіи и на основаніе Христомъ новозавѣтной Церкви (1 Кор. 5, 7). *Пятидесятница* напоминала о Синайскомъ законодательствѣ и, обязывая израильтянъ ежегодно въ это время приносить Богу благодарственныя жертвы отъ первыхъ плодовъ земли обѣтованной за то, что Господь, изведши ихъ изъ рабства Египетскаго успокоилъ въ этой землѣ и продолжаетъ благословлять ихъ дарами оной (Лев. 23, 15—21. Числ. 15, 17—21. Втор. 16, 19—21), возвышала ихъ умъ къ представленіямъ о тѣхъ духовныхъ дарахъ, которые должны были открыться съ пришествіемъ Мессіи (Дѣян. 2 гл.). *Праздникъ кущей* напоминалъ о благодѣяніяхъ Божіихъ явленныхъ Израилю во время странствованія его по пустынѣ (Лев. 23, 42. 43) и, подобно пятидесятницѣ, требуя благодарственныхъ жертвъ за собранныя уже къ сему времени произведенія земли обѣтованной (Лев. 23, 39. Втор. 16, 13), устремлялъ ихъ мысленныя очи къ духовнымъ дарованіямъ, имѣвшимъ излиться съ пришествіемъ Мессіи (Іоан. 7, 2. 37—39). День же *очищенія* или примиренія имѣлъ исключительно прообразовательное значеніе, указывая на великій день примиренія людей съ Богомъ чрезъ жертву Мессіи (Евр. 9). Общее назначеніе ветхозавѣтнаго богослуженія — быть пѣстуномъ, ко Христу не могло не оказать вліянія и на *священные мѣста*. Эти мѣста являются прежде всего сосредоточенными въ одномъ пунктѣ въ виду приготовления поприща для дѣятельности Мессіи, а съ другой стороны и въ виду того, чтобы въ богослуженіе не вкрались нѣ-

достатки язычества, чтобы оно не утратило своего истиннаго характера, что могло случиться скорѣе, еслибы оно стало совершаться повсюду. Жертвы, по закону, могли быть приносимы только среди народа Божія въ скиніи, или въ іерусалимскомъ храмѣ, замѣнившемъ ее, но отнюдь не въ мѣстахъ разсѣянія *). Только здѣсь Богъ обиталъ среди Израйля (Исх. 25, 8), только здѣсь Онъ хотѣлъ входить въ сношенія съ нимъ (Исх. 29, 42) и выслушивать возносимыя къ Нему молитвы (3 Цар. 8, 29).

Богослуженіе іудейское, совершавшееся въ синагогахъ предъ Рожд. Хр.

Источники свѣдѣній о немъ.—Происхожденіе его.—Отношеніе его къ богослуженію, совершавшемуся въ іерусалимскомъ храмѣ, и устройство по образцу послѣдняго.—Св. времена,—св. мѣста,—св. вещи,—свящ. дѣйствія его.—Порядокъ богослуженія.—Въ частности молитвы и ихъ положеніе; откуда онѣ брались, кто ихъ произносилъ,—участіе въ нихъ народа; внѣшнее положеніе молящихся.—Чтеніе свящ. писанія съ относящимися къ нему славословіями; когда, изъ какихъ книгъ и въ какомъ порядкѣ оно бралось; положеніе читавшаго и слушающихъ.—Проповѣдь,—составъ ея и отличительныя свойства.—Лица, совершавшія богослуженіе въ синагогахъ; преимущества левитовъ; архисинагогъ и старѣйшины; ихъ избраніе и поставленіе; слуга синагоги.—Замѣчаніе объ отлученіи и разрѣшеніи. Внутренній характеръ синагогическаго богослуженія и отличительныя его особенности.

Кромѣ богоучрежденнаго богослуженія скиніи и храма, у Іудеевъ, какъ жившихъ въ Палестинѣ, такъ и пребывавшихъ въ разсѣяніи, предъ пришествіемъ Иисуса Христа было еще особое богослуженіе, отыравлявшееся въ *синагогахъ*. Это богослуженіе, какъ по своей повсюдной распространенности предъ Рождествомъ Христовымъ и по своему миссіонерскому значенію среди язычества, такъ преимущественно по своему хотя и внѣш-

*) Лев. 17, 1—6. Только въ исключительныхъ случаяхъ и то по особому Божескому повелѣнію или разрѣшенію жертвы могли быть приносимы въ другихъ мѣстахъ. 1 Цар. 16, 2; сл. 6, 14. 15 и дал. 3 Цар. 3, 2.

нему, однако повсемѣстному соприкосновенію съ первенствующимъ христіанствомъ и его богослуженіемъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія; а потому мы считаемъ нужнымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе его. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ такихъ подробныхъ свѣдѣній о немъ, какія даютъ намъ св. книги Ветхаго Завѣта о богослуженіи храма. Всѣ болѣе или менѣе обстоятельныя извѣстія *) о синагогическомъ богослуженіи принадлежатъ позднѣйшему времени, когда вслѣдствіе разрушенія храма синагога, получивъ самостоятельное значеніе, приняла нѣсколько иной видъ и иное болѣе организованное устройство, болѣе прочное, болѣе установившееся, — съ бѣльшею примѣсью закваски, заимствованной отъ религіозныхъ іудейскихъ партій (Мѡ. 16, 6. 12). Изъ тогоже времени, которое граничитъ съ происхожденіемъ и первоначальнымъ распространеніемъ христіанства, сохранились только незначительныя и притомъ отрывочныя извѣстія о тѣхъ или иныхъ сторонахъ синагогическаго богослуженія. Эти извѣ-

---

*) Такія извѣстія заключаются въ Талмудѣ (особенно въ талмудическихъ трактатахъ: Берахотъ, Мегилла и Таанитъ) и другихъ раввинскихъ памятникахъ. Въ нихъ хотя по мѣстамъ и можно встрѣтить данныя, относящіяся ко времени очень древнему, — но вообще полагаться на свидѣтельства ихъ трудно; такъ какъ въ нихъ древнее слишкомъ перемѣшано съ тѣмъ, что принадлежитъ времени позднѣйшему сравнительно съ тѣмъ, которое мы намѣрены разсматривать. Кромѣ того въ нихъ встрѣчается много положительно нелѣпаго и неисторическаго, — такъ напр. Васпасіанъ и Адрианъ признаются за одно лице, Иерусалиму приписываются чудовищныя размѣры и т. п. Впрочемъ свидѣтельства относительно богослуженія синагоги, представляемыя памятниками раввинской письменности, имѣютъ значеніе въ томъ отношеніи, что они могутъ выяснять отчасти немногія, иногда состоящія въ простыхъ намекахъ, свидѣтельства вполне достовѣрныхъ источниковъ. Все, что съ этой стороны имѣетъ важность въ талмудическихъ и вообще въ раввинскихъ письменныхъ памятникахъ, собрано въ замѣчательномъ, хоть и слишкомъ одностороннемъ, трудѣ Витринги: „De synagoga vetere libri tres. Editio altera. Leucopetrae. 1726, — которымъ мы здѣсь и будемъ пользоваться.

стія встрѣчаются въ Новомъ Завѣтѣ и отчасти у Филона *) и Іосифа Флавія **). На основаніи ихъ-то главнымъ образомъ мы и попытаемся составить себѣ надлежащее представленіе о древнемъ синагогическомъ богослуженіи.

Богослуженіе, совершавшееся въ синагогѣ, не было божественнымъ по самому происхожденію своему, какъ богослуженіе, совершавшееся въ храмѣ. Возникновеніемъ и развитіемъ своимъ оно обязано благочестивому нравственно-религіозному чувству іудеевъ, жившихъ въ плѣну Вавилонскомъ. Оторванные отъ родной обѣтованной земли и вмѣстѣ отъ всякихъ добрыхъ преданій, коренившихся въ самой жизни народа, удаленные отъ богослуженія, совершавшагося въ храмѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ язычествомъ частію отталкивающимъ, а частію и плѣняющимъ, Іудеи не заглушили въ себѣ сознаніе долга—служить Іеговѣ и воздавать Ему должное почитаніе и поклоненіе. Напротивъ внѣшнія несчастія, тяготѣвшія надъ ними, и опасность соблазна со стороны язычества, еще болѣе возбуждали въ нихъ и питали сознаніе сего долга, еще сильнѣе вызывали въ нихъ, съ одной стороны, по-

---

*) *Филонъ* съ своихъ сочиненій изображаетъ жизнь (между прочимъ и богослуженію) собственно Александрійскихъ іудеевъ,—преимущественно же богослуженію жизнь Оерапевтовъ (въ сочиненіи „о созерцательной жизни“). Но черты, которыми онъ изображаетъ эту жизнь, можно признавать за общеіудейскія,—и что касается нашего предмета, въ большинствѣ случаевъ, даже съ полною увѣренностію, тѣмъ больше, что данныя, сообщаемыя имъ, находятъ себѣ подтвержденіе въ другихъ не-александрійскихъ источникахъ какъ позднѣйшихъ, такъ частію и современныхъ ему. Сочиненія Филона мы будемъ цитовать, указывая страницы по изданію Мангея. (Mangey.—London. 1742.)

***) *Іосифъ Флавій* о синагогахъ и ихъ богослуженіи говоритъ очень мало; такъ какъ ему рѣдко приходилось въ своихъ сочиненіяхъ касаться сего предмета. Въ этомъ отношеніи онъ недалеко уходитъ отъ книгъ Маккавейскихъ, которыя о нихъ даже вовсе не упоминаютъ, что, конечно, нельзя толковать такъ, будто въ то время не было вовсе синагогъ (Uitr. p. 416. 426).

требность молитвеннаго обращенія къ Богу, съ другой стороны—потребность взаимнаго религіознаго назиданія и утѣшенія. При подобномъ положеніи дѣлъ и прежде во времена еще очень раннія составлялись у іудеевъ частныя собранія съ цѣлю общаго назиданія и для совершенія молитвы. Такъ напр. во время господства идолопоклонства къ Елисею на Кармиль собирались Израильтяне въ новолунія и субботы (4 Цар. 4, 23). Тѣмъ болѣе это должно было быть теперь. И дѣйствительно, мы видимъ, что плѣнные Евреи нерѣдко составляютъ собранія для слушанія слова Божія, у пр. Іезекіиля (Іезек. 8, 1; 14, 1; 20, 1; 33, 31). Вѣроятно, въ такихъ собраніяхъ, кромѣ проповѣди пророческой, возносимы были еще общія молитвы и между прочимъ пѣты были благочестивыя пѣсни, подобныя псалмамъ 101 и 136, какъ то полагаетъ и преосв. Филаретъ митроп. москов. (Начерт. Церковно-библ. ист. Изд. 9-е, 1852 г., стр. 309). И такъ какъ бѣдственное положеніе въ настоящій разъ было не случайнымъ и кратковременнымъ, а постояннымъ, то и самыя собранія эти должны были явиться правильными и общими. Такъ мало-помалу произошли постоянныя богослужебныя собранія въ синагогахъ по субботамъ и другимъ праздничнымъ днямъ для совершенія молитвъ, для чтенія и объясненія закона Моисеева. Сначала они были въ употребленіи только между іудеями, находившимися въ плѣну, но потомъ со временъ Ездры и Нееміи перешли и въ Палестину, и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, быстро распространились и даже въ теченіе 400-лѣтняго существованія своего до Р. Христова (Дѣян. 15, 21, εκ γυερωσιν αρχυων—«отъ древнихъ родовъ») успѣли достигнуть значительнаго развитія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Во время Христа уже въ каждомъ городѣ (Дѣян. 15, 21) Палестины *)

*) Въ Назаретѣ (Мѡ. 13, 54. Мр. 6, 2. Лук. 4, 16), въ Капернаумѣ (Мѡ. 12, 9. Мр. 1, 21. Іоан. 6, 59 и пр.). Въ Іерусалимѣ даже было великое множество синагогъ (по іудейскимъ преданіямъ болѣе 400), изъ коихъ знаменитѣйшая была при храмѣ (Uitg. p. 38 et Seq.).

и во всѣхъ замѣчательныхъ городахъ (Дѣян. 15, 21) Сиріи, Малой Азіи, Греціи, Египта и т. д. было по нѣскольку *) синагогъ или, по крайней мѣрѣ, по одной **) синагогъ.

Учреждая повсюду эти богослужебныя собранія, Израиль далекъ былъ отъ мысли считать ихъ равнозначущими съ богослуженіемъ, совершавшимся въ храмѣ, тѣмъ больше не имѣлъ въ виду отрѣшиться отъ храмоваго богослуженія и замѣнить послѣднее первыми. Напротивъ, послѣ того какъ храмовое богослуженіе по случаю плѣна прекратилось, Израиль всячески стремился къ возстановленію его, и когда открылась первая возможность возстановленія, онъ откликнулся на нее съ горячею готовностію. Еще не было построено новаго храма, а сыны Израиля отправляютъ туда жертвы и дары для принесенія ихъ на святомъ мѣстѣ, или даже сами отправляются, чтобы поклониться Іеговѣ на мѣстѣ особеннаго присутствія Его и присоединить свои горячія молитвы къ возносимымъ тамъ жертвамъ. По построеніи втораго храма, посѣщенія Іерусалима со стороны Іудеевъ разсѣянія въ дни великихъ праздниковъ сдѣлались еще болѣе частыми и правильными. Каждый Іудей долгомъ своимъ считалъ быть какъ можно чаще въ храмѣ въ праздники Пасхи и Пятидесятницы (Лук. 2, 41—44. Іоан. 12, 20. Дѣян. 2, 1. 5. 9—11 и проч.), или же отправлять туда дары для жертвъ. Даже египетскіе Іудеи отправлялись въ Іерусалимъ, несмотря на то, что у нихъ былъ свой особый храмъ, построенный при Птоломѣѣ Филометорѣ (на основ. словъ прор. Исаи 19, 19). Однако, почитая жертвенное богослуженіе іерусалимскаго храма единственно полнымъ, и

---

*) Въ Дамаскѣ (Дѣян. 9, 2. 20), въ Саламинѣ (Дѣян. 13, 25), въ Александріи (Philo, II р. 565), въ Римѣ (Philo II, р. 568).

**) Въ Антиохіи Писидійской (Дѣян. 13, 14. 42), въ Иконіи (Дѣян. 14, 1), въ Фессалоникѣ (17, 1), въ Веріи (17, 10), въ Аѣнахъ (17, 17), въ Коринѣ (18, 4), въ Ефесѣ (18, 19; 19, 8), въ Антиохіи Сирійской (Jos. de bello jud. 7, 5. 3).

лично или по бѣльшей части заочно участвуя въ ономъ, Іудеи признавали не только полезнымъ, но даже и существенно необходимымъ для себя еще такое богослуженіе, которое бы ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ на самомъ мѣстѣ жительства ихъ удовлетворяло, насколько это возможно при отсутствіи храма и жертвеннаго служенія, сильно пробудившемуся у нихъ чувству набожности и благоговѣнія и съ другой стороны потребности общаго назиданія, сдѣлавшейся особенно настоятельною послѣ того, какъ умолкъ живой голосъ пророковъ, а непосредственное руководство ихъ письменными памятниками равно какъ и закономъ сдѣлалось затруднительнымъ и даже невозможнымъ по причинѣ перемѣны еврейскаго языка на сирохалдейскій. Между тѣмъ они не могли устроить этого богослуженія точь-въ-точь, какъ предписывалъ законъ и какъ оно совершалось въ храмѣ; потому что жертвы, составлявшія все существо и содержаніе храмоваго богослуженія, по закону, нигдѣ не могли быть приносимы Богу, кромѣ храма. Вслѣдствіе сего они старались по крайней мѣрѣ устроить синагогическое богослуженіе такъ, чтобы оно болѣе или менѣе приближалось къ богослуженію, предписанному въ законѣ и по закону совершавшемуся въ храмѣ, чтобы оно, такъ сказать, примыкало къ нему и въ немъ получало свою силу, или лучше, свое восполненіе. Поэтому-то и въ богослуженіе, долженствовавшее совершаться въ синагогахъ, они многое цѣликомъ внесли изъ храмоваго богослуженія, а все прочее во всякомъ случаѣ старались болѣе или менѣе примѣнять къ тому, что существовало въ храмѣ.

Такъ *священными временами* синагогическаго богослуженія остались тѣже времена, какія наблюдались по закону въ храмѣ. И въ синагогахъ Іудеи совершали богослуженіе въ праздники *Пасхи*, *Пятидесятницы* и т. д., затѣмъ *по субботамъ* (Мр. 1, 21; 3, 1. 2; 6, 2 и проч. Дѣян. 15, 21; 13, 14. 42 и пр. Philo II р. 568. 458. Ios. Fl. contra App. lib. 2), а въ большихъ обществахъ даже

ежедневно, въ соотвѣтствіе ежедневному жертвенному богослуженію храма, и именно въ тѣ часы дня, на которые падали жертвы (Jos. Fl. Ant. 14, 4. 3. Philo II p. 458. Uitr. p. 40 et seq. 1096 et sequ.). Впрочемъ въ кругу седмичномъ, въ синагогахъ, повидимому, уже были выдѣлены изъ прочихъ дней недѣли второй и пятый, т.-е. *понедѣльникъ* и *четвергъ* *), какъ дни по преимуществу богослужebные (послѣ субботы) и притомъ посвященные посту, по крайней мѣрѣ ревнителями благочестія (Лук. 18, 12 εἰς τοῦ σαββατοῦ — «два раза въ недѣлю пощусь». Дѣян. 13, 42—εἰς τὸ μετὰξυ σαββατοῦ**), чѣ можно перевести такъ: «въ междусубботніе дни»).

Священныя мѣста, священныя зданія, назначаемыя для синагогическаго богослуженія хотя и могли быть устрояемы повсюду, гдѣ только открывалась въ нихъ нужда; но, вонервыхъ, согласно съ словами молитвы, произнесен-

*) Раввинское преданіе, по обыкновенію своему, возводитъ обычай—соблюденія 2-го и 5-го дней недѣли, какъ богослужebныхъ, къ установленіямъ Ездры и даже Моисея. Ездра, говорятъ, назначилъ для чтенія закона эти два дня, сверхъ субботы,—потому, что іудей не долженъ проводить и трехъ дней безъ чтенія закона; ибо, не чигая или не слушая ничего изъ закона въ теченіе трехъ дней, іудей можетъ впасть во власть врага (Uitr. p. 287) подобно тому, какъ и Израиль, не нашедшій въ теченіи трехъ дней никакой воды (т.-е. закона), потерпѣлъ нападеніе отъ Амалика (Исх. 15, 22). Моисей же, говорятъ, въ четвергъ взшелъ на гору, а въ понедѣльникъ сошелъ съ горы послѣ того, какъ Богъ простилъ въ этотъ же день Израилю грѣхъ служенія золотому тельцу; потому-то сін дни и должны быть почитаемы, какъ святыя (Uitr. *ibid.*).

**) Это послѣднее выраженіе Апостола Луки впрочемъ скорѣе можно понимать собственно о ближайшей слѣдующей субботѣ, какъ богослужebномъ днѣ, чѣмъ о дняхъ, лежащихъ между данною субботою и слѣдующею за ней, т.-е. о ближайшихъ слѣдующихъ дняхъ тойже недѣли (См. Новый Завѣтъ въ русск. переводѣ,—Толковый Апостолъ арх. Михаила,—Komment. v. Meyer, Act. Ap. 13, 42. Neander's Geschicht. d. Pfl. u. Leitung d. christl. Kirche durch die Apostel. 2. Auf. 1838. p. 145. Anm. 2. Uitr. p. 688).

ной Соломономъ, при освященіи храма (2 Цар. 6, 34. 3 Цар. 8, 44. 48), и съ обычаемъ освященнымъ примѣрами св. мужей, какъ напр. Давида (6, 10), Давида (2 Цар. 22, 7), они, какъ дома молитвы (*προσευχαί*), должны были своею переднею стороною быть обращены къ іерусалимскому храму (Uitr. p. 155 et s.) и тѣмъ самымъ какъбы тяготѣть къ нему и указывать въ немъ одномъ *законное*, самымъ Богомъ опредѣленное *мѣсто* богослуженія. Наконецъ по образу самой постройки они должны были приближаться и приближались къ типу скинии или храма. Въ нихъ ближайшее къ входу значительное пространство было назначено для общества, и соотвѣтствовало какъбы двору храма; даже, подобно двору храма, оно имѣло иногда особыя отдѣленія для женскаго пола. Такія отдѣленія по крайней мѣрѣ были въ синагогахъ еерापевтовъ въ Египтѣ (Philo II p. 476. Сравни Uitr. p. 193 et 194. Евс. Кесар. Праераг. Evang. lib. 8, c. 12). Затѣмъ въ синагогахъ было на нѣсколько ступеней возвышенное мѣсто, начинавшееся далеко уже за серединою, съ каедрою и амвономъ; мѣсто это назначалось для священнодѣйствующихъ и соотвѣтствовало святилищу храма. Наконецъ, въ нихъ былъ ковчегъ для храненія свитка закона; онъ помѣщался въ той сторонѣ синагоги, которая была обращена къ храму, и соотвѣтствовалъ ковчегу завѣта, стоявшему въ храмѣ во Св. Святыхъ; подобно ковчегу Завѣта онъ вмѣщалъ въ себѣ только священныя книги Моисея (прочіе свитки полагались съ боку сего ковчега) и завѣшивался особымъ покрываломъ или завѣсою, которая въ свою очередь также соотвѣтствовала завѣсѣ храма (сравни 2 Кор. 3, 14. 16. Uitr. p. 174 et squ. 211). Тѣже самыя условія какъ относительно внѣшняго положенія мѣста синагогическихъ собраній, такъ и относительно внутренняго устройства его соблюдались даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по причинѣ малочисленности іудеевъ, для богослуженія назначались помѣщенія въ частныхъ домахъ (Uitr. p. 257). При этомъ всегда почти для богослуженія избиралась верхняя часть

дома (вышки, горница; *υπερωων, — ανωγειων*), которую каждый состоятельный и благочестивый Иудей обыкновенно отдѣлялъ и предназначалъ для занятій относящихся къ благочестію и богомыслию, а потому устроялъ съ окнами обращенными къ іерусалимскому храму (*Uitr. p. 145 et sequ.*).

И изъ *священныхъ вещей*, употреблявшихся въ храмѣ, многія перенесены были въ синагогу. Конечно, мы не встрѣчаемъ здѣсь ничего такого, что служило жертвѣ какъ кровавой, такъ и безкровной,—ни жертвенника, ни алтаря кадилагнаго, ни трапезы для хлѣбовъ предложенія и т. д. Но и въ синагогѣ мы находимъ употребленіе свѣтильниковъ не только по нуждѣ, а и съ символическимъ значеніемъ (*Uitr. p. 194—199*),—и въ синагогахъ мы находимъ употребленіе металлическихъ трубъ и роговъ (бараньихъ) съ богослужебною цѣлю (сравни *Мѡ. 6, 2*) въ субботы и въ другіе праздники, какъ-то: въ новолѣтія, новомѣсячія и проч. (по *Пс. 80, 4. Uitr. p. 203—211*).

Изъ числа *священныхъ дѣйствій* жертвы не вошли въ составъ синагогическаго богослуженія; такъ какъ жертвы по закону могли быть совершаемы только въ храмѣ. Но всѣ прочія священныя дѣйствія, какъ-то: молитва, пѣніе священныхъ гимновъ, чтеніе св. Писанія и проповѣдь встрѣчаются намъ здѣсь. Эти священныя дѣйствія, какъ мы видѣли, въ богослуженіи, совершавшемся въ храмѣ, при жертвахъ и при богатой символикѣ, имѣли только второстепенное значеніе и занимали невидное мѣсто. Здѣсь же вслѣдствіе отсутствія жертвъ, вслѣдствіе особыхъ потребностей, вызванныхъ положеніемъ Израиля послѣ плѣна, они получили болѣе широкое развитіе.

Всѣ эти священныя дѣйствія входили въ составъ синагогическаго богослуженія и совершались въ немъ въ слѣдующемъ *порядкѣ* и слѣдующимъ образомъ.

Богослуженіе всякій разъ начиналось *молитвами*, какъ частными произносимыми каждымъ про себя (*Мѡ. 6, 5*), такъ затѣмъ и общими, которыя произносилъ начальникъ

или же слуга синагоги отъ лица всѣхъ присутствующихъ (Uitr. p. 1075 et seq. 961). Молитвы соотвѣтствовали здѣсь жертвамъ, приносимымъ въ храмъ, и въ существѣ своемъ были тоже, что и молитвы, произносимыя народомъ предстоящимъ въ храмъ во время совершенія жертвоприношеній; различіе только въ томъ, что синагогическія молитвы возносились не въ виду самыхъ жертвъ, а заочно, и не только каждымъ въ отдѣльности про себя, а еще сверхъ того извѣстнымъ представителемъ общества отъ лица всѣхъ громкимъ голосомъ *). Потому-то время жертвы (въ кругу дневномъ, седмичномъ и годичномъ) было мѣстѣ и временемъ молитвъ, возносимыхъ въ синагогахъ (Uitr. p. 40 et seq. 1096). Потому-то ежедневная вечерняя молитва получила даже и самое наименованіе отъ (народнаго) наименованія вечерней жертвы (Uitr. p. 42). Потому-то и самыя лица, возносившія молитвы, приравнивались къ священникамъ, приносившимъ жертвы въ храмъ. Когда въ храмъ къ обычнымъ жертвамъ прибавлялись еще и другія жертвы (какъ-то: въ субботы, праздники и т. д.), тогда и въ синагогахъ къ обычнымъ молитвамъ присоединялись еще особыя молитвы (субботнія, праздничныя и т. д. Uitr. p. 43. 1097. 1039). Какъ народъ израильскій не могъ приносить никакихъ жертвъ, не установленныхъ и непредписанныхъ въ законѣ, такъ и въ синагогахъ не были возносимы никакія не установленныя молитвы (Maimon. ar. Uitr. ibid). Какъ жертвы въ храмъ составляли значительнѣйшую часть богослуженія, такъ въ синагогахъ молитвы; почему мѣста собраній синагогическихъ получили между прочимъ греческія названія: *προσευχη*, *προσευχητήρια* **), т.-е. моельни, молитвенные дома. И по содер-

*) Таково положеніе и значеніе молитвъ должно было быть и было, по нашему мнѣнію, до тѣхъ поръ, пока существовалъ храмъ.

***) Дѣян. 16, 13. Philo II p. 523, 565, 596. Ios. Fl. in Sua vita Cap. 54. ср. Uitr. p. 119 et seq. Что и синагоги назывались *προσευχη*, объ этомъ смотри Uitr. 128 seq.

жанію своему молитвы соотвѣтствовали жертвамъ; какъ въ храмѣ послѣ плѣна были приносимы жертвы за царей, подѣ властію коихъ находилась Палестина, такъ и въ синагогахъ возносились молитвы за царей со всѣмъ ихъ домоу, за сохраненіе царства ихъ въ мирѣ и проч. т. под. *).

Всѣ эти молитвы были или плодомъ вдохновенія или заимствовались изъ Псалтири. Изъ Псалтири брались преимущественно тѣ псалмы, которые были пѣты въ храмѣ. Здѣсь эти псалмы только читались протяжно, на распѣвъ, что и составляетъ собственно синагогическое пѣніе (Uitr. p. 1068 ss.). Впрочемъ у египетскихъ ѳерапевтовъ въ составъ богослуженія вошло и пѣніе въ строгомъ смыслѣ этого слова,—и притомъ не только пѣніе псалмовъ Давидовыхъ, а и новыхъ гимновъ, во славу Божію самими же ѳерапевтами составленныхъ «въ разныхъ размѣрахъ и напѣвахъ», съ приспособленіемъ къ тому приличнаго риема. При этомъ употреблялись и разные роды пѣнія подобные тѣмъ, какіе были въ храмѣ: пѣли иногда антифонно, раздѣлившись на два хора; иногда пѣніе совершалось однимъ лицомъ, а народъ только къ послѣднимъ стихамъ пѣснопѣнія присоединялъ свой голосъ, восклицая: аминь, аллилуія и проч. т. под. (Philō II p. 484. ss. ср. Евс. Церк. Ист. 2, 17. Ios. Fl. de bell. iud. 2, 8. 5). Около времени пришествія Іисуса Христа въ богослуженіе синагогическое, кажется, введены были уже и нѣкоторыя формулированныя, т.-е. изложенныя въ опредѣленныхъ выраженіяхъ молитвы, помимо библейскихъ псалмовъ **). Въ самомъ дѣлѣ употребленное Господомъ

*) 1 Ездр. 6, 10. Ios. Fl. Ant 11, 4. fin. 12, 2. 5. Филонъ и бывшіе съ нимъ депутаты отъ Александрійскихъ іудеевъ говорили Кайю Калигулѣ: „мы приносили жертвы (въ египетскомъ храмѣ).., совершали *молитвы за тебя*.. и не одинъ разъ.., сначала при твоёмъ *восшествіи* на престоль, потомъ, когда ты *выздоровѣлъ*, наконецъ когда желали и просили у Бога тебѣ *торжества надъ Германцами*.“

**) Къ числу формулированныхъ молитвъ, вошедшихъ въ составъ синагогическаго богослуженія еще до Р. Христова, Витринга

выраженіе: *βαττολογειν*, — говоритъ лишнее молясь», по видимому, указываетъ на множество пространныхъ формулированныхъ молитвъ, которыя произносились въ то время въ синагогѣ и внѣ ея (Мѡ. 6, 5 и д. 23, 14).

Молитвы отъ лица всего общества возносили обыкновенно начальники синагоги и старѣйшины, — иногда впрочемъ кто-либо изъ присутствующихъ вообще. Но при этомъ и народъ принималъ живое участіе. Это участіе народа выражалось извѣстными *восклицаніями*, подобными тѣмъ, какія были обычны при возношеніи молитвъ въ храмѣ. Здѣсь, какъ и въ храмѣ, самую обычную отвѣтную формулою была формула: *аминь* (Uitr. 1097 et ss.). Но кромѣ этой формулы употреблялись иногда и другія болѣе пространныя формулы: *«да будетъ имя Его (Иеговы) благословенно во вѣкъ и во вѣки вѣковъ»*. *«Святъ, святъ, святъ*

(р. 1046. 1058 et ss.), за нимъ Сурингартъ (Uolbeding Tesaur. I p. 303), Цунгъ (305. 367. 77), Герцфельдъ (II, 133. 77. 186. 200; 77), относятся *шему, шемонегъ-езре* (хотя и въ болѣе простомъ видѣ) и *кадишъ*.

Шемою назывались три отрывка изъ Пятокнижія, — именно Втор. 6, 4—9; 11, 13—21 и Числ. 15, 37—41. Назывались они шемою по первому слову перваго изъ отрывковъ. Эти отрывки каждый взрослый іудей (исключая женъ и невольниковъ) обязанъ былъ ежедневно читать утромъ и вечеромъ, присоединяя къ онымъ евлогіи (утромъ *три*, а вечеромъ *четыре*. Uitr. p. 1051 et squ. Cnf. p. 1032). Полагаютъ, что на актъ чтенія шемы намекаетъ Іосифъ Флавій (Ant. lib. 8; 6. 13.); даже будто Спаситель имѣлъ его въ виду, говоря законнику: *въ законъ что написано? Какъ читаешь?* (Лук. 10, 25—27). Uid. Uitr. p. 1058 ssqu.

Шемонегъ-езре, — или тефила это восемнадцать или собственно девятнадцать евлогіи (благословеній, славословій), заключающихъ въ себѣ разнаго рода славословія, благодаренія и прошенія, — и притомъ всегда почти прошенія о царствіи Божіемъ. Начинаются онѣ по большей части словами: *„Благословенъ Господь... Благословенъ еси, Господи“*... и ими также оканчиваются. (Всѣ онѣ приведены у Витринги на стр. 1033—1038). Іудейское преданіе составленіе и введеніе въ богослуженіе этихъ молитвенныхъ формулъ приписываетъ Ездру и мужамъ великой синагоги (Uitr. p. 415). Даже составленіе

Господь Саварѣъ: исполнь вся земля славы Его (Исаи 6, 3) и вся вселенная—величія Его». «Благословенъ Господь благословенный во вѣки и присно» и проч. т. под. (Conf. Uitr. 1102 et ss. 1045 et ss. 1075. 1090—1092. Philo II p. 480 et ss.).

Что касается внѣшняго положенія Израильтянъ при молитвѣ въ синагогахъ, то оно было таково же, каково и въ храмѣ. Молились бѣльшею частію стоя (Uitr. p. 1051. 1020). Мы говоримъ: бѣльшею частію молились стоя—потому, что при чтеніи псалмовъ и даже при произнесеніи нѣкоторыхъ молитвенныхъ фѣрмулъ въ синагогахъ Іудеи могли сидѣть и сидѣли (Uitr. p. 1091 — 1095). Во время молитвы совершали поясные поклоны, преклоняли колѣна, обращали лице къ ковчегу — этому символу Св. святыхъ (Uitr. p. 1795) и вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, и къ іеру-

---

двѣнадцатой евлогіи, направленной противъ еретиковъ, по сознанию самихъ іудеевъ сравнительно позднѣйшей, приписывается все же Самуилу младшему, а присоединеніе ея къ другимъ евлогіямъ Гамалиилу (Uitr. 1047). Это преданіе іудейское относительно происхожденія шемонегъ-езре принимаютъ съ ограниченіями многіе ученые изслѣдователи іудейскихъ древностей (Витринга, Герцфельдъ, Цунгъ и пр.), хотя и не видно, на какихъ твердыхъ основаніяхъ. Витринга высказываетъ даже опредѣленное предположеніе, что *βαττολογειν*, указанное Господомъ, относится именно къ одной изъ этихъ евлогій (третьей), присоединившейся между прочимъ утромъ къ чтенію шемы. Uitr. p. 1055.

Что касается молитвы *каддишъ*, то, по замѣчанію Витринги, она считалась у іудеевъ святѣйшею изъ всѣхъ молитвъ, такую, которую можно произносить не иначе, какъ только въ собраніи десяти чловѣкъ,—которою должна начинаться и запечатлѣваться всякая общественная молитва, даже чтеніе закона и пророковъ,—которая вообще освящала начало и конецъ всякаго общественнаго священнодѣйствія. Каддишъ, по словамъ тогоже Витринги, есть древнѣйшая изъ всѣхъ молитвъ, какія только имѣла синагога до Христа (Uitr. p. 1077). (Самая молитва приведена у Витринги на страницѣ 962-й и за тѣмъ 1102). Мейеръ (Meyer, Komm. Matth. 6, 10) также признаетъ высокую древность молитвы каддишъ; по словамъ его, она вошла въ употребленіе у іудеевъ *со времени плѣна*.

салимскому храму; потому что ковчегъ помѣщался, какъ мы сказали, въ той сторонѣ синагоги, которая была обращена къ храму *). Въ субботы и праздники, какъ во дни духовнаго торжества, не преклоняли колѣнъ и не повергались на землю (Uitr. p. 1096), такъ какъ въ эти дни не возносили никакихъ покаянныхъ прошеній. То же соблюдали и въ навечеріи этихъ дней (именно во время пополуденныхъ и вечернихъ молитвъ наканунѣ праздниковъ).

По окончаніи молитвы слуга бралъ свитокъ изъ священнаго ковчега и передавалъ (Лук. 4, 17. 20) чтецу, который восходилъ для совершенія *чтенія священнаго писанія* на *амвонъ*, устроенный въ каждой синагогѣ по образцу амвона, устроеннаго Ездрую при храмѣ (Неем. 8, 4. Uitr. p. 182. 977). По раскрытіи свитка на томъ мѣстѣ, которое нужно было читать, возглашались антифонно евлогіи (благословенія), подобно тому, какъ это было во время чтенія закона при храмѣ (Неем. 8, 6. ср. 9, 5. Uitr. 963). Сначала чтець приглашалъ народъ благословить Господа; народъ отвѣтствовалъ на это приглашеніе краткимъ славословіемъ: «да будетъ хвалень Господь благословенный во вѣки и присно». Затѣмъ самъ чтець произносилъ славословіе болѣе прѣстранное, въ коемъ благословлялъ Иегову за дарованіе Израилю закона. Народъ отвѣчалъ на это восклицаніемъ: «аминь». Послѣ сего слѣдовало чтеніе извѣстнаго отдѣленія изъ *закона* (Thora) (Дѣян. 13, 15; 16, 21. 2 Кор. 3, 14. 15. Ios. contr. App. 2, 17). Такъ какъ чтеніе это было продолженіемъ и болѣе широкимъ развитіемъ положеннаго закономъ чтенія Пятокнижія *въ праздникъ кущей* субботняго года, равно и другихъ чтеній писанія, употреблявшихся еще при храмѣ, особенно со временъ Ездры и Нееміи, то оно совершалось также ближайшимъ образомъ собственно *въ субботы и праздники*. Въ синагогѣ чтеніе это получило довольно опредѣленное

*) Uitr. p. 1095 et ss. Cnf. 1090—1092, гдѣ выдержки изъ Маймонидова трактата о молитвѣ—(Tephilla).

устройство. Повидимому, еще до Р. Христова введено было уже раздѣленіе Пятокнижія на извѣстныя отдѣленія, (154) для субботнихъ чтеній рядовыя, а для праздниковъ особыя, соотвѣтствующія ихъ значенію и устанавленію (Uitr. 964 et ss.).

Послѣ закона были читаемы въ субботы и праздники небольшія отдѣленія изъ *пророковъ* (Небійимъ) (Дѣян. 13, 15. 27. Лук. 4, 16. 17), т.-е. изъ книгъ собственно пророческихъ и изъ такъ называемыхъ первыхъ пророковъ (какъ-то: изъ книгъ Навина, Судей и Царствъ), а иногда, хотя очень рѣдко, изъ другихъ книгъ, такъ называемыхъ *агіографовъ* (Кетубимъ) (Uitr. р. 985). Переходъ отъ чтенія закона къ чтенію пророковъ, кажется, совершался уже чрезъ антифонныя благословія и славословія, изъ коихъ одни имѣли значеніе заключенія къ только что оконченному чтенію изъ закона, а другія значеніе вступленія въ чтеніе пророковъ (Uitr. р. 988 et ss.). И предъ чтеніемъ пророковъ, подобно тому, какъ предъ чтеніемъ закона, чтецъ благословлялъ Господа за то, что Онъ посылалъ Израилю пророковъ, благословлялъ за непреложность Его пророческаго слова (Uitr. р. 989), а предъ чтеніемъ агіографовъ—за то, что даровалъ Израилю св. Писанія и научилъ чтенію оныхъ (Uitr. р. 963). Чтенія изъ пророковъ, какъ принятыя въ составъ синагогическаго богослуженія гораздо позднѣе *), чѣмъ чтенія закона, не были точно

---

*) Бѣльшая часть ученыхъ согласны въ томъ, что введеніе чтеній изъ пророковъ въ синагогическое богослуженіе восходитъ не далѣе времени Маккавейскихъ, хотя и расходятся во взглядахъ на то, чѣмъ оно вызвано было,—оппозиціею ли самарянамъ, не признававшимъ пророковъ, ревностію ли къ дѣламъ благочестія, возбужденною во времена гоненій Антиоха Епифана (Uitr. 1608), тѣмъ ли, что около этого времени особенно сильно стало чувствоваться столь долгое отсутствіе пророковъ, или наконецъ объясненіями закона, въ которыя постепенно вносились бѣльшіе и бѣльшіе отрывки изъ другихъ писаній, по содержанію своему близко подходящіе къ закону, пока, наконецъ, эти отрывки не получили самостоятельнаго значенія и мѣста въ богослуженіи.

установлены; раздѣленій пророческихъ книгъ на извѣстные отдѣлы еще не было; мѣста изъ пророковъ читались свободно, такъ что самъ чтець выбиралъ то или другое мѣсто (Лук. 4, 17), по большей части соотвѣтствующее по своему содержанію чтенію изъ закона и прилчествующее празднуемымъ священнымъ днямъ (Uitr. p. 985 ss). Чтенія изъ пророковъ назывались *Гафтарами* (т.-е. заключительными или отпустительными чтеніями), а самый чтець *мафтиромъ* (т.-е. полагающимъ конецъ чтенію, распускающимъ собраніе); это потому, что къ симъ чтеніямъ непосредственно безъ всякихъ другихъ чтеній присоединялись поученія, если только они были, и за тѣмъ собраніе тотчасъ же распускалось (Uitr. p. 993—997).

Лицо, читавшее въ синагогѣ священное Писаніе, обыкновенно совершало это дѣйствіе стоя, какъ и въ храмѣ (Неем. 8, 4; 9, 4. Лук. 4, 16. Uitr. p. 980). Что касается положенія слушателей, то трудно сказать объ этомъ что-либо опредѣленное. Въ храмѣ предъ чтеніемъ закона слушатели вставали и стоя внимали чтенію (Неем. 8, 5. 7; 9, 3). Между тѣмъ въ синагогахъ положеніе слушающихъ, повидимому, было иное. Всѣ свидѣтельства говорятъ согласнo о томъ, что въ синагогахъ при чтеніи закона и пророковъ присутствующіе могли, по желанію, сидѣть и *сидѣли* (Дѣян. 13, 14. 16. Лук. 4, 16. Philo II p. 630) *) на особыхъ сѣдалищахъ, устроявшихся во всякой синагогѣ (Мѡ. 23, 2. 6. Дѣян. 13, 14), или просто на полу на постилкахъ (Philo II p. 630. 458). При этомъ въ сидѣвнн соблюдался особый порядокъ. Посѣтители располагались на сѣдалищахъ по сану и достоинству своему (Мѡ. 23, 6. Uitr. p. 191), по полу (Philo II p. 476. Euseb. Praepar. Evang.

---

*) По преданіямъ іудейскимъ законъ былъ изучаемъ не иначе, какъ только *стоя* до временъ Гамаліила; со времени Гамаліила стали изучать его и сидя (Uitring. p. 167). Впрочемъ здѣсь разумѣется больше школьное изученіе закона. Но и при богослуженіи не требовалось стоянія, какъ непремѣннаго выраженія благоговѣнія къ закону (Maimon. apud Uitring. p. 984).

8, 12) и по возрасту (Philo II p. 458). Впереди на первых мѣстахъ садились старѣйшины и учителя (Mr. 12, 39), вообще сознававшіе себя способными говорить къ народу назиданія, подобно Моисею *). Послѣ нихъ старцы изъ простаго народа и люди богатые. Затѣмъ, если были мѣста, бѣдные и юноши; если же не было мѣстъ, то юноши садились обыкновенно у ногъ старцевъ на полу, точно также какъ ученики въ школахъ у ногъ учителей (Дѣян. 22, 3). Тоже положеніе доставалось на долю бѣдныхъ, если они не хотѣли стоять (Ср. Іак. 2, 3).

За чтеніемъ пророковъ и обычными послѣ него словесіями и благословеніями (Uitr. p. 989) иногда (Uitr. p. 688) слѣдовали тотчасъ непосредственно *поученія*, состоявшія изъ назидательныхъ объясненій прочитаннаго (Лук. 4, 21. 22. Ср. Дѣян. 15, 21) или изъ самостоятельной, болѣе или менѣе отступающей отъ прочитаннаго текста рѣчи (Дѣян. 13, 16—41). Поученія эти были не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ объясненій и увѣщаній, которыя по временамъ должны были произноситься и произносились въ храмѣ при чтеніи закона, особенно со временъ Ездры и Нееміи, когда забвеніе Іудеями еврейскаго языка сдѣлало особенно настоятельною нужду въ объясненіи народу закона на понятномъ для него нарѣчій (Неем. 8, 8). И въ синагогахъ первоначально поученія состояли собственно не изъ иного чего, какъ изъ перевода, изъ перифраза св. текста, какой былъ употребителенъ при храмѣ. Съ теченіемъ времени этотъ перифразъ постоянно возрасталъ и развивался параллельно съ развитіемъ самыхъ синагогъ. Ко времени Христа онъ уже настолько окрѣпъ и утвердился, что началъ записываться**).

---

*) Мѡ. 23, 2. *Моисеевы сѣдалища*, это сѣдалища *учителей и законниковъ*.

***) Уже въ началѣ 1-го вѣка упоминается письменный переводъ книги Іова; есть упоминанія и о многихъ другихъ переводахъ и таргумахъ этого времени. Такъ къ первой половинѣ перваго вѣка

Затѣмъ этотъ перифразъ мало-по-малу сталъ принимать форму близкую къ проповѣди. Къ толкованію присоеди- няли историческія повѣствованія и различныя примѣры, поясняющіе текстъ, краткія увѣщанія и назиданія, выте- кающія непосредственно изъ послѣдняго и т. п.; а нако- нецъ уже, по поводу прочитаннаго или даже и безъ этого, стали входить въ разсмотрѣніе различныхъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ, въ обсужденіе текущихъ явлен- ній религіозной жизни и проч. т. п., не держась строго прочитаннаго текста писанія *). Проповѣдникъ могъ го- ворить по собственному желанію *сидя* (Лук. 4, 20. 21. Сравни. Іоан. 8, 2. Мѡ. 26, 55) или *стоя*, если почиталъ послѣднее лучшимъ для себя и для своего дѣла (Дѣян. 13, 16. Ср. Іоан. 7, 37). Слушатели тоже могли сидѣть, если было мѣсто для сего (Лук. 4, 29. Ср. 2, 46).

Относительно особенностей синагогической проповѣди нужно замѣтить, что она имѣла нерѣдко форму бесѣды, школьныхъ преній, и даже спора, притомъ спора о раз- ныхъ утонченныхъ, нравственно безплодныхъ, нисколько не назидательныхъ казуистическихъ правилахъ и постано- вленіяхъ,—спора, который велся для самаго спора, вовсе не содѣйствуя или мало содѣйствуя возрастанію вѣры и любви въ душахъ слушателей. На это свойство іудейской вообще и въ частности синагогической проповѣди наме-

---

относятъ таргумъ Онкелоса, ученика Гамалиила старшаго, и почти къ тому же времени таргумъ на пророковъ Іонаана, ученика Гиллела 1-го (Real. Encycl. Herzog. XV, p. 673. 678. X, 613. 7).

*) Возникновеніе особыхъ поученій въ синагогическомъ богослуженіи Витринга (p. 695) относитъ ко временамъ Іоанна Гирвана, Аристовула и Александры Іоанней, когда съ достиженіемъ граждан- ской пезависимости снова пробудилась въ Израилѣ упадшая-было предъ тѣмъ любовь къ духовной образованности и безграничное уваженіе къ лицамъ, посвятившимъ себя изученію закона и священ- ныхъ преданій, а съ другой стороны возрасла и ревность іудей- скихъ ученыхъ (особенно изъ секты фарисеевъ) къ обученію наро- да тому же закону Божію, и притомъ не въ простомъ его видѣ, а *въ связи съ священными преданіями*.

каетъ, быть можетъ, и Апостоль Павелъ, когда спрашиваетъ: гдѣ книжникъ? гдѣ *совопросникъ* вѣка сего (1 Кор. 1, 20), и когда предметы изслѣдованій іудейскихъ называетъ спорными мнѣніями (*ζητημα* Дѣян. 23, 29; 26, 3) и предостерегаетъ своихъ учениковъ Тита и Тимофея отъ глупыхъ іудейскихъ *состязаній* (Тит. 3, 9. 2 Тим. 2, 14. 16. 23. 1 Тим. 1, 4—7; 6, 4—5—*ζητησεις, λογομαχειν* *).

Другая особенность синагогической проповѣди состояла въ томъ, что она часто принаравливаема была къ испорченному вкусу народа, въ угоду коему наполнялась не столько простыми истинами, заимствованными изъ свящ. Писанія, сколько разными увлекательными историческими повѣствованіями, анекдотами и баснями (ср. 2 Тим. 4, 3. 4. 1 Тим. 4, 7. 2 Петр. 1, 16. Uitr. p. 682 ss).

Считаемъ не лишнимъ еще замѣтить, что въ александрійскихъ синагогахъ, соотвѣтственно особому характеру александрійской образованности, отразившемуся на умственномъ складѣ жившихъ тамъ Іудеевъ, проповѣдь была богата аллегоріями (иносказаніями), особенно когда она состояла изъ объясненія Писанія (Philo II p. 458. 168 et saet).

Послѣ проповѣди и особыхъ прибавочныхъ праздничныхъ молитвъ богослуженіе оканчивалось *отпускомъ* (Дѣян. 13, 43). Въ чемъ состоялъ этотъ отпускъ, въ благословеніи ли произносимомъ священниками съ распростертіемъ рукъ подобно тому, какъ это совершалось ими во храмѣ, или еще въ чемъ, нельзя сказать опредѣленно.— Таковъ внѣшній составъ синагогическаго богослуженія.

Такъ какъ всѣ эти священныя дѣйствія синагогическаго богослуженія не имѣли таинственнаго характера, то они и не требовали *особыхъ священныхъ лицъ*, которымъ бы *исключительно* усвоялось совершеніе ихъ. Всякій, сознававшій себя способнымъ, могъ въ синагогѣ читать свящ.

---

*) Смотр. на эти мѣста Комм. Визингера (Wisinger) и его же „Общее введеніе въ пастырскія посланія“ (s. 206. 77. изд. 1850 г.).

Писаніе (Лук. 4, 16), объявлять его, говорить народу увѣщанія (Philo II р. 458 ὁ ἐμπειρότατος), даже иногда произносить молитвы (Uitr. р. 728 et sequ. 947. 1097). Только женамъ, рабамъ и всѣмъ неприлично одѣтымъ безусловно воспрещалось чтеніе свѣщ. Писанія и другія богослужебныя дѣйствія (Uitr. р. 979). Что же касается проповѣди и наставленій, то даже было въ обычаѣ приглашать говорить слово увѣщанія и наставленія пришельцевъ, почему-либо обратившихъ на себя вниманіе мѣстныхъ начальниковъ синагоги (Дѣян. 13, 15). По этому-то Христось (Мѡ. 4, 23; 9, 35. Мр. 1, 21. 39. Лук. 4, 15. 44. Иоан. 18, 20 и пр.) и апостолы (Дѣян. 13, 5. 15; 14, 1; 17, 10. 17; 18, 19 и пр.) могли проповѣдывать и проповѣдывали повсюду въ синагогахъ. Тѣмъ не менѣе это вовсе не означаетъ того, будто Евреи безразлично смотрѣли на совершителей синагогическаго богослуженія и руководились исключительно только требованіями порядка и благочинія при уполномоченіи извѣстныхъ особъ на совершеніе богослуженія отъ лица всѣхъ присутствующихъ. И въ синагогахъ народъ іудейскій желалъ имѣть совершителями священнодѣйствій по преимуществу лицъ, принадлежавшихъ къ левитскому священству, лицъ самимъ Богомъ избранныхъ и назначенныхъ въ молитвенниковъ и учителей Израиля. Такъ въ первое время, по возвращеніи изъ плѣна, въ синагогахъ, по крайней мѣрѣ Палестинскихъ, совершали богослуженіе почти исключительно левиты и священники. Чтеніе закона и пророковъ совершалось преимущественно кѣмъ-либо изъ священниковъ, если они только были въ собраніяхъ, чтѣ и случалось по большей части въ Палестинѣ и Египтѣ (Philo II р. 630. Uitr. 981). Точно также поученія, состоявшія въ объясненіи ли писаній или въ назидательномъ наставленіи, говорили по преимуществу священники и левиты (Philo II р. 630. Uitr. 696). Только уже позднѣе, когда появились книжники изъ числа Евреевъ, не принадлежавшихъ къ колѣну Левіину, имѣвшіе полную возможность учить народъ, мало-по-малу съ раз-

множеніемъ синагогъ и этимъ книжникамъ стали представлять совершеніе священнодѣйствій синагогическаго богослуженія, особенно въ отсутствіе левитовъ. Но и при такомъ положеніи дѣла съ одной стороны преимущество быть совершителями синагогическаго богослуженія всегда оставалось за левитами (Uitr. p. 519. 525. 981). Только совершенная неспособность левита къ служенію по безграмотности и необразованности и т. под. отнимала у него право на такое преимущество (Uitr. 520 p.); а одинъ изъ актовъ синагогическаго богослуженія, именно актъ благословенія народа, даже и въ послѣднемъ случаѣ навсегда былъ удержанъ (въ настоящемъ своемъ видѣ) исключительно за священниками и левитами (Uitr. 1117 ss.). Съ другой стороны и изъ числа законпиковъ въ синагогахъ все же избирались и поставлялись *) для совершенія бо-

*) *Избраніе лицъ* для совершенія богослуженія въ синагогахъ, равно какъ и для засѣданія въ судахъ, совершалось или великимъ синедріономъ, что было въ Палестинѣ, Египтѣ и Вавилонѣ, или мѣстными городскими синедріонами, какъ это было въ прочихъ странахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ избраніе совершалось съ согласія народа, который выражалъ это согласіе свос на избраніе, по свидѣтельству Филона, *простертіемъ рукъ* въ подражаніе тому, какъ это было во дни Моисея при избраніи Левитовъ (Числ. 8, 6—14), и *восклицаніями*, свидѣтельствовавшими о достоинствѣ избираемаго (Uitr. p. 828—835. 1137). Избираемый долженъ былъ отличать-ся чистотою жизни, болѣе или менѣе широкими познаніями въ законѣ Божіемъ и способностію сообщать оныя познанія народу, подобно тому, какъ и при Моисеѣ (Исх. 18, 21. Втор. 1, 13) старѣйшины (Uitr. 650—955. 936—941). Онъ могъ быть и безбрачнымъ, но по большей части избирали лицъ, находившихся въ *брачномъ состояніи*, поелику только такія лица, какъ имѣвшія или рассчитывавшія имѣть своихъ дѣтей, по мнѣнію іудеевъ, могли съ большимъ усердіемъ возносить молитвы къ Богу и отличатся болѣею мягкостію нрава, болѣею кротостію, состраданіемъ и милосердіемъ, качествами столь необходимыми въ старѣйшинѣ синагогъ (Uitr. p. 664—667). При этомъ не обращали вниманія на то, въ первомъ ли, или уже во *второмъ бракѣ* состоялъ избираемый. Даже послѣ избранія и посвященія старѣйшинамъ синагогъ дозволялся второй бракъ (Uitr. *ibid.*). Избираемый во всякомъ случаѣ долженъ былъ

гослуженія опредѣленные лица, соотвѣтствовавшія отчасти священнымъ лицамъ храма. При каждой большой синагогѣ былъ 1) *начальникъ, глава, отецъ синагоги* (αρχηγ-συναγωγῶτος въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ Лук. 13, 14; 8, 41. 49. Дѣян. 18, 8. 17. и проч.); 2) *старѣйшины* *)

быть въ такомъ *возрастѣ*, чтобы у него была уже борода, могущая внушать къ нему уваженіе, соотвѣтствующее его сану (Uitr. p. 941 5).

Самое *посвященіе избранныхъ*, по Беверегію (annotat. in. can. apost. 1. Apud Coteler. Tom. I. p. 456. col. 2) и по Витрингѣ (p. 835, ss.), совершалось предсѣдателемъ Великаго синаедріона (въ Палестинѣ, Египтѣ и Вавилонѣ) или какимъ-либо другимъ раввиномъ, но не иначе какъ по уполномочію со стороны предсѣдателя синаедріона и совершалось точно такъ, какъ посвященъ былъ Моисеемъ Исусъ Навинъ (Числ. 27, 18—23). Извѣстно, что, по повелѣнію Божію, Моисей, чтобы посвятить І. Навина въ преемника себѣ, въ учителя и правителя народа Израильскаго,—*возложилъ на него руки* (Числ. 27, 23) и чрезъ то сообщил ему *дари Св. Духа*, потребные для поваго служенія его (Втор. 34, 9). По сему примѣру и будто съ этого самаго времени іудеи имѣли обыкновеніе чрезъ *возложеніе рукъ* поставлять своихъ старѣйшинъ и судей, а гь послѣдствіи (со времени Гиллела) и раввиновъ (Uitr. p. 836—837); при семъ требовалось чтобы избранный былъ рукополагаемъ *тремя* лицами (Uitring. p. 843. Bevereg. ibid.).

*) Подобно тому, какъ въ Иерусалимѣ священники, старѣйшины и книжники подъ предсѣдательствомъ первосвященника, такъ и въ синагогахъ старѣйшины подъ предсѣдательствомъ архисинагога составляли *судебную коллегію*, которая слѣдила за порядкомъ въ гражданской жизни іудеевъ, за ходомъ богослуженія въ синагогѣ (Дѣян. 13, 15. Лук. 13, 14) и за соблюденіемъ въ оной всякаго благочинія,—наказывала виновныхъ въ нарушеніи установленнаго порядка *выговоромъ и отлученіемъ*, а изъ числа отлученныхъ *разрѣшала* и *принимала обратно* тѣхъ, которые исправлялись

Публичный выговоръ со стороны архисинагога и старѣйшинъ давался въ случаѣ менѣе важныхъ проступковъ. Ему обыкновенно предварительно предшествовало еще частное вразумленіе. Какъ скоро кто-либо впадалъ въ какое-либо преступленіе, производившее соблазнъ между другими, или оказывалъ какую-либо несправедливость въ отношеніи къ ближнимъ,—іудеи, слѣдуя предписаніямъ закона (Левит. 19, 17), считали своею священною обязанностію вразумить заблудшаго сначала *частно*, наединѣ. Только, когда это оказывалось недѣйствительнымъ, они обращались къ архисинагогу,

(πρεσβυτεροι Лук. 7, 3. αρχοντες Іоан. 7, 48, πρεσβυτες и т. под. Uitring p. 581. 559, въ общемъ, широкомъ смыслѣ αρχισυναγογοι. Мр. 5, 22. Дѣян. 13, 15), бывшіе обычными совершителями богослуженія послѣ священниковъ (Philo II, 630. Uitring. 728. 981. 696), и 3) *служебное лицо* (υπηρετης Лук. 4, 20), исполнявшее въ синагогѣ тѣже обязанности, что и левиты при храмѣ, именно вынимавшее изъ ковчега священныя книги, подававшее ихъ чтецамъ и за

съ тѣмъ, чтобы онъ подвергъ виновнаго *публичному вразумленію*. Это послѣднее состояло въ томъ, что архисинагогъ самъ уже давалъ выговоръ заблуждающемуся, стараясь его устыдить. Получивъ выговоръ, виновный со стыда удалялся въ свой домъ и скрывался въ ономъ, избѣгая всякой встрѣчи съ архисинагогомъ. Онъ рѣдко смѣялся, мало разговаривалъ и мало занимался своими обычными дѣлами; долженъ былъ считать и считать себя худшимъ въ глазахъ тѣхъ, которые видѣли его. Однако отъ него не требовалось необходимо того, чтобы онъ избѣгалъ сношеній съ своими братьями, общенія съ ними въ пищѣ, питіи, въ привѣтствіяхъ и т. п., или того, чтобы онъ выражалъ скорбь свою о содѣланномъ имъ проступкѣ какими-либо особыми дѣйствіями. Иногда въ виду большаго устыженія виновнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду какъбы сильнѣйшаго побужденія его къ исправленію, проступокъ его былъ оглашается въ синагогѣ предъ всѣмъ народомъ и притомъ неоднократно (Uitr. 731. ss). Впрочемъ и это оглашеніе не влекло за собою непременно отлученія отъ общества и отъ близкаго обращенія съ прочими іудеями.—*Отлученіе* употреблялось только въ случаѣ очень важныхъ проступковъ. О такомъ отлученіи часто говорится въ Мишнѣ (Taanith. 3, 8. Moed. katon. 3, 1. и проч.). По Беверегію, въ древнія времена оно было *трехъ* видовъ: ниддуй, херемъ и шамматъ; а по мнѣнію Витринги, только *двухъ* (ниддуй и шамматъ онъ признаетъ за одно и тоже) или даже одного вида (какъбы средняго между ниддуй и херемъ). Мнѣніе Витринги, повидимому, ближе къ истинѣ. О второмъ видѣ отлученія (херемъ), какъ отличномъ отъ перваго (ниддуй) и болѣе строгомъ, упоминается только въ Гемарѣ и у раввиновъ, а различіе между ними опредѣленно выясняется только Маймонидомъ (Winer, Bibl. Realwort. 1848. I, p. 136). О шамматѣ же, какъ третьей строжайшей степени отлученія, говорятъ уже позднѣйшіе раввины, тогда какъ у древнѣйшихъ талмудистовъ это слово употребляется безразлично съ словомъ ниддуй. Значитъ существованіе строго разграниченныхъ видовъ отлу-

тѣмъ снова убиравшее ихъ (Лук. 4, 17. 20), передававшее другимъ распоряженія начальниковъ синагоги при богослуженіи (Дѣян. 13, 15), вообще прислуживавшее симъ послѣднимъ и наблюдавшее за чистотою и сохраннымъ всего въ синагогѣ и пр. т. под. (Uitr. p. 1124 ss).

Что касается *внутренняго характера* синагогическаго богослуженія, его чистоты, истинности и за тѣмъ отличительныхъ особенностей, то и съ этой стороны, какъ и

чевія даже и въ томъ видѣ, какъ они изображаются Маймонидомъ, не можетъ быть относимо ко времени жизни І. Христа, хотя это не даетъ права утверждать, что въ то время не было никакого разнообразія въ отношеніяхъ іудеевъ къ порочнымъ въ ихъ средѣ лицамъ, — никакнхъ, такъ сказать, степеней отлученія. Обычное въ синагогахъ іудейскихъ отлученіе вообще состояло въ слѣдующемъ: виновный въ какомъ-либо болѣе или менѣе важномъ проступкѣ, послѣ седмидневнаго вразумленія и увѣщанія со стороны архисинагога и старѣйшинъ, былъ формально отлучаемъ отъ священнаго собранія. О его проступкѣ, равно какъ и объ отлученіи его, торжественно объявлялось въ синагогахъ предъ всѣмъ народомъ; послѣ сего никому изъ іудеевъ кромѣ домашнихъ не позволялось приближаться къ нему въ какомъ бы то ни было мѣстѣ на разстояніе меньшее четырехъ локтей; хотя тѣмъ самымъ еще не запрещалось вступать съ нимъ въ такія или нынѣ сношенія, разговаривать при этомъ и проч. т. под.; равно и самъ отлученный, какъ нечистый, долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы держаться отъ всѣхъ прочихъ іудеевъ на означенномъ разстояніи въ случаѣ обращенія съ ними. Въ такомъ состояніи отлученія (ниддуи) виновный долженъ былъ оставаться въ теченіи 30 дней. По истеченіи этого срока, отлученный шелъ къ дому *судимца* (синедріона) и самъ лично со смиреніемъ *просилъ* прощенія *проступка* своего у тѣхъ, кои были отлучены. Если онъ обнаруживалъ при своемъ прошеніи несомнѣнные признаки раскаянія, то, по совершеніи имъ публичнаго исповѣданія своего проступка, получалъ разрѣшеніе и былъ допускаемъ къ общенію отъ тѣхъ раввиновъ, кои отлучили его, былъ восстанавливаемъ въ свое прежнее состояніе посредствомъ формулы: „прощено тебѣ“, или: „да будетъ отлученіе (грѣха) тебѣ“. Если же оказывался упорнымъ и не обнаруживалъ никакого раскаянія въ своемъ проступкѣ и не подчинялся тѣмъ правиламъ, которымъ долженъ былъ подчиняться всякій отлученный, то отлученіе это продолжалось еще на 30 дней. Если же и въ теченіе сего срока отлучен-

съ внѣшней, оно приближалось къ богослуженію храма. Имѣя въ основѣ своей тѣже богооткровенныя религіозныя начала, которыя имѣло и богослуженіе, совершавшееся въ храмѣ, оно настолько отличалось и его *внутренними до точностями*, насколько оставалось близкимъ къ нему по своему существу и насколько вѣрно впечатлѣвало въ себѣ высокій духъ его. Будучи примѣнено

ный продолжалъ пребывать въ своемъ упорствѣ, нисколько не раскаяваясь, то слѣдовало херемъ,—совершенное отлученіе отъ синагоги, послѣ котораго съ отлученнымъ нельзя было никому изъ іудеевъ ни пить, ни ѣсть (Мѡ. 9, 11),—даже нельзя было разговаривать, кромѣ самыхъ необходимыхъ случаевъ. Полагають, что на эти различныя степени отлученія содержатся намеки въ нѣкоторыхъ евангельскихъ изреченіяхъ: отлучать отъ синагоги—*αποσυναγῶγον ποιῆν*, или быть отлученнымъ отъ синагоги—*γίνεσθαι ἀποσυναγῶχος* (Іоан. 9, 22; 12, 42; 16, 2) и изгонять (изъ своей среды)—*ἀφορίζεῖν* (Лук. 6, 22), причемъ первыя два выраженія относятся къ меньшему отлученію, а послѣднее къ совершенному отлученію (Winer. I. p. 136). Витринга (p. 739) впрочемъ не рѣшается отнести эти выраженія опредѣленно къ какому-либо виду отлученія,—къ виддуи, или къ херемъ, такъ какъ не признаеть существованія этихъ двухъ степеней отлученія въ рѣзко разграниченныхъ формахъ во дни земной жизни Іисуса Христа; однако болѣе справедливымъ полагаетъ отнести ихъ къ послѣднему (Uitr. p. 730—751. Veueg. annot. in can. apost. X. Apud Cotel. T. I p. 465 col. I).

Нужно замѣтить, что всѣ эти вразумленія и отлученія въ синагогахъ имѣли болѣе граждански-судебный характеръ, нежели религіозно-нравственный. Предметомъ ихъ были разные *внѣшніе* проступки противъ частныхъ или официальныхъ *лицъ* и притомъ проступки чисто судебного характера, каковы: нарушеніе правъ чужой собственности и т. п. (Uitr. p. 745).[•] Конечно, въ кругъ ихъ входили и чисто религіозныя преступленія (Іоан. 9, 22; 12, 42), но опять таки преступленія чисто внѣшнія. На дѣла же совѣсти, на внутреннія явленія религіозно-нравственной жизни Іудея они не имѣли въ виду простираться и нисколько не простирались. Отлученіе виновнаго было дѣйствіемъ только одного общества, заботящагося о сохраненіи себя въ чистотѣ; равно и разрѣшеніе было примиреніемъ виновнаго только съ обществомъ, прощеніемъ виновному его проступковъ со стороны общества. Другаго высшаго примиренія и прощенія Іудеи не признавали за этими дѣйствіями, да и по всей справедливости не считали себя въ правѣ признавать (Мр. 2, 7. Лук. 5, 21).

къ сему послѣднему съ различныхъ сторонъ, будучи устроено по возможности сообразно съ нимъ, оно носило на себѣ и его *временныя, случайныя особенности*, обуславливаемая исключительнымъ назначеніемъ Израиля. Конечно, такъ какъ Израиль послѣ плѣна гораздо болѣе развился въ умственно-религіозномъ отношеніи, а съ другой стороны, такъ какъ жертва не могла быть приносима въ синагогахъ, то въ составѣ синагогическаго богослуженія мы видимъ гораздо менѣе внѣшнихъ дѣйствій, менѣе символички, чѣмъ это было въ храмѣ. Но въ другихъ отношеніяхъ богослуженіе синагогическое было совершенно подобно богослуженію храма, было, такъ сказать, отраженіемъ его. Прежде всего относительно *взаимодѣйствія между Богомъ и человекомъ* мы должны замѣтить, что оно при отсутствіи жертвъ, этихъ таинствъ ветхаго завѣта, не совершалось здѣсь даже и въ томъ ограниченномъ объемѣ, въ какомъ совершалось въ храмѣ. Здѣсь Израильтяне, только какъ частныя люди, выражали предъ Богомъ молитвенныя настроенія души своей и поучались закону Божию, а потому въ такой же только мѣрѣ могли удостоиваться и сподобляться божественной благодати, въ какой удостоивается ея всякій частный человекъ, или лучше всякое собраніе частныхъ лицъ, отъ всего сердца молящихся и благоговѣйно занимающихся богомысліемъ. Далѣе синагога не менѣе храма была и *подъ игомъ закона*, потому что въ ней совершали богослуженіе тѣже подзаконные Израильтяне. Правда, для нея собственно не было дано Богомъ особыхъ законныхъ постановленій; но она сама считала себя обязанною во всемъ подчиняться закону, данному для скинии и храма, по образу коихъ, какъ мы видѣли, она и была устроена. Подобно богослуженію, совершавшемуся въ храмѣ, и богослуженіе синагогическое носило на себѣ *прообразовательно-пророческій* характеръ (священныя времена и проч.), съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь были не самыя прообразы, а копіи, образы и тѣни прообразовъ. И богослуженіе синагогическое жило

будущимъ, всѣ молитвы ея были полны возгласовъ о Мессіи,—объ искупленіи, которое Онъ долженъ былъ принести съ собою, о царствѣ Божіемъ, которое Онъ долженъ основать... Ни одна свлוגія не могла обойти упоминанія о царствѣ Мессіи,—чаяніемъ пришествія Мессіи и искупленія дышала и главная молитва синагоги—каддижъ.

Уклоненія отъ истиннаго образа богослуженія, появившіяся въ іудействѣ предъ пришествіемъ Іисуса Христа.

Манассіяне; оставленіе ими богослуженія, совершавшагося въ іерусалимскомъ храмѣ и общеніе ихъ съ самарянами.—Устроеніе египетскими іудеями особаго храма и жертвеннаго богослуженія.—Болѣзненные явленія, принесенныя въ богослужебную жизнь Израиля іудейскими сектами. Саддукеи: отрицаніе ими богослужебной обрядности, основывавшейся на свящ. преданіи; ихъ холодность и легкомысліе въ отношеніи къ богослуженію.—Фарисеи: ихъ слѣпое пристрастіе къ преданіямъ старцевъ; привязанность къ исполненію однихъ внѣшнихъ обрядовъ; ихъ лицемеріе.—Ессеи: аллегор. объясненіе св. писанія и тайныя книги, какъ руководство въ устроеніи богослуженія.—Уклоненіе ессеевъ отъ общенія съ остальными іудеями и съ іерархією.—Своеобразныя обряды принятія членовъ въ секту.—Дѣленіе сектактовъ по степенямъ.—Превратное понятіе о Богѣ и суевѣрное почитаніе солнца.—Превратное понятіе о дѣйствіи Духа Божія въ человѣкѣ.—Ложное подвижничество.—Уклоненіе отъ жертвеннаго богослуженія іерусалимскаго храма.—Пристрастіе къ мелочнымъ внѣшнимъ обрядамъ.—Терапевты: сходство ихъ съ ессеями и отлчіе отъ послѣднихъ; отшельничество ихъ; субботнія богослужебныя собранія.

Предъ пришествіемъ Іисуса Христа богослуженіе іудейское какъ то, которое совершалось въ синагогахъ, такъ въ особенности то, которое совершалось въ храмѣ,—въ противоположность господствовавшему повсюду идолопоклонству,—во всемъ родѣ человѣческомъ было единственнымъ выраженіемъ истиннаго богопочтенія.

Къ сожалѣнію, въ это богослуженіе человѣческими немощами и заблужденіями вносилось много злоупотребленій,

затемнявшихъ иногда его внутреннюю чистоту и отнимавшихъ у него истинное его значеніе. Еще пророки возвышали свой голосъ противъ нѣкоторыхъ изъ такихъ злоупотребленій, въ особенности же противъ привнесенія въ богослуженіе языческихъ элементовъ, и противъ формальнаго, безсердечнаго участія въ немъ. Послѣ пророковъ по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго нестроенія въ богослужебной жизни Израиля не прекратились, напротивъ они приняли еще новыя формы. Прежде всего многіе изъ Израильтяпъ, не желая отказаться отъ незаконныхъ супружествъ съ иноплеменницами, въ главѣ *Манассіи* брата первосвященника Адуя, отдѣлились отъ храма іерусалимскаго и стали участвовать въ богослуженіи, совершавшемся на горѣ Гаризинъ вмѣстѣ съ полуязычниками самарянами. Затѣмъ *египетскіе іудеи*, поощряемые первосвященникомъ Оніею (сыномъ Оніи 3-го), построили для себя особый храмъ въ Египтѣ близъ Иліополя по образцу Іерусалимскаго и вопреки божественнымъ опредѣленіямъ стали совершать въ немъ жертвенное богослуженіе точно такъ, какъ оно могло совершаться только въ Іерусалимскомъ храмѣ.

Кромѣ того различныя *политически-религіозныя партіи и секты*, появившіяся послѣ плѣна между іудеями, внесли особыя болѣзненные явленія въ богослужебную жизнь Израиля. Правда, эти партіи и секты не всѣ касались своєю разрушительною рукою установленнаго закономъ чина богослуженія, но за то всѣ являлись проводниками такого или инаго нравственнаго отношенія къ богослужебнымъ дѣйствіямъ. Изъ этихъ сектъ сравнительно большее значеніе имѣли *фарисеи и саддукеи*. Свѣдѣнія о тѣхъ и другихъ доставляютъ намъ главнымъ образомъ новозавѣтныя писанія и затѣмъ сочиненія современныхъ іудейскихъ писателей Іосифа Флавія и Филона.

Саддукеи, съ утратою вѣры въ будущность своего народа, съ переходомъ на сторону примирительной политики въ отношеніи къ иноземной власти,—затемнивъ въ

своёмъ сознаниі истинную идею теократіи и заглушивъ стоявшія въ тѣсной связи съ нею мессіанскія надежды, развивъ въ себѣ склонность къ раціонализму, певѣрію, скептицизму и нравственной легкости, отказавшись отъ вѣры въ бытіе высшаго духовнаго міра, въ будущую жизнь и въ будущее мздовоздаяніе, всѣмъ существомъ своимъ привязавшись къ благамъ настоящей жизни, поставивъ выше всего удовлетвореніе своихъ чувственныхъ потребностей, дошли до легкомысленнаго отношенія и къ религіозной обрядности и къ богоустановленному богослуженію вообще. Нормою своей жизни богослужебной они поставляли одинъ божественный законъ, понимаемый въ его строго-буквальномъ смыслѣ, при чемъ учили, что нужно соблюдать только точно узакопенное въ писаніи (*וּמִצְוֹתַי יִשְׁמְרוּ*), а все заимствуемое изъ преданія отцевъ не слѣдуетъ соблюдать (Jos. Fl. XII, 10, 6.). Отрицая преданія, они естественно во многихъ частяхъ религіозно-богослужебной жизни разошлись съ прочими іудеями, особенно съ фарисеями (*Mischna Sadaim* 4, 6—8). Многіе обряды, основывавшіеся на преданіи, были считаемы саддукеями за маловажные и какъ священники, они сами по временамъ въ храмѣ производили соблазнъ (*Mischna Suosa* 4, 9). Вообще богослуженіе іудейское во многомъ уже утратило для нихъ свой смыслъ, а иногда оказывалось стѣснительнымъ для ихъ чувственности, и потому не находило для себя въ ихъ средѣ должнаго вниманія и уваженія (Мѡ. 22, 23 и д. Дѣян. 4, 1; 5, 17; 23, 8. Ср. Мѡ. 12, 38 и д. 16, 1. 6. 11. Мр. 12, 18 и д. Лук. 20, 27, и д. Jos. Fl. Bell. iud. I; 5, 2. II, 8, 14. Antt. XIII; 5, 9. 10, 6. 15, 5. 16, 2. XVIII; 1, 3 (4) XX; 9, 1) *).

Фарисеи, полные горячей любви ко всему, что было чисто народнаго въ Израилѣ, полные безграничной преданности ко всѣмъ его идеаламъ, вѣрованіямъ, преданіямъ и

*) О Саддукеяхъ см. въ Библ. словарѣ Винера. (II р. 352—356), въ Энциклопедіи Герцога (XIII р. 289—297) и у Шольца (*Handb. d. Theol. d. alt. Bund.*)

обычаямъ, въ особенности къ религіознымъ, въ своей ревности, не руководствуемой свѣтомъ разума (Римл. 10, 2), дошли сначала до полного смѣшенія политики съ религіею (Мѡ. 22, 15—22), а въ самой религіи до смѣшенія всего того, что было существенно, съ тѣмъ, что имѣло только второстепенное значеніе или даже совершенно не имѣло никакой важности, а съ теченіемъ времени они уже вовсе упустили изъ виду первое и сосредоточили вниманіе на послѣднемъ (Мѡ. 23, 16—31.). Если у саддукеевъ мессіанскія вѣрованія были очень слабы, то у фарисеевъ они получили національно-политическій оттѣнокъ и вмѣстѣ съ симъ стали пониматься въ грубо-чувственномъ, плотскомъ смыслѣ или, содѣлывались предметомъ только теоретическихъ, отвлеченныхъ изысканій (Лук. 17, 20). Нормою религіозно-нравственной и частіе собственно богослужебной жизни своей фарисеи ставили не одинъ законъ Моисеевъ. Выходя изъ чувства ревности къ закону Божию, чувства, порожденнаго тяжкими страданіями и угнетеніями Вавилонскаго плѣна, затѣмъ усиленнаго и укрѣпленнаго по мѣрѣ распространенія въ средѣ Палестинскихъ іудеевъ грекоманіи (крайняго увлеченія всѣмъ греческимъ),—они не довольствовались уже писаннымъ словомъ Божиимъ, но не съ меньшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ принимали весьма многія устные преданія отцевъ или старцевъ (Мѡ. 15, 2. Ios. Antt. 13, 10. 6. *νομία πολλὰ τινα*). Къ этимъ преданіямъ они питали такое слѣпое пристрастіе, что даже позволяли себѣ дѣлать ради ихъ нѣкоторыя ограниченія, исключенія и искаженія въ самомъ божественномъ законѣ (Мѡ. 15, 4—6. Мр. 7, 11. Мѡ. 23, 16.). А это, конечно, не могло не отразиться болѣе или менѣе на всемъ строѣ ихъ богослужебной жизни (см. напр. постановл. о клятвѣ Мѡ. 23, 16 и дал.). Если саддукеи были холодны въ отношеніи къ религіозной обрядности, въ особенности непредписанной буквою Моисеева закона, то фарисеи, наоборотъ, въ ней только и видѣли существо богопочтанія, все рав-

но, основывалась ли она на законѣ, или на преданіяхъ старцевъ (Мѡ. 15, 2 и д.). Безжизненный, сухой формализмъ въ соединеніи съ лицемѣріемъ, строгая исполнительность по отношенію къ внѣшнимъ преданіямъ закона и преданіямъ старцевъ, безъ должнаго уваженія внутренней, нравственной стороны дѣла, отличали собою ихъ религиозную жизнь. Съ гордою самоувѣренностію они полагали, что уже одно плотское происхожденіе отъ Авраама и обрѣзаніе внѣшнее даютъ имъ право на участіе въ царствѣ Мессіи (Мѡ. 3, 9. Ср. Іоан. 8, 33.) и содѣлываютъ ихъ достойными предъ Богомъ и праведными. Они чтили память святыхъ пророковъ и праведниковъ, строя имъ гробницы и украшая ихъ памятники, но при этомъ такъ мало проникались духомъ пророческаго ученія, такъ мало имѣли общаго въ жизни своей съ праведниками, что способны и готовы были, по примѣру предковъ своихъ, избивать людей Божіихъ (Мѡ. 23, 29—34). Они много молились, но по большей части не сердцемъ, а только устами (Мѡ. 15, 1. 7. 8; 6, 5), только на показъ (Мѡ. 23, 14); много постились (Мѡ. 9, 14. Лук. 18, 12 и проч.), но только внѣшнихъ постомъ (Мѡ. 6, 16); строго хранили субботу, но покой ея понимали въ смыслѣ внѣшняго бездѣйствія (Мѡ. 12, 1 и дал. Лук. 6, 2 и дал.); въ точности исполняли законы о десятинахъ, простирая силу ихъ на все мелочи, какъ напр. на мяту, анисъ и тминъ (что не опредѣлено было въ законѣ), но при этомъ оставляли безъ исполненія важнѣйшее въ законѣ: справедливость въ судебныхъ дѣлахъ, милость или снисхожденіе въ отношеніи къ бѣднымъ, такъ напр. они не стѣснялись обижать вдовъ (Мѡ. 23, 14. 23. Лук. 11, 42); строго соблюдали они законы о чистотѣ, какъ въ отношеніи къ себѣ самимъ лично, неопустительно омывая въ извѣстныхъ случаяхъ руки, или и все свое тѣло, такъ въ отношеніи къ предметамъ бывшимъ у нихъ въ употребленіи (чашамъ и т. п.); избѣгали всячески соприкосновеній со всеми другими іудеями, не столь мелочно слѣдившими за соблюденіемъ зако-

новъ о левитской чистотѣ, за чтò и получили свое прозваніе «фарисеевъ», т.-е. «отдѣляющихся»,—какъ думаетъ Рейсъ (Богосл. энциклоп. Герцога, т. XI, стр. 500); но понимали всѣ эти законы о чистотѣ въ непосредственномъ буквальномъ ихъ смыслѣ, заботясь о чистотѣ не нравственной и духовной, а только тѣлесной и внѣшней (Мѡ. 23, 25. 26; 15, 1. и дал. Мр. 7, 3; Лук. 11, 35—41); вообще заботились объ исполненіи буквы закона, упуская изъ виду духъ его, во всемъ оцѣживали, по словамъ Спасителя, комара, а верблюда поглощали (Мѡ. 23, 24). Да и эта внѣшняя формальная исполнительность часто была рассчитана на другихъ, а потому простиралась только на открытыя и публичныя ихъ дѣйствія. Въ своей исполнительности по отношенію къ предписаніямъ закона они часто преслѣдовали цѣли совершенно стороннія для богослуженія, даже предосудительныя. Въ строгомъ соблюденіи обрядовыхъ предписаній закона и постановленій старцевъ они видѣли средство—пріобрѣтать вліяніе на простой народъ, пріобрѣтать уваженіе къ себѣ съ его стороны (Мѡ. 6, 2. 5. 16; 23, 5—7. Joseph. Fl. Antt. 13; 10. 5. 18. 1. 3. De bel. Iudd. 1, 5. 2) и затѣмъ достигать, при содѣйствіи толпы, власти въ синагогахъ и синагогахъ (Лук. 11, 43. Мѡ. 23, 6. 7. Дѣян. 5, 34). Правда, не всѣ фарисеи были таковы, встрѣчались между ними и люди добрые, благочестивые, какъ Никодимъ (Іоан. 3, 1), учитель Ап. Павла—Гамалиилъ (Дѣян. 5, 34), самъ ап. Павелъ и др. Но такихъ было очень не много; большинство же фарисеевъ отличалось вышеуказанными свойствами *).

Гораздо меньшее значеніе въ народѣ іудейскомъ имѣла секта *есеевъ*. Новый Завѣтъ о ней даже совсѣмъ и не упоминаетъ, какъбы во все не замѣчая ея присутствія, такъ что болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о ней мы имѣемъ только отъ тѣхъже іудейскихъ писателей,

---

*) О фарисеяхъ см. въ Библ. словарѣ Винера (II р. 244—248) и въ энциклопедіи Герцога (XI р. 496—509).

Иосифа Флавія (Antiqu. XIII, 5. 9. XV, 10; 4, 5. XVIII, 1; 2—6. De bell. iud. II; 8. §§ 2—13) и *Филона* (Quod omnis probus sit liber. Ed. Mang. 1742 vol. II p. 457 Fragm. apolog. Alex. iud. II p. 632) и римскаго писателя *Плинія Старшаго* (Hist. Natur. V, 17). Это была немногочисленная секта мистически-аскетическаго направленія, заключающая въ себѣ около времени Иисуса Христа до четырехъ тысячъ членовъ, которые въ пустынномъ уединеніи, большею частію близъ западнаго берега Мертваго моря, искали убѣжища отъ растлѣнныхъ городскихъ нравовъ, отъ шума мірскаго, отъ споровъ и борьбы партій, и не безъ воздѣйствія восточныхъ философовъ стремились, повидимому, осуществить въ своей жизни превратно понятые идеалы ваворейства и общества древнихъ сыновъ пророческихъ. Но эта ничтожная по своему числу и по своему положенію въ средѣ народа Божія секта, при нѣкоторыхъ добрыхъ стремленіяхъ своихъ, дозволяла себѣ гораздо болѣе другихъ сектъ произвола по отношенію къ божественнымъ установленіямъ.

Въ руководство своей жизни (между прочимъ и богослужбной) ессеи брали, правда, св. Писаніе; но они объясняли его аллегорически, иносказательно (*δὴα συμβολικόν*). Мало того, и св. Писаніе они принимали не одно, а вмѣстѣ съ тайными книгами, составлявшими исключительную принадлежность ихъ секты. Понятно, что при этомъ у нихъ должно было оказаться не мало уклоненій отъ богоустановленнаго богослуженія.

Въ гордомъ самоиѣннѣи, подобнаго которому нельзя было найти даже и между крайними фарисеями, ессеи, почитая себя только чистыми, отдѣлились отъ народа Божія, порвали почти всякую связь съ богоустановленною іерархіею и избѣгали всякаго общенія и соприкосновенія съ людьми непринадлежавшими къ ихъ обществу. Правда, они не отказывались принимать въ свое общество желающихъ. Но, принимая въ свою среду постороннихъ Иудеевъ, они не ограничивались требованіямъ того, чтобы всту-

пающій имѣлъ печать завѣта своего съ Іеговою въ обрѣзаніи и былъ преданъ богоданному закону; они подвергали прозелита (новообращеннаго) еще строгому трехлѣтнему испытанію, во время коего онъ долженъ былъ исполнять особые установленные обряды для достиженія надлежащаго очищенія и освященія. Цѣлый годъ онъ долженъ былъ прожить внѣ секты, ведя однакожь образъ жизни ея членовъ, совершая ежедневно установленныя омовенія и употребляя бѣлыя одежды. По прошествіи года, если испытуемый успѣвалъ показать воздержаніе, ему дозволялось участіе въ общемъ омовеніи водою въ теченіи двухъ лѣтъ. Послѣ сего слѣдовало торжественное принятіе въ общество. Испытанный произносилъ клятвенные обѣты, что пребудетъ навсегда вѣрнымъ ученію и уставамъ секты, будетъ стремиться къ извѣстнымъ добродѣтелямъ, будетъ строго соблюдать въ тайнѣ все совершающееся въ сектѣ, между прочимъ принадлежавшія ихъ сектѣ книги и извѣстныя ессеямъ имена авгельскія (De bell. II, 8. 7). Это была единственная клятва, которая дозволялась ессею или лучше требовалась отъ ессея; на всю остальную жизнь онъ обязывался безусловно не употреблять клятвы. По произнесеніи обѣтовъ, прозелитъ былъ допускаемъ къ сожитію и къ общимъ обѣдамъ (см. Прибавл. къ Твор. св. отцевъ ч. 24).

Но и послѣ такого продолжительнаго испытанія и очищенія,—нововступившій членъ не почитался столь же чистымъ, какъ и всѣ прочіе члены секты, не признавался вполне и во всемъ имъ равнымъ. Правда, ессеи, повидимому, выходя изъ ветхозавѣтнаго ученія объ образѣ Божиемъ въ человѣкѣ и о происхожденіи всѣхъ людей отъ одной четы, признавали высокое достоинство человѣческой природы во всѣхъ людяхъ, въ силу этого даже уничтожили рабство у себя, старались установить у себя равенство членовъ, ввели у себя обязательное общеніе имущества, учредили общую кассу подъ распоряженіемъ особыхъ попечителей (ἐπιμεληται), которые обязаны были удо-

влетворять всѣмъ вещественнымъ нуждамъ членовъ секты; установили общность труда, вслѣдствіе чего всѣ безъ исключенія по распоряженію попечителей обязаны были находиться на работѣ съ ранняго утра до поздняго вечера, прерывая занятія только для обычныхъ омовеній и обѣдовъ. И какъ омовенія эти, такъ и обѣды были общіе же; всѣ собирались въ одномъ общемъ зданіи за общій столъ и, тихо и скромно бесѣдуя о священныхъ предметахъ, подкрѣпляли себя одинаково скудною пищею. Но все это равенство, всѣ эти общія учрежденія носили социальный, граждански-общественный характеръ; въ религіозно-нравственномъ отношеніи члены секты не были равны между собою: они раздѣлялись по времени вступленія въ секту на четыре степени, одна отъ другой столь строго отдѣленная, что прежде поступившіе избѣгали соприкосновенія съ позднѣе поступившими, какъ съ нечистыми. Такую болѣзненную форму приняли пуританскія стремленія у ессеевъ.

Тѣже доведенныя до крайности и односторонне направленныя пуританскія стремленія, скрашенныя притомъ еще языческимъ колоритомъ, замѣтны и во многихъ другихъ особенностяхъ религіозно-нравственной жизни ессеевъ.

Такъ не остались безъ искаженій и безъ примѣси, по видимому, языческихъ заблужденій какъ самое представленіе ессеевъ о Богѣ, такъ и прямое выраженіе религіозныхъ отношеній къ Нему въ извѣстныхъ богослужбныхъ формахъ. Ессей признавали Бога за чистѣйшій свѣтъ, за тончайшую свѣтовую сущность, видимымъ отображеніемъ коей для нихъ было солнце. Вслѣдствіе этого они питали какое-то особенное суевѣрное уваженіе къ солнцу и воздавали ему извѣстнаго рода поклоненіе, напоминающее собою культъ солнца у Парсовъ (Neander. Kirchengesch. I p. 26. Aufl. 3). «До восхода солнца они не говорили ни о чемъ мірскомъ, а при самомъ восходѣ обращали свои взоры къ нему, вознося извѣстныя молитвы и гимны, принятые отъ отцевъ, по преданію,—какъ-

бы умоляя солнце о томъ, чтобы оно взошло и осіяло молящихся небеснымъ свѣтомъ».

Точно также и повидимому не безъ вліянія языческихъ же воззрѣній внесли ессеи суевѣрія въ пониманіе отношеній Духа Божія къ провозвѣстникамъ Его откровеній. Ессеи стремились быть пророками и искали дара пророческаго, но при этомъ для достиженія сего дара употребляли различныя внѣшнія средства, подобно языческимъ мантикамъ (разныя омовенія, механическое чтеніе Писанія и т. под.).

Языческій же оттѣнокъ, повидимому, носилъ на себѣ даже самый назорейскій аскетизмъ ессеевъ,—ихъ строгое воздержаніе, посты, безбрачіе. Ессеи имѣли дуалистическое воззрѣніе на матерію, какъ на злое начало, а на тѣло смотрѣли, какъ на темницу души; душа создана изъ тончайшаго ээира и только вслѣдствіе своего паденія заключена въ тѣло, отъ котораго и освободится навсегда съ смертію. Поэтому и безбрачію они отдавали безусловное предпочтеніе предъ брачнымъ состояніемъ.

Но ессеи не ограничились примѣсю языческихъ воззрѣній и обрядовъ къ богоустановленнымъ формамъ религіозной жизни,—изъ этихъ формъ они еще кое-что почти совершенно отвергли. Такъ, подъ вліяніемъ ли языческой теософіи, какъ думаетъ Шольцъ (Scholz, *Handb. der Theol. d. Alt. Bund. Erst. Abtheil. Regensb. 1861. p. 97*), вслѣдствіе ли неправильнаго пониманія обличительныхъ рѣчей пророческихъ, направленныхъ противъ чисто внѣшняго богослуженія, какъ думаетъ Юостъ (Gesch. d. *Jud. u. sein. sect. 1 Abth. p. 212*), или вслѣдствіе аллегорическаго объясненія постановленій закона Моисеева о богослуженіи (Herzfeld, *Gesch. d. Volk Israel 2 Bd. p. 374*), они почти совершенно отрѣшились отъ жертвеннаго богослуженія, совершавшагося въ храмѣ. Они посылали въ храмъ дары (*αχθῆματα*), но священныхъ обрядовъ тамъ не совершали, потому что предпочитали имъ очищенія, которыя у нихъ были въ обычаѣ. Посему къ общему жертвеннику не при-

ступали и священнодѣйствія совершали у себя» (Ant. XVIII, 1; 5). Такъ говоритъ Іосифъ Флавій. Подобное же говоритъ и Филопъ: «они служатъ Богу съ великимъ благочестіемъ, не посредствомъ принесенія въ жертву животныхъ, но освящая свой духъ» (р. 457), т.-е. вѣроятно *омовеніями* и быть можетъ тѣми *наставленіями*, которыя они, по Филону (р. 877—878), выслушивали въ *своихъ субботнихъ собраніяхъ* отъ старѣйшихъ членовъ. Еслибы и справедливо было такое объясненіе Филона, будто ессеи уклонялись отъ жертвоприношеній вслѣдствіе стремленія къ духовному богослуженію, то и въ такомъ случаѣ оно не могло бы вполне оправдать произвола ессеевъ. Но приведенное объясненіе Филона не можетъ быть признано вполне справедливымъ. У ессеевъ на ряду со многими довольно высокими нравственными понятіями и духовнымъ пониманіемъ многихъ предметовъ мы замѣчаемъ крайнее пристрастіе къ внѣшнимъ формамъ богослуженія. Въ мелочности, въ излишней заботливости о соблюденіи внѣшней законности ессей нисколько не уступали фарисеямъ, даже во многомъ превосходили послѣднихъ. Никто изъ Іудеевъ не соблюдалъ такъ строго субботы, какъ ессеи: въ этотъ день они не возжигали огня, не рѣшались передвигать съ мѣста на мѣсто какую-либо вещь и даже удовлетворяютъ естественной нуждѣ. Ессеи приписывали также какое-то особенное освящающее дѣйствіе омовенію въ холодной водѣ и омывались при всякомъ случаѣ, когда считали себя оскверненными; эти-то омовенія свои они ставили даже выше жертвоприношеній, возносимыхъ священниками въ храмъ. Помазаніе тѣла масломъ, столь употребительное и полезное на востокѣ, запрещалось у ессеевъ, какъ способное осквернять, и на кого по какому-либо случаю попадала хоть капля масла, тотъ долженъ былъ тщательно очистить себя отъ нея. Пищу, приготовленную другими, ессей не рѣшался ѣсть ни въ какомъ случаѣ. Война съ римлянами показала, что ессеи готовы были скорѣе умереть, чѣмъ уступить этому предразсудку.

Такимъ образомъ у ессеевъ смѣшивались истинная религіозность съ суевѣріемъ, внутренній, духовный характеръ религіозныхъ порывовъ сердца съ формализмомъ, съ фариисейскою мелочностію, съ неразумною, крайнею привязанностію къ внѣшней обрядности, тихая самососредоточенность съ самомнѣніемъ и высокоуміемъ *).

Подобное же искаженіе потерпѣли богоустановленныя богослужебныя учрежденія въ сектѣ еерапевтовъ. Еерапевты—это были такіе же сектанты изъ Иудеевъ, какъ и ессеи; это тѣже ессеи, только жившіе въ разныхъ мѣстахъ разсѣянія, главнымъ образомъ въ Египтѣ, особенно въ окрестностяхъ Александріи. О нихъ мы знаемъ изъ сочиненія Филона «о созерцательной жизни» (*περι βίου θεωρητικού*. Ср. отрывки у Евсевія Кесар. Церковн. Ист. въ русскомъ переводѣ кн. 2 гл. XVII, стр. 86—93). Отъ ессеевъ они отличались только своимъ болѣе созерцательнымъ характеромъ и преимущественно аскетическимъ, подвижническимъ образомъ жизни. Каждый изъ нихъ жилъ отдѣльно въ убогой хижицѣ, годной только для защиты отъ холода и зноя, употребляя въ пищу только хлѣбъ съ водою и солью, да и то уже по захожденіи солнца. Въ продолженіи всѣхъ шести дней недѣли еерапевты не занимались ничѣмъ инымъ, кромѣ созерцанія и углубленія въ предметы духовные. Затворничество еерапевтовъ прекращалось въ субботу, когда они, умащенные елеемъ, въ праздничной одеждѣ собирались въ одномъ общемъ зданіи, гдѣ старѣйшими предлагалось аллегорическое изъясненіе священнаго Писанія. Съ особенною торжественностію праздновали еерапевты седьмую субботу; въ это время у нихъ устраивалась общая трапеза, предваряемая чтеніемъ и изъясненіемъ священнаго Писанія и заключаемая поздно ночью общимъ плясаніемъ и пѣніемъ гим-

*) Объ ессеяхъ смотр. въ богослов. Энциклопедіи Герцога (Bd. VI, 174 и слѣд.), въ Приб. къ Твор. св. Отцевъ (част. 24) и въ „Богослов. Ветх. Завѣта“ Шольца.

повѣ, которые частію ими же самими были составляемы, въ разныхъ размѣрахъ и напѣвахъ съ приспособленіемъ къ тому приличнаго рима.

Возвышаясь надъ эссеями степенью своихъ аскетическихъ подвиговъ, еераневты во всемъ прочемъ сходились съ ними, такъ что богослужebная жизнь ихъ при нѣкоторыхъ добрыхъ чертахъ страдала тѣмиже недостатками *).

И. Пятницкій.

ДѢЙСТВІЕ МОЛИТВЫ.

Случай изъ сельской жизни.

Предлагаемый читателямъ рассказъ почти отъ слова до слова, какъ только можно было упомянуть, записанъ со словъ одного крестьянина, который давно живетъ въ Москвѣ, занимается ремесломъ и самъ хозяйничаетъ, но, по временамъ, какъ это большею частію случается съ крестьянами живущими въ Москвѣ, — потому что ихъ семьи большею частію остаются въ деревняхъ, — бываетъ на родинѣ и потому хорошо знакомъ съ жизнью рабочаго въ Москвѣ, и не вполне отсталъ отъ жизни деревенской. Въ первыхъ числахъ мѣсяца іюня, и именно въ то время, когда была холодная погода, онъ былъ у меня по своему дѣлу и между прочимъ на досугѣ, покуда я осматривалъ его работу, завелъ рѣчь о томъ, что теперь началось лѣто, а стоитъ такая холодная погода, и потомъ самъ же прибавилъ, что можетъ быть такая именно погода теперь и полезна и нужна. Умную рѣчь нельзя было не выслушать. Впрочемъ, я

*) О еераневтахъ см. въ богосл. Энциклопедіи Герцога (Band XXI, 609—611), въ Прибавленіяхъ къ Твор. св. Отцевъ (ч. 24) и въ „Богослов. Вѣтхаго Завѣта“ Шольца.

и по своему опыту знаю, что многіе изъ крестьянъ разсуждаютъ, особенно о дѣлахъ своего быта, очень разумно, и потому никогда не отказываюсь и побесѣдовать съ ними, и послушать ихъ. Я отвѣчалъ ему, что у насъ на кустахъ появился червь,—и можетъ быть, или онъ замретъ отъ холода, или его собьетъ съ деревьевъ вѣтромъ,—потомъ замѣтилъ, что вѣроятно червь есть вездѣ, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Россіи появилась саранча. Онъ спросилъ меня, чтò такое саранча; я какъ могъ растолковалъ ему, какого вида бываетъ саранча, какъ она легко и скоро плодится, какое множество ея бываетъ и т. д., и что средство противъ саранчи одно—истреблять заложенные ею въ землю яички и, если это во время не сдѣлано, давить ее, покуда она еще не развилась или оперилась. Это, сказалъ я, бичъ Божій, которымъ Богъ наказываетъ людей, за грѣхи ихъ! При этомъ мой собесѣдникъ неожиданно для меня замѣтилъ: „не даромъ у насъ въ деревняхъ, если случится что-нибудь такое недоброе, прежде помолятся Богу, и потомъ уже начнутъ дѣло дѣлать.“ Потомъ разсказалъ мнѣ то самое, чтò вы, читатель, видите предъ собою.

„Я родомъ изъ Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда, изъ одной деревни, которая отстоитъ отъ Москвы на сто пятьдесятъ верстъ. И наша деревня, и еще три сосѣднія деревни до царствованія императрицы Екатерины принадлежали Московскому Архангельскому Собору и состояли въ вѣдѣніи соборнаго ключаря; потому до настоящаго времени извѣстны подъ названіемъ „ключаревыхъ“. Въ нѣкоторыхъ домахъ нашей деревни до сихъ поръ, кажется, еще хранятся выданныя отъ соборнаго ключаря росписки въ полученіи оброка, хотя этому уже болѣе ста лѣтъ. Со времени императрицы Екатерины наши деревни стали считаться экономическими, потомъ поступили и остаются въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. Когда наши дѣды или прадѣды въ послѣдній разъ принесли оброкъ въ Архангельскій соборъ, ключарь собора далъ имъ въ видѣ благодар-

ности за бывшую исправность въ уплатѣ оброка, и кста-ти на память того, что они принадлежали Архангельско-му собору, икопу Грузинскія Божія матери, съ ручкою, какъ обыкновенно дѣлаются запрестольныя иконы Божіей матери, мѣрою въ вышину, какъ мнѣ представляется, не много менѣ аршина, въ ширину около трехъ четвертей. Гдѣ находилась икона эта въ Архангельскомъ соборѣ, я не знаю; и какое право имѣлъ ключарь собора отдать ее въ нашу приходскую церковь, объ этомъ вѣрно не разсуждали и наши прадѣды; мы знаемъ только, что икона была принесена къ намъ, и поставлена въ церкви и доселѣ почитается съ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ икона данная въ благословіе отъ московскихъ угодниковъ Божіихъ. Она у насъ теперь обложена ризою, стоитъ постоянно въ алтарѣ, и по желанію усердствующихъ выносятся изъ алтаря и славятся на особино устроенной для сего подставкѣ у лѣваго клироса. У насъ передъ этою иконою очень многіе и очень часто служатъ молебны, потому что усердствующіе всегда болѣе или менѣ испытываютъ на себѣ благодатное дѣйствіе молитвы предъ нею и всѣ молятся предъ нею съ особеннымъ усердіемъ и благоговѣніемъ. Эти подробности, какъ увидимъ послѣ, не излишны для нашего разсказа.

„Около десяти лѣтъ тому назадъ случилось въ нашихъ деревняхъ несчастіе: у насъ на поляхъ, гдѣ былъ засѣянъ ржакой хлѣбъ, во множествѣ появился какой-то крупный черный червь, и тамъ, гдѣ онъ успѣлъ засѣсть, зелень начала пропадать и поля, которыя были покрыты превосходными всходами, начали чернѣть. Что дѣлать? Вотъ, какъ вы сказали, когда появляется саранча, собираютъ со всѣхъ сторонъ крестьянъ и топчуть ее ногами, — вотъ и въ Москвѣ въ огородахъ червя, какъ я видѣлъ самъ, съ капусты собираютъ или отрясаютъ, и тѣмъ хотя сколько-нибудь спасаютъ капусту отъ порчи. Но у насъ противъ червя нельзя было сдѣлать ни того ни другаго. Топтать червя нельзя, затопчешь вмѣстѣ съ червемъ и остатки хлѣ-

ба; стрясать червя нѣтъ никакой возможности, потому что всю озимь по травкѣ перебрать нельзя; притомъ червь большею частію сидѣлъ въ землѣ и наружу выставлялась только головка червя. Итакъ наши старики порѣшили пригласить на слѣдующій день приходскаго священника,—онъ еще живъ и можетъ засвидѣтельствовать, что я рассказываю то, что было на самомъ дѣлѣ,—со чтимою у насъ, какъ я сказалъ, иконою Грузинскія Божіей матери, служить въ полѣ молебень. Всѣ, кто только могъ, на слѣдующій день отправились въ церковь, и оттуда, послѣ службы, взяли икону Грузинской Божіей матери и пошли съ крестнымъ ходомъ въ поле. Всѣ наши четыре деревни, потому что деревни небольшія, занимаютъ пространства, и съ полями, не болѣе одной или полуторы квадратной версты; значитъ не трудно было побывать на всѣхъ четырехъ поляхъ и обойти ихъ съ иконою кругомъ, какъ это водится обыкновенно въ деревняхъ. Дѣйствительно на всѣхъ четырехъ поляхъ отслужены были особые молебны, обошли съ иконою вокругъ всѣхъ четырехъ полей, и затѣмъ усердствующіе начали приглашать священника съ иконою къ себѣ въ дома и на дворы. Нельзя не сказать, что всѣ почти наши деревенскіе помолились съ усердіемъ; потому что бѣда предстояла не малая, безъ хлѣба не проживешь, а чужой хлѣбъ слишкомъ дорогъ для деревни. Что же? Подлинно изумительна милость Божія! Покуда икона Грузинской Божіей матери оставалась еще въ деревнѣ, именно въ то самое время, когда ходили съ молебнами по домамъ, неожиданно налетѣла небольшая туча съ громомъ и молніею и сильнѣйшимъ проливнымъ дождемъ. Сначала непонятно было, для чего нуженъ былъ прежде всего сильнѣйшій дождь; но когда съ иконою попли назадъ въ церковь, и вышли въ поле, скоро оказалось, что дождь былъ и полезенъ и нуженъ. Дождемъ, можно сказать, въ собственномъ смыслѣ улило землю настолько, что земля не могла впитать въ себя всей дождевой воды; всѣ тѣ норы и ячейки, въ которыхъ, какъ я

замѣтилъ уже, скрывался червь, наполнились водою, и червь весь вышелъ наружу. Но это еще не все: па крикъ галокъ и грачей; которыя первые прилетѣли на поле, собралось такое множество птицы,—галокъ, воронъ, грачей и скворцевъ, что весь червь вскорѣ былъ уничтоженъ и поле очищено. Конечно тамъ, гдѣ былъ червь, все уже было поѣдено, но куда червь не доходилъ, тамъ былъ прекрасный хлѣбъ и червь болѣе не появлялся. Не милость ли это Божія, не чудо ли это? Вѣрно Богъ пикогда не оставляетъ тѣхъ, кто самъ не забываетъ о Немъ, и избавляетъ отъ опасности тѣхъ, кто обращается къ Нему съ чистою и усердною молитвою. Матерь Божія и на сей разъ явилась нашею усердною ходатаицею и заступницею нашею,—и какъ намъ не молебствовать предъ иконою ея, давно уже, какъ я сказалъ, чтимою нами? Впрочемъ, по рассказамъ сторожниковъ деревенскихъ, подобныя случаи бывають нерѣдко, и я хотя человекъ малограмотный, но желалъ бы, — мнѣ кажется — это было бы полезно,—чтобы о подобныхъ случаяхъ милости Божіей и говорили и печатали какъ можно чаще. Такъ можетъ быть, прибавилъ онъ, и настоящій холодъ послужить въ пользу многимъ. Говорятъ, что у насъ хлѣба, а особенно травы, вдутъ хорошо!—

II. II.

С Л О В А

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА

НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Преосвященнѣйшаго Епископа Теофана.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЕ.

1) О странномъ днѣ Господнемъ и о будущемъ судѣ; какой это день Господень и кому открывается?

2) Онъ дѣйствуетъ въ насъ и прежде смерти; и открывается тѣмъ, въ коихъ дѣйствуетъ въ настоящей жизни.

3) Вѣра во Христа одна не можетъ насъ спасти, если не получимъ сознательно благодати Святаго Духа.

4) Какъ можно познать, что благодать Св. Духа получена? И толкованіе словъ: *Въ началѣ бѣ Слово.*

5) Ублаженіе тѣхъ, которые получили благодать Святаго Духа.

1) Велико и неудобобизъяснимо слово о будущемъ судѣ; такъ какъ касается не настоящихъ и видимыхъ вещей, но будущихъ и невидимыхъ. Почему и мнѣ, хотящему бесѣдовать о семъ, и вамъ, имѣющимъ слушать бесѣды мои, потребны многія молитвы, великое тщаніе и чистота ума, чтобъ могли мы,—я хорошо познать сей предметъ и изложить его вамъ въ бесѣдѣ, а вы со вниманіемъ выслушать, что будетъ говорено.

Предметъ настоящаго слова есть страшный день Гос-
часть II. 24

подень, который называется днемъ Господнимъ, не потому что есть послѣдній день дней сихъ, и не потому что въ него имѣеть приидти Господь, какъ говоримъ мы о дняхъ настоящаго времени: день Пасхи, день Пятидесятницы, день царской, въ который царь имѣеть выдти и дѣлать то и то. Но и днемъ суда называется онъ, не потому что въ него имѣеть быть судъ. Не будетъ тогда такъ,—чтобъ инымъ чѣмъ-то былъ день тотъ, и инымъ Тотъ, Кто имѣеть приидти въ него. Но Владыка и Богъ всяческихъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ имѣеть возсіять тогда сіяніемъ Божества, и блистаніемъ Владычнымъ закроется это чувственное солнце, такъ что его совѣмъ не будетъ видно, померкнутъ звѣзды, и все видимое свѣтается, какъ свитокъ, т.-е. отстранится, давая мѣсто Творцу своему. И будетъ одинъ Онъ—и день вмѣстѣ и Богъ. Тотъ, Кто теперь для всѣхъ невидимъ и живетъ во свѣтѣ неприступномъ, тогда для всѣхъ явится такимъ, каковъ есть во славу своей, и все исполнить свѣтомъ своимъ, и станетъ для Святыхъ своихъ днемъ невечернимъ и нескончаемымъ, преисполненнымъ непрестающей радости, а для грѣшниковъ и не-радивыхъ, подобно мнѣ, пребудеть совершенно неприступнымъ и незримымъ. Такъ какъ они, когда жили въ настоящей жизни, не потщились очиститься, чтобъ узрѣть свѣтъ славы Господа и Его самого пріять внутрь себя; то и въ будущемъ вѣкѣ по всей справедливости Онъ будетъ имъ неприступенъ и незримъ.

Ибо въ началѣ всеблагій Богъ, желая сдѣлать, чтобы благое было дѣломъ и собственно нашимъ, даровалъ прародителямъ нашимъ самовластіе (а чрезъ нихъ и всѣмъ намъ), чтобъ они исполняли заповѣди Божіи не съ печалію, или по необходимости, но по охотному произволению, съ радостію и усердіемъ, отъ любви къ Богу, и соблюдали ихъ со всѣмъ вниманіемъ, дабы потомъ было сочтено, что они стяжеваюсь добродѣтели собственными своими трудами; принося ихъ Владыкѣ Богу, какъ собственные дары, и посредствомъ ихъ стараясь достигнуть

совершеннаго образа и подобія Божія и приблизиться къ неприступному Богу, не бывъ пожжены и не умерши. Но поелику первозданные первые послушались врага діавола вольною волею и сдѣлались преступниками заповѣди Божіей; то не только лишились надежды высшаго и большаго, именно, приблизиться къ самому неприступному и немерцающему свѣту, но по причинѣ грѣха подпали тлѣнію и смерти, ввали въ мрачпѣйшій мракъ и сдѣлались рабами князя тьмы, діавола. Потомъ и мы, потомки ихъ, подчинились и поработились этому тиранну, не по принужденію какому или насилію, но по собственному желанію: чтѣ ясно показали тѣ, которые прежде Христа благоугодили Богу, предавъ волю свою Ему, Владыкѣ своему, а не діаволу.

Человѣколюбивый же Богъ, желая избавить отъ рабства діаволова всѣхъ тѣхъ, которые благоугодили Ему и прежде Христа и послѣ Христа, которые имѣють благоугодить до скончанія вѣка, благоволилъ содѣлать это самъ—Богъ всеильный и незлобивый. Того, кого создалъ собственными невидимыми руками по образу и подобію своему, восхотѣлъ Онъ возстановить въ то состояніе, изъ коего онъ ниспалъ, не чрезъ другаго кого, а чрезъ Себя самого, содѣлавшись человѣкомъ подобнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, чтобъ почтить и прославить паче родъ человѣческій. О, неизреченное человѣколюбіе и благодать! Не только не предалъ Онъ вѣчнымъ мукамъ насъ, преступившихъ заповѣдь Его, но какими мы содѣлались чрезъ преступленіе, такимъ благоволилъ содѣлаться и Онъ, т. - е., человѣкомъ тлѣннымъ и смертнымъ,—Онъ, сый нетлѣнный и безсмертный, и явился среди людей съ плотію обоженной, а не единымъ Божествомъ. И по какой причинѣ? По той, что пришелъ, *не да судитъ мірови, но да спасетя Имъ міръ*, какъ говоритъ это самъ Онъ во святомъ Евангеліи своемъ (Ин. 3, 17; 12, 47). Ибо явленіе Божества Его бываетъ судомъ для тѣхъ, кому являемо бываетъ. И никакая плотъ не могла бы снести славы Божества Его, еслибы Оно явилось

одно безъ человѣческаго естества, не бывъ, т.-е., соединено съ Нимъ неизъяснимымъ образомъ. Еслибы Божество явилось одно, то вся тварь исчезла бы совершенно; потому что тогда всѣ почти были погружены въ невѣріе. Божество же никому никогда не являлось безъ вѣры. Но еслибы и явилось Оно иногда кому безъ нея, то будетъ страшно и трепетно; ибо въ такомъ случаѣ Оно не просвѣщаетъ, а сожигаетъ, не животворитъ, а мучитъ. И это видно изъ того, что пострадалъ блаженный Павелъ; не просвѣтился онъ сіяніемъ онаго неприступнаго свѣта, облиставшаго его на пути, но омрачился паче, и потерялъ даже естественный свѣтъ очей своихъ, и не сталъ видѣть. Дивный Павелъ, имѣвшій быть великимъ учителемъ Церкви Христовой, который изрекъ потомъ: *Богъ рекій изъ тьмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ*; — и опять: *имамы же сокровище сіе* (т.-е. возсіяніе въ сердцахъ), — въ то время не могъ узрѣть и самонамалѣйшаго луча онаго свѣта.

2. Изъ сего вѣрно научаемся, что для тѣхъ, кои имѣютъ невѣріе и страсти, благодать Святаго Духа неприступна и незрима. Но для тѣхъ, которые показываютъ достойное покаяніе и начинаютъ исполнять заповѣди Христовы съ вѣрою, и вмѣстѣ со страхомъ и трепетомъ, она открывается и бываетъ зримою, и сама собою производитъ въ нихъ судъ несомнѣнно такой, какой имѣетъ быть, или лучше сказать, она бываетъ для нихъ днемъ божественнаго суда. Кто всегда сіяетъ и освѣщается сею благодатію, тотъ истинно видитъ себя самого, — что онъ такое есть, и въ какомъ жалкомъ состояніи находится, — видитъ тонкочашно всѣ дѣла свои, которыя совершалъ тѣломъ, и какія дѣйствовались только въ душѣ его. При этомъ онъ судится и возсуждается и божественнымъ огнемъ; вслѣдствіе чего, напаяемый водою слезъ, орошается по всему тѣлу, и мало-по-малу крещается весь, душею и тѣломъ, — божественнымъ онымъ огнемъ и Духомъ, становится весь чистымъ, весь — непорочнымъ, сы-

номъ свѣта и дня, и болѣе не сыномъ челоуѣка смертнаго. Почему таковой не будетъ уже судимъ на будущемъ судѣ, такъ какъ уже былъ судимъ прежде, ни обличаемъ онымъ свѣтомъ, потому что освѣтился имъ здѣсь прежде, и не увидеть въ оный огонь, чтобъ быть жегомымъ вѣчно, потому что вошелъ въ него здѣсь прежде и былъ судимъ, и думать не будетъ, что тогда только явился день Господень, потому что давно уже сталъ весь день свѣтлымъ и блестящимъ отъ соображенія и бесѣды съ Богомъ и пересталъ находиться въ мірѣ или съ міромъ, но весь всецѣло сталъ внѣ его. Такъ говоритъ Христосъ Господь во святомъ Евангеліи: *Азъ избрахъ вы отъ міра сего* (Ин. 15, 19); и божественный Павелъ: *аще быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были: судими же отъ Господи наказуемъ, да не съ міромъ осудимъ* (1 Кор. 11, 31); и опять въ другомъ мѣстѣ: *якоже чада свѣта ходите* (Еф. 5, 9).

Итакъ, которые содѣлались чадами свѣта и сынами будущаго дня, и могутъ всегда какъ во дни ходить благообразно, для тѣхъ никогда не придетъ день Господень, потому что они всегда съ нимъ и въ немъ находятся. Ибо день Господень явится не для тѣхъ, которые уже осязаются божественнымъ свѣтомъ; но онъ внезапно откроется для тѣхъ, которые находятся во тьмѣ страстей, живутъ въ мірѣ гомірски и любятъ блага міра сего; для нихъ явится онъ вдругъ, внезапно и покажется имъ страшнымъ, какъ огонь нестерпимый и невыносимый.

Огонь сей явится не весь духовно, но, какъбы сказать, безтѣлесно-тѣлесно,— такъ, какъ являлся Христосъ ученикамъ своимъ по воскресеніи. Евангелистъ говоритъ, что когда вознесся Господь на небеса, ангелы говорили ученикамъ: *вознесыйся отъ васъ на небо такожде придетъ, имже образомъ видѣсте его идуща на небо* (Дѣян. 1, 11). Если не будетъ такъ, то какъ возможно увидѣть Его грѣшникамъ, невѣрнымъ, еретикамъ и духоборцамъ, которые слѣпы душею и имѣютъ очи души своей загражденными

скверною невѣрія и грѣха? О семь св. Павелъ такъ писалъ къ Солунянамъ: *о лѣтѣхъ и о временѣхъ, братіе, не требъ есть вамъ писати: сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень якоже тать въ нощи, тако прїидеть. Егда бо рекуть: миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ вселубительство, якоже бользнь во чревь имущей, и не могутъ избѣжати. Вы же, братіе, нѣсте во тмѣ, да день васъ, якоже тать постигнетъ: вси бо вы сынове свѣта есте и сынове дне: нѣсны нощи, ниже тмы. Тъмже убо да не спимъ якоже и прочїи, но да бодрствуемъ и трезвимся. И нѣсколько ниже: яко не положи насъ Богъ въ гнѣвъ, но въ полученіе спасенія, да аще бдимъ, аще ли спимъ, купно съ Нимъ живемъ* (1 Сол. 5, 1—6. 9. 10).

3. Но, возлюбленне, слыша: *сынове есте свѣта и сынове дне*, не скажи въ помыслѣ своемъ, что мы, крещенные во имя св. Троицы, вѣрующіе во Христа и поклоняющіеся Ему, яко Богу, всеконечно есмы сыны свѣта и дня, во всякомъ случаѣ, хотя бы не чувствовали и не сознавали того въ себѣ въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, брате, не думай такъ, какъ я сказалъ, и не проводи остальнаго времени жизни твоей въ нерадѣніи. Но испытай себя самого съ точностію и помысли, сколько заповѣдей Господнихъ преступилъ ты послѣ крещенія, и сколько надѣлалъ грѣховъ, по причинѣ которыхъ отступила отъ тебя благодать Святаго Духа, и ты изъ сына свѣта и дня содѣлался сыномъ нощи, и сидишь во тьмѣ. И скажи въ себѣ самомъ: если теперь, когда я еще нахожусь въ мірѣ семъ, не вижу я свѣта божественной благодати и пребываю во тьмѣ; то навѣрное и послѣ смерти имѣю пребыть во тьмѣ же; и всеконечно, какъ тать въ нощи, придетъ на меня день Господень, и тогда внезапно обьметъ меня вѣчная пагуба. Такъ воистину есть, братія мои; пусть никто не обольщаетъ васъ суетными словами, и никто не надѣйся на одну вѣру во Христа. Слушайте, что говоритъ Апостолъ Іаковъ: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Якоже бо тѣло безъ*

духа мертво есть, тако и въра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. 2, 20. 26). Тѣ, которые исповѣдуютъ, что Христось истиненъ есть, и не соблюдаютъ заповѣдей Его, будутъ почтены не только отвергшимися Христа, но и презрѣвшими Его, и праведно будутъ осуждены паче тѣхъ, кои совсѣмъ не вѣдали Христа. Кто безчестить отца своего, какъ можетъ быть почитаемъ сыномъ ему? И кто удаляется отъ свѣта, какъ можетъ пребывать во свѣтѣ, какъ во дни? Нѣтъ, братіе мои, нельзя сему быть. Если кто станетъ говорить, что никто не можетъ исполнить всѣхъ заповѣдей, то да вѣдаетъ онъ, что ложно клевететь на Бога, будто Онъ заповѣдалъ намъ невозможное. Таковый будетъ осужденъ, какъ тотъ, кто сказалъ: *сѣдяхъ тя, яко жестоко еси человекъ: жнши, идъже не спялъ еси, и собираеши, идъже не расточилъ еси* (Мѡ. 25, 24),—и какъ діаволь, сказавшій Евѣ: вѣдалъ Богъ, что въ какой день вкусите вы отъ древа познанія, подобны Ему станете, того ради заповѣдалъ вамъ не вкушать отъ него (Быт. 3, 5). Ибо и онъ почитаетъ Бога лжецомъ, обманщикомъ и завистливымъ. Лжецомъ,—потому что, когда Господь сказалъ: *иго мое благо и бремя мое легко есть*, онъ не только говоритъ, что оно не легко, но еще утверждаетъ, что оно даже неподъятно; обманщикомъ и завистливымъ, потому что сошедши на землю, наобѣщавъ намъ многое, но дать ничего не хочетъ, а завидуетъ спасенію нашему, почему заповѣдалъ намъ соблюдать и дѣлать дѣла невозможныя, чтобъ мы не могли ихъ исполнить, и Онъ имѣлъ будто благословный предлогъ лишить насъ тѣхъ благъ, какія обѣщавъ. Но горе говорящимъ таковое, если не покаются! Владыка нашъ Христось ничего не заповѣдалъ намъ тяжкаго и неудобоисполнимаго, но всѣ заповѣди Его удобны и легки. Объясню вамъ это слѣдующимъ примѣромъ.

Нѣкто служилъ врагу и отступнику царя христіанскаго, одержавъ много побѣдъ надъ слугами сего царя, и былъ въ большой славѣ и чести у отступника онаго и у воинства его. Царь христіанскій посылалъ къ нему, при-

глашая возвратиться къ себѣ и общая великія милости даже до принятія его въ соучастіе въ царствованіи; но тотъ не только не соглашался перейти къ царю, а напротивъ устроялъ еще сильнѣйшія нападенія на него. Съ продолженіемъ однакожь времени, въ одинъ день пришелъ онъ въ себя самого, раскаялся во всемъ содѣланномъ, и принялъ намѣреніе бѣжать и самому по себѣ придти къ царю, разсуждая съ собою, что хотя доселѣ не слушался царя, приглашавшаго меня придти къ нему, при всемъ томъ вѣрую, что если приду къ нему теперь, то онъ не вмѣнитъ мнѣ, что я столько времени запоздалъ приходомъ къ нему; ибо онъ, какъ слышу, очень снисходителенъ и человѣколюбивъ, почему навѣрно проститъ и меня и исполнитъ все, что обѣщалъ прежде. Какъ задумалъ онъ это въ своемъ умѣ, такъ и дѣломъ совершилъ: тотчасъ поднялся и пошелъ къ царю, и пришедши припалъ къ ногамъ его, со слезами прося прощенія. Тогда добрѣйшій тотъ царь принялъ его, паче чаянія его, съ величайшею радостію, дивясь перемѣнѣ его и смиренію, что вмѣсто того, чтобъ представиться съ притязаніями и требовать почестей за то, что показалъ такую къ нему любовь и вѣру, онъ, оставя его врага и пришедши къ нему, самъ лежитъ у ногъ его, плача и сокрушаясь сердцемъ, что такъ поздно возвратился и надѣлалъ прежде столько золь. Почему, поднявъ его, палъ на выю его и долго цѣловалъ его и очи его полныя слезъ; потомъ повелѣлъ принести вѣнецъ, царскую одежду и обувь,—все какъ у него самого, и облекъ во все это самъ его, прежняго врага своего и противника; совершенно ни за что не упрекалъ онъ его изъ того, что онъ надѣлалъ, но радовался и веселился съ нимъ день и ночь, обнималъ его и цѣловалъ въ уста, и такую возымѣлъ къ нему любовь, что даже и когда спать отходилъ, не разлучался съ нимъ, но ложился вмѣстѣ съ нимъ, отвсюду окутывая его царскими покровами и блюдя его какъ зеницу ока. Подобно сему и то, что дѣлаетъ съ нами Богъ; подобнымъ же образомъ и человѣколюби-

вый Богъ пріемлетъ и возлюбяетъ тѣхъ, которые каются отъ всей души, бѣгутъ отъ міра прелестнаго и отъ міродержителя діавола и приходятъ къ Нему, истинному царю и Богу, обнажившись отъ всѣхъ вещей міра сего. И все сіе совершается легко. Если бываетъ что тяжело тутъ для иныхъ, такъ это—оставить врага Божія діавола, и всѣ сатанинскія дѣла его, со всѣми мнимыми благами міра сего, коими онъ прельщаетъ ихъ быть вмѣстѣ съ нимъ. Но тутъ совсѣмъ нѣтъ и слѣда возвращенія къ Богу. Вотъ я, повѣрьте слову моему, когда прибѣгъ къ Богу Спасителю моему, не встрѣтилъ ничего скорбнаго, или тяжкаго и неподъятнаго; но,—если уже говоритъ вамъ правду и открытъ любви вашей то, что я не хотѣлъ никому открывать, чтобъ доставить нѣкоторымъ изъ васъ хотя малую какую пользу,—когда имѣлъ я скорбь, тѣсноту и такъ именуемое злостраданіе, тогда наипаче ощущалъ, что все это производило мнѣ вѣдшую радость и отраду, чрезъ откровеніе и явленіе при семъ лица Божія,—такъ что во мнѣ совершалось то, что говоритъ св. Павелъ: *легкое печали нашея тяготу славы сдѣлываетъ намъ* (2 Кор. 4, 17), и что говоритъ Давидъ: *въ скорби распространилъ мя сн* (Пс. 4, 2). Отъ этой радости я ни во что вмѣнялъ скорби и искушенія, находившія на меня, взирая не на будущую, но на настоящую славу Господа нашего Иисуса Христа, какая проявлялась тогда тотчасъ во мнѣ благодатію Святаго Духа. Отъ созерцанія и причастія сей славы ни во что вмѣнялъ я самыя смертельныя боли и всякую другую скорбь, болѣе несносную изъ всего, что можетъ найдти на человѣка съ болѣзнованіемъ и страданіемъ многимъ, забывая всякое мучительное томленіе тѣла моего. Отъ сего же созерцанія и причастія славы Христовой сталъ я почитать бремя заповѣдей легкимъ и иго Христово благимъ. Печаль же великую и невыносимую имѣлъ я только о томъ, — повѣрьте мнѣ,—что не находилъ благословной причины умереть любве ради Христовы.

Итакъ, братіе мои возлюбленные, оставимъ все и побѣжимъ нагими, прибѣгнемъ ко Владыкѣ Христу и, припадши къ стопамъ Его, восплачемся предъ благо-
стышею Его, чтобы и Онъ, видя вѣру нашу и сми-
реніе, принялъ насъ такъже и даже лучше, чѣмъ сказан-
ный царь своего врага, почтилъ насъ и украсилъ соб-
ственной одеждою и вѣнцемъ своимъ, т.-е. славою своею,
и сдѣлать достойными небеснаго брачнаго чертога своего.
Ибо убѣжать отъ царя тлѣннаго, и опять возвратиться къ
другому царю тлѣнному же и удостоитья получить часть
въ царствованіи земномъ, не одипаково съ тѣмъ, что я
говорю, т.-е., съ тѣмъ, чтобы взойти отъ земли на небо,
получить славу вѣчную и царство нетлѣнное, и содѣлать-
ся общникомъ Бога и сонаслѣдникомъ царства Его, и не
только царемъ, но и Богомъ по благодати, и вѣчно ра-
доваться съ Богомъ. Не будемъ же, братіе, прошу васъ,
предпочитать сему ничего временнаго и земнаго, чтобы
не лишиться славы и утѣшенія Христова, но поревнуемъ
очистить себя, чтобы еще здѣсь пріять залогъ царствія
небеснаго или, лучше сказать, поревнуемъ стяжать самого
Бога, Царя всяческихъ, въ коемъ всякое для всѣхъ благо.

4. Посему надлежитъ намъ съ точностію испытать са-
михъ себя, стяжали ль мы Господа Иисуса Христа внутрь
себя, дабы уразумѣть, дана ли и намъ, получена ли и нами
отъ Него *власть*, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ, *ча-*
дами Божіими быти (Ин. 1, 12). И да внимаешь всякъ
словесамъ святыхъ Писаній, да вникаешь добрѣ и въ самого
себя, чтобы не подпасть тщетной лести, и не стать почи-
тать себя вѣрнымъ, а послѣ не оказаться невѣрнымъ. Ибо
возможно, почитая себя имѣющимъ въ себѣ Христа, выдти
изъ настоящей жизни пустымъ отъ Него и быть осуждену,
какъ, ничего не имѣющему, съ лишеніемъ и того, еже
мнится имѣти, и ввержену въ огонь геенскій. Но откуда
можемъ узнать, имѣемъ ли мы въ себѣ Христа, и какъ мо-
жемъ изслѣдовать самихъ себя въ семъ отношеніи до
точности? Такъ: возьмемъ слова божественнаго Писанія,

положимъ ихъ предъ душами нашими, какъ зеркало, и стапемъ сличать съ ними во всемъ самихъ себя; тотчасъ и познаемъ, что такое мы воистинѣ. Но внеслите, прошу васъ, и съ помощію Бога, дающаго слово во отверженіе устъ монахъ, я изъясню вамъ нѣсколько, какимъ образомъ можемъ мы узнать, имѣемъ ли мы въ душахъ своихъ Христа?

Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ Томъ животѣ бѣ и животѣ бѣ свѣтъ челоукомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтитя, и тма его не объятъ (Ин. 1, 1—5). Говоря такъ, Іоаннъ Богословъ открываетъ таинство нераздѣльныхъ Троицы, и Богомъ называетъ Отца, Словомъ—Сына, жизнью—Духа Святаго, Который есть и свѣтъ; и опять всѣ три лица: Отецъ, Сынъ и Духъ суть единый свѣтъ, который свѣтитъ во тмѣ, т.-е. въ мірѣ семъ. Ибо Богъ присущъ всюду, во всей цѣлости бытія, и будучи свѣтомъ, все просвѣщаетъ, и тьма его не объемлетъ, т.-е. нечистота грѣховная отнюдь не приближастся къ Нему. Міръ не препятствуетъ Ему свѣтитъ и просвѣщать, но и не позналъ Его, и не обрѣлъ Его, и не узрѣлъ Его. Почему Іоаннъ Богословъ, чтобъ яснѣе это представить, прибавляетъ далѣе: *бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго челоука грядущаго въ міръ. Въ міръ бѣ, и міръ Тьма бысть, и міръ Его не позна* (— — 9. 10). Отъ начала, говоритъ, былъ всюду Богъ, который просвѣщаетъ и животворитъ всякаго челоука, грядущаго въ міръ. И прежде созданія міра былъ Онъ. И все было у Бога, прежде проявленія въ бытія. Потомъ, когда создалъ Богъ чувственный міръ сей, то не отдалился отъ него мѣстомъ, потому что естъ вездѣ сый и вся исполняя; но изъ всего сущаго въ мірѣ, ничто не приблизилось къ Нему по естеству и славѣ божества Его. Богъ, будучи не отдаленъ отъ всего сущаго, явно есть во всемъ, и однакожь никто не знаетъ Его, какъ говоритъ Господь нашъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ,*

и емуже волитъ Сынъ открыти (Мѡ. 11, 27). Итакъ Богъ, который былъ въ мѣрѣ и не былъ познаваемъ отъ него, пришелъ, говоритъ, *во своя, и свои Его не пріяша*. Своими называетъ Онъ мѣръ и людей, сущихъ въ мѣрѣ, и потому, что есть Творецъ и Владыка ихъ, и по сродству, въ какое вступилъ съ людьми чрезъ свое вочеловѣченіе. Размысли же добръ о томъ, что мы сказали, и познай, что Богъ-Слово, въ началѣ сый у Бога и Отца, имѣющій жизнь въ Себѣ и все создавшій, и сущій свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, Онъ самый, который былъ прежде бытія міра и создалъ мѣръ, который есть въ мѣрѣ и не познается міромъ и не объемлетъ имъ, — Онъ пришелъ въ мѣръ и содѣлался человѣкомъ, да явится яко Богъ и познается, какъ есть, тѣмъ, кои приѣмлютъ Его, яко Бога съ вѣрою и соблюдаютъ заповѣди Его. Почему св. Евангелистъ и говоритъ: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже ни отъ крове, ни стъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. И Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Ин. 1, 12 — 14). На-те! Вотъ вамъ зеркало, о коемъ я сказалъ прежде,—эти самыя слова! И посмотрите, прошу васъ, какая точность въ словахъ Евангелиста! Какъ ясно обозначаетъ онъ признаки, по коимъ познаются вѣрные, чтобъ мы и самихъ себя могли познавать, и ближнихъ своихъ! *Елицы же*, говоритъ, *пріяша Его*, разумѣется, посредствомъ вѣры, и исповѣдали Его Богомъ, а не человѣкомъ только, *даде имъ область* чрезъ крещеніе *чадами Божиими быти*, освободивъ ихъ отъ тиранства діавола; такъ чтобъ они не только были вѣрными, но, если восхотятъ жить и по заповѣдямъ Его, чтобъ къ вѣрѣ притяжали и святость чрезъ дѣланіе заповѣдей Его, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Господь: *святи будите, яко Азъ святъ есмь* (Лев. 19, 2). И опять: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ естъ* (Лук. 6, 36). Потомъ

Евангелистъ показываетъ и способъ, какъ таковыя дѣлаются чадами Божиими, говоря: *иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася*. Рожденіемъ здѣсь называетъ онъ духовное измѣненіе, совершающееся и узрѣваемое чрезъ крещеніе Духомъ Святымъ, какъ говоритъ самъ неложный Господь: *Иоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5). Посему крещаемые Духомъ Святымъ бывають, какъ свѣтъ во свѣтѣ, и знаютъ Родившаго ихъ, потому что видятъ Его. А что рожденные благодатію Святаго Духа имѣють пужду быть питаемыми и святымъ причащеніемъ пречистаго тѣла и честныя крови Господа нашего, о семъ послушай, что говоритъ Евангелистъ: *и Слово плоть бысть и вселися въ ны*. И что слова сіи говорятъ о пречистыхъ тайнахъ, послушай Господа, который говоритъ: *ядый Мою плоть и пійай Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ Немъ* (Ин. 6, 56). Когда же родимся мы духовно благодатію Святаго Духа, и содѣлаемся чадами Божиими, и чрезъ причастіе пречистаго тѣла и честныя крови Господа вселится въ насъ и станетъ обитать, какъ Свѣтъ, Христось, Сынъ и Слово Бога воплотившееся; тогда послѣдуетъ и сіе: *видѣхомъ славу Его, славу, яко Единороднаго отъ Отца*. Ибо когда родимся мы духовно отъ Него, когда Онъ вселится въ насъ чрезъ тайны и мы станемъ сознательно пребывать въ Немъ; тогда въ тотъ самый часъ, какъ будетъ сіе въ насъ, вдругъ узрѣваемъ мы славу божества Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, т.-е. такую, какой никто другой не имѣетъ, ни ангелъ, ни человѣкъ. И посліку Отецъ и Сынъ Его единородный едино суть, то явно, что и слава Ихъ обоихъ едина есть, каковая открывается и познается (вѣдомою дѣлается) всѣмъ, кому хочетъ Сынъ, чрезъ Святаго Духа, отъ Отца исходящаго.

Итакъ, братія мои, пусть всякой добрѣ вникнетъ въ силу словъ сихъ, и по нимъ испытаетъ себя самого, -- пріялъ ли Бога-Слово, пришедшаго въ міръ, и содѣлался

ли чадомъ Божіимъ,—точно ли родился не отъ плоти только и крови, но и отъ Бога, позналъ ли, что воплотившійся Богъ - Слово вселился въ него, и увидѣлъ ли славу Его, *славу яко Единороднаго отъ Отца*. Въ комъ все сіе совершилось, тотъ воистину христіанинъ есть; онъ видитъ себя вновь рожденнымъ свыше, и знаетъ Отца, родившаго его не словомъ только, но и дѣломъ благодати и истины. Станемъ, братія мои, предъ симъ зеркаломъ истины, и будемъ избѣгать вреднаго и еретическаго ученія тѣхъ, которые говорятъ, что нынѣ не открывается въ насъ вѣрующихъ слава Господа Іисуса Христа благодатию Св. Духа. Ибо благодать дается съ откровеніемъ симъ; и откровеніе сіе дѣйствуется благодатию. Почему ни Духа Святаго не приемлетъ никто безъ того, чтобъ Духъ не открывался и не зримъ былъ умными очами, ни откровенія такого не узрѣваетъ никто, не бывъ просвѣщенъ благодатию Святаго Духа. Даже и вѣрнымъ не можетъ называться тотъ, кто не получилъ благодати Св. Духа. Христось Господь говорилъ самарянинъ: *пійи отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Ин. 4, 14). *Сіе же*,—какъ замѣчаетъ Евангелистъ, по случаю слова Господа о питіи воды отъ Него въ другомъ мѣстѣ,—*рече Господь о Дусѣ, егоже хотяху приимати вѣрующіи во имя Его* (Ин. 7, 39). Видишь ли, что тѣ, которые не имѣютъ Духа Святаго, такъ чтобъ Онъ дѣйствовалъ и глаголалъ внутрь ихъ, не суть вѣрные? Ибо неложень Христось, который грѣха не сотворилъ и въ устахъ котораго не обрѣтется ложь. Почему если Христось говорить, что дастъ Духа вѣрующимъ въ Него, то никакого нѣтъ сомнѣнія, что неимѣющіе Духа не суть вѣрующіе въ Него отъ чистаго сердца.

Если же кто станетъ говорить, что каждый изъ насъ вѣрующихъ получилъ и имѣетъ Духа, хотя не сознаетъ и не чувствуетъ того, таковой богохульствуетъ; такъ какъ представляетъ дживымъ Христа, который сказалъ: *будетъ въ*

немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный,—и еще: *вѣруй въ мя, рѣки отъ чрева его истекуть воды живы* (Іоан. 7, 38). Итакъ, если источникъ ключъ бьетъ, то навѣрное рѣка, исходящая изъ сего источника и текущая, видима бываетъ для имѣющихъ очи. Но если и это (будемъ говорить въ тонѣ тѣхъ, которые такъ мудрствуютъ) дѣйствуется въ насъ, а мы ничего такого не чувствуемъ и не сознаемъ въ себѣ, то явно, что мы совсѣмъ не будемъ чувствовать и жизни вѣчной, которая бываетъ слѣдствіемъ того, и не увидимъ свѣта Духа Святаго, но пребудемъ мертвы, слѣпы, безчувственны и въ будущей жизни, какъ пребываемъ въ настоящей. Такимъ образомъ выйдетъ, что надежда наша тщетна и теченіе наше—попусту, если мы все еще въ смерти, т.-е. остаемся мертвы духомъ и не воспринимаемъ чувства вѣчной жизни. Но не такъ есть во истинѣ, не такъ. Но что я говорилъ не разъ, скажу и еще, и не перестану говорить: свѣтъ Отець, свѣтъ Сынъ, свѣтъ Духъ Святой; триє сін—единъ свѣтъ, безвременный, нераздѣльный, неслиянный, вѣчный, не созданный, неоскудѣвающій, неизмѣримый, невидимый, поколику есть и помышляется сущимъ внѣ и превыше всего, — котораго ни одинъ человекъ не могъ никогда увидѣть, прежде очищенія, и не могъ получить прежде узрѣнія. Ибо прежде надлежитъ увидѣть его, и потомъ многими подвигами стяжать; такъ какъ многіе видали, но не стяжали, подобно тѣмъ, которые удостоиваются увидѣть великое и безмѣрное богатство въ царскихъ сокровище - хранильницахъ, и потомъ отходятъ ни съ чѣмъ, какъ и прежде были. Въ началѣ многократно находитъ божественное просвѣщеніе и осіяніе на тѣхъ, которые каются съ теплотою сердца, но скоро и отходить. И если они владутъ себя всѣхъ всецѣло въ подвиги даже до смерти, и възвуть сего просвѣщенія съ болѣзнію сердечною, и представляютъ себя Христу Господу достойными, чистыми, непорочными во всѣхъ дѣлахъ, то снова получаютъ его, и оно пріидетъ опять къ нимъ бо-

лѣ совершеннымъ. Если же они вознерадятъ и не захотятъ вдатъ себя въ большіе труды по причинѣ живолюбія и поколюбія своего, то бывають недостойны такого дара и не входятъ въ животъ вѣчный (не воспріимлютъ начатковъ его) теперь, пока еще въ тѣлѣ находятся; не вошедши же теперь,—явно, не сподобятся сего и по смерти, въ другой жизни. Если тотъ, кто, получивъ талантъ, скрылъ его, подвергся осужденію за то, что не преумножилъ его; то сколь большому подпадетъ осужденію тотъ, кто не только не преумножилъ, но и совсѣмъ потерялъ полученное имъ по перадѣнію своему? Итакъ здѣсь, какъ говорить божественное Писаніе, торжище, здѣсь подвиги, и состязанія. Здѣсь даются побѣдителямъ, какъ залогомъ, вѣнцы побѣдные; равно какъ и для побѣжденныхъ здѣсь полагается начало ихъ посрамленію и мученію.

Приведи себѣ на память сорокъ мучениковъ и всѣхъ другихъ страдальцевъ за Христа. Они подтверждаютъ то, что я говорю. Сорокъ мучениковъ, еще находясь въ озерѣ, получили изъ рукъ Христовыхъ вѣнцы мученическіе; а тотъ, вошедшій въ баню, тотчасъ будто растоился отъ тепла, и пошелъ въ огонь вѣчный на мученія. Также св. Евстратій, предивный въ добродѣтеляхъ мужъ, когда былъ мучимъ за любовь Христову, говорилъ: теперь я позналъ, что храмъ Божій есмь, и Духъ Божій живетъ во мнѣ. Отойдите отъ меня дѣлатели беззаконія! А къ мучителю, судившему его, сказалъ: еслибъ ты былъ здравъ умомъ и душа твоя не была вся—земля и персть, по причинѣ страстей, я показалъ бы тебѣ, что сей распятый Христосъ есть Спаситель, Искупитель и Благодѣтель нашъ. Видишь ли, какъ сей святой, когда вошелъ въ подвиги мученичества и началъ переносить терзанія въ борьбѣ своей, тогда позналъ себя самого, что онъ есть храмъ Божій, и сталъ видѣть умными очами души своей, что Духъ Божій ошутительно обитаетъ въ немъ. Какое другое свидѣтельство могло бы быть яснѣе этого? Если иные скажутъ,

что то были мученики, претерпѣвшіе такіа и такіа страданія за Христа, и намъ какъ можно уподобиться имъ? то скажу и я такимъ, — что и вы сами, если захотите, можете каждодневно проходить подвигъ мученичества, подобно мученикамъ, можете страдать и терпѣть за Христа каждый день, каждую ночь и каждый часъ. Какъ же это можетъ быть? Если и вы установите брань съ мысленными врагами нашими—демонами, и будете всегда противостоять грѣху и страстной волѣ своей. Тѣ противостояли мучителямъ, а вы противьтесь демонамъ и пагубнымъ страстямъ плотскимъ, кои тираннически устремляются на душу нашу, каждый день, каждую ночь и каждый часъ, и понуждаютъ насъ дѣлать то, что несообразно съ Богочестіемъ и чѣмъ прогнѣвается Богъ. Итакъ, если и мы противостоянемъ всему такому, не послушаемся совѣтовъ лукавыхъ демоновъ и не станемъ творить волю плоти и помышленій и питать ее удовлетвореніемъ ея безчищныхъ похотѣній, то по всей справедливости будемъ и мы мучениками, противовоюющими грѣху. И если, противясь діаволу, будемъ охотно переносить всякій трудъ ради заповѣдей Христовыхъ, какъ мученики, противясь мучителямъ, переносили за Христа нестерпимыя страданія, и при этомъ, приводя на память мученія и раны поднятыя мучениками, будемъ стеною воздыхать изъ глубины сердечной, помышляя, какъ далеки мы отъ подвиговъ ихъ, и скорбя, что не удостоены подобно имъ пострадать за Христа: то несомнѣнно удостоимся получить вѣнцы, подобныя ихнимъ, по великой благости Бога, которую Онъ всегда являлъ и являетъ намъ отъ начала и доселѣ. Ибо хотя при этомъ мы не будемъ подобны имъ въ мужествѣ, но всячески можемъ уподобиться имъ въ терпѣніи и благодушіи, съ какими переносить будемъ труды и болѣзни, испытываемыя въ видахъ соблюденія заповѣдей Христовыхъ. Они освятились подвигами мученичества, а мы надѣемся спасены быть ради добрыхъ дѣлъ и подвиговъ, какіе проходимъ для стяжанія добродѣтелей, — все-

цѣло по челоуѣколюбію и благодати Божіей; они освятились мученическими потами и болѣзнями, а мы—слезами и подвигами покаянія; они — чрезъ изліяніе крови своей, а мы—чрезъ отсѣченіе воли своей и рѣшимость на смерть, по коей готовы были бы каждочасно умереть ради заповѣди Господа, не допуская себя преступить какую-либо изъ нихъ даже единымъ словомъ.

Посему и мы всѣ, братія мои, должны презрѣть настоящее, какъ и мученики; потому что никому невозможно получить нетлѣнное, если онъ не вмѣнитъ въ уметы тлѣнное, ни стяжать вѣчное, если онъ прилѣпленъ къ временному; никто также изъ обладаемыхъ въ сердцѣхъ какою-либо страстію, хотя бы то малѣйшею, не можетъ имѣть живущимъ въ себѣ Христа благодатию св. Духа: ибо Богъ свѣтъ есть, какъ говоритъ самъ Онъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). Если можетъ быть, ты думаешь, что Христосъ есть свѣтъ по плоти, то, по твоему, выйдетъ, что когда Христосъ вознесся на небо и скрылся, тогда и свѣтъ отдалился отъ учениковъ Его, а слѣдовательно и отъ насъ, и весь міръ остался во тмѣ. Если же исповѣдуешь, что Онъ есть свѣтъ міра по Божеству, то какъ думаешь, что Онъ въ тебѣ есть, и говоришь, что не видишь Его? Если скажешь, что Духъ святой въ тебѣ заслоняется страстями, то дѣлаешь Бога описуемымъ и преобладаемымъ отъ зла и тмы, сущихъ въ тебѣ: ибо злоуміе и страсти и безъ дѣлъ грѣховныхъ суть тма. Итакъ, кто говоритъ, что имѣетъ въ сердцѣ своемъ свѣтъ покрытымъ тмою страстей и потому не видитъ его, тотъ утверждаетъ, что свѣтъ (Божій) преобладается тмою (человѣческою), и доказываетъ, что лжетъ Духъ святой, который говоритъ чрезъ Евангелиста Іоанна: *и свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, и тма его не обзятъ*. Духъ святой говоритъ, что свѣтъ не преобладается тмою, а ты говоришь, что онъ въ тебѣ покрывается тмою страстей? Познай же ты, говорящій сіе, кто бы ты ни былъ, что явно грѣшишь въ вѣдѣніи; ибо, если сознаешься, что тма страстей по-

крываетъ находящійся въ тебѣ свѣтъ, то прежде всего другаго себя самого обличаешь, самъ о себѣ удостовѣрительно говоря, что сидишь во тмѣ и состоишь подъ властію страстей, и при всемъ томъ, что пріялъ область чадомъ Божиимъ быть, т.-е. чадомъ свѣта и сыномъ дня, лежишь въ праздности и бездѣйствіи во тмѣ страстей, не хочешь восподвизаться въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ и разогнать тму страстей, но презираешь Христа, съ небесъ сошедшаго и ради твоего спасенія содѣлавшагося человѣкомъ, и оставляешь Его лежать въ нечистомъ сердцѣ твоёмъ, какъ въ нѣкоемъ блатѣ. Посему вотъ что говоритъ тебѣ свѣтъ, т.-е. Христось: отъ устъ твоихъ сужду тя, рабъ лукавый. Я, неприступный и для Ангеловъ, пришелъ,—какъ ты говоришь,—и вселился въ тебя; и ты это знаешь, а между тѣмъ оставляешь Меня лежать погруженнымъ во тму твоихъ страстей и грѣховъ, какъ самъ же опять говоришь. Столько времени я терпѣлъ ожидая, что вотъ-вотъ покаешься и начнешь творить заповѣди Мои, а ты до самаго конца не восхотѣлъ ни разу взыскать Меня и ни однажды не сжалился надо Мною, потопляемымъ и утѣсняемымъ въ тебѣ, и недалъ Мнѣ, возжегши свѣтъ Мой въ тебѣ, обрѣсть тебя,—драхму потерянную, и сдѣлать, чтобъ ты узрѣлъ Меня, какъ Я взираю на тебя, но оставилъ меня всегда быть покрытымъ страстями твоими. Отойди же отъ Меня, дѣлатель беззаконія, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Я алкалъ обращенія твоего и покаянія, но ты не далъ Мнѣ вкусить сего и удовлетворить желанію Моему,—т.-е. не раскаялся въ злыхъ грѣхахъ своихъ. Былъ Я нагъ отъ добродѣтельныхъ дѣяній твоихъ, и ты не одѣлъ Меня ими. Былъ Я въ тѣсной, нечистой и мрачной темницѣ сердца твоего, и ты не восхотѣлъ посѣтить Меня и извести Меня на свѣтъ. Видѣлъ ты, какъ Я лежалъ въ болѣзни собственнаго нерадѣнія твоего и бездѣйствія, и не пришелъ послужить Мнѣ добрыми дѣлами своими. Отойди же отъ Меня.

Вотъ что скажетъ Господь, вотъ что говоритъ Онъ и теперь тѣмъ, которые говорятъ, что имѣютъ въ себѣ Духа Святаго, только Онъ сокрытъ и закрытъ тмою страстей ихъ, и не зрится умными очами души ихъ. Къ тѣмъ же, которые говорятъ, что знаютъ Христа, но не видятъ свѣта божества Его, говоритъ Христосъ: если вы познали Меня, то конечно познали, какъ свѣтъ; ибо Я есмь воистину свѣтъ міра. Но горѣ тѣмъ, которые говорятъ: когда придетъ день Господень? — и не подвизаются постигнуть его здѣсь въ настоящей жизни; ибо пришествіе Господне и пришло и приходитъ всегда въ вѣрныхъ, и присуще во всѣхъ желающихъ. И если Христосъ есть свѣтъ міра, и общалъ Апостоламъ своимъ быть съ нами до скончанія вѣка, то какъ Сущій съ нами имѣетъ придти? Нѣтъ, не имѣетъ Онъ придти къ намъ; потому что мы не сыны тмы и ночи, чтобъ пришелъ къ намъ свѣтъ, но сыны свѣта и дня Господня. Почему, и пока живемъ въ настоящей жизни, пребываемъ съ Господомъ, и когда умремъ, будемъ жить чрезъ Него и съ Нимъ, по божественному Павлу (Рим. 14, 8). И св. Григорій Богословъ говоритъ: «что для чувственныхъ солнце, то для мысленныхъ (духовныхъ) Богъ. Онъ будетъ и будущій вѣкъ, и невечерній день, и царство небесное, и брачный чертогъ, и земля кроткихъ, и божественный рай, и царь и послужитель, какъ самъ сказалъ: *блажени раби ти, ихже приидеъ Господь обрящетъ бдящихъ. Аминь, глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ и приступивъ послужитъ имъ* (Лук. 12, 37)». Всѣмъ этимъ, и еще многимъ большимъ этого, — чего и исчислить никому нельзя, — бываетъ Христосъ для вѣрующихъ въ Него, — не въ будущей только жизни, но прежде въ настоящей, а потомъ въ будущей, — только здѣсь въ меньшей мѣрѣ, а тамъ въ полной. Впрочемъ вѣрные отселѣ еще предзрятъ яено будущія блага, и приемятъ залого (или зачатки) ихъ. Какъ не думаютъ они, что получаютъ здѣсь всѣ обѣтованія: такъ опять не такую питаютъ себя надеждою, что имѣютъ получить ихъ всѣ только тамъ,

а здѣсь въ настоящей жизни бываютъ лишены и совѣмъ непричастны будущихъ благъ. Но поелику Богъ удомостроилъ посредствомъ смерти своей и своего воскресенія даровать намъ царство, нетлѣніе и вѣчную жизнь, то отселѣ еще безъ сомнѣнія сподобляемся мы быть душою причастниками будущихъ благъ, т.-е. быть по душѣ нетлѣнными и безсмертными, быть сынами Божиими, сынами свѣта и дня и наслѣдниками царства небеснаго, поелику имѣемъ внутри себя сіе самое царство небесное. Все сіе дѣйствительно отселѣ еще получаемъ, не безъ чувства и вѣдѣнія души, если мы не безыскусны въ вѣрѣ и не скудны дѣланіемъ заповѣдей Божіихъ. Но тѣлесно еще не получаемъ того, потому что это тѣло наше тлѣнно, какъ было и тѣло Христово до воскресенія. И поелику душа наша объемлетъ такимъ тѣломъ и имъ связуется, то мы не можемъ теперь воспріять въ душу свою всю божественную славу, открываемую намъ; но видя, какъ въ зеркалѣ, необъятное море оной славы, думаемъ, что видимъ одну каплю того моря славы. Почему и говоримъ, что видимъ нынѣ какъ въ зеркалѣ и въ гаданіи. Впрочемъ видимъ при семъ и то, что духовно, т.-е. по душѣ, мы подобны Тому, кого видимъ и кто насъ видитъ; по воскресеніи же примемъ и тѣло духовное. Какъ Христосъ божественною своею силою сдѣлалъ тѣло свое инымъ, то-есть духовнымъ, и такъ воскресилъ его отъ гроба: такъ и мы, сдѣлавшись прежде здѣсь подобными Христу по душѣ, тогда станемъ подобны Ему и по тѣлу,—человѣки по естеству, и боги по благодати, какъ и Христосъ, будучи Богъ по естеству, содѣлался человѣкомъ, какъ есть человѣкъ, по великой своей благодати. Зная навѣрное сіе таинство, какъ можемъ не возжелать смерти, когда, какъ говоритъ Апостоль, суще въ тѣлѣ семъ въздыхаемъ, откровенія чая сыновъ Божіихъ (Рим. 8, 19—23)?

Но если праведные не бываютъ причастны вѣчныхъ благъ и не получаютъ благодати Божіей еще здѣсь, еще

въ настоящей находясь жизни, то Христось только пророкъ есть, а не Богъ, и все, о чемъ говоритъ Евангеліе, не есть даръ благодати, а пророчество о будущихъ дарованіяхъ; равнымъ образомъ и Апостолы получили пророчество, а не исполненіе прореченнаго: и сами они ничего не получили, и другимъ ничего не преподали. Увы! Какое печуствіе и какая слѣпота у тѣхъ, кои держатся такого мнѣнія! Ибо если такъ есть, какъ они говорятъ, то будетъ слѣдовать, что вѣра наша—одни слова, коимъ нѣтъ соотвѣтствующаго дѣла. Но если благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкамъ явилась словомъ только, а не дѣломъ, и если мы думать станемъ, что таинство вѣры нашей есть именно таково, то кто будетъ окаяннѣ насъ? Если свѣтъ міра есть Христось и Богъ, а мы вѣровать будемъ, что ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ Его, то кто другой будетъ болѣе невѣрующъ чѣмъ мы? Если Христось есть свѣтъ, а мы говоримъ, что не чувствуемъ Его, когда облекаемся въ Него, то чѣмъ будемъ отличаться мы отъ мертвыхъ? Если Онъ есть лоза виноградная, а мы—вѣтви, и однакожъ не сознаемъ единенія, какое имѣемъ съ Нимъ, то явно, что мы бездушны и бесплодны,—сухія дерева, гожія только для вѣчнаго огня. Если, по божественному слову, тѣ, которые вкушаютъ плоть Господа и піютъ кровь Его, имѣютъ животъ вѣчный, а мы, когда причащаемся, не чувствуемъ, чтобъ при семъ было въ насъ что-либо паче того, что бываетъ отъ обыкновенной пищи, и не сознаемъ, что получаемъ иную жизнь, то очевидно, что мы причащаемся только хлѣба, а не Бога. Ибо если Христось есть Богъ и человѣкъ, то и святая плоть Его не есть плоть только, но плоть и Богъ пераздѣльно и неслиянно, и поколику плоть, т.-е. поколику она есть подъ видомъ хлѣба, — видится тѣлесными очами, а по Божеству не видится тѣлесными очами, но видится мысленными очами души, т.-е. умомъ. Посему Господь и говоритъ: *ядый Мою плоть и пійяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ Немъ* (Ин. 6, 56).

Не сказалъ: Онъ пребываетъ съ ними (т.-е. съ плотію и кровію), а они съ Нимъ; но—пребываетъ со Мною, т.-е. съ Моею славою, съ Моимъ свѣтомъ и съ Моимъ божествомъ; какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: какъ Я во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ, такъ Я въ васъ, и вы во Мнѣ (Іоан. 14, 20). Итакъ, если мы думаемъ, что все сіе бываетъ въ насъ безъ того, чтобъ мы то сознавали и чувствовали чувствомъ души нашей; то кто возможесть, какъ должно, оплакать нечувствіе наше? Воистину никто.

5) Но блаженны тѣ, которые пріяли Христа, пришедшаго, какъ свѣтъ, въ нихъ, бывшихъ во тмѣ, потому что они стали сынами свѣта и невечернаго дня. Блаженны тѣ, которые облеклись въ свѣтъ Его въ настоящей жизни; потому что облеклись уже въ одѣяніе брачное и не будутъ связаны по рукамъ и ногамъ и ввержены въ огнь вѣчный. Блаженны тѣ, которые, будучи еще въ тѣлѣ, увидѣли Христа. Треблаженны тѣ, которые увидѣли Его и поклонились Ему мысленно и духовно; потому что во вѣкъ вѣка не увидятъ они смерти. Блаженны тѣ, которые каждодневно вкушаютъ Христа, съ такимъ созерцаніемъ и вѣдѣніемъ, какъ пророкъ Исаія—угль горящій; потому что они очистятся отъ всякой скверны душевной и тѣлесной. Блаженны тѣ, которые каждочасно очами ума пріемлютъ неизреченный свѣтъ; потому что они какъ во дни благообразно ходить будутъ и все время жизни своей проживутъ въ духовномъ радованіи. Блаженны тѣ, которые еще здѣсь познали свѣтъ Господень, какъ Его самого; потому что въ будущей жизни они предстанутъ предъ лицомъ Его съ дерзновеніемъ. Блаженны тѣ, которые всегда пребываютъ во свѣтѣ Господнемъ; потому что они и въ настоящей жизни суть, и въ будущей жизни будутъ всегда братьями и сонаслѣдниками Его. Блаженны тѣ, которые въ настоящей жизни возгли въ сердце своемъ свѣтъ и сохранили его неугасимымъ; потому что они во время смерти срѣтять жениха Христа, будучи свѣтлыми и свѣтлосіятельными, и вмѣстѣ съ Нимъ вни-

дутъ въ брачный чертогъ Его съ возженными свѣтильниками. Блаженны тѣ, которые никогда не допускали мысли, будто люди въ продолженіи настоящей жизни не получаютъ удостовѣренія въ своемъ спасеніи, но — въ концѣ сей жизни или послѣ смерти; потому что восподвизаются получить здѣсь такое удостовѣреніе въ своемъ спасеніи. Блаженны тѣ, которые не сомнѣваются ни въ чемъ сказанномъ и не подозрѣваютъ, чтобъ тутъ было что ложное, потому что они, если не имѣютъ ничего такого, — что да не будетъ, — навѣрное возревнуютъ стяжать то. Блаженны тѣ, которые отъ всей души ищутъ внити во свѣтъ (Христовъ), презрѣвъ все прочее; потому что они, если и не успѣютъ, пока въ настоящей находятся жизни, внити въ сей свѣтъ, всячески отъидутъ отселѣ съ благими надеждами и внидутъ въ него, по мѣрѣ своей. Блаженны тѣ, которые всегда горько плачутъ о грѣхахъ своихъ; потому что ихъ осѣнить наконецъ свѣтъ и горькія слезы ихъ преложить въ сладость. Блаженны тѣ, которые просвѣщаются божественнымъ свѣтомъ, и видятъ немощность свою, и постигаютъ срамоту души своей; потому что они будутъ плакать во всю жизнь свою и омоются слезами своими. Блаженны тѣ, которые приблизились къ свѣту божественному, и вошли въ него, и соединились съ нимъ и стали всѣ свѣтъ; потому что они совершенно совлеклись оскверненной одежды грѣховъ своихъ и не будутъ уже плакать горькими (но бесполезными) слезами. Блаженны тѣ, которые видятъ, что одѣяніе души ихъ свѣтлосіянно, какъ Христось; потому что они каждочасно будутъ исполняемы неизреченною радостію, и, удивляясь сему и изумляясь, будутъ сладчайшія проливать слезы, сознавая, что стали уже сынами и сопричастниками воскресенія. Блаженны тѣ, которые всегда имѣютъ отверзтымъ мысленное око душевное, и во время каждой молитвы своей видятъ свѣтъ; потому что они стали равночестны съ ангелами.—Если же они таковы, еще въ сей находясь жизни, еще будучи связаны тлѣнною плотію,

то каковыми же будутъ они по воскресеніи, послѣ того, какъ воспріимуть духовное оное и нетлѣнное тѣло? Все-конечно, они будутъ тогда не ангеламъ только подобны, но самому Владыкѣ ангеловъ, Христу Господу, какъ написано: *вѣмы, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Иоан. 3, 2). Блаженъ тотъ христіанинъ, который пред-стоитъ Богу въ молитвѣ такъ, что его видитъ Богъ, и онъ видитъ Бога, и чувствуетъ, что сталъ внѣ міра, въ тѣлѣ ли, или кромѣ тѣла; потому что онъ услышитъ неизреченные глаголы, *иже не мѣтъ стѣ человеку глаголати*, и увидитъ то, чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало и что на сердце человѣку не всходило. Блаженъ тотъ, кто видитъ, что въ немъ вообразился Христось,— свѣтъ міра; потому что онъ наречется матерію Христа, имѣя въ себѣ Христа какъ плодъ чрева, какъ самъ Онъ неложнѣйшій обѣтоваль, говоря: мать Моя, и братья Мои, и друзья Мои сіи суть, — слышавшіи слово Божіе и творящіи его (Мат. 12, 48. 49),—такъ что тѣ, которые не хранятъ заповѣдей Божіихъ, сами своею волею лишаютъ себя такой благодати; такъ какъ дѣло сіе и было и есть и будетъ возможно, — и бывало и бывасть и не перестаетъ бывать во всѣхъ тѣхъ, кои творятъ заповѣди Господни.

Впрочемъ, чтобъ не оставить сказаннаго нами безъ свидѣтельства и не навлечь на себя подозрѣнія, будто говоримъ что-либо отъ самихъ себя, а не отъ божественнаго Писанія, выставляя возможнымъ невозможное, — приведемъ свидѣтельство о семъ опять тогоже блаженнаго Павла, который есть уста Христовы и говоритъ: *чадца моя, ижеже пакы бо тѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христось* (Гал. 4, 19). Но въ какомъ мѣстѣ, или въ какой части тѣла, думаетъ, полагаетъ онъ, что вообразится Христось? Въ лицѣ, или въ груди? Нѣтъ; въ сердцѣ нашемъ воображается Онъ и не тѣлесно, а безтѣлесно и какъ подобаеть Богу. Впрочемъ, какъ женщина, имѣющая во чревѣ, знаетъ о томъ ясно, такъ

какъ младенецъ во чревѣ ея дѣлаеть нѣкоторыя движенія (— възграся), и нельзя ей не знать, что имѣеть плодъ во чревѣ: такъ и тотъ, кто имѣеть вообразившимся въ себѣ Христа, знаетъ движенія Его и възгранія, то-есть осіяніе и облистаніе Его, и видитъ внутри себя воображеніе Христа. Какъ въ зеркалѣ видится свѣтъ свѣтильника: такъ видится въ немъ Христось; однакожь не призрачно и не несущественно, каково то, что видится въ зеркалѣ, но въ немъ видится Христось, какъ свѣтъ, всущественно, невидимо видимымъ и педомыслимо постигаемымъ, во образѣ безъобразномъ и въ видѣ безвидномъ.

Такъ, братія, постигается непостижимое въ вѣрѣ нашей! Такъ зрится и несомнѣнно умопредставляется Отецъ и Сынъ съ Духомъ Святымъ тѣми христіанами, къ которымъ приходятъ Отецъ и Сынъ съ Духомъ Святымъ, и обитель себѣ въ нихъ творять, какъ говоритъ Господь,— въ единомъ нераздѣльномъ свѣтѣ познаваемые, какъ мы сказали. Впрочемъ какъ тотъ, кто гонится за убѣгающимъ отъ него, хотя думаетъ, что уже очень близокъ къ нему, хотя кажется ему, что вотъ-вотъ сейчасъ схватить его, даже будто касается уже его концами пальцевъ своихъ, однакожь схватить его онъ никакъ не можетъ, пока, по общей поговоркѣ, будетъ между ними разстояніе хоть на одинъ волосъ: такъ и мы, если по нерадѣнію нашему имѣемъ хотя малый нѣкій помысль или раздуміе невѣрія, или двоедушія, или боязни (за себя), или другую какую страсть, или имѣемъ пристрастіе къ чему-либо временному, то конечно не удостоимся имѣть въ душѣ своей обитателемъ Бога, и не взойдемъ на высоту такой славы. Ибо какъ для того, кто гонится за другимъ, и малѣйшее разстояніе, хотя бы на одинъ волосъ, бываетъ причиною, что онъ не можетъ схватить его: такъ и въ отношеніи къ духовнымъ вещамъ, самомалѣйшая страсть бываетъ причиною того, что мы не удостоиваемся придти въ созерцаніе таинъ Божіихъ. И если мы не презримъ совер-

шенно самой жизни своей и тѣла своего, съ готовностію на самое мученичество, на то, чтобы предать всецѣло себя и жизнь свою на всякое мученіе и всякую смерть, со всѣмъ изгнавъ изъ памяти все, что служитъ къ поддержанію жизни тлѣннаго тѣла сего; то невозможно намъ быть друзьями и братьями Христа, ни сопричастниками и снаслѣдниками Его; и не придемъ мы никогда въ созерцаніе и опытное познаніе сказанныхъ таинствъ Божіихъ. Посему, кто не сподобился еще достигнуть сего и получить такія блага, тотъ пусть обвиняетъ себя самого, а не говоритъ, какъ *непещующій вины о грѣсѣхъ*, что это невозможно, или хотя и возможно и бываетъ, но помимо нашего сознанія, то-есть такъ, что мы не знаемъ того. Да удостовѣрится онъ изъ божественныхъ Писаній и да вѣдаетъ, что дѣло сіе возможно и истинно бывасть и совершается завѣдомо намъ, такъ что мы не можемъ не знать о немъ; но по причинѣ оущенія и неисполненія заповѣдей Христовыхъ, каждый соразмѣрно съ тѣмъ самъ себя лишаетъ таковыхъ благъ, каковыя когда бы сподобиться получить всѣмъ намъ, такъ чтобы вкусить ихъ еще въ настоящей жизни и уразумѣть, яко благъ Господь, и тамъ узрѣть сего Господа всего и сорадоваться съ Нимъ въ безконечныя вѣки. Аминь.

ПРОГУЛКА

На Преображенскомъ безпоповщинскомъ Ѳедосѣевскомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

Въ 1850 году, въ праздникъ Успенія Богоматери, пришлось мнѣ имѣть прогулку на Ѳедосѣевскомъ въ Москвѣ безпоповщинскомъ Преображенскомъ кладбищѣ, о которой рѣшаюсь поговорить съ читателями.

Преображенская слобода есть самая отдаленная часть Москвы внутри Камеръ-коллежскаго вала. На этомъ мѣстѣ, во времена Петра великаго, сформировался и имѣлъ постоянное пребываніе Преображенскій полкъ, у котораго и по настоящее время осталось храмовымъ полковымъ праздникомъ Преображеніе Господне. Со временемъ на мѣстѣ бывшей полковой полотняной церкви Преображенія Господня, въ Преображенской слободѣ была построена деревянная церковь, а потомъ въ 1763-мъ году—каменная съ придѣломъ во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла, извѣстная по народному названію болѣе подъ именемъ Петра и Павла верховныхъ апостоловъ. Преображенскаго полка полковой праздникъ доселѣ остался праздникомъ на мѣстѣ его рожденія; а придѣлъ верховныхъ апостоловъ запечатлѣлъ имя того, кто основалъ полкъ. Слѣды полковаго пребыванія остались даже и въ названіяхъ улицъ, которыхъ въ Преображенскомъ четыре: 1-я главная по рѣкѣ Яузѣ, Генеральная, 2-я Божавинова, 3-я Суворова, 4-я Девятая рота и палочный переулочъ. На Генеральной улицѣ существовалъ дворецъ Петра великаго. Бывшая подъ дворцемъ земля и донинѣ принадлежитъ

дворцовой конторѣ, но отдается ею въ аренду частнымъ лицамъ подъ постройку и, за давностію такихъ построекъ, теперь немногимъ извѣстно то мѣсто, на которомъ существовалъ дворецъ.

Здѣсь родилось просвѣщеніе и могущество Россіи. Здѣсь Петръ великій возрасталъ и обучался. Здѣсь онъ спасалъ свою жизнь отъ мятежниковъ и здѣсь казнены бунтовавшіе стрѣльцы. Теперь же здѣсь мануфактурныя фабрики и гнѣздо Ѳедосѣевского раскола, какъбы свидѣтельствуя, что здѣсь родилось просвѣщеніе и здѣсь осталось сѣмя казенныхъ стрѣleckихъ мятежниковъ.

Во время бывшаго въ Москвѣ мороваго поѣздія 5-й департаментъ Правительствующаго Сената, указомъ отъ 1-го сентября 1771 года за № 728-мъ, предписалъ московской полицеймейстерской канцеляріи, «живущихъ въ Москвѣ обывателей склонить, не пожелаютъ ли они для заемогающихъ изъ нихъ продолжавшеюся тогда въ Москвѣ заразительною болѣзнію учредить, по ихъ возможности, на свой коштъ карантинные дома и лазареты». Вслѣдствіе такого распоряженія обратились къ московскому генералъ-губернатору Петру Дмитріевичу Еропкину съ прошеніемъ «Московскіе купцы и разночинцы, живущіе въ Москвѣ, которые имъ единогласны, записавшіеся въ двойной окладъ. Они просили: дозволить имъ построить противъ Преображенскаго въ земляномъ валу карантинъ для больныхъ и для ухода за ними, а также для предохраненія отъ заразы здоровыхъ опредѣлять изъ ихъ состоянія всякаго вѣроятія достойныхъ людей; а сверхъ того они будутъ сами наикрѣпчайшее смотрѣніе имѣть, какъ скоро кто изъ ихъ состоянія по власти Божіей окажется больнымъ, то въ самой скорости выводитъ сами будутъ въ оный карантинъ». Но при этомъ просители выговоривали одно условіе, чтобы они съ ихъ единогласными милостивно освобождены были отъ докторскихъ осмотровъ и комапдующихъ офицеровъ, а находились бы единственно подъ покровительствомъ генералъ-

губернатора *). Это прошеніе генераль - губернаторомъ было передано въ Правительствующій Сенатъ, который, допустивъ въ свое присутствіе двухъ просителей, объявилъ имъ, что на назначенномъ мѣстѣ больницу построить имъ дозволить можно, съ содержаніемъ больныхъ на ихъ коштѣ; но уволить ихъ отъ докторскихъ осмотровъ и командующихъ офицеровъ—невозможно, потому что доктора, лекаря и командующіе осмотръ имѣютъ по Высочайшему повелѣнію, и потому имъ приказано будетъ въ больницѣ осматривать тѣхъ больныхъ два раза въ недѣлю, а въ дома заболѣвшихъ имъ уже не ѣздить, на что просители согласились. Такимъ образомъ въ просимомъ мѣстѣ карантинъ и больница скоро были выстроены такъ, какъ желали сами просители.

Въ это-то несчастное для Москвы и Россіи время преображенскіе безпоповцы стали въ свой лазаретъ свозить со всѣхъ концовъ Москвы заболѣвающихъ—и раскольниковъ и согласившихся по ихъ убѣжденію православныхъ, а съ ними вмѣстѣ вывозили туда же изъ Москвы изъ домовъ заболѣвающихъ капиталы и имущества. Вмѣстѣ съ заболѣвающими сюда пріѣзжали и здоровые съ своими семьями и имуществами и поселялись подлѣ лазарета, образовавъ собою временно населенную слободку. Тутъ были во многихъ мѣстахъ разставлены кадки съ водою, въ которыхъ перекрещивали православныхъ и здоровыхъ, и больныхъ, и едва уже дышащихъ, желавшихъ и нежелавшихъ, но по неволѣ зависѣвшихъ уже отъ распорядителей карантина безпоповцевъ. Правила предосторожности отъ заразительности болѣзни здѣсь не соблюдались, лекарствъ никакихъ не употреблялось, потому что все это, по ихъ ученію, считалось богопротивнымъ

---

*) Раскольники всѣ вообще всегда просятъ дозволить имъ самоуправленіе безъ всякаго надзора за ними правительства. Просятъ это для того, чтобы имъ нието не мѣшало, подъ видомъ благотвореній видимыхъ, достигать успѣховъ раскольничей пропаганды.

и запрещеннымъ измышлениемъ антихристовымъ. Картина на этомъ мѣстѣ была ужасная! Здѣсь смерть торжествовала полный разгулъ. Для нея жертвы свозились со всей Москвы и зараза передавалась отъ одного другому безъ всякихъ препятствій. Безъ соблюденія карантинныхъ правилъ и всякихъ предосторожностей противъ зараженія здоровыхъ отъ больныхъ, съѣхавшіеся сюда на жительство большею частію вымерли и изъ тысячъ только нѣсколько человѣкъ, по счастію, остались живыми.

Итакъ, большая часть москвичей коренныхъ и на время въ то время пріѣхавшихъ въ Москву немосквичей, имѣвшихъ несчастье попасть въ Преображенскій безпоповщинскій карантинъ, померли, оставивъ тутъ все свое имущество и достояніе; а оставшіеся живые Ѳедосѣяне, имущество умершихъ удержали въ свою пользу и составили значительный капиталъ въ нѣсколько милліоновъ, а въ послѣдствіи возросшіи, при благопріятствующихъ расколу обстоятельствахъ, до нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ. Не задолго предъ моровою язвою (1768 года) перешелъ изъ православія въ Ѳедосѣевскую секту Илья Алексѣевъ Кобылинъ. Онъ перекрещенъ былъ отъ московскаго жителя, отца безпоповцевъ, Ильи Иванова, и переименованный Василиемъ чрезъ разные происки сдѣлался хозяиномъ или главнымъ попечителемъ и распорядителемъ Преображенскаго кладбища. Онъ, жалѣя о непроизводительности большаго кладбищенскаго капитала, часть онаго отдѣлилъ въ свое полное распоряженіе и, заведя свой кирпичный заводъ, выстроилъ два богадѣленныхъ двора для пріюта своихъ одновѣрцевъ: одинъ назначилъ для мужчинъ, другой для дѣвицъ и старыхъ; дворы же эти оба назвалъ однимъ именемъ — *Преображенской обители*; но по полицейской вѣдомости они называются Преображенскимъ Богадѣленнымъ домомъ и записаны Лефортовской части, 3-го квартала, подъ № 452-мъ. Входъ и въѣздъ на кладбище и дворы устроены на востокъ въ видѣ воротъ правѣе Преображенской заставы. У воротъ сдѣлана на Камеръ-коллежскомъ валу сторожка.

Переступивъ за ворота, вы видите прямо передъ собою вдали на могилахъ девятиглавую часовню готической архитектуры, а ближе къ воротамъ двѣ зубчатая каменная четырехъ-угольная ограда съ башнями на каждомъ углу, — одну направо, другую лѣво. Въ оградѣ правой стороны находится мужской, а на лѣвой женскій дворы; между ними въ промежуткѣ занимаетъ мѣсто лугъ, шириною около 60-ти сажень. Мужской дворъ простирается въ длину на 100, а въ ширину на 56 сажень; женскій въ длину на 113-ть, а въ ширину на 65-ть сажень; вышина оградъ мужскаго двора $7\frac{1}{2}$ аршинъ, а женскаго 7 аршинъ. Правѣе мужскаго двора находится Хапидовскій прудъ; на берегу его построены скотный дворъ и бани; на пруду поставлена крестильня; срубленная изъ круглаго лѣса въ видѣ купальни; пасупротивъ лицевой ограды женскаго двора, по Камеръ-коллежскому валу, стоятъ деревянные сараи для складки дровъ и прочихъ пужныхъ матеріаловъ. Осмотрѣвъ общее положеніе мѣсть и дворовъ, пошелъ я осматривать мужской и женскій дворы, каждый порознь.

Съ лицевой стороны мужскаго двора средину ограды его занимаетъ каменный жилой корпусъ, въ нижнемъ этажѣ котораго сдѣланы ворота для въѣзда экипажей и входа людей. Въ нижнемъ этажѣ его на лѣвой сторонѣ находится большая кухня и столовая, а на правой свѣчная; во всемъ же верхнемъ этажѣ молельня, называемая надворотною. Архитектура сего корпуса готическая; надъ молельнею возвышенъ куполь съ пятью главами, имѣющими осьмиконечные кресты, и шестою главою, едва приметною, маленькою, на которой укрѣпленъ небольшой мѣдный крестъ съ распятымъ тѣломъ Христовымъ. Этотъ послѣднимъ крестомъ выражена мысль, что прочіе пять крестовъ, безъ изображенія распятаго тѣла Христова, несовершенны и несполнѣ святы противъ шестаго малаго креста. Въ 10 саженьяхъ отъ сей молельни, прямо къ

востоку, стоит готической архитектуры *) одноглавая на подобіе церкви часовня съ придѣланною къ ней колокольнею, называемая соборною. Въ нее ведутъ съ запада двѣ двери, съ сѣвера же и юга по одной двери, позади клиросовъ. Позади часовни по прямой линіи саженьяхъ въ 12-ти стоитъ каменная больничная палата поперекъ двора и при ней на восточную сторону пристроена молельня въ два просвѣта, съ одною надъ ней главою и крестомъ; она называется больничною, входъ въ нее черезъ нижній этажъ палаты; а во второмъ этажѣ сдѣланы открытыя въ молельню хоры. Нижній этажъ палаты не имѣетъ перегородокъ и заставленъ весь койками для стариковъ; а верхній этажъ весь перегородоженъ кельями, которыя занимаютъ книжными, т.-е. чтецами и пѣвцами; подъ нижнимъ этажемъ палаты есть еще подвальное помещеніе въ землѣ; но оно съ лицевой стороны незамѣтно, а видно только сзади и оттуда входъ въ него. Остальная часть двора занята лугомъ. Въ сѣверной сторонѣ ограды двора сдѣланы большія ворота на лугъ, разделяющій мужской дворъ отъ женскаго.

Съ лицевой стороны женскаго двора занимаетъ мѣсто каменный двухъ-этажный корпусъ, въ срединѣ котораго сдѣланы готическія въѣздныя ворота, съ вырѣзанными на веряхъ древними гербовыми двухглавыми орлами и единорогами **). Нижній этажъ корпуса занимаетъ кухню и столовую, а верхній богадѣленною палатою, съ придѣланною къ ней молельнею на востокъ, которая называется надворотною. Внутри двора, на правой и лѣвой сторонахъ, находятся по два каменныхъ двухъ-этажныхъ корпуса; по срединѣ двора готическая соборная молельня, съ одною главою, похожая на церковь, съ тремя вход-

---

*) фасадъ этой часовни взятъ съ Царицынскаго дворца, выстроеннаго императрицею Екатериною II, близъ Москвы.

***) Они взяты, какъ говоритъ преданіе, отъ вышесказаннаго здѣсь бывшаго Преображенскаго дворца.

ными дверями, изъ коихъ одна съ запада, двѣ съ сѣвера и юга. Надъ западную дверью построена большая массивная колокольня. Позади сей молельни, поперекъ двора имѣется еще каменный двухъ-этажный корпусъ; остальное мѣсто за этимъ корпусомъ, позади, по обѣимъ боковымъ сторонамъ внутри ограды, занято малыми и большими домиками, такъ называемыми кельями. Въ южной сторонѣ ограды сдѣланы ворота насупротивъ сѣверныхъ воротъ мужскаго двора. Ко всѣмъ означеннымъ каменнымъ корпусамъ придѣланы къ восточной сторонѣ большія молельни въ два просвѣта. При всѣхъ этихъ молельняхъ находятся больничныя палаты и строены всѣ однообразно: на срединѣ корпуса корридоры, по сторонамъ кельи, забранныя тесомъ вплоть до потолка; на молельняхъ маленькія главы съ осьмиконечными крестами.

На мужскомъ дворѣ въ молельнѣ надъ воротами, въ день Успенія Богоматери, бывасть обѣдъ, а предъ обѣдомъ и послѣ обѣда видѣнный мною слѣдующій церемоніаль: въ 11½ часовъ утра богослуженіе окончили послѣ часовъ молебномъ и всѣ разошлись по кельямъ. Черезъ полчаса раздался колокольный звонъ, по которому всѣ бывшіе въ богослуженіи собрались въ соборную молельню. Начальствующій *) взялъ образъ Успенія Богоматери и пошелъ съ нимъ въ молельню надъ воротами; впереди образа несенъ былъ подсвѣчникъ съ возженной свѣчей; позади образа шли книжные и по большому потному листу въ рамкѣ пѣли на распѣвъ молитву *Отче нашъ*, каковое пѣніе окончили въ молельнѣ. Въ длину всей молельни до клиросовъ по обѣимъ сторонамъ были приготовлены два большіе стола со скамьями. По окончаніи пѣнія, настоятель, несшій образъ, и попечители кладбища усаживали за столы на правой сторонѣ отборныхъ и

---

*) Настоятель Семень Козьминъ, онъ же и главный ихъ отецъ, хранитель и распорядитель всего капитала, имущества и всѣхъ дѣлъ.

лучшихъ прихожанъ своихъ, назпачая каждому мѣсто по достоинству; а потомъ посадили, однимъ только словомъ, всѣхъ прихожанъ худшихъ и книжныхъ за столъ лѣвой стороны. Наконецъ, оставшись одни, попечители долго ходили по молельнѣ одинъ за другимъ и хватали другъ друга за руки, и одинъ отъ другаго пятились, въ видѣ борьбы; наконецъ остановились, поговорили тихо между собою, посмѣялись, и сѣли на мѣста за столъ на правой сторонѣ. Вслѣдъ за тѣмъ начался обѣдъ и чтеніе жертвенника въ старопечатномъ Маргаритѣ. Первымъ сидѣлъ по срединѣ стола правой стороны главный духовный настоятель кладбища, Семень Косминъ, по правую его сторону другой, младшій настоятель кладбища, а ниже его попечители. Во время обѣда народъ входилъ смотрѣть трапезу праздноующихъ и смотрѣлъ стоя у двери. Изъ зрителей всѣ свободно разговаривали, указывая одинъ другому знакомыхъ лицъ, называли ихъ по имени и разговаривали о разныхъ предметахъ. Изъ этихъ разговоровъ я замѣтилъ слѣдующій.

— Что же это попечители другъ за другомъ гонались, — силу пробовали свою, или потѣшпали прихожанъ?

— Это у нихъ былъ переборъ о томъ, кому высшее мѣсто занять; одинъ передъ другимъ старались занять низшее мѣсто.

— Да это очень глупо при собраніи такъ ломаться; объ этомъ можно бы переговорить на словахъ безъ причудъ и борьбы.

— Да вѣдъ они воспитывались не въ пансіонѣ, выросли одинъ въ полѣ съ сохою, другой за станомъ на фабрикѣ.

— Неужели настоятели у нихъ и попечители всѣ такіе необразованные?

— Рѣшительно ихъ все общество такое, что не скоро можно найти подобное имъ по грубости и невѣжеству.

— Есть ли по крайней мѣрѣ у нихъ хоть изъ другихъ лицъ кто пообразованнѣе?

— Рѣшительно вѣтъ никого у нихъ образованнаго; а еслибъ и былъ, то онъ у нихъ былъ бы въ пренебреженіи и ненависти, потому что ученіе они почитаютъ богопротивнымъ дѣломъ. У нихъ кто больше всѣхъ кричить и вретъ разныхъ нелѣпостей въ пользу своего толка, тотъ и мудрецъ великій считается; а первенствующій настоятель изъ числа такихъ мудрецовъ первый: онъ ученикъ дерзкихъ старинныхъ вралей, настоятелей: Луки Тереньтѣева, Ивана Федотова и Михаила Гнусина. Для невѣждъ всегда нуженъ подобный имъ путеводитель; у нихъ умный не уживется; это потому, что онъ не захочетъ подражать во всемъ прихожанамъ и со всѣми соглашаться, хотя бы изъ нихъ одни другимъ во всемъ противорѣчили.

— Это всѣ одностолковники трапезуютъ?

— Всѣ единодушные, только одинъ сначала былъ не ихъ согласія, — вотъ тотъ, который сидитъ къ намъ задомъ, шестой отъ начала стола.

— Кто же онъ такой и за что удостоенъ одной съ ревнителями трапезы?

— Это предводитель бывшей Покровской молельни, называемой Монинской, гдѣ совершались для его единомысленниковъ свадьбы. Молельня Монинская нынѣ закрыта. Жена его, лѣтъ 40 жившая съ нимъ, умерла и похоронена здѣшними Ѳедосѣевцами и отпѣта въ здѣшнихъ молельняхъ.

— Да развѣ Ѳедосѣевцы приняли нынѣ браки или помирились съ принимающими браки?

— Не примирились и до днесь остаются какъ и прежде непринимающими ни браковъ, ни моленія за царя. Выйдемъ вонъ, здѣсь не безопасно такъ громко говорить, всѣ слушаютъ.

Послѣ этихъ словъ собесѣдники вышли на крыльцо и сѣли у лѣстницы на 2-мъ этажѣ. За ними вышелъ и я и сѣлъ на ступенькѣ лѣстницы, продолжая слушать ихъ разговоръ.

— Да какъ же Ѳедосѣевцы замужнюю схоронили и женатаго допустили къ одной съ собою трапезѣ, если не приняли доселѣ браковъ?

— А вотъ какъ: старуха предъ смертію призвала къ себѣ здѣшняго отца, иначе называемаго духовникомъ; ему объявила, что она свою бывшую съ мужемъ совмѣстную жизнь не считаетъ законною, а блудническою; и хотя прежде почитала брачною, но теперь въ томъ раскаивается и прежнее свое мнѣніе признаетъ заблужденіемъ. Этотъ отецъ наложилъ на нее шестинедѣльный постъ, по окончаніи котораго присоединилъ ее къ своему толку и исповѣдалъ; по смерти похоронилъ, а послѣ ея смерти такимъ же образомъ присоединился къ нимъ и мужъ ея.

— Однако къ нимъ присоединиться трудно; вѣдь шестинедѣльный постъ много значить.

— Это еще ничего, а бываетъ присоединеніе много тяжелѣе этого: шестинедѣльный постъ при присоединеніи налагается только на тѣхъ, которые крещены на семь кладбищъ здѣшними отцами; а вотъ тѣхъ, которые крещены лицами такими, которыя признавали бракъ и принимали моленіе за царя, тѣхъ установлено, на бывшемъ 1809 года въ С.-Петербургѣ, подъ руководствомъ Ильи Алексѣева, соборѣ послѣ шестинедѣльнаго поста вторично крестить.

— Да на это кто же согласится?

— Трудно это, только не для всѣхъ; много примѣровъ перекрещеванія было еще въ тотъ же годъ при самомъ учредителѣ кладбища Ильѣ Алексѣевѣ и послѣ него было много, вѣроятно и доселѣ тоже продолжастся. Правила этого С.-Петербургскаго собора Ильи Алексѣева очень уважаются кладбищенцами доселѣ; но только они все это содержать въ великой тайнѣ.

— Если и были такіе переходы, то должно быть очень рѣдки?

— Да такъ рѣдки, что послѣ закрытія Монинской модельни всѣ принадлежавшіе къ ней женатые прихожане перешли на кладбище въ Федосѣевскую толковню. Женъ они не оставили; но перешли на кладбище съ намѣреніемъ — при болѣзни или при смерти покаяться въ

блудѣ, и женѣ своихъ признать открытыми блудницами и чрезъ это получить вѣчное наслѣдіе рая. У Ѳеодосіянъ преображенскихъ ученіе такое: будь хоть явнымъ блудникомъ, да отъ вѣры ихъ никуда не уходи; при немощи распутничай сколько душѣ угодно, а послѣ предъ смертію перестань и покайся, и снова будешь полный дѣвственникъ. Поэтому и самая молельня Монинская была временнымъ прибѣжищемъ народа во время только молодости, и имѣла у себя прихожанъ временныхъ, только до ихъ старости или болѣзни. Старость и болѣзнь загоняли ихъ къ Преображенскимъ Ѳеодосіевцамъ. Основателемъ Ѳеодосіевщины былъ Новгородской губерніи, крестецкаго яма дьячекъ Ѳеодосій Васильевъ. Онъ вытолковалъ такое ученіе: за царей не молиться, потому что они ученіе и общество его называютъ раскольническимъ и не даютъ ему помощи проповѣдывать его ученіе. Посему, гдѣ упоминается въ службахъ моленіе о здравіи и благоденствіи царей, тамъ поминаются только православные христіане; на примѣръ такъ: «Спаси Господи люди своя, и благослови достояніе свое, побѣды православнымъ христіанамъ даруй и своя сохраняя крестомъ люди». По тѣснотѣ времени, такъ какъ пришелъ въ міръ антихристъ, должно жить всемъ дѣвственно; настало время плача, а не браковъ и пировъ; должно ожидать втораго пришествія Христова, а не жениховъ и невѣстъ сочетавать. Если же гдѣ будутъ жить вмѣстѣ мужчины и женщины совокупно, таковыхъ разводить въ разныя мѣста. Тѣхъ, которые обвиняются въ Грекороссійской церкви и послѣ придутъ опять къ отцамъ Ѳеодосіевскаго толка съ поканіемъ, не принимать и духовныхъ требъ у нихъ не совершать, развѣ только при самой смерти. Если же кто женатымъ изъ Грекороссійской церкви перешелъ въ ихъ согласіе, таковыхъ по перекрещиваніи не разлучать, но велѣть имъ жить дѣвственно и дѣтей не раждать, подъ опасеніемъ за троекратное рожденіе большихъ епитимій, а за четвертое—совершеннаго изгнанія изъ сонма Ѳеодо-

сѣвскаго. Соотвѣтственно такому ученію въ обществѣ Ѳедосѣевскомъ появилось семь разрядовъ, опредѣленныхъ въ сочиненіи бывшаго у нихъ главнаго учителя Михаила Васильсва Гнусина, котораго они до сего времени почитаютъ великимъ Златоустомъ и страдальцемъ за то, что онъ умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ: ибо онъ своего званія настоящаго не открылъ, а имѣя подложныя отпускныя отъ имени разныхъ господъ, два раза былъ приписанъ въ московскіе цеховые, и по обывательскимъ книгамъ и по частнымъ письмамъ назывался: Петромъ Никифоровымъ, Михаиломъ Васильевымъ и Сергѣемъ Семеновымъ Гнусинымъ, за что и былъ отосланъ въ Соловецкій монастырь подъ надзоръ. Этотъ Гнусинъ, называемый самыми Ѳедосѣевцами седьмимѣннымъ, раздѣлилъ своихъ пасомыхъ овецъ на семь слѣдующихъ классовъ: 1) дѣвственниковъ, 2) тайноженовъ, 3) дѣвкоженовъ, 4) многоженовъ, 5) староженовъ, 6) новоженовъ и 7) половниковъ.

1. Дѣвственниками у нихъ пазываются всѣ вообще живущіе безъ женъ; но имъ безпрепятственно дозволяется секретное блудодѣйство съ надеждою на покаяніе. Собственно же это имя принадлежитъ у нихъ только подражателямъ Содомлянъ и онанистамъ.

2. Послѣ дѣвственниковъ почетное мѣсто занимаютъ тайножены, которые, хотя имѣютъ наложницъ, число коихъ не ограничивается, но живутъ съ ними порознь, посѣщаютъ ихъ тайно и въ публикѣ числятся холостыми. Если отъ нихъ будутъ дѣти, то ихъ подкидываютъ, а при себѣ не держатъ, дабы не опозорить тѣмъ свое знаменитое дѣвство.

3. Дѣвкоженами именуется тѣ, которые живутъ хотя вмѣстѣ, какъ мужъ съ женою, но по билетамъ числятся холостыми и дѣвицами; дѣтей одни изъ нихъ подкидываютъ, другіе держатъ при себѣ и записываютъ при матеряхъ зазорными. Переимѣна и отставка сихъ женъ до-

пускается незазорно во всякое время по желанію мушны.

4. Многоженами называются тѣ, которые удовлетворяютъ свои плотскія страсти гдѣ, какъ и съ кѣмъ кому когда придется.

5. Титуль староженовъ носятъ тѣ, которые, находясь въ Грекороссійской церкви, вступили въ бракъ и обвинчались, а послѣ брака перешли въ секту Ѳедосѣянъ и были перекрещены.

6. Имя новоженовъ имѣютъ тѣ, которые родились въ Ѳедосѣвской сектѣ и вступили въ бракъ съ обвинчаніемъ въ Грекороссійской церкви, или пріобрѣли обманомъ отъ священника свидѣтельство о вѣпчаніи для записки по свосму званію женатыми; также тѣ, которые приняли бракъ въ Мониной моленьѣ. Всѣ они потомъ опять возвращались къ Ѳедосѣвскому толку; иначе сказать: у Ѳедосѣвцевъ тотъ новоженъ, кто, будучи въ ихъ сектѣ рожденъ, какимъ-нибудь образомъ женился, или безъ всякой женитьбы просто живетъ открыто съ женщиною, хотя въ сердцѣ именуется ея всегда блудницею: ибо они только числятся женатыми въ публикѣ, а по вѣрѣ всегда и всѣ считаются явными и открытыми пераскаянными блудниками. Самое же слово новоженъ означаетъ новую женитьбу, совершенную послѣ Іосифа патріарха, безъ священниковъ, поставленныхъ въ его патріаршество.

7. Половниками называются тѣ, изъ которыхъ мужъ принадлежитъ къ разряду староженовъ, а жена къ новоженамъ, или жена къ староженамъ, а мужъ къ новоженамъ, то-есть: одинъ кто-либо изъ двухъ принадлежалъ къ Грекороссійской церкви до брака, а другой, будучи съ рожденія Ѳедосѣвецъ, вступилъ въ бракъ съ православнымъ лицомъ и обвинчался въ церкви.

Въ Москву первоначально перешло и распространилось Ѳедосѣво ученіе о бракѣ, а потомъ снисходительное ученіе о бракахъ первый началъ распространять и утверждать въ Москвѣ Гавріилъ Артамоновъ, а послѣ его

Василій Емельяновъ *)), который съ московскимъ купцомъ Монинымъ выстроилъ въ Москвѣ въ Покровскомъ, на Покровской улицѣ, молельню, отъ чего и называлась эта молельня по имени ея строителя Мониною; прихожане ея были единомысленные съ ними. По смерти Емельянова и Монины поддерживали ихъ ученіе Гавріиль Скачковъ и Адриянъ Сергѣевъ: первый былъ настоятель, а послѣдній попечитель. Ѳедосѣевы и Монины дѣлали многократныя собранія, предполагая одни съ другими соединиться; но не согласились ни въ чемъ, а еще больше ожесточились одни противъ другихъ и раздѣлились совершенно. Ѳедосѣевцы совсѣмъ отлучили отъ себя монинскихъ прихожанъ. Впрочемъ прихожане Ѳедосѣева толка, имѣя нужду въ женахъ, отрекались на время отъ ученія своей секты и переходили отъ Преображенскаго кладбища въ Монины молельню, въ которой принимались Ѳедосѣевцы снисходительнѣе, нежели Монины у Ѳедосѣевцевъ на кладбищѣ, но переходили не надолго. Ибо, совершивъ тамъ брачный обрядъ, присоединялись опять къ кладбищу **). Настоятели Мониной молельни, видя, что кладбищенцы обманываютъ ихъ, стали принимать ихъ строже, и наконецъ съ тѣмъ, чтобы входящій отъ кладбища публично объявить въ молельнѣ, что онъ, когда находился въ кладбищенскомъ согласіи, неправильно отвергалъ браки и прочее принятое въ Мониной молельнѣ, нынѣ же онъ, почитая отверженіе браковъ ошибочнымъ, присоединяется къ мо-

---

*) Емельяновъ своихъ невѣнчанныхъ брачниковъ считалъ законными супругами, и это мнѣніе высказалъ, будучи въ Поморіи, за что Поморяне посадили его въ ледяной погребъ, въ которомъ держали его до тѣхъ поръ пока онъ согласился съ Поморянами признать такихъ брачниковъ незаконными, о чемъ и подписалъ составленное письменное постановленіе. Пріѣхавъ же въ Москву, оное свое согласіе отвергнулъ.

**) Но такіе мниможенатые на кладбищѣ почитались явными блудниками, и хотя дозволялось имъ стоять за общественною молитвою, но стоять въ отдаленности отъ молящихся и съ молящимися не молиться.

нинскому приходу чистосердечно и желаетъ пребыть навсегда въ пемь. Свои слова подтверждалъ цѣлованіемъ св. Евангелія и креста Христова; тоже подтверждалъ съ цѣлованіемъ креста Господня и Евангелія вторично во время совершенія молитвеннаго брачнаго обряда. Но, несмотря на всѣ таковыя удостовѣренія, приходившіе къ Монинымъ кладбищенцы Мониныхъ обманывали и по совершеніи брачнаго обряда переходили опять на кладбище. По смерти же вышесказанныхъ настоятелей Мониной моелельни, Емельянова и Скачкова, Антипъ Андреевъ, перешедшій къ Монинымъ отъ кладбищенскихъ Ѳедосѣявъ, сдѣлавшись чрезъ свое притворство и пронырство настоятелемъ Мониной моелельни съ помощію богатаго прихожанипа купца Елисея Саввина Морозова, отвергнувъ моленіе за царя, а потомъ и самый пріемъ преображенцевъ допустилъ безъ всякаго обряда, за одинъ только началъ, то-есть: стоило только приходящему отъ Ѳедосѣявъ къ Мониной моелельнѣ при настоятелѣ положить въ ней семь начальныхъ поклоновъ, безъ всякаго объясненія, для чего онъ это дѣлаетъ. Установленіе Антипа приняли и всѣ бывшіе послѣ него настоятели Мониной моелельни. А по закрытіи ея, прихожане ся перешли на кладбище. Мониная моелельня была не что иное, какъ мѣсто гульбища преображенскихъ сектантовъ, гдѣ они могли свободно похищать себѣ женъ; а когда нужда въ женскомъ сообществѣ проходила, опять возвращались на Преображенское кладбище съ поканіемъ, что они на дѣвственномъ пути ослабѣли и пали, и жили блудно съ женами своими безъ зазрѣнія совѣсти.

Выслушавъ всю изложенную рѣчь моего собесѣдника, я спросилъ его: во время часовъ нѣкоторые кладбищенскіе прихожане стояли въ соборной часовнѣ назади и не молились,—не Монины ли это были?

— Нѣтъ. Это тоже Ѳедосѣевцы, но запрещено имъ сообщеніе потому, что они живутъ открыто съ своими женами, хотя по вѣрѣ и почитаютъ ихъ не женами, а яв-

ными блудницами, съ которыми живутъ вмѣстѣ до болѣзни, или до предсмертной исповѣди, или до тѣхъ поръ пока не наскучили другъ другу.

— Какъ же они своихъ женъ почитаютъ вмѣстѣ и женами и блудницами?

— Женами они называютъ ихъ только для прикрытія своего блудодѣянія передъ публикой и правительствомъ, а по вѣрѣ всегда этихъ женъ почитаютъ явными блудницами; во время болѣзни и предъ смертію исповѣдаются не иначе, какъ прежде признавшись въ блуднической жизни, и обѣщавъ передъ духовникомъ жить послѣ исповѣди безъ жены, — безъ того не станетъ исповѣдывать ихъ ни одинъ изъ духовниковъ сего кладбища. Вотъ напримѣръ недавній случай. Нѣкто жилъ съ одною въ видѣ супружества довольное время и прижилъ сына, и жили въ домѣ тещи открыто. Вдругъ жена опасно заболѣла. Нужно ее исповѣдывать, а при совмѣстномъ съ нею сожителствѣ называемаго мужа, живущаго въ одномъ домѣ, исповѣдывать духовники не берутся. И вотъ теща отправляетъ зятя, подъ видомъ торговли, въ отдаленный городъ, обѣщая извѣстить его о женѣ въ скоромъ времени письмомъ. Зять получаетъ отъ тещи два письма о томъ, что жена его поправляется, тогда какъ ее давно уже похоронили, а зять до своего пріѣзда въ Москву о томъ не зналъ. Какъ бы вы думали, для чего теща удалила изъ Москвы зятя и не увѣдомляла его о смерти своей дочери? Это для того, чтобы дочь свою показать совершенною дѣвственницею; а въ присутствіи мнимаго мужа ее не стали бы ее ни исповѣдывать, ни отпѣвать.

— Можетъ быть блудно живетъ кто-либо и изъ тѣхъ, которые въ собраніи молились?

— Это безспорно, природа беретъ верхъ надъ суевѣріями. Но у нихъ блудники раздѣляются на много разрядовъ; главныхъ два: тайные и явные. Кто явно не держитъ при себѣ женщины, или хотъ и держитъ, но предъ народомъ называетъ ее кухаркою, а не женою, тотъ блудникъ тай-

ный и судится тайно, только однимъ его духовникомъ; опъ считается непорочнымъ дѣвственникомъ, и принимается къ моленію и всякому общенію, какъ истинный дѣвственникъ. На это у нихъ есть поговорка: тайный грѣхъ тайно судится. А кто явно при себѣ держитъ женщину и называетъ ее публично и въ записяхъ женою, тотъ почитается явнымъ блудникомъ, и отъ общеннаго моленія, питія и яденія изъ одной посуды отлучается. Допускаются же стоять во время моленія назади, только для того, чтобы чувствовали, что они соборнаго общенія съ ихъ единомысленниками лишили сами себя своими женами, а стоятъ въ молельнѣ назади какъ изгнанный Адамъ у дверей райа. Къ первымъ принадлежатъ дѣвственники, тайножены, дѣвкожены, многожены и старожены, если отъ сихъ послѣднихъ нѣтъ чадородія; а ко вторымъ новожены, половники и старожены, рождающіе дѣтей по переходѣ изъ православія въ Федосѣевскую секту.

— Удивляюсь ихъ грубымъ понятіямъ. Неужели имъ пріятно все свое общество сдѣлать блудническимъ?

— Грубость нравовъ сама собою, но возмутительнѣе всего вотъ что. Всѣ прихожане Преображенскаго кладбища, почитая себя блудниками, а женъ и дѣтей — камнями преткновенія на пути къ царствію небесному, по совѣту духовниковъ, свое имѣніе и капиталы передаютъ на кладбище, или близкимъ единомышленникамъ, особенно попечителямъ и отцамъ. У кладбищенцевъ часто можно слышать въ разговорахъ: «неужели ты отдашь свое имѣніе женѣ или дѣтямъ? Нѣтъ, не губи себя: отъ Христа имѣніе тебѣ дано, и ты отдай его Христу» (то есть на кладбище). По такому ученію, нѣкоторые при жизни отдаютъ свои капиталы на кладбище сами, оставляя женъ и дѣтей безъ всякаго состоянія, или оставшіеся послѣ умершихъ капиталы выманиваютъ настоятели у тѣхъ, которые жили съ умершимъ вмѣстѣ и прибрали при смерти капиталъ къ себѣ. Если же они не отдадутъ

настоятелямъ, то послѣдніе подвергаютъ непослушныхъ епитеміи за присвоеніе чужой собственности. Вся сила секты въ деньгахъ. Настоятели стараются приобрѣсть себѣ капиталъ отъ прихожанъ, а отъ настоятелей попечители и ревностные прихожане.

Послѣ этого любопытнаго разговора я опять пошелъ въ моленную, гдѣ трапеза шла очень исправно и продолжалась около двухъ съ половиною часовъ; кушанье все было рыбное и молочное; за тѣмъ подавали фруктовъ десертъ; фрукты всѣ ѣли въ обмачку въ сотовый медъ, поставленный на столахъ въ чашкахъ. Всѣхъ перемѣнъ кушанья съ фруктами было около 20-ти. По окончаніи трапезы, читающій жертвенникъ отдалъ главному настоятелю земной поклонъ и вышелъ вонъ. Въ это время раздался колокольный звонъ и настоятель съ бывшими за трапезою всталъ и сдѣлалъ возгласъ, а пѣвцы, сказавъ *аминь*, запѣли стихиру Успенію Богоматери, которая написана крюковыми нотами на большомъ листѣ и вложена въ рамку за стекломъ. Настоятель, взявъ икону Успенія Богоматери, понесъ оную въ соборную часовню, а впереди иконы несли большой подсвѣчникъ съ зажженною свѣчю; позади шли пѣвцы со всѣми трапезовавшими и пѣли оную стихиру; пѣніе окончили въ соборной часовнѣ, и разошлись всѣ по своимъ мѣстамъ. Звонъ на колокольнѣ продолжался до входа настоятеля съ иконою въ соборную моленную.

Такъ кончился весь церемоніаль празднованія и вскорѣ послѣ этого моленной на мужскомъ дворѣ заперли. Затѣмъ я отправился на женскій дворъ и ходилъ по тамошнимъ палатамъ. Воздухъ въ палатахъ женскаго двора, отъ закрытія оконъ, до того былъ тяжелъ и удушливъ, что какъ я, такъ и другіе посѣтители не могли долго ходить по палатамъ. Одинъ изъ посѣтителей спросилъ у сторожа при воротахъ женскаго двора: отчего у нихъ такъ удушливо? На это сторожь отвѣчалъ: у насъ очень хорошо и легко; мы такой запахъ любимъ, а не любимъ вашего

табачнаго запаха, который воняетъ хуже павоза, а дымъ отъ табаку все равно что дымъ въ кромѣшномъ аду.

Осмотрѣвъ на женскомъ дворѣ молельни, пошелъ я на могилы, къ которымъ дорога проложена около самой мужскаго двора ограды. Изъ-подъ пей на дорогу выведены выгребныя ямы, и отъ этого идущіи сею дорогою прежде всего поражается сильнымъ зловоніемъ. Дорога прямо проходитъ къ вышесказанной часовнѣ; не доходя оной, на лѣвой сторонѣ, большая сторожка; а за часовнею деревянный крестъ, длиною аршина въ три, съ вырѣзаннымъ распятымъ тѣломъ Спасителя, стоящій въ особой маленькой часовенкѣ, въ которой горитъ лампада. У этого креста погребены Илья Алексѣевъ Ковылинъ и пр. настоятели и попечители Преображенскаго кладбища; а за крестомъ правѣе къ Хапиловскому пруду тянутся другія могилы. Ближе къ Хапиловскому пруду въ удаленіи отъ прочихъ есть нѣсколько могилъ, въ видѣ отводимыхъ для похороненія лишенныхъ христіанскаго погребенія. Я спросилъ бывшихъ тутъ людей: кто здѣсь похороненъ? Нашелся одинъ знатокъ, который объяснилъ, что похоронены здѣсь умершіе безъ покаянія; а другіе, напримѣръ Аграфена Мушникова и Федосья Скачкова, хотя умерли съ покаяніемъ, погребены здѣсь за то, что онѣ принадлежали къ Мониной молельнѣ, прихожанъ которой долгое время Преображенцы погребать съ своими собратіями на однихъ мѣстахъ не допускали по той причинѣ, что Монинцы одолѣли Преображенцевъ на соборномъ словопреніи и сдѣлали ихъ безгласными. На могилахъ много есть памятниковъ мраморныхъ и дикаго камня, съ надгробными надписями.

Предъ рѣзнымъ большимъ крестомъ Христовымъ въ маленькой часовенкѣ, главное мѣсто въ особой желѣзной рѣшеткѣ занимаетъ могила Ильи Алексѣева Ковылина. На ней камень и слѣдующія надписи,—на переди камня: «подъ симъ камнемъ погребено тѣло попечителя и учредителя Преображенскаго богадѣленнаго дома московскаго купца

Ильи Алексѣевича Ковылина, скончавшагося въ 1809 г., августа 21 дня, пополудни во 2-мъ часу, на 78 году отъ рожденія его». На правой сторонѣ: «смертный! помни, что святая Церковь или духовное христіанъ собраніе есть одно тѣло, котораго глава—Христось, и что всякое несогласіе между христіанами болѣзнь Церкви, оскорбляющая главу ея. Такъ старайся убѣгать всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые удобны къ воспаленію вражды и раздоровъ». На лѣвой сторонѣ: «Не забудь, о человѣкъ, что состояніе твое на земли опредѣлено вѣчною мудростію, которая знаетъ сердце твое, видитъ суету желаній твоихъ и часто отвращаетъ ухо отъ прошенія твоего изъ единого милосердія».

Эти надписи торжественно обличаютъ Ковылина въ оскорбленіи Церкви, въ виду зданій, предъ самою его могилою выстроенныхъ имъ, съ цѣлію раздора и отдѣла отъ св. Христовой Церкви.

Въ надписяхъ на многихъ памятникахъ умершіе названы двумя именами. Это знакъ того, что они были переkreщенцы. На нѣкоторыхъ памятникахъ написано *имя рекъ*; это потому, что умершіе можетъ быть были многоименные. У Ѳедосѣянъ сложена слѣдующая повѣсть. Одинъ встрѣтился послѣ долгой разлуки съ своимъ знакомымъ и, обрадовавшись, вскрикнулъ: «ахъ, Васильюшка, здравствуй, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались». Тотъ отвѣчаетъ: «обознался, я не Василій и тебя не знаю». Первый, несмотря на это, увѣрялъ его, что они вмѣстѣ жили тутъ-то и тогда-то, и когда послѣднему невозможно было больше отговариваться незнакомствомъ, тогда онъ сказалъ, что онъ теперь не Василій, а по второму святому крещенію бѣглый солдатъ. Когда же первый на этотъ отвѣтъ замѣтилъ, что это есть такое преступленіе, за которое сошлютъ въ Сибирь; тогда тотъ отвѣтилъ, что два раза былъ ссылаемъ въ Сибирь, но по милостивому манифесту бѣжалъ съ дороги.— Не безъ причины въ народѣ молва носится, что лучше всего бѣглымъ людямъ укрываться чрезъ переходъ въ Ѳедосѣеву секту: по два и даже

болѣе именъ у одного умершаго могло быть не отъ одного перекрещиванія, а непременно и для сокрытія именъ по уголовнымъ дѣламъ.

По обозрѣніи памятниковъ возвращался я къ часовнѣ и былъ увлеченъ любопытствомъ посмотрѣть толпу народа стоявшаго не подалеку отъ часовни на могилахъ. Этотъ народъ—большею частію фабричные, ремесленники и кладбищенскіе жители. Между ними происходило словопреніе о различіяхъ вѣръ; около ихъ стояла толпа слушателей. Разговоръ только начинался и я остановился послушать.

1-й. Здравствуй, г. преображенецъ.

2-й. Здравствуй, и знай, что я хоть преображенецъ, да истинный христіанинъ.

1-й. Не женившійся и бѣгающій жены, яко Еввы, боясь соблазниться вкушеніемъ плода отъ запрещеннаго древа.

2-й. Нѣтъ, я убѣгаю только тебя и тебѣ подобныхъ и соблюдаю свое христіанство твердо.

1-й. Почему же ты называешься христіанинъ?

2-й. Потому что заповѣданное намъ отъ нашихъ предковъ, не согласившихся съ Никономъ патріархомъ, соблюдаю твердо и нерушимо.

1-й. Да это, любезный, не есть доказательство, что ты христіанинъ; поэтому тебя можно назвать скорѣй предковецъ, а не христіанинъ.

2-й. Нѣтъ, я не предковецъ и не вѣтковецъ, а истинный христіанинъ и получилъ это имя отъ самаго моего рожденія. Потому что мои и родители, и дѣды были по этому кладбищу.

1-й. Да я тебя спрашиваю не о кладбищѣ, а о томъ, почему ты называешься христіанинъ?

2-й. Христіанинъ я потому называюсь, что крещенъ по старопечатнымъ книгамъ и читаю символъ вѣры по старымъ книгамъ, а не по повымъ.

1-й. Нѣтъ, дружокъ, вѣрно ты самъ не знаешь, почему называешься христіанинъ, а послушай лучше меня: я на-

зываюсь христіанинъ потому, что вѣрую во Христа,—отъ вѣрованія во Христа получилъ и имя христіанина.

2-й. Оно и по всему похоже, что ты христіанинъ; развѣ христіане носятъ нѣмецкую одежду и курятъ табакъ? Это нечестіе, по писанію, должно послѣдовать только въ пришествіе антихристова; ибо писано, что въ послѣднее время отступятъ отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіямъ бѣсовскимъ, и во мнящихся христіанѣхъ возникнетъ бѣсовская табака; а гдѣ будетъ бѣсъ, тамъ не будетъ Христа. Посему ты куришь и нюхаешь табакъ бѣсовскій, отъ того и не можешь быть христіанинъ; да на тебѣ и образа-то нѣтъ христіанскаго.

1-й. О послѣднемъ-то времени писалъ св. Апостоль Павелъ и написалъ такъ: «Духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣщцы отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лице мѣрїи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ жениться, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе». Вотъ видишь, любезный, что эти слова къ намъ не относятся. Потому что мы никому не запрещаемъ жениться и удаляться отъ брашенъ, а ѣдимъ все во славу Божию; равно и одеждою не лицемѣрствуемъ, и своихъ грѣховъ не покрываемъ грубымъ одѣяніемъ. А вотъ вы жениться запрещаете и одобряете жизнь блудную, а не брачную; на торжищахъ покупаемое брашно ѣсть запрещаете; пить вино и ѣсть мясное кушанье не вслите; одеждою татарскаго покроя хотите доказать свое степенство и цѣломудріе, и ею покрываете только свои пороки; предъ всѣми всегда говорите ложь и истиною въ вѣрѣ вы не дорожите; кто вамъ говоритъ правду, вы стараетесь заглушить его не писаніемъ, а кричаніемъ и бранью, и это дѣлаете потому, что у васъ совѣсть сожжена. Судя по такимъ дѣйствіямъ это пророчество сказано объ васъ, а не объ насъ; вы, а не мы, внемлете духамъ лестчимъ и ученіямъ бѣсовскимъ, и ваша секта есть не Хри-

стова церковь. Поэтому ты лучше бы назывался пре-
ображенецъ, а не истинный христіанинъ.

2-й. Мы женимся не возбраняемъ, а на кладбищѣ не производимъ браковъ, не ѣдимъ мяснова и не пьемъ вина, потому что здѣсь монастырь нашъ, а въ монастыряхъ браковъ нигдѣ не имѣютъ и мяса не ѣдятъ, и питейныхъ домовъ не строятъ.

1-й. Все это пустыя отговорки; въ монастыряхъ живутъ монахи, на вашемъ же кладбищѣ всѣ бѣльцы, а не монахи; слѣдовательно ваше кладбище не есть монастырь. Въ монастыряхъ монахи хотя сами мяса не ѣдятъ, но работникамъ монастырскимъ не запрещаютъ, а вино дозволяютъ пить по уставу и монахамъ и бѣльцамъ, а у васъ никому. Не возбраняете жениться только на словахъ, а на дѣлѣ строго воспрещаете и женатыхъ къ общему молению не допускаете; а въ монастыряхъ не запрещается приходить молиться женатымъ даже и съ женами и съ дѣтьми. У васъ не вѣра, а совершенный развратъ, и все ваше общество, по этому вашему ученію, блудническое, о которомъ сказано, что поборницы антихристу будутъ Едомъ и Моавъ, т.-е. общество сластолюбивыхъ блудниковъ. У васъ блудодѣяніе не есть порокъ одного человека, а есть главное основаніе всей вашей секты. Поистинѣ вы поборницы антихристовы.

Словопреніе прервано было появленіемъ идущаго на могилы чиновника въ статскомъ платьѣ. 1-й собесѣдникъ спросилъ 2-го: кто это такой?

— Это здѣшній смотритель.

— Такъ надъ вами есть смотритель?

— Есть, да еще не одинъ, есть еще наибольшой надъ нимъ.

— Что же они здѣсь дѣлаютъ?

— Они за здѣшнимъ мѣстомъ надсматриваютъ и за насъ вездѣ хлопочутъ у начальства.

— А не стѣсняють они васъ и не ограничиваютъ вашихъ бредней и особенно тѣхъ, которые вредны государству?

— Нѣтъ, они у насъ добрые люди, они за насъ, а не на насъ, они наши главные защитники.

— Жалованье они получаютъ отъ васъ, или нѣтъ?

— Я этого не знаю, но за ихъ къ намъ благодѣянія, Господь невидимо имъ счастье посылаетъ. Вотъ этотъ смотритель поступилъ къ намъ бѣднымъ человѣкомъ, а теперь сталъ богатъ, купилъ домъ, деревню и вотъ приѣхалъ сюда въ каретѣ парюю, въ большой чинъ произведенъ,—вопъ его карихъ лошадей-то проѣзжаютъ.

— Значить ваше мѣстечко тепленькое?

Не дослушавъ окончанія бесѣды, я пошелъ слушать вечерню на мужскомъ и на женскомъ дворахъ. Пѣніе было крюковое; слова выпѣвали съ разными прибавленіями, а именно: въ стихирѣ Богородицѣ слова: *Петръ же видѣвъ*, въ пѣніи произносили: *Петро видѣвоша*; вмѣсто *Господи возвахъ къ тебѣ*, пѣли: *Господи возвахо ко тебѣ*, и проч.; а на женскомъ дворѣ пѣли и читали въ носъ.

По окончаніи служенія я подошелъ къ настоятелю, поклонился ему и сказалъ: здравствуй, отецъ, скажи намъ пожалуйста, для чего у васъ поютъ въ носъ.

Настоятель. Такъ повелѣно св. отцами, которые сами слышали ангельское пѣніе и по подобію ангельскому передали Христовой Церкви.

Я. Для чего же въ пѣніи произносятъ испорченныя и непонятныя слова?

Настоятель. Такъ установлено издревле и такъ пѣвали св. отцы и этимъ пѣніемъ спаслись; по этому и мы такъ поемъ. Вотъ взгляните, книги - то у насъ древнія.—При этихъ словахъ подалъ намъ потные крюковые ирмосы; они писаны за сто лѣтъ, уставомъ и по крюковымъ нотамъ, безъ всякаго соблюденія правописанія и съ непонятными выраженіями. Я, увидавъ ирмосъ 7-й пѣсни на Рождество Христово написаннымъ такъ: «весехо царя укориша», спросилъ настоятеля: что эти слова означаютъ? на что онъ отвѣчалъ слѣдующее:

— Это значитъ: Весеха былъ царь; такъ его звали

Весехомъ,— и онъ покорился предъ Рождествомъ Христовымъ.

Я. Вы криво толкуете. Въ ирмосѣ идетъ рѣчь не о Весехѣ, какомъ-то царѣ, а о *Всецарѣ*, т.-е. о Вседержителѣ Богѣ, и не о томъ, что Весеха покорился, а о томъ, что отроки, уловленные любовію къ Всецарю, *укорили* злословіе вавилонскаго мучителя.

Настоятель. Такъ ли, не такъ ли толкуемъ, только намъ нельзя такъ пѣть, какъ говоримъ,—это будетъ новое, а не старое; а старое заведено св. отцами, мы перемѣнить его не смѣемъ; апостоль Павель глаголетъ: аще кто прибавить, или убавить, тотъ да будетъ анаѰема. Вотъ какая страшная клятва наложена на нововводниковъ церковныхъ.

Я. Вы бы пѣли такъ, какъ у васъ напечатано въ книгахъ печатныхъ.

Настоятель. По печати невозможно пѣть, тамъ нѣтъ крюковыхъ распѣвовъ.

Я. Вы могли бы слова выписать оттуда, а надъ ними надписать нотные крюки изъ пѣвчей книги.

Настоятель. Да это будетъ ужъ новое пѣніе, а не старое; а мы какъ оно было въ древности, такъ его и сохранимъ, а перемѣнить боимся клятвы.

Я. Можетъ быть св. отцы пѣвали не такъ, какъ поете теперь вы?

Настоятель. Нѣтъ, батюшка, что они такъ пѣли, это мы знаемъ вѣрно, это намъ доказали предки старинными книгами; они и спаслись по такимъ книгамъ.

Я. Да можетъ быть святые-то не по этимъ вашимъ книгамъ пѣвали, и спаслись не отъ того, что такъ пѣли, а за другія добродѣтели?

Настоятель. Нѣтъ, прости, объ этомъ вамъ столько не знать, сколько мы знаемъ. Мы и денно и ночью пребываемъ на книгахъ и знаемъ, что по этимъ старописьменнымъ книгамъ пѣли святые; по нимъ они спаслись; таковыя книги сохранимъ для спасенія и мы. Еслибы можно было допустить, что св. отцы ошиблись, да спаслись, такъ

и мы грѣшные, по примѣру ихъ, ошибемся и спасемся; а перемѣнить боимся наложенныхъ престашныхъ клятвъ, которыхъ не только что понести, но и вымолвить страшно.

Въ сіе время подошелъ ко мнѣ одинъ, по видимому изъ прихожанъ кладбищенскихъ, и раскрывъ другую пѣвчую книгу, сказалъ мнѣ: древнее крюковое пѣніе есть вещь мудрая и заключаетъ въ себѣ великое таинство; потому, и не можно объ немъ судить такъ, какъ мы судимъ о словахъ и рѣчахъ старопечатныхъ книгъ. Вотъ взгляните: у насъ во время всенощной па псалмѣ: Благослови душе моя Господа, въ припѣвѣ пропѣваются греческія таинственныя слова: ай, не, не, най, ай, не, не, най, а ни. Вотъ можете ли что понимать?

Я, замѣтивъ въ книгѣ, что въ распѣвѣ написано: «слава ти Господи, ай, не, не, най, ай, не, не, най, ай, не ни сотворившему вся», сказалъ, что тутъ понять ничего не могу, а полагаю, что сіи слова ничего не означаютъ, а поставлены для протяжности пѣнія.

На сіе подошедшій отвѣчалъ: кажется вы люди образованные, а понять не можете богословскихъ словъ. Я просилъ его объяснить мнѣ таинство сихъ словъ. Уважая мою просьбу, онъ раскрылъ старопечатный октай, показалъ мнѣ выходъ и сказалъ: октай печатанъ при Іосифѣ патріархѣ; потомъ нашелъ въ какомъ-то канонѣ Богородиченъ, въ которомъ говорилось: «Пресвятая Дѣво, не остави насъ въ тревоженіи, яко не непричастни быхомъ твоего покрова», и, показавъ эти слова мнѣ, спросилъ, понимаю ли я ихъ? и не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: вотъ и въ печатныхъ книгахъ находятся слова такія же какъ въ пѣвчихъ — *не, не*, и сіи слова богословскія: ибо октай сочиненъ Іоанномъ Дамаскинымъ; а Іоаннъ Дамаскинъ былъ богословъ и сочинилъ Богословію; слѣдовательно и слова—*не, не*—богословскія, а не простыя. И послѣ таковаго объясненія закрылъ книгу и взглянулъ на меня съ улыбкою самодовольствія.

Я, видя, что отъ таковыхъ собесѣдниковъ ничего больше

узнать невозможно, и что они не боятся злоупотреблять даже словами святыхъ отцовъ, поблагодарилъ ихъ за объясненіе и ушелъ на мужской дворъ. Тамъ собирали вечернюю трапезу внизу, а въ молельнѣ надъ воротами оканчивали вечерню. По окончаніи вечерни старики, занимавшіе должности настоятелей и учителей, сѣли въ молельнѣ. Одинъ изъ нихъ, какъ оказалось, не здѣшній, а пріѣзжій, — подошелъ къ клиросамъ и взявъ подручникъ *), положилъ предъ иконами два поклона поясныхъ, а третій земной, и, подошедъ къ сидѣвшимъ настоятелямъ, поклонился имъ въ землю, а они ему въ отвѣтъ кивнули головами и позволили ему сѣсть на стулъ противъ нихъ.

Одинъ изъ настоятелей спросилъ его: Како спасается о Христѣ единовѣрная братія въ нашемъ градѣ?

Пришедшій. Прости Христа ради, приказали тебѣ, отче, и всѣмъ православнымъ христіанамъ, а наипаче настоятелямъ сего богохранимаго сіонскаго Іеросалима, лицеzemно кланяться. Просили твоего, отче, совѣта, какъ намъ съ молодыми ребятами поступать? У насъ бо они живутъ пыпѣ очень вольно. Нѣкіи хотя и живутъ печисто, да тайно, безъ зазора, и во грѣхахъ блудныхъ приносятъ покаяніе; а нѣкіи играютъ открыто свадьбы, дѣлаютъ вечеринны и поютъ о женящихся молсбны, объявляютъ, что они бракъ свой и безъ вѣнчанія почитаютъ законнымъ, и общаются до смерти жить неразлучно. Эти, прости Христа ради, дьявольскіе обѣты укрѣпляютъ присягою, цѣлуя святой животворящей крестъ Господень и пресвятое Евангеліе. Что съ нынѣшнимъ народомъ дѣлать и какъ управлять, наши старики ума-разума не приложатъ. Чтò еще? на молебнѣ-то канонъ поютъ какой-то по-

---

*) Такъ называется подстилка квадратная, сшитая изъ какой-нибудь матеріи и набитая внутри ватой, или хлопкомъ, въ видѣ подушки, но очень тонкая. Подручникомъ называется потому, что когда кланяются въ землю, тогда подстилаютъ его подъ руки на полу. .

вый, Мониинскаго сочибенія, что сочиненъ-то будто Скачковымъ, трясучкою проклятымъ, а не свято отеческой. Гдѣ это слыхано, чтобы читать законъ сочиненный вновѣ, а не святымъ отцомъ? Вотъ истинно послѣднее время, и народъ уклонился въ сласти; а пѣкнн вѣнчаются въ церкви или выманиваютъ свидѣтельства у священниковъ, а послѣ того живутъ какъ мужъ съ женою, рождаютъ дѣтей и приносятъ къ намъ крестить. Что дѣлать, отче, въ сіе безчинное и самовольное время?

Настоятель. Прости Христа ради, мы и сами съ этою сволочюю монинскою бились долго, да Господь услышалъ нашу грѣшную молитву,—стариковъ ихъ поубралъ въ тартарары, а молодые наши отщепенцы взялись опять за умъ и приходятъ къ намъ съ покаяніемъ. По правилу не должно бы у нихъ дѣтей крестить, да боюсь, совсѣмъ уйдутъ въ церковь; а уйди изъ этихъ женатыхъ въ церковь одинъ, за нимъ другой и третій, а послѣ и содержать братію нечѣмъ будетъ. Или пожалуй заведутъ которы (несогласія) и ссоры, какъ заводилъ въ 1816 году Лаврентій Осиповъ у насъ въ Москвѣ, да и пойдутъ подъ иновѣрный судъ и насъ туда притянутъ. А ты самъ знаешь, 21-мъ правиломъ бывшаго въ Польшѣ 7263-го лѣта собора подъ иновѣрный судъ ходить запрещено; а на презирающихъ это правило повелѣно соборомъ налагать епитимію 1000 поклоновъ. Нынѣ сіе правило презираютъ и христіанство отъ этого содержатъ слабѣе, да что и говорить? Смѣсишася съ языки и навывкопа дѣломъ ихъ злымъ.

Пришедшій. Прости Христа ради, отче, вотъ у васъ такіе продерзатели уничтожаются, а у насъ по городамъ прежде ихъ и не слыхано было, а нынѣ появились и умножаются, и отъ нашего стада отбиваютъ овецъ соблазномъ брачнымъ, а народъ молодой падохъ. Обѣщай женить, и писаніе въ сторону, и святому цѣломудрію и дѣвству скажетъ: прощай,—и былъ таковъ; а послѣ еще и намъ сдѣлается врагъ. Вамъ бы этихъ плевельныхъ

выродковъ надобно было въ началѣ исторгнуть съ корнемъ прежде еще жатвы, а то вотъ они отъ васъ къ намъ перешли, словно крысы къ сосѣду, вражимъ колдовствомъ перегнанные.

Настоятель. Вы указывайте имъ въ Кормчей на 43 и 50-ю главы; здѣсь сказано, что бракъ можетъ составиться отъ православнаго священника чрезъ вѣнчаніе; а у насъ нынѣ нѣтъ во всемъ мірѣ православныхъ священниковъ нашего согласія. Когда будемъ имѣть въ своемъ согласіи своихъ православныхъ поповъ, тогда и жениться будемъ позволять; а своихъ-то поповъ не дождемся пожалуй до втораго страшнаго Христова пришествія.

Пришедшій. Прости Христа ради, мы это имъ говорили и читали имъ въ Кормчей новую заповѣдь царя Алексѣя Комнина; а они говорятъ, что во времена апостольскія вѣнчанія не было христіанамъ и послѣ имъ вѣнчанія не было болѣе 1000 лѣтъ, а все христіане жили въ бракѣ, и бракъ былъ у нихъ честенъ и законенъ. Апостоль Павелъ призналъ бракъ законнымъ у самыхъ язычниковъ, у которыхъ нѣтъ и совѣмъ никакого вѣнчанія. Да еще что, прости Господи, говорятъ, и не вымолвишь безъ страху: говорятъ, что основаніе браку самъ Богъ положилъ еще при сотвореніи свѣта и благословилъ тогда Господь всѣхъ брачующихся, сказавъ Адаму: «Раститесь и множитесь, и наполняйте землю и обладайте ею»,—и приводятъ отъ Златоуста и отъ другихъ святыхъ разныя свидѣтельства въ свое оправданіе; да только свидѣтельства эти, прости Христа ради, все больше новыя—изъ бесѣдъ Златоуста на апостольскія посланія, печатанныхъ въ Кіевѣ, да изъ Четкихъ миней.

Настоятель. Прости Христа ради, бесѣдъ и Миней Четій старопечатныхъ, точно, нѣтъ, а въ Кіевѣ печатались тогда, когда Польша заразилась уже униєю. Поэтому эти книги новыя читать грѣшно, мы всѣмъ запрещаемъ чтеніе оныхъ; а которые насъ не послушали и читали, тѣ соблазнились оными и женились. Эти книги о бракахъ соблазнительны

для насъ и очень опасны; отъ новыхъ сочинителей какъ можно дальше должно убѣгать; а то зачитаемся и погибнемъ. И если на самомъ дѣлѣ Златоустъ и другіе святыя писали что о бракѣ, то это писано было на время до пришествія антихриста; а мы живемъ ужъ тогда, когда, по Апостолу, «прешель образъ міра сего» и приближается кончина вѣка сего; потому-то не все написанное должно намъ принимать нынѣ въ уваженіе.

Въ это время пришелъ книжный, т.-с. одинъ изъ пѣвцовъ, и сказалъ настоятелю, что пріѣхалъ къ нимъ Елисей Саввичъ Морозовъ. Настоятель сказалъ: полно толковать о бракахъ, Морозовъ этого не любитъ, а то пожалуй осердится и присылать милостыни не станетъ; онъ человѣкъ грубый какъ желѣзо, никуда не пагнешь; во всемъ съ нами согласенъ, кромѣ браковъ; отъ своего мнѣнія о бракѣ отступится можетъ быть развѣ тогда, какъ дочерей отдастъ, сына женить, а самъ овдовѣть. Послѣ этихъ словъ настоятель всталъ, сдѣлалъ образамъ три поклона и одинъ самый низкій собесѣдникамъ, а они ему еще ниже поклонились, чуть не въ землю, и разошлись.

Послѣ сего вышелъ я изъ молельни и пошелъ опять на могилки, на которыхъ гулялъ народъ и стояли большія толпы народа вокругъ словопрителей. Я вслушался въ слѣдующій разговоръ.

— Я слышалъ, ты жену схоронилъ.

— Да, вотъ ужъ послѣ того прошло два мѣсяца.

— Куда же ты теперь ходишь молиться?

— Куда ходить? дома молюсь.

— Чтò ты упрямисься? Давно бы пришелъ на кладбище; ты ужъ старъ, жены тебѣ не нужно, а гдѣ найдешь нынѣ такую святыню, какова собрана на кладбищѣ: иконы, книги, даже иконостасы всѣ почти древніе,—чего еще отъ Бога желать; умремъ,¹ а лучше кладбищенской святости видѣ ничего не увидимъ.

— Не о женѣ и старинной святынѣ толкъ, а толкъ

о вѣрѣ. Ты знаешь, я браковъ отвергать не могу потому, что гнушающіеся брака Гангрскимъ соборомъ прокляты; а на кладбищѣ браковъ не пріемлютъ, и за царя не молятся, въ чемъ я съ вами согласиться не могу.

— Что тебѣ до браковъ? Ахъ старичекъ, старичекъ! твои ли ужь лѣта о бракахъ толковать? Тебѣ вѣдь не жениться; кто хочетъ жениться, тотъ пусть найдетъ священство поставленное патріархомъ Іосифомъ и тамъ повѣнчается. А за царя что молить? Намъ съ тобою не воевать и министрами не быть; хочетъ онъ—въ покоѣ жить, хочетъ—воюеть, намъ за него не отвѣчать; какъ хотятъ, такъ и воюеть. Ты о себѣ-то потолкуй; остался отъ всѣхъ Мопинскихъ одинъ. На вотъ тебѣ два письма, почитай ихъ у себя дома, они писаны—одно самимъ батюшкою Ильею Алексѣевичемъ, а другое нашимъ доблестнымъ проповѣдникомъ и страстотерпцемъ Сергѣемъ Семеновичемъ Гнусинымъ. При сихъ словахъ вручилъ ему оныя письма.

— Чрезъ запрещеніе браковъ нарушается естественный законъ, который данъ человѣку отъ самого Бога. Вы, запрещая бракъ, умножаете блудничество. Ты скажи: кто у васъ изъ всѣхъ хоть одинъ соблюдъ и соблюдаетъ дѣвство, вами для всѣхъ положенное непремѣннымъ закономъ?

— Да что намъ до чужихъ грѣховъ? Тайный грѣхъ тайно судится.

— Не о чужихъ грѣхахъ я говорю, а о самой вѣрѣ, заразившей всѣхъ васъ блудомъ. А за царя не молитесь почему?

— Что ты, что ты разгорячился? Мы молимъ за царя; ты самъ знаешь, что на ектеніи «Господи помилуй» 40 поемъ и на утрени въ псалмѣ 19-мъ читаемъ: «Господи, спаси царя и услыши ны, въ онъже день еще призовемъ тя».

— Знаю, знаю вашу ложь: вы *Господи помилуй* говорите 40 потому, что такъ постановлено въ уставѣ, а возгласовъ о моленіи за царя не читаете; посему вы *Го-*

споди помилуй поете за себя, а не за царя. Псаломъ читаете: «Господи, спаси царя», не потому, чтобы вы здѣсь разумѣли царя, а знаете изъ толкованія псалмовъ, что сей псаломъ не содержитъ въ себѣ прямого моленія за земнаго царя, а писанъ весь о Христѣ и царемъ въ семъ мѣстѣ называется Христось, которому надлежало съ діаволомъ бороться и претерпѣть распятіе на крестѣ. Притомъ говорите вы, что всякій человекъ самъ надъ собою есть царь, и на семъ основаніи эту молитву приносите за себя, а не за царя, и сю прикрываете свое немоленіе за царя. Еслибы вы принимали прямое моленіе за царя, то для чего бы вамъ было тропарь о царѣ читать такъ: Спаси Господи люди своя и благослови достойніе свое, побѣды православнымъ христіанамъ даруй? И въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ именно постановлено моленіе за царя, вмѣсто царя поминаете православныхъ христіанъ. Гдѣ у васъ война, какой вы просите себѣ побѣды? Что вы, республиканцы что ли?—Святыхъ мощей не почитаете, а если кто сходитъ въ Успенскій соборъ или въ Сергіеву Лавру поклониться онымъ, тѣхъ наказываете епитиміями; св. иконамъ древнимъ, находящимся у женатыхъ, не поклоняетесь; а другой лицемѣръ иногда еще скажетъ: ахъ какъ икона хороша, древняя и олифа старая: помолился бы, да руки нечисты. Лицемѣры вы, лицемѣры!

— Да ты раскуси прежде писаніе, тогда и толкуй; вѣлно молить за царей православныхъ, или хотя за язычниковъ и за христіанскихъ еретиковъ, только склонныхъ къ обращенію, да и не въ антихристово время. Нынѣшній царь не нашей вѣры, и имя носить на себѣ римское—императоръ, а не—царь, какъ напечатано въ древнихъ книгахъ; а въ Римѣ теперь папская вѣра, не православная. А всякое сообщеніе съ папою христіанамъ запрещено и не вѣлно за него приносить никакого моленія. Папа имѣетъ власть духовную и гражданскую: и нашъ царь управляетъ гражданскою частію и вмѣстѣ въ Синодѣ присут-

ствуешь, и о насъ судить самъ. Притомъ какой же побѣды просить царю, когда онъ не разрѣшаетъ намъ строить новыя молитвенныя дома и проповѣдывать слово Божіе, переходить къ намъ отъ церкви, именуешь насъ раскольниками и старается насъ перевести въ церковь; а самъ къ намъ и не думаетъ переходить. Теперь смотри, какой просить ему побѣды,—надъ самими нами что ли? И безъ сего скоро всѣ сами по себѣ уничтожимся отъ уклоненія въ женитьбу. Если въ міръ придетъ самъ антихристъ и будетъ гнать и убивать пророковъ Илію, Еноха и Евангелиста Іоанва, не просить ли и тогда побѣды на враговъ, то-есть: на насъ самихъ въ лицѣ пророковъ и Евангелиста?—Также объ мощахъ и иконахъ сказано въ писаніи: «аще мѣсто обдержатъ нечестивіи, бѣгай онаго»; и еще сказано: «на мѣстѣ святѣ будетъ заустѣніе». Посему какой святости искать въ мощахъ или иконахъ, кои находятся въ рукахъ иновѣрныхъ? Ясно сказано, что на мѣстѣ святѣ будетъ заустѣніе, то-есть святости уже при мощахъ и иконахъ у иновѣрцевъ не будетъ никакой, и они будутъ пусты благодати Божіей.

— Проклятое твое ученіе, а съ нимъ и ты проклятъ!

— Не горячись, не горячись, подумай, — ты скоро умрешь, а похоронить тебя у васъ некому, несмотря на твой большой капиталъ; останешься безъ помину. Подумай лучше, и переходи къ намъ; безъ нашихъ никто и погребенія по тебѣ не отпоетъ; вѣдь ваши Монинцы всѣ къ намъ обратились, и тебѣ пора.

— Не пѣть погребенія по мнѣ вашимъ. Я не былъ кладбищенскимъ и не буду.

— Да какой же ты?

— Пріемлющій браки и моленіе за царя. Къ вамъ я никогда не пристану. Вы—великіе кощуны. Вотъ напри- мѣръ Алексѣй Терентьевъ, послѣ соборовъ вашихъ, на которыхъ уложили уничтожать у своихъ прихожанъ части св. мощей и непоклоняться иконѣ всѣхъ скорба-

щимъ Радости, обобралъ вездѣ на кладбищѣ по кельямъ таковыя иконы и мощи, побросалъ въ ретирадныя мѣста. И покаралъ же его Богъ за это: недѣли чрезъ три послѣ этого онъ съ ума сошелъ, и самъ ѣлъ свой калъ, сидѣлъ на цѣли. Явно наказанъ Богомъ, и вы будете наказаны, если не раскаетесь въ своихъ дерзкихъ вракахъ. Прощай и обо мнѣ не тужи, а подумай о себѣ; пора и тебѣ раскаяться и придти въ здоровое чувство.

— Нѣтъ, ты заврался очень много, образумишься еще и будешь нашъ. Иначе на томъ свѣтѣ увидишь, какъ тебя съ женою будутъ поджаривать на сковородкѣ. Тогда запоешь не то, да поздно ужъ будетъ; въ адѣ никто не исповѣдывается.

Такъ окончился ихъ разговоръ, и они разошлись, не глядя одинъ на другаго. Второй изъ собесѣдниковъ вынулъ изъ кармана данныя ему первымъ письма и бросилъ на могилкахъ; а я, идя позади его, поднималъ и бралъ къ себѣ.

Одно изъ этихъ писемъ было отъ Кавылина по такому случаю: въ 1771 г. одинъ поповецъ сдѣлалъ Ильѣ Алексѣвичу Кавылину, между прочими, слѣдующій вопросъ: браки и дѣторожденія у христіанъ до самаго ли пришествія Христова будутъ? повѣждь ми. Аще не будутъ, то кій пророкъ предвозвѣсти? На сіе Илья Алексѣвичъ отвѣтствовалъ тако.

„Во время паденія Вавилонскаго гласъ жениха и невѣсты не услышится; и паки: время открыеть и искусь цѣломудрствующихъ, тогда и во чревѣ имущи разсядутся, и горе непразднымъ и доящимъ въ тья дни; и браки безчинныя возлюбятъ якоже при Нои и Лотѣ. И по прореченномъ разсыплется рука людей освященныхъ и жертва и жреніе возмется. И паки: и осквернятъ священіе, и представятъ учашеніе и дадутъ мерзость заупустѣнія, и прочая. Къ сему же и Богодохновенный органъ, въ горькоболѣзненномъ своемъ словеси о скончаніи міра, плачевно бряцая, возглашаетъ: внушите вси живущи на вселеннѣй, вкупѣ богатъ и убогъ, мужескъ полъ и женскъ, черноризецъ и мірскій, старецъ и юноща, дѣвы и старцы земстін, царіе и вси судящіе земли, послушайте писаннаго: время сокращено

есть; да имущіи жены яко не имущіи будутъ; тѣмъже убо отвергше нечистотная мірская похотѣнія, благочестно и праведно проживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженныя надежды и явленія великаго Бога и Спаса нашего Іеуса Христа“.

„Аще сія тако будетъ, то кія браки? Кое сочетаніе? Кое чадородіе, егда чрезъ волю Божию совокуплятися будутъ, кромѣ написанной отъ святыхъ церемоніи, кромѣ благословенія руки людей освященныхъ, кромѣ молитвъ ангелословныхъ? И паки: кромѣ священнословія совокупляющіеся на грѣхъ сходятся, и отъ святыхъ ангель безсвященнословныя браки блудомъ имѣются, и яко блудодѣйствующія отъ воздушныхъ мытомцевъ истязуются. И тако сіи браки не законни, паче же незаконни, и ничтоже суть“.

Другое письмо отъ настоятелей Преображенскаго кладбища къ московскому фабриканту Василию Андреевичу Большову. Они прослышали, что онъ задумалъ жениться, и убѣждаютъ его удержаться отъ этого богопротивнаго намѣренія. Вотъ выдержка изъ этого широковѣщательнаго посланія.

„О избранный и великородный сыне Вышняго, камо заходиши свѣтлоблестательное происхождение? Како отемнѣваеши злато искушенное? Како потускиѣваеши камению измаргаде? О! кто дастъ главѣ моей воду, и очима моима источникъ слезъ, да плачуся и возрыдаю скорому предложенію вашему? О! разумниче драгий, не вѣси ли, яко, ловяще, уловиша тя, яко птенца врази наши; уморяютъ въ настоящемъ мпролюбномъ потоцѣ жизнь твою. О! презрядный напѣ знакомецъ, боюся, и трепеть вступаетъ въ кости моя, еда како бы не сбылось на тя давидское прорѣченіе: еще брашну суну въ устѣхъ ихъ, взыде гнѣвъ Божій на ня. Жалуется на вы Владыка глаголя: сыны родихъ, и вознесохъ, сіи же отвергошася мене, позна волю стяжавшаго и, и осель ясли Господина своего, Израиль же мене не позна, и людіе мои не разумѣша мене. Плача, плачетъ паки по васъ создатель милосердый и человѣколюбивый: людіе мои, что вы сотворихъ, или чимъ вы стужихъ, отвѣщайте ми; возведохъ вы святымъ крещеніемъ отъ земли Египетскія, грѣховнаго и печестиваго миролюбія, рукою крѣпкою и мышцею высокою, и не пребысте въ завѣтѣ моемъ, ни восхотѣсте послушати мене. Время послѣднее, время на самой громадѣ злобы стоитъ, кончина при дверяхъ, вечеръ приближися, се женихъ грядетъ со славою, се надежда христіанская открывается, се радость вѣчная изготавляется, се чертоги украшаются, се вѣнцы усвѣтливаются, се ризы брачныя испираются. Мы же отъ славы въ

безславіе склопаемся, мы отъ надежды въ нечаяніе скриваемся; мы отъ радости вѣчныя въ плачь и трепеть несповѣдимый подлагаемся; мы отъ чертоговъ, въ хлѣвища обетшалыя и калныя утекаемъ; мы въ вѣщевъ мѣсто, терніемъ главы збодасемъ, мы пресвѣтлыхъ вмѣсто ризь, каломъ ся мараемъ. О! лють, О! лють мнѣ! Какое коварствуя уловляеть агнца незлобиваго, агнца непорочнаго, чадо церковное, чадо сіоне, чадо Іерусалимле? Плачеть о вась мать родившая тя: О! плодъ болѣзни моя. О! подпора нищеть моей. О! сладкое мое чадо! что ти бысть; како нищеть моей погнушался; тебе ради женихъ мой сииде на землю; тебе ради въ нищеть поживе долгія лѣта, тебе ради наруганія и насмѣванія, и копечиѣ поносную смерть прія, да искупить тя отъ насилія вражія; тебе ради и азъ, невѣста его, выну день и ночь отъ змія крыяся бѣгаю и въ той незгодѣ породихъ тя, въ той незгодѣ воспиталъ тя; въ той незгодѣ обогатихъ тя, да пегли малое нѣкое пріобряду себѣ утѣшеніе. Что ти бысть подпора моя, возненавидѣлъ мя породившую тя; отвратился еси отъ доившія тя, бѣжнши отъ воспитавшія тя, радости моя, къ кому утѣха моя, въ какое прохлажденіе? Что ти бысть? камо грядеши, камо спѣшиши, юнотко моя? услыши гласъ плача матери своея, отри слезы горестныя—родившія тя; ужели чадо узвлелъ еси? покажи струпъ, и абіе излѣчу тя. Ужели любезное мое порожденіе, палъ еси? Востани абіе, готова тя подъяти, готова ты во объятія пріяти, готова ты въ нѣдра наип скрыти; пеотчай себе, небуди ловъ и обряца врагу моему; размысли разумниче, коль добро и коль красно жити съ братіями своими вкупѣ; коль же зло и коль богомерзко и мрачно свинопасемъ быти. Женихъ мой болѣзную, яко чловѣколюбець, вопіеть съ плачемъ: горе неправдымъ и отъ сосцу доящимъ въ настоящее время. Ты ли, скорбь моя, хочещи веселіе обрѣсти, сынъ мой? Ездра пророкъ свидѣтельствуетъ, пути (брачныя) и вси стезя ея терніемъ заростуть, занеже непройдутъ законно чловѣцы по нимъ. Ты ли силень еси съ веселіемъ ступати по нимъ? Ты ли еси терніемъ неблагоговореннаго брака стопы жизни твоея не истиши? Восплачутся, рече, дѣвы, немуще обручника; ты ли любоприхнися съ Богомъ яко силень оныхъ утѣшити? Восплачуть, глаголетъ, жены немѣющіе мужа. Ты ли ся хочещи парещися мужъ? Восплачутся дщери ихъ немущи помощи; ты ли помощникъ тѣпаливъ, выискался еси? Не слышиши ли конечное отсѣченіе: обручники ихъ во брани скончуются. Въ какой? всемірнаго отступленія. Охъ дерзости! не препреть ли тя первенець мой, тренебесный птищъ, Павелъ божественный: добро чловѣку еже тако быти. Или ты единъ разумнѣе его сталъ ся сказать не добро, но зло. Скорбь же плоти имѣтъ будутъ таковин; или ты могучнѣе всѣхъ, противяся Духу святому? Скажеш: нѣсть скорби, но утѣха. О! гдѣ

твое благородіе? О! гдѣ мое къ тебѣ наказаніе? какъ скоро хочешь быть злороднымъ? Еще ти другаго свидѣтеля, Христовыхъ и Павловыхъ устъ златоязычника Іоанна представляю, послушай, что онъ ти глаголетъ: хошу, да свободны будете. О! разумниче мой милый, онъ ти свободу сказуетъ, ты узы и темницу себѣ строишь. Послушай Павла и Златоуста, вѣрныхъ монахъ. Ужели отрекся въ конецъ; ужели не вспомниши болѣзни рожденія моего? Имущи, рече, жены, яко немущи будутъ. Іосифъ волоцкій сіе и на еретическія браки веліе обличеніе, иже женятся и посягаютъ и папешники и люторове, признаетъ. Сисиній же патріархъ Цареградскій, сіе и на всякіе беззаконныя браки разумѣетъ быти. Что се твориши чадо мое? Откупися отъ погибели вѣчныя, откупися отъ гражданства того вавилонскаго, исключись изъ области богомерзкаго антихриста; выпинись изъ сквернаго того гражданства; буди паки чадо мое любезное, буди чадо сіоне; женихъ мой тя приметъ, паки въ покровъ чистоты славно введетъ; паки тя обогатитъ. Сіе и сицеваая, мать наша общая, хлипая и рыдая, тебѣ нами смиренными вѣщаетъ, и нашему убожеству жалостно блицаетъ, да съ ней бодренно побдимъ, и васъ отъ такіа пропасти свободимъ. Такъ припадаемъ и мы смиренныя и убогіе, помилуй свою душу; возрадуй и обвесели всѣхъ насъ, жалѣющихъ; посрами же мерзкихъ ефіоповъ, плещущихъ и ликующихъ о вашей погибели. Аще ли же и за симъ конечнымъ моленіемъ не обратишься, и такое богомерзкое начинаніе въ дѣйство произведеш; тогда отлучаетъ тя святая соборная апостольская церковь отъ Святыя Троицы, и отъ всея о Христѣ собранныя братіи приобщенія. О! не буди на тебѣ сему печальному осужденію свершити; но паче ускори, ускори, дондеже во власти твоей есть обратитися и живу быти. Остаемся, Алексѣй, Сергѣй, Лука *) милостиваго государя нашего доброжелательными богомольцами“.

Сіе письмо сочинено и доставлено отъ нихъ къ Большову 1806 года. Онъ, получа сіе письмо, однакожь сопряжеся съ Θεодосією Григорьевною 1806 года октября 15 чис. Онъ скончался 1817 года іюня 15 числа, жилъ въ супружествѣ 11 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 15 дней. Двѣ дочери Большова послѣ его смерти и жена его перешли на Преображенское кладбище. Василій Андреевичъ, какъ я уз-

---

*) Главные настоятели Преображенскаго кладбища: Алексѣй Тереньтьевъ, Сергѣй Яковлевъ Гнусинъ (онъ же и сочинитель сего письма,) и Лука Тереньтьевъ.

наль, имѣль большой капиталъ и вотчины; посему Ѳедосѣяне старались удержать его въ своей сектѣ, дабы послѣ его смерти имѣніе его доставить, по ихъ выраженію, Христу, то-есть Преображенскому кладбищу. Подобныя письма къ бѣднякамъ своей секты они едва ли писали.

Въ заключеніе скажу, что я писалъ здѣсь только то, что слышалъ отъ Ѳедосѣянъ, и писалъ въ формѣ разговора для того, чтобы лучше передать характеръ Ѳедосѣянъ и ихъ обороты въ разговорахъ. Изъ переданныхъ разговоровъ каждый можетъ увидать, что Ѳедосѣяне—народъ вѣроломный, коварный, пронырливый. Прихожане Преоб. кладбища преданы ученію Ѳедосѣя Васильева не потому, чтобы они сами его испытали и знали хорошо, а потому, что получили оное съ малолѣтства отъ своихъ отцовъ, а разсмотрѣніемъ св. Писанія сами не занимаются. Имъ даже запрещено этимъ заниматься, чтобы не развратиться и не отступить отъ своего ученія. По сейже причинѣ Ѳедосѣевцамъ строго запрещается учиться свѣтскимъ наукамъ, по ихъ выраженію, еретическимъ и бѣсовскимъ. Другіе занимаются священнымъ Писаніемъ, но толкуютъ его по своему, и выбираютъ только тѣ слова, которыя выхваляютъ дѣвство и порочатъ преданія еретичествующихъ, а объясненію постороннихъ людей не вѣрятъ и презираютъ его. Иные Ѳедосѣевцы привязаны къ своей сектѣ потому, что обязаны кладбищу большимъ кредитомъ и выгодами, которыхъ находящіеся внѣ ихъ секты пріобрѣсти не могутъ.

Былъ я на Преображенскомъ кладбищѣ и на другой годъ въ праздникъ Успенія Богоматери и видѣль тоже, что описано выше, но встрѣтилъ одного почтеннаго старца православнаго вѣроисповѣданія и старожила Преображенской слободы, который мнѣ сказалъ слѣдующее:

«Да, батюшка, смотрѣть-то на здѣшнія зданія хорошо, но кто-то будетъ отвѣчать за нихъ Богу? Тотъ ли, кто ихъ строилъ, или тотъ, который видѣль начало стройки,

имѣлъ власть остановить и не остановилъ оную въ самомъ ея началѣ. Я слышалъ отъ Ивана Михайловича Снегирева, что на мужскомъ дворѣ соборная часовня, которая стоитъ среди двора, выстроена свѣдома Московскаго главнокомандующаго князя Прозоровскаго въ 1790-мъ году. Когда о такой постройкѣ дошло до свѣдѣнія государыни императрицы, то она 1792 года сдѣлала запросъ князю Прозоровскому: на какомъ основаніи допущена таковая стройка? Князь отвѣчалъ однимъ только извиненіемъ въ недосмотрѣ. Снегиревъ читалъ дѣло это въ Петербургскихъ государственныхъ архивахъ. Когда же эта постройка сошла съ рукъ подобру-поздорову, тогда уже выстроены еще на мужскомъ дворѣ молельни при больничномъ корпусѣ 1801-го и надъ воротами 1806 года, а на женскомъ дворѣ въ 1805 году шесть корпусовъ каменныхъ съ молельнями, названными Покровскою, Спасскою, Богоявленскою, Преображенскою (надъ воротами), Больничною и Ильинскою (для приѣма подкидышей),—и всѣ эти зданія вошли въ планъ богадѣльни, представленный Кавылинымъ государю императору Александру Павловичу. А по смерти Кавылина выстроена на томъ же женскомъ дворѣ, безъ всякаго разрѣшенія, самовольно, соборная часовня (среди двора), въ 1811 году. Впрочемъ не всѣмъ и безпоповцамъ нравились здѣшнія громадныя постройки, но тѣшили онѣ основателя ихъ Кавылина и доставили ему хорошій денежный кушъ, какъ главному строителю и поставщику кирпича съ его завода и самовластному распорядителю капиталами здѣшняго мѣста. Когда была отстроена на мужскомъ дворѣ главная часовня, называемая соборною, тогда Кавылинъ, для большаго своего торжества и прославленія своего имени, созвалъ со всѣхъ концовъ Россіи такъ называемыхъ отцевъ и настоятелей, и въ полномъ ихъ собраніи впервые соборнѣ совершилъ въ оной часовнѣ вечерню, всенощную, часы и молебенъ, и задалъ всѣмъ большой обѣдъ. Изъ всѣхъ пріѣхавшихъ отцевъ и настоятелей одинъ только, пользовавшійся въ

свое время большою популярностію, стародубскій настоятель Петръ Ѳедоровъ замѣтилъ Кавылину, что неимѣющимъ священства простымъ людямъ не слѣдуетъ служить въ такихъ храмахъ; а слѣдуетъ въ нихъ только освященнымъ людямъ. Это Кавылину очень не понравилось, и онъ тайно приказалъ своимъ послушникамъ убить Ѳедорова. А сколько здѣсь лишено жизни младенцевъ до рожденія и по роженіи ихъ! Вѣдь дѣтоистребленіе, по правиламъ здѣшняго кладбища, не считается преступленіемъ, а спасеніемъ. А сколько здѣшніе настоятели обобрали своихъ послѣдователей, оставя ихъ дѣтей несчастными и бѣдными сиротами, безъ всякаго пріюта и призора за ними! У нихъ у всѣхъ одна проповѣдь: капиталы и имущество отдать кладбищу на свое поминовеніе, а о дѣтяхъ не заботиться, потому что они прижитыя блудомъ изчадія, а не дѣти отъ брака, котораго у нихъ нѣтъ по неимѣнію священства. Да, батюшка, на крови и слезахъ выстроены здѣшнія зданія. Я на это возразилъ, что все сказанное имъ относится къ давно минувшему времени; въ настоящее время этого не можетъ быть. Онъ мнѣ отвѣтилъ: что было прежде, все то продолжается и теперь. Недавно ходилъ по Преображенской слободѣ разсказъ, какъ здѣшній попечитель Матвѣй Григорьевъ въ полночь несъ на могилы въ кулкѣ задушеннаго новорожденнаго младенца и съ такою ношею попался на встрѣчу мѣстному квартальному надзирателю. Надзиратель, ничего преступнаго не подозревая въ Григорьевѣ, какъ попечителѣ кладбища, купцѣ, фабрикантѣ, богачѣ и благодѣтелѣ даже для самого надзирателя, только спросилъ Григорьева: что это вы, Матвѣй Григорьевичъ, несете въ кулкѣ? Григорьевъ, пряча дальше кулекъ, отвѣчалъ: маленькое подаяныце кладбищу. Когда же надзиратель просилъ его показать ему кулекъ, тогда Григорьевъ сказалъ: Христось повелѣлъ творить милостыню втайнѣ, такъ чтобы шуйца не знала того, что творить десница; а то ужъ не милостыня, о которой знаютъ всѣ.—Тѣмъ и отдѣлался отъ надзирателя, о чемъ самъ Григорьевъ послѣ

разсказывалъ своимъ пріятелямъ съ дополненіемъ, что при видѣ квартальнаго душа его ушла въ пятки, да Богъ выручилъ отъ антихриста.—При здѣшнемъ настоятелѣ Семенѣ Козминѣ пріѣхалъ въ Москву изъ Казани нѣкій безпоповецъ Алексѣй Яковлевъ, и пріютился на кладбищѣ для упражненія въ подвигахъ духовной жизни. Былъ онъ сначала помѣщенъ на скотномъ дворѣ; тутъ ему не понравилась большая суета, почему онъ былъ перемѣщенъ на могилы въ сторожку, на должность рабочаго и сторожа. Однажды онъ вышелъ изъ сторожки на кладбище и увидавъ тамъ на голубцѣ, то-есть на памятникѣ, лежащаго задушеннаго младенца, очень испугался, и безъ памяти, весь дрожа, обратился къ старшему сторожу, повѣдая о случившейся бѣдѣ; а старшой очень хладнокровно сказалъ ему въ отвѣтъ: что ты весьма испугался? Это здѣсь дѣло обыкновенное; иди на могилы въ уголь, тамъ увидишь особую отдѣльную для такихъ младенцевъ незакопанную могилу, въ которой уже и во второмъ ряду много положено такихъ младенцевъ; разрой сверху песокъ, положи туда же и этого младенца и прикрой слегка пескомъ.—Это душегубство до того Яковлева поразило, что онъ немедленно оставилъ кладбище и уѣхалъ въ Казань и тамъ присоединился къ православію. Эхъ, батюшка! много здѣсь таковыхъ и тому подобныхъ проказъ, о которыхъ всего не перескажешь; а если все пересказывать, что я на своемъ вѣку видѣлъ здѣсь, тогда потребуется очень-очень много времени, а все жѣ преобразенцевъ вполнѣ не узнаешь; если же кто хочетъ точно и вполнѣ узнать преобразенскаго безпоповца, тому нужно, какъ они сами въ этомъ случаѣ выражаются, съ каждымъ пожить вмѣстѣ и пожить столько времени, чтобы соли съѣсть по три пуда на cadaго. Кто раскольниковъ считаетъ невѣждами, простаками и добряками, тотъ жестоко ошибается, потому что этотъ народъ самый пронырливый, лукавый и коварный, въ подтвержденіе чего я вамъ скажу нѣсколько случаевъ изъ дѣлъ Ильи Кавылина и Семена Козьмина. Новопоступившій въ Москву

на службу вельможа богатый и неподкупный сначала не благоволил къ распространенію и усиленію Преображенскаго кладбища и не любилъ за распространеніе раскола Илью Кавылина. Какъ Кавылинъ ни подмасливалъ и ни ухаживалъ за служащими вокругъ вельможи, но дѣло его все не клеилось, потому что вельможа начальникъ просматривалъ дѣла самъ. Кавылинъ вызналъ всѣ наклонности, страсти, всѣ привычки и образъ жизни вельможи, и воспользовался страстною до безконечности охотою его къ породистымъ коровамъ. Кавылинъ купилъ четырехъ холмогорскихъ и другихъ породистыхъ коровъ, и въ одно прекрасное утро (живя самъ въ Преображенскомъ) велѣлъ выгнать въ стадо за Тверскую заставу, зная, что вельможа съ балкона своего жилища каждое утро любитъ проходить въ стадо коровами. Когда вельможа увидалъ коровъ Кавылина, то послалъ своего челоуѣка спросить, кому принадлежатъ эти коровы и могутъ ли онѣ быть проданы,—и узнавъ, что онѣ принадлежатъ Кавылину, задрожалъ и закричалъ: безъ ножа зарѣзалъ меня Илюшка Кавылинъ!—Однако желаніе имѣть у себя этихъ коровъ во что бы ни стало вынудило вельможу вызвать Кавылина къ себѣ и купить у него коровъ. Кавылинъ объявилъ, что онъ самъ до коровъ страстный охотникъ и онѣ у него не продажны, а если желаете, то я ихъ вамъ подарю безвозмездно. Сколько вельможа ни боролся самъ съ собою, но охота одолѣла его, и онъ коровъ рѣшился принять въ даръ. Тогда Кавылинъ привелъ коровъ къ вельможѣ, съ ними привезъ нѣсколько возовъ сѣна, муки ржаной и овса, опредѣлилъ на свой счетъ коровника своего, желая тѣмъ выказать себя простымъ, добрымъ, нужнымъ и услужливымъ челоуѣкомъ, страстнымъ до охотникомъ породистыхъ коровъ, а чрезъ своего коровника (испытаннаго уже пролазу) слѣдить за дѣйствіями вельможи и окружающихъ его людей. Съ тѣхъ поръ Кавылинъ сдѣлался пріятелемъ и любезнымъ собесѣдникомъ вельможи.—Былъ въ Москвѣ непри-

ступный и тоже сначала неподкупный для Кавылина и другой начальник-вельможа, за которымъ очень долго ухаживалъ Кавылинъ и не зналъ, какъ и чѣмъ поймать его и сдѣлать благосклоннымъ къ Преображенскому кладбищу. Узнавъ страстную приверженность сего вельможи къ извѣстной породѣ лошадей, придумалъ такую хитрость. Купилъ любимой вельможею породы пару лошадей и карету, запрегъ ихъ при отличной сбруѣ въ ту карету и отправилъ съ кучеромъ къ дому вельможи, приказавъ кучеру оставить лошадей и карету у дома вельможи, а самому уйти отъ нихъ, что кучеръ и исполнилъ. По прошествіи нѣкотораго времени вельмсжа увидалъ у своего дома любимой имъ стати лошадей съ каретою, вышелъ на улицу и спрашиваетъ своихъ людей: чьи эти лошади? Они отвѣчаютъ: не знаемъ. Спрашиваетъ: гдѣ ихъ кучеръ? Тоже отвѣчаютъ: не знаемъ. Между тѣмъ видитъ идущаго по тротуару Кавылина, и обращается къ нему такъ же съ вопросомъ: чьи эти лошади? Кавылинъ смѣясь, отвѣчаетъ: «ваше сіятельство своихъ лошадей не узнали». Вельможа этимъ очень былъ разсерженъ и съ крикомъ говоритъ ему: какъ ты смѣешь такъ надо мною насмѣхаться? Кавылинъ на это говоритъ, что онъ не насмѣхается, а сказалъ только то, что слышалъ отъ подѣхавшаго на тѣхъ лошадяхъ кучера, который на спросъ его: чьи эти лошади, — отвѣтилъ, что эти лошади и карета вашего сіятельства; я сказалъ вамъ только то, что самъ узналъ отъ кучера тѣхъ лошадей. Вельможа спросилъ Кавылина: гдѣ же этотъ кучеръ? Кавылинъ отвѣтилъ: не знаю, это дѣло уже не мое. Наконецъ вельможа понялъ, въ чемъ дѣло, и, старая страстью къ лошадямъ, опять обратился къ Кавылину съ вопросомъ: что же теперь дѣлать съ этими лошадьми? Кавылинъ съ усмѣшкою сказалъ: лошади ваши, вамъ и слѣдуетъ ихъ взять къ себѣ, — что вельможею и сдѣлано. Съ тѣхъ поръ и у этого вельможи Кавылинъ сдѣлался любимымъ, самымъ близкимъ и уважаемымъ челоуѣкомъ. Вотъ и въ недавнес время одинъ вельможа, вновь посту-

пившій въ Москву на высокую административную должность, не долюбиваль кладбище, сталъ преслѣдовать злоупотребленія онаго и въ особенности усиленную и ретивую пропаганду настоятеля его Семена Козьмина. Козьминъ старался задобрить его черезъ разныхъ лицъ деньгами, но вельможа оказался неподкупнымъ, несмотря на то, что былъ не богатъ и очень много задолжалъ и не имѣлъ средствъ къ платежу своихъ долговъ. Однажды является къ этому вельможѣ въ кабинетъ Козьминъ и, держа въ рукахъ множество скупленныхъ имъ чрезъ своихъ сектантовъ долговыхъ обязательствъ вельможи на громадную сумму, говоритъ: «много дошло ко мнѣ вашихъ долговыхъ обязательствъ, и не знаю, что съ ними дѣлать. Я человекъ не торговый и не интересанъ, и поэтому всѣ эти ваши обязательства отдаю вамъ самимъ въ полное ваше распоряженіе: чтѣ знаете, то съ ними и дѣлайте». Козьминъ забралъ въ свои руки все достолніе вельможи, принесъ его къ нему и отдалъ ему. Дьявольское коварство и хитрость! Съ тѣхъ поръ вельможа сдѣлался благодѣтелемъ кладбища и покровителемъ Козьмина. А другому такому же высокопоставленному въ администраціи вельможѣ купилъ Козьминъ въ Москвѣ большой домъ и тѣмъ привлекъ его на свою сторону и сдѣлалъ защитникомъ и покровителемъ кладбища. Многое множество такихъ дѣлъ совершили здѣшніе кладбищенцы, исполняя, какъ они сами говорятъ, слова св. Апостола: нынѣ время купующее; нужно все покупать и всѣхъ подкупать тѣмъ, кто на что падохъ, кого деньгами, кого любимыми предметами, а кого молодыми дѣвицами. Руководители и правители сего кладбища всѣмъ и каждому изъ своей братіи говорятъ, что всѣ купленные и задобренные ими лица стоятъ за нихъ горою, вездѣ ихъ защищаютъ и за нихъ хлопочуть, а безъ того всѣ противъ ихъ идутъ. Возжаки кладбищенскіе не жалѣютъ большихъ расходовъ (и для оныхъ каждый праздникъ собираютъ съ своихъ большія деньги) на поѣздки къ высокопоставленнымъ лицамъ въ разные

города и мѣста для поздравленія съ великими праздни-ками: Новымъ Годомъ и св. Пасхою; лукаво и обманно христосуются съ ними, говоря имъ вслухъ: «Христось воскресъ», а про себя прибавляютъ: «Христось воскресъ только нашъ, а не вашъ, вашъ спитъ еще въ могилѣ». Безъ таковаго прибавленія христосоваться съ еретикомъ они считаютъ величайшимъ грѣхомъ *). Также кладбищенскіе почитаютъ величайшимъ грѣхомъ поздравлять православныхъ съ ангеломъ, потому что, по ихъ мнѣнію, ангелъ дается при крещеніи только тѣмъ, которые крещаются ихъ отцами, а крещеніе православнаго священника нѣсть крещеніе, но оскверненіе и при ономъ дается крещаемому не ангелъ Божій, а ангелъ сатанинъ; почему при поздравленіи съ ангеломъ православнаго, они, говоря вслухъ: «съ ангеломъ», въ то же время прибавляютъ про себя: «сатанинымъ». Они прямо и откровенно христосуются только между своими, а съ прочими обманно, говоря, что и ложь бываетъ во спасеніе. Ѳедосѣевцы въ своихъ пронырствахъ и лести нисколько не уступаютъ Евреямъ, а еще превысятъ ихъ, и чтò говорятъ въ народѣ о Евреяхъ, тоже можно сказать о лукавыхъ и пропырливыхъ Ѳедосѣевцахъ: се новые Израильтяне, въ нихъ же лести нѣсть конца».

---

*) Почтенный старецъ къ сему дополнилъ еще слѣдующее: Ѳедосѣевцы только съ значительными людьми христосуются для полученія отъ нихъ своихъ выгодъ и пользы, а съ обыкновенными православными ни за что не стануть христосоваться; а если самъ православный скажетъ имъ: Христось воскресъ, они съ большею насмѣшкою и глумленіемъ скажутъ ему прямо: „у васъ, проклятыхъ еретиковъ, Христось не воскресъ еще; воскресъ у насъ только нашъ Христось Ісусъ, а не вашъ Ісусъ, который не есть Христось, а антихристъ“; и послѣ этого все же христосоваться не стануть, а только надругаются надъ пожелавшимъ похристосоваться. И поздравленіе съ Новымъ Годомъ 1 января они считаютъ большимъ грѣхомъ, потому что это празднованіе новаго года еретическое и установлено еретиками въ царствованіе антихриста; а по старому благочестивому обряду новолѣтіе должно праздновать 1-го сентября, и тогда они празднуютъ Новый Годъ и съ онымъ другъ друга поздравляютъ.

Въ заключеніе своего разсказа о кладбищенскихъ дѣлахъ почтенный старецъ сказалъ мнѣ: прочитайте книгу Іоанна Златоуста о дѣвствѣ, и тогда больше поймете, какую цѣну имѣють добродѣтели и святость здѣшнихъ обывателей. Впрочемъ здѣсь не любятъ, и даже можно сказать—ненавидятъ Златоустовы писанія противъ бракоборства.

Послѣ того приобрѣлъ я книгу св. Златоуста о дѣвствѣ и въ 5-й и 8-й главахъ прочиталъ слѣдующее:

Книга о дѣвствѣ гл. 8. „Аще бо не чисто супружество есть, то нечисты суть всѣ животныя, онымъ рожденныя, нечисты притомъ и вы; яко супружества, яко беззаконія отвращающеса, тѣмъ отвращеніемъ беззаконнѣйшими всѣхъ себе творите, изобрѣтше дѣвство блуда сквернѣйшее. Бракомъ ты не сочеталася, но не въ томъ дѣвство есть: ибо аще кто, имѣя власть въ бракосочетаніе вступить, но однако не вступаетъ, таковую могу нарещи я дѣвою. Когда же запрещеннымъ имянуещи ты быти сіе дѣло, то уже добродѣтель оная не по твоему произволенію бываетъ, но по нуждѣ закона“.

Глава 5-я „Еретическое воздержаніе всякаго любострастія мерзостнѣе есть. Сіе бо человѣкомъ точію вредъ творить; оное же противъ самаго Бога вооружается, и безконечную оную порочить ирерудрость. Таковыя сѣти служителямъ своимъ діаволь поставляетъ. Ибо яко его, безъ сомнѣнія, коварства изобрѣтеніе есть дѣвство еретическое. Не мое мнѣніе есть, но того, которому всѣ умышленія онаго не безъизвѣстны суть. Что же сказуетъ онъ? „Духъ явственнѣйше глаголетъ, яко въ послѣднія времена отступятъ нѣціи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бсовскимъ, въ лицѣрїи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе“. Како убо можетъ нарещися дѣвою отступившая отъ вѣры, лстепемъ внемлющая, демономъ повинующаяся и ложъ чтущая? Како дѣвою можетъ быти, сожжена суци совѣстію“.

Въ таковыхъ словахъ св. Златоуста столько выражено святой и неоспоримой истины, что больше этого и говорить нечего о бракоборствѣ Преображенскаго кладбища,—это значило бы послѣ скобеля тесать топоромъ. А потому я и оканчиваю настоящее описаніе прогулки по Преображенскому кладбищу вышесказанными словами Златоуста,—такъ ясно, тонко и положительно объяснившего зловредность бракоборнаго еретическаго ученія. Оно

зловредно не потому только, что непремѣннымъ закономъ полагаемое для всѣхъ дѣвство противорѣчитъ природѣ, но и потому, что создаетъ развратъ и распутство, подрываетъ благосостояніе и нравственность общества и неминуемо ведетъ за собою дѣтоубійство, а особенно тогда, когда за чадородіе устанавливается епитимія и даже самое отлученіе отъ общенія съ своимъ сектантскимъ обществомъ въ общихъ молитвахъ, яденіи и питіи.

А. С—нъ.

РАЗСКАЗЫ

О САВВИНѢ СТОРОЖЕВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ

О. САВВАТІА, ГРОВОВАГО ІЕРОМОНАХА ПРИ МОЩАХЪ ПРЕПОД. САВВЫ.

Звенигородъ въ старину неоднократно подвергался нападснїямъ Литвы, которая, по преданію, разорала и опустошала въ немъ все, что попадалось подъ руки. Изъ древнихъ памятниковъ, пощаженныхъ временемъ, остался въ Звенигородѣ только на высочайшей квадратной горѣ Успенскій соборъ. Гора эта въ окружности вся обита была тесомъ и была центромъ города и крѣпостію. Во время непріятельскихъ набѣговъ скатывали изъ этой крѣпости противъ непріятелей бревна. На эту гору вела каменная лѣстница, съ восточной стороны отъ Москвы-рѣки. Лѣстница эта въ настоящее время непримѣтна,—вся засыпана и заросла. За рвомъ на сѣверовостокъ представляются глазамъ высочайшіе курганы, заросшіе сосновымъ лѣсомъ. На востокъ отъ этихъ кургановъ есть еще гора, на которой въ настоящее время находятся зданія присутственныхъ мѣстъ. Преданіе гласитъ, что когда копали быть подъ зданія присутственныхъ мѣстъ, то много было выкопано человѣческихъ костей, и между ними най-

день разсѣченный пополамъ черепъ величиною въ окружности будто бы съ аршинъ и скрѣпленный серебрянымъ обручемъ съ надписью: «звенигородскій князь убитъ во время бунта». По преданію, было въ Звенигородѣ 77 церквей и 14 монастырей. Письменныхъ актовъ о мѣстѣ существованія ихъ не сохранилось. И это не удивительно: Литва, какъ выше сказано, все уничтожала. Кромѣ того во время моровой язвы (подъ названіемъ: черная смерть) бывшей въ 1352 году и моровой язвы 1771 года, народу, по преданію, малая часть осталась, а имущество для прекращенія заразы все сожигали. А въ нашествіе Французовъ 1812 года весь городъ былъ сожженъ.

Сосѣдняя съ Звенигородомъ обитель Саввинская основана въ 14 в. ученикомъ препод. Сергія препод. Саввою. На этой самой горѣ, гдѣ существуетъ св. обитель, искони была каланча, на которой постоянно находились сторожа, почему гора и прозвана Сторожевскою,—и смотрѣли по Смоленской дорогѣ къ юго-западной сторонѣ. Дорога эта шла въ двухъ верстахъ отъ обители къ югу отъ нея, а въ настоящее время отстоитъ отъ нея на двѣнадцать верстъ. Когда съ каланчи сторожа замѣчали непріятельскія полчища, то тотчасъ ударяли въ набатный колоколъ, который висѣлъ на каланчѣ, и вслѣдъ за этимъ сигналомъ тотчасъ ударяли въ Звенигородѣ и далѣе отъ села до села, такъ что въ тридцать минутъ доходилъ этотъ сигнальный звонъ до Москвы, откуда немедленно высылаемы были отряды конницы противъ непріятели. Отъ этого звона и городъ прозванъ Звенигородъ, а до литовскаго разоренія онъ будто прозывался Стучи-городъ. На сѣверъ отъ монастыря есть еще другая гора, прозываемая тоже Сторожевскою. Преданіе говоритъ, что и на этой горѣ была каланча, съ которой также сторожили тѣхъ изъ непріятелей, которые заходили съ противоположной стороны изъ лѣсныхъ овраговъ. Эта каланча, по преданію, стояла до позднѣйшихъ временъ. Въ наше время, штатные старики рассказывали, что помнили валявшіеся и подгнившіе столбы каланчи.

Одинъ изъ такихъ разскащиковъ, Климентъ Сергѣевъ, которому въ 1812 году было 30 лѣтъ отъ роду, между прочимъ передавалъ слѣдующее: Былъ архимандритъ Теофилактъ († 1788), который часто хаживалъ на эту гору и съ каланчи отводилъ грозныя тучи. Въ одно время шла на мѣстность сильная туча и онъ едва успѣлъ взлѣзть на каланчу, какъ поднялся сильный вихрь и его съ каланчей сбросило на землю и отшибло ноги, такъ что въ послѣдніе годы его возили въ телѣжкѣ.—Про этого же архимандрита разсказываютъ, будто онъ въ пѣнии и крикѣ птицъ узнавалъ ихъ разговоръ,—и въ доказательство приводили слѣдующее. Въ весеннее или осеннее время, когда начинался полетъ журавлей, онъ вслушивался въ ихъ крикъ и будто узнавалъ, что они сговариваются, гдѣ имъ нужно сѣсть на отдыхъ или на кормъ, и нерѣдко посылавалъ штатныхъ па то мѣсто, гдѣ журавли сговорились сѣсть, и приказывалъ ихъ спугивать. Имъ тутъ не мѣсто сидѣть, охотники убьютъ, скажетъ бывало. Много страннаго и еще разсказывали про этого архимандрита *).

За этой Сторожевской горой есть много овраговъ и въ одномъ изъ нихъ глубокою оврагъ есть замѣчательная въ горѣ пещера, надъ которою въ 1860 году устроены церковъ и скитъ. Преданіе гласитъ, что пещера эта устроена самимъ преподобнымъ Саввою для своего уединенія и молитвословія. Она имѣла видъ грота или русской большой печи, и въ ней свободно можно было стоять и молиться. Устроена же она была изъ разныхъ мелкихъ камешковъ, которые такъ крѣпко между собою соединились, что когда пещера эта разсѣлась, то раздѣлилась на три большихъ отдѣльныхъ камня; два изъ нихъ можно видѣть и сейчасъ по бокамъ пещеры, а третій углубленъ подъ стѣнной церкви. Онъ собранъ изъ болѣе крупнаго голыша, или изъ

---

*) По разсказамъ штатныхъ будто онъ повсюду хаживалъ съ собаками и даже въ соборъ, а когда отшибло ему ноги, то молодыя бабы и дѣвки повсюду важивали его въ телѣжкѣ.

разнороднаго булыжника. И вся эта масса разнородныхъ камней такъ крѣпко сплочена, что составляетъ какъбы одинъ камень. При семъ присовокуплю свое замѣчаніе. Когда при копаніи канавы для бута подъ церковь открыта была стѣнка каменной пещеры, я мысленно и съ вѣрою испрашивалъ у преподобнаго въ благословіе одинъ камешекъ за понесенный мною въ числѣ рабочихъ трудъ. Съ этою мыслию я только что прикоснулся къ намѣченному мною камешку, чтобы отбить его, какъ вдругъ мгновенно онъ самъ собою свалился въ мои грѣшныя руки. Камень сей я доселѣ храню у себя въ келліи съ изображеніемъ на немъ пещеры и преподобнаго Саввы. И въ настоящее время приходящіе богомольцы силою отшибаютъ частички отъ боковыхъ камней какъ на благословіе, такъ и на исцѣленіе по вѣрѣ отъ различныхъ недуговъ, болѣе же всего, какъ замѣтно, отъ зубной боли. И достойно замѣчанія, что нѣкоторые получаютъ камешки довольно порядочной величины какъ въ благословіе, такъ и на исцѣленіе, безъ всякаго труда, подобно тому, какъ и мнѣ чудесно достался камешекъ,—а другіе приносили съ собою молотки и все-таки не могли отдѣлать ни одного куска. До 1825 года, по словамъ старожиловъ, подъ пещерою струился источникъ воды, а какъ скрылся, неизвѣстно. Можно предполагать, что это произошло отъ наплыва песку съ окружающихъ горъ. О существованіи источника подъ пещерою свидѣтельствовалъ одинъ изъ расказащиковъ, которому въ 1825 году было четырнадцать лѣтъ. Онъ, когда былъ ученикомъ Звенигородскаго приходскаго училища, перѣдко былъ посылаемъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами наставникомъ къ пещерѣ рвать цвѣты (лекарственные), которые росли близъ этого источника; а иногда хаживалъ вмѣстѣ съ самимъ наставникомъ. Кромѣ сего было еще трое свидѣтелей того времени, удостовѣрившихъ, что дѣйствительно существовалъ источникъ. Существуетъ преданіе о чудесномъ событіи, бывшемъ въ сей пещерѣ. Былъ игум. Сторожевскаго монастыря именемъ Варсанофій (XVI в.),

который, оставя свое начальство родному брату Саввѣ, самъ удалился для безмолвнаго пребыванія въ вышесказанную пещеру. Здѣсь онъ пробылъ около сорока лѣтъ, занимаясь молитвою, пѣніемъ и чтеніемъ душеполезныхъ книгъ, которыя онъ бралъ у христіанцевъ и по прочтеніи опять имъ возвращалъ. Отъ современниковъ сего преподобнаго дошло преданіе о слѣдующемъ, бывшемъ во время пребыванія его въ пустынь, чудѣ. Однажды приходитъ къ Варсанофію отъ игумена Саввы нѣкій братъ съ просьбою посѣтить его. Такъ какъ старецъ Варсанофій, кромѣ книгъ, ничего въ своей пещерѣ не имѣлъ, то отходя къ Саввѣ воззрѣлъ на пречистый образъ Божіей Матери и помолился Ей такъ: Ты, Владычица, сохрани мои книги. Посланный отъ игумена инокъ соблазнился на книги Варсанофія, и когда этотъ ушелъ къ Саввѣ, похитилъ ихъ. Положивши за пазуху, онъ собрался уйти съ ними, но вдругъ упалъ и сдѣлался бездыханенъ. Блажен. Варсанофій, возвратившись отъ Саввы, весьма удивился, когда увидалъ сего брата мертвымъ и взятыя имъ книги въ пазухѣ. Отъ тотчасъ же подумалъ, что братъ сей по прельщенію діавола похитилъ книги и за сіе по волѣ Божіей Матери, которой онъ отходя вручилъ на сохраненіе книги, наказанъ внезапною смертію. Признавая себя виновнымъ въ столь ужасной казни, Варсанофій сердечно сокрушался и плакалъ. Между тѣмъ тѣло внезапно умершаго было отнесено въ монастырь, и когда надъ нимъ совершаемо было обычное отпѣваніе, старецъ Варсанофій во все время стоялъ около гроба и обливался слезами. И, о чудо! когда братія готовились отдать умершему послѣднее цѣлованіе, вдругъ видятъ его движущимся во гробѣ,—и умершій по откровеніи головы и разрѣшеніи пеленъ всталъ и сѣлъ. Послѣ сего чуда онъ пробылъ въ монастырѣ до самой смерти въ богоугодномъ житіи.—На востокъ отъ этой пещеры, если смотрѣть на Воскресенскую дорогу, глазамъ нашимъ представится лѣсъ, принадлежащій въ настоящее время Звенигородскому обществу. Въ

древнее же время онъ принадлежалъ князьямъ Дубацкимъ, почему и прозывается Дубацино. Лѣсъ этотъ обширенъ и больше сосновый. Къ сѣверу по Воскресенской дорогѣ не болѣе версты отъ обители въ лѣвую сторону рядомъ съ дорогой есть открытая поляна съ небольшимъ возвышеніемъ или курганомъ и заросшимъ прудомъ. Преданіе гласитъ, что тутъ было селеніе Дубацино и церковь. Но въ морскую язву всѣ померли и церковь разрушена; утварь же церковная перенесена въ Ершовскую церковь, а бывший намѣстникъ іеромонахъ Николай, какъ самъ онъ рассказывалъ, съ своими штатными возилъ оставшіеся отъ того мѣста камни и памятники къ монастырю.

Теперь обратимся ко святымъ вратамъ обители и отъ нихъ пойдемъ на востокъ, около роши, по новому шоссе къ Звенигороду. Отойдя около версты, встрѣтимъ величественный вязъ. Не подалеку отъ него въ правую сторону есть замѣчательное мѣстечко «Мочевина» въ родѣ родника ключевой воды. Преданіе говоритъ, что здѣсь былъ женскій монастырь, но уничтоженъ и переведенъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ московскій Зачатіевскій монастырь. По этой причинѣ въ ризницѣ Зачатіевского монастыря хранится схима преподобнаго Саввы—та самая, въ которой онъ былъ погребенъ, но которая перенесена въ этотъ монастырь сестрами царя Алексѣя Михайловича, жившими при уничтоженномъ монастырѣ. Живя при обители, сестры царя постоянно занимались изготовленіемъ разныхъ пеленъ, иконъ и схимъ. И когда обрѣтены мощи преподобнаго Саввы, царевнами вышита была новая схима, въ которой онѣ и сейчасъ почиваютъ, а прежнюю взяли въ благословеніе съ собою и перенесли въ Зачатіевскій монастырь. Кромѣ устнаго преданія о существованіи здѣсь женскаго монастыря было еще письменное свидѣтельство: въ библиотекѣ Саввина монастыря хранился указъ объ уничтоженіи сей женской обители, который въ настоящее время затерянъ. По всей вѣроятности онъ увезенъ кѣмъ нибудь изъ любителей древно-

стей, рывшимся въ монастырской бібліотекѣ. Есть еще мочевина, или родникъ воды близъ Москвы-рѣки въ Звенигородѣ, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, былъ Спасскій монастырь, но по разореніи Звенигорода уничтоженъ, а утварь церковная перенесена будто въ другой какой-то монастырь. Далѣе отъ вышесказанной дороги и отъ вышесказаннаго вяза по дорогѣ къ Звенигороду есть рывины. Здѣсь были прежде мастерскія—кузнечныя и слесарныя, и сейчасъ мѣсто сіе называется «кузнечное». Не далеко отъ этого мѣста была церковь, которая, какъ говоритъ преданіе, провалилась, и мѣсто это, похожее на обвалъ, который годъ отъ году увеличивается, за 25 лѣтъ назадъ было довольно сухо, а теперь дѣлается трясиною. И на всемъ пространствѣ около монастыря была разнаго рода постройка. А на томъ мѣстѣ, гдѣ бываетъ ежегодно ярмарка, именно близъ святаго колодезя, во время царя Алексѣя Михайловича была гостинница и много другихъ разнородныхъ строеній какъ для царской прислуги, такъ и для конюховъ и конюшенъ, и тутъ же была церковь и кладбище, что доказывается тѣмъ, что когда достигать сюда разливъ Москвы-рѣки, то водою вымываетъ много человѣческихъ костей здѣсь похороненныхъ.

Отъ угловой монастырской башни, которая стоитъ къ югозападу, если смотрѣть къ полуденной сторонѣ по прямой линіи чрезъ Москву-рѣку, виденъ небольшой полукруглый пригорокъ, заросшій мелкимъ кустарникомъ. Мѣсто это прозывалось «Висильной горой» на томъ основаніи, что здѣсь въ старину вѣшали разбойниковъ и другихъ преступниковъ.

На сѣверъ отъ монастыря въ роцѣ шагахъ въ 200-хъ съ небольшимъ отъ гостинницы въ лѣвую сторону есть въ одномъ глубокомъ оврагѣ колодезь, выкопанный самимъ преп. Саввою. Въ лѣтнее время богомольцы ходятъ и на сей колодезь пить воду, а нѣкоторые берутъ домой и употребляютъ вмѣсто лекарства отъ разныхъ болѣзней и по вѣрѣ получаютъ исцѣленіе. Въ память нашу, именно

въ 1842 г., при намѣстникѣ о. игуменѣ Иннокентіѣ, въ Саввинской слободѣ одинъ крестьянинъ былъ боленъ. Ему во снѣ явился преподобный Савва и сказалъ: сходи на колодезь мой, который въ роцѣ въ оврагѣ, возьми изъ него воды, напейся, и будешь здоровъ. Крестьянинъ исполнилъ приказаніе и выздоровѣлъ. Въ знакъ благодарности онъ принесъ о. игумену на исправленіе сего колодца 25 рубл. ассигнац. Въ то время колодезь былъ полуразрушенъ и на эти деньги исправленъ. Надъ нимъ сдѣланъ былъ шатеръ на четырехъ столбикахъ съ деревяннымъ надъ крышей крестомъ; срубъ же колодца былъ величиною не болѣе аршина въ квадратѣ. Въ такомъ видѣ колодезь оставался слишкомъ 15 лѣтъ. Многіе изъ богомольцевъ кидали въ колодезь деньги, а выбиралъ ихъ кто болѣе нуждался. Въ холерные годы (1847—1848) вѣрующіе брали изъ сего колодца воду и по вѣрѣ своей многіе получали исцѣленіе. Замѣчательно еще то, что означенные годы и 49 г. были довольно сухи, но колодезь былъ полонъ воды. 1850-й и 1851-й года были довольно дождливые и сырые и всѣ котловины большія и малыя были наполнены водою, тогда какъ въ колодцѣ семь не было капли воды. И я, бывши въ то время послушникомъ, съ однимъ изъ своихъ товарищей вычистилъ его и повыкидалъ изъ него много сору и песку и нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Воды же въ немъ ничего не оказалось и грунтъ земли былъ сухой, тогда какъ котловины, бывшія въ горахъ даже, всѣ наполнены были водою. На слѣдующій же годъ съ весны проявилась въ немъ чистая и вкусная вода, которая и доселѣ не пересыхаетъ. При намѣстникѣ о. Николаѣ разъ пріѣзжаетъ въ нашу обитель на богомолье московскій купецъ Икунинъ, дотолѣ не бывавшій въ ней. Онъ прежде всего спросилъ у слуги гостиницы: гдѣ у васъ и далеко ли находится колодезь, выкопанный преподобнымъ Саввою? Послушникъ отвѣтилъ: когда напьетесь чаю, я васъ провожу,—это очень близко. И когда напился чаю, онъ первымъ долгомъ счелъ сходить на колодезь и осмотрѣть.

рѣвъ его, сказалъ: на будущую весну я пришлю своего человѣка и денегъ на улучшеніе сего колодца. Данное слово онъ не замедлилъ исполнить. Когда наступила весна, онъ прислалъ своего прикащика и съ нимъ 100 р. сер. денегъ на исправленіе колодца. На означенную сумму сдѣлали подъ нимъ нѣчто въ родѣ часовни, покрыли желѣзомъ и устроили изъ разноцвѣтнаго стекла дверь. Послѣ Икунинъ пріѣзжалъ опять съ своею женою поклониться Преподобному и полюбоваться исправленнымъ колодцемъ и окружающею мѣстностью. Въ этотъ разъ съ нимъ случилось слѣдующее обстоятельство. Отстоявъ раннюю обѣдню, онъ поспѣшалъ въ Новый Іерусалимъ къ поздней. Отдавая за постой въ гостиницѣ деньги, онъ второпяхъ оставилъ на окнѣ бумажникъ съ деньгами и хватился его уже по пріѣздѣ въ Новый Іерусалимъ. Немедля нисколько онъ съ тѣмъ же ямщикомъ отправилъ свою горничную обратно въ Саввинъ монастырь для отысканія потерянныхъ имъ денегъ. Онъ прямо подумалъ, что оставилъ въ гостиницѣ при расплатѣ за постой. У насъ же положено, послѣ каждаго посѣтителя немедленно осмотрѣть номеръ и привести его въ порядокъ, т.-е. вымести его, стереть пыль и если есть что лишнее, то прибрать, и отворять окна для очищенія воздуха. Послѣ отъѣзда купца Икунина тѣмъ же послушникомъ, который ему прислуживалъ, исполненъ былъ заведенный порядокъ. Номеръ былъ выметенъ и вычищенъ, но при этомъ послушникъ ничего лишняго и оставленнаго посѣтителемъ не нашелъ. Но лишь только онъ вышелъ изъ номера, къ удивленію своему встрѣчаетъ служанку купца Икунина, которая просила отъ номера ключъ, говоря, что забыли вещи. Послушникъ говорилъ ей, что онъ сейчасъ выметалъ и прибиралъ въ номерѣ, но вещей никакихъ не находилъ. Служанка, не довѣряя его словамъ, стала настойчиво требовать отъ номера ключъ. Послушникъ не сталъ болѣе прекословить и отперъ ей номеръ. И что же? Къ удивленію его, на переднемъ окнѣ онъ увидалъ раскрытый бумажникъ

съ деньгами (дѣнегъ былъ около 600 руб.), и такъ какъ окно было открыто, то лежащія въ бумажникѣ ассигнаціи пошевеливались. Объ этомъ обстоятельствѣ мнѣ рассказывалъ самъ послушникъ, Александръ Яковлевъ, и я оное обстоятельство почитаю чудомъ препод. Саввы. За малую хотя благотворительность купца Икувина Преподобный скрылъ отъ глазъ послушника, отворявшаго окно, забытыя деньги и избавилъ послушника отъ искушенія татьбы.

Близъ монастыря есть роща, которая принадлежитъ монастырю. Она, какъ и въ настоящее время, никогда не стереглась, какъ обыкновенно стерегутся сельскіе лѣсные участки. Оттого не рѣдки были случаи воровства въ монастырской рощѣ, которое не всегда оставалось безнаказаннымъ. Одинъ крестьянинъ изъ Саввинской слободы, по прозванію Кудыкинъ, былъ человѣкъ съ достаткомъ, но несмотря на свой достатокъ ему захотѣлось приобрѣсть изъ монастырской рощи два дуба даромъ. Такъ какъ роща не стереглась, то онъ при первомъ удобномъ случаѣ спилилъ два дуба и увезъ, никѣмъ незамѣченный. Но отъ взора сосѣдей онъ не скрылъ эти дубы, и случилось, что нѣкоторые изъ нихъ, поссорившись съ нимъ, упрекнули его въ похищеніи деревьевъ изъ монастырской рощи; только онъ изъ страха и стыда не сознался въ своемъ проступкѣ. Но Преподобный самъ обличилъ и наказалъ его. Въ этой рощѣ нерѣдко паслись стада и случилось, что корова сего Кудыкина споткнулась на пни спиленныхъ имъ дубовъ и околѣла. Ее искали цѣлую недѣлю и нашелъ самъ Кудыкинъ на мѣстѣ своего преступленія въ обличеніе своего поступка.—Еще случай. Крестьянинъ тойже слободы тайкомъ срѣзалъ въ нашей рощѣ 4 дубка для погреба, и когда эти дубы были врыты въ ямникъ погреба, то дѣло не обошлось безъ наказанія. Этимъ же днемъ упала въ ямникъ корова сего крестьянина и околѣла. Такихъ и подобныхъ симъ случаевъ было очень много.

Обратимся къ другимъ чудесамъ Преподобнаго.

Отставной рядовой, бывший крѣпостнымъ г-на Засѣдкаго, дер. Клаповой, рассказывалъ мнѣ: «мнѣ весьма не хотѣлось идти въ военную службу и разстаться съ родиной. И въ тотъ самый день, когда нужно было идти мнѣ на ставку, я какъбы въ послѣдній разъ взглянулъ на Саввинъ монастырь и въ душѣ призывалъ преподобнаго Савву и просилъ его избавить меня отъ военной службы. Но Господу Богу угодно было, чтобы я послужилъ царю. Меня взяли и зачислили въ Суздальскій полкъ. Это было въ царствованіе Николая Павловича, именно въ 1833 году. Не безвѣстно всѣмъ, что въ то время служба военная была очень не легка и продолжительна. Я служилъ 21 годъ. Рядовыхъ наказывали безчеловѣчно и не разбирая праваго и виновнаго. И мнѣ за свою простоту перѣдко приходилось переносить побои и терпѣть горькую участь; но я переносилъ все безъ ропота и гнѣва, призывая на помощь преподобнаго Савву. И угодникъ Божій не оставлялъ меня своею милостію. Въ Севастопольскую войну полкъ нашъ былъ назначенъ на военное дѣйствіе, и намъ пришлось терпѣть страхъ, холодъ и голодъ, и по нѣскольку сутокъ не спать. Разъ, послѣ одного страшнаго штурма, насъ во всей ротѣ осталось только тринадцать человѣкъ и мы были отведены въ аммуничныи складъ. И такъ какъ передъ симъ мы не спали нѣсколько ночей къ ряду и поэтому довольно устали, то я крѣпко уснулъ. И вотъ во снѣ вижу преподобнаго Савву, ликъ котораго я часто видалъ въ монастырѣ—на образѣ предъ мощами, и котораго я сразу узналъ. Онъ мнѣ многое что-то говорилъ; но, находясь въ страхѣ и тревогѣ, я могъ запомнить только первыя его слова: «теперь я тебя спасу: бодрствуй»; остальныхъ словъ его не запомнилъ, да и не дослушалъ, потому что меня разбудили. Что же случилось? Въ минуты моего сна непріятельское ядро влетѣло въ наше мѣсто и убило около меня шесть человѣкъ моихъ товарищей; я же не слыхалъ этой тревоги. Послѣ сего я еще шесть разъ былъ въ опасныхъ стычкахъ,—разъ былъ ра-

нень штыкомъ въ бокъ, потомъ контуженъ былъ пулею въ макушку головы и еще разъ ядро проскользнуло по шеѣ; но молитвами угодника Саввы, котораго я еще два раза видѣлъ во снѣ, былъ спасенъ можно сказать отъ неминуемой смерти и, получивъ чистую отставку, доселѣ пребываю въ добромъ здоровіи. Разсказано въ 1875 году.

Повѣдаю еще о чудѣ совершенномъ, на моихъ глазахъ, надъ женою звенигородскаго купца Александрю Козьминичною Смолиною. Въ 1863 году она страдала разстройствомъ нервъ, ктому же простудилась и слегла въ постель, въ каковомъ положеніи она находилась довольно долго. Обратилась она къ звенигородскому врачу г-ну Кудрявцеву, который славился своимъ искусствомъ и былъ всѣми уважаемъ. Онъ долго ее лечилъ, но подъ конецъ сталъ самъ сомнѣваться въ ея выздоровленіи и не думалъ, что она будетъ жива. Будучи близка со мною и находясь даже въ дальнемъ со мною родствѣ, больная не разъ просила меня чрезъ своихъ родныхъ, чтобы я навѣстилъ ее. И разъ, бывши у нея, я разговорился съ нею о ходѣ ея болѣзни и леченіи; замѣтивъ въ ней большую слабость, я съ своей стороны подалъ ей совѣтъ, болѣе положиться на милосердіе Божіе, чѣмъ на врача, и чаще прибѣгать съ молитвою къ общему нашему врачу—чудотворцу пресодобному Саввѣ, и, прощаясь съ нею, общалъ ей принести или съ кѣмъ прислать воздухъ или пелену съ головы мощей Преподобнаго. На другой день она утромъ прислала за мною своего сына съ просьбою, чтобы я принесъ обѣщанное наканунѣ. Когда я пришелъ къ ней, она находилась въ безпамятствѣ, какбы спала. Я попросилъ женщину, которая за ней ходила и успокоивала ее во время болѣзни, чтобы она тихонько положила на ея голову принесенную мною пелену. Это было сдѣлано. Я ушелъ въ другую комнату, гдѣ насъ собралось довольно много, именно: ея четыре сына, дочь и человѣка четыре постороннихъ. Не прошло болѣе получаса послѣ того какъ возложили на ея голову пелену, вдругъ услышали, что боль-

ная твердымъ голосомъ говорила: Прасковья Зотовна, — такъ звали ту женщину, которая ходила за больной, — подите сюда. Когда женщина взошла къ больной въ спальню, то весьма удивилась, увидѣвъ ее бодрою и сидящею, тогда какъ до сего времени она не могла и головы поднять, — и встрѣчена была вопросомъ: «а что отецъ Савватій не здѣсь ли?» Услыхавъ, что я здѣсь, просила позвать меня. Со мною вмѣстѣ взошли къ больной и прочіе. Тогда больная начала разсказывать о видѣнномъ ею чудесномъ снѣ. «Я будто, она начала разсказывать, не спала. Вдругъ вижу Преподобнаго, который подошелъ сзади моей головы, схватилъ ее обѣими своими руками и раздавилъ мой черепъ. И вижу я, что изъ черепа моего вышелъ смраднѣйшій паръ въ родѣ тумана. И я въ этотъ моментъ такъ испугалась, что, проспнувшись безъ памяти, схватилась обѣими руками за свою голову; а когда очнулась, то сразу почувствовала, что голова моя здорова и противъ прежняго свѣжѣе, и къ величайшей моей радости въ своихъ рукахъ увидѣла пелену преподобнаго Саввы. И я для того позвала васъ, чтобы разсказать вамъ сей чудесный сонъ». И дѣйствительно: съ этой минуты больная совершенно выздоровѣла безо всякой медицинской помощи.

Шагахъ въ двадцати отъ собора стоитъ величественный вязъ, который, какъ гласитъ преданіе, существуетъ со времени преподобнаго Саввы. Однажды въ Саввинскую обитель прибылъ на богомолье князь Лопухинъ, страстный любитель растений. Увидавъ вязъ, который ему очень понравился, онъ рѣшился испросить у о. намѣстника архимандрита выкопать его и взять его въ свое имѣніе Введенское - Першиново, отстоящее отъ монастыря въ трехъ верстахъ, — въ это время онъ разводилъ изъ разныхъ деревьевъ садъ. О. архимандритъ, думая, что князь сдѣлалъ подобную просьбу въ родѣ шутки, и въ тоже время разсчитывая на то, что трудно выкопать вязъ, не отказалъ князю и немного думавши, сказалъ ему: «что же, — сто рублей». Князь, выдавъ тутъ же сто рублей, сказалъ,

что завтра прилететь садовниковъ выкопать вязъ. И дѣйствительно, на другой же день садовники приходятъ выкапывать купленный княземъ вязъ. И что же? Къ удивленію садовниковъ, дерево оказалось негоднымъ; оно начало вануть листомъ и сохнуть, и садовники дивились тому, что князь не замѣтилъ этого. Возвратившись къ князю, они доложили ему, что купленное имъ дерево завяло и начинаетъ сохнуть. Князь, нисколько не думавши и не сомнѣваясь, сказалъ: «это не угодно преподобному Саввѣ, и быть можетъ самъ онъ его и сажалъ». Чрезъ три дня послѣ того какъ ушли садовники, вязъ принялъ свой прежній величественный видъ и доселѣ растетъ.—Въ 1850 году въ одинъ вечерній часъ сошлось около о. духовнаго, іеромонаха Сергія нѣсколько послушниковъ; въ ихъ числѣ былъ и я, бывши еще послушникомъ *); и вели бесѣду о разныхъ прошлыхъ событіяхъ. Между прочимъ отецъ духовный сказалъ намъ: святые отцы и великіе старцы, когда избирали мѣсто для спасенія души своей и избранныхъ о Христѣ братій, то на избранномъ мѣстѣ поставляли принесенный съ собою образъ, усердною молитвой испрашивали свыше на избранное мѣсто благодать Святаго Духа, миръ и благословеніе, и сажали какого нибудь дерева сѣмя, или самое дерево, замѣчая при этомъ, что когда деревцо укоренится, такъ и обитель въ славу Божію утвердится. Такъ и преподобный нашъ Савва принесъ съ собою образъ, но какой именно—неизвѣстно, и посадилъ вязъ». Потомъ о. Сергіій, обратившись къ намъ, сказалъ: «замѣтите, грачи—лѣтніе наши жильцы, вездѣ вьютъ себѣ гнѣзда, но на этомъ деревѣ никогда. И мнѣ, при поступленіи моемъ въ сію обитель вскорѣ послѣ 12 года, старцы передавали, что этотъ вязъ существуетъ со временъ Преподобнаго. Случалось иногда, что молодые грачи, прилетавшіе весной, завивали гнѣзда на этомъ вязѣ, но другія птицы раста-

---

*) Въ настоящее время, когда пишу сіи строки, іеромонахъ Савватій.

скивали ихъ». Этимъ кончилась наша бесѣда. На другой день идя отъ утрени и взглянувъ на вязъ, я къ своему удивленію увидаль на немъ два грача и гнѣздо, и тутъ же зашедь въ келью духовнаго отца, сказалъ ему: батюшка, на вязу гнѣздо и два грача. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: по вотъ, теперъ повѣрите и Сергію: къ вечеру гнѣзда не будетъ, растащутъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Налетѣли грачи, галки, вороны и по перушку все растаскали. Къ ночи гнѣздо опять было свито, но на другой день тоже растаскиваніе и драка птицъ повторилось,—и такъ продолжалось три дня. Это повторяется доселѣ, но только не ежегодно и послѣ того времени случилось еще въ 1874 году, когда два гнѣзда были немедленно растасканы.—Вотъ еще былъ случай, не менѣе удивительный. Одинъ сукъ этого вяза такъ разросся, что досязаль до стѣны собора и оконъ ризницы; и когда въ лѣтнее время случалось открывать окна, то вѣтви его внутрь ризницы простирались на аршинъ. Часто на это ропталъ отецъ ризничій іеромонахъ Серафимъ. Онъ говорилъ, что ему бываетъ темно въ ризницѣ, нерѣдко показывается въ ней сырость и могутъ прѣть стѣны,—и ради сохранности ризницы онъ настаиваль на томъ, чтобы срубили этотъ сукъ или спилили вязъ. Но казначей отецъ Серапіонъ и я съ нѣкоторыми изъ братіи шли противъ ризничаго. Мы настаивали на томъ, чтобы сука не рубили, говоря, что мы вяза не сажали и не растили, поэтому и не имѣемъ права его рубить или обрубать; быть можетъ онъ посаженъ самимъ Преподобнымъ, и сколько столѣтій прошло, по никто не смѣль коснуться этого дерева ни пилой, ни топоромъ. Видно, Преподобному угодно, чтобы оно росло; а кто осмѣлится дерзнуть на него, тотъ будетъ наказанъ.—Разговоръ о семъ былъ между нами вечеромъ. Отецъ ризничій по горячности характера выходилъ изъ себя и наперекоръ намъ сказалъ: завтра же утромъ возьму топоръ и срублю. И что же случилось? Въ эту ночь поднялся сильный вихрь и оторвалъ отъ вяза виновный

сукъ, но дерево осталось невредимо. Изъ этого сука напилили сажень дровъ. Отецъ же ризничій вскорѣ послѣ сего впалъ въ тоску и въ ропотъ, и этимъ же годомъ вышелъ изъ сей обители въ московскій Даниловъ монастырь, проживши въ Саввинѣ монастырѣ 20 лѣтъ.

Впрочемъ судьбы Промысла Божія какъ падъ человѣкомъ, такъ и надъ природой непостижимы. По выходѣ о. Серафима изъ обители, явились подобные ему педовольные вязомъ, обрубилн нѣсколько суковъ и тѣмъ обезобразили это дерево, и оно не имѣеть такой красоты, какую имѣло прежде.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ БИБЛЕЙСКИХЪ ПОВѢСТВОВАНІЙ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

І о в ѣ.

Иже перъте (бывшій прежде) *на престолѣ, нагъ нынѣ на мнощи* мноенъ (изъязвленъ); *многій въ чадѣхъ и славный, безчаденъ и бездомокъ напрасно* (вдругъ). *Палату убо мнощице* (смердную кучу), *и бисеріе струпы вмѣняше*.

Царскимъ достоинствомъ, вѣнцемъ и багряницею одѣянъ, многоимѣнный (владѣвшій большимъ имѣніемъ) *и праведный, богатствомъ кипя* (изобиловавшій) *и стады, внезапно богатства, славы, царства обнищавъ лишися*.

Идетъ рѣчь о праведномъ Іовѣ. Онъ жилъ въ патриархальныя времена и хотя не принадлежалъ къ избранному племени, ибо происходилъ изъ рода Исава, былъ чителемъ истиннаго Бога. Страшный переворотъ совершился въ жизни его. Онъ былъ княземъ въ своемъ племени, возсѣдалъ на царскомъ престолѣ, носилъ царскій вѣнецъ и царскую порфиру. Господь благословилъ его многочадіемъ и обиліемъ крупнаго и мелкаго скота. Онъ пользовался

всеобщимъ уваженіемъ и любовію не только ради своего высокаго положенія и богатства, но главнымъ образомъ за личныя достоинства, п. ч. былъ праведный мужъ. Онъ былъ богобоязненъ и благочестивъ судя по тому, что имѣлъ обычай послѣ каждаго пиршества, на которое собирались другъ у друга его сыновья и дочери, приносить за нихъ умиловительную жертву Господу, рассуждая: «можетъ быть сыновья мои согрѣшили и похулили Бога въ сердцѣ своемъ». Онъ былъ въ высшей степени цѣломудренъ, — положилъ завѣтъ съ глазами своими отнюдь даже не помышлять о дѣвицѣ (Іов. 31, 1). Онъ былъ въ высшей степени справедливъ къ подчиненнымъ и человѣколюбивъ. «Я, говоритъ онъ о себѣ, спасалъ страдальца вопіющаго и сироту безпомощнаго; я былъ глазами слѣпому и ногами хрому; отцомъ былъ для нищихъ и тяжбу разбиралъ внимательно. Сокрушалъ я незаконному челюсти и изъ зубовъ его исторгалъ похищенное. Странникъ не ночевалъ на улицѣ, двери мои я отворялъ прохожему» (Іов. 30, 12—17; 31, 32). Богатство и слава ни мало не надмевали его, — онъ не полагалъ въ золотѣ опору свою, и не говорилъ сокровищу: ты надежда моя (— 24). И вотъ этотъ непорочный и праведный мужъ подвергся величайшему злостраданію. По попущенію Божію, сатана навелъ на него бѣдствія, одно другаго тягчайшія. Іовъ вдругъ лишился стадъ своихъ, имѣнія и дѣтей: скоть его угнали разбойники, или истребила молнія; рабы его перебиты тѣми же разбойниками; дѣти его всѣ до одного погибли подъ развалинами дома, опрокинутаго бурей. И всѣ эти бѣдствія случились въ одинъ день. Вскорѣ самъ онъ пораженъ былъ жесточайшею проказою съ головы до ногъ. Тѣло его гнивало и распространяло смрадъ. Въ этой заразной болѣзни онъ не могъ оставаться дома и вдали отъ него, вмѣсто царскаго престола, сидѣлъ на гноищѣ, покрытый струпами, вмѣсто драгоценныхъ камней, какими прежде былъ украшаемъ. Не только чужіе бросили и презрѣли его, даже жена потеряла къ нему со-

страданіе, а друзья своими обличеніями толъко отягчили его страданія. Тотъ, кто былъ царемъ, сталъ послѣднимъ нищимъ и предметомъ всеобщихъ глумленій.

Для чего было попущено такому праведному и благочестивому мужу, какъ Іовъ, подвергнуться столь великимъ бѣдствіямъ? Для того, чтобы дать ему возможность засвидѣтельствовать, что онъ любитъ Бога и служитъ Ему искренно, безкорыстно, и тѣмъ посрамить діавола, который обвинялъ предъ Богомъ Іова, будто онъ чтитъ Бога за однѣ Его милости, за виѣшнія блага, ему дарованныя отъ Бога въ обилии, и перестанетъ чтить Его, когда этихъ благъ у него не станетъ. Праведный Іовъ своимъ поведеніемъ при постигшихъ его бѣдствіяхъ дѣйствительно посрамилъ діавола. Пораженный ими по волѣ Божіей, онъ продолжалъ чтить Бога, какъ прежде. Быстрый переходъ отъ благополучія къ злополучію не только не покаялся въ немъ вѣрности къ Господу, но вызвалъ изъ устъ его благословіе: *буди имя Господне благословенно во вѣки*, и когда жена его совѣтовала ему отречься отъ Бога и наложить на себя руку для прекращенія страданій, онъ съ упрекомъ отвѣчалъ ей: «вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглагонала еси? Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ» (Іов. 2, 9. 10). Правда, Іовъ спустя нѣсколько времени отъ нестерпимыхъ мукъ проклялъ день своего рожденія, но все же ни разу не похулилъ Господа, не дерзнулъ прекратить своихъ страданій самоубійствомъ и даже выразилъ надежду на то, что если не въ этой жизни Господь помилуетъ его, то въ будущей воскреситъ его для блаженства (19, 25. 26).

Такъ Іовъ велъ себя во время посланныхъ на него тяжелыхъ испытаній, показавъ намъ примѣръ безкорыстной преданности Господу. Вопросы себя, христіанинъ, слѣдуешь ли ты, или готовъ ли слѣдовать этому примѣру. Можешь ли своимъ поведеніемъ доказать, что чтешь и любишь Господа Бога отъ всего сердца,—не за то только, что Онъ осыпаетъ тебя земными благами, но за то, что

Онъ самъ по себѣ, какъ верховное благо, достоинъ всякой любви и почтенія? Если ты чтѣшь и любишь Господа, какъ только твоего благодѣтеля, то твоя любовь и преданность Ему не есть чистая, а корыстная и потому не прочная. Она можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, покуда продолжаютъ Его благодѣянія, и съ прекращеніемъ ихъ неминуемо должна изсякнуть. Не доводи себя, душа христіанская, до этой опасности, и для сего поревнуй стяжать любовь ко Господу чистую, возлюби Его такъ, чтобы ни благопріятныя, ни неблагопріятныя обстоятельства жизни не могли отвлечь тебя отъ любви къ Нему. Для кого Господь есть верховное благо, кто по этому дорожитъ общеніемъ съ Господомъ больше всего на свѣтѣ, тотъ легко найдетъ въ Немъ себѣ утѣшеніе, когда лишится всѣхъ земныхъ благъ. Съ лишеніемъ ихъ онъ еще не все теряетъ,—онъ не теряетъ главнаго блага, заключающагося въ общеніи съ Богомъ. Это благо при немъ остается, и никто отнять его у него не можетъ. Земныя блага по самой природѣ своей тлѣнны и скоропреходящи, а Господь Богъ, въ общеніи съ которымъ полагается главное благо, вѣченъ и неизмѣненъ. И вотъ почему любовь къ Господу, какъ единому истинному благу, такъ наполняетъ сердце любящаго, что въ немъ не остается мѣста пристрастія къ временнымъ благамъ. Если же нѣтъ пристрастія къ нимъ, то не жалко и разстаться съ ними. Любишь ли ты, христіанинъ, Господа такъ, чтобы любовь къ Нему занимала въ твоемъ сердцѣ главное мѣсто, не была ослабляема и заглушаема любовію къ міру и его благамъ? Не кланяешься ли ты идоламъ страстей—любостыжанія, сластолюбія и гордости, и на служеніе имъ не теряешь ли столько времени, что тебѣ некогда служить Богу, упражняться въ богомысли, въ молитвѣ, въ чтеніи слова Божія, вообще въ дѣлахъ благочестія и добродѣтели? Сердце твое вмѣсто того, чтобы принадлежать единому Богу, не отдано ли міру, не занято ли одними житейскими дѣлами и интересами? Если такъ, то когда придутъ на тебя,

христіанинъ, напасти, и ты лишишься всего, въ чемъ полагалъ счастье жизни, къ чему прилѣплялся всѣмъ сердцемъ, тебѣ предстоитъ два исхода: или ты совсѣмъ потеряешься, впадешь въ отчаяніе, предашься пьянству и близокъ будешь къ опасности самоубійства, потому что съ утратою того, что привязывало тебя къ жизни, жизнь для тебя потеряетъ всякое значеніе. Или напротивъ можетъ случиться, что въ душѣ твоей произойдетъ спасительный переворотъ. Утрата земныхъ благъ для многихъ служитъ началомъ обращенія къ Богу. Они убѣждаются въ ихъ суетности, начинаютъ обвинять себя въ томъ, какъ это они могли ослѣпиться пристрастіемъ къ нимъ. Они горько раскаиваются въ своемъ ослѣпленіи и начинаютъ искать утѣшенія въ Богѣ, котораго дотолѣ забывали. И если милосердый Господь обрѣтается неищущимъ Его, является невопрошающимъ Его (Иса. 61, 1), можетъ ли Онъ отказать въ своемъ милосердіи тѣмъ, которые бѣдствіями земной жизни приведены къ тому, что сами взыскали Его, восчувствовали нужду въ Его благодатной помощи? Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его. Онъ готовъ поступить съ ними, какъ поступилъ съ блуднымъ сыномъ отецъ, когда тотъ послѣ долгаго скитанія вдали отъ дома отческаго возвратился къ нему. Хорошо, если и съ тобою, душа христіанская, произойдетъ подобный спасительный переломъ, если бѣдствія и скорби отрезвятъ тебя. Но что если они только озлобятъ тебя? Бойся подобнаго исхода, и для сего не давай овладѣть собою пристрастію къ земнымъ благамъ. Только сердце свободное отъ пристрастія къ нимъ, легко съ ними разстанется и еще съ большею силою прилѣпится ко Господу.)

Иова на мнози слышавши, о душе моя, оправдавагося, того мужеству не поревновала еси, твердога не имѣла еси предложенія (духа) во вѣсѣхъ, яже разумѣла еси (узнала), яже вѣси (видѣла) и имже искусилася еси (что испытала), но явилася еси нетерплива.

Иовъ оправданный и возстановленный въ прежнемъ со-

стояніи служить примѣромъ награжденнаго Богомъ упованія на Него и терпѣнія, къ утѣшенію подобныхъ неповинныхъ страдальцевъ. Іовъ оправдался прежде всего противъ обвиненія на него діавола, будто онъ чтитъ Бога не даромъ, а за Его обильные земные дары. Іовъ посрамилъ діавола, ибо продолжалъ чтить Бога и тогда, когда лишень былъ земнаго благосостоянія и впалъ въ тяжкія бѣдствія. Іовъ потомъ оправданъ былъ самимъ Богомъ предъ его друзьями. Они, разсуждая съ нимъ о причинѣ страданій, утверждали, что Богъ посылаетъ ихъ только на нечестивыхъ, а благочестивымъ всегда даетъ благоденствіе, что слѣдственно всякій страдалецъ есть грѣшникъ караемый Богомъ. Такимъ образомъ если и Іовъ пораженъ тяжкими бѣдствіями, вѣрно за нимъ есть тяжкія вины, неизвѣстныя людямъ, но вѣдомыя Богу. Іовъ съ силою возсталъ противъ этихъ сужденій. Онъ утверждалъ, что не знаетъ за собою вины, что вся жизнь его посвящена была подвигамъ благочестія и добродѣтели, и что вообще несправедливо изъ страданій человѣка заключать о его преступленіяхъ. Распредѣленіе земныхъ благъ зависитъ единственно отъ воли Божіей, дѣйствующей по своимъ не всегда извѣстнымъ причинамъ, и отнюдь не имѣетъ необходимой связи съ нравственными качествами людей, ибо по свидѣтельству опыта нечестивые часто всю жизнь проводятъ благополучно, тогда какъ жизнь истинныхъ чтиелей Бога есть непрерывный рядъ бѣдствій. Въ словахъ Іова не заслуживало одобренія только то, что онъ слишкомъ настойчиво защищалъ свою невинность и произносилъ самыя горькія жалобы на жребій смертныхъ. Этого не одобрилъ и самъ Господь, когда явился предъ Іовомъ и спорившими съ нимъ друзьями, чтобы рѣшить ихъ споръ; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ разсужденія Іова были справедливы, и самая горечь его жалобъ на свою участь смягчается тѣмъ, что онъ не терялъ упованія на Бога. Онъ увѣренъ, былъ что у него «есть Заступникъ на небесахъ,— и къ Нему слезить око его» (Іов. 16, 19. 20) съ надеж-

дою получить отъ Него утѣшеніе если не въ здѣшней, то въ будущей жизни (19, 25). И надежда Іова на Господа оказалась не тщетною. Господь вступился за него, сказавъ друзьямъ Іова: «горитъ гнѣвъ мой на тебя (Елифаза Феманитянина) и на двухъ друзей за то, что вы говорили о мнѣ не такъ вѣрно, какъ рабъ мой Іовъ» (Іов. 42, 7). Друзья Іова, по повелѣнію Божію, должны были смиренно попросить Іова, чтобы онъ принесъ за нихъ Господу умиловительную жертву и испросилъ имъ у Господа прощеніе тѣхъ несправедливостей, какія они допустили въ отношеніи къ Іову, подозрѣвая его въ тяжкихъ преступленіяхъ и возставая противъ его разсужденій о путяхъ Промысла Божія. Только по молитвѣ Іова друзья его пощажены были Господомъ, а самъ Іовъ не только оправданъ Богомъ, но и возвращено было ему прежнее благостояніе, — здоровье, многочадіе, честь и богатство.

Въ лицѣ ветхозавѣтнаго праведника, явившаго примѣръ преданности и упованія на Господа и на гноищи оправдавшагося, заключается обличеніе и вразумленіе для тебя, душа христіанская. Онъ явилъ мужество въ страданіяхъ и своимъ мужествомъ и терпѣніемъ посрамилъ діавола. Но ты поревновала ли его мужеству, — бѣды и напасти, не возбуждаютъ ли въ тебѣ только малодушіе, уныніе, досаду на Бога, хотя онѣ посылаются для твоего блага, для воспитанія въ тебѣ смиренія, для удержанія тебя отъ грѣховъ, для испытанія твоей вѣрности Господу? Іовъ среди самыхъ жалобъ на свою горькую участь, старался сохранить присутствіе духа и ободрить себя упованіемъ на Бога и сознаніемъ своей правоты. Размысли, душа христіанская, походишь ли въ этомъ отношеніи на Іова? Вотъ ты видишь въ мірѣ торжество зла надъ добромъ, силы надъ безсиліемъ, неправды надъ правдою и невинностію, и если не видишь, по крайней мѣрѣ слышишь обо всемъ этомъ, все это *вѣси и разумѣши*. Какъ ты зришь на эти возмутительныя явленія? Сохраняешь ли «твердое предположеніе», твердый духъ, взирая на нихъ? Успокоиваешь ли

себя при этомъ мыслію, что какъ ни возмутительны эти явленія, они не выходятъ изъ круга промышленія Божія, что они попускаются Господомъ по мудрымъ и благимъ, хотя не всегда извѣстнымъ для насъ намѣреніямъ? Утѣшаешь ли себя упованіемъ, что зло можетъ имѣть только временный успѣхъ, что торжество останется наконецъ на сторонѣ добра если не въ этой, то въ будущей жизни? Очень жаль тебя, если торжество зла надъ добромъ, видимое тобою внѣ тебя, колеблетъ въ тебѣ упованіе на промышленіе Божіе; ибо что же будетъ, если сама надъ собою испытаешь это торжество? Если, со стороны смотря на возмутительныя проявленія зла, ты теряешь самообладаніе и благодушіе, то не явишься ли совсѣмъ нетерпѣливою, когда будешь не зрительницею только чужихъ неповинныхъ страданій, а сама будешь искушена ими? Одна мысль, что это можетъ случиться съ тобою, что тобою можетъ овладѣть уныніе и отчаяніе въ этомъ случаѣ, должна устрашать тебя, потому что уныніе и отчаяніе — смертный грѣхъ. Но что если ты не избѣгла этой опасности, если ты дѣйствительно явилась нетерпѣливою? Въ этомъ случаѣ посѣвши признать свою вину, посѣвши раскаяться въ ней. Самъ Іовъ повинился Господу въ горячности своихъ жалобъ на участь свою (Іов. 42, 6), хотя по суду своей совѣсти признавалъ себя не заслуживающимъ страданій. Но таково ли твое нравст. состояніе, грѣшникъ, чтобы ты по совѣсти могъ сказать Господу: я ни въ чемъ неповиненъ предъ Тобою и терплю напрасно? Если совѣсть не позволяетъ тебѣ этого сказать, тебѣ остается только смириться предъ Господомъ, тяжкими испытаніями очищающимъ тебя отъ грѣховныхъ сквернъ, и съ благодарностію принять эти испытанія. Въ этомъ заключается лучшее врачество противъ духа нетерпѣнія и средство къ обученію себя въ терпѣніи, въ благодушіи и перенесеніи всего, чѣмъ искусилася еси, грѣшная душа.

Аще праведенъ бѣше онъ и непороченъ паче всѣхъ и не убѣже ловленія (навѣтовъ) и съти мстиваго (оболстителя): ты же, грѣхобива сущи, окаянная душе, что сотвориши, аще чему отъ недовѣдомыхъ случится на-ти тебѣ (если что нибудь неожиданное постигнетъ тебя)?

Іовъ, какъ извѣстно, несмотря на жестокость и множество бѣдствій, какія по поущенію Божию навелъ на па него діаволь, нѣ отступилъ отъ Бога, устоялъ противъ искушенія измѣнить Ему. Тѣмъ не менѣ неожиданность этихъ бѣдствій смутила Іова и вызвала изъ его устъ горькія жалобы на постигшую его участь. Онъ зналъ и заявлялъ передъ друзьями, что по непостижимымъ судьбамъ Божиимъ страдаютъ перѣдко невинные и непорочные, къ числу которыхъ и себя относилъ. Эта-то непостижимость была причиною, что онъ, хотя сохранилъ вѣрность Господу и упованіе на Него, вывела его душу изъ того спокойнаго настроенія, съ какимъ онъ, въ духѣ преданности волѣ Господа, отнесся къ совѣту жены покончить съ собою самоубійствомъ. Намъ изъ книги Іова стало извѣстно, почему этотъ праведный и непорочный паче всѣхъ мужъ преданъ былъ Богомъ во власть діавола; и самъ Іовъ по окончаніи своихъ бѣдствій, разрѣшившихся великою наградю ему отъ Господа, узналъ то, что сокрыто было отъ него въ началѣ и продолженія этихъ бѣдствій,—узналъ, что въ тяжкихъ испытаніяхъ ему данъ былъ случай засвидѣтельствовать безкорыстіе и искренность благочестія и преданности Богу. Но пока онъ этого не зналъ еще, пока сокрыта была отъ него эта тайна, естественно, она тяжелымъ гнетомъ ложилась на его душу, и вотъ онъ прокликаетъ день своего рожденія, нетерпѣливо вопрошаетъ Бога: «за чѣмъ ты вывелъ меня изъ чрева? пусть бы я умеръ, когда еще ничей глазъ не видѣлъ меня» (— 10, 18),—и дерзаетъ говорить о Богѣ: «Онъ губить и непорочнаго, и виновнаго. Если этого поражаетъ Онъ бичемъ вдругъ, то пытка невиннаго посмѣвается. Земля отдана въ руки нечестивыхъ; лица судей ея (чтобы не видѣли прав-

ды) Онъ закрываетъ (— 9, 22—24). Такимъ образомъ въ душѣ Іова происходила борьба между преданностію Богу и нетерпѣливостію. Правда, эта нетерпѣливость не переходила въ отчаяніе,—она высказывалась съ цѣлю облегчить жалобами душу свою и обыкновенно разрѣшалась въ немъ смиренною мольбою облегчить его страданія (10, 20. 21) и, выраженіемъ упованія на помилованіе; но все же душевное смущеніе Іова было неправильнымъ состояніемъ. Діаволу не удалось поколебать вѣрность его Богу; но это смущеніе свидѣтельствовало, что Іовъ не совсѣмъ избѣжалъ навѣтовъ и сѣтей обольстителя, былъ близокъ къ опасности запутаться въ этихъ сѣтяхъ. Вѣрою и упованіемъ на Господа Іовъ расторгъ ихъ. Ты же, грѣхобивая душа, что сотворишь, если что нибудь неожиданное постигнетъ тебя,—неожиданная болѣзнь, неожиданное лишеніе имущества, почестей, неожиданная утрата близкихъ людей? Если Іова смутили подобныя неожиданности, ты не растеряешься ли отъ нихъ совершенно? Достанетъ ли у тебя настолько вѣры и упованія, чтобы въ нихъ обрѣсть себѣ утѣшеніе и опору среди нашедшихъ на тебя золь, чтобы отразить козни діавола, всегда готоваго чрезъ нихъ смутить тебя, навести тебя на грѣхъ малодушія, унынія, ропота на Бога и отчаянія? Достанетъ ли у тебя настолько любви къ Господу, чтобы ты могла безъ сожалѣнія разстаться съ земными благами? Нѣтъ ли напротивъ въ тебѣ пристрастія къ нимъ, не овладѣло ли оно тобою до такой степени, что утрата ихъ покажется для тебя вознаграждимою? Бойся этого пристрастія и потщись возлюбить Господа, какъ любилъ Его Іовъ, и у него научись искусству терпѣть и отъ Господа ожидать утѣшенія въ напастяхъ.

Прот. В. Нечаевъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

XLVI.

*Смирениемъ мы посрамляемъ діавола и гонимъ отъ себя
и отъ другихъ прочь.*

(Изъ слова о смиреніи, егоже боялся бѣси. Прол. ноябр. 18, л. 314).

Такъ какъ діаволь, по гордости, вышелъ изъ послушанія волѣ Божіей и за гордость же былъ низверженъ съ неба, то ясно, что этотъ грѣхъ есть самый противный Богу, какъ свойственный Его и нашему врагу. Изъ сего же слѣдуетъ заключить, что если діаволу особенно любезна гордость, то конечно особенно невыносимо смиреніе. Да, бр., смиренія не терпитъ діаволь, и обладающіе этою добродѣтелию посрамляютъ его и далеко гонятъ и отъ себя и отъ другихъ прочь.

Нѣкоторый вельможа, жившій въ Египтѣ, имѣлъ дочь, въ которую вошелъ лютый бѣсъ и страшно мучилъ ее. Бѣдный отецъ, не зная что предпринять, обратился за совѣтомъ къ одному изъ любимыхъ имъ монаховъ, и тотъ предложилъ ему слѣдующее. «Дочь твою, сказалъ онъ, не знаю кто можетъ исцѣлить кромѣ однихъ, извѣстныхъ мнѣ, отшельниковъ. Но едва ли только они возьмутся за это дѣло; ибо паче всего не терпятъ славы мірской. Впрочемъ я совѣтую тебѣ вотъ что: когда они придутъ на торгъ продать рукодѣлье, ты его купи у нихъ, а деньги отдай не иначе какъ въ домѣ. Войдя къ тебѣ, они конечно сотворятъ молитву, и я увѣренъ, что тогда же бѣсъ оставитъ твою дочь». Какъ инокъ сказалъ,

такъ отецъ и поступилъ. Встрѣтивъ на торгу одного изъ учениковъ преподобнаго Макарія, продававшаго корзины, вельможа купилъ ихъ у него, а за деньгами попросилъ войти къ себѣ въ домъ. Инокъ согласился, и едва только вошелъ къ вельможѣ, какъ бѣсноватая бросилась на него и ударила въ щеку. Святый нисколько не смутился и, по заповѣди, обратилъ другую. Тогда демонъ вскричалъ: «О горе! Смиреніе его гонить меня». И тутъ же вышелъ.

Видя отсюда, сколь страшный бичъ для діавола есть смиреніе, и держитесь его, братіе. Черезъ сіе вы избѣжите и всѣхъ стрѣлъ вражійхъ, на всѣхъ насъ льстивно движимыхъ, и Богу угодите. Аминь.

XLVII.

Истинное счастье не на землѣ, а на небѣ.

(Память преподобнаго отца нашего Іоасафа пустынника, сына Авенира, царя Индійскаго. Прол. ноябр. 19, л. 315—317).

Въ томъ, что есть загробная жизнь, можно убѣдиться изъ того, что ничто земное не можетъ удовлетворить насъ и что ни одинъ человѣкъ здѣсь не можетъ сказать про себя, что онъ вполне счастливъ. Въ самомъ дѣлѣ возьмите себѣ все богатство, всю честь и славу міра,—вы все таки не останетесь довольны и все будете думать о какомъ-то большемъ и невѣдомомъ счастьи. Но есть ли это счастье? Очевидно есть; ибо иначе и не было бы вложено въ насъ глубокаго и постояннаго желанія его. Но гдѣ же оно? Какъ видите, на землѣ нѣтъ,—такъ значитъ оно на небѣ у Бога. Да, бр., еслибы мы чаще вникали въ ничтожество всего земнаго и вмѣстѣ въ желанія нашего безсмертнаго духа, мы скоро убѣдились бы, что есть загробная жизнь и что въ ней одной мы можемъ найти для себя истинное счастье и покой.

Когда у Индійскаго царя (въ то время гонителя христіанъ) Авенира родился сынъ Іоасафъ, то онъ, созвавъ

мудрецовъ, сталъ спрашивать о судьбѣ своего сына. Старѣйшій изъ нихъ далъ такое мнѣніе. «Сынъ твой», сказалъ онъ, «наслѣдуетъ не твое царство, но нѣкоторое лучшее. И думаю, что онъ приметъ христіанскую вѣру». Авениръ опечалился, и желая предотвратить предсказанное, велѣлъ устроить новый прекрасный домъ, и въ немъ опредѣлилъ жить своему сыну безвыходно. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приставилъ къ своему сыну нѣсколько пѣстуновъ и строго наказалъ имъ, чтобы они, когда сынъ его станетъ что-нибудь понимать, отнюдь не говорили бы ему ни о смерти, ни о старости, ни о болѣзни, ни о нищетѣ, но говорили бы только радостное и веселое, для того чтобы онъ вовсе не зналъ печали. Прошло нѣсколько лѣтъ, Іоасафъ подросъ, и однажды ближайшему изъ своихъ пѣстуновъ сказалъ: «ты мнѣ будешь отселѣ истиннымъ другомъ; только скажи истинно, ради чего отецъ держитъ меня въ сей палатѣ безвыходно?» Тотъ подробно рассказалъ ему. Увидавъ скорѣ послѣ сего отца, Іоасафъ сказалъ: «знай, отецъ, что я нахожусь въ великой скорби и печали ради того, что ты не выпускаешь меня изъ дома». Авениръ сжалился и позволилъ выѣзжать ему, но приставленнымъ къ нему лицамъ снова подтвердилъ, чтобы сынъ его отнюдь не видалъ ни стариковъ, ни нищихъ, ни глухихъ, ни слѣпыхъ, но чтобы всѣ эти и подобныя имъ люди непремѣнно были прогоняемы отъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ бы вздумалъ ѣздить его сынъ. Повелѣніе исполнялось до времени; но однажды, когда Іоасафъ увидѣлъ, что окружавшіе его гнали прокаженного и слѣпаго, то съ удивленіемъ спросилъ: что это за люди? Ему отвѣчали, что это несчастные, которыхъ постигла болѣзнь. Іоасафъ опечалился и грустный поѣхалъ домой. На пути ему еще пришлось встрѣтить старца хромага и сѣдаго, мрачнаго лицомъ и беззубаго. Это кто? спросилъ Іоасафъ. Это, сказали ему, человѣкъ престарѣлый,—онъ постепенно изнемогаетъ и ждетъ смерти. «О, горькая жизнь сія, воскликнулъ тогда царевичъ,—горькая и всякой печали

исполненная!»! Послѣ сего не покидала Іоасафа великая скорбь,—и онъ спрашивалъ себя: гдѣ же истинное счастье? Этотъ вопросъ однако, къ его утѣшенію, вскорѣ былъ разрѣшенъ для него. Посланный къ нему, по особенному откровенію, Преподобный Варлаамъ доказалъ, что истинное счастье не на землѣ, а на небѣ, и Іоасафъ убѣдился въ этомъ. Убѣдившись же, онъ уже всецѣло посвятилъ себя Богу и, крестивши свой народъ, ушелъ къ Варлааму въ пустыню; провелъ въ ней тридцать пять лѣтъ въ постѣ, молитвѣ и слезахъ и затѣмъ мирно почилъ о Господѣ.

Не ясно ли, братія, изъ сего повѣствованія, что человекъ не можетъ быть вполне счастливымъ на землѣ? Да, Іоасафъ когда ничего еще не слышалъ о скорби земной, и тогда уже былъ, какъ говорилъ отцу своему, въ скорби и печали великой; а когда увидалъ на самомъ дѣлѣ скорбь людскую, то уже съ воплемъ воскликнулъ: «О горькая и всякой печали исполненная сія жизнь!» Если глубже вникнемъ и мы въ эту жизнь, то съ Іоасафомъ скажемъ о ней тоже, что и онъ. А если такъ, то ни о чемъ мы на землѣ не должны столько заботиться какъ только о душѣ безсмертной, обогащать себя тѣмъ, что пойдетъ съ нами въ вѣчность, т.-е. дѣлами добрыми, и наче всего помнить, что тотъ ужасный врагъ самому себѣ, кто нисколько не заботится о приготовленіи себя къ жизни будущей. Аминь.

Свящ. Викторъ Гурьевъ.

НАСТАВЛЕНІЕ МОСК. МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА ДУХОВ- НЫМЪ УВѢЩАТЕЛЯМЪ.

Дѣло имѣеть не беззатруднительный видъ. Съ одной стороны начальство не имѣеть причины къ сомнѣнію въ благонамѣренности наименованныхъ *) увѣщателей; съ другой не можетъ быть оставлено безъ заботы показаніе о ихъ неисправности. Привести дѣло въ ясность нѣтъ удобства потому, что въ отношеніи частнаго пристава къ благочинному не показано, кто, когда и сколько разъ не являлся по требованію, и одинъ изъ (*троихъ*) увѣщателей не безъ вѣроятности изъясняетъ дѣло недоразумѣніемъ, происшедшимъ отъ неисправности посылаемаго съ прилашеніемъ словеснымъ, не подлежащимъ такой повѣркѣ, какъ письменное. Начальственную по сему дѣлу заботу увеличиваетъ дошедшее до меня кромѣ сего свѣдѣніе, что нѣкоторые увѣщатели не довольно исправно являются по требованіямъ, не довольно внимательно увѣщаваютъ, и даже иногда, не поспѣвъ къ увѣщанію, подписываются увѣщавшими, для соблюденія одной наружной формы дѣла. Посему учинить слѣдующее:

1) Увѣщателямъ, о которыхъ идетъ настоящее дѣло; поставить въ обязанность не только быть исправными, но и оградить исправность свою доказательствами, въ чемъ и благочинный надлежащимъ сношеніемъ съ частнымъ приставомъ долженъ имъ споспѣшествовать. Къ сему могло бы послужить заведеніе въ частномъ домѣ пригласительной тетради, въ которой бы записывалось имя приглашаемаго увѣщателя и время приглашенія, которую бы приносилъ посланный священнику, и въ которой священникъ отмѣчалъ бы время, когда получилъ приглашеніе, и когда можетъ явиться, безъ нарушенія необходимыхъ священническихъ обязанностей.

---

*) Въ рапортѣ благочиннаго.

2) Всѣмъ увѣщателямъ въ наставленіе и предостереженіе предписать слѣдующее:

а) Увѣщаніе священническое при слѣдствіи или судѣ есть дѣйствіе важное по существу и послѣдствіямъ въ отношеніи гражданскомъ, нравственномъ и религіозномъ. Разсудительный и усердный увѣщатель, доводя виновнаго до признанія, облегчаетъ дѣйствіе правосудія, очищаетъ душу виновнаго и располагаетъ къ исправленію, охраняетъ прикосновенныхъ къ дѣлу невинныхъ *). Въ такомъ дѣйствованіи много можетъ быть заслуги, много утѣшенія, много награды.

б) Напротивъ того, увѣщатель небрежный, и по небрежности не доводящій виновнаго до признанія, мѣшаетъ дѣйствію правосудія, помогаетъ виновному закоснѣвать во грѣхѣ, подвергаетъ опасности невинныхъ пострадать вмѣсто хитраго виновнаго. Особенно, если въ слѣдствіе небрежности, или совершеннаго опущенія увѣщанія дана будетъ лживая присяга, и сдѣлано противъ присяги безсовѣстное показаніе: часть вины въ семъ тяжкомъ преступленіи падетъ на совѣсть недостойнаго увѣщателя.

в) Священнику, не дѣлавшему увѣщанія, подписаться увѣщававшимъ, было бы дѣло не только недостойное священнической совѣсти, но и для всякаго неблагородное и низкое, и наказанія по закону достойное.

г) Приемля сіе въ разсужденіе увѣщатели должны проходить сіе служеніе со всякимъ вниманіемъ, благоразсужденіемъ, вѣрностію и усердіемъ, стараясь быть дѣятельными споспѣшествователями пресѣченію зла и неправды и успѣхамъ добра и правды, въ особенности же на случай увѣщанія людей хитрыхъ и упорныхъ совѣщаться съ опытнѣйшими, и призывать помощь свыше.

3) Благочиннымъ по возможности надзирать за исправностію увѣщателей и о неисправныхъ доносить, для принятія надлежащихъ мѣръ.

Ноября 30-го 1843.

Сообщилъ А. Г—рій.

---

*) „Прикосновенностію къ дѣлу называется участіе въ виновности по дѣлу или нѣкоторое подозрѣніе въ томъ“. — Изъ резолюціи митр. Филарета отъ 20 ноября 1843 г.

ПИСЬМА МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1. *Къ Евгенію, архіепископу ярославскому и ростовскому.*

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ! Вслѣдствіе отношенія в. п — ва отъ 13 сентября 1848 года, № 259, о сообщеніи свѣдѣній о московскомъ обычаѣ, по вопросу, возбужденному угличскимъ соборнымъ священникомъ, должны ли въ соборной церкви соборные священники уступать мѣсто членамъ консисторіи, духовнаго правленія и благочиннымъ, отвѣтствую, что московскій обычай есть—охотнѣе уступать старшинство, нежели домогаться его и затруднять тѣмъ начальство. При семъ присовокупляю и свое мнѣніе, полагая, что членъ консисторіи или духовнаго правленія, который можетъ судить соборнаго священника и подписать ему указъ, не безъ приличія займетъ старшее предъ нимъ мѣсто въ собраніи, также и благочинный, которому соборный священникъ подвѣдомъ. Но могутъ быть справедливыя изыятія. Напримѣръ молодой членъ консисторіи хорошо сдѣлаетъ, если предоставитъ старшинство заслуженному соборн. священнику. И если послушаніе есть обязанность: то разсужденіе и рѣшеніе епархіальнаго преосвященнаго въ такихъ случаяхъ должно быть выше всякаго прекословія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. 27 января 1849 г.

---

2. *Московского императорскаго почтамта почтъ - директору Александру Яковлевицу Б—ву.*

Ваше превосходительство, милостивый государь! Въ моемъ уединеніи получивъ приглашеніе в. п—ва, возобновилъ я мою подписку на построеніе церкви въ К...ѣ и подписанную сумму при семъ препровождаю, съ желаніемъ продолженія успѣха, довольно уже достигнутаго.

Если непринятіе подписки безъ имени разсчитываетъ на тщеславіе, не позволяющее съ именемъ подписать такъ мало, какъ подписали бы безъ имени: то не было ли бы достойно предмета, и, между прочимъ, для Москвы, разсчитывать на чистое христіанское расположеніе, которое не позволяется шуицѣ вѣдать, что творить десница? Мы часто получаемъ для церквей значительныя приношенія, и на вопросъ, отъ кого, получаемъ отвѣтъ: отъ желающаго быть неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ и въ книгу иной безъ имени и подписалъ бы не мало, а съ именемъ подпишетъ меньше, или ничего не подпишетъ.

Прося не прогнѣваться на сіе размышленіе, и призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть в. п — ва покорнѣйшій слуга Филаретъ митрополитъ московскій. Лавра. Іюня 9, 1847 года.

3. Къ г. дѣйств. ст. сов. Александру Ивановичу Красовскому.

Ваше превосходительство, милостивый государь! По волѣ его свѣтлости, намѣстника въ царствѣ Польскомъ, генераль-фельдмаршала князя Ивана Ѳедоровича Варшавскаго *), прспровожденный ко мнѣ экземпляръ изданной въ Варшавѣ въ нынѣшнемъ году *Исторіи первобытной христіанской церкви у Славянъ*, мною отъ в. п — ва полученъ. Книга примѣчательная по отношенію къ восточной церкви и къ исторіи Славенскихъ племень. Утѣшительно видѣть, что его свѣтлость, при правительственныхъ занятяхъ, находитъ время обращать вниманіе и покровительство на такіе предметы. Прошу васъ, милост. гос., быть предъ его свѣтлостію свидѣтелемъ признательнѣйшей благодарности, что онъ и меня въ семъ случаѣ вспомнить изволилъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр. Ноября 19, 1840 г.

Сообщилъ А. Г—рій.

---

*) Графа Паскевича-Эриванскаго.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, при письмѣ къ намѣстнику лавры Троице-Сергіевой, архимандриту Антонію, прислала на положенную ею въ Санктпетербургскую сохранную казну, въ вѣчное обращеніе сумму, для употребленія процентовъ на разные благотворительные предметы, 5 билетовъ: 1-й въ 28,575 рублей на пропитаніе страннымъ и бѣднымъ, пользующимся трапезою въ обители преп. Сергія; 2-й въ 10,000 руб. на поминовеніе каждодневно во всѣхъ лаврскихъ 10-ти церквахъ во время литургіи, съ отправленіемъ по Пасхѣ въ первый понедѣльникъ соборной паннихиды о упокоеніи означенныхъ на семь билетѣ лицъ; 3-й въ 10,000 р. на содержаніе 12-ти неугасимыхъ свѣтильниковъ въ лаврѣ и 3-хъ свѣтильниковъ при неусыпаемой псалтири въ соборномъ храмѣ Успенія Божіей Матери; 4-й въ 28,575 р. на домъ призрѣнія и 5-й въ 20,000 р. на содержаніе Успенскаго храма и тѣхъ изъ братіи, которые читать будутъ псалтирь съ поминовсіемъ преставльшихся родныхъ и присныхъ благотворительницы; а всѣ билеты на 97,050 р. сер. На докладѣ о томъ учрежденнаго при лаврѣ собора владыка 12 февраля, 1846 г. написалъ: «Богъ благословитъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ душу рабы свося боярыни графини Анны; да приметъ жертву благотворенія ея въ пренебесный свой жертвенникъ, да воздастъ ей своею благодатію и щедротами во времени и въ вѣчности, и душамъ присныхъ ея да благосотворитъ, даруя и умножая имъ отраду, покой и свѣтъ. Не сомнѣваюсь, что соборъ и братія возлюбятъ душу благотворительницы, и ея завѣщаніе исполнять будутъ сколько съ вѣрнымъ послушаніемъ, столько же и съ свободнымъ усердіемъ. Представленіе собора о совершеніи въ день ея тезоименитства (іюля 25) ежегодно соборной литургіи и молебнаго о здравіи ея пѣнія и о прочемъ съ удовольствіемъ утверждаю».

Въ завѣщаніи графини Орловой - Чесменской (сконч. 5 окт. 1848 г.) назначено въ 340 монастырей по 5000 руб. сер. на каждый, въ Юрьевъ монастырь 300,000 р. сер. и въ Соловецкій 10,000; въ 48 кафедральныхъ соборовъ по 3000 р. въ каждый, и въ 49 духовныхъ попечительствъ по 6000 р. сер. въ каждое. На указѣ о томъ св. Синода написалъ владыка (18 янв. 1849 г.): «Консисторіи дать знать попечительству о касающемся до него. Господь да даруетъ благочестивой благотворительницѣ вмѣсто временныхъ вѣчяя, вмѣсто тлѣнныхъ нетлѣнная».

1837 г., іюня 30. «При посѣщеніи Покровскаго собора усмотрѣно мною во внутренности онаго не мало разнаго рода ветхостей, требующихъ дѣятельнаго попеченія, для приведенія сего храма въ желаемое благоустройство. Принявъ въ разсужденіе, что со времени опредѣленія церковныхъ старость къ Архангельскому собору, распоряженіе сіе приноситъ ожидаемую отъ него пользу, можно надѣяться, что опредѣленіе благопопечительнаго церковнаго старосты принесетъ пользу и Покровскому собору. Но таковаго не удобно ему приобрѣсть, по неимѣнію прихода. Между тѣмъ храмъ сей достоинъ общественнаго попеченія какъ потому, что есть памятникъ царскаго благочестія и Божія благословенія; увѣнчавшаго успѣхомъ царственное предпріятіе *), такъ и потому, что есть мѣсто покоя святыхъ мощей Богопріятнаго молитвенника за сей царствующій градъ блаженнаго Василия **). По всѣмъ симъ обстоятельствамъ консисторіи предлагаю отнестись въ домъ градскаго общества, не признано ли будетъ возможнымъ, по примѣру Архангельскаго собора, и къ Покровскому, что на Рву, собору благонадежнаго церковнаго старосту отъ общества избрать, да будетъ сія жертва общественнаго усердія къ Богу и святымъ Его въ благословеніе Христолюбивымъ гражданамъ сего Богоспасаемаго царствующаго града» ***).

*) Построенъ въ 1554 году, въ возблагодареніе Божіей Матери за взятіе Казани, въ самый день сего праздника, царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.

***) Христа ради юродиваго, современника Грозному.

****) Избранъ купецъ Адрианъ Ив. Озерскій.

1843 г., янв. 24. «Консисторіи въ предосторожность предписать благочиннымъ монастырей и благочиннымъ градскихъ церквей, дабы, если гдѣ предпріемлемо будетъ въ церквахъ возобновленіе, благовременно и предварительно обращали вниманіе на то, чтобы какая-либо значительная древность не была измѣнена или уничтожена, а въ случаѣ покушенія на сіе и также въ случаяхъ сомнительныхъ, немедленно доносили».

Серпуховскій градскій глава, 1-й гильдіи купецъ Андрей Петровъ Солодовниковъ, въ прошеніи своемъ прописаль, что въ принадлежащей серпуховскому Высотскому монастырю часовнѣ, отстоящей отъ онаго около $\frac{1}{2}$ версты по тульскому тракту, находится Иверская икона Божіей Матери. Во время свирѣпствованія въ 1848 г. эпидемической болѣзни—холеры, икона сія, съ разрѣшенія духовнаго и гражданскаго начальства, по усердію гражданъ, была съ крестнымъ ходомъ носима вокругъ Серпухова, отчего холера значительно утихла, наконецъ прекратилась. Граждане, признавая благодатное дѣйствіе отъ Иверской иконы, желаютъ украсить ее серебро-позолоченною ризою и вѣнцемъ, убраннымъ камнями на что пожертвовано ими до 6000 р. асс., да отъ себя онъ, Солодовниковъ, жертвуетъ еще 5000 р. асс., почему и просилъ разрѣшенія употребить означенную сумму на сей предметъ, и икону въ драгоцѣнной ризѣ поставить въ соборѣ Высотскаго монастыря въ приличномъ мѣстѣ, а въ часовнѣ снимокъ съ нея, на который можетъ быть перенесена имѣющаяся на настоящей иконѣ риза апплике, и проч. Резолюція 20 декабря, 1848 года: <1) Богъ благословить благочестивое усердіе, и да будетъ благодатный покровъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы надъ усердствующими. Разрѣшается предполагаемое для иконы украшеніе устроить, и съ онимъ поставить оную въ церкви Высотскаго монастыря, а въ часовнѣ вмѣсто ея поставить списокъ. 2) перенесеніе иконы въ Москву для устроенія оклада признается мало удобнымъ, и совѣтуется лучше вызвать художника, который бы на мѣстѣ снялъ рисунокъ потребный для устроенія оклада. Только въ случаѣ крайней необходимости можно допустить перенесеніе иконы въ Москву, при охраненіи іеромонаха, съ тщательнѣй-

шимъ соблюденіемъ благоговѣнія, приличія и осторожности. 3) Духовное правленіе объявить сіе рѣшеніе вкладчикамъ и настоятелю (*архим. Мельхиседеку*), а въ консисторію съ сего прошенія и резолюціи представить списокъ».

Тит. сов. Владиміръ Андреевъ Егоровъ до 9-тилѣтняго возраста назывался Георгіемъ, а переименованъ потомъ Владиміромъ по одному только произволу родителей. Онъ просилъ однакожь духовное начальство признать за нимъ это имя, значущееся во всѣхъ духовныхъ (напр. въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ) и гражданскихъ документахъ, начиная съ 9-ти лѣтняго его возраста, и о томъ выдать ему свидѣтельство на установленной гербовой бумагѣ. Консисторія находила возможнымъ исполнить просьбу, но владыка, 2 іюня, 1849 г., положилъ слѣдующую резолюцію: «1) имя Георгія, давное въ молитвѣ по рожденіи, употребленное при таинствѣ св. крещенія, записанное въ метричѣ, наипаче по уваженію къ таинству, надлежитъ, по духовному вѣдомству, признать твердымъ и предпочтительнымъ предъ другимъ именемъ—Владиміра, которое послѣ уже девятилѣтняго возраста взято безъ основанія, по одному произволу. 2) За симъ оставить ли въ употребленіи сіе послѣднее имя по гражданскому вѣдомству, предоставить разсмотрѣнію гражданского начальства. 3) Съ прописаніемъ сего и дознаннаго по дѣлу выдать свидѣтельство».

1838 г., окт. 30. «1) Бракъ сей не можетъ быть отнесенъ къ числу чужеименныхъ, въ которыхъ ложно принятое имя отнимаетъ возможность употребить узаконенное дознаніе о безпрепятственности джеименнаго лица къ браку. Дѣвица Александра хочетъ вѣнчаться не подъ чужимъ именемъ, а подъ своимъ собственнымъ, и не подъ какимъ-либо вновь принятымъ званіемъ, но въ томъ званіи, въ которомъ она донинѣ была признаваема. Посему мнѣніе консисторіи утверждено быть не можетъ. 2) Согласно съ мнѣніемъ преосвященнаго (*Виталія*) бракъ дозволить нынѣ же, если женихъ (*камеръ-юнкеръ*) объявитъ, что производящееся (*въ 7-мъ департаментъ прав. сената*) дѣло о происхожденіи невѣсты, не измѣняетъ сго

намѣренія сочетаться съ сею невѣстою и сохранять святость брачнаго союза, какое бы ни послѣдовало рѣшеніе по оному дѣлу. 3) Поелику невѣста донинѣ всегда признаваема была княжною; поелику княжною названа она въ метрическомъ свидѣтельствѣ и въ актѣ, по Высочайшей волѣ данномъ жениху отъ министра Двора; и поелику достоинство княжны не отчуждено отъ нея никакимъ судебнымъ опредѣленіемъ: то и при совершеніи брака не можно лишить ее наименованія княжною».

Св. Синодъ, не находя никакихъ препятствій, чтобы королевско-французская экспедиція для изысканія древностей на сѣверѣ допущена была къ снятію рисунковъ съ внутренностей московскихъ соборовъ и нѣкоторыхъ достопамятныхъ церквей, предоставилъ (отъ 31 янв., 1840 г.) его высокопреосвященству сдѣлать по сему предмету зависящее распоряженіе съ его стороны. Резолюція 9 февраля: «преосвященный (*Виталій*) распорядитъ допущеніе, съ тѣмъ, чтобы то было подъ наблюденіемъ сакелларіевъ или другаго мѣстнаго духовенства, не во время богослуженія и съ предосторожностію противъ народнаго любопытства и толковъ».

Сообщилъ А. Г—рій.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1879 Г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Стр.

1. Толкованіе посланія святаго Апостола Павла къ Колоссаемъ.....	3—27	129—153 249—272
2. Слова Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Симеона Новаго Богослова.....	28—45	154—169 361—387
3. Изъ воспоминаній объ акад. чтеніяхъ проф. К—го..		45 — 59
4. Бесѣда съ старообрядцами.....		58 — 76
5. Новопреставленный Иннокентій митрополитъ московскій.....		77 — 84
6. Упрекъ Давида и совѣтъ Іудая.....		85 — 99
7. Враги общественнаго порядка.....		99 —108
8. Поученія по руководству Пролога.....	108—118	239—241 459—462
9. Замѣчанія московск. митрополита Филарета на нѣкоторыя рукописи.....		119—123
10. Резолюціи и письма моск. митр. Филарета.	123—128	243—249 465—471
11. Очерки исторіи восточной Церкви со времени взятія Константинополя Турками до настоящаго времени. Гл. I.		166—169
12. Слово митропол. Макарія при вступленіи на моск. кафедру.....		202—205
13. Рѣчь его же къ миссіонерскому обществу.....		206—208
14. Первосвященническая молитва Іисусова.....		209—214
15. Духъ владычній.....		215—218
16. Въ память Омскаго городскаго головы.....		219 —229
17. Уроки покаянія, заимствованные изъ библейскихъ повѣствованій въ великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго.....	243—249	449—458
18. Донесеніе св. Синоду моск. митрополита Филарета		245—244
19. Духъ истинны.....		273—276
20. Ревность Ілиі.....		276—274
21. Провлечіе Іоама.....		285—300
22. Состояніе богослуженія въ родѣ человѣческомъ предъ пришествіемъ Господа нашего Іисуса Христа.....		301—356
23. Дѣйствіе молитвы.....		356—360
24. Прогулка на Преображенскомъ кладбищѣ.....		388 —434
25. Разказы о Саввинѣ Сторожевскомъ монастырѣ....		433—449
26. Наставленіе митроп. Филарета духовнымъ увѣщателямъ.....		463—464